

Хрестоматия по идеологии национал-социализма.

Часть I. Идеиные предтечи духа национал-социализма.

Жозеф Артур Гобино. Опыт о неравенстве человеческих рас. Книга I.

ГЛАВА IV. О том, как понимать слово «вырождение»; о смешении этнических принципов и о том, как формируется и распадается общество.

ГЛАВА XII. Каким образом расы разделились в физиологическом отношении, и какие разновидности они затем создали через посредство смешения. Неравенство рас в смысле силы и красоты.

Хьюстон Стюарт Чемберлен. Арийское мирозерцание.

Хьюстон Стюарт Чемберлен. Славогерманцы.

Приложение:

Николай Мальчевский. История и метаистория (о книге Х.С. Чемберлена "Основания 19-века").

Часть II. Первая эпоха идеологии национал-социализма.

1. Рождение идеологии национал-социализма.

Готфрид Федер. Манифест к сломлению процентной кабалы.

Готфрид Федер. Программа НСДАП.

Меллер ван ден Брук. Третий рейх.

Приложение:

С.Г. Аленнов. Русофильство немецких консерваторов начала XX века.

Фридрих Август фон Хайек. Социалистические корни национал-социализма.

2. Идеология национал-социализма глазами его лидеров.

Адольф Гитлер. Майн Кампф. Часть Вторая. Глава 2. Государство.

Альфред Розенберг. Миф XX века. Книга 3. Грядущая Империя. Часть 3. Народ и государство. 4.

3. Философия национал-социализма.

3.1. О расе.

Г. Ф. Гюнтер. Краткая расология Европы.

Г.Ф. Гюнтер. Нордическая раса как идеальный тип.

Людвиг Фердинанд Клаус. Расовое воплощение, расселение и мировое господство.

Эсэсовец и вопрос крови.

Приложение:

Ален де Бенуа. Что такое расизм?

Богдан Заднепровский. Расизм в Новейшей истории.

3.2. Государство и народ.

Альфред Боймлер. Сущность власти.

Альфред Клемт. Народ и государство.

4. Не в Германии.

Иван Александрович Ильин. Национал-социализм. Новый дух.

Корнелиу Кодряну. Моим легионерам.
Юлиус Эвола. Интервью с главой «Железной гвардии».

5. На руинах рейха.

Адольф Гитлер. Политическое завещание.
Приложение:
Ален де Бенуа. Загадка Гитлера.

Часть III. После войны. Критика и оценки.

Дж. Моссе. Нацизм и культура. Введение.
Армин Мелер. Фашистский стиль.
Умберто Эко. Вечный фашизм.
Леон Дегрель. Эпопея: история Ваффен СС.
Леонид Люкс. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены?
Александр Север. Предисловие к книге О. Штрассера «Гитлер и я».
Роджер Гриффин. Отрицание марксистами и либералами революционных регалий фашизма.
Ален де Бенуа. Второй лик социализма.

Часть IV. Современные попытки переосмысления исторического опыта идей национал-социализма.

Николай Мальчевский. Каждому свое.
Пьер Кребс. Знание соединяет – Воля побеждает!
Юрген Ригер. Германия и Россия – взгляд немецкого националиста.
Андрей Борцов. Социализм без ярлыков. Избранное. Социализм.
Гарольд Ковингтон. Наш социализм.
Богдан Заднепровский. Национальная сущность социализма.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Каким бы зловещим не представлялся в СМИ и литературе нынешнему и прошлому поколениям национал-социализм, он не перестает привлекать к себе внимания миллионов людей. Бесконечная, целенаправленная критика этого феномена переполнена цитатами деятелей национал-социализма. Всевозможные интеллектуальные школы и исследователи проводили самый глубокий, скрупулезный и разноплановый анализ этого явления. Написаны сотни тысяч работ и статей, по которым мы до сих пор судили и судим о национал-социализме, его деятельности. По большей части эта идея предана остракизму и подлежит беспощадной неприязни со стороны «всего прогрессивного человечества», на литературное наследие национал-социализма наложено табу даже законодательством. Но ведь те, кто так живописно описал нам его как ужасное явление истории и мысли, судя по цитатам в их трудах, обращались к источникам и самым подробнейшим образом изучали их содержание. Почему же остальным людям не узнать, что же такого там думали и представляли себе национал-социалисты? Чем же их идеи так захватывали массы и не только массы, но вполне образованные круги той далекой эпохи? Старая эпоха ушла безвозвратно. Современность же бросила новые вызовы обществу, на сегодня нет четких решений ни по одной социальной проблеме, ни по одной идее. Почему бы нам простым гражданам, не попробовать разобраться, в чем смысл идей национального социализма, сопоставить их с другими идеологиями прошлого и настоящего. Или это можно делать только тем, кто ненавидит и критикует национал-социализм? Чем они лучше остальных? Остальные тоже имеют право на объективную и доступную информацию. Пусть сами решают, что хорошо, а что плохо, это дело личной свободы совести. Иначе чем же критики лучше средневековой инквизиции и догматов церкви, которые всех инакомыслящих чтили еретиками, и лишь за собой оставляли монополию на мысль о Боге, на его учение, на самого Бога. Во имя священного чувства – любви к Господу преследовались, истязались и сжигались миллионы людей, десятки кровавейших религиозных войн лихорадили и разрушали европейскую цивилизацию. Поэтому сегодня нельзя повторять ошибки прошлого – во имя милосердия и гуманизма к человеку скрывать от него правду, какой бы пугающей она не казалась. А правда в том, что идеи правят миром. Поэтому их содержание необходимо знать, чтобы не быть винтиком, пешкой в истории, чтобы кто-то за нас решал, что нам хорошо, а что плохо без нашего участия и согласия. Исходя из этого и была составлена хрестоматия по одной из ветвей раскидистого древа политической мысли – по национал-социализму.

Подобного рода хрестоматии по национал-социализму не в новинку. Вспомнить хотя бы критический обзор Дж. Моссе «Нацизм и культура» или «Философию вождизма» под ред. В.Б. Авдеева. В данной хрестоматии собраны и представлены материалы по большей части уже опубликованные печатными издательствами на русском языке, в том числе и некоторые статьи из указанных выше трудов, и материалы широко распространенные в сети Интернет. Задача данной хрестоматии показать национал-социалистическую идею в наиболее «чистом виде», стараясь избежать насколько это возможно наиболее тенденциозных аспектов, всяческих пропагандистских наслоений, буржуазных предрассудков превосходства, антисемитизма, с которыми связаны претензии и критика к этой идеологии в связи с историческими событиями, их противоречиями, ошибками, непримиримой борьбой. К тому же был включен ряд важных критических статей весьма известных современных авторов, что полностью оправдывает хрестоматию в отсутствие идейной предвзятости. Ни в коем случае не было мысли популяризировать национал-социализм. Только просвещение, так как невежество и предвзятость в идейных вопросах способны исказить любые идеи, что не раз доказывала история. Извращенный образ, проповедь ненависти и запретов, нивелирование опыта истории могут привести человечество в совершенно непредсказуемом виде и ситуации к повторению старых ошибок, в том числе и тех, что яростно критикуются.

Данная хрестоматия, поэтому не преследует цели что-то внушить читателю, призвать его к принятию национал-социалистических идей в качестве жизненных ориентиров. Она предоставляет объективную информацию, которая поможет лучше разобраться в перипетиях истории, в борьбе идей, в проблемах современности. Позволит читателям самим решать и делать выводы.

Книга предназначена для широкого круга читателей, студентов, преподавателей гуманитарных вузов и специальностей.

Рудольф Норманн

Часть I. Идеиные предтечи духа национал-социализма.

Жозеф Артур Гобино ОПЫТ О НЕРАВЕНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РАС Книга 1.

ГЛАВА IV. О том, как понимать слово «вырождение»; о смешении этнических принципов и о том, как формируется и распадается общество

Если читатель правильно понял все вышесказанное, он не сделает вывод, что автор не придает никакого значения болезням социального организма и что плохое правление, фанатизм, безверие представляют в его глазах ничего не значащие факторы. Конечно же, у моих мыслей совсем другое направление. Я, как и все, признаю, что нет ничего хорошего, когда общество страдает от этих недугов, и что все заботы, все труды и усилия, предпринимаемые для того, чтобы избавиться от них, не пропадают даром; я просто утверждаю, что если эти дезорганизующие элементы не вызваны более сильным разрушительным принципом, если они не являются следствием скрытого и более страшного зла, можно быть уверенным, что их удары не будут смертельны, что после более или менее продолжительного периода страданий общество выйдет из него, возможно, обновленным и более сильным.

Приведенные примеры мне кажутся достаточными, хотя их число можно приумножить до бесконечности; именно по этой причине здравый смысл инстинктивно чувствовал истину. Он понял, что по большому счету не стоит придавать незначительным явлениям первостепенного значения, что следует в другом месте и более тщательно искать причины жизни и смерти, управляющие судьбой народов. Поэтому, независимо от обстоятельств благополучия или недуга, ученые начали рассматривать конституцию общества саму по себе и склонны допустить, что никакая внешняя причина не является смертоносной до тех пор, пока разрушительный принцип, рожденный в недрах общества, неотделимый от общества, не приобретает достаточных масштабов; и, напротив, как только этот разрушительный фактор проявляется в полной мере, гибель народа предreshена, даже если у него самое лучшее правление на земле. Это напоминает истощенную лошадь, падающую на ровной дороге.

Приняв такую точку зрения, мы делаем шаг вперед и выходим на почву, более философскую, чем раньше. Действительно, Биша не надеялся открыть большую тайну общечеловеческого существования; изучая внешние обстоятельства, он искал ответы в самой сути человека. Только таким путем можно сделать открытие. К сожалению, эта здравая мысль была результатом работы инстинкта и не продвинулась в своем логическом развитии, поэтому потерпела поражение при первых же трудностях. Исследователи вскричали: «Да, в самом деле, причина распада социального организма находится в нем самом, но в чем заключается эта причина?» В ответ они услышали: «Вырождение». Нации умирают, если они состоят из вырождающихся элементов. Ответ был точным - и этимологически, и во всех отношениях; надо было лишь определить, как понимать термин «выродившаяся нация». И вот здесь лежит камень преткновения: «выродившимся народом» назвали народ, который утратил исходные добродетели отцов-основателей в результате дурного правления, злоупотребления своими богатствами, фанатизма или атеизма. Как же все это знакомо до скуки! Получается, что нация гибнет под ударами социальных болезней, потому что она выродилась, и она выродилась, потому что погибает. Этот «круговой» аргумент доказывает лишь, что наша наука социальной анатомии находится в детском возрасте. Я склонен думать, что народы гибнут потому, что они выродились, а не по иной причине; они делаются окончательно неспособными пережить внешние удары, удары злосчастной судьбы, не могут подняться на ноги и корчатся в агонии. Если они умирают, то лишь потому, что не обладают перед лицом

опасности той силой, которая отличала их предков, одним словом, они выродились окончательно. Повторяю, это очень удачное выражение, но оно нуждается в пояснении и осмыслении. Как и почему теряются жизненная сила? Вот вопрос, который следует задать. Как происходит вырождение? Вот что надо объяснить. До сих пор ограничивались терминологией, не вникая в смысл. И ниже я попытаюсь сделать следующий шаг.

Итак, я считаю, что слово «вырождение» применительно к народу должно означать и означает, что этот народ уже не имеет тех качеств, которые имел прежде, т. к. в его жилах течет другая кровь. Скажем по-другому: сохранив прежнее имя, он не сохранил расу, к которой принадлежали его основатели; наконец, человек упадка, называемый «выродившимся» человеком, есть продукт, отличающийся с этнической точки зрения от героев великих эпох. Хорошо, если бы она оставила себе хоть часть своей сущности, однако чем больше он вырождается, тем быстрее эта сущность исчезает. В нем уже преобладают гетерогенные элементы, они-то и составляют совершенно новую национальность, причем новую в худшем смысле; он уже не принадлежит к тем, кого все еще считает предками — разве что отдаленно напоминает их. Он вымрет окончательно, а вместе с ним и его цивилизация. Это произойдет, когда первородный этнический элемент окажется настолько разбавленным примесью чужих рас, что виртуальность этого элемента уже не имеет существенного значения. Разумеется, нация не исчезнет в физическом или абсолютном смысле, но практически ослабнет до такой степени, что вырождение можно считать завершенным со всеми его признаками.

Если мне удастся доказать эту теорему, значит, я вскрыл суть вырождения и объяснил смысл этого слова. Показывая постепенное изменение сущности нации, я в какой-то мере размышляю ответственность за упадок: она уже лежит не на сыновьях, а на племянниках, затем на кузенах, затем на более дальних родственниках, и когда окажется, что в момент своей гибели тот или иной народ несет в своих жилах очень малую часть крови отцов-основателей, будет достаточно понятно, почему гибнут цивилизации, переходя из рук в руки. Одновременно я затрагиваю еще более дерзкий предмет, нежели тот, что рассматривался в предыдущих главах, а именно: существуют ли между человеческими расами действительно серьезные различия «врожденного» характера и можно ли их определить качественно?

Чтобы не терять времени, начну с рассуждений, касающихся первого пункта, а второй прояснится по мере их изложения.

Моя мысль станет более понятной, если я сравню нацию, любую нацию, с человеческим организмом. Физиологи считают, что он постоянно обновляется во всех своих составных частях, что в нем происходит нескончаемая трансформация и что по прошествии определенного времени он содержит в себе малую толику того, что исходно составляло его основу: в старике почти ни-чего не остается от человека средних лет, в последнем мало остается от подростка, а в подростке — от ребенка; таким образом, материальная индивидуальность поддерживается только внутренними и внешними формами, которые видоизменяются, уступая место другим, мало похожим на прежние. Единственная разница между человеческим организмом и нацией, на мой взгляд, заключается в том, что в последней формы уничтожают друг друга и исчезают с невероятной быстротой. Возьмем народ, или, лучше сказать, племя, в тот момент, когда оно, поддавшись инстинкту жизнестойкости, придумывает себе законы и начинает играть какую-то роль в этом мире. При этом по мере роста его потребностей и его сил оно вступает в неизбежный контакт с другими семействами, и ему удается присоединить их к себе силой или мирными средствами.

Не всем общинам доводится подняться до такого уровня, перейдя который племя в один прекрасный день становится нацией. Если некоторые расы, даже не очень высоко стоящие на лестнице цивилизации, тем не менее перешагнули этот порог, нельзя считать это общим правилом; напротив, мне кажется, человеческой общине трудно возвыситься над уровнем частичной организации, и лишь особо одаренным группам удается переход в

более сложное состояние. В доказательство напомним нынешнее состояние многих таких групп, разбросанных по всему миру. Крупные племена, особенно негры-пеласги Полинезии, самоеды и другие Представители северного полушария, а также большая часть африканских негров так и не смогли выйти из состояния бессилия и живут как бы наложенные друг на друга и полностью независимые от остального мира. Самые сильные истребляют слабых, а те стараются как можно дальше «отодвинуться» от сильных — этим ограничивается вся политика таких эмбрионов общества, которые с момента появления человека на земле пребывают в столь удручающем состоянии, так и не найдя ничего лучшего за свою долгую историю. Мне могут возразить, что эти несчастные составляют меньшую часть населения земли; это правда, но не стоит забывать других, им подобных, которые когда-то существовали и исчезли. Число их неизмеримо и наверняка составляет подавляющее большинство чистых рас среди желтых и черных народов.

Если же допустить, что для очень большого числа людей оказался невозможен первый шаг к цивилизации, если учесть, что такие народности рассеяны по всей земле, во всех географических и климатических зонах — на землях, покрытых льдом и снегом, в умеренных и жарких районах, на берегу морей, озер и рек, в глуши лесов, на зеленых равнинах или в пустынях, — придется сделать вывод, что какая-то часть человечества изначально лишена способности к самоцивилизации даже в самой малой мере, поскольку неспособна подавить в себе естественное отвращение, которое человек, точно так же, как и животные, испытывает к «скрещиванию».

Однако оставим в покое эти несоциабельные племена и продолжим подниматься по лестнице истории с теми, которые понимают, что если они хотят увеличить свою жизненную силу и благосостояние, тогда абсолютно необходимо либо военными, либо мирными средствами, вовлечь соседей в свою сферу обитания. Конечно, самый простой способ — война. Итак, начинается война, но когда она закончится, когда разрушительные страсти утихнут, останутся пленники, они становятся рабами, рабы работают, и вот появляются классы, развивается промышленность, и племя переходит в категорию народности. Это уже более высокий уровень, но не все общности, достигшие его, поднимаются выше — многие ограничиваются этим и закосневают на этой ступени.

Однако другие, более предприимчивые и энергичные, смотрят дальше и идут дальше простого мародерства: они захватывают большую территорию и делают своей собственностью не только жителей, но и их земли. С этого момента формируется настоящая нация. Часто в течение какого-то времени обе расы — победители и побежденные — продолжают жить бок о бок, не смещиваясь, однако по мере того, как они становятся все более нужны друг другу, как устанавливается общность трудов и интересов, как обиды забываются, а побежденные естественным образом начинают подниматься к уровню победителей, последние находят множество причин снисходительно относиться к этой тенденции и даже поощрять ее: вот тогда и происходит смешение крови, и представители двух рас уже перестают принадлежать к различным племенам, все больше соединяясь в одно целое.

При всем этом инстинкт изоляции настолько укоренен в человеке, что даже на этом этапе скрещивания имеет место сопротивление дальнейшему процессу. Есть народы, чье смешанное происхождение достоверно известно и которые, тем не менее, сохраняют клановый дух. Например, арабы, которые не только вышли из ветвей семитской группы — они одновременно принадлежат к двум семействам — Сима и Хама, — не говоря уже о бесчисленных родственниках переплетениях местного масштаба. Несмотря на различные истоки, их приверженность к племенной изоляции является одной из самых поразительных особенностей их национального характера и политической истории; их изгнание из Испании можно объяснить не только их географической раздробленностью на этом полуострове, но и более глубокой раздробленностью — соперничеством семейств внутри маленьких монархий Валенсии, Толедо, Кордовы и Гренады¹). Это замечание можно отнести к большинству народов, прибавив, что там, где стерлись племенные

различия, их место занимает инстинкт самоизоляции по национальному признаку, который настолько силен, что подавить его не в силах даже религиозная общность. Это имеет место у арабов и турков, у персов и евреев, у приверженцев парсизма и индусов, у сирийских несторианцев и курдов; этот инстинкт проявляется и у европейских турков, следы его можно встретить в Венгрии, у мадьяр, саксов, валахов, хорватов, и я утверждаю, что в некоторых районах Франции, стране, где расы перемешаны более, чем где бы то ни было, существуют деревни, жители которых и сегодня не хотят родниться с соседними селениями.

Я считаю себя вправе заключить, исходя из этих примеров, охватывающих все страны и эпохи, даже нашу страну и наше время, что человечество во всех своих ответвлениях испытывает тайную неприязнь к смешению, что у некоторых народов это чувство неискоренимо, а у других мало выражено; что даже те, кто окончательно освободились от этого инстинкта, сохраняют в себе его следы — и вот эти последние народности могут ступить на тропу цивилизации.

Таким образом, род человеческий подчиняется двум законам — отторжению и притяжению, — которые в разной мере воздействуют на все расы, причем первый закон соблюдают только те расы, которым никогда не дано подняться выше элементарного объединения на уровне племени, между тем как второй действует с такой силой, что соблюдающие его этнические группы более способны к прогрессу.

Но здесь необходимо сделать уточнение. Я привел пример народа в эмбриональном или семейственном состоянии, я дал ему способности, чтобы он мог перейти в состояние нации, и вот он сделался нацией; история скрывает во тьме прошлого составные элементы исходной группы, и мне известно только то, что эти элементы обеспечили его трансформацию, о которой я рассказал; теперь перед ним две возможности, две судьбы, и обе они предопределены — он будет либо победителем, либо побежденным.

Я сделал его победителем, наделил его блестящей судьбой: он властвует над соседями и одновременно цивилизует их; он не сеет смерть и разрушение там, где проходит; он уважает чужие памятники, институты, нравы, обычаи; изменяет он лишь то, что ему кажется полезным изменить, что можно заменить чем-то более совершенным; в его руках слабость превращается в силу, и действует он так, как сказано в Писании: «И возвысится он над людьми».

Не знаю, приходила ли читателю такая мысль, но в нарисованной мною картине, которая может относиться к индусам, египтянам, персам, македонцам, мне кажутся главными два момента. Первый: некая нация, не обладающая ни силой, ни могуществом, неожиданно попадает под пяту завоевателя и оказывается перед лицом новой лучшей судьбы — так случилось с саксами 2) в Англии, когда их завоевали норманны 3). Второй: некий избранный и сильный народ, наделенный явной предрасположенностью к смешению с другой кровью, вступает в близкие отношения с расой, отсталость которой подтверждается не только ее поражением, но и отсутствием качеств, имеющих у победителей. И вот с того времени, когда совершилось завоевание и началось слияние, следует датировать начало изменений в составе крови победителей. Если обновление на этом и закончится, то по прошествии определенного периода, продолжительность которого зависит от первоначальной численности вступивших в соприкосновение народов, сформируется новая раса, конечно, не такая могущественная, как лучший из ее предков, однако все еще сильная и обладающая особыми качествами, обусловленными смешением и неизвестными обоим исходным группам. Но обычно объединение не ограничивается участием только двух рас.

Я представил себе могущественную империю, оказывающую влияние на соседей. Я предполагаю, что она предпримет новые завоевания, следовательно, всякий раз к общему кровотоку будет добавляться новая кровь.

Отныне, по мере увеличения нации — за счет оружия или договоров, — все больше изменяется ее этнический характер. Она становится богатой, предприимчивой,

цивилизованной; потребности и привычки других народов находят полное удовлетворение в ее столицах, больших городах и портах, и к ней стекаются тысячи и тысячи чужеземцев. Проходит немного времени, и на смену первоначальному различию по национальному признаку приходят кастовые различия.

Разумеется, в соответствии с моим планом, народ, о котором идет речь, выражает свои идеи изоляции официальными религиозными установлениями, и нарушителей ждет суровое наказание. Итак, этот народ цивилизованный, у него мягкие и снисходительные нравы даже в отношении веры, его оракулы красноречивы и убедительны, но все равно появляются «внекастовые» особи, поэтому каждый день необходимо создавать новые различия, придумывать новые классификации, множить социальные категории так, что невозможно уже разобраться в нагромождении всех подразделений, варьирующихся до бесконечности от провинции к провинции, от кантона к кантону, от деревни к деревне. Именно так происходило в странах Индии. Там, пожалуй, только брахманы проявляли стойкость в изоляционистских идеях, а сами народы, кстати, цивилизованные благодаря брахманам, не приняли или, по крайней мере, давно отвергнули скрывающиеся предписания. Во всех государствах, имеющих развитую интеллектуальную культуру, почти не обращали внимания на те отчаянные попытки, которые были предприняты законодателями Арьяварты из желания примирить предписания закона Ману с упрямой логикой реальности. Касты, которые существовали, исчезли в тот момент, когда все люди, без различия в происхождении, усвоили науку пробиваться наверх и получать известность благодаря полезным открытиям или талантам. Но одновременно с этого дня нация, бывшая когда-то победительницей и активной цивилизующей силой, стала исчезать: ее кровь смешалась со всеми стекающимися к ней ручейками.

Кроме того, часто случается, что численность доминирующего народа начинает уменьшаться по сравнению с побежденными, а, с другой стороны, некоторые расы, служащие фундаментом для населения обширных территорий, быстро размножаются — например кельты и славяне. Вот еще одна причина, почему быстро исчезают господствующие расы. Другая заключается в том, что их высокая активность и большая роль в государственных делах чаще делают их представителей жертвами войн и мятежей. Таким образом, если, с одной стороны, они объединяют вокруг себя, благодаря своей цивилизаторской функции, другие элементы, чтобы поглотить их, то они становятся жертвами своей малочисленности и еще тысяч прочих разрушительных обстоятельств.

Очевидно, что исчезновение расы-победительницы в разных регионах происходит разными темпами. Тем не менее, этот процесс всюду идет до конца, и везде он завершается задолго до того, как исчезает цивилизация, рожденная этой расой; иными словами, народ может жить, существовать, функционировать, даже становиться сильнее уже после того, как исчезла движущая сила его жизни и славы. Возможно, здесь есть противоречие с тем, что сказано выше? Нисколько, потому что если влияние цивилизующей крови ослабляется, то остается энергия, когда-то вложенная в покоренные или присоединенные народы: так, институты, которые создал покойный цивилизатор, законы, которые он сформулировал, модель нравов, которые он оставил, живут и после его смерти. Конечно, нравы, законы, институты видоизменяются, искажаются, теряют свою силу и актуальность, но пока хоть что-то от них остается, здание стоит, в теле живет душа, труп еще двигается. Когда первоначальный импульс делает последний вздох, все заканчивается, ничего не остается, цивилизация умирает.

Теперь, как мне кажется, я имею все необходимое, чтобы решить вопрос жизни и смерти наций, и заявляю, что ни один народ никогда бы не умер, если бы состоял из одних и тех же национальных элементов. Если бы империя Дария могла выставить в битве при Арбелле персов, истинных ариев, если бы римляне Нижней Империи имели сенат и милицию, составленные из этнических элементов, похожих на те, что существовали во времена Фабиев, их владычество не закончилось бы, и сохрани персы и римляне целостность крови, они бы жили и царили еще долго. Мне могут возразить, что, в конце

концов, и к ним бы пришли более сильные завоеватели или они все равно бы рухнули под разными ударами, в результате продолжительного давления или просто от случайно проигранной битвы. Действительно, государства могут исчезать таким путем, но только не цивилизации, не социальный организм. Нашествия и поражения — это всего лишь досадные, но временные затруднения. Примеров тому предостаточно.

В современную эпоху китайцев завоевывали дважды, и они всегда вынуждали завоевателей ассимилироваться с ними, они внушали им уважение к своим нравам, они многое им дали и почти ничего от них не взяли. Первых захватчиков они прогнали, и придет время — так же поступят со вторыми.

Англичане — хозяева Индии, однако их нравственное влияние на подданных равно почти нулю. Различными путями они сами подвержены влиянию местной цивилизации и не могут внедрить свои идеи в умы масс, которые боятся их и покоряются им только физически, сохраняя свой образ жизни во всей целостности. Дело в том, что индусская раса осталась чужой той расе, которая там сегодня властвует, и ее цивилизация не поддается закону силы. Внешние формы, королевства, империи могут изменяться, но основа, на которой стоят такие сооружения, может меняться только вместе с ними, и пусть Хайдарабад, Лахор и Дели перестанут быть столицами — индусское общество этого даже не заметит. Придет день, когда, тем или иным образом, Индия начнет жить снова по своим законам, как она делает это и сейчас, только скрытно, и благодаря нынешней расе или метисам восстановит свою политическую сущность.

Случайные завоевания не решают судьбу народа и его жизнь. Самое большее — они могут привести к тому, что на какое-то время народ перестает проявлять себя и теряет внешние атрибуты. Пока кровь народа и его институты еще сохраняют в достаточной степени следы изначальной расы, этот народ не умрет; пусть он, как китайцы, имеет дело с завоевателями, которые превосходят его только в материальном плане, или, как индусы, ведет молчаливую и терпеливую борьбу против нации, превосходящей его во всех отношениях (англичане), его будущее служит ему утешением — когда-нибудь он будет свободен. И, напротив, тот народ, который, как греки или римляне Нижней Империи, совершенно исчерпал свой этнический принцип, умрет в первый день своего поражения: он использовал время, данное ему свыше, т. к. полностью изменил свою расу, свою природу и, следовательно, выродился.

Исходя из этих рассуждений, следует считать решенным вопрос о том, что было бы, если бы карфагеняне не потерпели поражение от удачливого Рима, а стали бы хозяевами Италии. Поскольку они принадлежат к финикийской расе, уступающей в политических качествах легионерам Сципиона, иной исход битвы при Заме никак не отразился бы на их судьбе. Они могли восторжествовать на один день, а на следующий все равно проиграли бы; или другой вариант: в результате своей победы они могли бы влиться в итальянский элемент (этнос), как это и случилось после их поражения, но окончательный результат был бы тем же самым. Судьба цивилизаций не имеет ничего общего со случайностью и не зависит от расклада карт; меч убивает только людей, и самые воинственные, самые опасные и удачливые нации, когда у них в сердце, в голове и в руках нет ничего, кроме бравады, стратегического искусства и военного везения, нет иного высшего инстинкта, в лучшем случае заканчивают тем, что учатся у побежденных, причем учатся плохо, как надо жить в мирной обстановке. В анналах кельтов, кочевых орд из Азии, есть много интересного и поучительного на сей счет.

Мы определили смысл слова «вырождение» и с его помощью рассмотрели вопрос жизнестойкости народов, теперь надо доказать то, что для ясности обсуждения я должен был заявить априори: есть существенные различия между человеческими расами. Последствия этого доказательства будут иметь огромное значение. Но прежде чем мы приступим к этому, следует выстроить всю совокупность фактов и рассуждений, способных выдержать столь большое здание. Решение первого вопроса было лишь преддверием храма.

Примечания

1. Такое стремление арабских наций к этнической изоляции иногда проявляется весьма странным образом; один путешественник рассказывает, что в Джидде, где нравы очень свободные, бедуинка, которая может согласиться на все, что угодно, ради денег, будет чувствовать себя опозоренной, если сочетается законным браком с турком или европейцем, которым она обычно отдается с чувством презрения.

2. Саксы - группа германских племен, населявших территории на севере Германии, к востоку от Рейна и к западу от нижнего течения Эльбы. Объединились в III-IV вв. в племенной союз. В середине V в. часть саксов переправилась в Британию и образовала несколько королевств. Саксы, оставшиеся в Германии, располагались на границах с Франкским государством и после длительной борьбы были покорены Карлом Великим (772-804). После распада Каролингской империи на территориях, населенных саксами, образовалось Саксонское герцогство.

3. Норманы, Норманны - (от сканд. northman - северный человек) - термин, принятый в Европе по отношению к скандинавским народам (датчанам, шведам, норвежцам), совершавшим с середины VIII в. пиратские набеги на побережье Европы и предпринимавшим вдоль рек рейды в глубь материка. В Скандинавии норманнов называли викингами (воинами), в Британии они были известны как «дань», а на Руси получили наименование «варяги». В результате набегов захватили значительную часть Британии и Ирландии, создали Сицилийское королевство (Италия) и герцогство Нормандское (Франция), заселили острова в Северной Атлантике, основали поселения в Северной Америке и сыграли значительную роль в формировании русской государственности. Период экспансии скандинавов вошел в историю как «эпоха викингов».

ГЛАВА XII. Каким образом расы разделились в физиологическом отношении, и какие разновидности они затем создали через посредство смешения. Неравенство рас в смысле силы и красоты

Следует окончательно разобраться с вопросом космогонического влияния, поскольку в данной книге я буду пользоваться связанными с ним аргументами. Начнем с первого сомнения, которое пора рассеять: каким образом люди, живущие в одном месте по причине общего происхождения, могли подвергаться совершенно различным физическим воздействиям? Допустим, когда начали проявляться различия между расами, их общины были достаточно многочисленны, чтобы распространяться в места с иным климатом, но как случилось, что, преодолевая огромные трудности, например, непроходимые леса и болота, песчаные пустыни или снежные равнины, реки, озера и моря, они могли совершать путешествия, которые вряд ли по плечу цивилизованному человеку со всей его мощью? Чтобы ответить на подобные вопросы, рассмотрим, какими могли быть первые стоянки наших далеких предков.

Еще в далеком прошлом многие ученые, а позже такие серьезные исследователи, как Жорж Кювье, пришли к выводу, что для некоторых рас отправной точкой должны были служить горные системы. Так, белые люди, а также некоторые африканские племена, имевшие близкое нам телосложение, очевидно жили первоначально на Кавказе. Желтая раса скорее всего спустилась со снежных отрогов Алтая. В свою очередь, негры, относящиеся к прогнатическому типу, строили первые хижины на южных склонах Атласских гор, оттуда они и мигрировали; таким образом, в стародавние времена наиболее обжитыми были именно такие труднодоступные районы, где в таинственной тьме встречались бурные реки, пещеры, вечные снега, непроходимые ущелья, зато самое страшное и неизвестное для наших праотцов таилось на открытых равнинах, по берегам рек, озер и морей. Как мне кажется, древние философы выдвинули такую теорию, а нынешние ученые подхватили ее в первую очередь потому, что для выживания в периоды великих природных катастроф люди должны были тянуться к вершинам, где их не могли достать наводнения. Однако это расширенное толкование сюжета о горе Арарат, возможно, применимое к эпохам, следующим за первобытными временами, т. е. к эпохам, когда большая часть земного шара была уже заселена, совершенно не подходит для того периода, когда человечество должно было появиться в относительно спокойных природных условиях, и заметим кстати, что указанное толкование противоречит идее о единстве человеческого рода. Кроме того, горы всегда, с самых незапамятных времен, внушали глубокий страх и суеверное поклонение. Именно в горах пребывали

мифологические боги. Собрания греческих и брахманских богов происходили на покрытой вечными туманами вершине Олимпа и на горе Меру; на вершине Кавказа Прометей страдал от таинственного наказания за еще более таинственное преступление; если бы люди с самого начала обитали в таких высокогорных убежищах, вряд ли воображение вознесло бы их до самого неба. Трудно обожествлять то, что вы видели, хорошо узнали и попирали ногами; для горных жителей обитель божественных существ находилась бы в глубинах вод и на равнинах. Следовательно, я склоняюсь к противоположной мысли — я полагаю, что свидетелями первых шагов человека были открытые и ровные места. Впрочем, об этом говорится и в Библии; теперь, когда мы установили первое место пребывания человека, вопрос о миграции решается намного проще, потому что ровные участки местности, обычно пересекаемые реками, выходят к морю, и больше не стоит ломать голову над тем, как предки преодолевали леса, пустыни и болота.

Есть два вида миграции или переселения: добровольная и вынужденная. Первый случай не имеет никакого отношения к периоду, о котором идет речь в Книге Бытия. Второй более подходит для дикарей — неосторожных, неловких и неопытных, — нежели для развитых народов. Достаточно одной семьи, уместившейся на плоту — несколько несчастных, застигнутых морской стихией, цепляющихся за стволы деревьев и подхваченных течением, — чтобы говорить о далеком переселении. Чем слабее человек, тем чаще он служит игрушкой неорганических сил. Чем меньше у него опыта, тем больше он подчиняется случаю, которого он не может ни предвидеть, ни избежать. Известны почти невероятные примеры того, как представители нашего рода путешествовали, помимо своей воли, на большие расстояния. Например, в 1696 г. две пироги с тремя десятками дикарей племени анкорсо — мужчин и женщин — были застигнуты непогодой и после долгого дрейфа оказались на одном из Филиппинских островов, Самале, отстоящем на три сотни лье от места, откуда они отправились в плавание. Другой пример: четверо людей из племени улеа, находившихся в лодке, были подхвачены бурей, в течение восьми месяцев скитались по морю, и наконец их прибило к острову Радак на восточной оконечности Каролинского архипелага; они совершили вынужденное путешествие длиной в 550 лье. Несчастные питались исключительно рыбой и пили бережно собираемые капли дождя. Когда дождей не было, они ныряли в глубину и пили морскую воду, которая, как говорят, там менее соленая. Конечно, по прибытии на Радак путешественники находились в плачевном состоянии, однако они быстро пришли в себя.

Двух этих примеров достаточно, чтобы согласиться с возможностью быстрого переселения некоторых групп в места с совершенно другими климатическими условиями. Однако если нужны еще доказательства, можно указать на легкость, с какой насекомые, панцирные, растения распространяются повсюду, и нет нужды доказывать, что для них это более сложная задача, чем для человека 1). Земноводные панцирные попадают в море в результате разрушения скал, затем течение выносит их на далекие отмели. Зоофиты, прикрепленные к раковине моллюсков или сбросившие свои почки в океан, далеко уносятся ветром и формируют колонии; и те же самые деревья неизвестных видов, те же самые разные столбы, которые в XV столетии рухнули на берегах Канарских островов и служили пищей для размышлений Христофора Колумба, способствовали открытию нового мира и, возможно, несли на своей поверхности яйца насекомых, которые давали потомство далеко от места своего рождения, от родной земли.

Таким образом, первые человеческие общины без труда могли привыкнуть к любому климату, к любому месту проживания. Кстати, в наше время, при нынешнем состоянии земного шара, вовсе не расстояние определяет разницу в климате, в частности, что касается температуры. Не говоря уже о горных районах, например, Швейцарии, где в пределах одного-двух лье атмосферные и почвенные условия разнятся настолько, что в некоторых местах можно встретить смешение лапландской флоры и растительности, характерной для Южной Италии; то же самое можно сказать об Изола-Мадра, где на

берегу озера Мажор, под открытым небом, растут апельсиновые деревья, большие кактусы и карликовые пальмы, которые видны с нашего западного побережья, хотя всем известно, насколько климат Нормандии более суровый, чем на острове Джерси. Если взять этот небольшой треугольник и абстрагироваться от ссылок на орографию, западный берег Франции являет собой удивительный контраст с точки зрения разнообразия растительности.

А какими должны были быть контрасты на ограниченном пространстве в те жуткие времена, на которые приходится рождение человечества! На небольшой территории разыгрывались великие атмосферные революции, когда море отступало или, напротив, наступало; когда затопляло или, наоборот, иссушало соседние земли, когда горы поднимались — внезапно, беспорядочно громоздясь огромными массами, — или же опускались до уровня окрестной суши; когда, наконец, бурные колебания земной оси и, следовательно, общего равновесия планеты, т. е. изменения положения полюсов относительно эклиптики, сотрясали всю земную систему. Таким образом, приходится отвергать все возражения, обоснованные тем, что в начальную эпоху существования мира вряд ли могли происходить изменения рельефа и температурного режима, и есть все основания считать, что первобытные человеческие семьи могли рассеиваться на большие расстояния и равным образом могли собираться вместе на ограниченной территории, где они подпадали под влияние очень многочисленных факторов. Именно таким путем могли формироваться вторичные типы, от которых произошли нынешние ветви нашего рода. Что касается человека, так сказать, первого поколения, т. е. ближайшего потомка Адама, у нас нет возможности сказать что-либо достоверное о его специфических признаках и определить, насколько похожи или не похожи на него представители каждой из новых групп, так что оставим его в покое. Поэтому наше исследование будет ограничено расами второй формации. Таких характерных рас я насчитываю три: белую, черную и желтую 3). Если я использую термины, основанные на цвете кожи, это не значит, что они представляются мне удачными, так как три категории, о которых идет речь, в качестве отличительного признака имеют не цвет, содержащий много оттенков; выше было отмечено, что существуют и другие более важные признаки. Но вместо того, чтобы изобретать новые названия, на что я вряд ли имею право, я предпочитаю выбрать в списке распространенных терминов те, которые будут если не идеальными, то хотя бы менее неудачными, чем другие — иными словами я предпочитаю именно эти, достаточно безобидные, вместо того, чтобы использовать названия, заимствованные из географии или истории, которые внесли столько беспорядка в вопрос сам по себе достаточно запутанный. Итак, я еще раз подчеркиваю, что «белыми» я называю людей, которых обычно причисляют к кавказской, семитской расам или расам Иафета. Черные — это хамиты; желтые — алтайцы, монголы, финны, татары. Это и есть три чистых и первородных элемента, из которых состоит человечество. Так что нет нужды предполагать двадцать восемь разновидностей, как это делает Блюменбах, или семь, как считает Причард: оба включают в свою классификацию гибридов. Возможно, ни один из трех первичных типов по своей сущности не представляет собой совершенного единства. Великие космогонические причины сотворили не только четко выраженные разновидности одного рода — в той мере, в какой осуществлялось их действие, они определили в каждой из трех основных разновидностей появление нескольких видов, которые, помимо общих признаков, обладали специфическими отличительными характеристиками. Эти варианты появились без вмешательства механизма межэтнического скрещивания: они исконно существовали во всех брачных союзах. Таким образом, сегодня напрасно искать их в смешанной совокупности, которую называют белой расой. Точно так же невозможно найти их в желтой расе. Возможно, чистым сохранился меланийский тип; по крайней мере, в нем осталось больше первичного, и его существование доказывает то, что в отношении двух других категорий человечества мы можем предполагать, исходя не из нашей интуиции, но из свидетельств истории.

Негры продолжали демонстрировать различные первичные разновидности, например, прогнатический тип с курчавыми волосами, или тип темнокожего индуса из Камауна и Декана, или тип полинезийского пелагийца. Скорее всего разновидности сформировались между этими видами за счет смешения; именно этим объясняются так называемые третичные типы как у темнокожих, так и у белых и желтых. Существует весьма интересный факт, который сегодня служит надежным критерием степени этнической чистоты любой популяции. Речь идет о сходстве лиц, форм, конституции, жестов, осанки. Чем меньше смешанных союзов в нации, тем больше у ее представителей перечисленных выше признаков сходства. И напротив, чем сильнее она перемешана, тем больше в ней различий, что касается внешности, роста, осанки и, наконец, индивидуальности. Этот факт не вызывает сомнения и имеет очень важные последствия, однако это еще не все. Первый вывод из этого факта имеет отношение к полинезийцам; дело в том, что полинезийцы — не чистая раса, т. к. они произошли от смешения белых и желтых. Следовательно, перенос всей совокупности признаков типа на различных ее представителей не указывает на чистоту расы, а лишь свидетельствует о следующем: элементы, более или менее многочисленные, из которых состоит эта раса, перемешались настолько, что их комбинация, в конце концов, превратилась в нечто однородное, а поскольку каждый представитель вида не имеет в своих жилах другой крови, кроме крови соседа, он ничем не отличается от последнего в физическом смысле. Точно так же, как братья и сестры часто похожи друг на друга, что вполне естественно, так и смешение двух рас-производительниц бывает настолько полным, что по закону равновесия образуется некий искусственный тип, обладающий признаками чистоты, и его печать лежит на всех рожденных от него. Таким образом, третичный тип, формирование которого я проследил, мог очень рано приобрести признаки, которые ошибочно приписывали абсолютной и настоящей расовой чистоте, т. е. сходство индивидуальных характеристик, и это могло произойти в течение очень короткого периода, тем более, что две разновидности одного типа относительно мало отличались друг от друга. Именно в силу этой причины случается, что если в семье отец не принадлежит к нации матери, дети будут похожи либо на одного, либо на другого родителя, и у них будет трудно определить идентичность физических признаков; между тем, если оба родителя вышли из одной национальной группы, эта идентичность будет хорошо заметна. Прежде чем двигаться дальше, напомним одну важную закономерность: скрещивание приводит не только к слиянию двух разновидностей. Оно создает новые признаки, которые с этого момента становятся важнейшей характеристикой данного подвида. Примеры я приведу позже. А пока замечу следующее: нет нужды повторять саму собой разумеющуюся истину, что формирование этой новой общности может произойти окончательно только при условии предварительного слияния формообразующих типов, без чего третичная раса не состоится. Следовательно, для этого требуется время, и тем больше времени, чем больше численность сливающихся наций. До тех пор, пока смешение не будет полным и пока не установятся сходство и физиологическая идентичность отдельных признаков, нельзя говорить о новом подвиде, о появлении специфической общности, хотя и состоящей из разных элементов; бывает только неупорядоченное слияние, обусловленное незавершенным слиянием элементов, по своей сути чуждых друг другу. У нас весьма смутное историческое представление о третичных расах. Мы можем лишь представить раннее развитие белокожей расы в тот период, который на всех широтах продолжался не очень долго. Цивилизаторские склонности этой «элитарной» расы постоянно подталкивали ее к смешению с другими народами. Что касается двух других типов — желтокожего и темнокожего, — об их «третичном» периоде нет никаких исторических свидетельств, поскольку они были дикарями 4). За «третичными» расами следуют другие — назовем их по аналогии с вышеизложенным «четвертичными». Они являются плодом соединения двух крупных разновидностей. Полинезийцы как результат смешения желтого типа с черным, мулаты, рожденные от союза белых и черных, — вот элементы,

составляющие «четвертичный» тип. Не стоит повторять еще раз, что новый тип более или менее полно объединяет в себе признаки, характерные для всех рас двойного происхождения. Поскольку «четвертичная раса» также претерпела изменения в результате вмешательства нового типа, очень трудно определить в точности ее составные части и классифицировать их. Первичные признаки, или элементы, вошедшие в полученный состав, которые уже ослаблены в значительной мере, нейтрализуются все больше и больше. Они имеют тенденцию к исчезновению внутри смеси, которая и становится главной особенностью нового продукта. Чем больше размножается и скрещивается этот новый продукт (сиречь тип), тем сильнее выражается такая тенденция, и ей не видно конца. Население, формирующееся при этом, слишком увеличивается, чтобы в течение обозримого периода могло установиться равновесие. Оно являет собой жуткое зрелище этнической анархии. В отдельных людях часто встречается такая доминирующая черта, которая недвусмысленно напоминает о том, что в жилах этих людей (этого населения) течет кровь из всевозможных источников. У одного негритянская шевелюра, у другого монгольский тип лица, у одного глаза, характерные для германского типа, у другого рост семита. К тому же все они произведут новое потомство! Вот что представляют собой крупные цивилизованные нации, и этот феномен бросается в глаза особенно в их портовых городах, их столицах и колониях — там, где слияние происходит скорее всего. В Париже, Лондоне, Кадиксе, Константинополе, не выходя за пределы города и ограничиваясь наблюдением за так называемым местным населением, вы увидите признаки, относящиеся ко всем ветвям человеческого древа. У представителей низших классов вы найдете все — от «прогнатической» формы головы негра до скуластого лица и раскосых глаз китайца, потому что с незапамятных времен, главным образом с эпохи римского владычества, расы, самые далекие друг от друга, внесли свою толику крови в жителей наших больших городов. Следующие друг за другом нашествия, торговля, образующиеся колонии, чередование периодов мира и войны способствовали нарастанию беспорядка, и если бы было возможно взобраться немного выше по генеалогическому дереву первого появившегося в том или ином месте человека, пришлось бы немало удивляться отличию его от своих предков 5).

Итак, мы определили физические различия между расами, теперь остается решить, связан ли этот факт с неравенством — будь то в красоте форм или в физической силе. Я уже отмечал, что из всех человеческих групп самыми красивыми являются те, которые принадлежат к европейским нациям и их потомству. Чтобы окончательно убедиться в этом, достаточно сравнить различные типы на земном шаре, начиная с телосложения и внешности, которые до некоторой степени представляют рудиментарные признаки пелагейской расы, до высокого роста и благородных пропорций Карла Великого, до удивительной соразмерности лица Наполеона, до величественности, которой дышит царственный облик Людовика XIV; существует ряд ступеней, по которым народы, не имеющие в жилах крови белой расы, могут подниматься к высотам красоты, никогда не достигая их.

Ближе всех стоят к ним наши ближайшие сородичи — выродившееся арийское семейство Индии и Персии и семитское население, менее всего затронутое контактами с черной расой 6). По мере того, как все эти расы удаляются от «белого» типа, черты их лиц и строение тел претерпевают отрицательные изменения, особенно это касается пропорций, которые, все больше накладываясь друг на друга и усиливая друг друга, в конце концов приводят к удивительному уродству, столь явно запечатленному во многих человеческих ветвях. Так что не стоит принимать всерьез учение, подхваченное Гельвецием в его книге «Дух», согласно которому понятие красоты есть идея чисто субъективная и не постоянная. Пусть читатели, у которых еще остались сомнения на сей счет, возьмут в руки превосходный труд Джиоберти «Эссе о прекрасном». Никто не продемонстрировал лучше, чем он, что прекрасное есть абсолютная и необходимая идея, которая не может иметь факультативное приложение; и именно благодаря принципам,

солидно обоснованным пьемонтским философом, я без колебаний признаю превосходство белой расы над остальными, что касается красоты; впрочем, все остальные различаются в этом смысле между собой в той мере, в какой они приближены или удалены от модели. Следовательно, существует неравенство в красоте человеческих типов или групп — неравенство логичное, доказанное, постоянное и безусловное.

А как обстоит дело с неравенством в физической силе? Нет сомнения в том, что дикари Америки, так же как и индусы, намного уступают нам в этом отношении. В ту же категорию следует включить австралийских аборигенов. У негров тоже меньше мышечной силы, о чем свидетельствуют многочисленные путешественники. Все эти народы отличаются гораздо меньшей выносливостью. Но есть разница между чисто мышечной силой, которая концентрируется в определенный момент, и выносливостью, т. е. силой, распределенной во времени и имеющей длительный характер. Это последнее качество более типично, чем первое, которое можно встретить даже у заведомо слабых рас. Тяжесть кулака, если брать это как единственный критерий силы, можно констатировать у диких негроидных народов, у недалеких умом новозеландцев, у ласкаров, у малайцев не в меньшей степени, нежели у англичан; между тем, если взять какую-то нацию в ее массе и судить о ней по тяжелым работам, которые могут выдержать ее представители, пальма равенства принадлежит народам белой расы. Но даже среди этих народов имеет место неравенство между разными группами, что касается и силы и красоты, хотя оно выражено не так явно. Итальянцы более привлекательны, чем немцы, швейцарцы, французы или испанцы. Также и англичане превосходят по красоте тела славян. Что до силы кулака, англичане выше всех прочих европейских народов, а французы и испанцы отличаются большей выносливостью в физических упражнениях, в лишениях, по отношению к самым суровым климатическим условиям. Французы показали это свойство во время роковой кампании в России. Там, где немцы и солдаты северных стран, привычные к низким температурам, погибли почти без остатка под снегом, наши полки, хотя и заплатили безмерную дань трагическим обстоятельствам отступления, сумели сохранить людей. Кое-кто объяснял этот факт высоким уровнем морального воспитания и боевого духа. Однако объяснение это малоубедительно. Немецкие офицеры, погибавшие сотнями, имели не меньше понятия о воинском долге, чем наши солдаты. Отсюда вывод: французы отличаются определенными физическими качествами, более высокими, чем у немцев, благодаря которым они пережили и российские снега, и обжигающие пески Египта.

Примечания

1) Гумбольдт не считает эту гипотезу применимой для растений. «То, что нам известно о пагубном воздействии, которое морская вода на протяжении 500—600 лье оказывает на плодovitость большинства семян, не говорит в пользу слишком обобщенной системы о миграции растений за счет пелагических течений» («Критический взгляд на историю географии Нового континента», т. II, стр. 78).

2) Александр Гумбольдт такими словами излагает суть этого вопроса «Основой климатологии служат точные знания о неравномерности поверхности континента. Без этих гипсометрических знаний поднятие суши пришлось бы объяснить воздействием других причин, которые в низменных районах, где рельеф почти повторяет поверхность океана, влияют на кривизну изотерм (т. е. на линии одинаковой летней температуры)» («Центральная Азия», т. III, стр. 23) Обращая внимание на множество факторов, влияющих на температуру данной географической точки, великий берлинский ученый подводит читателя к мысли о том, что в расположенных близко друг к другу местах и независимо от отметки суши образуются очень разные климатические условия. Так, в Ирландии, в ее северо-восточной части на берегу Глекарка, есть место, где в отличие от окружающей местности произрастает мирт, такой же роскошный, как в Португалии, причем это место находится на широте Кенигсберга в Пруссии «Зимой здесь бывают очень слабые морозы, однако летнего тепла недостаточно, чтобы выращивать виноград. Болота и небольшие озера на Фарерских островах не покрываются зимой льдом несмотря на то, что острова располагаются на 62 широте. В Англии, на берегах Девоншира мирт, японская камелия и т. п. легко переносят зиму».

3) В свое время я объясню, почему я не включаю краснокожих дикарей Америки в число чистых первородных типов. Я уже в какой-то степени высказал свое мнение на сей счет на предыдущих страницах. А теперь присоединюсь к мнению господина Флуренса, который также делит человечество на три основные

группы европейскую, азиатскую и африканскую. Как мне кажется, эта терминология уязвима для критики, но по сути она правильная.

4) Карус убедительно подтверждает справедливость закона, выдвинутого мною в отношении специфической способности цивилизаторских рас к смешению, когда он подчеркивает исключительное разнообразие усовершенствованного человеческого организма и простоту микроскопических корпускул, которые занимают низшую ступень бытия. Он выводит из этого следующую аксиому: «Всякий раз, когда между элементами органического целого имеет место максимально возможное сходство, их состояние нельзя считать высшим выражением полного развития, потому что речь здесь идет о примитивной и элементарной стадии». Впрочем, в другом месте он добавляет «Самое большое разнообразие, т. е. максимально возможное неравенство составных частей в сочетании с самым полным единством их совокупности всегда служит мерой совершенства любого организма». В политическом смысле это состояние общества, в котором правящие классы, организованные в четкую иерархию, совершенно отличаются этнически от народных масс.

5) Физиологические признаки разных предков проявляются в потомстве согласно четким законам. Так, в Южной Америке дети от смешанного брака белого мужчины и негритянки в первом поколении могут иметь прямые и мягкие волосы, но в любом случае во втором колене проявится курчавость (А. Орбиньи «Человек американский»;), т I).

6) Следует отметить, что самыми красивыми из метисов можно назвать детей, рожденных от браков белых с черными. Стоит лишь поставить рядом очаровательных мулаток и квартеронков с отпрысками желтокожих и белых, например, с русскими и венгерскими женщинами и сравнение будет не в пользу последних.

ХЬЮСТОН СТЮАРТ ЧЕМБЕРЛЕН АРИЙСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ

*«Так как истина лежит вне пределов рассудка, то она и не может быть выражена словами»
Махабхарата*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я постарался представить здесь по возможности продуктивными те понятия, которым горячо отдавался сам в свои ранние годы и, которые имели большое влияние на ход моих мыслей - с целью вызвать в других интерес к такой работе и дать им в помощь некоторые необходимые указания. Неспециалист зовет неспециалистов к специальным вопросам, и может иной раз добиться того, что ускользнет от специалиста. Но как только неофит обретет первоначальный подъем и понимание, он должен доверить себя руководству более опытных ученых. Такое необходимое руководство к дальнейшему изучению представляет краткий список литературы в конце книги.

Я считаю свой заголовок «Арийское Миросозерцание», не вполне исключаящим возражения. «Индоарийское» или, во всяком случае «древнеарийское» - было бы, пожалуй, более точным обозначением. Но как автор, так и издатель, должны были остерегаться таких непривычных, слишком научно звучащих выражений, чтобы не смутить именно тот контингент читателей, привлечение которых и было их главной целью. Поэтому здесь просят обратить особое внимание на то, что слово «арийский» в этой небольшой работе - употребляется не в его весьма спорном смысле и уж, во всяком случае, не в трудно определимом значении проблематической прарасы, но именно *sensu proprio*, т.е. как обозначение того народа, который несколько тысячелетий тому назад спустился с высот среднеазиатского плоскогорья в долины Инда и Ганга, и там, благодаря строгим кастовым законам, долгое время оставался свободным от всяких посторонних расовых примесей. Этот народ сам себя называл народом «арийцев», т.е. благородных, или господ.

Хьюстон Стюарт Чемберлен.
Вена, январь, 1905

ПОНЯТИЕ ГУМАНИЗМА

Еще одно великое дело гуманизма должно быть у нас выполнено; и к этому призвана арийская Индия. Когда несколько столетий тому назад весь заживо погребенный мир древнеэллинической мысли и поэзии снова восстал из пепла, то казалось, как будто мы сами - мы, *homines europaei* Линнея - вдруг вышли из подземного мрака к яркому дневному свету. Тогда только стали мы мало-помалу достигать необходимой зрелости и в нашей собственной, не эллинической задаче. Столь же могучего, хотя и совершенно иного рода влияния нужно ожидать и от точного знакомства с индоарийской мудростью и мы должны стремиться к ней со всей силой глубоко осознанной необходимости.

Культурное призвание гуманизма имеет оттого такое огромное значение, что он обогащает нас не только экстенсивно, но и интенсивно. Он не только поучает, но и образует. А образующе действовать может только пример. Поучение - это лишь тот приток материала, который я - смотря по своей организации - воспринимаю или нет, и который я, в целях этого восприятия, так или иначе обрабатываю; примером же - сама жизнь действует непосредственно на другую такую же жизнь. Пример возбуждает во мне деятельность, воодушевляет к предприимчивости, до которых сам по себе я, может быть, никогда бы и не дошел. Думая, что я только подражаю, я создаю между тем нечто совершенно новое; именно потому, что я не могу иначе, что оригинальность есть великий закон природы, который только благодаря преступному произволу искусственно придуманной и тиранически навязанной школьной дрессировки - может стираться до такой полной неузнаваемости. Знакомство с духовной стороной эллинической жизни подействовало на нас в то время подобно благотворной перемене климата; мы оставались те же, и, однако, стали иными, так как силы, до того времени в нас дремавшие, вышли из своего оцепенения. Наше ухо, воспитанное в мире идей, которые никогда не могли быть нашими и которые мы пытались, однако по мере сил своих усвоить, с тою «глупой робостью», что в нас прославил Мартин Лютер, вдруг уловило звуки родного индоевропейского голоса. Это было призывом. То, что предшествовало, жизнь XII и XIII веков, полная возбуждения и страстных порывов, - более походило на какое-то бесцельное возникновение во мраке материнского чрева. Тут же настал день, мы стали господами нашей собственной воли и сознательно шагнули в будущее. Разумеется, это не было возрождением минувшего, как вообразили школьные мудрецы в избытке своего усердия; но зато в этом было нечто гораздо более значительное; зарождение чего-то нового, постепенный рост и укрепление нового устремления неистощимо-богатого европейского племени, рождение европейской духовной царственности. Это было влияние человека на человека, и это влияние, а не филологическое измышление, было гуманитарным в ту эпоху раскрытия былого человеческого величия. Знакомство с индоарийской умственной жизнью должно на нас отразиться в других направлениях, хотя и в совершенно аналогичном роде; а может быть даже и с большим проникновением до сокровеннейших глубин существа.

Причиной того, что этот факт еще не ясен для общего сознания, является - кроме широкого распространения невежества - то обстоятельство, что поступательное развитие наших знаний шло и должно было идти в обоих случаях совершенно различно. Поэтому краткий исторический обзор здесь будет уместен, как введение.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Исходною точкою возрождения латинской и эллинической литератур служит обыкновенно увлечение определенными произведениями, и только мало-помалу чисто лингвистический интерес завладевает всеобщим вниманием. В XIV веке все ученые владели латинским языком в совершенстве, греческому же они учились у современных им греков; так что, если их знания и не были филологически столь точны, зато несравненно более жизненны, чем в наше время. Они и стремились главным образом к жизненному

или жизнетворческому. В 1450 году началось применение книгопечатания Гуттенберга, и уже в конце столетия в печати появились все известные тогда латинские авторы, а несколько лет спустя и все греческие. Это было пламенным порывом поработанных людей к красоте и свободе - по явленному примеру! Уже гораздо позднее грамматика этих языков стала самоцелью и тогда-то триумфальная колесница гуманизма стала все глубже погружаться в филологические топи.

С индусским языком и литературой дело обстояло совершенно иначе. Санскритский язык был совсем неизвестен; с древне-индусской литературой у нас не было даже той едва уловимой связи, которая соединяла нас с эллинской мыслью и поэзией благодаря творениям отцов церкви. Поэтому здесь филологические исследования и открытия должны были предшествовать остальному; причем задача эта оказалась настолько необъятной, сопряженной с такими почти непреодолимыми трудностями, что она и теперь еще не доведена до конца: благодаря сложной природе языка, огромной области его распространения и связанному с этим раздроблению его на наречия, а также вследствие глубокой древности многих документов и происшедших за этот период исторических переворотов. Очень долгое время, почти до наших дней, литературные памятники доходили до нас в каких-то жалких отрывках из отрывков, да еще нередко искаженные, вследствие недостаточного знания языка. Поэтому и огромное гуманитарное значение индусского наследия для нашей, едва пробуждающейся культуры, выясняется только теперь, да и то понемногу.

Когда Анкетиль Дюперрон, истый герой среди ориенталистов, разыскал в самом сердце Персии Зенд-Авесту, привез ее в Париж и перевел (1771), среди европейских ученых разгорелся ожесточенный спор относительно ценности этого произведения; так называемые «авторитеты» высказали почти единогласно свое презрение. Так, например, немецкий ориенталист Мейнерс решил коротко и ясно: «Это та же бессмыслица, которую проповедают индийские попы»; в то же время один из английских ученых, Вильям Джонс, в своей критике, написанной по-французски, высокомерно заявляет: «*Si il a un homme ne dans ce siecle de s'infatuer de fables indiennes?*». Но Дюперрон не дал себя смутить. В 1775 г. он открыл рукопись персидского перевода нескольких древне-индусских Упанишад и издал ее на латинском языке. Вскоре он приобрел самого неожиданного союзника: вышеупомянутый Вильям Джонс был по службе переведен в Индию, и это заставило его основательно заняться санскритом; он стал все больше углубляться в «индийские басни» и признал узость своего первоначального мнения, причем воодушевление его росло год от году; он же перевел великолепные стихотворения Калидасы на английский язык и, таким образом, первый познакомил с ними мир; он предпринял труднейший перевод книги законов Ману и первый пустил в печать санскритский шрифт - словом Джонс, вместе с Дюперроном положил истинное начало нашему знакомству с духовными богатствами Индии. Эта история весьма поучительна. Пусть умникам она покажет, как неостроумно иной раз высмеивать «индийские басни».

Однако вполне правильный ход нашего ознакомления с древнеарийским наследием установился еще не скоро. Появились, правда в скором времени первые грамматики санскритского языка (1805 Colebrooke, 1806 Carey, 1808 Wilkins); но уж слишком велика была, поспешность, с которой набросились на эту еще и на половину непонятую литературу. Бхагавадгита, Сакунтала и другие произведения следовали быстро одно за другим. Хотя Фридрих Шлегель, в своей воодушевляющей работе «О языке и мудрости индусов» (1808) - не утратившей ценности и в наши дни - и высказывает предостережение, говоря, что необходимо «положить прочный фундамент, на котором можно было бы потом безбоязненно строить дальнейшее», однако других, филологически менее дисциплинированных, не так-то просто было удержать; какое-то опьянение охватило лучшие умы. Известно как горячо Гете и Гердер приветствовали этих первых вестников индусского духа на европейской территории. Они разом почувствовали и пророчески предрекали, какое высокое культурное значение может иметь этот вновь

открытый источник человеческого творчества. Вскоре, однако, настало отрезвление, и отрезвление, которое было следствием полной невозможности освоиться в этом новом мире. Мы еще не понимали языка, а уже захотели проникнуть в самую сущность поэзии и мышления. И вот Гете, который писал когда-то:

*Если все, что влечет и чарует, жажду в нас утоляет, питает,
Землю и весь небосклон, хочешь выразить в звуке одном,
Я тебе назову Сакунталу - этим словом сказано все;*

он, когда-то не погнушавшийся вдохновиться индусским творчеством для своего собственного, лучшего поэтического произведения, теперь, смущенный и растерянный, спрашивает, возможно ли вообще процветание поэзии «при ее столкновении с темнейшей из философий и чудовищнейшей из религий».

Довольно обратить внимание на первые наши попытки ознакомиться с ядром индусского мировоззрения, с Упанишадами, чтобы понять, что таким путем никогда не могла быть выполнена никакая культурная, гуманистическая задача. Анкетиль Дюперрон первый, как сказано выше, издал в 1802 году сборник Упанишад в том именно латинском переводе, который он сделал с персидского перевода оригинального текста. Уж от одного этого двойного перетолкования должны были вкратце неточности, тем более, что первый перевод производился без точного знания индусского умозрения, а второй и совсем без всякого его разумения.

Результат получился - в этом приходится согласиться с Гете - действительно «чудовищный». Первая фраза первой Упанишады дает об этом ясное представление: «Oum hoc verbum (esse) adkit ut sciveris, sic to maschghouli fac (de eo meditare), quod ipsum hoc verbum aodkit est...!»

Вскоре появилось, впрочем, нечто лучшее, однако все еще отрывки, и отрывки, которые были тем менее понятны, что Упанишады следует считать исторически последним продуктом, как и конечным теоретическим выводом. Для индусского ученика Упанишады являлись как бы венцом многолетнего изучения, да и то, как нечто, постижение чего в полной мере еще не в его средствах и, что он должен был просто запечатлеть в памяти для будущих времен; ибо только в глубокой старости, когда человек оставит людей и уединится в глушь лесов, не только обогащенный претворенным в себе знанием, но и, прежде всего, умудренный опытом и скорбью (считая их близнецами). Только тогда, с приближением кончины, отпадет пелена скрывающей формы и уже не посредствующее, а непосредственное представление высшей, трансцендентной истины воссияет слепцу, как новый внутренний свет! Мы же, незнакомые ни с историческим развитием и самосознанием индуса - от гимнов Ригведы, подобных песням бардов, до так называемой Веданты, т.е. конца Вед - ни с тем процессом изучения, который вел к этому «концу», не понимая даже языка, мы решили просто протянуть руку и сорвать самый зрелый плод, долго и роскошно разраставшегося дерева. Один только дьявол умеет так льстиво изображать невозможное - возможным; и вот огненный меч поразил нечестивцев, изгнав их из рая, богато возделанного культурой многих тысячелетий.

Наконец, взявшись за дело удалось с надлежащего конца: изучить язык, историю, неустойчивые географические очертания и общественный строй индусского народа, и тем самым создать материальные условия, необходимые для истинного уразумения. Чтобы знание индусской жизни могло нам дать такие же выгоды, какие мы получили от эллинской, необходимо было, прежде всего, установить с этой жизнью такое же тесное общение: подойти ближе к стране и к ее жителям. Это сближение было делом индологии прошлого столетия.

Наука, по справедливому замечанию Гете, только как таковая, не имеет сама по себе никакой творчески зарождающей силы; ею лишь кормятся люди науки:

*Но вам живого не создать,
Живое жизнь лишь может дать.*

Самым характерным для нашей индологии, на протяжении всего XIX века, является именно то, что она, рожденная вдохновением, ни разу не утратила этой живой внутренней силы. Она никогда не была мертвой филологией, увязшей в бездушном любовании суффиксами и префиксами. Разумеется, только очень немногие из ее адептов, отдавали себе ясный отчет в том, какое культурное значение имела совершаемая ими работа; в наших поступках бессознательное играет большую роль; так и мы, непосвященные, поскольку в наших средствах было углубиться в эту область, чувствовали более учащенное биение пульса, чем при какой-либо другой академической работе, за исключением, впрочем, некоторых отраслей естественных наук. От этих работ веет молодостью и радостными надеждами; это становится особенно ценно, если принять во внимание, что материал, по большей части, суховат и в общей массе даже утомителен. Отто Бетлингк, например, один из наиболее выдающихся индологов, до восьмидесяти лет оставался свеж и бодр духом, как юноша. Большинство этих ученых отличается более широким взглядом на мир и полную независимостью суждений, в противоположность нашим классическим филологам; гуманитарное влияние сказалось, прежде всего, на этих немногих знатоках: оно распутало их узко-европейские, предвзятые представления, освободив их от владычества тесных эллинских схем и подняв до уровня зрелых, сознательных «индоевропейцев».

Все эти симптомы имеют огромное значение. Индология, рожденная самою жизнью, - к жизни и возвращает. Помимо своих научных выводов, она, в сочетании с самою жизнью, - должна и зачать новую жизнь. В этом смысле ей предстоит огромная задача.

Есть, впрочем, еще весьма важная разница между естественным ходом развития эллинских и индологических исследований. Ведь если центром тяжести эллинской жизни было художественное воплощение образов, то в индусской жизни центр этот весь лежит в религиозно-философском мышлении. Эллинская филология тесно связана с поэтикой, индусская же - с философией. Вот на этот именно пункт и должна быть строжайше направлена посредствующая лупа научности, если мы будем рассматривать роскошную, почти неизмеримо богатую картину индусских верований и поэзии, индусской математики, филологии, мифологии и музыки, семейного уклада индусов и их государственного строя, их величия и падения - как нечто органически целое; а только при этом условии наука и может стать «жизнью», той жизнью, которая дает жизнь.

Пытаться понимать и обсуждать брахманскую культуру, не постигнув умозрения Яджнавалкии, было бы подобно намерению дать картину развития и значения эллинского греческого духа, обойдя Гомера. Но как постигнуть такое умозрение, когда нет знания языка, необходимого для простого понимания поэтического произведения? Языка, к тому же, в своем роде, богатейшего, обширнейшего и оттого труднейшего в мире, такой, кроме того, гибкости и разносторонности, что, иной раз, какая-нибудь одна буква меняет весь смысл до основания. К тому же и точного знания грамматических форм было недостаточно; в этом смысле филологу приходилось быть в гораздо большей степени историком культуры. Ибо в некоторых литературных памятниках, восходящих вглубь веков и тысячелетий, многие слова и выражения претерпевали, во времени, немало изменений; почему легко могло случиться, что филолог, безукоризненно анализируя данное предложение, понять его все-таки не мог; потому что, при незнании соответствующих жизненных условий, ему не могло быть известно и многообразное значение существительного. Макс Мюллер берет для, примера, слово *setu*, первоначально обозначавшее - мост. Но позднее, когда индоарийцы спустились со своих высот в богато орошенные долины, то оно, не теряя своего прежнего смысла, стало служить для обозначения предмета, который им не был известен в горах и для которого, следовательно, у них не было слова: для запруды, разделяющей орошенные рисовые поля.

Таким образом, мост соединяет два при отсутствии моста разделенных берега, плотина же, напротив, разделяет, держит «врозь» то, что без нее было бы нераздельно и едино. Это двойственное значение связующего и разъединяющего служило метафизику для переносного обозначения некоторых более глубоких понятий, трудно поддающихся выражению и касающихся индивидуальности по существу.

Каким образом кабинетный филолог, незнакомый с Индией конкретно, мог бы набрести на это второе значение, заключенное в первом? Естественно, что смысл слова и намерение философа оставались непонятными. Следовательно, филолог и историк культуры должны были работать с неутомимым рвением, чтобы, прежде всего, установить слово за словом, фраза за фразой точный текст индусских философских сочинений, их буквальное «реальное значение» (если можно так выразиться). Но; кроме того, здесь не доставало еще одного - именно философа, человека, который не только бы знал, но и понимал.

Кто хочет понять, до какой степени был необходим такой человек, пусть возьмет двенадцать известнейших Упанишад, переведенных Максом Мюллером на английский язык (Sacred Books of the East, тома I и XV, вышедшие в 1879 и 1884 годах). До очень недавнего времени это было лучшим изданием вообще. Пройден уже далекий путь после появления Дюперроновских Oupnek'hat, и все-таки; до чего некоторые места, где мысль погружается глубже, где начинает казаться, что ночь минула и уже брезжит заря - до чего они еще полны дюперроновщины! Заслуги Макса Мюллера, как ученого и популяризатора, очень велики; он стоял на высоте филологического знания, а также и культурно-исторического; он выпустил в свет древнейшие индусские гимны и в течение полувека находился в постоянных сношениях с наиболее известными из живущих пандитов Индии. Чего же ему доставало для понимания? Ответ на этот вопрос, настолько важен для предмета настоящего очерка, что я хочу посвятить ему несколько отдельных строк.

Недоставало малости, от которой зависело все: внутренне - опытного познания того, что с таким неслыханным трудом индусские мыслители пытались закрепить в словах, не с целью создать стройную безупречную систему и не для того, чтобы доказать только, что они «правы». Но чтобы дать возможность и другим проникнуться этим несказанным. Потому что в индусском мышлении, - по крайней мере, на этой его высшей ступени, в Упанишадах, дело идет о конкретном событии, о внутреннем перерождении человека. Это было, словно героической попыткой превратить слово в дело, не то чтоб указать на трансцендентное существо в человеке, а заставить пережить его в себе.

Но для того, чтобы такое перерождение могло осуществиться сознательно - необходимо предрасположение к этому. Вечную значимость имеет во всех подобных вещах слово Христа: «могий вместить, да вместит». То же самое, но более с космической, чем с индивидуальной точки зрения, говорится в Катака-Упанишаде: «только тот, кого Он изберет - поймет Его». Можно отнести к подлинной индоарийской метафизике слова Гёте, которыми он характеризует германскую поэзию, в отличие от эллинской:

*Здесь требуют вас к собственным твореньям,
И мира ждуют от вас - в ответ на мир.*

Эта индусская мудрость никому не вдалбливается, как моисеева космогония, и не демонстрируется, как при рационалистической логотатрии, на абаке мыслительной машины. Здесь дело идет о том, что должно быть рождено, чтобы жить; а для зарождения необходимы двое. Чтобы воспринять тот мир, который навстречу мне несет индусский мыслитель, я должен ему, в свою очередь, принести мой собственный мир, и к тому же вполне определенный. Индусская философия вся насквозь аристократична. Она с негодованием отвергает всякую пропаганду; она знает, что высшее познание доступно только избранным и знает, что только при определенных физических расовых условиях,

да еще и при известном систематическом воспитании, возможно путем подбора вырастить избранное.

Ясно, что здесь мы сталкиваемся с полнейшей противоположностью семитической идее универсализма, который нашел свое окончательное выражение в магометанстве: там - демократически-абсолютное равенство под неограниченной тиранией самовластно господствующего божества, здесь - аристократия и нравственная независимость индивидуума, признанного существующим во времени: «невидимый, неосязаемый, неуловимый, неочертимый, немислимый, необозначимый, обоснованный лишь в достоверности собственного я, снимающий собою всю необъятность вселенной, успокоенный, блаженный, лишенный второго подобия, дважды неповторимый» (Мандуки-Упанишада).

Вместо этого, Максом Мюллером предвосхищается, как идеал, нечто вроде панэктектизма всех религий и философий мира - воззрение, хотя и очень распространенное, но от этого не менее чудовищное. Ибо различие есть закон природы, и Дарвин проследил тенденцию к расхождению у всех живых форм, даже там, где первоначально господствовала однородность. Человек же в некоторых отношениях должен быть признан тончайшей из всех существующих организаций, особенно в том, что касается его интеллекта. Ясно, следовательно, уже чисто эмпирически и естественнонаучно, что человеческий интеллект должен представлять собою богатейшую градацию всевозможных степеней и родов развития, и притом как в форме индивидуального различия, так и в особенности - благодаря расовому подбору. Утверждение Макса Мюллера, что между китайскими таоистами и индийскими браманами нет «никакого специфического различия», - просто чудовищно. Кто так мыслит, тому никогда не «проникнуть чутко и целомудренно в индивидуальность вещей», как того требует Шиллер. А кому недоступна индивидуальность, тому, по существу говоря, ничего недоступно. Потому что все остальное и есть то, что я назвал абаком мыслительной машины, который, конечно, всюду построен по одним и тем же началам, подобно тому, как все имеют глаза и уши. Хотя только одной до конца индивидуальной породе людей дано было узреть Олимп, населенный богами, а другой, столь же единственной, - слухом постигнуть Любовь и Смерть Изольды.

Оттого-то никто, стоявший на точке зрения Макса Мюллера, никогда не мог проникнуть в сущность вещей. Храм индоарийской мудрости, занесенный прахом и пылью веков, был открыт и очищен; недоставало малости: ключа, чтобы открыть врата, чрез которые мы могли бы в него проникнуть. Честь нахождения этого ключа принадлежит прежде всего Паулю Дейссену, профессору философии в Киле.

ПАУЛЬ ДЕЙССЕН

Смешно было бы ставить в заслугу одному лицу результаты работ, в которых принимало участие такое количество людей, от Кольбрука и Боппа, Бюрнуфа и Лассена, Бетлингга, Рота, Вебера и Уитнея и до Бюлера, Горбе, Якоби, Пишеля, Шредера, Рис Дэвидса и многих других. А между тем, почти всегда так и бывает; после долгой и тяжелой работы кто-нибудь один срывает ее плоды: надлежащий человек в надлежащую минуту. Паулю Дейссену суждено было дать нам доступ к тем творениям, в которых индусская мудрость нашла свое чистейшее выражение, и, вместе с тем, дать возможность охватить общую картину развития.

И вот наступил решительный момент; пора было взяться за дело настоящему философу-специалисту, вместо прежних импровизированных философов от филологии. Конечно, философ этот должен был обладать редкими и выдающимися данными; прежде всего, такую исключительную лингвистическую способность, чтобы овладеть в совершенстве санскритом при минимальной, в силу необходимости, затрате времени и работы на его изучение. Потому что, несмотря на все предварительные работы филологов

и историков культуры, философа ожидало, прежде всего, много лингвистических проблем. Нужно было суметь открыть не одни только царские врата, но и много боковых дверей.

Если представить себе, что «Критика чистого разума» уже долгие века позабыта, что немецкий язык вымер, можно ли было бы ожидать возрождения этого произведения, если бы изучавший его не был в состоянии проследить каждый изгиб мысли в самом языке? Кроме того, философ этот должен был бы обладать ясно выраженной и очень развитою метафизическою способностью.

До сих пор никто из наших ученых посредственностей или авторов руководств не умел взяться за изучение индусской философии; прирожденный нам идеализм у нас крадут, по большей части, еще в школе, а метафизику в аудиториях. Но и одной метафизике не совладать с этой задачей: без глубокого религиозного инстинкта невозможно усвоение индусской мудрости. Преимуществом Дейссена-философа было именно то, что он шел от богословия. Это был человек как будто предназначенный возвестить миру откровение индусского гения; и назначение свое он выполнил блестяще. В 1883 году появился его известный труд «Система Веданты». Во всех странах, как индологами, так и теми немногими философами, которые способны были интересоваться подобным предметом, - этот труд был признан классическим и исчерпывающим. Первым же взмахом Дейссен достиг самой вершины. Да иначе и быть не могло; ибо тот, кто не может понять индуса вполне, вообще его понимать не способен.

Но одной - даже столь превосходной - разработки Веданты никоим образом не могло быть достаточно. Истинное познание, какого бы то ни было мирозерцания, невозможно без знания подлинных произведений. Можно исчерпывающе изложить какую-нибудь систему, но не живое творчество духа, в котором отражается вся личность создателя. Как бы подробно нам ни описывали человека, мы не составим себе о нем вполне верного представления, и когда он появится сам - неизбежно чувство поражающей новизны. Ибо главное различие не в крупных очертаниях, здесь мы скорее сходны между собою, а в тысяче мелких черточек и вещей, не поддающихся анализу, описанию и регистрации.

«Наилучшее не уясняется словами», говорит где-то Гете. И, однако же, мысли могут быть выражены только словами. Так, в конце концов, слова - несовершенные сами, но призванные выражать совершенное - медленно и постепенно насыщаются необычайной, неопикуемой, магической сущностью ни с чем несравнимой индивидуальности; и вдруг, как молния на черном небе, сверкнет какое-нибудь одно слово! Мы в тайниках чужой души. Теперь слова - те самые слова, что принадлежат всему миру и, в определенном смысле, бывают покорны только одному - становятся вегикулом для того, что выше всяких слов, что в Таиттирийе-Упанишаде так прекрасно названо «миром» (заметим, что раннее написание слова мир было следующим: *mir* - общество, космос; мир - покой, - *red.*), от которого удаляются слова, бессильные его достигнуть.

Такого действия, к которому, в сущности, все и сводится, не сможет достигнуть никакой, даже проникновеннейший пересказ. Мироззрение - это точно такой же гениальный продукт творчества, как и произведение искусства: оно несет в себе самом свою тайну, принцип невыразимой планомерности своих законов. Мог ли не знать этого такой человек, как Дейссен. И он шел упорно - *unus pro multis* - к выполнению того, чего до той поры не удавалось довести до конца целой совокупности ученых.

В 1887 году появились на немецком языке: Сутры Веданты Бадарайяны с комментарием Шанкары полностью - книга в 766 страниц мелкой и убористой печати, важнейшее теоретическое сочинение индусов по религиозной метафизике Упанишад. А в 1897 г. вышел другой том, в котором было свыше 900 страниц: 60 Упанишад Веды, переведенных с санскритского языка, снабженных введением и примечаниями.

До того времени Сутры были известны только в отрывках (английский перевод Тибо - в *Sacred Books of the East* - с того времени закончен), а самым большим сборником на европейских языках, были те самые двенадцать, которые Макс Мюллер перевел на

английский язык: отсюда, даже непосвященный может судить о размерах выполненной работы. Само прославленное немецкое прилежание не могло бы, при каких угодно жертвах, привести к столь быстрому и основательному разрешению такой грандиозной задачи; здесь требовалось содействие чего-то иного, сверх усердия и учености - скажу: безусловное понимание изложенного, быстрое и интуитивное усвоение каждой мысли, зоркий глаз рыси, улавливающей значение всякого, иной раз очень отдаленного, сравнения. Мой перечень, впрочем, далеко не полон. Еще в 1894 г. Дейссен издал свою книгу: «Философия Вед до Упанишад», и в 1899 г. - «Философия Упанишад» (все книги изданы у Ф.А.Брокгауза в Лейпциге).

Теперь здание готово. Разумеется, наши познания в области индоарийского религиозно-философского мировоззрения экстенсивно должны еще сильно разрастись. Философия Санкхьи - индусский рационализм - в изложении Гарбе (1894), и его же перевод главных произведений этой школы (из которых особого внимания заслуживает «Лунный Свет Истины Санкхьи», 1891) - показывают, сколь много можно ждать в этой области. Сам Дейссен обещает нам еще целую книгу о после ведийской философии Индии; в то же время критическое изучение других продуктов индусского духа – именно великих эпических произведений - быстрыми шагами идет вперед; оно должно бросить отраженный свет на то великое деяние, беспрецедентное в летописях человечества, на то религиозно-мифологическое мирозерцание, которое, величественное как Гималаи, простирается от Ригведы до Шанкары, т.е. на протяжении целых тысячелетий.

Но главное, необходимое для того, чтобы истинное индоарийское мирозерцание могло быть проведено в жизнь настоящего, как культурный и гуманитарный фермент, и подействовало освобождающе на наше собственное мышление и верования, - уже сделано.

Того немногого, что здесь сказано, достаточно для исторического обзора; мне важно было дать общий набросок, сообщить первоначальное понятие о предмете, в его характерных чертах. Поэтому я и не хочу утруждать читателя перечислением всякого рода Вед, Сутр, Упанишад, Араниак и другого рода религиозно-философских писаний Индии. Беглое знакомство с энциклопедическим словарем даст возможность ориентироваться в главнейшем. Если же кто-нибудь действительно совершенно чужд еще этому богатому миру поэзии и мысли, если он не имеет ни малейшего понятия об этой литературе, которая (по вычислениям Макса Мюллера) превышает по объему и греческую, и римскую, вместе взятые, - то он обязан для пополнения этого пробела в своем образовании, прочесть прежде всего пятьдесят публичных лекций Леопольда Шредера: «Индусская культура и литература в их историческом развитии». Вместе с Мюллеровской «Индией в ее историческом мировом значении», преследующей, впрочем, несколько иные цели, - до наших дней это единственная книга, имеющаяся в нашем распоряжении, пригодная, как общее и в то же время основательное введение; она полна горячего увлечения предметом и умеренна в своих суждениях, специальна и, несмотря на это, общедоступна.

ЗНАЧЕНИЕ АРИЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Не обладая сам познаниями специалиста и не желая блистать заемными, я ограничусь здесь вопросами общекультурного значения и скажу, почему я считаю желательным и даже необходимым это «гуманистическое» добавление к тому великому, чем мы обязаны несравненной Элладе, и почему знакомство с древнеарийской мудростью должно и будет иметь значение не простого прироста исторического материала, но и повышения жизненной энергии.

Чтобы предвосхитить теперь же общий вывод и предпослать его, скажу: индоариец должен нам помочь уяснить себе конечные цели нашей культуры.

Я воздал хвалу классическому гуманизму, как акту освобождения. Однако же, актом этим далеко еще не завершилось дело нашей самостоятельности и независимости. Одаренность эллинов, при всем своем блеске, была во многих отношениях ограниченной; кроме того, ее проявления с первых же дней подверглись чуждым и отчуждающим влияниям. На ряду со всем тем, что дал нам эллин, он часто оставлял нас беспомощными, а порою вводил и в заблуждение. Наше освобождение от поработающих чужих представлений оставалось неполным. Именно в религиозном отношении мы еще и поныне остаемся вассалами - чтобы не сказать слугами - чужих идеалов. И через это глубочайший родник нашей сущности настолько замутился, что все наши вместе взятые научные и философские мировоззрения, даже в самых независимых умах, почти никогда не достигают истинной ясности, достоверности и творческой силы. В нас нет настоящего мужества убеждений, мы не только не смеем довести до конца нашу мысль открыто, но даже наедине сами с собой, *in foro conscientiae*, не дерзаем. Если Кант, единственный из всех, с беспощадною ясностью указывал нам, что, пока мы верим в иудейского Иегову, невозможна никакая наука, и нашим естествоиспытателям остается одна только «торжественная молитва об отпущении» («Естественная История Неба»). Если тот же Кант доказывал, что у нас не может быть не только науки, но и никакой истинной религии, пока «*deus ex machina* будет производить мировые перевороты» - это ни к чему, или почти ни к чему, не привело: потому что совершенно изъять семитическое представление о мире из того духа, которому оно было привито в раннюю пору, так же трудно, как устранить металлы из кровообращения, и хотя бы нам даже удалось преодолеть моисееву космогонию, все равно в чем-нибудь другом сейчас же вынырнет та же самая мысль о мире, как о сплетении причин и следствий, т.е. как о чем-то исторически постижимом. Нас ведь искусственно выращивали материалистами и огромное большинство так и остаются материалистами, все равно, посещают ли они набожно обедню, или, в качестве свободных мыслителей, сидят себе дома. Между Фомаю Аквинским и Людвигом Бюхнером, по существу, нет почти никакой разницы. И это свидетельствует только о, внутреннем разладе и раздвоенности в нас самих. Отсюда недостаток гармонии в нашей душевной жизни. Среди нас каждый мыслящий, благородно настроенный человек неизбежно мечется между порывом к стройному, руководящему, просветляющему жизнь религиозному мирозерцанию и полной неспособностью решительно порвать со всем этим миром церковных представлений, оставляющим человека глубоко неудовлетворенным. В индоарийском же мышлении есть все необходимое для того, чтобы возбудить нашу энергию в этом направлении и указать нам пути. Поэтому Дейссен с полным правом мог высказать следующее чаяние: «Серьезное усвоение индусской мудрости должно иметь следствием постепенный переворот в религиозном и философском мышлении Запада - переворот не столько видимый на поверхности, сколько затрагивающий последние глубины человеческого духа».

ЧИСТОТА РАСЫ

Первое свойство - чистота - исходит, конечно, не из собственной силы, а представляет собою продукт исторического промысла. Его значение касается самой сущности мышления: на протяжении всей истории духовного развития индоевропейцев одно только древне-индусское мышление, как и поэзия, осталось свободно от всякого, даже самого отдаленного, соприкосновения с семитическим духом; оттого оно так чисто, ясно, подлинно и самобытно. Как же не пасть на колени и не прильнуть благодарными устами к такому редкому источнику! Говорю это вовсе не из каких-либо кровожадных антисемитских побуждений, а только потому, что мне известно, насколько эта удивительная порода - семит, - распространяющаяся по всему миру и обладающая такою изумительною способностью все себе ассимилировать - глубоко и внутренне изменяет все, к чему прикасается. Величайшие признанные авторитеты, притом вполне

либеральные - как Вебер, Лассен, Ренан, Робертсон Смит - единогласно заявляют, что семит лишен настоящей творческой силы, но зато наделен совершенно исключительной способностью все усваивать. Но что такое это усвоение? Ведь, чтобы понять какую-нибудь мысль, я должен быть в состоянии как бы вторично сам ее породить, следовательно, она должна быть заложена во мне в скрытом виде, ибо творческое требует сотворца, чтобы жить. Наши индоевропейские гении ничем специфически не отличаются от той массы, из которой они вышли; напротив того, Шекспир более англичанин, чем кто-либо из его соотечественников; Шанкара - индус, со всеми его недостатками; Гомер - характерное сочетание истинно-эллинской расточительной силы созидания, и самой беззастенчивой хвастливости; Гете - гениальный и добросовестный педант, представляет собою настоящий компендий немецкого характера. Только благодаря большому развитию жизненной энергии и внутреннего огня, излучающего больше тепла и света, благодаря этой *activite de l'ame*, как говорит Дидро в своем эссе о гении, - они творят нечто неслыханное и не существовавшее ранее. Мы же, этим гениям единокровные, как бы вновь творим это в себе и после того храним, как свое исконное и постоянное владение.

Каким же образом можно ожидать такого процесса усвоения от человека совершенно чуждой расы, да еще лишенного всякой творческой способности? Я считаю это просто невозможным. И я вижу семитов, как они, от времен вавилонских шумеро-аккадийцев и вплоть до нынешней Европы - заимствуют культуру других народов, перерабатывая ее по-своему до неузнаваемости, что, впрочем, само по себе имеет полное оправдание и даже заслуживает признания и изумления; для нас же имеет весьма печальные последствия, потому что, едва подчинившись более сильной или хотя бы более навязчивой воле, мы уже не умеем предохранить наше собственное от искажения, как и не умеем найти удовлетворения в чужом.

Одно из наиболее достойных сожаления свойств всех индоевропейцев - это та легкость, с которой они отчуждаются от самих себя. И вот от этой-то серьезной опасности нас ничто не может оградить, ни варварское, нас же самих позорящее, гонение, ни торжественный остракизм. Антисемитизм упускает из виду два обстоятельства: во-первых, еврей никогда не был чистым семитом и не стал таковым; он имеет в крови некоторые посредствующие элементы; а из этого следует, что необходимо делать различие между тем или иным евреем и не упускать из виду, что многие евреи, так же, как и мы, жаждут освобождения от семитических представлений; во-вторых, если иудейские полусемиты, благодаря мощи своей воли и объединению в замкнутую интернациональную нацию, и представляют собою наиболее поражающий «чуждый» элемент в нашей среде, то во всяком случае не единственный. Я назвал семита лишь потому, что он один сыграл известную роль в мире идей, подобную по своему значению роли индоарийцев и родственных им духом - а может быть и телом - европейцев. Но среди нас есть другие посторонние элементы, которые тем опаснее, что остаются безымянными. Люди, которые имеют с нами большое внешнее сходство, внутренне же отличаются от нас специфически иною душою, которые не переиначивают, как семиты, до основания всего того, что от нас получают и в чем вместе с нами принимают участие, но все внутренне отравляют и портят, обращая благословение в проклятие.

Ни одна только история говорит о том, как собственно европейцы (индогерманцы) в своем стремлении на юг и запад, врзались в чуждые, этнографически сильно-смешанные элементы более низкого духовного уровня, никогда их бесследно не стирая, - и в антропологии есть указания на присутствие и постепенный рост населения, происходящего от первоначальных жителей Европы, частью скрывшихся от Ното еигораеи's высоко в горах, частью им поработанных: потомки этих первобытных туземцев быстро размножаются, благодаря своей физической и в особенности сексуальной силе, обычно связанной с относительно духовною ограниченностью, и мало-помалу пропитывают основной германский ствол. Затем следует большая примесь монгольского элемента, которая, по изысканиям Бушмана, привела к явному уменьшению

емкости черепа, величины мозга, а вместе с тем и восприимчивости к культуре, короче говоря - к поглупению (см. «Archiv für Rassen und Gesellschafts-Biologie», 1904, стр. 697.). Игнатий Лойола, баск, типичный отпрыск этих прирожденных врагов нашей культуры, без всякого сравнения опаснее для нее, чем еврей.

Чем же мы можем, чем должны оградить себя? Как устоять в этой священной и справедливой борьбе, - борьбе за собственное существование? Прежде всего, глубоко проникнувшись необходимостью этой борьбы, а затем, выработав вдумчивое и сознательное отношение к тому, что собственно нам присуще. Целым столетием пожертвовали мы ради какой-то до нелепости неограниченной терпимости; мы почти утратили чувство невозместимой важности границ, важности того индивидуального, что безвозвратно уходит, и из чего единственно исходит творчество и великие дела. Мы мчимся прямо к хаосу. Пора, давно пора опомниться! И вовсе не для того, чтобы ограничить чью-нибудь духовную свободу, а чтобы самим стать господами в своем собственном доме, чего у нас все еще нет.

Вот в этой-то крайней необходимости «опомниться» и может иметь огромное значение общение с подлинными индоарийцами. Потому что они дают нам, в сильно сгущенных красках, картину тех же добродетелей и недостатков, какие врождены нам, при чем картина эта, хотя и не одинакова, но столь подобна нашей, что сходство между германцами (в особенности немцами), и индоарийцами в некоторых отношениях кажется более близким, чем между германцами и эллинами. Стремление символически связывать между собой все явления, пока не будет достигнуто живое (а не абстрактно постижимое) представление единства, неисчерпаемое богатство фантазии, смелый полет бесстрашной мысли, метафизическая жилка, проникновенность, единственное в своем роде преклонение перед личностью, беспристрастие, священный Ernst, склонность к аскетизму, невероятное трудолюбие, далее, успехи наук, углубленность мистики, и, с другой стороны - неповоротливость и многоречивость, недостаток вкуса, бесхарактерность, нагромождение неясных мыслей, которое идет рука об руку с ребяческой манией систематизации, постоянная готовность преувеличить ценность чужого и умалить ее в своем, собственном, и т.д., и т.д., - все это мы снова находим у индоарийцев и видим в них себя, точно в увеличительном зеркале. Все это поможет нам изучить самих себя и начисто отделить то, что нам действительно присуще, от того, что нам навязано, что в нас втиснуто и вбито, как и от всего поддельного.

БУДДИЗМ ЯВЛЕНИЕ НЕ АРИЙСКОЕ

В дополнение к этим выводам о чистоте индоарийского мышления должна быть сделана необходимая оговорка. Когда я говорю об индоарийском мирозерцании, я отнюдь не имею в виду буддизма. В том, что сам Будда был отпрыском чистейшего индоарийства, сомневаются лишь очень немногие; все, что было в нем продуктивного, он черпал из мышления своего народа. Идеалистический образ мыслей, предрасположение к метафизической глубине - все это говорит о его расе. Но в то же время, он был отступником, который коренное мирозерцание народа назвал «пустой глупостью» и который заодно с религией осудил и социальный строй. Кроме того, теперь установлено, что с самого начала буддизм был подхвачен и разнесен элементами совсем не арийскими. Исследованиями Гарбе о Санхьи и Иосифа Дальмана о Будде и Махабхарате выясняется все определеннее, что всюду, где индоарийское мышление отступало от символически трансцендентного идеала в религии и от исконного аристократизма социального строя (то и другое идет всегда рука об руку) - это всегда вызывалось смешением расы с неарийскими народностями. Что касается буддизма, это уже вполне доказано. Различными исследователями давно уже было замечено, что буддизм возник в местности Индостана, наименее населенной арийцами; замечательный сам по себе, этот факт привел к установлению еще и того, что люди всех слоев населения, ранее других примкнувшие к

этому движению и в качестве миссионеров разносившие по всему миру это пресловутое душеспасительное вероучение, - в большинстве случаев не могли быть арийцами. Как чума, распространялась по всей Индии это учение, враждебное всем религиозным традициям народа. Но, в конце концов, выпрямился согбенный ариец и вышвырнул врага вон. И теперь, вот уже много столетий, в Индии нет буддизма. «Только на не арийской почве, среди не арийских народностей, продолжается поклонение Будде».

Однако творческая сила Индии была подорвана навеки. Влияние расы настолько неоспоримо, что Дальман, слова которого я здесь привожу, неизменно возвращается к этому моменту, - хотя, в качестве иезуитского патера, он вряд ли может быть заподозрен в особенном пристрастии к значению расы. Буддизм, к сожалению, в такой огромной мере заполонивший умы огромного большинства европейцев во вред всякому серьезному гуманистическому изучению индусского мышления, хотя и должен быть назван, как сказано, индоарийским по своему первоисточнику, но в дальнейшем, как и во всем своем историческом развитии, он остается явлением сплошь не арийским, антиарийским, и, кроме того, совершенно неоригинальным. До самого последнего времени думали хоть в эпосе Махабхараты найти следы какого-нибудь продуктивного влияния буддизма; теперь же установлено, как раз обратное: здесь так же, как и всюду, буддизм только заимствовал; до последнего времени полагали, что хоть в сказках и баснях своих буддисты оставались оригинальны, а они, оказывается, в лучшем случае, брали прекрасные старинные сказки индоарийцев, искажая и сплющивая их до неузнаваемости, подобно тому, как католическая церковь искалечила наши мужественные, символически-неисчерпаемые героические сказания, превратив их в водянистые священные повествования.

Дальман приходит к выводу: «В лучшем случае, такого рода школа могла взять на себя кольпортаж чужого знания и чужих культурных приобретений. Таким образом, буддизм стал артерией, через которую другим народам сообщалась арийская культура. Его культурно-историческое призвание состояло в том, что он пересаживал на неиндийскую почву сокровища народа, выше стоящего духовно, да и то не в первоначальной форме и выполнении. Первые столетия буддизм хранил еще отпечаток брахманской культуры; но чем больше он сливался с не арийскими народами, тем резче - на арийской почве - обнаруживалась его внутренняя гнилость, тем быстрее увядала его кажущаяся краса. Основная мысль буддизма в корне враждебна всякой высшей жизни духа. В нем рождается и множится гибель всему, чем старая Индия завоевала себе почетное место в культурном развитии восточной Азии». (Buddha, 1898, стр. 215). Когда же, в последующем, Дальман называет буддизм «символом торжества разрушительной силы», то для нас становится ясным (как из его предшествовавших описаний, так и из трудов других ученых), что это за сила: чужая, не арийская раса.

Не пускаясь в далекие изыскания, довольно остановиться на правилах практической жизни, чтобы понять все неразрешимое противоречие между буддизмом и подлинным индоарийским мирозерцанием. Основной принцип индоарийцев - гармоническое слияние с природой; у буддистов - отрицание природы. Пессимизм индоарийцев относится к их общему мирозерцанию, как тьма к свету, как осень к лету и весне: после радостной юности, брака и отцовства и исполнения, гражданского долга - наступает естественное в старческом возрасте отречение от мира. И здесь отрицание воли к жизни признается, как высшая мудрость; но познание это было для них не исходным, а конечным пунктом, оно было последним плодом всей жизни, вестником близкой кончины.

То соображение, что метафизика индоарийцев, тончайшая и отвлеченнейшая, не теряет в то же время непосредственного соприкосновения с космической цельностью мира, - разве не кажется бездной, перед которой останавливается мысль? Такое явление могло быть, разумеется, следствием только органического роста; в противоположность чему, буддизм есть возмущение индивида против всего органически выросшего, против «закона»; он отрицает не только то, что его непосредственно окружает, т.е. историческое

возникновение общества и учение Вед, но логически и весь общемировой порядок. Здесь пессимизм не конец, а начало: абсолютное целомудрие и абсолютная бедность - его первые законы. Точно также и во внешнем построении обеих религий бросается в глаза этот контраст: у браманов не было ни церкви, ни святых; все это было введено буддистами. А вместо мифологической метафизики с ее неустанным развитием, с этим прекрасным древнеарийским представлением о БогоЧеловеке, постоянно вновь рождающимся ради спасения мира - выступает мертвая и непогрешимая догма: «Откровения Возвышенного».

В наши дни, в эпоху смехотворного переживания псевдо-«буддистского» спорта, когда очень многие серьезно держатся мнения, что буддизм есть полное и совершенное выражение индусской мудрости, было уместно заявить протест, кратко, но энергично. Древне-индусскими мыслителями он уже давно был заявлен. Не кто иной, как сам Шанкара, после основательного опровержения всех главных тезисов буддизма, покончил с ним следующими убийственными словами: «Таким образом, Будда проявил только свою безудержную болтливость, или же еще и ненависть свою к человеческому роду».

Итак, если я считаю индоарийское мышление свободным от всяких посторонних примесей, то я имею в виду только подлинное арийское мышление, а не продукты его вырождения в среде не арийских народов Азии.

Довольно о первом отличительном свойстве индоарийского мышления - его чистоте; переходу теперь к рассмотрению второго.

МЫШЛЕНИЕ ЦЕЛОГО НАРОДА

Глубочайшую и вместе с тем своеобразнейшую основу этого подлинно арийского мирозерцания я вижу в том, что оно органически выросло из метафизической деятельности целого народа. Один этот факт уже порождает как исключительные свойства индоарийского мирозерцания, так и те недостатки, которых никогда не мог изъять ни один из его позднейших систематизаторов.

Важнейшим преимуществом такого положения дел нужно считать ту органичность, которая из него вытекает. То, что вырастает из жизни целого народа, питается большим количеством жизненных соков, чем гениальная фантазия какого-нибудь отдельного мечтателя. Наша европейская философия движется только параллельно с нашим миром, - она может завтра же исчезнуть без малейшего ущерба для нашей государственности; в противоположность чему, индусское мирозерцание было душою индусского народа, оно определяло внешние формы его жизни, составляя содержание его мышления, его стремлений, поступков и надежд. Эпоха высшего могущества индусского народа была также временем расцвета его метафизики; а когда философия утратила свое господствующее значение, - погиб и народ.

В наглядное пояснение того своеобразного значения, какое философия имела в Индии, я хотел бы привести сравнение, которое, на первый взгляд, может, пожалуй, показаться парадоксальным; но я надеюсь, что оно поможет составить более ясное представление о предмете. Я хотел бы провести параллель между индусским мышлением и эллинским искусством. Подобно греческому искусству, это мышление было силой конструктивной, создающей и, в известном смысле, наделенной непогрешимостью. В искусстве эллинов отражается художественная восприимчивость, вернее - мирозерцание целого народа; и в этом заключена вся тайна их неподражаемости. Вкус греческих художников безошибочен; это потому, что художник черпал его в не ошибающемся инстинкте всего народа. Пусть Гомер или Фидий, в отдельности, превосходили остальных мощью своих дарований: по существу этого дарования все эллинские художники были родственны между собою; то, что они творили, было всегда прекрасно; а кто не владел ни стилем, ни резцом, тот все-таки жил этим же миром, оберегал его богатства и умножал их. Его жизнь, одежда, все его стремления, убеждения и мысли принадлежали этому миру и были ему посвящены. В

Греции искусство было высшим моментом человеческого бытия, что возможно только в том случае, когда оно не выделено из жизни, а, напротив, составляет с нею одну совокупность во всем разнообразии своих проявлений (Рихард Вагнер).

То самое, что в течение всей мировой истории единственный раз выпало на долю искусства, осуществилось (тоже один единственный раз) и в мышлении индусского народа. Народ, столь же беспримерно предрасположенный к спекулятивному мышлению, как греческий к художественной изобразительности, оказался поставленным в течение целого ряда столетий в такие условия, которые позволяли ему беспрепятственно культивировать свои способности. Общим результатом явилось то самое индоарийское мирозерцание, которое мы находим, прежде всего, в «священных писаниях», Упанишадах; а затем, уже полнее разработанное и снабженное философскими комментариями, оно выступает перед нами в различных Сутрах или же в поэтических образах Бхагавадгиты и других стихотворных произведений.

Всякая попытка постигнуть индусское мышление, не приведет ни к каким результатам или же приведет к однобоким, если не будет принято во внимание, что здесь речь идет не о философской системе, или системах отдельных философов, а о мирозерцании целого народа мыслителей.

Что я хочу сказать словом «народ мыслителей», мне кажется, должно быть ясно само по себе после моего сопоставления с греческим народом. Я далек от нелепого утверждения, что всякий индус был непременно философом; я только говорю: различные жизненные разветвления, расходящиеся в противоположных направлениях, различные призвания и склонности, сходились у этих людей все, как в фокусе, в одной точке: в преклонении перед мышлением. Кто сам не был мыслителем, тот поддерживал мышление тем, что в философе признавал высшее существо, которому и подчинялся беспрекословно, а выводы этого мышления служили ему руководящей нитью в жизни и основой его политических и религиозных убеждений. Мыслители же по призванию (т.е. брахманы) составляли высшую касту; самый гордый монарх спускался со своего трона, чтобы приветствовать прославленного мыслителя. Кто мог поведать о том «предвечном, что никогда не может быть доказано», того богатые осыпали золотом. Величайшей честью для всякого двора считалось присутствие возможно большего числа мыслителей.

Таким образом, мышлению и морально и материально способствовал целый народ; то, что в этом мышлении находило себе выражение нечто высшее, сознавалось более или менее каждым индусом. Эта-та общая настроенность и говорит о какой-то особенной, беспримерной склонности, простирающейся на всю нацию; едва ли можно назвать другой подобный пример.

ОРГАНИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Отсюда вытекает третье отличительное свойство индоарийского мышления, вскользь уже упомянутое выше: мышление это в высокой степени *органично*.

В противоположность нашей философии, созданной усилиями отдельных ученых, возникавшей мало-помалу, скачками от утверждений к их же опровержениям - индоарийская метафизика есть нечто органически и непрерывно созидавшееся. Такого рода мышление действует на тех из нас, европейцев, кого еще не окончательно хватил умственный паралич (Ankylosis) - точно внезапное освобождение из лабиринта разного рода системокропаний. Мы вдруг лицом к лицу сталкиваемся с природой, и как раз в той самой области, где мы настолько привыкли встречать одну только крайнюю искусственность, что едва и осмеливались предполагать здесь возможность природы вообще. Правда, природа, как говорит Гете, «проще, чем можно думать, и в то же время запутаннее, чем это доступно для понимания»; и вот эта-то близость индусского мышления к природе и создает огромные трудности. Этого не следует упускать из виду тому, кто захотел бы успешно отдаться трудной, но благородной работе восприятия

индоарийского мирозерцания из первоисточников. Потому что тогда становится ясным, что никакая, даже самая удачная и обстоятельная книга, имеющая целью более удобным путем ввести нас в этот мир, никогда не может привести к желанному результату. Чисто формальное, логическое изучение арийской философии совершенно бесцельно; оно было бы похоже на попытку ознакомиться с физиологией растений из описательной систематики. По этому поводу справедливо замечает Дейссен, что все наши обычные схемы - теология, космология, психология в приложении к индусскому мышлению являются какими-то «сосудами без дна». Втискивать это мышление в подобные схемы, значит, лишить его жизни.

Если кто-либо пожелает окончательно убедиться в том, насколько невозможно усвоение истинного значения индусской мудрости с нашей западной точки зрения - пусть прочтет в «Системе Веданты» Дейссена, на стр. 127 и 128, доказательство полной неприменимости к этому учению нашего понятия пантеизма. И все-таки его неизменно называют пантеизмом, на том единственном и весьма жалком основании, что все прочие наши ходячие понятия еще менее пригодны для обозначения индусской мысли. Мы крепко закованы в нашей систематике, точно рыцарь XIII века в своем тяжеловесном панцире, и можем выполнять только те немногие определенные движения, на которые рассчитано наше хитрое вооружение; индус при меньшей силе пользовался гораздо большей свободой.

Это свойство органичности предохраняет, в то же время, от разных наростов того преступного индивидуализма, который пытается порвать со своим коренным началом и отдаться свободной фантазии. «Чисто рассудочное изучение ведет к анархии», говорит Гете; это познали уже эллины, когда философы взяли у них верх над поэтами; в этой духовной анархии живем теперь мы, и она нам представляется свободой. Если же эта мнимая свобода, не знающая границ и изъятая из всякой органичной связности, не разрешает нам принести нашу глубокую симпатию и полное понимание тому далекому и чужому, то тем самым она сама изобличает свою лживость. Разумеется, не в нашей власти менять время и его жизненные законы; но я все-таки думаю, что если мы действительно стоим столь высоко в духовном отношении, как иной раз склонны думать, то это свое превосходство мы могли бы, между прочим, доказать и некоторым, повышением творческой силы нашей фантазии. Тот, кто ныне приступает к изучению индоарийского мышления, обязан хоть на время укротить необузданный индивидуализм своих суждений.

Это рассмотрение трех главных положительных свойств индоарийского мышления пусть будет увенчано словами Кальдерона из его комедии: «Плачь, женщина и ты победишь». В первой сцене первого акта великий испанский поэт говорит о тех ученых, которые

Все знают, ничего не узнают

И дальше:

*Что у всех сойдет за мудрость,
Кажется в одном - безумьем.*

Нечего и говорить, что в индоарийском мышлении нам многое покажется безумием, - я первый не стану опровергать этого, речь об этом еще впереди. Но пусть неопит скажет себе: здесь передо мною не разглагольствования кабинетного ученого, как у нас; здесь - медленно возникавшая «общая мудрость» целого народа, органически выросшее произведение природы. Довольно одного этого, чтобы допустить, что в этом безумии заключено нечто, заслуживающее серьезнейшего внимания.

АЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Приобретя, таким образом, некоторые основные и ориентирующие понятия, присущим к дальнейшей разработке приобретенного, я избираю метод от внешнего к внутреннему, так как считаю его более легким, если и не наиболее правильным логически.

Прежде всего, если смотреть с чисто внешней стороны, это медленное органическое вырастание от тысячи корней само по себе приводит к одной из самых замечательных и интересных особенностей индусского мышления, никем еще не отмеченной.

В каждой области, столкновение живого органического единства с отвлеченной логичностью создает неизбежное *противоречие*. На практике противоречие это превращается в *противодействие*, как таковое, подчиняет себе все феномены жизни; поэтому великий Биша определяет жизнь вообще, как «l'ensemble des fonctions qui résistent à la mort». Также и в душевной жизни, различные силы приобретают равновесие через это - называемое противоречием - противодействие. Это основной факт в архитектонике разума. Мы встречаем его повсюду: во всех философских системах, во всех теориях, в учениях всех великих людей и в жизни всех выдающихся народов. Противоречие - это тот балансир, с помощью которого мы перебираемся через зияющую пропасть непостижимого по очень узкой перекладине нашего разума. На нас же, жителей Запада, всякое сопоставление тезисов, противоречивый характер которых нельзя отрицать, производит впечатление, прежде всего какой-то запутанности. Мы и спешим заклеить все подобное, как «бесмыслицу». Потому что, если бы мы даже вообразили, что тирания веры уже сокрушена, все равно тиски логики оставляют нам еще меньше свободы, перед ее канонами мы падаем ниц все так же беспрекословно; подобно тому, как позднейший индус, уже введенный в заблуждение, бросается под колеса Джаянната.

Оттого мы и привыкли так заботливо запрягивать противоречия нашего мышления в самую глубину нашего мирозерцания; мы стараемся обмануть себя и других. Почти две трети наших философствований уходит на критическое уловление противоречий у других философов. В противоположность этому, у индусов противоречие признается открыто и без всяких околичностей. Как переливчатую тканью, противоречием у них облекается обнаженная истина. Бесчисленные боги, - и при этом единый мировой дух; индивидуум, обреченный на долгий ряд перевоплощений, - и, в то же время, снятие индивидуальности в тат-твам-аси («то есть ты»); этика, основанная на этом учении о переселении душ, - и несмотря на это признание: «только тот, кто еще подвластен слабостям незнания, может признавать такое переселение» (Шанкара, «Die Sutras des Vedanta», стр. 19); свобода воли, - и необходимость; идеальность мира, его реальность и т.д. Как будто с умышленной иронией и с каким-то предвзятым пристрастием ставит индоариец в один ряд все эти учения, с точки зрения чисто логического мышления совершенно несовместимые.

Надо себе представить расстояние, разделяющее такого рода мировую мудрость и ту философию, к которой так неудержимо влечет всех наших философов-специалистов: «Principium philosophiae demonstratio more geometrico» Баруха Спинозы! Изумительная способность арийцев к математике достаточно сказывается в том факте, что они, которым была противна буква, изобрели цифры, неправильно названные «арабскими», чем и открыли путь всякой высшей математике. Но в своей детской простоте и величии они никогда не дошли бы до геометрической конструкции «божества» и до вычисления добродетели по тройному правилу. Во всех индусских произведениях противоречия, как сказано, остаются явными. Поэтому читатель не найдет у них той неприкрытой простоты и обозримости, того индивидуального мышления, лишённого противоречий, которое стремится к единогласию только с самим собою. Это не система, по крайней мере, не в нашем значении слова, а скорее размышления, изыскания в области некоторого мирозерцания, предполагаемого всем известным и для всех несомненным, создававшегося органически, усилиями тысячи родственных умов и многочисленных, одно за другим следовавших поколений.

В праве ли мы называть попросту нелогичным такого рода мышление, в котором противоречия следуют непосредственно одно за другими? Не думаю. Ведь индусы имели в своей среде блестящих полемистов, и я право не знаю, может ли наша европейская философия указать на более меткое и более острое применение логического мышления, чем, например, шанкарово опровержение реализма, абсолютного идеализма и нигилизма в сутрах Веданты. Однако, нет сомнения, что, взятое в целом, индусское мирозерцание, если не нелогично, то, во всяком случае, алогично; но алогично именно в том смысле, что логика не подчиняет себе мышления, а напротив, служит ему там, где оно в ней нуждается.

МАТЕРИЯ АРИЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Рассмотренный вопрос ведет непосредственно к другому, который уже глубже проникает в особенность арийского мышления.

В определенном, хотя и ограниченном смысле, логика может быть названа именно внешней стороной нашего мышления, его формой; но, кроме того, существует еще материя мышления, которая, с этой точки зрения, образует его внутреннее содержание. У нас же, по примеру эллинов, создалась привычка подчеркивать форму; неизбежные противоречия - ибо вычисления никогда не дают ответа без остатка - мы, как уже было сказано, стараемся упрятать вовнутрь, влагаем их в самую материю, где они не так бросаются в глаза. Индоариец же, наоборот, в своем мышлении выдвигает прежде всего материю, а потом форму. Оттого он и делает различие между внутренним или истинным знанием и тем «незнанием» (*avidya*), которое касается именно логических форм, или, как выражается Шанкара, «всяких занятий над доказыванием и над доказуемым».

Если я делаю здесь различие между знанием внутренним и знанием внешним, то, я думаю, для всякого ясно, что я выражаюсь символически. Без помощи этого символа мне было бы трудно выяснить одно из важнейших основных свойств индусского мышления. Это мышление не является спекуляцией ради спекуляции; оно лишь повинует внутренней побудительной силе, могучей моральной потребности. Высказаться по этому вопросу кратко и вместе с тем ясно - не легко; но я все-таки хочу попытаться это сделать.

Существуют вещи, которые могут быть доказаны, и вещи, которые доказаны быть не могут. Когда ариец все свое мышление основывает на несокрушимой уверенности в моральном значении мира - своего собственного бытия и бытия всеобщего - то он строит свое мышление на «внутреннем познании», по ту сторону «всяких занятий над доказыванием».

Эта «материя» не может быть получена из наблюдений над окружающей природой. И, однако же, мы видим, что индоариец, уже начиная с Ригведы, неизменно смотрит на всю природу, как на нечто ему самому родственное и, следовательно, имеющее моральное значение. Сказывается это, прежде всего на его мифологии, которая, благодаря этому, до того усложнена, что те боги, которые, прежде всего, олицетворяют явления природы, являются в то же время символами внутренних сил в человеческой груди. Как будто ариец чувствует в себе потребность извлечь и бросить миру все то, что шевелится в темных недрах его существа, и как будто потом великие явления природы - ясное небо, облака, огонь и т.д. - возвращаются тем же путем, по тем же наружу прорвавшимся из глубины лучам, вторгаются в грудь человека и таинственно шепчут ему: да, друг, мы то же, что ты! Отсюда эта странная безбоязненность в отношениях древних арийцев к их «богам». У них нет определенно выраженных представлений о подчинении, а говорится совершенно запросто о «двух народах». Как говорит Дейссен: «Если у семитов Бог прежде всего господин, а человек его слуга, то у индогерманцев царит представление о Боге, как об отце, и о людях, как о детях его».

Вот здесь-то, в этом предрасположении строить свое мирозерцание, исходя из внутреннего к внешнему, и лежит зародыш неслыханного развития метафизической

способности, зародыш всех великих произведений индоарийского мышления. Так, например, старый, неподдельный пессимизм индусов, их свойство распознавать страдание во всей природе - основано целиком на чувстве страдания в собственной груди; и отсюда оно уже распространяется на весь мир. Как метафизика, в качестве познания трансцендентального идеалитета эмпирического мира, имеет смысл только для метафизика, точно так же и сострадание может иметь смысл только для того, кто сам умеет страдать. Это и есть проектирование внутренних переживаний во внешнюю природу, ибо никакая наука в мире не способна доказать, что страдание существует, не может установить даже его вероятия. Страдание есть исключительно внутренний опыт.

Вспоминаю, как однажды в Женеве, где я слушал курс физиологии у известного профессора Шиффа, я зашел как-то в его лабораторию, где всех учащихся всегда ожидал дружеский прием и много поучительного. Я увидел там в корзине маленькую собачонку и хотел было ее погладить; но она подняла такой отчаянный, такой жалобный вой, что звук его и теперь еще стоит у меня в ушах: в нем мне послышался голос самой природы, и я от жалости громко вскрикнул. Но наш великий ученый, всегда кроткий и терпеливый, вдруг вышел из себя: что это за ненаучная речь? откуда я могу знать, что собака страдает? это еще должно быть доказано! Независимо от того, что наличие страдания не может быть доказана ничем на свете, так как у животных наблюдаются лишь движения, все чисто физически и вполне удовлетворительно объяснимые, - произведенное этой собаке частное сечение спинного мозга, делает весьма вероятным, что чувствительные нервы и т.д. И вот после обстоятельного технического разбора последовало такого рода заключение: утверждать я могу и должен только одно, что впечатление, воспринятое одним из оптических нервов, вызвало в качестве рефлекторного движения сотрясение голосовых связок в гортани; затем к этому был присоединен интересный экскурс о значении понятия целесообразности в свете дарвинистской гипотезы.

Шифф был, конечно, прав; я считаю его не только одним из самых крупных ученых, каких я когда-либо встречал, но и, кроме того, мыслителем самой завидной последовательности и пронизательности. И если я утверждаю: Шифф прав только логически, я же знаю, что животное страдало; если я вместе с Мильтоном не принимаю его безупречного доказательства: *Plausible to the world, to me worth naught!* (достоверно для всех, ничто для меня); если я говорю, что убежден, как в своем собственном существовании, в том, что несчастная собачонка перенесла невероятные мучения физические и нравственные, покинутая теми, к кому была привязана, осужденная на безобразные пытки, - то я утверждаю нечто, чего я не могу доказать, и в чем однако уверен так, как не уверен ни в чем другом, что можно доказать мне экспериментами и силлогизмами.

Я уже предвижу снисходительную усмешку какого-нибудь «философа»: «Все это в целом есть не что иное, как заключение по аналогии». Нет, мой милейший антиметафизик, на этот раз вы жестоко ошибетесь. Не думайте, что не признающий себя рабом логики, не уважает ее и не умеет строго соблюдать ее правил. И нам очень хорошо известно, что заключение по аналогии из всех видов умозаключений - вид наислабейший. Это ясно и из собственных размышлений, да и все мастера логики, от Аристотеля до Джона Стюарта Милля включительно, говорят и доказывают то же самое. Самый безукоризненный силлогизм и самая доказательная индукция, требуют очень часто самой тщательнейшей проверки и большой дисциплины мышления, чтобы быть признанными, наконец, как неопровержимые; как, следовательно, бледна и неустойчива после этого всякая аналогия! Но тот болезненный крик был воспринят, конечно, вне всякого сознательного процесса. Здесь имело место нечто подобное тому явлению, которое в электричестве называется «разрядом» (*Kurzschluss*), когда ток, вместо следования по правильно и обстоятельно устроенному проводнику, перескакивает с одного полюса на другой, рассыпая искры. Мое понимание страдания собаки было столь же далеким от всякой логики, как лесное эхо от силлогизмов; то было совершенно произвольное движение, сила и глубина которого

зависела от степени моей собственной способности к страданию. В то время я еще не имел ни малейшего понятия об индуистском тат-твам-аси; я был настолько мало антививисекционистом, что в печати открыто защищал Шиффа. Но когда я услышал этот крик, мое сердце судорожно сжалось; на призыв последовал отклик, и теперь дело уже было не в одном этом маленьком страждущем создании, но, как я сказал, мне почудился здесь голос всей природы. Этот многоученный физиолог был несколько не более жестокосерд и действовал, в сущности, не более сознательно, чем разрушительная лавина или гибель извергающий вулкан. И внезапно он мне представился одним из тех не ведающих людей, о которых вечно неизменно останется молитва: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят».

Надеюсь, что примером этим мне удалось выяснить, что можно и должно разуметь под знанием «внутренним» в отличие от знания «внешнего»; отсюда же становится понятным, в какой степени мышление «изнутри» должно отличаться от мышления «извне». Я говорю «в отличие от», а не «в противоположность к», так как о противоречии, как обоюдном уничтожении, здесь не может быть речи; и додуматься до этого мог бы только «не ведающий», что не имеет значения, так как подобный ход мыслей покоился бы на недоразумении. Что касается меня, то в этот момент и в этом вопросе я больше всего хотел бы знать, что меня поймут, когда я говорю: признание морального значения мира, составляющее *credo* всех подлинных и величайших германцев, *credo* таких людей, как Гердер и Кант, Гете и, Шиллер, Бетховен и Вагнер, Фридрих Великий и Бисмарк, то самое, что лежит в основе индоарийского мышления, есть «внутреннее знание», внутренний опыт. Опыт этот не может быть заимствован начисто внешнего созерцания природы или обоснован рядом умозаключений. Источником для него служит внутреннее ощущение, несокрушимая уверенность в том, что собственное существование имеет моральное значение в себе самом. Эта уверенность не поддается никакому диалектическому разложению и, ее правоспособность не может быть доказана пункт за пунктом. Это чувство совершенно антидиалектическое, в нем основа и состав личности, а корень его, глубоко проросший до самых недр матери-земли, может служить и единственной защитой против суровых жизненных бурь и средством драгоценного питания. Если бы зеленая верхушка дерева вздумала аналитически исследовать его корень - она поплатилась бы жизнью. Эта уверенность в моральном значении своего собственного существования, на которой покоится всякая истинная нравственность, может входить яснее или слабее в сознание человека, может занимать более или менее значительное место в его духовной жизни; у индоарийцев она была развита настолько беспримерно, что определяла собою все земное существование многих тысяч и миллионов людей и теперь еще его определяет, несмотря на печальный упадок нации. Когда престарелый ариец - мыслитель, воин или торговец - оставляет своих детей и внуков, все что ему дорого на свете, очаг и людей и животных и воспоминания, чтобы, одиноко скитаясь в лесах, годами молчания и лишений готовиться к освобождению души, то какой-нибудь логик, пожелав объяснить такой образ действия простым рефлекторным движением, оказался бы в весьма затруднительном положении. Необходимо иметь в виду, что индоариец, воспитанный на Упанишадах, далек от всякого представления об аде и вечном возмездии; если он подвергает себя лишениям и умерщвляет плоть свою, то это никогда не имеет значения искупительной жертвы разгневанному несправедностью Богу, или борьбы с дьяволом-совратителем; в этот момент чувство морального смысла его существования уже настолько переполняет его, что он решает посвятить свои последние годы лишь размышлению над ним; он охотно принимает на себя всю тяжесть такой жизни, если только она способствует обращению его мысли вовнутрь и, мало помалу, освобождает его, по возможности, от внешних жизненных потребностей. А что уверенность в моральном значении своего собственного бытия служит ему ручательством в моральном значении и всей вселенной - это понятно само собою после всего сказанного

об основах индусской мифологии. Такими освободившимися от мира людьми и были написаны Упанишады.

Так вот что представляет собою то внутреннее зрение, которое я считаю одною их основ индоарийской философии. В лице лесного отшельника оно встает перед нами в необычайном, быть может, преувеличенном образе. Но это не имеет значения. Главное внимание я хотел обратить на то, что все мышление арийцев следует по этому пути. Не трудно себе представить, какую своеобразную окраску должно принять мирозерцание, которое исходным пунктом своим берет не удивление перед нынешним миром, а глубокое изумление перед миром внутренним, перед собственным я, - мирозерцание, которое не в эмпирической вселенной усматривает ту первую данность, благодаря которой, через которую и исходя из которой только и возможно, по диалектическим соображениям, достижение более широкого кругозора, а считает единственно и вполне несомненным только невидимое, непостижимое и невыразимое собственного сердца. Над почтенными гилозоистами древней Греции - а Богу ведомо, сколь многие из наших ученых ушли не дальше Фалеса - индус просто посмеялся бы.

Столь же нетрудно понять, какую особую окраску должно принять мышление, если оно не только исходит из внутреннего побуждения, но и стремится к внутренней цели. Латинянин пишет: *Felix qui potuit regum cognoscere causas*. Следовательно, ему было бы желательно познать причину вещей, вещей его окружающих, видимых. А так как эти вещи иной раз заявляют о себе не совсем дружелюбно, то он продолжает свои благочестивые желания:

Atque metus et inexorabile fatum Subjecit pedibus.

Победить страх, покорить судьбу, стать самому господином - вот, что представляется римлянину высшей мудростью. Индоариец сказал бы: этот человек не способен ни к какому познанию, он еще весь объят маревом, «неведения»; то, что он называет мудростью, есть едва лишь первое пробуждение мышления; ибо, что такое эти мнимые «вещи» с их мнимыми «причинами», как не я сам я? Как могу я познать то, что не есть я? Что такое этот «страх», как не простое движение в моем собственном внутреннем мире? И что такое эта «судьба», как не гигантский призрак моего собственного бытия? То самое, что дало себя так ясно почувствовать в том крике замученной собаки, всегда и было для арийца исходным пунктом: призыв из таинственного, непроницаемого внешнего мира и произвольный отклик собственной, ясной, живой души; или же призыв измученного, несказанно исстрадавшегося нутра и ответный вопль окружающей природы, которая именно через это страдание стала нам разом близка и громко заявляет о своем по существу родстве с нами. То, что здесь происходит, совершается в глубочайших тайниках человеческого существа. Наши внешние чувства нас часто обманывают, - это нам слишком хорошо известно, и мы стараемся быть предусмотрительными, чтобы, по возможности, избегать заблуждений; а между тем мозг наш, который, по существу, есть, прежде всего, орган централизации чувственных впечатлений и импульсов, т.е., по существу и прежде всего, орган, направленный вовне, который только у высших животных да и то на втором плане взял на себя выполнение других функций, - мозг этот может нас ввести в горшее заблуждение. Индоарийцу наш наивно эмпирический и рационалистический философ показался бы малым ребенком в колыбели, гнущимся к луне; сам же он считает себя зрелым, пробудившимся к сознанию, мужем.

ФОРМА АРИЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Если нам даже здесь пришлось различать между формой и материей мышления - что было вызвано требованиями тогдашнего момента нашего исследования - то можно себе представить, как должно было пренебрежение этим формальным элементом повлиять на все мышление в целом; к тому же еще и происхождение из бесчисленных корней на протяжении тысячелетий. И в самом деле, эта своеобразная история возникновения и

образования индусской метафизики, не имеющая ничего общего с тем, что нам привычно, обуславливает форму для нас в высшей степени утомительную, а порой прямо неприемлемую, благодаря ее бесконечной растянутости, вечным ссылок на отношения нам совершенно незнакомые, благодаря ее тесной внутренней связи с народными представлениями и с целым миром выдвинутых один в другой символов, благодаря невозможности передать словами некоторые результаты «внутреннего» опыта. Наряду с огромной и без того трудностью обозреть и верно схватить общую совокупность возникшей таким путем ткани мыслей, выступает еще одно немалое затруднение - необходимость осилить необычную, неподатливую форму, не отступающую ни перед какими противоречиями и порою почти отталкивающую.

Из-за этой формы терпит неудачу большая часть попыток ближе подойти к индусскому мышлению.

*Чтоб во внутреннее вникнуть,
В помощь внешнее дано,*

говорит Гете; здесь, к сожалению, дело обстоит иначе. Я позволю себе привести сравнение, которое поможет выяснить особенности этой формы; и, может быть, возникшее отсюда более ясное представление укрепит в ком-нибудь терпение и решимость в преодолении этой трудности.

Изобретательные психо-физиологи утверждают, что осязание играло в жизни первых людей такую роль, о какой мы едва ли можем иметь представление теперь, когда это чувство, благодаря усиленному пользованию зрением и слухом и соответствующему развитию этих чувств, потеряло всякое значение. Неблагоустроенная, полная затруднений жизнь того времени повела за собою это постоянное хождение ощупью; оно имело свое преимущество: человек ошибался реже. Его представления часто бывали странны, чудовищны, но зато в них была и большая наличность действительности, они точнее соответствовали природе.

*Зачем дано нам столько разных чувств?
Они смущенье вносят в счастья дни.*

Впоследствии глаз приобрел более ясную, но вместе с тем и более удаленную от предметов форму представления и приучил человека довольствоваться видом, отражением вещей; тогда как рука все ищет, нащупывает, взвешивает... Индоарийский метафизик - это именно *нащупывающий мыслитель!* В нем сказываются и все дефекты такового: отсутствие метода, излишняя остановка на частностях, бесконечные повторения (он подобен слепому, который может узнать число колонн в храме, только прикоснувшись к каждой в отдельности), затем, свойство приходить в восторг перед всяким зрительным образом, уродливо отраженным его не искусившимся оком, и стремительно заявлять о нем миру, при полной неспособности воспроизвести точно и остро хоть что-нибудь видимое {что особенно сильно дает себя чувствовать в полной не одаренности индоарийцев в области пластических и, вообще, изобразительных искусств}. Но за то, такой познающий через осязание мыслитель имеет неоспоримое преимущество в соприкосновении с тем внутренним миром, о котором, только что шла речь и о котором Мундака-Упанишада говорит: «Там не сияют солнце, месяц, звезды, нет блеска молний там». Судите же, что значит, с точки зрения подобной цивилизации, стоящей на первоначальной ступени письменности дойти до трансцендентного идеализма и провести его в жизнь! Именно в ночи внутренних переживаний индус и чувствует себя дома; как слепой, при свете дня он сильно затрудняется, впотьмах же, напротив, идет увереннее своей дорогой, чем другие. Когда над Лондоном, над этим громадным мировым городом спускается непроницаемый мрак тумана, перед которым бессильны сильнейшие

источники света, то в минуту нужды есть только одно спасение: слепые. Только нельзя торопить этих проводников и заставлять их выбирать кратчайшую дорогу; они идут своим обычным осторожным шагом, своими обычными путями и зигзагами, где их ведающая рука касается тысячи им только одним знакомых примет; и таким образом они уверенно и безошибочно достигают цели.

ЭЛЛИН И ИНДОАРИЕЦ

Для нас звучит почти насмешкой сравнение мыслителя со слепым. Но чтобы истинный смысл моего сопоставления остался вне всяких сомнений, я попробую пояснить его ссылкой на греков. Я считаю вовсе не безусловны то положение, будто греки (эти величайшие виртуозы в пользовании зрением) обладали нужными качествами, чтобы служить человечеству единственными проводниками в области философии. Вся жизнь их была сплошным отрицанием внутреннего созерцания и, в этом отношении, представляла разительную противоположность жизни индоарийцев. Довольно проследить ход развития арийского мыслителя. В сельском уединении получал юный браман свое воспитание: духовную пищу и нравственные задатки; с беспримерной строгостью и выдержкой планомерно готовили его к мышлению. Двенадцать лет, а иногда и больше, продолжалось теоретическое обучение и упражнения; затем следовала неизбежная школа практической жизни, созидание собственного очага. И лишь когда его сын подрастал и обзаводился своим собственным домом, тогда только наступал час, когда мудрец получал право уединиться в лесах. Когда он освобождался от всяких ритуальных обязанностей и сложного аппарата символических верований, уже достигший наибольшего развития своих способностей к спекулятивному мышлению. После того, как душа его обогатилась всеми радостями и страданиями семейной жизни и знанием людей, созревшим в практической сфере гражданских обязанностей, - тогда только настаивал час, когда этот мудрый человек мог приступить к умножению наследственных сокровищ мышления своих предков, а с ними и духовных владений своего народа. В противоположность чему у греков все воспитание было направлено на развитие зрительной и ритмической восприимчивости: гимнастика, музыка, стремление самому быть прекрасным и безошибочно распознавать прекрасное. С самого утра весь день отдавался иному рода созерцанию, созерцанию внешнего мира, речам, диспутам, голосованиям. Словом, атмосферой эллинской жизни была общественность; все ее философы были политическими деятелями, и народными ораторами. И тогда как с одной стороны многие индоарийцы чистой расы даже в теперешние дни вырождения проводят остаток своей жизни в полном уединении и, чувствуя близость смерти, сами готовят себе место успокоения и спокойно ложатся туда, в одиночестве и молчании ожидая воссоединения с вездесущим мировым духом - с другой стороны мы видим Сократа, который вплоть до последней минуты, когда он должен осушить чашу с ядом, ведет со своими друзьями тонкий диалектический анализ, обсуждая вопрос о пользе веры в бессмертие души для человеческого общества.

Ясно, что те серьезные мысли, которые создаются бесформенностью изложения индоарийского мирозерцания, не останутся не возмещенными: надежда найти в нем нечто новое - вполне справедливая.

Впрочем, было бы слишком поверхностно успокоиться на одном этом признании. Различение между формой и содержанием может всегда притязать лишь на условную ценность; следовательно, здесь мы должны попытаться проникнуть глубже.

Эллинский гуманизм - к которому индоарийский должен считаться параллельным дополнением - был для нас школой именно формы, или вернее оформления, и это во всем, начиная с отдельных произведений художественного творчества и кончая тем выводом, что человеческое общество может отливаться в такую форму, в которой свободное творческое искусство становится элементом, насквозь проникающим ее. Восхищаясь этим

элементом, хотя и чуждым, но родственным нам, мы и сами стали пробиваться к самостоятельной творческой деятельности. Наоборот, всякая попытка усвоить эллинизм в отношении к его содержанию всегда терпела неудачу; за исключением таких предметов, как логика и геометрия, где сама форма составляет содержание. В искусстве это уже ясно для всякого; философия же наша ждет еще освобождения от эллино-христианских оков. Хотя следует признать, что истинные философы наши, естествоиспытатели, все, от Рожера Бэкона и до Канта, неизменно проводили принцип этого освобождения.

Совершенно иным было положение в Индии. Индусу-арийцу не доставало своего «эллина», который сумел бы оказать своевременное противодействие этой и нам и ему прирожденной склонности вдаваться в безмерное, который канализировал бы его бьющие через край силы и дал бы чрезмерно богатой фантазии его такого хорошего кормчего, как «вкус», а его суждению - понятие о форме. Преизбытком этим, который Гете определяет, как источник всякого величия, индусы-арийцы обладали еще в большей мере, чем эллины. Не было у них только умеряющей *Sophrosyne*. Ни одна индусская поэма, ни один философский трактат не может считаться приемлемым для человека с развитым в формальном отношении вкусом. Если же эти люди и пытались иной раз избегать безмерности и громоздкости, а вследствие этого необозримости и не художественности своих образов, то они впадали тут же в другую крайность и умудрялись доходить до такой преувеличенной, афористической краткости, что их писания превращались в почти неразрешимую загадку. Общеизвестный пример - грамматика санскритского языка, Панини; она составлена по образцу алгебраических формул, так что все это, лингвистически-исчерпывающее санскрит произведение, заключающее в себе до 4.000 правил, умещается в каких-нибудь 150 страницах. Другой пример представляет собою философские комментарии Бадарайаны; там эта лаконичность доведена до такой абсурдности, что иной раз требуется целая глава пояснений, чтобы стал понятен смысл трех слов. Таким образом, форма у индусов почти сплошь никуда не годится. И этим сказано много, так как ни в чем нельзя провести вполне определенной границы между формой и содержанием; тому, кто порицает форму, уже не придется превозносить без оговорок и содержание. Так оно и есть: необходимо углубиться в самую сущность индоарийского духа, чтобы обрести чистое золото без примесей. В ком не созрела твердая решимость проникнуть вглубь этой души, и кто не имеет к тому способности (для чего необходима родственность образа мысли), тот пусть лучше оставит свой замысел: много положит труда и мало пожнет. Но тот, кто хочет и может проникнуть, будет вознагражден навеки.

Из предыдущего становится очевидным, до чего условна всякая критика, раз она касается организма; если я только что осуждал у индусов форму, то должен признать, что именно из «бесформенности» этой и возникает возможность образования некоторых понятий, некоторых намеков, некоторых сообщений от духа к духу, которых бесполезно было бы искать в другом месте. Эти вещи непередаваемы и не могут быть оторваны от своей сферы; они вызывают в нас такие мысли, до которых нам иначе никогда бы не додуматься: ибо у нас не оказалось бы материального посредника, если можно так выразиться.

Как бы то ни было, можно закончить наши замечания относительно формы следующим общим утверждением; глубочайший интерес к произведениям индоарийского гения в нас вызывает внутреннее ядро, из которого они исходят, а не та форма, в которой они нам предстают. И если мы ожидаем животворящего влияния Индии на духовную сторону нашей собственной жизни, то надежда эта, в главном, основывается только на этом ядре.

МЫШЛЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

Довольно измерить всю глубину преобладания внутреннего момента в индоарийском мышлении, чтобы понять, сколь тесным родством это мышление связано с религией.

В самом деле: ставить индусскую философию, как «чистую, систематическую философию», в ряд с системами Аристотеля, Декарта или Канта было бы ребячеством; точно так же, как было бы легкомысленно ставить религию Вед на одной высоте с христианской. Но в одном отношении духовный уровень индоарийцев стоит недостижимо выше нашего: именно, поскольку там философия была религией, а религия - философией. У нас мысль и чувство, вначале как пара близнецов мирно почивавшие в лоне человеческого сознания, достигнув зрелого возраста, отошли друг от друга, точно два совершенно чуждые существа: враждебно стоят они друг против друга. С этим должен согласиться всякий, сколько-нибудь одаренный и независимый ум. Если же они приходят в соприкосновение, как, например, в схоластике, или (на другом конце скалы) в позитивизме; то у каждого из них одно стремление: подчинить другого и заставить служить себе. «Разделение труда» - прекрасный и достохвальный жизненный принцип, но к сожалению вторгается прежде всего в самую глубь нашей собственной личности и насильственно разрывает ее пополам; и настолько, что эти половинки, хотя и стремятся потом друг к другу, как в рассказе у Аристофана, порою даже находят одна другую, но слиться воедино уже не могут никогда.

Этим единством обладал еще индусский философ, но греческий уже не обладал. Было бы печально, если бы высокое развитие отдельных проявлений нашей расщепленной деятельности лишило нас способности хоть издали восхищаться и ценить неподражаемую силу и красоту явления целостного и законченного в себе.

Эта слитность религии и философии сделала возможным нечто, чего в этом приходится сознаваться с горечью - в нашей культуре почти нет: в Индии не нашлось бы ни одного человека столь низкого духовного уровня, чтоб он мог оказаться совершенно невосприимчивым к философии; и ни на какой высоте дерзновенный полет мысли исключительно одаренного не отнимал у него пламень «религиозности». Тайного учения в Индии не существовало; это утверждение, которое часто приходится слышать, покоится на недоразумении. Но разве глубочайшее познание не остается для всех нас и без того тайною? Разве не ясно для всякого, что различные способности разных людей составляют бесконечную лестницу ступеней, где открытое одному остается сокрытым от другого? Но это нечто совсем иное, чем тайны кабалистики. Индоарийское мышление и чувство, медленно и органически возникая в сердцах и умах целого народа религиозных мыслителей, выросло в такой изумительный пластический организм, что оно могло в одинаковой мере удовлетворять самым разнородным духовным запросам (тем запросам, которые исходили из среды избранного, чисто арийского народа): разнородным поскольку это касается относительных притязаний мышления и чувства (философия и религия), разнородным также по отношению к «личному уравнению» мышления (если позволительно так выразиться); потому что в Индии трансцендентальные идеалисты, идеалисты типа Беркли, реалисты, материалисты, философы-скептики все братски уживались между собою - уживаются еще и в наше время - и в пределах одних и тех же основных религиозных взглядов. «В стране этой во все времена царствовала абсолютная свобода мысли», говорит профессор Гарбе. И нужно заметить, что здесь речь идет не о той свободе, которую мирянин постепенно отвоевывает (как это происходит у нас) у противоборствующего духовенства. Но что эта «абсолютная свобода мысли» есть в то же время одна из органических составных частей индоарийской религии, из которой свобода эта рождается естественно, непротиворечиво, беспрепятственно. Оттого-то религия и является там носительницей науки, которая без свободы мысли существовать не может. Все достижения индоарийцев, в области математики, филологии и т.п., неизменно связаны с их гносеолого-религиозными представлениями.

Ничего подобного мы не находим у себя. У нас всякая истинная наука и всякая истинная философия находятся в исконной борьбе с религией. Если же борьба иной раз

временно и затихает, то здесь играет роль или практическая необходимость примениться к данным обстоятельствам на почве обоюдной систематической неустойчивости в мышлении и в поступках, или же сознательное и рассчитанное ханжество. Если в некоторых слоях нашего населения и сохранилась религия, то Богу ведомо, сколь безуспешно было бы искать там хоть каких-нибудь проблесков мысли; у философов же наших мы или совсем не находим религии, или только ее маску. О большинстве же наших образованных людей приходится сказать без преувеличения, что нет у них ни религии, ни философии: они подобны существам некогда крылатым, у которых оба крыла отрезаны.

Теперь мы осознали то свойство индоарийского мышления, которое носит в себе главные задатки будущего гуманитарного воздействия. И я надеюсь быть понятым, если скажу: величайшее непосредственное влияние его должно сказаться на той сущности нашей, из которой и исходит все мирозерцание. То есть все то, что заключают в себе понятия религии и философии; здесь сущность должна оказать действие на сущность, пробуждая нас от летаргического сна к новой жизни. То средостение, которое наши учителя церкви с таким искусством воздвигли между религией и научно-правдивым мышлением - неправое дело; это официальное признание лжи. Ложь эта, отравляющая существование и общества и отдельных лиц, ввергнет нас рано или поздно в состояние полнейшего варварства, потому что она неизбежно будет содействовать победе дурных и глупых среди нас (ибо они лишь одни искренни, а оттого и сильны); проистекает же эта ложь исключительно из того, что мы, индоевропейцы, принадлежа к самому религиозному племени земного шара, унизились настолько, что положили в основу своей «религии» иудейскую историю, а как венец этой мнимой «религии» приняли сироегипетскую магию. Выходит так, как будто оба разбойника, распятые по левую и правую сторону Спасителя, помилованные и снятые со своих крестов - тут-то и стали глумиться над божественным образом Иисуса Христа.

Правда, мы долгим, кровавым боем отвоевали себе свободу мыслить, начиная от Скота Эригены и до нашего времени, в которое профессора философии все еще постоянно должны быть на чеку и подчиняться почти неодолимому принуждению лгать. Но «без веры нет мышления», учит нас глубокомыслие индоарийца, и вот свет нашего подлинного собственного мирозерцания продолжает гореть под сосудом. Оно не может принять этой чуждой, сиро-семитической веры, с которой не мирится наше мышление, а провозгласить другую веру не дерзает; и кроме того, оно не может выступить здесь в качестве «философии», а должно было бы проявить себя скорее в качестве «религии». Но тому, что есть религия, придется сперва поучиться у индоарийцев, потому что мы это забыли.

Ни у одного индоевропейского племени религия никогда не была историчной, и вовсе не по той единственной причине, что всякая история - довольно вспомнить иудейскую! - ничтожна до смешного перед лицом космического целого. Но на том более глубоком основании, что ни одна вещь не может быть объяснена указанием ее причины. Зевс - владыка мира, но не его создатель; точно так же ни один мифологический образ арийцев никогда не олицетворял собою создателя из ничего, а, в крайнем случае, лишь устроителя, укрепителя, хранителя; что совершенно совпадает с требованием Канта: «Зодчий вселенной, не создатель вселенной». Материалистическое представление о создании из ничего - это симптом полной органической неспособности к метафизическому мышлению; это святотатство навязывать его нам, как основу всякой религии. Предмет этот не может быть здесь изложен более подробно. Я возьму лишь самую глубокую, существенную и сжатую мысль, ту, которая лежит в основе всего остального.

Известен давнишний спор между приверженцами бытия и приверженцами становления; для нас это воплотилось, главным образом, в представлениях элеатов и Гераклита. Тот, кто замечает только становление - прирожденный материалист, а тот, кто ощущает одно бытие - односторонний идеалист. Наше германское мирозерцание, которое нашло пока самое подлинное выражение свое в Эммануиле Канте, признает

одинаковое правомочие за тем и другим, но в то же время и разделяет их. Есть механически объяснимый мир становления, и есть механически необъяснимый мир бытия. Если человек организует первый мир - то получает религию. Истинная наука не должна никогда переходить за пределы области становления и доискиваться последних основ бытия, или же ей неизбежно грозит «помрачение духа», как говорит индусский мыслитель; в этом случае она уже пренебрегает точным опытным познанием и через это уничтожает сама себя. Пытаясь затем совершенно произвольными, ложными выводами механически истолковывать немеханическое, наука эта тем самым стирает нерушимые грани и своим неправомерным догматизмом подготавливает гладкий путь тем самым популам, которые осмысливают механическое не механически. С другой стороны, истинная религия (по крайней мере у нас, индоевропейцев) может и должна иметь соотношение только с бытием, и никогда не со становлением. Индоарийцы знали это настолько хорошо, что, начиная с гимнов Ригведы и до комментариев Шанкары включительно, т.е. на протяжении целых тысячелетий, они не допускали никаких вопросов о сотворении мира и вообще о каких бы то ни было первопричинах; в крайнем случае они терпели подобные вещи лишь как сознательную игру воображения поэтическими символами. «Происхождение мира необъяснимо даже для владык богов», говорит Шанкара. Как только религия захватывает область становления, другими словами, как только она становится историчной - как в иудейско-христианских церквях - она разрушает науку, а вместе с этим и сама теряет свое собственное, несравненное значение. «Кто вечное представляет себе становящимся, тот впадает в бесконечный регресс», говорит браман Гаудапада. Бесконечный регресс! Какая глубина в этом слове, вскрывающем раз навсегда несостоятельность всякой историчной религии.

В противовес этому, истинно религиозная точка зрения высказана с изумительной афористической краткостью в Мритиу-лангала-Упанишаде: «Не во времени я, но сам я время». Религия у индусов никогда не служит попыткой объяснения внешних, временных вещей, но представляет символическое оформление внутреннего, немеханического, вневременного опыта. Она есть реальное внутреннее событие, известный душевный подъем; направление воли - познание, поскольку она есть непосредственное постижение трансцендентного, а вместе с тем и благодаря наличности этого опыта - полное преобразование всего существа. Никогда индус не покушается доказывать существование Бога; и уже один из певцов Ригведы с трогательной вдумчивостью и в то же время как бы полуиронически вопрошает: «Кто тот Бог, к которому обращены взоры бойцов обеих враждующих сторон»? Здесь мы весьма далеки от того «Бога Саваофа», который создал весь Космос на радость и утешение евреям! То, что индусы почитают как божественное - «по ту сторону неба и в глубине сердца» (Мага-Нарайяна-Упанишада) - не имеет ничего, решительно ничего общего с Яхве книги Бытия и церковно-христианского учения. Тот именно Бог индоарийцев, «который никогда не может быть доказан» (как говорится в одной Упанишаде), ибо он познается не через внешний, а через внутренний опыт, и был в действительности Богом всех истинно религиозных германцев-христиан, во все времена, к какому бы исповеданию они ни были вынуждены принадлежать внешне. Это находит себе особенно яркое подтверждение у мистиков и философов, начиная от Эригены и Экхарта и кончая Бёме и Кантом.

Другое важное следствие этого единственного истинного - или по меньшей мере единственно «арийского» - понимания религии заключается в том, что основа нравственности зиждется здесь не на предстоящей награде или будущем возмездии, а на благоговейном отношении человека к самому себе (как того требовал Гете), к тому всеобъемлющему, что человек «таит в глубине сердца». Это означает освобождение от тех недостойных и безумных представлений о рае и аде, против которых уже несколько столетий раздаются громкие протесты со стороны таких благочестивых христианских священников, как Мейстер Экхарт или автор «Немецкой Теологии», протесты со всем пылом немецкого воодушевления. Религия есть настоящее - не прошедшее и не будущее.

Но в то же время - и этого нельзя обойти молчанием - Христос дал нам нечто, чего не могло дать все древнеарийское мышление вместе взятое. Правда, представление о Богочеловеке и свойственно - как было уже указано - арийцам (кстати сказать, всем индогерманцам, в той или иной форме), семитам же совершенно чуждо; но живой пример и спекулятивная идея разнятся меж собою, как день и ночь. Тем, что Христос гораздо ближе к природе, Он ближе к Богу: этим, я думаю, сказано главное. Даже отрицающий Церковь едва ли откажется назвать это явление, всегда говорящее о Боге только как об «Отце» - Сыном Божиим. В подлинном арийском мышлении заложены зачатки представления о природе, как о деле рук дьявола (довольно припомнить Заратустру и христианских гностиков); отсюда неизбежно вытекают пессимизм и аскетизм. Но пессимизм, если он служит не только углублению познания, а становится умонастроением, ведет к отречению от воли, что знаменует собою крушение человеческой жизни; в конце же концов он доводит до позора и рабства. Что мы и видим в нынешней Индии.

В противовес этому, Христос (в своем собственном, чисто человеческом учении, обратном тому, что из него сделала Церковь), возвещает нам свое «Да», радостное, беспредрассудочное и полное доверия; в этой жизни заключено Небо, как зарытый в поле клад. Эта простота превосходит всякое глубокомыслие. Поэтому, если я жду воздействия сущности на сущность, если жажду очистительного омовения в светлых струях неподдельного арийского мышления, то все-таки я очень далек от того, чтобы обменять то драгоценное, чем я уже владею, на то далекое, что одно никогда и не удовлетворит меня вполне. Мало того, я убежден, что школа индусского мышления способна положить начало более чистому, более свободному и возвышенному, а потому и более достойному отношению к Иисусу Христу.

Я должен кончить и буду счастлив, если мне удалось побудить кого-нибудь к изучению индоарийского мышления; это начинание в наше время стало возможным и благодарным, вследствие подвигов немецких ученых; я буду доволен, если мне удалось убедить, что здесь заложен истинный гуманистический фермент, фермент, способный зажечь возмущение против недостойных оков духа, способный вызвать в современном человеке сознание своего достоинства, а тем самым - сознание своей свободы и своей ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я знал одного набожного ребенка, который вместо «да придет царствие Твое» молился: «да придет царствие Твое вскоре». Действительно, тот кто в наше время оглянется вокруг и увидит то нелепое суеверие, которое вместе с тучным поповским великолепием процветает по всей Европе в гораздо более широких размерах, чем например во времена Гомера, и неоспоримее, чем сотню лет назад, - тот кто вспомнит, что подлинные древние арийцы (счастливые!) не имели вообще никаких церквей и никакого жреческого чиновничества, и кто припомнит еще, что даже среди евреев, в давнишние времена, появлялись такие пророки как Второ-Исайя, который стремился к упразднению церквей и богослужебного культа, или Иеремия, который, став против храма, велегласно возглашал: «Не верьте тем, кто говорит: то дом Божий! Ибо они лгут», - кто вдумается в это, тому станет ясно, что царствие Божие уходит от нас все дальше. А между тем благое близко и как будто ждет только, чтобы мы захотели его. Как фантастическое видение влечет нас возможность слияния умственной и душевной глубины индоарийцев и их внутренней свободы - с пластическим чувством формы эллинов и с их умением ценить здоровое, прекрасное тело, как носителя внешней свободы. Видение это так соблазнительно, что вид его опьяняет нас, и мы, как тот ребенок, воображаем, что уже обладаем образом, вызванным только тоскою по далеком небе. Но нечто подобное мы себе *должны* представлять. Что касается недостижимости былых совершенств, то здесь

уже нечего вводить себя в заблуждение, так же как и в смысле унижительной несостоятельности данного момента. И нам осталось бы одно беспросветное отчаяние, если бы где-то в глубине у нас не шевелилось сознание: ведь и в тебе заключены все элементы, которые могут привести к новому, свободному расцвету духа, подобному высшим моментам жизни минувших времен! Бессемерова сталь и электрический трамвай и эволюционные фантазии не могут вечно удовлетворять потомков арийцев и эллинов. Культура не имеет ничего общего ни с техникой, ни с нагромождением знаний; она есть внутреннее состояние души, известное направление мысли и воли. Надорванные души, лишенные целостной соразмерности воззрений и уверенной окрыленности образа мыслей всегда будут нищими в том, что единственно дает цену жизни. Но разве в наши дни, блуждая «в росистой ночи», мы не видели, как снова, в лице лучших людей Германии, блеснули «вершины человечества». Кто хоть один раз поднял взор свой к небу, тот уже познал надежду. И так как гений льет свой свет и на прошедшее и на будущее, собирая почти погасшие лучи с отдаленных вершин и воспламеняя их снова в фокусе своего духа, то я считаю себя вправе утверждать, что, по крайней мере, те из нас, которые не пренебрегли возможностью быть учениками настоящих учителей нашего поколения, очень «скоро» сживутся со своеобразием арийского мирозерцания и тогда почувствуют себя так, как будто вступили во владение своей собственностью, в которой им до этого времени неправоммерно отказывали.

СЛАВОГЕРМАНЦЫ¹

Вопреки широко распространённому предрассудку, имеется достаточно много антропологических указаний на то, что Германец, вступая во всемирную историю, имел не только старшего брата на Западе², но и младшего, даже сильнее с ним схожего, на Востоке. Только из-за явной подмены понятий характерно "славянскими" считаются признаки - приземистая фигура, круглый череп, высокие скулы, тёмные волосы,— которые ни в коей мере не были присущи славянам при их вступлении в европейскую историю. Впрочем, и сегодня светловолосый тип преобладает на севере и востоке европейской России; также и поляки отличаются от южных славян цветом волос. В Боснии бросаются в глаза светлые волосы и необычно высокий рост мужчин; за многомесячное путешествие по этому краю я ни разу не встретился с так называемым "славянским", перетекающим в монгольский типом, ни разу не увидел "картофельной физиономии", характерной для чешского крестьянина. Всё сказанное относится и к великолепному племени черногорцев. Однако восстановить черты изначально славянского типа крайне затруднительно ввиду того, что эта ветвь семьи германских народов была очень рано почти полностью поглощена другими племенами; даже значительно раньше и основательней, и к тому же загадочней, чем это произошло с кельтами. Но всё это не должно помешать нам узнавать - и признавать родственные черты, и пытаться выделить их из чужеродной массы.

Здесь, в который раз, нам может помочь только проникновение в глубину души. Если мне будет позволено выносить суждение на основании единственного славянского языка, который мне немного знаком — сербского, то и тогда, по моему убеждению, можно будет обнаружить глубоко укорененное родовое сходство поэтических задатков славянина, кельта и германца. Кельтскую и германскую лирико-эпическую поэзию напоминает нам совокупность тех мыслей и чувств — верность до смертного часа, геройский дух, присущий также и женщинам /и то почитание, которым они окружены/, пренебрежение земными благами в сравнении с личной честью — которые выражены в героическом цикле, примыкающем к грандиозному сражению на Коссовом поле/15 июня 1389 года/³. Несомненно, однако, что поэтические мотивы этого цикла берут начало в значительно более древнем периоде славянской истории. Мне случалось читать во всевозможных "историях литературы", что подобную поэзию и героические образы, подобные Марко

Кралевичу, можно найти у всех народов, но это неверно — так утверждать может лишь тот, кто от избытка учености сделался слеп к тонким индивидуальным особенностям. Рама — герой совсем другого рода, чем Ахиллес, который, в свою очередь, не похож на Зигфрида; тогда как кельтский Тристан обнаруживает непосредственное родство с немецким Зигфридом, и главное, не только во внешних признаках рыцарского романа /битва с драконом и т.д./, которые могли бы быть позднейшими вставками, но, куда сильнее, в тех наиболее древних, народных вариантах, где Тристан ещё оставался пастухом, а Зигфрид ещё не стал рыцарем при бургундском дворе. Именно в этих вариантах мы находим — помимо необычайной силы, заговоренного оружия и прочих общепринятых атрибутов богатыря — те конкретные **идеалы**, которые лежат в основе поэтического творчества; именно в них, а не во внешних атрибутах, отражается своеобразие народной души. Таковы, в случае Тристана и Зигфрида: верность как основа понятия чести, высокое значение девственности, победа в поражении /другими словами, героическое полагается не во внешнем успехе, а во внутреннем процессе/. Подобные же черты отличают Зигфрида, Тристана, Парцифалья⁴ не только от какого-нибудь семитического Самсона, чья сила заключена в волосах, но и от родственного им Ахиллеса — грекам был чужд идеал чистоты; верность составляет для них не принцип чести, но лишь принцип любви /Патрокл/; герои упорствует перед лицом смерти, но не в силах стать выше своей смерти, подобно героям германского эпоса. Напротив, в сербской поэзии, несмотря на все формальные различия, мы находим именно черты подлинного родства. Знаменательно уже одно то, что её героический цикл возникает в связи со страшным поражением - битвой на Коссовом поле, — уничтожившим независимость Сербии, а не в, связи с победой, хотя сербы одерживали достаточно побед и в царствование Стефана Душана⁵ имели могущественное государство. Вне всякого сомнения, здесь налицо особое предрасположение, и мы можем с уверенностью сделать вывод, что избыток поэтических мотивов, связанных с гибелью, смертью, разлукой влюблённых, не возникло впервые после злополучной битвы, под влиянием отупляющего правления магометан, но составляет изначальное наследство славянской души — подобно тому, как бедствие Нибелунгов. "венец всех страданий", а не "удача Нибелунгов", составляет немецкое наследство: подобно тому, как кельтские и франкские поэты оставили без внимания сотни прославленных победителей, чтобы посвятить себя какому-то **побеждённому** Роланду и выразить в его полуисторическом образе древние поэтические мотивы.

Вот что имеет решающее значение. Впрочем, решающим можно считать и то, как сербская поэзия изображает женщину — такую нежную, чистую и отважную, какую высокую роль она ей приписывает. Напротив, только специалистам дано судить о том, существует ли родство между двумя воронами, которые прилетают на исходе битвы при Косово, чтобы известить сербский народ о его гибели - и воронами Вотана; идёт ли речь об общем индогерманском мотиве, пережитке природного мифа, заимствовании или случайном совпадении. К счастью, то, что **решает** — всегда и везде открыто для непредубежденного взора.

По-видимому, в русской поэзии немного унаследовано от древности, кроме былин, сказок и песен: но и здесь нам открывается несомненное своеобразие германского духа в таких чертах, как меланхолия и внутреннее отношение к природе, особенно к животному миру /ср. Боденштедт "Поэтическая Украина"/⁶. Цель и размеры моего исследования не позволяют продолжить эти сопоставления: дело научной критики — доказать справедливость тою, что безошибочно открывается чувству каждого, кто не лишён поэтической восприимчивости. Я же должен упомянуть ещё одну манифестацию глубочайшей духовной сущности, в которой проявился германский элемент в славянах — религию.

Вся история славян, особенно в ранние эпохи, отмечена серьёзным и независимым отношением к религии. Замечательная черта их религиозности заключается в её

насыщенности патриотическим чувством. Уже в IX-ом веке, прежде, чем раскол Востока и Запада стал окончательным, мы видим, что по догматическим вопросам болгарские славяне поддерживают одинаково дружественные отношения и с Римом, и с Константинополем; единственное, чего они требуют — это признания их церковной независимости. Рим им в этом отказывает, Византия же уступает, и так возникает в первой половине десятого века первая независимая по своему устройству христианская церковь. Необычайная важность этого события станет сейчас совершенно ясной. Болгарского царя Михаила не интересовали вероисповедные различия: как христианин он готов верить тому, что священники провозглашали в качестве христианской истины. Для него речь шла лишь об организации Церкви — он хотел, чтобы болгарская Церковь возглавлялась собственным, независимым болгарским патриархом, без вмешательства со стороны Рима и Византии. То, что может показаться чисто административным вопросом, в действительности является восстанием германского духа, духа свободной индивидуальности, против последнего воплощения рождённой из хаоса народной Империи — той Империи, которая представляла политические интересы антинационального, антииндивидуального, нивелирующего принципа... И когда с теми же процессами приходится сталкиваться повсюду в славянском мире, то уже нельзя отрицать их значения для суждений об изначальном характере славянских народов.

Едва, например, сербы образовали собственное государство, как они создали и автономную Церковь: могущественный царь Стефан Душан поддерживал своих патриархов против гегемонистических претензий византийской Церкви и добился правового признания с её стороны. Также и здесь речь идет не о догматических, вероисповедных вопросах, ибо в то время /в середине XIV-го века/ раскол Рима и Константинополя был уже свершившимся фактом, а сербы, как и по сей день, были фанатичными сторонниками греческого Православия. Но подобно тому, как болгары отвергли вмешательство Рима, так и сербы отвергли вмешательство Константинополя. Принцип был один: сохранение национальности.

Правда, русская Церковь обрела независимость значительно медленнее, в течение длительного времени после гибели Византийской империи: но как раз Россию можно назвать славянской страной в весьма условном, негерманском смысле — и, однако, на сегодняшний день, наряду с Англией, только она одна, среди великих наций Европы, имеет вполне национальную автокефальную Церковь⁷.

Далее, особенно бросается в глаза, что среди всех христианских народов только славяне /за исключением подвергнувшихся немецкому влиянию чехов/ никогда не признавали богослужения на другом языке, кроме своего собственного! Уже великие "апостолы славян" Кирилл и Мефодий потерпели за это: преследуемые немецкими прелатами, которые держались "трех священных языков" /греческого, латинского, еврейского/, осужденные как еретики римским папой, они продолжали, тем не менее, настаивать на этом своём особенном праве. Также и те славяне, которые принадлежат к римско-католической Церкви, сохраняют богослужение на славянском языке - в последнее десятилетие 19-го века Риму так и не удалось отнять эту привилегию у жителей Далмации.

Такова, однако, только одна сторона славянской религиозности, может быть, самая внешняя; другая её сторона ещё более замечательна. Там в России, где подлинно славянский элемент особенно силен, /а именно, и Малороссии — родине прекраснейшего поэтического творчества/, обнаруживается и по сей день столь же интенсивная внутренняя религиозная жизнь - особенно посредством возникновения всё новых сект, как в Вюртемберге или Скандинавии. Сходство поистине замечательное: напротив, в, так называемых, латинских странах ничего подобного нет и в помине. В таких явлениях отражается глубочайшая духовная сущность. Дело в том, что в них находит воплощение то самобытное, что сохранилось в течение столетий, несмотря на все смешения крови. Уже невероятные усилия, которые потребовались, чтобы обратить славян в христианство,

указывают на их глубокую религиозность: легче всего обратились итальянские и галльские народы; саксов понадобилось обращать силой меча; а чтобы заставить славян отказаться от веры отцов, понадобилось длительное время и нередко жестокое насилие /как трудно было обратить в христианство венедов и поляков, можно узнать из первого раздела шестого тома "Общей истории христианской религии и Церкви" Неандера/.

Печально известные гонения на язычников продолжались до века Гутгенберга. И снова особенно характерной представляется судьба славянского населения Боснии и Герцеговины, ещё и сегодня сохранившего относительную чистоту крови. Уже издавна ведущая часть этого народа усвоила учение богумилов⁸ /родственное учению катаров/: богумилы отбросили все иудейские элементы в христианстве и сохранили, наряду с Новым Заветом, только пророков и псалмы; они также не признавали никаких таинств и, прежде всего, никакого сословия священников. Подвергаясь непрестанному нападению, притеснению и подавлению одновременно с двух сторон - со стороны православных сербов и со стороны послушных любому указанию папы, венгров, — став жертвой как бы непрерывного двойного крестового похода, этот маленький народ в течение столетий твердо держался своей веры. Могилы богумильских героев ещё и сейчас можно найти на горных вершинах, куда их тела уносили из страха перед надругательством. Лишь магометанство покончило с этой сектой путём принудительного обращения в ислам.

Тот же дух, который одушевлял этот мужественный, хотя и непросвещённый народ на окраине нашего мира, принес в другом месте более богатые плоды — и при этом славянская ветвь также сумела замечательно проявить себя среди других ветвей германской расы⁹.

Примечания переводчика

1/ отрывок из книги "Основания 19-века" /Die Grundlagen des 19-en Jahrhunderts/, 9-ое нем. изд., т. 1, стр. 559-566. Переводчик несколько изменил структуру первого абзаца, чтобы сделать данный отрывок более независимым от предшествующего текста книги.

2/ имеются в виду кельты, составившие первую волну в движении германских племен на Запад; в современной Европе кельтский тип более всего сохранился во французской Бретани, в Ирландии, в Уэльсе и Корнуолле /Англия/.

3/ в битве на Коссовом /или Косовом/ поле соединенные войска Сербии и Боснии были разбиты турецкой армией султана Мурада /Амурата/1, убитого в начале сражения сербом Милошем Обличем. Последний, как и казнённый сразу после битвы сербский царь Лазарь, стали прототипами героев ряда эпических сказаний. После этого поражения завоевание турками всего Балканского полуострова стало делом времени.

4/ Парцифаль — герой одноименной поэмы Вольфрама фон Эшенбаха /12-13 вв./, соединившей мотивы легенды о св.Граале /чудодейственной чаше с кровью Христа/, кельтского цикла о короле Артуре и сказаний о простеце Парцифале /или Персевале/, постепенно овладевшем высшей духовной мудростью.

5/ Стефан I Душан — царь Сербии /1331-1355 it./, стремившийся к объединению всех балканских государств в "Великую Сербию": в 1346 году короновался "царем сербов, греков, болгар и албанцев" и отделил сербскую Церковь от византийского патриарха.

6/ несомненно, что только незнакомство с древнерусской литературой помешало автору назвать "Слово о полку Игореве", где так ярко проявились те "поэтические задатки славогерманской души", которые он отмечает в известных ему литературных памятниках.

7/ и здесь суждение Чемберлена обусловлено явно недостаточным знанием русской истории: уже великий князь Ярослав поставил в 1051 году митрополита Илариона Россиянина /автора "Слова о законе и благодати"/ без согласования с константинопольским патриархом /впрочем, Ярославичи снова пошли на уступки грекам/.

8/ богумильство /или богомилство, по имени священника Богомила/ - религиозное движение, возникшее в Болгарии в X веке. В главной книге богумилов "Иоанново Евангелие" сильны мотивы дуализма добра и зла, близкие к манихейству и учению Маркиона — христианского проповедника 2 века н.э., осужденного Церковью за отождествление ветхозаветного Иеговы и Сатаны.

9/ имеется в виду Реформация, которой посвящена следующая глава "Оснований"; в Лютере произошло, по словам Чемберлена, "счастливое смешение немецкой и славянской крови".

Приложение:

Николай Мальчевский История и метаистория (о книге Х.С.Чемберлена "Основания 19-века").

Учение нашего соотечественника Ивана Петровича Павлова о "второй сигнальной системе" только самые наивные люди считают относящимся по преимуществу к "жизни животных" — оно имеет /как это прекрасно понимал и сам Павлов/ прямое отношение к жизни людей, и более того, к жизни *современного* общества. В этом последнем почти все слова, связанные со сколько-нибудь значительными идеями, событиями, лицами, быстро превращаются в *сигналы*, вызывающие однозначную реакцию "двуногих" — восторженную при слове "демократия", негодующую при слове "тоталитаризм", презрительно-равнодушную при слове "народ"...

Имя Хаустона Стюарта Чемберлена /1855-1927/ вызывает — даже у тех, кто не путает его с Остином Чемберленом /"сидел на пушке"/ и Невилем Чемберленом /"мюнхенский сговор"/ - требуемую реакцию: в мозгу загорается "красный сигнал опасности". Конечно, формально дело обстоит немного сложнее: с именем Х.С. Чемберлена ассоциируются некие понятия — "расовая теория", "германизм", "антисемитизм", "религиозный имманентизм" - бывшие в ходу при изложении его идеи уже в начале века и придающие нашей реакции как бы осмысленный характер. Но на деле и эти понятия играют роль тех же сигналов, призванных пробудить, не нашу мысль, а "чувство опасности". Это чувство и должно *подменить* знание и понимание творчества мыслителя, написавшего, кроме "Оснований 19-го века" /двухтомного исследования генезиса европейской цивилизации. столь же капитальные труды о Канте и Рихарде Вагнере, ряд религиозно-философских книг /"Слово Христово", "Арийское мировоззрение" и др./ и множество работ социально-политического характера /среди них особенно актуальной остается его книга "Демократия и свобода"/.

Цель моих заметок — не в том, чтобы убедить читателя "переключить светофор" с красного на зелёный при встрече с именем Х.С. Чемберлена. Вообще, культура как препирательство о том, какой свет, красный или зелёный, должен загораться в мозгу при произнесении тех или иных слов и имён — имеет, на мой взгляд, скорее, клинический, чем духовный интерес. Настоящая задача культуры, всеми, казалось бы, признаваемая, но далеко не всегда решаемая - прорыв от слова к *смыслу*, а ещё точнее, к *духу*, который творит все идеи и смыслы. Ниже я могу только попытаться описать в самых общих и скупых чертах те *духовные смыслы*, которые открылись мне в творчестве Х.С. Чемберлена.

"Кто принимает всерьёз завет: *познай самого себя*, — писал Чемберлен в самом начале своей главной книги --- тот, рано или поздно, приходит к познанию того, что его бытие, по крайней мере, на девять десятых не принадлежит ему самому". Человек - это "наследник"/*der Erbe*/ в самом полном, охватывающем весь состав его бытия, смысле. Наследие /*das Erbe*/- ключевое слово в концепции Чемберлена: и можно было бы просто сказать, что "наследие" — это совокупность физических и духовных *констант*, переходящих от поколения к поколению, если бы при этом не упускалось из виду нечто важное, если не главное. Наследие, как постоянно подчеркивает автор "Оснований" , не может — или может только в очень ограниченной степени — передаваться "автоматически", без нашей *воли* к преемственности. Если утрачивается сознание содержания и смысла наследия, если наследие перестает быть формирующей жизнь, творческой силой — оно не просто "лежит без употребления", но идет на убыль и, в конечном счете, погибает. "История — говорит он чуть ниже — это лишь такое прошлое, которое продолжает жить, оформляя сознание человека". Поэтому "историческая память" является для Чемберлена, прежде всего, творческим *актом*, актом самопознания и

самоопределения одновременно: утрачивая способность совершать этот акт, мы утрачиваем и свое прошлое, и свое будущее — "кто *ниоткуда*, тот *никуда*".

Не удивительно, что Чемберлен решительно отвергал /как "фантастическое"/ учение А. Гобино о расе как о чем-то от века данном, что необходимо только оберегать от смешения, как о некоем *фатальном* наследии /хотя и очень высоко оценивал сам факт постановки вопроса о значении расы французским мыслителем/. И дело не только в том, что раса есть нечто существенно динамичное и пластичное, что "благородная раса не падает с неба, она лишь постепенно *становится* благородной". Будучи твердо убежден в огромном значении биологического субстрата духа, в нашей обязанности понимать те условия, которые накладывают на развитие человека "простые и великие законы, которые охватывают и оформляют всё живое", Чемберлен видел в этом субстрате все-таки именно средство, а не цель, условие, а не сущность человеческого бытия. "Индивидуум может достичь полного и благородного раскрытия своих задатков только при наличии определенных условий, которые суммируются в слове "раса"" — писал он, но сами эти задатки имеют существенно *метафизический*, а не физический смысл. Надо удивительно предвзято и выборочно прочесть "Основания", чтобы не заметить этого коренного убеждения автора в абсолютной ценности "метафизического", того, что скрывается в глубине души. Впрочем, обвинение в "имманентизме"/ то есть в акценте на внутреннем, духовном/, странно соседствующее с обвинением в "расизме"— отражает именно непонимание его основной мысли, скрытое за броскими ярлыками. Старательно не замечают при этом и того, что Чемберлен упрекает иудаизм именно в том, что тот заставил мораль и религию *служить* идее "расовой чистоты"; но об этом чуть позже.

При всём значении, которое имели для Чемберлена данные антропологии, этнографии и т.п., главное значение для него имеет проникновение в "глубину души", в её духовную основу, — что и демонстрирует приведенный ниже фрагмент его книги.

По сути, одна черта духовной организации славянских народов подмечена Чемберленом и сопоставлена с такой же чертой кельтов и германцев — стремление выделить, этически продумать и эстетически оформить те моменты национальной истории, которые связаны не с торжеством нации, а с её поражением. При этом, как было отмечено, Чемберлен не знал, по-видимому, памятника, наиболее убедительно подкрепляющего его взгляд - "Слово о полку Игореве". Не славная победа, одержанная несколькими десятилетиями раньше Владимиром Мономахом над теми же половцами /на реке Сальнице/ - победа, слух о которой дошёл, по словам летописца, "до самого Рима" - но жалкое поражение ничем другим не замечательных удельных князей стало источником поэтического вдохновения и нравственных раздумий необычайной глубины и силы. "Только через *трагическое* читаем мы в "Основаниях" - получает история своё чисто человеческое содержание": но существо этого "чисто человеческого содержания" заключается не в несчастье как таковом /и тем более не в мазохистском смаковании своего несчастья, не в позе "вечно обиженных"/, но в том самоочищении и самоуглублении, которое может совершить - *через* несчастье человеческий дух, идёт ли речь о современниках события или об их *потомках*. И ещё — именно духу арийских народов открывается, по мысли Чемберлена, внутренняя связь темных побед и тёмных поражений /вдумаемся и мы в этимологию древнеславянского слова "победа"/, открываются важнейшие нравственные императивы: милосердия и прощения даже злейших врагов как собратьев по беде, открывается путь к христианской этике...

Вторая часть фрагмента, посвящённая серьёзному и независимому отношению славян к своему религиозному наследию, опасаясь, не будет до конца понята читателем, не знакомым с общей исторической концепции "Оснований". Попытаюсь изложить её хотя бы схематично.

Древний мир Средиземноморья был, по убеждению Чемберлена, теми "старыми мехами", которые уже не были способны принять "новое вино христианства", при этом он в равной мере причислял к этому миру и императорский Рим эпохи упадка, и иудейство, и

"расовый хаос" народов, населявших Грецию, Малую Азию и Египет. "Новыми мехами" для духа христианства стали *германцы* – “под этим именем — пояснял Чемберлен на самых первых страницах книги - я соединяю различных членов одной великой североευропейской расы, идёт ли речь о германцах в узком, тацитовом смысле слова, или о кельтах, или о подлинных /echte/ славянах”.

Основное содержание истории "после Христа" составляет борьба этих народов против тех влияний, которые исходили от "древнего мира", влияний не столько прямых /после распада этого мира/, сколько оказываемых через идеи и учреждения. "Имперская идея" Рима *, космополитический, анациональный и аморальный "синкретизм" греко-сирийского ареала, религиозный материализм и религиозная нетерпимость иудаизма вот те разнородные "идеологические" элементы, которые стремились проникнуть в становящийся организм нового христианского общества. Основным драматизмом этого становления заключался, по мнению Чемберлена, в том, что римско-католическая Церковь, призванная быть носительницей христианского идеала, усвоила от древнего мира наиболее опасные элементы его наследия: идею всемирного господства, враждебность к национальной самобытности, иудейскую нетерпимость к любой форме инакомыслия, и в итоге встала на путь принуждения в вопросах религии — "compelle intrare" /"заставь войти" в Царство Божие/.

Напротив, германские народы стремились утвердить то, что является подлинной сутью христианства: принцип *свободной веры*, неотделимый от нравственного и мистического содержания религии. Здесь следует уточнить важный момент, поскольку замечания Чемберлена о богумилах могут быть истолкованы в смысле отрицания мистической стороны христианства, связанной с таинствами. Но такое истолкование было бы совершенно неверным. Чемберлен отрицал дух формального ритуализма и мелочной обрядности /восходящей, по его мнению, опять-таки к иудаизму, где ритуал подменяет живое чувство трансцендентного/, тогда как мистическая в настоящем смысле слова /то есть выходящая за пределы опыта/ сторона христианства является для него важнейшей. Именно мистическое и метафизическое в христианстве более всего созвучно религиозному духу германских народов, выраженному в их дохристианской мифологии. *Миф* не есть "выдумка", противоположность "факта", но символическое выражение его внутреннего метафизического смысла: в свою очередь "мистика это мифология, продуманная в обратном направлении, от символического образа к внутреннему опыту невыразимого". Поэтому Чемберлен решительно отвергает "демифологизацию" христианства /провозглашённую либерально-протестантской теологией/ как возврат к историко-хронологической религии иудаизма, с её предельной метафизической скудостью, с тем, что Ренан метко определил как "вечную тавтологию: Бог есть Бог".

Борьба за метафизическую сущность религии — это, одновременно, борьба за свободу веры, за право каждой личности на свободное постижение религиозного идеала. В христианстве свобода связана с самим существом религии, так как "посредством христианства каждый отдельный человек получил ценность, которая ни с чем не соизмерима и о которой никогда прежде не подозревали". Индивидуализм Х.С. Чемберлена, — а именно так он чаще всего определял своё мировоззрение - был, однако, слишком не похож на ходячий индивидуализм либерально-позитивистского толка: одним из первых Чемберлен подчеркнул, что прежде, чем возникла необходимость освободить личность от гнета конфессиональной узости и нетерпимости, эта личность была *создана* христианством.

И, наконец, индивидуализм, а точнее, *персонализм* Чемберлена был теснейшим образом спаян с его *почвенничеством*. Смысл этой спайки не доступен либерально-позитивистскому мышлению: к сожалению, сегодня этот смысл остаётся скрытым и от большинства наших отечественных "почвенников". Двуединство нации и личности определяет всю логику чемберленовской мысли, логику - повторим ещё раз - непонятную тем, кто в самом слове "нация" /народ, раса и т.д./ видит покушение на личность, но также

и тем, кто не понимает, что именно "выработка личности, способной к свободе" составляет высшую цель национального развития, как отмечал уже не Чемберлен, а русский мыслитель Л.А.Тихомиров в книге "Монархическая государственность". "Чем богаче дух, тем многостороннее и крепче его связи с тем, что составляет его субстрат, происхождение, породу" — это убеждение автора "Оснований" было на несколько десятилетий раньше ясно выражено такими русскими почвенниками-персоналистами, как А.Григорьев и Страхов.

Избегая какой-либо упрощенной субординации в двуединстве "личность — нация", Чемберлен указывает, однако, на решающее обстоятельство: Бог воплотился не в нации /и не в "человечестве"/, а в отдельном человеке Иисусе. Здесь - в *личности* Христа — настоящий центр мировоззрения Чемберлена. Не только весь ход европейской истории в течение 19-ти столетий "после Христа", но и события, далеко отстоящие от этой истории во времени и пространстве, будь то борьба Рима и Карфагена, судьба Израиля и Иудеи, противоположность браманизма и буддизма и т.д. — оцениваются им в свете этой личности, измеряются мерой, заданной его *образом* Христа.

Конечно, в образе Христа, созданном Чемберленом, немало субъективного; но критики Чемберлена /и даже те авторы, кто, подобно В.В.Розанову, приветствовал "Основания"/ постоянно проходили мимо главного, так как не могли понять, внутренне пережить чемберленовской *одержимости* личностью Иисуса Христа: не верили всерьёз, что не отношение к немцам, евреям, римской Церкви, протестантизма и т.д., но отношение к Христу составляет ядро всех его суждений и оценок. Особенно это касается, так называемого, "антисемитизма" Чемберлена.

Собственно, отношение Чемберлена к евреям можно точно выразить словами, принадлежащими, кажется, А.С.Хомякову: "Иудей после Христа есть живая бессмыслица". Отношение Чемберлена к евреям определялось отношением евреев к Христу — не к христианской Церкви, не к христианскому учению, не к христианской культуре и т.н. а именно к *личности* Иисуса Христа. Выражением этого решающего отношения он считал религиозное учение *иудаизма*. Возникнув как попытка решить проблему национальной самосохранения путём возведения в высший принцип национальной *исключительности*, эта религия неизбежно пришла в столкновение с Тем, кто оказался не "спасителем нации", а Спасителем для каждого *верующего* в Него человека. А потому иудаизм стал и остаётся поныне религией *отвержения* Христа. Не находя в современном еврействе настоящего отречения от основных принципов иудаизма /отречения, которое нельзя заменить простым конфессиональным выпадением из синагоги/, Чемберлен видел в евреях "вечно чужих" христианскому миру, тех, кто готов в любой момент истории проявить свою солидарность с любыми силами, враждебными христианству, поддержать любое шатание христианского мира относительно своего настоящего центра.

К сожалению, полноценное представление о глубине и богатстве идей, выраженных в "Основаниях 19-го века" /вызвавших в свое время ураган сочувственных и враждебных откликов, в том числе и в России/, и по сей день можно получить лишь при условии знания немецкого языка. Не сомневаюсь, что у русского читателя книга Чемберлена, даже и внимательно прочитанная, вызовет немало возражений: но не сомневаюсь и в том, что национально мыслящий русский человек не может не почувствовать глубины и актуальности многих идей и суждений, выраженных в "Основаниях". "Я хотел бы пробудить живое чувство великого нордического братства", - писал Чемберлен, ясно предчувствуя опасность *братоубийства*, в пучину которого были ввергнуты в 20-м веке германцы и славяне. Конечно, не все суждения Чемберлена о славянстве, а тем более о русских и России, можно считать даже приблизительно верными, иногда они звучат просто несправедливо. Но нам, русским, не привыкать обходиться без комплиментов в свой адрес; суть всё-таки не в них. Чемберлен призывал все христианские народы восстановить в себе творческую память о своих истоках и основаниях, творить своё

будущее не "из ничего", а из глубины своего национального и религиозного духа. И этот призыв, от кого бы он ни исходил, нам необходимо услышать и исполнить.

Примечание:

* следует уточнить, что под "имперской идеей" Чемберлен подразумевал идею мирского государства, то, что сегодня называется "мондиализмом".

Часть II. Первая эпоха идеологии национал-социализма.

Можно уверенно утверждать, что в самом начале возникновения национал-социализма как самобытной идеологии, многие его принципы были близки к риторике правых социал-демократов. Такой же антибуржуазный пафос, то же неприятие большевистского марксизма. Однако можно обнаружить то самое коренное различие – новый всемирно-исторический идеал, который подспудно зрел уже не один десяток лет в недрах немецкого и австрийского социалистического движения – это отождествление социализма и национальной идеи, о чем очень красноречиво написал в своем труде «Пруссачество и социализм» Освальд Шпенглер. (Его нет в хрестоматии. Мы считаем, что данную книгу стоит почитать отдельно.) Из союза идей нации и социализма вытекают уже дальнейшие противоречия с наследием Просвещения: в первую очередь с буржуазным либерализмом и империализмом и, во-вторых, с порожденным его универсализмом – интернационалом любого вида. Вызовы нынешнего глобализма – весьма агрессивные, угрожающие своеобразию многих современных высокоразвитых национальных культур, заставляют нынешнее поколение снова обратиться к опыту предыдущего антиуниверсализма.

1. Рождение идеологии национал-социализма.

Готфрид Федер Манифест к слождению кабалы процентов

Оглавление

Предисловие к очередному 27-31 изданию
Манифест к слождению кабалы процентов
Рассуждения и обоснования достижения революции не имели успеха
Маммонизм - это экономическое и моральное заболевание
Процент - это безнравственно
Большевизм - неверное средство антимаммонистической реакции
Развитие промышленного капитала плетётся в хвосте
Слождение кабалы процентов является возможным и разумным смыслом мировой революции
Военные облигации были маммонистическим обманом
Отмена выплат процентов не является завуалированным банкротством государства
Банкротство государства - спасение национальной экономики
Мы стали бедным народом
Процент всё удорожает
Проценты подавляют бюджет Рейха
Мелочный эгоизм не должен завуалировать цель
Выгоду получает только крупный капитал
Маленькому рантье не вредят
Процент создаёт нагрузку нашим детям
Борьба против процента в истории народов не является новой
Ссудный капитал - изгой человечества
Слождение кабалы процента возможно в отдельно взятой нации, несмотря на интернациональность
Заключительное замечание
Конвертация военных займов в имущество банков
Особые пояснения к указанным в манифесте требованиям к законодательству
Возражения и их опровержения

Вам, товарищи обоих социалистических направлений, умеренные и независимые!
Дальнейшая программа

"Триста человек, все они знают друг друга, направляют судьбу европейской экономики и выбирают преемников среди себя".
Вальтер Ратенау, 1909 г.

"358 семей-кланов миллиардеров имеют доход, превышающий в долларовом исчислении доходы 45% населения Земли"
Из доклада ООН по "Программе развития", 1996 г.

Предисловие к очередному 27-31 изданию

13 лет назад вышел "Манифест к сломлению кабалы процентов".

Когда, как раз в разгар потрясений ноябрьских дней 1918 года, я опубликовал это произведение, изложенное тогда в виде основных концептуальных пунктов, я ещё не мог думать и надеяться, какое неслыханное воздействие ему ещё предстоит оказать, ведь оно вскоре после этого стало по сути духовным источником национал-социализма.

Адольф Гитлер сам пишет в своей книге "Майн Кампф" об истории возникновения движения:

"Впервые в своей жизни я стал свидетелем принципиального спора с международным биржевым и ссудным капиталом. После прослушивания первой лекции Федерера меня немедленно посетила мысль о том, что найден путь к одной из важнейших предпосылок к основанию новой партии.

Заслуга Федерера заключается, по-моему, в том, что он с бесцеремонной жёсткостью установил, как спекулятивный, так и народохозяйственный характер биржевого и ссудного капитала с их извечной устремлённостью к заветному проценту.

Его выводы во всех основных вопросах были настолько правильными, что его критики изначально меньше всего оспаривали теоретическую верность идей, а больше выражали сомнение в возможности их практического воплощения. То, что в глазах других было слабостью Федереровского изложения - в моих становилось их силой".

Чтобы сделать брошюру доступной партийным коллегам в старом виде, издательство "Франц Эер" решило оставить текст неизменным.

Возможно, там или тут способы выражения мыслей ещё находятся под сильным влиянием волнующей хроники ноябрьских преступлений, но я считаю неподходящим менять что-либо в первоначальном издании.

Книга ведь не является во всех своих подробностях обязательной для партии; но выводы и рассуждения, содержащиеся в ней, во всех своих основных пунктах концептуально точны, и именно: заглавие книги с требованием сломления кабалы процентов является одним из основных пунктов национал-социалистической программы, следовательно, содержание всех изложенных в книге мыслей внутренне самым непосредственным образом связано со всем нашим движением.

Манифест к сломлению кабалы процентов

Маммонизм - это тяжёлая, всё вобравшая в себя хроническая болезнь, которой страдает наш сегодняшний культурный мир, да и, пожалуй, всё человечество.

Это - всёпожирающий яд, глобальная эпидемия, охватившая народы мира.

Под маммонизмом надо понимать следующее:

с одной стороны, это огромная всемирная власть денег, надгосударственная власть финансов, возвышающая себя над любыми правами народов на денежное самоопределение, международный большой капитал, т.н. "золотой интернационал";

с другой стороны, это строение духовного мира, охватившее широчайшие слои населения, ненасытная жажда завоевания, направленное туда же восприятие жизни, которое уже привело к деградации моральных понятий и заведёт их ещё дальше.

Это строение духовного мира воплотилось и вознеслось на вершину жизни в форме международной плутократии.

Основным источником силы маммонизма является неустанный и бесконечный приток материальных благ, обусловленный функционированием процента.

Из насквозь антимоуральных мыслей о процентах с ссудного капитала и родился золотой интернационал.

Этот выросший из жадности к проценту и спекуляции любого рода духовный и моральный уклад жизни привёл к засасыванию в глубокую трясину части буржуазии.

Мысль о проценте со ссудного капитала - величайшее изобретение его самого, обеспечивающее ленивое восседание на троне небольшого числа денежных властителей за счёт работающих наций и их рабочей силы, и именно эта мысль привела нас к глубоким, непреодолимым противоречиям, к классовой ненависти, в свою очередь породившим гражданскую, братоубийственную войну.

Сломление кабалы денежных процентов является единственным лечебным средством, средством для радикального оздоровления страдающего человечества.

Сломление кабалы денежных процентов означает единственно возможное и окончательное освобождение труда от тайной и всесильной власти денег.

Сломление кабалы денежных процентов означает воскрешение свободной личности, освобождение человека от порабощения, от ложного очарования, затянувшего душу с помощью маммонизма.

Кто хочет побороть капитализм, должен сломить кабалу денежных процентов.

Где возникает этот процент? В ссудном капитале!

Почему?

Потому, что власть ссудного капитала сильнее всего промышленного капитала настолько, что денежных столпов действительно можно сломить лишь посредством сломиения кабалы процентов со ссудного капитала.

Соотношение ссудного и промышленного капитала составляет 20:1.

Более 12 миллиардов - такую сумму по процентам с ссудного капитала ежегодно должен платить немецкий народ в форме простых и косвенных налогов, в виде ренты с домов и удорожания жизни, в то время, как даже в годы прекрасной конъюнктуры и во время войны общая сумма всех выплаченных германскими акционерными обществами дивидендов составила всего 1 миллиард.

Выходя за рамки нормальных человеческих расчётов, лавинообразный рост ссудного капитала происходит по причине вечного, бесконечного и безустанного потока денежных средств, приистекающих из ссудного процента и процентов, начисляемых на эти проценты.

Какой же смысл имеет сломиение кабалы процентов для работающего народа Германии, для пролетариев всех стран земли?

Сломиение кабалы процентов даёт нам возможность произвести увеличение всех прямых и непрямых налогов, поступающих в бюджет государства, без увеличения налогового бремени, лежащего на населении.

Послушайте это, вы, люди всех стран, создающие блага, люди всех государств и континентов, - все государственные доходы из прямых и косвенных источников текут без остатка в кошельки большого ссудного капитала.

При отказе от кабалы процентов, доходов государственных предприятий, а это почта, телеграф, телефон, железная дорога, шахты, лесоводство и т.д. - полностью хватит для покрытия всех необходимых государственных расходов по воспитанию, образованию, управлению, праву и социальному обеспечению.

То есть, самый настоящий социализм будет приносить человечеству не больше, чем доходы от общенародных предприятий по отношению к большому ссудному капиталу.

Исходя из этого в основном государственном законе для немецких народов, а затем и других народов, которые захотят войти с нами в культурное сообщество союза народов, мы требуем следующего:

1. Военные облигации, а также, все остальные исполнительные листы германского рейха, а также все остальные исполнительные листы немецких федеральных государств, в особенности железнодорожные облигации, затем долговые обязательства акционерных обществ, то есть, все документы, распоряжающиеся деньгами, становятся законными средствами платежа по номинальной стоимости с отменой выплат по процентам или соответственно переводятся в банковские активы.

2. Что касается всех остальных бумаг с твёрдым процентом, закладных листов, промышленных облигаций, ипотечных документов, то вместо долгов по процентам наступает долг по погашению; через 20 или 25 лет, таким образом, в зависимости от уплаты процентов, заёмный капитал будет выплачен и долг погашен.

3. Все долги по недвижимости, ипотечные документы и т.д. выплачиваются, как и до сих пор, частями в соответствии с внесёнными в поземельную книгу долями. Таким образом, имущество в виде дома или участка земли, по которому выплачен долг, соразмерно доле участка, становится собственностью государства или самоуправляемого субъекта. Государство, таким образом, сможет определять расценки на аренду и снижать их.

4. Вся денежная система подлежит руководству со стороны Центральной Государственной кассы. Все частные банки, почтово-сберегательные кассы, сберкассы и кредитные товарищества становятся её филиальными учреждениями.

5. Любой реальный кредит теперь выдаётся только государственным банком. Кредит без вещественного обеспечения и товарный кредит предоставляется частным банкирским фирмам по государственным концессиям.

Они выдаются с учётом потребности и с запретом создания филиалов для различных районов. Положение о порядке уплаты налогов и сборов издаётся государством.

6. Стоимость дивидендов, также, как и бумаг с твёрдым процентом, погашается ежегодными взносами по 5%. Излишние доходы с прибыли выплачиваются частично собственникам акций, как компенсация за "рисковый капитал" (в отличие от бумаг с твёрдым процентом и бумаг, обеспеченных опекуном), в то время, как оставшаяся часть либо распределяется по праву самостоятельности рабочего класса в социальную сферу или используется для снижения цен на продукты.

7. Всем лицам, которые по физическим причинам (старость, болезнь, физическая или душевная нетрудоспособность, малый возраст) не в состоянии зарабатывать себе на жизнь, выплачиваются доходы по процентам, как и раньше, и даже повышенные из имеющегося у них актива ценных бумаг в качестве пенсии при предъявлении ими этих ценных бумаг.

8. В интересах уменьшения сегодняшней инфляции с помощью средств платежа, переведённых в военные облигации и другие ценные бумаги рейха или государства, предпринимается всеобщая сильно разнуровневая конфискация имущества и эти бумаги погашаются.

9. С помощью интенсивнейшей разъяснительной кампании населению необходимо объяснить, что деньги - ни что иное, как показатель выполненной работы, что любому высокоразвитому обществу деньги, конечно, необходимы, как средство обмена, но, что этим функция денег исчерпана, и, что деньгам не должна быть свойственна сверхъестественная способность прирастать через процент на самих себя за счёт трудящихся.

Почему же мы все эти само собой разумеющиеся вещи, являющиеся № 1 в социальном вопросе, до сих пор не поняли?

Потому, что в маммонизированном затмении мы не смогли разглядеть, что учение о святости процента - это неприкрытый самообман, что евангелие о проценте, как

единственном способе делать деньги сильными, втиснуло всё наше мышление в золотые сети международной плутократии.

Потому, что мы забыли, а всевластные столпы финансов этому способствуют, держа нас, за исключением некоторых финансистов, в неведении о том, что такой, якобы прекрасный и любимый недалёкими людьми процент просто берётся из наших налогов.

До тех пор, пока мы не освободимся от кабалы процента, всё наше налоговое законодательство есть и останется в положении должника перед большим капиталом, что не является, как мы иногда это себе воображаем, нашей добровольной жертвой на воплощение идеи содружества труда.

Поэтому освобождение от кабалы денежного процента является ясным решением в деле мировой революции, деле освобождения творческого труда от пут надгосударственной власти денег.

Рассуждения и обоснования достижения революции не имели успеха

Сейчас мы оказались в центре одного из самых тяжёлых кризисов, который предстоит выдержать нашему народу в его многострадальной истории.

Тяжело болен наш народ, тяжело болен весь мир. Слышны беспомощный ропот тёмных масс и крики людей о помощи.

В песнях, на танцах, в кино, при мимолётных встречах наш обезумевший народ с глубокой внутренней болью обменивается друг с другом мыслями о своей многострадальной судьбе, о своих обманутых надеждах, о болезненном разочаровании тем, что у нас так упрямо хотят назвать "достижениями революции".

Как же сильно отличаются наши прежние представления о будущем от прежних, как разительно отличаются все прекрасные обещания от действительности!

Все золотые отблески надежд, на которые тогда мы смотрели из темноты нашего военного поражения, теперь, в свете солнечного дня, кажутся лишь светом тусклой лучинки.

И вот мы беспомощны. И ради этой тусклой лучинки, раньше так ярко светившей в ночи, мы отбросили всё, что до тех пор было нам дорого и любимо, а наши кошельки прочно набиты жалкими, ничтожными купюрами.

И неудивительно, что именно беднейших из бедных охватывает злость разочарования, что именно они, в порыве безумной ярости, срывают зло на своих братьях и пытаются разрушить всё, что им, в состоянии глубокой депрессии, встречается на пути выхода из этой глубокой ямы.

Если народ ещё больше охватит бессознательность и безумие, это состояние приведёт к помешательству, а куда приведёт оно, это помешательство, мы видим в большевистской России.

Национализация, или, как это там называют, "социализация", оказалась лишь ударом мимо, - со спокойной душой объявляет Ленин.

Экономика разрушена, покупательная способность денег на нуле, интеллигенция уничтожена, рабочие без хлеба. Везде в народе разочарование.

Лишь кровавый террор с опорой на китайских и латвийских наёмников позволяет красным диктаторам защититься от гнева разочарованного народа.

В нашей стране развитие примет такой же характер, если мы будем и дальше держать в правительстве международных спекулянтов, неистовых партийных фанатиков и представителей нагруженной богатством буржуазии, чуждой нам по внутреннему характеру расы, как представителей одного из немецких народов.

Вспомним, каковы были те прекрасные, восхитительные слова, которые нам вешали на уши: мир во взаимопонимании, союз народов, парламентаризм, суверенитет народа, демократия, диктатура пролетариата, социализм, уничтожение капитализма, освобождение от милитаризма.

Да каких только прекрасных слов не было!

Выстоит лишь тот народ, который сам определяет свою судьбу.

Ничего из всего обещанного не воплотилось, да и не может воплотиться, если мы с наивысшей житейской серьёзностью не подойдём к этим обещаниям, ко всем лозунгами и, как умный, добротный врач, со знанием дела не исследуем проявления болезни и не поставим точный диагноз, если не пожалеем никаких сил, чтобы установить, откуда приходит эта тяжёлая, но имеющая характерные признаки болезнь!

Маммонизм - вот, как называется болезнь нашего времени.

Что такое маммонизм?

Маммонизм - это экономическое и моральное заболевание

Маммонизм - это бесстыдное, невидимое, таинственное господство великих международных денежных столпов.

Маммонизм - это также и духовный недуг; это почитание этих денежных столпов со стороны всех тех, кто инфицирован ядом маммонизма.

Маммонизм - это безмерное преувеличение самого по себе в принципе здорового стимула человека к труду.

Маммонизм - это ставшая безумием жадность к деньгам, целью которой является "растить" деньги на деньгах, порабощающая себе на службу с беспощадностью, не знакомой другим силам, и неизбежно приводящая к экономическому порабощению, к эксплуатации рабочей силы всех народов мира.

Маммонизм - это состояние духа, приведшее к принижению всех житейских понятий.

Маммонизм рассматривается, как мировой феномен, который следует поставить в один ряд с жестоким, безоглядным эгоизмом человека.

Маммонизм - это дух звериной жадности, безграничного стремления к господству; образ мыслей, направленных на завладение товарами и сокровищами; а, в глубокой своей основе, это - религия специфического типа людей.

Маммонизм - полная противоположность социализма.

Социализм, если его рассмотреть, как высшую житейскую добродетель, это идея того, что у каждого человека есть обязанности перед обществом и всем человечеством, а не только ответственность за сегодняшнее благосостояние своей семьи, своего родственника, своего народа.

Социализм - это ещё и неотъемлемые духовные обязательства перед будущим своих детей и своего народа.

Ещё конкретнее маммонизм следует рассматривать, как сознательную игру команды жадных до власти столпов капитализма всех народов.

Именно здесь наиболее заметны завуалированные проявления маммонизма.

Но великие денежного мира сего выступают завершающей движущей силой только вслед за охватывающим весь мир англо-американским империализмом, и никак иначе.

Великие денежного мира - именно они финансировали ужасающее братоубийство мировой войны.

Великие денежного мира сего, будучи хозяевами всех крупных газет мира, опутали мир паутиной лжи.

Они с великим удовольствием описывали все низкие страдания; заботливо выращивали все имеющиеся течения; путём пропаганды в прессе накалили до предела французскую идею реванша; заботливо питали панславянскую идею, стремление сербов к господству, потребности этих государств в деньгах, отчего и должен был зажечься мировой пожар.

У нас в Германии дух маммонизма, который только чем и интересовался, так это цифрами экспорта, национального богатства, экспансии, больших банковских проектов, международных финансов, также привёл к отклонениям в общественной морали, к погружению наших правящих кругов в материализм и поиски выгоды, к высмеиванию

жизни нашего народа, к росту всех других факторов, на которых и обосновалось наше болезненное поражение.

Мы с удивлением спрашиваем себя, откуда же взялась такая власть у маммонизма, у международного большого капитала, почему у него такая непоколебимая власть?

Совсем не надо упускать из виду, что международное сотрудничество великих денежных столпов сейчас проявляется совершенно по-новому. У нас нет для этого схожих параллелей в истории.

Международные обязательства, имеющие денежную природу, были известны всегда.

Только с приходом эпохи всемирной экономики, всемирного общения пустила свои глубокие корни международная экономика процента и тут и там, та экономика, из которой золотой интернационал и выкачивает свою дьявольскую силу.

Процент - источник силы большого капитала.

Именно процент, этот безустанный и бесконечный поток благ, просто из области денег, не требуя приложения никаких усилий, даёт силу роста мировым денежным столпам.

Кредитный процент - дьявольский принцип, из которого и родился золотой интернационал.

Всё повсюду заёмный капитал присосал к себе.

Как голодный волк, окружил большой ссудный капитал все государства, все народы мира.

Государственные долговые обязательства, государственные облигации, железнодорожные облигации, военные облигации, ипотечные документы, облигации с залоговыми письмами - это одни и те же ссудные документы, имеющие различные названия - в один момент обхватили всю нашу экономическую жизнь так, что теперь народы всего мира беспомощно барахтаются в золотых сетях.

Во благо принципа процента, согласно в глубоком смысле ошибочным государственным представлениям о том, что любой вид имущества имеет право на доходность, мы превратились в каменных рабов процента.

Хотя, ни одно действительное существенное житейское основание не указывает на то, что просто чистое обладание деньгами даёт право на получение длительного процентного дохода.

Процент - это безнравственно

Внутреннее сопротивление против процента и ренты любого рода, получаемых без доступа к ним рабочей силы, пронизывает всю духовную жизнь всех народов и времён.

Никогда ещё это глубоко внутреннее сопротивление против власти денег не было так осознанно народами, как в наше время.

Никогда ещё маммонизм не намеревался, при такой напряжённой обстановке в мире, прийти к мировому господству.

Никогда ещё он не ставил себе на службу всю низость человека, жадность к власти, жажду мести, жажду владения, зависть и ложь таким хитро скрытым, но всё же, кроваво давящим образом.

В своей глубочайшей основе мировая война представляет собой одно из самых крупных решений в процессе развития человечества и в борьбе за то, будет ли будущую историю человечества определять маммонистически-материалистическое или же социалистически-аристократическое мировоззрение.

Большевизм - неверное средство антимаммонистической реакции

Внешне поначалу, без сомнения, победила маммонистическая англо-американская коалиция.

В качестве реакции на Востоке появился большевизм, и если большевизм рассматривать, как новую великую идею, то именно она, конечно же, занимает одну из самых диаметрально противоположных маммонизму позиций.

Правда, методы, которые большевизм пытается здесь применить, безусловно являются старыми.

Это - попытка страдающему от внутреннего отравления больному оказанию помощи с помощью ампутации головы, рук и ног.

Этому злу большевизма, этим бесполезным изменениям мы должны противопоставить новую планомерную идею, которая будет скреплена объединяющей силой рабочего класса с целью изгнания яда, отравившего мир.

В качестве этой идеи я вижу сломление кабалы денежного процента.

Вот те три момента, которые доказывают, что именно процент является действительной причиной нашей финансовой нищеты.

В Германии вращается 250 миллиардов ссудного капитала

Во-первых, наблюдается громадная масса ссудного капитала с твёрдым процентом, то есть капитала, который растёт сам по себе, без участия рабочей силы, и, к тому же, растёт вечно.

Ссудный капитал такого рода у нас в Германии достиг уже величины, которую мы не переоценим, называя сумму в 250 миллиардов.

И этой громадной сумме противостоит производственный капитал всей германской промышленности в размере 11,8 миллиарда. Ещё можно добавить 3,5 миллиарда капитала 16.000 промышленных предприятий, и мы получим вместе не более 15 миллиардов промышленного капитала.

Итак, первый основополагающий вывод: величина ссудного капитала относится к промышленному примерно, как 20:1.

Такая диспропорция свидетельствует о том, что все меры, которые принимаются в связи с проблемами больших финансов, проявляются в 20 раз сильнее в невидении ссудного капитала по отношению к тем мерам, которые направлены против большого промышленного капитала.

Германия платит ежегодно 12,5 млрд. процентов по ссудам

Во-вторых: проценты по указанным выше 250 миллиардам ссудного капитала составляют, в общем и целом, рассматривая за год, около 12,5 миллиардов на вечные времена.

Общая сумма всех полученных в 1916 году за 1915 год дивидендов составила почти 1 миллиард марок. В предыдущие десятилетия эта цифра составляла в среднем 600 миллионов.

Она могла бы за два последних года войны существенно возрасти, но в текущем году, напротив, эта сумма ещё больше уменьшится.

Средняя рентабельность всех немецких АО была 8,21%, то есть, лишь на 3,5% выше, чем средняя доходность ссудных бумаг с твёрдым процентом.

Итак, я повторю: в будущем почти 12,5 миллиардов немецкий народ должен будет платить по различным вечным процентам большому ссудному капиталу, в то время, как доход от промышленного капитала в 1916 году - году высокой конъюнктуры - составил 1 миллиард, а во времена обычной конъюнктуры он составляет всего 0,6 миллиарда, то есть, и здесь мы видим соотношения рассматриваемых величин от 20:1 до 12:1.

Большой ссудный капитал растёт лавинообразно в бесконечность.

Третьим, и самым опасным моментом, является огромный, превышающий все пределы разумных понятий рост большого ссудного капитала с помощью процента и сложного процента.

Я должен здесь кое-что дополнить и, путём небольшого экскурса в высшую математику, пояснить проблему. Для начала, несколько примеров.

Прелестная история возникновения игры в шахматы известна. Богатый индийский король Ехерхам, в качестве благодарности за изобретение королевской игры, обещал выполнение одной просьбы изобретателя.

Просьба мудреца заключалась в следующем: пусть король положит на первое поле шахматной доски одно зерно пшеницы, на второе - два, на третье - четыре и далее: на каждое последующее поле - в два раза больше, чем на предыдущее.

Король усмехнулся над мнимой скромной просьбой мудреца и дал поручение принести мешок пшеницы, чтобы распределить зёрна на все поля.

Известно, что выполнить эту просьбу не смог бы даже самый богатый человек на Земле. Всех урожаев мира за тысячу лет не хватило бы, чтобы наполнить 64 поля шахматной доски.

Второй пример: Некоторые, наверняка ещё со школьных времён, помнят мучительность вычислений сложных процентов: во что превратится пфенниг, на который со времени рождения Христа начисляется сложный процент, такой, что каждые 15 лет сумма удваивается.

Через 15 лет он вырастет до 2 пфеннигов, через 30 лет - до 4 пфеннигов, на 45 году после рождения Христа - до 8 пфеннигов. Мало кто вспомнит, какой была бы эта сумма сегодня.

Вся наша Земля, будь она из чистого золота, наше солнце, которое в 11 297 000 раз больше земного шара, все наши планеты, будь они из чистого золота, - всего этого не хватило бы, чтобы выразить стоимость этого изначально пфеннига, на который начисляется сложный процент.

Третий пример: Состояние клана Ротшильдов, старейших представителей международной плутократии, сегодня оценивается приблизительно в 40 миллиардов.

Известно, что старая шельма Мейер Ротшильд, будучи в Франкфурте, где-то в 1800 году заложил основу огромного состояния своего Клана с помощью повторного кредитования из тех миллионов, которые ему доверил на сохранение земельный граф Вильгельм I Гессенский.

Если бы у Ротшильда денежный рост с помощью процента и сложного процента шёл такими же скромными темпами, как в случае с пфеннигом, то кривая роста не была бы такой крутой.

Но, допустим, увеличение всего состояния Ротшильда продолжается лишь в темпе пфеннига.

Тогда, в 1935 году оно составило бы 80 миллиардов, в 1950 - 160 миллиардов, в 1965 - 320 миллиардов и, таким образом, далеко бы превысило всё германское национальное богатство.

Из этих трёх примеров можно вывести один математический закон.

Кривая, выражающая рост состояния Ротшильда, и кривая, которая выводится из числа зёрен пшеницы на шахматной доске, а также, кривая, показывающая рост пфеннига по схеме сложного процента, являются простыми математическими кривыми.

Все они имеют одинаковый характер. После изначально скромного и медленного роста кривая становится всё круче и круче, очень скоро практически тангенциально приближаясь к бесконечности.

Развитие промышленного капитала плетётся в хвосте

Совершенно по-другому ведёт себя кривая промышленного капитала: также в большинстве случаев вырастая из малого начала, вскоре наблюдается сильный рост кривой до того момента, пока не наступит определённое насыщение капитала.

Затем кривые становятся более плоскими, а в некоторых отраслях даже идут на снижение, если новые изобретения приводят к обесцениванию существующих фабричных установок, машин и т.д.

Хочу привести всего один пример: развитие заводов Круппа.

В 1826 г. умер, практически без состояния, старый Крупп.

В 1855 году Альфред Крупп получил свой первый заказ на 36 пушек от египетского правительства.

В 1873 году у Круппа работали уже 12 000 рабочих.

В 1903 году фрау Берта Крупп продала все заводы и установки за 160 миллионов АО "Альфред Крупп".

Сегодня акционерный капитал АО составляет 150 миллионов золотых марок.

Что значит для нас сегодня имя Круппа?

Пик нашего промышленного развития. Первый промышленник по пушкам в мире. Пример осознанного, интенсивного руководства работой.

Для сотен тысяч наших соотечественников имя Круппа означало хлеб и работу. Для нашего народа - защиту и оружие.

И всё-таки, он - карлик по сравнению с миллиардами Ротшильда.

Что значит процентный рост состояния Круппа за одно столетие по отношению к росту состояния Ротшильда, сложившегося из процента и сложного процента за счёт бесконечного прироста стоимости без приложения всяких усилий?

Ничто не показывает нам так ясно глубокое в своей сути различие между ссудным и промышленным капиталом.

Ничто не может нам более наглядно прояснить различие между опустошительным воздействием ссудного процента и производственной прибылью (дивидендом), полученных из рискованных производственных капиталов, вложенных в огромные промышленные предприятия.

Названия кривых слева направо:

1. Промышленный капитал.
2. Ротшильд.
3. Возможный дальнейший рост пфеннига (удвоение через каждые 15 лет).

Обе жирные кривые (2, 3) - это кривые ссудного процента, к тому же, верхняя (2) - это кривая состояния Ротшильда, и устремлённая вверх линия показывает в целом характерное развитие тех кривых, у которых ордината удваивается при постоянной абсциссе.

Пунктирная линия (1) показывает развитие нашей промышленности в целом за последние 40-50 лет.

Тонкие пунктирные линии показывают развитие ряда произвольно выбранных крупных промышленных предприятий, из которых выведен общий характер пунктирной кривой промышленного капитала.

Необходимо особо подчеркнуть, что кривые показаны не в масштабном выражении, что видно по кривым ссудного капитала, которые уменьшены.

Так, например, кривая состояния Ротшильда, по отношению к кривой Круппа, должна быть где-то в 80 раз больше.

Целью диаграммы было лишь показать различие самих характеров обоих видов капиталов.

Кривая ссудного капитала показывает вначале очень медленное развитие; затем оно идёт всё быстрее, пока не становится совсем стремительным и сметающим всё вокруг, и затем уже выходит далеко за пределы человеческого понимания, устремляясь в бесконечность.

Кривая же промышленного капитала, наоборот, остаётся позади!

Конечно, развитие может иметь существенные отклонения в мелочах, но общий характер промышленного развития будет всегда таков, что после сильного начального развития следует определённый период зрелости, насыщенности, после чего, рано или поздно, наступает спад.

Не стоит и сомневаться, что осознание математических законов, которым следуют ссудный и промышленный капитал, смогло бы указать нам путь, что нужно сделать, чтобы перестроить наши расшатанные финансы.

Мы осознаём, что капиталистический экономический порядок, капитал сам по себе не является изгоем человечества.

Врагом всего работающего человечества является ненасытная потребность в процентах крупного ссудного капитала.

Капитал должен быть - труд должен быть. Труд зарабатывает мало - капитал, сам по себе, не должен зарабатывать ничего.

**Сломление кабалы процентов является возможным
и разумным смыслом мировой революции**

Капитал без труда должен быть стерильным!

Поэтому важнейшим требованием, основной революционной задачей, самым разумным смыслом мировой революции должно быть сломление кабалы денежных процентов.

У восьми миллиардеров доход такой же, как у 38 миллионов немцев.

Состояние Ротшильда сегодня оценивается в 40 миллиардов.

Миллиардеры высшей американской пробы: господина Ян, Леб, Шифф, Шпеер, Морган, Фандербилдт, Астор - стоят вместе около 60-70 миллиардов.

При ставке процента, равной всего 5, это означает годовой доход этих 8 семей в 5-6 миллиардов, что почти столько же, сколько составил, по исследованиям Хельффериха в 1912 году, доход 75% всех налогоплательщиков Пруссии.

(Тогда их было почти 21.000.000 человек, 75% из них - это около 15.000.000. На каждого в среднем приходится 2,56 члена семьи, то есть, в пересчёте речь идёт о доходе 38 миллионов человек).

Итак, 38.000.000 немцев должны целый год жить на то, что у вышеупомянутых миллиардеров является доходом за год.

Конечно, американские миллиардеры не являются в прямом смысле "капиталистами процента", рантье, такими, как клан Ротшильда и т.п.; я не хочу даже думать, являются ли они "100-млн. долларовыми миллионерами" или "1000-млн. марковыми миллиардерами".

В первом случае, к перечисленному выше списку следовало бы добавить ещё пару десятков человек.

Для определения порядка соотношения примем, что общее число богатых кланов представляют 300 человек.

Но ведь, дело вовсе не в том, чтобы дать точную цифру, а в том, что соотношение 300 к 38.000.000 открывает нам глаза на истинные масштабы господства международного ссудного капитала.

Поэтому, скинем одним махом страшные кандалы, сковывающие всех трудящихся, отберём власть у денег, которой они обладают, чтобы породить проценты снова и снова, пока ещё человечество полностью не стало безостаточно быть должником по процентам международному ссудному капиталу.

Назову три следствия, которые нам очень ясно показывают, что следует приложить усилия для уменьшения нашей внутренней финансовой нужды.

Мы, конечно, осознаём, что штурмовая атака всего социалистически мыслящего мира против промышленного капитала является ошибочной, так же, как и задуманная полная отмена налогов или социализация всех доходов предпринимателей - при неослабленной экономике - принесли бы до смешного малый результат, по сравнению с огромной финансовой нагрузкой на бюджет рейха и нашего государства.

Путём сломления кабалы процентов, можно:

одним ударом устранить финансовую нищету;

мы сразу же почувствуем твёрдую почву под ногами;

нам сразу же станет ясно, что с этой несчастной кредитной экономикой мы зашли в дебри.

Военные облигации были маммонистическим обманом

Кредитный капитал - что же это такое, как не долг?

Кредитный капитал - это долги! - можно повторять сколько угодно.

Какое же это безумие, когда немецкий народ вложил в свою войну 150 миллиардов, сам себе за это наобещал платить проценты в размере 7,5 миллиардов и теперь ощущает себя в изначально предсказуемом неловком положении, отнимая у себя эти 7,5 миллиардов в форме фантастических налогов!

Самым трагичным в этом денежном обмане является не столько глупость такой военной кредитной экономики, сделавшей много полезного для заграницы, сколько больше тот факт, что всего лишь сравнительно малое число крупных капиталистов получает из всего этого огромные барыши.

А весь рабочий народ, включая средних и малых капиталистов, торговлю, ремёсла, промышленность должны оплачивать проценты.

И здесь вновь вскрывается подоплёка вопроса, подтверждающая мысль о том, что фактически крупный ссудный капитал, и только он, является изгоем всего трудящегося человечества.

Можно рассматривать вопрос с любых точек зрения, как угодно - всё равно на проценты от ссудного капитала работает вся масса трудящихся.

Средние и мелкие капиталисты ничего не имеют от своих больших процентов, просто не могут от них ничего иметь: эти проценты без остатка забираются у них в виде платежей в бюджет - будь то в форме прямых или косвенных налогов, сборов, гербовых сборов или иных платежей.

В результате, мы всегда придём к одному выводу: трудящийся народ - это тот, кто попался на удочку, а рыбак - крупный капитал.

Святость процента - это суеверие маммонизма

Удивительно наблюдать сегодня, как социалистически мыслящий мир, начиная с Маркса и Энгельса, и коммунистический манифест, и Эрфуртская программа (особенно Каутский), а также сегодняшние социалистические властители, как по команде, салютуют интересам ссудного капитала.

Святость процента - это табу!

Процент - святее всех святых; встряхнуть его ещё никто не отваживался.

В то время, как имущество, дворянство, безопасность личности и собственности, права верхушки, религиозные убеждения, офицерская честь, отечество и свобода, более или менее, дискутируются, процент - свят и неприкасаем.

Конфискация имущества, социализация - вопросы повестки дня, хотя они имеют совсем уж скользкие правовые мосточки, которые подпираются лишь тем, что всё это, якобы, применяются от имени общества к личности, - всё это дозволено; а процент, процент - это "noli me tangere", "не трожь меня".

Проценты от долга рейха - на первом месте в государственном бюджете.

Их огромный вес тянет корабль государства на дно - это же обман! - громадный денежный обман, придуманный единственно для пользы крупных денежных властителей.

Хотел бы сразу, чтобы не было недомолвок, вкратце затронуть тему мелких рантье, которая ещё будет дальше рассматриваться.

Поскольку их не принимают в расчёт при рассмотрении крупных вопросов, то совершенно справедливо, что для них будут предусмотрены многие компенсации, путём дальнейшего развития социальной помощи.

Обман! Проценты - это обман - говорил я, и это моё твёрдое убеждение.

Но, если это слово, которое во время войны наверняка звучало и на полях сражений, и на родине, как наиболее употребимое, то оно имеет ещё больше оснований быть применимым в смысле обмана с процентами.

Как это было с военными займами?

Рейх, в виде займа, вытащил из кошельков народа 5 миллиардов марок, которые были действительно имевшимися в наличии сбережениями.

Деньги пришли обратно населению. Затем пришёл новый заём и снова высосал эти деньги у народа и, к тому же, последние остатки сбережений.

И снова пришёл насос займа и высосал миллиарды, и снова они вернулись, и так эта прекрасная игра продолжалась девять раз - до тех пор, пока рейх не наделал долгов на 100 миллиардов.

За это народ, конечно, получил 100 миллиардов, но только в виде красиво напечатанных бумажек.

Сначала мы вообразили себе, как будто мы стали богаты, а потом пришло государство и сказала, что оно на грани банкротства.

Да, но почему же? Я ведь не могу стать банкротом, если я начну просто часто перекидывать свою 100-марковую купюру из левого кармана брюк в правый.

Это было бы ещё большим сумасбродством, если мы, признав сумасбродство нашей экономики военных займов, ещё и согласимся с тем, что мы - банкроты.

Сломаем кабалу денежных процентов!

Объявим военные облигации законным платёжным средством без оплаты по ним процентов, и угроза банкротства государства растает, как мартовский снег, пригретый солнцем.

Отмена выплат процентов не является завуалированным банкротством государства

Мне сказали, что отмена оплаты процентов - это завуалированное банкротство государства.

Нет, неправда!

Ужас банкротства государства фактически является детским ужасиком, выдуманным маммонистическими силами.

Книга Фр. Рера "Что должен знать каждый о банкротстве государства" написана в полностью маммонистическом духе и, хотя этот обманщик в целом, конечно, ясно осознал экономический ущерб, который нам угрожает при социализации.

Далее он правильно утверждает, что, в конце концов, нас сможет спасти только восстановление нашей экономики - но от суеверной святости процента он освободиться не может и рисует банкротство государства исключительно в интересах маммонизма, как ужасную катастрофу.

Интересно проследить и за тем, что Фр. Рер, несмотря на превосходное знание истории, не может освободиться от догм и в своём заключительном слове отмечает: "Если уничтожающей экономической катастрофы не избежать, то она никого не пощадит".

В то время, как на стр. 81 он настаивает, что следствия государственно-финансового краха частично очень скоро устранятся, а на стр. 68 вообще утверждает: будь что будет, но, в любом случае, известно, что Россия (в последнем столетии) преодолевала глубокие экономические кризисы без длительных затруднений.

Банкротство государства - спасение национальной экономики

На стр. 76 исследования воздействия банкротства на государство говорится: пусть будут глубокие экономические трудности, но в общем и целом нельзя допустить, чтобы из-за этого произошло уничтожение, как самого государства, так и его экономических сил.

Напротив, при банкротстве государства достаточно часто наблюдалось бы скорейшее оживление народного хозяйства и оздоровление государственных финансов.

Если обманщик на три строки ниже продолжает, что банкротство государства обязательно означает экономическую катастрофу и приводит к безграничной нищете, то, простите, мне жаль, что я не могу согласиться с такой логикой.

Но, вернёмся к нашему конкретному случаю.

Что же честнее: пространно рассуждать о неприкосновенности военных облигаций и в то же время задавить народ неслыханным налоговым прессом?

Или же, если бы у министра финансов нашлось бы мужество появиться перед народом, открыто заявить: я не могу заплатить проценты по военным облигациям, или могу, но лишь в том случае, если я от вас же и соберу точно столько налогов?

Что тогда, во время войны, мне обязательно нужно было иметь деньги, - что мне только не приходило в голову, - и вот таким образом я придумал обман с высокодоходными военными обязательствами.

Прости меня, любимый народ, ведь это всё делалось для тебя, но давай больше не будем играть в прятки: я, государство, больше не буду платить проценты - а ты, налогоплательщик, больше не должен платить налоги на эти проценты.

Это существенно упростит наши дела, мы сэкономим на громадном налоговом аппарате, то есть, массу денег и рабочей силы.

Я долго размышлял над последствиями раскрытия этого обмана, и считаю абсолютно обоснованным оценить их.

Скажем о том круге лиц, которые бы пострадали, - это те, кто получал по своим налоговым декларациям более 30.000 марок ренты.

По баварским налоговым декларациям это 822 человека, т.е. 0,4% налогоплательщиков.

Во всей же Германии это число составит приблизительно 10.000 человек из верхов.

Теперь хотелось бы совсем кратко прояснить важнейшие стороны нашего революционного требования, а именно, мы хотим рассмотреть эти вопросы сначала с нашей национальной точки зрения.

Мы стали бедным народом

Для начала необходим чёткий взгляд на наше сегодняшнее положение.

Государственный секретарь Шиффер в одной из своих больших речей в Берлинской торговой палате назвал его "необозримым". Это - верно лишь отчасти.

Обозримы огромная задолженность нашего народного хозяйства, неслыханное обесценение наших платёжных средств, короче, тот факт, что за одну ночь мы стали бедным народом.

А вот тот груз, который лёг на нас в результате заключения мира, он действительно необозрим.

Уже имеющиеся долговые обязательства составляют, как мы уже знаем, почти 250 миллиардов.

Допустим, Антанта в какой-либо форме взыщет с нас ещё 50 миллиардов в возмещение военного ущерба, тогда это уже вместе составит 300 миллиардов долгов.

Как ни тяжело уложиться в узкие рамки этого описания, но мы должны всё-таки здесь сказать ещё несколько слов о величине германского национального богатства.

Исследование в книге Гельферха и Штайнманна оценивает Германское национальное богатство в сумму около 350 миллиардов.

Такого рода выводы, как бы осторожны они ни были, имеют достаточно условную ценность.

Они вообще могут относиться только ко времени, когда в цифру включается государственное имущество и имущество общин, например, уличные здания, речные строения и т.д.

Ведь кажется, что выполнение такого рода работ стоило огромных денег, но, с другой стороны, как будто у них нет собственной цены.

Более приемлемым масштабом для определения величины национального богатства является, так называемое, ""налогоспособное" имущество", как это следует из налоговых деклараций по вкладу в оборону или налога на военное имущество.

Здесь выходит общая сумма 192 миллиарда, то есть, существенно меньше, чем даже по расчётам Хелльфериша.

К этой сумме можно сделать дополнение, исходя из опыта в районе 10% на имущество малой стоимости, освобождённое по закону от налогов, а также, приблизительно такое же дополнение за счёт "тихих резервов".

Точно так же мне кажется утопичным говорить о национальном имуществе на сумму более 250 миллиардов. Эта цифра тоже имеет лишь условное значение.

Самым правильным было бы порвать с практикой представления охватываемого национального имущества посредством цифр и прийти к осознанию того, что национальное имущество находит своё выражение исключительно в духовной и физической рабочей силе всей нации.

То есть, если рассматривать в более крупных масштабах, в том понятии, которое с капиталом тесно не связано.

Конечно, нужно рассмотреть ещё и имеющиеся в наличии источники национального богатства, такие, как полезные ископаемые, лесное богатство и плодородная земля, но и эти предметы не поддаются измерению в цифрах, так как пределы их оценки колеблются от нуля до бесконечности, в зависимости от того, нет ли где-то полезных ископаемых вообще или они, по заключению геологических экспертов, исчисляются в миллиардах тонн угля и т.д.

Мы не хотим забывать, что Германия, собственно, бедная страна. Она практически не обладает монополиями.

По богатству полезными ископаемыми она стоит далеко за большинством соседних стран, не говоря уже о неслыханных богатствах природных ископаемых китайского, индийского и американского государств.

По плодородию почвы она стоит далеко за прославленными пашнями российского черноземья, за неприхотливыми землями тропиков и субтропиков.

В конце концов, у нас остаётся только рабочая сила и воля к труду нашего народа, а также, наличие достаточного количества работы, и нам должно быть ясно, что при таком положении дел об обоснованных займах, о деловой безопасности долговых обязательств не может быть и речи.

Будь то процентные военные облигации или беспроцентные банкноты, за ними в полном одиночестве стоит возможность по сбору налогов со всего народа, а она представляет собой не что иное, как функцию производительности труда всего трудящегося населения.

Здесь также необходимо уяснить для себя ответы на ещё один комплекс вопросов, а именно: об основных пунктах источников дохода и расходов нашего государства.

Существует очень заметное расхождение между тем огромным местом, которое занимает вопрос обеспечения деньгами в нашей частной жизни, и интересом, который мы проявляем по отношению к вопросам государственного обеспечения финансами, но, однако, между народным хозяйством и каждым частным хозяйством не существует никакого принципиального различия.

Главными пунктами доходов государства являются: во-первых, чистые доходы почт и железных дорог, во-вторых, чистые доходы от шахт, лесных управлений и иных государственных предприятий, в-третьих, таможенные платежи и косвенные налоги и, в-четвёртых, прямые налоги.

Как это выглядит конкретно?

Я хочу в таких чрезвычайно практических вопросах представить не только теоретические рассуждения, но и с помощью баварского государственного бюджета 1911 года пояснить отдельные пункты в порядке их величины.

Почта, телеграф и железные дороги принесли 120 миллионов, леса, шахты и т.д. - около 40 миллионов, прямые налоги - 60 миллионов.

Ещё 67 миллионов пришли от гербовых и других сборов, налогов с наследства, земельных сборов, переводов со стороны рейха и т.д.

Как же обстоит дело с расходами?

На первом месте мы находим отчисления на выплату процентов по государственному долгу, включая железнодорожный займ - 85 миллионов.

На Королевский дом - 5 миллионов, управление юстиции - 27 миллионов, управление внутренних дел - 40 миллионов, церкви и школы - 51 миллион, финансовое управление - 13 миллионов, расходы на нужды рейха - 50 миллионов, пенсии - 36 миллионов. Иные расходы - 5 миллионов.

В этот счастливый год бюджет баварских финансов закрылся с превышением доходов над расходами, примерно, на 27 миллионов.

Здесь нас интересуют те расходы, которые могут отпасть при слоении кабалы денежного процента.

Естественно, в первую очередь, это расходы по процентам государственного долга - 85 миллионов, плюс большая часть расходов на финансовое управление - около 10 миллионов.

Далее - большая часть расходов на нужды рейха, из которых можно вычесть половину - 25 миллионов и, в заключение, сегодня отпадают расходы на королевский дом - 5 миллионов. Все вместе - 125 миллионов.

Уже перед войной, в случае упорядоченных финансов, можно было бы отказаться от прямых и косвенных налогов.

Устранение этих пунктов означает возможность отказа от сбора всех прямых и косвенных налогов, выражаемых суммой около 113 миллионов.

Мы, конечно, не считаем, что следует отменить все прямые и косвенные налоги, в разумных границах они действуют, безусловно, с одной стороны, воспитательно и, с другой стороны, регулирующие.

Конечно, для владельцев больших имуществ будет выглядеть накладным и не совсем справедливым то, что доход от приносящего прибыль имущества подвержен крупным, ступенчатым налогам, но государство ведь должно доступными ему властными средствами заботиться также и об имуществе, доход не приносящем.

Естественным выглядит и то, что торговля и промышленность также подвергаются соответствующим налоговым отчислениям из их производственной прибыли, ведь именно для них государство должно заботиться о сохранении и развитии общественных путей сообщения; соответствующие минимальные налоги для каждого обладающего избирательным правом гражданина также являются элементом справедливости, ведь от государства требуют обеспечения безопасности личности и собственности.

В области косвенных налогов регулирующим воздействием могло бы стать развитие всех т.н. налогов на товары-люкс, в то время, как всё, что связано с потребностями народа и продуктами питания, следовало бы освободить от налогов.

Результатом такой налоговой политики стал бы не столько большой финансовый смысл - не об этом ведётся речь, а то, что для широких масс населения смыслом должна быть не столько налоговая нагрузка, сколько осознание того, что человек должен вести не только обособленное существование, но и помнить что, будучи гражданином государства, он имеет не только гражданские права, но и гражданские обязанности.

Налоговая нагрузка не должна снижаться для работающих государственных предприятий, чья чистая доходность, как мы видели, достаточна, чтобы покрыть

постоянные расходы государства на воспитание, образование, право, внутреннее управление и т.д.

Она должна использоваться для государственной помощи в решении особых культурных задач, на которые, в рамках постоянного государственного бюджета, никогда не имелось соответствующих средств.

Здесь я думаю в первую очередь о домах младенца, заведениях для слепых и инвалидов, детских яслях, защите матерей, борьбе против туберкулёза, алкоголизма и венерических заболеваний, для развития садов и поселений, в особенности, для размещения и человеческого обеспечения наших раненых на войне.

Попытавшись заглянуть в будущее, мы увидим новую страну.

Может ли означать отмена всех налогов сломление господства процента?

Да, такая отмена могла означать это, если бы мы вышли из громадной бойни, как народ-победитель.

О том, что рано торжествовать, нам напоминают штрафы, наложенные на нас нашими противниками.

Но, в любом случае, из только что представленного, в высшей степени простого взгляда на наш баварский бюджет, мы можем видеть новую страну.

В основных чертах совершенно похожие соотношения мы находим и в остальных бюджетах германских федеральных государств.

Не будет громко сказано, что из отчислений работающих государственных предприятий, то есть, железных дорог, почт, телеграфа, лесного хозяйства, шахт и т.д., без каких-либо трудностей могут финансироваться все государственные расходы на право, всё внутреннее управление, включая государственные строения, все расходы на воспитание и образование, а также, на культурные цели.

Итак, перед нами - прямо-таки идеальная картина.

Процент всё удорожает

Почему же в действительности такой картины нет?

Потому, что здесь вкрался процент.

Из-за выплаты процентов дорожают продукты питания населения; из-за процента, сахар и соль, пиво и вино, спички и табак, многочисленные иные ежедневные потребности облагаются косвенными налогами.

Из-за процентов должны быть подняты прямые налоги, в том числе и на землю, которые затем включаются в стоимость пшеницы; налог на дома, что увеличивает арендную плату; налог на ремесло, что давит на творческий труд; подоходный налог, что необратимо снижает уровень жизни служащих; и, наконец, ненасытный ссудный капитал приходит вместе с налогом на ренту с капитала.

Из 253 миллионов полученной ренты с капитала, на основе данных налоговых деклараций 1911 года, только 8,1 миллиона были оплачены государству в виде налогов.

Мы видим, что любая рента с капитала, любой процент с капитала, в конце концов, возникает исключительно из работы всего народа.

Мы видим, что статья уплаты процентов по государственным долгам имеет самый большой объём нашего государственного бюджета, и что налоговые обязательства по ренте с капитала вносят в государственные доходы очень скромный вклад.

По большому счёту капиталист платит из прямых государственных налогов в Баварии 1911 года из 60 миллионов общей суммы лишь от 1/8 до 1/6 доли. Прямые налоги составляют около 1/5 всех государственных доходов.

Таким образом, ссудный капитал покрывает лишь от 1/30 до 1/48 всех государственных бюджетных потребностей.

Мы не отступим от истины, если скажем, что налоговое законодательство в последние годы, особенно во время войны, пошло на сильное привлечение ренты с капитала, но

приблизительно такой же шаг сделало и косвенное обложение налогами, так что, общее соотношение здесь вряд ли изменилось.

Проценты подавляют бюджет Рейха

Слишком серой будет выглядеть картина, когда мы взглянем на бюджет рейха. Здесь соотношения ещё менее благополучны.

У рейха нет таких источников налогов, какие существуют у федеральных государств, имеющих право на прямые налоги; работающие предприятия рейха ограничиваются лишь почтой и железными дорогами (внимание: без прусских железных дорог) и, таким образом, бюджету рейха остаются лишь таможенные платежи и косвенные налоги.

Соотношения этих источников доходов (см. государственный ежегодник Германского рейха 1917 и 1918 года) были таковы: в 1915 году почта и железная дорога - 1 миллиард, таможенные платежи - 0,7 миллиарда, косвенные налоги - 1 миллиард, особые сборы (на оборону и т.д.) - 0,8 миллиарда, и т.д.

Здесь наблюдается похожая картина. Более трети, а именно 1,3 миллиарда, съели выплаты по процентам долга рейха. И сюда пробрался ссудный капитал! Также и здесь к удовлетворению потребностей он привлекает косвенные налоги.

С сахара получено 163 миллиона, с соли - 61 миллион, со сливы - 128 миллионов; табак, вина, осветительные приборы, спички, игральные карты и другие многочисленные источники налогов должны были работать, чтобы наскрести ещё 1 миллиард, и всё это безвозвратно перекочевало в кошельки капиталистов.

Как сегодня оплачивать проценты по долгам - загадка.

Выплаты по процентам военного займа в 100 миллиардов, а также по другим военным кредитам требуют ежегодно 8 миллиардов.

Доходы от почты и железных дорог вряд ли могут быть увеличены. Таможенных платежей вряд ли нам можно будет собирать больше. Остаётся лишь увеличение в 5 или 10 раз косвенных налогов, но это - вообще невозможно.

Необходимо ясное осознание того, что лишь сломенение кабалы денежного процента может принести нам спасение.

Вся экономика военных кредитов была огромным денежным обманом.

Сто миллиардов немецкий народ оторвал от себя на войну. 5 миллиардов процентов он себе пообещал за это. Значит, он должен заплатить 5 миллиардов налогов.

В выгоде - лишь крупный капиталист, который получает так много ренты с капитала, что вряд ли сможет её употребить, налог же на ренту с капитала, как мы уже видели, заберёт у него лишь скромную долю процента.

Мелочный эгоизм не должен завуалировать цель

Надеюсь, что я, опираясь на приведённые выше доказательства, уже немного напугал и даже вселил по-человечески понятный ужас во многих читателей, хотя и избегал конкретных ссылок на Ваши великолепные процентные доходы от ваших прекрасных ценных бумаг.

Хочу теперь показать лишь на одном примере, что вся процентная экономика - это великое заблуждение, и, к тому же, за основу примера я хочу взять верхнюю границу - хороший уровень буржуазного дохода.

Допустим, что рабочий доход главы семьи составляет 10.000 марок, плюс 5.000 марок ренты с капитала. Тогда с этой суммы следует уплатить где-то 1500 марок прямых налогов.

Далее, учитывая всё возрастающую арендную плату, платим минимум 1000-1200 марок за вечную аренду.

Ещё 1000 марок уйдёт на персональные налоги каждого члена семьи, состоящей из 5-6 человек.

При подведении итога, сразу же становится понятно, что теперь от счастливых в налоговом отношении прошлых лет, от прекрасной ренты с капитала малого и среднего капиталиста ничего не осталось.

О том, что бы "осталось", сегодня вообще не может быть и речи!

Напротив, если воплотить в реальности сегодняшнее фантастические налоговые планы, то существенная часть рабочего дохода просто уйдёт в виде налогов.

Выгоду получает только крупный капитал

Конечно, совершенно по-иному обстоит дело у крупного капиталиста, который, скажем, получает ренту с капитала стоимостью всего 1 миллион (таких людей сегодня в Германии достаточно много).

Этот счастливчик платит налог с ренты 50-70.000 марок. Косвенных налогов он платит не больше, чем предыдущий отец семейства.

На своё домашнее хозяйство и при сегодняшних дорогих временах он может потратить 40-50.000 марок, и хорошо жить.

У него остаются 900.000 марок, на которые он в следующем году, при 5% ссудного процента, получит новые 45.000, и всё это - "правовым путём": за счёт трудящегося населения.

Маленькому рантье не вредят

Маленький рантье, живущий только на свои проценты, - ему бы, без сомнения, навредили.

Если он способен работать, тогда он решил бы, конечно, найти себе рабочий доход.

При этом, он в намного лучшем положении, чем миллионы его соотечественников, у которых вообще ничего нет, кроме их физической и духовной рабочей силы.

Если рантье работать не хочет, тогда он должен проесть своё состояние. В конце концов, на это у него есть 20 лет, если он до сих пор использовал 5% для своего проживания.

Для людей, которые не в состоянии работать или ослаблены по болезни или возрасту, естественно, путём развития социальной системы для всех слоёв населения, должно быть обеспечено соответствующее существование.

Я представляю себе эту социальную систему следующим образом.

Допустим, престарелая дама, вдова, жившая раньше на проценты от капитала в 60.000 марок, путём законодательно объявленного сломя голову процента, получает источник своего существования.

Тогда, с помощью широкого развития системы кредитной ренты, данной личности даётся возможность получать соответствующую её капиталу кредитную ренту, причём, годовая рента может быть даже выше предыдущего дохода по процентам, чтобы этому кругу лиц дать определённую компенсацию за понижение стоимости денег.

То есть, например, что против отданных 60.000 марок в долговые обязательства рейха, государства или в залоговые письма, ежегодная пожизненная рента составит 4000 марок.

Если у вдовы дети и часть состояния она хочет им завещать, то ей даётся возможность только 40.000 превратить в кредитную ренту, в то время, как остальные 20.000 остаются для детей.

Из 40.000 марок, в зависимости от возраста, вдове, желающей получать кредитную ренту, можно было бы выдавать до 1/12 вложенного капитала.

Здесь также следует обратить внимание на то, что, по причине сломя голову процента, по причине падения давящих налогов, уровень жизни вдовы существенно улучшится.

Конечно, все варианты предусмотреть невозможно, ведь в каждом отдельном случае придётся следовать интересам каждого отдельного слоя населения.

При какой-либо очень сложной ситуации речь не идёт о том, что идти навстречу интересам каждого, однако, вскоре у людей появиться необходимый опыт разрешения вопросов, тем более, что благоприятные последствия оздоровления общей ситуации пойдут теперь на пользу и каждому в отдельности.

Процент создаёт нагрузку нашим детям

Во время рассказа по проблеме отмены процента я уже пытался обратить внимание на вопрос по военным облигациям, утверждая, что маленькие капиталисты, то есть, все те сотни тысяч, которых ещё более сильной, чем американская, рекламой побудили вложить свои сбережения в военные займы, ничего теперь с процентов не имеют, потому что они сами вынуждены платить налоги на эти проценты.

И, благодаря налоговому законодательству, направленному на кормление крупного капитала, они же и оплачивают идущие ему проценты.

Я думаю, что, даже если этот факт не принимать во внимание, должно хватить одного только обращения ко всем обеспокоенным будущим своих детей владельцам военных облигаций воспринять совершенно нормально предлагаемый мною отказ от вечного процента с долговых обязательств рейха.

Что, собственно, теряет патриот, отдавший свои 10.000 марок и оставшийся в глубокой нищете, кроме огромного права на то, чтобы в течение 100 лет получить процентов на 50.000 марок, притом, что капитал как был, так и остался?

Ведь его дети и внуки будут вечно работать на то, чтобы иметь, в первую очередь, возможность выплачивать эти проценты.

Вопрос возврата отданных по займу денег может быть решён различными способами.

В моих кратких рассуждениях по данной проблеме, которые я передал правительству народного государства Бавария 20 ноября прошлого года, я сделал следующее предложение: "вместо выплаты процентов просто выплачивать обратно основную сумму по 5% в год в течение 20 лет".

Я думаю, что далее я сделаю ещё гораздо лучшее предложение, которому, благодаря его простоте, заслуженно можно отдать предпочтение: "облигации военного займа, при отмене выплат по процентам, объявляются законным средством платежа".

Преимущество этого предложения состоит в том, что, при таком подходе к решению проблемы, никто ничего не заметит.

Облигации спокойно останутся лежать на хранении, это, как книга, шкаф или другой предмет, который кто-либо дал в долг своему другу.

Выведение из оборота ценных бумаг с твёрдым процентом - есть оздоровление в экономическом и социальном отношении.

Нужны тебе деньги - берёшь одну облигацию и оплачиваешь покупку ею. В конце концов, они не менее красивы, чем купюры по 10, 20, 100 или в 1000 марок.

При таком плавном переходе от процентной экономики в беспроцентное народное хозяйство о перенасыщении рынка платёжными средствами не может быть и речи.

Ведь облигации военного займа уже полностью находятся на хранении в банковских сейфах, под контролем и охраной, или в иных местах, где их хранение народ считает безопасным, так что, можно сказать, что они "хранятся в чулке".

Ведь, разве можно игнорировать тот факт, что выданные бумажные свидетельства на сумму 40 миллиардов не находятся в обороте, а по большей части спрятаны вышеописанным образом?

Наша потребность в платёжных средствах в довоенные годы высокой конъюнктуры составляла 4-6 миллиардов и о том, что сейчас нам нужно в два раза больше наличных денег при, всё более приживающемся безналичном денежном обращении, речь не идёт.

Абсолютно таким же образом следует провести отмену процентов на все ценности с твёрдым процентом.

На эти ценности, а также, на ценности с выплатой дивидендов, лучше всего подходит схема "возврата долга" в течение 20-25 лет с годовыми выплатами по процентам, как это делается с ипотечными документами.

Сломление господства процента по отношению к ипотеке означает, без сомнения, решение жилищной проблемы и избавление от недоступной арендной платы.

Также малопонятно, почему владелец ипотеки из выложенной один раз наличными суммы должен вечно иметь процент, почему ему обеспечен надёжный и бесконечный приток благ, почему из года в год должна платиться высокая аренда?

Совсем кратко следует пояснить, что речь не может идти о полной отмене аренды, так как управление и содержание домов требует постоянной работы и средств, то есть, возможно, следует только произвести снижение аренды до уровня, при котором возврат ипотеки последует сам собой.

Далее, со всей остротой следует подчеркнуть следующее: кабала процента не имеет ничего общего с нашей созидательной работой, которая возможна лишь в той мере, в какой мы сможем не допустить препятствий духу предпринимательства, творческому труду, производству товаров, созданию богатств в лучшем смысле этого слова.

Напротив, при сломиении процентной кабалы, как мы видим, весь трудящийся народ освобождается от тупого, необъяснимого, тяжёлого пресса, и наша душевная жизнь очищается от охватившего её яда.

Борьба против процента в истории народов не является новой

То, насколько правильно на протяжении истории осознана проблема процента, мы узнаем по тому, что во все времена и у всех народов она занимала умы людей.

В Ветхом Завете в различных местах мы находим 15 определений по поводу ослабления от бремени процента в форме того, что каждый седьмой год должен быть годом ликованья, в котором прощались все долги соотечественникам.

Солон в 594 году до н.э. отменил личные задолженности. Этот закон назвали "освобождением от долгов".

В древнем Риме Lex Gemicia в 332 году до н.э., недолго думая, вообще запретил взимание процентов.

Во времена кайзера Юстиниана был издан запрет на сложные проценты, причём, с определением, что не могут быть более востребованы проценты, если неуплаченные проценты выросли до величины одолженного капитала.

Папа Лео I в 443 году издал всеобщий запрет на сбор процентов, хотя до тех пор лишь клерикалам было запрещено требовать проценты с ссуды.

Тогда запрет на проценты стал частью канонического права, а для дилетантов обязательным правилом.

Западное законодательство постепенно приближалось к канонической точке зрения и даже наказывало взимание процентов штрафом.

Мы можем найти подтверждения тому в предписаниях рейхсполиции от 1500, 1530 и 1577 годов.

Конечно, с такого рода законами велась борьба, их старались обойти, но давайте во время этого краткого исторического экскурса упомянем об одном поразительном историческом факте: в то время, как каноническое право с 11 по 17-е столетие запрещало христианам взимание процента, евреям это было разрешено.

Было бы весьма интересно исследовать, какие проявления экономического роста привели к вышеперечисленным силовым отменам долгов.

Было бы и особо ценным посмотреть, какие власти и силы снова и снова отменяли запреты на проценты.

В средние века, конечно, с ростовщиками разбирались быстро: крестьяне или опустошённые горожане собирались вместе и избивали ростовщиков.

Сегодня же мы вступили в совершенно другую стадию развития проблемы процентов. Избиения и погромы ростовщиков в глубине души не одобряются.

Но и речь больше идёт вовсе не об отдельных, совершенно ограниченных проявлениях процентной болезни, которые можно было бы побороть, вырезав гнойник, речь идёт о тяжёлом заболевании всего человечества.

Совершенно особо следует подчеркнуть, что именно наша сегодняшняя культура, именно интернациональность международных отношений сделали принцип процента таким популярным.

То есть, известная нам историческая картина совершенно не должна быть аналогией сегодняшних отношений.

Если вавилоняне побеждали ассирийцев, римляне - карфагенян, германцы - римлян, то, после окончания войн, продолжительной кабалы процента не существовало, не было международных мировых властей.

Войны финансировались не за счёт долгов, а за счёт богатств, собранных в мирное время.

Очень точно говорит об этом Давид Хуме в своём описании государственного кредита.

Только новое время с его непрерывностью собственности и его международным правом даёт возможность ссудным капиталам расти в бесконечность.

Того пфеннига, на который, со времени рождества Христова, начислялись проценты, больше не существует, потому, что за это время права на собственность много раз гибли под давлением силы.

Но тот пфенниг, на который начислил процент старый Ротшильд, существует и будет существовать веки вечные, пока существует международное право.

Кроме того, следует помнить и о том, что на всех земных просторах только в новое время перешли от натурального хозяйства к денежной экономике.

В этой связи особенно важно, что лишь в середине прошлого столетия были отменены все ограничения во взимании процентов и все запреты на проценты. Примеры: Англия 1854 г., Дания 1856 г., Бельгия 1865 г., Австрия 1868 г.

То есть, понятию "процента", которое сегодня рассматривается неразрывно с понятием "денежное имущество", не более чем половина столетия.

Но именно понятие процента сначала сделало дань демонической властью такой всеобщей силы, какой мы её сегодня знаем.

Лишь с середины прошедшего столетия начинается становящаяся затем всё сильнее задолженность государства капиталисту.

Только начиная с этого времени, мы наблюдаем падение функции государства от управляющего делами содружества народов до управляющего делами капиталистических интересов.

Такое направление государственного развития достигло своего максимума в использовании всеми странами мира военных займов, которые исключительно, как мы поняли, служат лишь маммонистическим интересам и которым по праву можно вручить мировую корону, венчающую громадное кредитное здание мировых ссуд.

Ссудный капитал - изгой человечества

Эти краткие экскурсы в историю облегчают нашу задачу окончательно порвать с представлениями о том, что необходимо давать ссудному капиталу взвешенную власть расти самому по себе вечно и непрерывно, наделяя его ужасающей выкачивающей силой.

Необходимо переломить ситуацию, когда ссудный капитал, невзирая на историческое прошлое, находится на троне над облаками, недоступный силам разрушения и недостижимый выстрелам орудий.

Дома и заводы, железные дороги и мосты стираются в пыль и пепел от взрывов бомб, а ипотеки - в целостности и сохранности: долговые обязательства государства и железных дорог не выплачены.

Деревни, города, целые провинции подвергаются уничтожению, становясь жертвами войны, и это заставляет государства снова выпускать очередные долговые обязательства.

С жадно сияющими глазами с трона над облаками наблюдает "золотой интернационал" за этой умопомрачительной деятельностью народов.

И недалеко то время, когда, наконец, всё человечество без остатка станет рабом процента на службе у маммонизма...

Сломление кабалы процента возможно в отдельно взятой нации, несмотря на интернациональность

У Интернационала идея: он должен освободить весь мир.

Слава же той нации, которая первая отважится сделать мужественный шаг по освобождению от кабалы процентов! Вскоре последуют все остальные.

На часто поступающий ко мне вопрос, возможно ли вообще провести идею в отдельно взятой нации, я отвечаю: да.

У нас внутренние долги. Конечно, мы сейчас безвластны против иностранных требований по процентам; их-то как раз необходимо оплатить.

Но чрезмерный отток капитала должен быть, по возможности, приостановлен.

Если законодатель не может позволить себе воздерживаться от разработки законов против убийств, обмана и т.д. только на основании того, что, якобы, снова в обществе появилась нищета, то и народ не может себе запретить сделать осознанный в качестве необходимого шаг к оздоровлению государственных финансов лишь потому, что далеко не лучшая часть этого народа пытается спрятать свои ворованные деньги в безопасности за границей.

Даже если допустить, что сотни, тысячи миллионов облигаций военного займа попали за границу, и тогда это не было бы решающим фактором для того, чтобы упустить возможность сломить кабалу процента, ведь, по большому счёту, из 250 миллиардов внутренних заимствований с твёрдым процентом большая, самая большая их часть всё равно должна оставаться в стране.

Заключительное замечание

Давайте вкратце ещё раз всё подытожим.

Сломление кабалы процента является радикальным средством для окончательного и длительного оздоровления наших государственных финансов.

Сломление кабалы процента означает возможность отказа от давящих прямых и косвенных налогов, так как производственные предприятия государства ещё до сих пор и, тем более, после намерений по социализации подходящих для этого отраслей (судоходство, энергосистема, воздушное сообщение и т.д.), поставляют в государственную казну достаточное количество средств, чтобы из них финансировать все социальные и культурные задачи государства.

С финансовой точки зрения сломление кабалы процента придаёт труду во всех профессиональных областях присущее ему первое место.

Деньги снова займут единственную свойственную им роль - быть на службе в сложной системе нашего народного хозяйства.

Они вновь станут тем, чем они являются по своей сути - оплатой за произведённую работу, и, таким образом, расчистится путь к более высокой цели - ухода от неистовой жадности к деньгам, имевшей место в нашем столетии.

Должен быть создан крепкий фронт всего трудящегося населения, начиная от не имеющих собственности рабочих, которые, как мы видели, подвергаются очень сильному давлению косвенных налогов для удовлетворения ссудного капитала, включая затем весь буржуазный слой, служащих, крестьян и ремесленников среднего слоя, которые почувствовали господство власти денег в виде недостатка жилья из-за земельных, банковских и других процентов и вплоть до ведущих умов, изобретателей, директоров

нашей крупной промышленности, которые все, в той или иной мере, находятся в когтях крупного ссудного капитала, поскольку для них в качестве основной жизненной задачи всегда стояло зарабатывание ренты, процентов и дивидендов для играющих за кулисами денежных властителей.

Не в меньшей мере это относится и ко всем слоям интеллигенции, деятелям искусства, писателям, актёрам, учёным, а также, к другим труженикам свободных профессий.

Как бы крупный капитал, сознательно или инстинктивно, по виду группы лиц или персонифицировано, под принципом процента ни пытался скрыть факт своей неограниченной жадности к господству, как бы наше полностью построенное на римском праве законодательство (римское право подразумевает юрисдикцию, служащую защите прав плутократии) ни выдвигало на передний план защиту собственности, что, конечно, отложилось в правовом сознании нашего народа, всё равно, в качестве одного из путей изгнания духа маммонизма, заразившего и заболотившего менталитет нашего столетия, в качестве единственного выхода из угрожающего экономического порабощения всего мира со стороны "золотого интернационала" должно наступить сломенение кабалы денежного процента.

Конвертация военных займов в имущество банков

Приведённое в п. 1 заявление с требованием перевести облигации военного займа в законные средства платежа вот уже в какой раз вызвало волну обвинений в том, что это приведёт к переполнению рынка средствами платежа.

Это обвинение само по себе ошибочно. Сама по себе инфляция существует из-за наличия военных займов.

Но правильным является то, что отмечается факт физического наличия этих объявленных средствами платежа бумаг, что, само по себе, несмотря на всю несостоятельность подобного рода опасений, могло бы привести к неблагоприятным побочным явлениям, аналогичным новому витку инфляции.

Поэтому, во изменение п.1, определим его, как конвертацию облигаций военного займа, а также остальных государственных долговых обязательств в банковское имущество с законодательной отменой выплат по процентам.

Такая формулировка имеет то большое преимущество, что уничтожает форму проявления военных займов в виде ценной бумаги.

Облигации военного займа были бы переданы банкам, банковским конторам, сберкассам и т.д., и после кредита (снятия) переданной суммы со счёта, займы были бы аннулированы.

Таким образом, практически у каждого человека в Германии будет банковское имущество, открытый счёт в банке, которым он мог бы распоряжаться.

Такого рода действие имело бы ещё одно немалое преимущество, смысл которого состоит в том, что в этом случае было бы невозможным удержание больших партий облигаций в частной собственности, так как, по истечении определённого срока, не переданные в банковскую сферу купоны займа были бы объявлены недействительными.

Кроме того, был бы возможен всеобщий контроль над тем, сколько военных облигаций ушло за границу.

Если перед границей мы чувствуем себя экономически слабыми, то мы должны будем выполнять выдвигаемые границей требования по процентам.

Я же лично считаю, что мы вполне бы могли сделать заявление о невыплате процентов, в том числе и иностранным обладателям облигаций.

Того, что при такого рода развитии событий претензии по процентам со стороны границы будут отвоёвываться силой оружия, мы можем не опасаться, потому, что фактически в истории ещё никогда не предпринималась военная акция против большого государства из-за финансовых мер в пользу частных лиц.

Не следует предполагать, что даже французский народ, на основании финансовых претензий господ Вахера, Шульца и Джона из Германии из-за их вывезенных за границу немецких военных облигаций, объявит Германии ультиматум.

Чтобы избежать статуса банкрота по отношению к загранице, вполне было бы возможно провести розыгрыш военных облигаций, причём, таким образом, чтобы с помощью использования обязательных в таком случае статистических методов обеспечить выигрыш номеров, которые, как считается, находятся за границей, и выплатить его банкнотами рейха.

Третьим вариантом может стать объявление о том, что будет приветствоваться размещение облигаций в банках, плюс к тому, что даётся возможность заплатить налог на имущество в необычайно простой форме, при котором учреждениям по ренте нужно будет лишь дать указание отделению Рейхсбанка списать с г-на NN столько-то и столько марок налога.

Таким образом, оплата налога была бы намного безболезненнее, при том, что, разумеется, для плательщика сохранялось бы право оспаривать сумму.

При такого рода переводе (конвертации) военных облигаций в банковское имущество, могло бы быть создано определённое социальное равновесие.

Маленькие суммы, то есть, облигации, принадлежащие тем, для кого их приобретение было действительно делом во имя отечества, в сумме от 5 до 10.000 марок - выплачивались бы по номиналу.

А более крупные облигации могли бы оплачиваться по ежедневному курсу. Точно также можно было бы поступить и со всеми остальными государственными бумагами.

Особые пояснения к указанным в манифесте требованиям к законодательству

К п.1. Совершенно необходимо одинаково поступать со всеми государственными и коммунальными долговыми обязательствами, так как лишь такое единое, масштабное регулирование всей нашей денежной системы должно идти параллельно со сломлением кабалы процентов.

К п.2. То, что сломление кабалы процентов должно быть предпринято одновременно по всем остальным бумагам с твёрдым процентом, уже и так ясно.

Цель этого - не вызвать рост цены этих бумаг; ведь скачок цен естественно наступит, если беспроцентными будут объявлены лишь государственные бумаги.

Погашение долга, как таковое, осуществлялось бы ежегодными выплатами, причём, проводилась бы стабильная и равномерная ликвидация задолженности по всем объектам.

К п.3. Данный параграф находится в тесной связи с предыдущим, а также с требуемым в п.3 огосударствлением кредитов под залог.

Обречённый на ипотеку крестьянин или домовладелец по-прежнему делает взносы, которые он и раньше должен был делать кредитору, но уже не в виде процента, а, как возврат долга.

Через 20, 25 или 30 лет, в зависимости от уровня последней ставки процента, участок или дом будут оплачены полностью.

Ипотечный банк со своей стороны может, конечно же, также только в течение этого времени, оплачивать проценты по закладным листам их владельцам.

Параллельно с этим идёт получение права общественной собственности на освобождённую от ипотеки недвижимую собственность.

Но прежде должен пройти всеобщий кадастр квартир и недвижимости, так как даже свободное от долгов недвижимое имущество имеет право на возврат инвестированного капитала, а также длительное право на получение части ренты с домов, используемой для финансирования всех связанных с собственностью на недвижимость расходов, сборов и т.д., а также, на соответствующее возмещение за личные усилия.

Обрисует этот порядок в общем на примере городского дома.

Цена дома - 100.000 марок. Из этого внесены: 50.000 под 4% ипотечным банком, 20.000 под 5% частным лицом и 30.000 - деньги, внесённые самим хозяином.

Поступления от сдачи в аренду составляют 7000 марок. Отсюда отчисляются: 2000 марок - 1-й ипотеке, 1000 марок - 2-й ипотеке, сборы, расходы и т.д. составляют 1000 марок, итого - 4000 марок.

Таким образом владельцу дома остаются 3000 марок, как процентная плата за его вложенный капитал в размере 30.000 марок.

После проведения законодательной отмены процентов, через 10 лет имеем следующее положение: 1-я ипотека - 30.000 марок, 2-я ипотека - 20.000 марок.

Капиталовложения самого хозяина уже полностью оплачены и вступает новое государственное право на имущество в сумме 50.000 марок.

Таким образом, государство может оказывать влияние на решение вопроса об арендной плате и поступлений от аренды.

Теперь было бы неправильно ставить владельца дома в один ряд с ипотеками. Ведь его капитал в глубинном смысле был ссудным, по которому должен быть нанесён удар, но речь ведь идёт о "рисковом" капитале, а конкретно - о доли.

Поэтому владельцу дома следует предоставлять право либо на дальнейшее получение аренды, либо возможность длительного получения соответствующего процента из накладных расходов на управление домом.

Мы не ставим задачи сделать здесь какие-либо конкретные предложения, речь ведь идёт лишь об указании направления: как беспрепятственно осуществить переход из процентной экономики в беспроцентную.

Чтобы всё-таки закончить пример, допустим, что прошло 25 лет; тогда вся ипотека оплачена, лишь постоянные расходы остались те же, либо из-за возраста дома возросли с 1000, например, до 1500 марок.

Признанная за хозяином часть из этой суммы также где-то в пределах 1000-1500 марок.

Вот и выходит, что почти 3000 марок от арендной платы фактически являются длительными расходами, в то время, как остальные 4000 марок, из исходных 7000 марок прихода от аренды, остаются в свободном распоряжении.

То есть, в руках государства имеется возможность сократить аренду более чем наполовину, и это может быть сделано, например, в рабочих домах.

Или государство понизит аренду на 20, 30 или 40%, а из оставшейся разницы получит источник средств для других государственных потребностей, в первую очередь - на строительство государственного жилья.

Даже от небольшого снижения арендной платы можно будет получить новые, достаточно большие средства для строительства жилья или направить их на иные социальные цели.

Кроме того, такой подход проводит политику, - и я считаю это очень плодотворной перспективой - внутренней социальной справедливости в обществе (государстве) в том плане, что государство, посредством контроля цен за аренду, описанным выше образом способствует снижению уровня социальных проблем.

К п.4 и п.5. Эти параграфы требуют социализации всей денежной системы.

Деньги являются вознаграждением за выполненную работу и выпускаются только, исключительно государством. Выпуск денежных знаков является одним из основных суверенных прав государства.

Подделка государственных денежных знаков наказывается тяжелейшими штрафами, и это вынужденное социальное требование, диктуемое необходимостью нахождения денег под полным контролем.

Общественный труд в целом является единственной субстанцией денежных знаков, и только неприятие этого факта привело к нынешнему обесценению государственных финансов и полной анархии в денежном обращении вообще.

С предложенной в пункте 5 передачей кредита без обеспечения и товарного кредита частным банковским конторам совершается глубокий перелом во всём кредитном деле.

Для государственного кредитования, также, как и для коммунального и для кредита под залог, необходимо с жёсткой последовательностью и энергией придерживаться цели слома кабалы процента, потому, что именно это - основная предпосылка для социального государства вообще.

По-другому обстоит дело с кредитом без обеспечения. Разумеется, также и для него мы ставим условие беспроцентности, но этому требованию уже более не придаётся такого огромного и принципиального значения.

Вспомним о 250 миллиардах ссудного капитала с твёрдым процентом по отношению к 12 миллиардам бумаг с дивидендом.

Все такого рода вложения - кредиты, акции, сертификаты и т.д. - являются рискованным капиталом. Доход от этого капитала зависит от прилежания и старания тех лиц, которым доверены деньги.

Вот тут и есть момент риска, угроза потери и личного доверия. Для этого пока что, кажется необходимым возмещение особого рода.

Владелец акции и т.д. не получает никакого возмещения или прибыли, если предприятие, которому он доверил свои деньги, ничего не зарабатывает.

Он полностью теряет деньги, если предприятие закрывается.

По-другому обстоит дело, к примеру, у владельца долговых обязательств железных дорог. Железные дороги, например, с потерей Эльзаса-Лотарингии - полный банкрот.

Но, несмотря ни на что, владелец облигаций железных дорог получает дивиденд и даже свои проценты. Откуда? Из общих налогов.

Железные дороги могут работать даже с такими убытками, какие были в Пруссии и Баварии в последний год, а владельцы облигаций, несмотря ни на что, получают свои проценты.

С чего? С применения рабочей силы и потребления трудящегося населения.

Следует пояснить это основополагающее различие, чтобы, наконец, осознать, где присосался вампир рабочей силы.

Кредит без залога предоставляется в личное пользование кредитующего и выдаётся и возвращается частным банком.

Личная старательность кредитующего, которая известна банкирам, будет решающей при предоставлении кредита без залога.

При слома кабалы процента, установленные государством сборы саморегулируются в зависимости от реального потока денежных средств.

К п.6. В частности, сказанное в п.5 также относится и к дивидендным ценностям.

В интересах социального государственного устройства необходимо стремиться, в том числе и для крупных промышленных предприятий, к возврату однажды взятых кредитов, чтобы и здесь стремиться погашать задолженность отдельных субъектов промышленности тем финансовым субъектам, кто только даёт деньги.

Ведь, фактически здесь в уменьшенном масштабе повторяется то, что мы наблюдаем у крупного капитала по отношению к целым народам.

И здесь капиталист эксплуатирует рабочего, мастера, инженера, предпринимателя без разбора, ведь они обязаны зарабатывать дивиденды.

Если же мы добьёмся освобождения промышленного или ремесленного предпринимателя от вечного высасывания процентов, то тогда и только тогда откроется путь к снижению цен, получению и распределению прибавочной стоимости, которая может быть направлена частично обществу, частично рабочим и служащим, дирекции отдельных предприятий, - то есть, тем, кто действительно создаёт товары и ценности.

К п.7. В этом параграфе проясняются механизмы всей области страхования, которая аналогично должна строиться на беспроцентной основе.

Выплаченные премии не должны возрастать за счёт добавления процентов, а страховые общества должны стать сберкассами, что означает, что страховые риски и преимущества страхования сохранятся. За это отвечает государство.

К п.8. Относительно обесценивания наших денег, превысившего все разумные пределы за счёт огромной массы выпущенных долговых обязательств, мы требуем многоступенчатого платежа с имущества. Мы подчёркиваем - "многоступенчатого".

Ведь, практикуемые платежи с имущества, погашение банкнот и т.д. являются ни чем другим, кроме, как обманом, посредством которого народу сыплют в глаза песок.

Ведь, если я, скажем, возьму половину всего имеющегося имущества и переведу в ценные бумаги, а затем погашу эти бумаги, то этим достигну лишь того, что станет меньше бумаги, а коэффициент пересчёта имущества получит повышенную фиктивную стоимость.

Настоящую же стоимость имеют лишь потребляемые и употребляемые товары, а не бумажное указание на стоимость произведённой работы.

Другой вопрос, насколько можно с помощью этого улучшить положение нашей валюты - марки?

Но даже и это улучшение валюты зависит от рабочей силы и производства, а значит, - от производственных возможностей всего нашего народного хозяйства.

Возражения и их опровержения

Ещё ни одна идея не проводилась в жизнь без сопротивления, тем более, та, которая радикально касается устаревших взглядов о святости и неприкосновенности процента.

Во всех поднятых ранее и ожидаемых возражениях можно обнаружить два типовых подхода.

Поэтому перед ответами на возражения вначале следует определить, во-первых, где в них намеренное искажение идеи сломления кабалы процента, и, во-вторых, ответить по существу на все частные и деловые размышления.

Самым частым возражением является следующее.

Без удовлетворения процентным доходом никто не будет одалживать свои деньги.

А мы больше и не хотим, чтобы кто-то давал займы свои деньги!

Кредит был западнёй, ловушкой, в которую попала наша экономика, где она теперь и безнадежно застряла.

Если народу действительно нужны крупные суммы, то их можно взять беспроцентно в Центральной Государственной кассе с обязанностью возврата.

Ведь, если есть новые беспроцентные банкноты - зачем брать у кого-то деньги, которые обернутся процентами?! - теперь всё равно, бумага с процентами или без!

Теперь за деньгами стоит рабочая сила, сила налогов народа. К чему уже изначально любые государственные затраты утяжелять свинцовой тяжестью вечного процента?!

Да, но как государство должно выполнять культурные работы в обществе? У него должны быть деньги и с этой задачей можно справиться только путём кредитования.

Это утверждение основывается исключительно на маммонистическом ходе мыслей.

После основательного чтения манифеста станет ясно, что вопрос рассчитан на введение в заблуждение, ведь мы доказали, во-первых, что все культурные и социальные задачи государства, после сломления кабалы процента, могут быть покрыты из доходов работающих государственных предприятий - почты, железной дороги, шахт, лесов и т.д.

Во-вторых, у Суверенного государства всегда в своих руках право решения о том, чтобы позаботиться о культурных расходах путём выпуска беспроцентных бумаг, вместо объявляемых в маммонистических государствах выпусках ценных процентных бумаг на, так называемые, "особые культурные расходы".

Совершенно непонятно, почему государство должно удорожать особые культурные задачи, например, за счёт строительства железных дорог, каналов, ГЭС, путём обещания процентов.

Если оно не может из текущих средств своих работающих предприятий оплачивать строительные и прочие расходы, то не видно причины, почему государство не должно делать деньги, ведь для этого есть суверенный народ, признающий именно эти деньги платёжным средством.

Почему же народ, со всей своей рабочей и налоговой силой, спрятался за кусочек бумаги (процентную ссуду), которая ему же накладывает на шею вечную выплату процентов в пользу капиталиста?

Вон эти представления, привнесённые из маммонистического государства!

Капиталисты тогда привлекут к себе все изданные бумаги и будут их складывать.

Есть два крупных довода против.

Во-первых, в таком случае, закономерно выполнится то требование, что чистое денежное состояние не должно быть плодотворным, то есть, капиталист сам ломает кабалу процента: ведь, если он хранит свои ценные бумаги дома, то он сам по себе отказывается от процентов.

Во-вторых, против этого будет говорить страх капиталиста за свои деньги. Можно себе представить бессонные ночи сторожа ценных бумаг, у которого дома громадное денежное состояние и он боится всё время воров, разбойников, взломщиков, обысков, пожара, наводнения.

Я убеждён, что никто не выдержит такого напряжения долго и очень скоро пойдёт в государственный банк.

Государственный банк выдаёт квитанцию и отвечает только за переданное ему состояние, но не за какие-либо проценты.

В остальном, любому остаётся ещё и третья возможность, а именно - работать со своими деньгами.

Создавать заводы и производить товары, участвовать в международных предприятиях, делать свою жизнь богаче и прекраснее, поддерживать искусство и литературу, то есть, использовать свои деньги с пользой.

Но ведь, может такое быть, что в каких-либо целях срочно нужен частный капитал, например, для испытания изобретений, образования компании, общества, поддержки молодого, прилежного мастера, деловых людей и т.д.

Для начала, это не имеет никакого отношения к сломиению кабалы процента!

Потому что, во-первых, нужно логично допустить, что капиталист, после уничтожения процента, более не будет иметь возможности вложить свои деньги совершенно надёжно и спекулировать интересом от процента, что он всё больше будет склоняться рисковать своими деньгами в тех целях, где недостаток или потребность в деньгах намного меньше.

Сейчас же, как раз наоборот: разве от старательнейших предпринимателей, умнейших изобретателей не всегда слышишь обвинения в том, как тяжело в маммонистическом государстве получить деньги на эти цели, если не гарантирована рента?

Во-вторых, задачей будущего государства должно стать оказание огромной поддержки любой прилежной силе.

Это пытались уже сделать и в старом бюрократическом государстве, но так скупно, что зачастую вместо развития получали торможение и недовольство определениями, связанными с получением государственной поддержки.

В-третьих, следует заметить, что если у людей есть готовность работать, то с её помощью можно достичь очень многого.

Радость от работы, прилежание и старание немецкого изобретателя, инженера, мастера настолько велики, что если дать государству право участия в творениях счастливых изобретателей, то, с высокой вероятностью, можно ожидать и выделения на эти цели денежных средств (пример: Англия).

Сломиение кабалы процента обязательно приведёт к уменьшению состояния.

Ого! Кто это утверждает? Ну и ну!

Конечно, это справедливо в отношении тех, кто свою жизнь настроил на получение процентов, а не решился трудиться; при нынешнем положении вещей у него и через 20 лет, с его пятью процентами, состояние останется в неприкосновенности.

Что ж, в таком случае, мы - на верном пути.

Мы хотим сломить кабалу процентов, мы хотим прекратить деятельность рантье - вот, что должно быть высшим идеалом гражданина.

Мы не хотим больше тонуть в болоте маммонизма, мы не хотим больше терпеть, чтобы хоть один, хоть многие жили уютно на свои проценты, что значит - за счёт других. Впрочем, вернёмся к вопросу.

Совершенно неверно то утверждение, что сломление кабалы процентов могло бы привести к отмене и к уменьшению состояний.

Напротив, сломление кабалы процентов развивает образование состояний по причине освобождённого и разгруженного от выплаты процентов, создающего ценности и товары труда.

Сломление кабалы процентов ведёт, как мы видели, ко всеобщему удешевлению всей жизни, оно разгружает нас от чрезмерного налогового бремени, так что, в будущем для каждого рабочего человека должны открыться новые, лучшие возможности делать накопления.

И ещё один момент: работа промышленности по производству товаров и ценностей, работа торговли и ремёсел, в результате сломления кабалы процента, нисколько не будет затруднена, а наоборот, будет развиваться.

Что будет иметь рабочий от того, если капиталисты больше не будут получать проценты?

Собственно, этот вопрос можно было бы и не задавать.

Во-первых, осознание того факта, что капиталисты эксплуатируют рабочих, было первым призывом к борьбе рабочего класса, во-вторых, мы вполне ясно и чётко разглядели, что именно рабочие, в форме косвенных налогов, в огромной степени привлекаются к выплате ссудных процентов, о чём уже говорилось выше.

Семейные узы слабеют и разрушаются, если детям не могут оставить состояния.

Надо же, как сформулировано!

В общем-то, я считаю, что деньги имеют мало чего, или вообще ничего общего со смыслом семьи.

Или вы слышали, что дети состоятельных людей больше зависят от своих родителей, чем дети бедных родителей, или же, что богатые родители любят своих детей больше, чем менее обеспеченные?

Что вообще важнее для детей, чтобы родители им дали максимально хорошее воспитание и обеспечили хорошее образование, воспитали их старательными, здоровыми и мужественными людьми или чтобы они оставили после себя много денег?

Без сомнения, нужно признать справедливым стремление обеспечить будущее детей также и финансово.

Это стремление, в смысле накоплений, ни в коем случае не будет ущемлено, в результате сломления кабалы процентов.

Напротив, возможности накоплений станут больше, если наше народное хозяйство будет освобождено от всеохватывающего давления кабалы процентов.

На примере мужчины с доходом в 10.000 марок и доходом от ренты в 5.000 марок мы видели, что все средние и малые состояния сейчас фактически обворовываются, очищаются от "полезного жирка" прямыми и косвенными налогами.

Нельзя же каждый раз повторять одно и то же: ссудный процент, выплачиваемый малым и средним состояниям, - это иллюзия, денежный обман, вращение по кругу.

Очень крупный ссудный капитал красиво расписал и распространил по всему миру веру в святость и неприкасаемость процента с помощью находящейся в его руках прессы.

Она даёт каждому видимое участие в прекрасном, завораживающем процессе получения дохода от процента с тем, чтобы усыпить опасные мысли, связанные с ленивым и безработным получением процента и побуждающие к объединению товарищей по борьбе.

Это делается во благо защиты "высшего добра" - маммонизма.

Чиновник, государственный служащий скажет: Государство не может отказаться от своих обязательств перед тем, кто ему верит.

Что значит обязательства?

Может быть моральнее согласиться раздавать обещания, о которых государство уже наперёд знает, что оно сможет эти обещания выполнить лишь тогда, когда у тех, кто ему верит, оно возьмёт этот процент в той же сумме в виде прямых и косвенных налогов - где же здесь мораль?

Не честнее ли согласиться: я, государство, смогу заплатить проценты, если соберу столько же налогов.

Но тогда, во время войны, мне обязательно нужны были деньги и поэтому я, государство, устроило обман с военным займом; прости, любимый народ, это же было сделано для тебя, и теперь не будем больше играть в прятки; я, государство, не плачу проценты, а ты, налогоплательщик, не должен будешь платить налоги для получения мной денег на уплату этих процентов, что существенно упростит наши отношения.

Мы сэкономим на громадном налоговом аппарате и на таком же огромном аппарате службы процентов. Не правда ли, договорились?

А вы, господин Шайдеманн, в другой раз не пишете вашу фамилию, как государственного секретаря старого, скомпрометированного правительства на каждой колонне с плакатами под дурацкими заявлениями относительно безопасности и неприкосновенности военного займа.

Вы компрометируете лишь самого себя, а пользу от всего этого обмана получает лишь один единственный крупный капитал.

Финансовые политики и банковские специалисты объявят невозможным сломление кабалы процентов в военном займе и государственных долгах, так как это будет равнозначно банкротству государства.

Простите меня, но по Вашим словам мы и без этого уже государство - банкрот, или должны им стать.

Общественное же заявление о государственном банкротстве было бы самой большой глупостью, которую мы могли бы сделать; оно бы раньше времени к фактической неспособности теперешних властителей прибавило ещё и историческое подтверждение этой неспособности.

Зачем объявлять себя банкротом, - ведь, если я переложил 3 марки из правого кармана моих брюк в левый, то разве я не должен объявить себя банкротом правой штанины?

То же самое было и с военным займом: Рейх вынимает из кошельков народа первые действительно имеющиеся миллиарды, затем деньги снова потекли обратно; затем новый займ и снова деньги потекли обратно.

И снова пришёл насос займа и снова выкачал миллиарды, и снова они пришли обратно, всё шло хорошо, пока игра не повторилась 9 раз и государство в итоге наделало долгов на 100 миллиардов.

Результат - у народа в руках 100 миллиардов прекрасно напечатанной бумаги. Сначала все воображали, что стали настолько-то и настолько-то богаче, затем пришло государство и сказало: "Это ужасно, у меня 100 миллиардов долгов и я стою перед банкротством".

Да, ну почему же? Это же, всего лишь самообман! Я же никак не могу стать банкротом, если я свои деньги как угодно часто перекладываю из одного кармана в другой.

То есть, по поводу государственного банкротства в отношении наших внутренних долгов по военному займу мы можем успокоиться.

Поэтому не надо объявлять банкротства государства, а вот, на огромной работе с дурацкими процентами и с большими, но ещё более глупыми налогами, мы действительно можем сэкономить.

Хватит нам уже заботиться о делах крупного ссудного капитала!

Пользу от этой цепочки "ссуда - проценты - налоги - обман" имеет только крупный ссудный капитал, так как ему достаётся полный мешок денег, и эту его прибыль оплачивает рабочий народ в виде косвенных налогов; а малый и средний капиталист, при этом, просто вертится по кругу.

Один политик-специалист по международной экономике говорит: сломление кабалы процентов только у нас в Германии провести нельзя; это должно быть сделано во всём мире, иначе мы потеряем любой кредит, капитал будет утекать, и мы будем вынуждены выполнять наши процентные обещания перед границей.

Я соглашусь с тем, что по этому вопросу я дольше всего не давал ясности.

Это - самый тяжёлый вопрос, потому, что он нас приводит к взаимоотношениям с другим миром - в то же время у данного предмета две стороны.

С одной, мысль о сломлении кабалы процента - это призыв к борьбе всех трудящихся народов против международной процентной кабалы денег, с другой - это радикальное средство для излечения от нашей внутренней финансовой нищеты.

Но всё это, собственно, не является основанием для того, чтобы не полечиться каким-то средством по причине того, что такой же больной сосед это средство не применяет одновременно с нами.

Было бы полным идиотизмом, если мы в Германии и далее будем вертеться по этому проклятому кругу и платить налоги и проценты, когда нам стало ясно, что эта болезненная деятельность направлена исключительно на пользу крупного капиталиста.

Так пойдём же вперёд своим примером освобождения, сбросим с себя кабалу денежных процентов, и вскоре мы увидим, что сила этой крылатой, освобождающей мысли побудит народы последовать за нами.

Я несколько не сомневаюсь в том, что наш пример - если только он не будет подавлен немецкими маммонистами - потянет за собой другие народы.

Спартанист говорит: вся эта мысль пойдёт на пользу лишь капиталу, он останется таким же, как и был: у бедного нет ничего, а богатые останутся.

Да, мой друг, очень тяжело с тобой вообще спорить, если в душе ты коммунист, то есть, действительно хочешь, чтобы "Всё принадлежало всем", если ты при этом ещё знаешь и считаешь правильными действительные мысли великих большевистских вождей в России, особенно Ленина...

Если ты считаешь по-человечески возможными обозначенные в качестве последних задач Советской республики "всеобщий учёт и контроль всего производства и распределения", то тебе должно быть также совершенно ясно, что при таком "Всё принадлежит всем", если и можно силой поставить под контроль и учёт всё общественное производство и распределение по мысли Ленина, то тогда, в лучшем случае, из этого выйдет муравьиное государство.

Тогда уж можно отказаться и от нашего языка, от нашей души, от наших мыслей, и лишь молча, тупо исполнять свою работу. Вот и пришёл человеку конец.

Полагаю, что сказано достаточно, друг мой Спартак.

Подумай хорошо над этими размышлениями, пропусти их через сердце. Более подробный ответ на свой вопрос ты получишь в нижеследующем диалоге с другими партиями.

**Вам, товарищи обоих социалистических направлений,
умеренные и независимые!**

Я не думаю, что с Вашей стороны есть серьёзные противоречия или возражения против сломления кабалы процента, но всё-таки, я должен основательно поспорить с

Вами, со всем социалистически мыслящим миром, начиная от Маркса и до сегодняшних вождей - Эберта, Шайдемана, Каутского и т.д.

1) Социалистическая цель поднять рабочий класс - абсолютно побеждающая идея; но только до тех пор, пока мы едины.

2) Практические пути к достижению этой великой цели я нахожу неверными, так как они построены на неверных предпосылках.

Социалистическая идея государства ведёт последовательно к коммунизму, но здесь обнаруживается противоречие.

Ведь, поскольку у социал-демократии другая цель (поднять рабочий класс, вообще весь рабочий народ), то она стоит перед болезненным внутренним расколом, так как логическая последовательность марксизма как раз ведёт к противоположности того, что является практической целью рабочего движения.

Этот внутренний разрыв является причиной неуверенности общества в руководстве правительства.

Под Спартаксом и большевистским коммунизмом, из-за их больших практических целей (подъём рабочего класса), следует подвести жирную черту, а с их методами бороться со всей решимостью.

Но социал-демократия, организованная на профсоюзных принципах, чувствует себя по отношению к этим радикальным группам слабо, потому, что за основу идеологии она взяла марксистский метод мышления и потому, что логически все марксистские методы мышления ведут к коммунизму.

Вот доказательство к пункту 2, где я утверждаю, что пути, которыми идёт социал-демократия, не верны.

Практически повсюду идущая межклассовая борьба привела к глубокому расколу населения внутри собственной нации.

Всё время подогреваемая ненависть, направленная против работодателей любого рода, служащих, да и против любой буржуазной профессии, навешивание им ярлыков кровососов и эксплуататоров якобы единственно работающего рабочего привели к неоправданной травле высших слоёв общества, а также, к появлению у рабочего класса чувства надменности, которая последовательно находит своё выражение в требовании "диктатуры пролетариата" (Коммунистический Манифест).

Существенное требование Эрфуртской программы - перевод средств производства из частной собственности в собственность и управление общества - сегодня сконцентрировалось в лозунге "Социализация".

То, что полная социализация означает нашу экономическую смерть и полное банкротство государства - совершенно ясно любому честному политику.

Но никто не отваживается честно и открыто заявить об этом народу.

Лозунгом сейчас должно быть не обобществление, а разобществление.

Так образом, сейчас, под видом социализации, пытаются, при помощи фантастических налоговых проектов, возместить очевидные ошибки, чтобы ещё раз экспроприировать экспроприаторов.

Но это означает ни что иное, как подвергнуть всё народное хозяйство явной смерти.

Вместо повышения уровня производства (о его удвоении, как это обещала вся социалистическая литература сразу же после революции, вообще не может идти речи) наступила полная противоположность.

Но самым ужасным было бы, если нынешнее социалистическое правительство подумает о крупных займах за рубежом.

Этим бы не просто увенчался наш экономический спад, но мы бы попали под процентную кабалу Антанты, из которой уже не было бы возврата.

Основной ошибкой, основным заблуждением, на котором построена эта вся порочная цепочка выводов, требований, обещаний народу, является совершенно неверная позиция по отношению к промышленному и ссудному капиталу.

Коммунистический манифест, Эрфуртская программа, Маркс, Энгельс, Лафалль, Каутский совершенно не осознали глубоко идущие различия между промышленным и ссудным капиталом.

В этом моменте всей социал-демократии надо переучиваться, так как это основное заблуждение должно быть ясно осознано и бескомпромиссно понято.

Тогда же, однако, следует сделать и единственно возможные выводы. Они означают радикальный поворот от возбуждения бесполезной, совершенно необоснованной ненависти к промышленности и работодателям.

Рабочий и работодатель - вместе, у них одна и та же цель - работа, производство; ведь, без производства, без работы - нет жизни, культуры, вообще нет какого-либо движения.

Естественные, потому, что среди людей - именно потому, что они люди - неизбежные противоречия намного менее важны, чем гораздо более общие интересы работодателя и рабочего.

Частные противоречия могли и могут быть решены, ко взаимному удовлетворению, посредством тарифных соглашений и производственной организации.

Мы не будем далее развивать эти побочные вопросы, лишь затронутые в рамках рассмотрения политической ситуации, лишь ещё раз заострим внимание на том, что интересы всего рабочего класса совершенно точно совпадают с интересами нашей национальной экономики.

Тот, кто учит по-другому, кто на передний план ставит, в качестве важнейшего, противоречие между работодателем и рабочим, тот самым безответственным образом выставляет себя именно перед рабочими, ведь он фактически кладёт топор на корни дерева, которое кормит и питает рабочий класс.

Но социал-демократия это уже сделала и, таким образом, взяла на себя вечную вину перед немецкими рабочими.

Она принесла нашему народу нищету, потому, что она не может сдержать никаких своих обещаний, потому, что она не может принести нам мир и понимание, потому, что она не может дать нам работу, а ей надо снабжать военных оружием.

Она не может обойтись и без служащих, потому, что она должна требовать выполнения трудовой повинности, ибо, после всеобщего избирательного права, ни один человек не может жить нормально, потому, что без гарантий безопасности личности и собственности может наступить хаос, потому, что без согласования работы отдельных деталей невозможна жизнь никакого государственного механизма.

Как следствие, через весь народ идёт глубокая, полная смятения волна разочарования.

И если кто-то ещё пробует осознать причины этого, то ему в ответ начинают врать даже министры, депутаты и народные уполномоченные.

Причём, врут они друг другу, что, дескать, нужно защитить "достижения революции от реакции" - это последние модные понятия, про которые ни один честный государственный деятель не может ясно сказать народу, что под ними подразумевается.

Такие негативные воздействия революции, как смещение целого ряда уцелевших династий, разгон офицерства, уничтожение дворянства, роспуск пехоты, - разве это "большое уничтожение" является "достижением"? Или реакцией?!

Всюду в народе наблюдается сильное разложение моральных основ, но для проведения какой-либо оздоровительной акции буржуазия слишком труслива, являясь таковой по самой своей природе, слишком испорчена морально, чтобы подняться против классово сознательного рабочего движения.

То есть, господствующему классу рабочих нечего опасаться буржуазной реакции.

Ещё большую угрозу представляет глубокое разочарование народа, так называемыми, "достижениями революции", что на практике значит - ошибками в попытках экономического улучшения жизни народа.

И это глубокое разочарование приведёт к смещению больших масс на крайние левые позиции, - туда, где будут обещать меньше, чем до сих пор.

В конце концов, далее уже нельзя обещать "Всё Всем". К тому же, это глупо; ведь любая мысль, любое действие, любое проявление, любая деятельность, доведённая до крайности, становится, в конце концов, глупостью, превращаясь в свою противоположность.

То же самое и с коммунистическими мыслями, что "Всё должно принадлежать Всем", - это заканчивается и превращается в то, что "У Всех нет ничего".

Голод, сомнения, нищета, болезни, нужда пришли в Россию, люди потеряли последние остатки жизненного мужества и радости.

Я повторяю: крупнейшее, основное заблуждение социалистической мысли в результате сводится к непониманию разницы между промышленным и ссудным капиталом.

Стремящийся к проценту ссудный капитал является изгоем человечества.

Вечное стремление к бесконечному росту крупного ссудного капитала приводит к эксплуатации народов, а не к развитию творческого, производящего товары промышленного капитала.

Не могу здесь пройти мимо вопроса, почему это различие в своей сути не понято; действительно ли оно не осознанно или только завуалировано в пользу крупного ссудного капитала?

Сознательно ли это делали вожди и агитаторы, ранее выступавшие против капитализма, или делают те же издатели коммунистического манифеста, Эрфуртской программы, то есть, теперешние революционные вожди?

Самым тяжёлым и отвратительным является необходимость подвергать сомнению необходимую честность и серьёзность чьих-либо убеждений; но ещё тяжелее, когда начинаешь сам внимательно следить за проявлениями жизни, исследуя скрытые причины и связи.

Поэтому я не хотел бы сам давать ответы на эти вопросы, а лишь укажу на эти тёмные связи.

Для этого мне хотелось бы привести цитату из романа "Endhymien" великого английского премьер-министра лорда Беконсфилда:

"Никто не должен равнодушно заниматься расовыми принципами и вопросами. Они - ключ к мировой истории. И часто именно потому история настолько капризна, потому что её пишут люди, которые не знали расового вопроса и также мало знали относящиеся к этому вопросу моменты".

Гражданину

Гражданин, для которого спокойствие является гражданским долгом, уверен, что, как всегда, при возникновении любой новой идеи, при каждом новом революционном событии он будет отстранён от участия, и это для него означает беспокойство, ведь, при этом, он будет вынужден начать немного думать.

Ему ненавистно любое изменение, ему нужно спокойствие: и горе тому, кто хочет залезть в его кошелёк.

После уничтожения кабалы ссудного капитала с него не будут брать проценты ни с дома, ни с залоговых писем, ни за ипотеку, короче говоря, это всё то, что означает для него спокойствие, что составляет его уют и счастье.

Собственнику

Теперь нужно посмотреть, что соберутся сказать представители крупного ссудного капитала классу собственников.

Тем, кто образует буржуазию - это такой тип человека, с которым вообще ничего не следует начинать, это, как сучок на дереве человечества, который срубят - и чем скорее тем лучше.

Это - сытые, довольные собою люди с малым горизонтом, не способные на восхищение, проводящие свои дни в вечном однообразии: кофе, утренняя газета, утренняя гимнастика, дневная газета, обед, сон, вырезание купонов, вечер, ужин, иногда кино,

совершенно не понимая того, что мир движется; не интересующиеся тем, что волнует молодёжь и народ, от чего плохо государству, обществу...

Это люди, безразличные к войне и победе, равнодушные, высокомерные, раболепные, замутнённые, но это такой широкий класс, что мимо него нельзя будет пройти. Итак, что же ему скажут:

Из-за слома кабалы процента, исчезнет смысл сбережений, человек закончит жизнь в доме бедняков.

Следует решительно отвергнуть то, что слома кабалы процента не окажет никакого влияния на смысл сбережений.

Смысл сбережений, как и расточительство, имеет мало отношения к современным экономическим взглядам.

Экономия и расточительство - это человеческие качества, которые или есть, или их нет независимо от наличия или отсутствия процента.

В переходные времена, конечно, возможно снижение или повышение смысла сбережений.

Но, в данном случае, я больше склоняюсь к тому взгляду, что разумный, экономически грамотный человек скажет себе следующее:

"Я не могу в будущем рассчитывать на то, что смогу жить только за счёт моих процентов. Но жить дальше я хочу и хочу что-то оставить детям, то есть, теперь я должен экономить больше".

Такое влияние, по-моему, окажет слома кабалы процентов на большинство людей, иначе в старости они будут обречены на общественную поддержку.

Здесь же я хочу ещё раз подчеркнуть, что при сегодняшней нагрузке на имущество со стороны прямых и косвенных налогов, от прекрасных процентов ничего не остаётся, кроме того случая, если - и это несправедливо, с этим следует бороться - весь доход состоит только из вечной ренты.

То есть, не надо опасаться снижения смысла сбережений.

Разве (достойный ненависти) крупный капитал совсем неплодотворен, разве он не создавал средства для прогресса и достижений, приносящих человечеству даже большие плоды, чем составляет процент с ссудного капитала?

Нет! Сама постановка вопроса доказывает лишь, что нашу ясную картинку испортила маммонистическая фразеология.

Крупный капитал не создавал средств для прогресса, но сам он вырос из труда.

Любой капитал - это накопленный труд.

Крупный капитал, сам по себе, непродуктивен, т.к. деньги, сами по себе, непродуктивны.

Из денег, труда, имеющегося или выработанного сырья, из полезных ископаемых создаются ценности, товары, но только посредством применения труда.

Если даже в самую богатую горную жилу богатейшей Кобленской шахты положить много денег, то шахта не начнёт сама по себе выдавать уголь: это то, что надо усвоить.

Если люди изобрели деньги, то это имеет вполне понятный смысл: ведь, в любом сложном обществе необходимо иметь всеми признанное средство оплаты за произведённый труд.

Но то, что внутри денег живёт какая-то сила, производящая себе подобных - а именно это делают деньги под процентом - это то, чего я внутренне не приемлю, это то, что поднимает деньги над всеми земными явлениями.

И всё это - самый огромный обман человечества!

Ничто и никто не может делать деньги из себя самого.

В принципе, стол, стул, платье, дом, инструмент, короче, всё вокруг, не имеет какой-либо стоимости.

Но старым столом, в конце концов, можно ещё топить печь, а с 20-марковой купюрой ничего не сделаешь.

Только тогда, когда люди сознательно сошлись в том, чтобы использовать деньги для обмена товарами, для оплаты за труд, только тогда этот кусочек бумаги получил смысл, и именно с этого момента становится понятно, почему крестьянин за свою кукурузу от шахты получает не уголь, а деньги, то есть, плату за другую работу, например, за посуду, плуг или вилы.

Но, на этом власть денег должна заканчиваться.

Итак: не деньги сделали большие успехи человечества, а сами люди - их ум, мужественный дух, сила рук, их совместная, то есть, социальная, прилежная работа. Также достойно должны жить и мы.

Богатства созданы самими людьми, а не кусочками бумаги, которые люди изобрели для упрощения экономики.

Дальнейшая программа

Сломление кабалы процента не является конечной целью нового государственного устройства.

Конечно, это - радикальнейшее дело, единственное, способное сплотить людей в едином союзе народов против сильнейшего господства маммонизма, но не главное.

Однако, сломление господства процента обязательно должно предшествовать новой общественной организации, потому, что именно эта кабала, как мы увидели, является мировым корнем зла и, к тому же, - основным корнем.

Только, когда будет выполнено основополагающее требование сломления кабалы процента, только тогда вообще освобождается путь к социальному государству.

Это должно быть ясно осознано и сделано, несмотря на любую силу сопротивления маммонизма.

Социалистическое государство на маммонистической основе - всякие крики о социализации, - это не более, чем попытка укрупнения всех отраслей и создания повсюду огромных концернов, на которые в будущем, несмотря на налоги с капитала, крупный ссудный капитал всё равно будет оказывать решающее влияние.

И это приведёт к необходимости компромисса между уже сильно заражённой маммонизмом социал-демократией и крупным капиталом.

Мы требуем, наоборот, радикальной защиты от маммонистического государства и строительства нового государства в настоящем духе социализма, в котором основной идеей являются "продукты потребления", в чём старое коммунистическое требование находит своё разумное и осмысленное удовлетворение - каждый гражданин народа получает право на родную землю, что и будет являться основой государственного распределения важнейших продуктов.

Для нового государства мы требуем также народного представительства в форме палаты уполномоченных народом, которые выбираются на широчайшей основе, наряду с этим палату для постоянной работы и центральный совет, в котором трудящийся народ будет представлен по профессиональному признаку, в зависимости от экономической структуры общества.

В заключение мы требуем высшей ответственности для руководителей государства.

Этому новому государственному устройству на социалистическо-аристократической основе посвящена новая работа, которая вскоре выйдет в нашем издательстве.

Но предпосылкой для этого строительства всё равно остаётся сломление кабалы процента.

Моя непоколебимая вера, даже больше - моё знание, даёт мне ясно понять, что сломление кабалы процента не только не является противоестественным делом, но будет и должно быть принято везде с энтузиазмом, ибо, вопреки всем остальным мыслям, движениям и устремлениям, нацеленным на улучшение жизни людей, моё предложение не пытается улучшить природу человека, а направлено только против яда, против явления, которое навязывают внутренним чувствам человека, с целью сделать человека больным,

чтобы человечество увязло в материализме, чтобы взять у человека то лучшее, что у него есть - душу.

Рядом с этим явлением рука об руку идут денежные властители, для которых люди - это рабы, которые нужны только для того, чтобы работать на ренту и проценты.

С глубоким потрясением узнаём мы ужасающую правду старых библейских сказаний, по которым еврейский бог Яхве говорит избранному народу:

"Хочу дать тебе в собственность все сокровища мира, в твоих ногах должны лежать все народы Земли, а ты - править над ними".

Теперь этот мировой вопрос и перед Вами.

Идея ясна, как день. И наше дело надо заботливо подготовить, так как ясно, что перед нами сильный противник, вокруг которого все денежные короли мира.

Вся сила - на его стороне. На нашей же стороне - лишь право, вечное право творческого труда.

Пролетарии всех стран, объединяйтесь! Эта задача, если она вообще выполнима, то только в самом ужасном государстве принуждения, когда ты остаёшься внутри сердца убеждённым коммунистом, спартанистом и т.д., но тогда давай дальше не будем друг с другом спорить, ведь тогда мы не поймём друг друга, ибо говорим на разных языках и лишь будущее решит: или государство принуждения, которое, в данном случае, может выйти из большевистского хаоса, или государство с экономикой, освобождённой от кабалы процента, на которое надеюсь я.

Если же ты, по причине своей коммунистической души - если ты честен - всё же находишь у себя ещё мысли, страсть по женщине и мясу, по человеческой душе, которая для тебя ближе, чем эскимо или обезьяна Зулу, если на фабричной работе по приказам советского руководства ты всё же думаешь о том, что было бы прекрасно иметь собственный небольшой домик, кусочек собственного сада...

Если ты в глубине своей души ещё не чувствуешь настоящего удовлетворения от того, что у тебя такие же права, как у собаки на улице, использовать попавшуюся на бегу собаку женского рода, если ты только и думаешь о том, как сэкономить с твоей зарплатой, и полагаешь, что заработок принадлежит только тебе, тогда ты уже больше не коммунист, тогда ты сердцем не можешь быть согласен с лозунгом "Всё принадлежит всем", который так громко провозглашается, тогда ты уже не хочешь, чтобы всё принадлежало всем.

Ты хочешь, чтобы именно то, что ты себе желаешь: жену, ребёнка, двор, сбережения - есть ли это уже у тебя или только появляется, но чтобы это принадлежало одному тебе.

И видишь, мой друг, если ты хотя бы в уголке души сомневаешься, что тебе будет безразлично, когда придёт кто-то лучший и просто возьмёт у тебя твои сбережения от имени "всех", принесёт тебе другое мясо, а твоё возьмёт, потому, что всё мясо принадлежит всем, тогда, мой друг, тогда мы говорим совсем не о разном, и тогда я хотел бы тебя попросить задуматься, не должен ли быть коммунистический лозунг "Всё принадлежит Всем" концом любой культуры, не ставит ли отсутствие какого-либо понятия собственности, по логике, человека на уровень обезьяны.

Готфрид Федер Программа НСДАП

принята 24 февраля 1920 года

Программа Немецкой Рабочей Партии разработана лишь на ограниченный период. Как только цели, объявленные в ней, будут достигнуты, лидеры не имеют никаких намерений на установление новых целей, с тем чтобы искусственно увеличивать недовольство масс, гарантирующих продолжительное существование Партии.

1. Мы требуем объединение всех германских территорий в Великую Германию на основе права наций на самоопределение. [1]

2. Мы требуем равенства прав для немцев в их деловых отношениях с другими нациями и аннулирование мирных договоров Версаля и Сен-Жермена.

3. Мы требуем землю и территории (колонии), чтобы обеспечить наших людей питанием и расселить избыток народонаселения.

4. Гражданами Государства могут быть только члены нации. Только тот, в ком течет немецкая кровь, каковы бы ни были его убеждения, может быть членом нации. Соответственно, никакой Еврей не может быть членом нации.

5. Не-граждане могут жить в Германии только в качестве гостей и должны подчиняться законам для чужаков.

6. Правом голоса в государственном правительстве и законодательных органах должны обладать только граждане Государства. Мы требуем, следовательно, чтобы любые официальные должности любого вида — в Рейхе ли, в государствах ли, входящих в его состав или на меньших административных территориях, не могли быть заняты ни одним не-гражданином.

Мы выступаем против продажных парламентских обычаев замещения должностей просто в соответствии с партийным обсуждением и вне зависимости от репутации или способностей кандидата.

7. Мы требуем, чтобы Государство в первую очередь заботилось об обеспечении средств к существованию для своих граждан. Если будет доказана невозможность обеспечения питанием всего населения, иностранные подданные (не-граждане) должны быть высланы из рейха.

8. Всякая не-немецкая иммиграция должна быть предотвращена. Мы требуем, чтобы все не-немцы, кто въехал в Германию после 2 августа 1914 года, подчинились требованию немедленного оставления Рейха.

9. Все граждане должны иметь равные права и обязанности.

10. Действия индивидуума не должны противопоставляться интересам общества, но должны проистекать в рамках общины для общего блага. Это должно стать первой основой в физической или умственной деятельности каждого гражданина.

На основании этого мы требуем:

11. Отмены доходов, не заработанных собственным трудом.

Уничтожение процентного рабства.

12. Ввиду колоссальных жертв для жизни и имущества, которые несет нация при любой войне, персональное обогащение за счет войны должно быть расценено как преступление против нации. Мы требуем, следовательно, безжалостной конфискации всей военной прибыли.

13. Мы требуем национализации всех бизнесов, которые осуществляются трестами.

14. Мы требуем совместного использования прибыли на больших индустриальных предприятиях.

15. Мы требуем значительного роста (пенсионного) страхования для людей преклонного возраста.

16. Мы требуем создания и поддержания жизнеспособного среднего класса, непосредственного обобществления больших универмагов и уменьшения суммы арендного договора для мелких торговцев. Все возможное внимание при размещении государственных и муниципальных заказов должно быть уделено мелким торговцам.

17. Мы требуем земельной реформы, соответствующей нашим национальным потребностям, принятия закона о конфискации земли без компенсации для коммунальных целей; отмены земельной арендной платы и запрещения всякой спекуляции землей. [2]

18. Мы требуем безжалостного судебного преследования всех тех, чьи действия вредны для общества. Уголовные преступники, ростовщики, спекулянты, и пр., должны наказываться смертью вне зависимости от их веры или расы.

19. Мы требуем, чтобы Римский Закон, который обслуживает материалистический всемирный порядок, был заменен в соответствии с традиционным Германским правом.

20. Государство должно полностью пересмотреть и изменить нашу национальную систему образования (с целью открытия каждому способному и трудолюбивому Немцу возможность получения высшего образования и, таким образом, получения возможности социального продвижения). Учебные планы всех образовательных учреждений должны быть согласованы с требованиями практической жизни. Цель школы должна заключаться в том, чтобы дать ученику, начинающему развитие умственных способностей, понимание нации и государства (через изучение гражданских дел). Мы требуем, чтобы образование одаренных детей неимущих родителей из любого класса или профессии осуществлялось за счет Государства.

21. Государство должно гарантировать, чтобы были подняты национальные стандарты здоровья для защиты матери и ребенка, запрещая детский труд, поддерживая физическую силу через законодательство, предусматривающее обязательную гимнастику и спортивные состязания и обширную поддержку клубов, в которых проходит физическое обучение молодежи.

22. Мы требуем отмену наемной армии и создания народной армии.

23. Мы требуем легальной войны с прессой, в которой умышленно распространяется различная политическая ложь. Для облегчения создания германской национальной прессы, мы требуем:

(а) чтобы все редакторы и владельцы газет, выходящих на немецком языке, должны быть членами нации;

(б) чтобы никакие не-немецкие газеты не могли выходить без специального разрешения государства. Они не должны печататься на немецком языке;

(с) не-немцам в соответствии с законом должно быть запрещено материальное участие или (любое другое) влияния на немецкие газеты, и что наказание за нарушение такого закона должно предусматривать запрещение любой такой газеты и непосредственную высылку виновных не-немцев включительно.

Публикацию статей, которые не способствуют национальному благосостоянию, необходимо запретить. Мы требуем допустимого судебного преследования всех тех тенденций в искусстве и литературе, которые разрушают нашу национальную жизнь, и запрет культурных событий, которые нарушают это требование.

24. Мы требуем свободу для всех религиозные вероисповеданий в Государстве, если они не угрожают существованию и не оскорбляют моральных чувств Немецкой расы.

Государство также поддерживает позитивное Христианство, но не связывает себя с каким-то конкретным вероисповеданием. Это борьба с еврейско-материалистическим духом внутри и вовне нас в убеждении, что наша нация может оздоровиться только изнутри на основе принципа: Интерес общества превыше личного интереса.

25. Для эффективной реализации этой программы, мы требуем создания в Рейхе сильной центральной государственной власти; безусловной политической власти над всем Рейхом и его организациями центрального Парламента; формирование Корпораций, основанных на сословных и профессиональных интересах с целью выполнения общего законодательства, переданного Рейху различными немецкими государствами.

Лидеры Партии клянутся работать безжалостно — если потребуется, жертвуя собственными жизнями — чтобы перевести эту программу в действие.

[1] Имеются в виду территории компактного проживания немецкого народа.

[2] 13 апреля 1928, Адольф Гитлер разъяснил раздел семнадцать в программе, чтобы остановить политически неверные инсинуации: «Из-за лживых интерпретаций со стороны наших противников Пункта 17 программы НСДАП, необходимо следующее объяснение: Так как НСДАП фундаментально базируется на принципе частной собственности, очевидно, выражение «конфискация без компенсации» обращается просто к созданию возможных и допустимых средств конфискации когда это необходимо земли, которая незаконно приобретена или не управляется в соответствии с национальным благосостоянием. Это утверждение, следовательно, направлено в первую очередь против еврейских компаний, которые спекулируют землей».

Артур Мёллер ван ден Брук Третий Рейх

Мы должны иметь силы жить среди противоположностей

I

Третья партия желает Третьего Рейха.

Она - партия преемственности немецкой истории.

Она - партия всех немцев, желающих сохранить Германию для немецкого народа.

Немцы из всех партий здесь воскликнут: и мы хотим того же! Охотно вам верим. Но мы слишком хорошо знаем, что каждый из вас при этом думает о Германии как принадлежности своей партии, желая обустроить ее жизнь по меркам собственной партийной программы.

Вы поднимаете свои знамена и хотите навязать их стране. Вы приходите с красным знаменем, а оно - лишь дразнящее полотно цвета крови без Духа. Оно не сможет стать нашим знаменем, даже если вы украсите его серпом и молотом и пятиконечной звездой. Или же вы развернули черно-красно-золотистое знамя, которое прекрасодушием романтиков было однажды приписано нашему Первому Рейху. Но оно давно утратило тот золотистый блеск, которым его снабдила буйно-мечтательная молодость. Или вы до сих пор привержены черно-бело-красному знамени нашего Второго Рейха, которое реяло в согласии с державной идеей покорения мирового океана еще до того, как была освоена суша. Но мы пережили день, когда это знамя, более других наших знамен овеянное славой, погрузилось в водовороты Скапа-Флоу.

Сегодня над Германией развевается только одно знамя, которое есть знак страдания, тождественный нашему бытию: одно-единственное знамя, которое не терпит рядом с собой другие цвета и отбирает у людей, идущих под его мрачной сенью, всякую охоту к пестрым вымпелам и радостным штандартам: только черное знамя нужды, унижения и крайнего ожесточения, явленного в сдержанности, чтобы не стать отчаянием - стяг смятения мыслей, кружащих днем и ночью подле судьбы, уготованной нашей безоружной стране сговорившимся против нее миром - стяг сопротивления мужей, не желающих смиренно принимать дело уничтожения, которое должно начаться с расчленения страны и закончиться истреблением нашего народа - стяг выступления немцев, желающих спасти нацию и сберечь Рейх.

II

Сегодня это стремление не называют консервативным. Его называют националистическим.

Но это стремление направлено на сохранение всего, что достойно в Германии сохранения. Это стремление сохранить Германию ради Германии. И оно вполне осознанно.

Национализм не заявляет, как это делает патриотизм, что все немецкое достойно сохранения уже потому, что оно - немецкое. Для националиста нация не есть самоцель, стоящая перед нами с прошлых времен: ясная, зримая и уже осуществленная.

Национализм всегда направлен на будущее нации. Он консервативен, ибо знает, что нет будущего без укорененности в прошлом. И он политичен, ибо знает, что может быть уверен в прошлом, как и будущем, лишь в той мере, в какой он обеспечивает уверенность нации в настоящем. Если бы мы ограничились рассмотрением немецкой истории лишь прошлым, то были бы очень близки к представлению о том, что она отныне завершена. Нигде не написано, что народ имеет право на вечную жизнь и что он может ссылаться на это право ради жалкого настоящего, в котором все еще хочет иметь свою долю. Для всех народов наступает час, когда они умирают или кончают самоубийством. И нельзя представить конец для великого народа более великолепный, нежели гибель в мировой

войне, которая заставит напрячься весь мир для того, чтобы справиться с одной-единственной страной.

Национализм понимает нации исходя из их предназначения. Он понимает их исходя из антагонизмов между народами, каждому из которых он направляет собственное послание. Немецкий национализм является на свой лад выражением немецкого универсализма. Он направлен в первую очередь на европейское целое, но не с тем, чтобы, как выразился зрелый Гете, “рассеяться во всеобщем”, а для того, чтобы утвердить нацию как нечто особое. Он есть выражение немецкой воли к самосохранению и скорее проникнут переживанием, отмеченным у позднего Гете, говорившего, что искусство и наука суть все же лишь “печальное утешение”, не способное заменить “гордого сознания принадлежности к сильному народу, которого все уважают и боятся”. Романтический национализм думает лишь о себе. Немецкий национализм мыслит себя в связях. Он мыслит себя в перемещении центров тяжести истории. Он хочет сохранить немецкое не потому, что оно является немецким, что, как мы видели, вполне могло бы означать желание сохранить минувшее. Он в гораздо большей степени желает сохранить немецкое в становящемся, в возникающем вокруг нас, в революционных преобразованиях восходящей эпохи. Он желает сохранить Германию потому, что это - срединный пункт, потому, что лишь из него Европе удастся удерживать себя в равновесии - и именно отсюда, не с Запада, куда Панныц задним числом перемещал творческий центр нашего континента, и не с Востока, которому Шпенглер, упреждая события, отдал право наследования. Национализм желает сохранить немецкую сущность не для того, чтобы затем от нее отказаться, как советуют слабаки из партии космополитов, эти вырожденцы и отбросы расы; и не для того, чтобы поменять ее на некое “наднациональное образование”, с которым Ферстер, этот продукт вырождения немецкого идеализма, связывает доверчивую надежду ослабевшего рассудка на новое превращение “страны европейской середины” в центр той “человечности”, которую отщепенец все еще видит сохраненной у французов. Национализм желает сохранить немецкое для того, чтобы дать нации осознать задачу, которая еще вытекает для нее из этой немецкой сущности, и которую у нее не оспорит ни один другой народ.

Это наша старая и вечная задача, в которой снова и снова находят свое продолжение задачи австрийская, прусская и бисмарковская. Мы теперь окончательно узнали, что можем служить этой задаче, лишь обратившись на Восток и имея свободный тыл на Западе. И сделаться свободными есть наша ближайшая и истинно немецкая задача, оставшаяся нам после смут нашей западной революции. Ферстер называет Бисмарка недоразумением немецкой истории. Но Бисмарк, который был основателем Второго Рейха, будет еще, сверх своего творения, основателем и Третьего Рейха.

Консерватизм, отвечавший государству ради государства, подходил к проблеме национальности слишком просто. Поэтому он потерпел крах.

Патриотизм, в духе которого мы были им воспитаны, мнил себя способным объяснить национальность исходя уже из той страны, в которой человек рожден, и из того языка, на котором он говорит. Но этого было недостаточно.

Немцем является не только тот, кто говорит по-немецки, кто родом из Германии или же обладает ее гражданством. Страна и язык являются естественными основаниями нации, но свою историческую самобытность нация приобретает через ценности духовной жизни людей ее крови. Жизнь в осознании своей нации означает жизнь в осознании ее ценностей.

Консерватизм нации стремится сохранить ее ценности: путем сбережения традиционных ценностей, поскольку они поддерживают в ней силы роста - и путем привлечения всех новых ценностей, поскольку они умножают ее жизненные силы.

Нация есть ценностная общность. И национализм есть ценностное сознание. Народы, обладавшие в качестве наций ценностным сознанием, защищали в мировой войне не только свой язык и свою страну, но - свою культуру. И мы были ими побеждены,

поскольку, хотя и были сильны в государственной и, следовательно, в военной областях, то есть во всем, что должно защищать, но были чрезвычайно слабы во всем, что должно быть защищено. В конце концов, мы думали, что если и проиграем войну, то ее проиграет лишь государство. И только сейчас мы понимаем, что войну проиграла нация. Исходя из консерватизма, который изменил направление воли и устремил ее с охранения ради государства на охранение ради нации, мы должны сказать о том, чего не достиг наш патриотизм, а также о том, что значит национализм в настоящем и что он означает для нашего будущего.

В нашем Первом Рейхе мы обладали сильным ценностным сознанием. Мы связывали с ним глубокие и мощные средневековые представления об особом западном предназначении и оставляли за немецкой нацией миссию его христианского и имперского воплощения. Это был Рейх ради Рейха. Мы восприняли от него отважное и высокомерное самосознание, которое, однако, каждый относил преимущественно к собственной персоне. Это самосознание мы ощущали в народе даже тогда, когда Рейх уже рухнул, а мы все еще говорили о нашей некогда знаменитой нации.

Мы были слишком аполитичными, чтобы относить это самосознание ко всей общности. Князья, которые были к этому призваны, рано выработали собственное самосознание, но оно шло на пользу лишь жителям отдельных государств. Нации же, напротив, не было дано то национальное самосознание, которое основывалось бы на общих для всех ценностях, а значит, позволило бы ей утвердиться в качестве политической общности. Отсутствие такой общности порой остро переживалось отдельными немцами, жившими в осознании этих ценностей и шедшими таким образом к пониманию предназначения своей нации. И тогда они пытались наполнить ее ценностным сознанием в той же мере, в какой им были преисполнены в те времена испанцы, французы и англичане. Но те же немцы, обретшие национальную идентичность из опыта жизни на чужбине и международных антагонизмов, оставались совершенно непонятыми у себя дома, когда призывали к такому обретению свой народ.

Здесь кроется причина того, почему немецкие националисты всегда оставались на обочине жизни, почему они не воспринимались нацией и почему их усилия оказывались втуне - вплоть до сегодняшнего дня. Людям было не до них. Люди занимались своими профессиональными и хозяйственными делами. И государство во имя государства заботилось о том, чтобы они могли заниматься этим спокойно. За это оно требовало послушания и благодарности. Патриотизм, которому оно учило своих подданных подобно тому, как классный наставник учит сельских детей, был долгом, который оно на них налагало. Националисты, напротив, являлись для такого патриотизма помехой. О них вспоминали лишь во времена бедствий. Но никогда им не позволялось стать тем, чем они должны были быть: вождями нации. Государство хотело по возможности делать само и ради себя то, что эти немцы страстно хотели делать сами и во имя нации. Те, кто оправдывал это государство ради государства, конечно, чувствовали пустоту, которое оно оставляло в людях, хотя, сами, привыкнув во всем полагаться на государство, они вряд ли ощущали ее как таковую. И тогда государство попыталось заполнить эту пустоту ради сохранения прежнего отношения к себе своих подданных. Оно ощутило потребность духовно оправдать привычку своих граждан относиться к нему патриотически. И оно действительно оправдало ее при помощи закона и религии. Государство оперлось на трон и алтарь. Вначале оно сослалось на таинство, скрытое за этими двумя понятиями. Оно сослалось на монархический порядок в мире, за который ручается первое из них, и христианский миропорядок, которому порукой второе. Оно сослалось на правовую ответственность за жизнь людей, которая происходит от монархии, и духовную ответственность, которая происходит от христианства. Оно сослалось на оба представления так, что обе сферы оказались объединены: отечески земное дополнилось отечески небесным и создалось единство, на которое и оперлось государство. Трон и

алтарь ручались за постоянство земных дел согласно надвременным установлениям. И государство было их поверенным.

Но с течением времени все это выветрилось из обоих понятий, выветрилось это и из патриотизма. И данные понятия тоже стали привычкой, а потому потеряли свое предназначение. Они стали формулами, лишенными того содержания, которое должны были дать людям. Они стали обыденностями, с которыми, пожалуй, еще можно жить в условиях мира, но которые не подвергают людей испытанию. Однако им самим пришлось подвергнуться испытанию чрезвычайной ситуацией, которое народ как нация, в конечном счете, не выдержал.

В результате монархический порядок исчезал из мира. Он иссякал уже в личностях, попадавших на престолы, и иссякал задолго до того, как потеря корон удостоверяла их вовсе не монаршую, но самую обычную человеческую сущность. Лишь поэтому стало возможно, что народ позволил им пасть, что он не сплотился в поддержке их во имя символа, в который еще продолжал верить, что он не держался с привычной верностью до конца рядом с ними, как представителями этого символа. Но и только так стало возможно, что эти представители монархического порядка закончили как самые простые обыватели, отринутые во всеобщую трагедию без трагики и перешедшие из средоточия таинства в банальную частную жизнь.

В христианском миропорядке произошли похожие перемены. И хотя они не были столь катастрофично очевидными, здесь, подобно тому, как монархи утратили связь с народом, была утрачена связь с общиной. И следствием было растущее отчуждение от церкви, отчуждение, которое поначалу имело так же мало общего с атеизмом, как отчуждение от монархии - с антипатриотизмом. Но уж если трон не поддержал государство, то алтарь не мог поддержать его тем более. Государство потерпело крах само в себе: в той опоре, которую оно воздвигло и подперло подсобными понятиями, в тех основах своего ложного расчета, который позволял ему полагать, что нелюбимый им "национализм" даст себя заменить усердно выпячиваемым "патриотизмом". Однако время и история положили этому государству конец. Осталась лишь нация: только из нее может выйти новое таинство любви к отечеству. Рухнувшее государство сделало под конец патриотизм предметом нашего образования. Но уже в крахе немецкого образования в девятнадцатом веке вообще и в его крахе в вильгельмовскую эпоху особенно, когда оно все больше подчинялось целям карьеры, социального престижа и экономической выгоды, давал себя знать неизбежный провал также и патриотического образования. Из руин, грозящих похоронить нацию вместе с государством, ныне восстает высвободившееся встречное движение сопротивления - консервативно-революционное движение национализма. Оно хочет жизни нации. Оно хочет того же, что хотело старое государство и что должно хотеть каждое государство. Но оно хочет получить это не в абстрактных понятиях, а в переживании. Оно хочет наверстать то, что было упущено: сопричастность нации к ее предназначению.

Мы славим демократию - не жалкую демократию "общественных" народов, но великолепную демократию государственного народа - за то, что она означает участие нации в ее судьбе - деятельное, энергичное, ответственное политическое участие. И мы распознали в пролетариате стремление приобщиться к тем ценностям, которые до сих пор оставались достоянием других сословий. Демократическое, в том числе пролетарское участие составляет ту сопричастность, которую национализм пытается установить в нации и для нации. Однако национализм отличается от самовосприятия как формальной демократии, так и классово сознательного пролетариата прежде всего тем, что его движение исходит исключительно сверху, но не снизу. Сопричастность предполагает осознание, а именно осознание тех ценностей, к которым нация должна стать сопричастной. Внушить это осознание никогда не удастся, если навстречу ему не будет направлено стремление снизу. В этом смысле национализм хочет проникновения в низы. Но само его внушение дается сознанию сверху.

Лишь сознанию известно, что является предназначением нации. Лишь сознание постигает взаимосвязь ценностей нации. Лишь сознание может сказать нации, что принадлежность к ней означает то же, что и принадлежность к ценностной общности. Демократ, все еще склонный к космополитическим установкам, и тем более пролетарий, все еще приверженный интернационализму, часто мечтают о некоей сфере, якобы расположенной поверх языка и страны, в которой, стираясь, исчезают различия между ценностями разных народов. Националист, напротив, исходит из того, что ценности суть характернейшее свойство нации, что они - дыхание ее сущности, которая через них приобретает образ и которая, как и все существенное, имеет центр тяжести, не терпящий перемещений.

Ни в одной другой стране ценности не являются столь загадочными, столь необъяснимыми и непостижимыми, столь разрозненными и в то же время столь цельными, как в Германии. Здесь они подобны то сокровенным признаниям, то диким схваткам миров - хрупкие или могучие, приземленные или возвышенные, вплотную приближенные к действительности или совершенно отдаленные от нее - они нигде более не кажутся воплощением столь полярно несовместимого. Ни в одной другой стране они не соединены столь судьбоносным образом с историей нации: зеркало и лик и трагическая исповедь немецкого человека, сотворившего их среди противоречий этой истории - не для себя, но для нации.

И ни в одной другой стране эти ценности не стремятся в такой степени образовать то единство, которого мы никогда более не достигали со времен нашего Первого Рейха, которое мы упустили в нашем Втором Рейхе - и которое задано нам для Третьего Рейха, наследующего противоречия немецкой истории, но также и ценности для их воплощения в жизнь.

III

Мы должны иметь силы жить среди противоположностей.

Немецкая история была полна начинаниями, которые затем оказывались обходными путями. Они оборачивались - и до сих пор оборачиваются - нашими противоположностями.

Мы никогда не приходили к одной определенной цели. Мы всегда достигали все наши цели - если их когда-либо намечали - лишь приблизительно, скачками и на какое-то время. И если нам когда-либо удавалось продвинуться к заранее намеченному пункту, мы тотчас вновь и еще более отдалялись от нашей цели. Но мы также всегда наворачивали упущенное, когда намечали себе следующую цель, вместе с которой могли вновь воспринять старую, и которой посвящали восстановленные между тем силы.

Мы были варварами, и мы переняли наследие средиземноморской культуры. Мы были язычниками и стали защитниками христианства. Мы были разрозненными племенами и образовали национальную общность. Мы отреклись от наших богов и последовали за Спасителем. У нас были свои герцоги, и мы избрали себе короля. Мы начинали свою историю с партикуляризма, и мы же стали претендовать на создание универсальной монархии. Мы поставили императора, и мы делились с Римом в господстве над земным кругом. Мы были демократией свободных и аристократией пожалованных леном. Мы признали Рим, мы присягали ему на верность и поддерживали его, и мы должны были, несмотря на это, защищать светскую власть против духовного господства. Наши епископы вели борьбу против папы, а наши князья сопротивлялись своему властителю. Нашими добродетелями были верность и строптивость. Мы переправлялись через Альпы и скакали на Восток. Мы защищали политику гибеллинов, и мы же защищали политику гвельфов. Мы были южными немцами и северными немцами. Мы стали мистиками на Западе и пионерами в колонизованной стране. Мы предавали Штауффенов в зените их власти, вступали один за другим под их корону и передали ее, в конце концов, иностранцам. Мы преодолевали распад Рейха земельным суверенитетом, децентрализовались в большом и централизовались в малом. Мы проводили

династическую политику и переросли в Габсбургско-испанское государство, над которым не заходило солнце. Мы не создавали себе столицы, но образовали великую городскую культуру. Мы защищали у стен Вены Запад против Востока и допустили на Рейне прорыв нашей западной границы. Мы противостояли распаду церкви и на тридцать лет предоставили нашу страну в распоряжение разных вероисповеданий для их религиозных битв. Наши протестанты боролись друг с другом в лице кальвинистов и лютеран и позволили распространиться контрреформации. Вестфальский мир помешал императорам установить абсолютную монархию и одновременно признал Францию поручительницей немецкого имперского порядка. Князья делили господство над землями, а императорский дом изнурял себя в войнах за наследство. Пруссия заняла господствующее положение в Германии, но через двадцать лет после Фридриха Наполеон смог продолжить политику Ришелье, направленную против Германии.

Сознание нации просыпалось в стихах и идеях, но Рейх распадался. Немецкий идеализм поднял дух на высший уровень человечности, но народ, исповедующий его, попадал под чужеземное господство. Мы вновь освобождались и тотчас на этом успокаивались. Мы были народом гениев, но мы начинали нашу новую жизнь с пренебрежения Штейном, непризнания Гумбольдта, недооценки Клейста. Мы допустили, чтобы то опережение в духовном развитии, которое мы имели в 1800 г. перед всеми другими народами, было ими наверстано. И мы проводили столетие в разрешении внутринамецких антагонизмов до тех пор, пока окончательно не основали Второй Рейх. “Прусское водительство” и “объединение Германии” стали целями, взаимно перекрывавшими друг друга до тех пор, пока Бисмарку не удалось, наконец, использовать прусскую идею для того, чтобы подчинить немецкой идее любую другую - но тревога за Германию уже омрачала конец его величественной жизни.

Тревога оказалась оправданной. Рейх, основанный Бисмарком, потерпел крах в своей династической основе. Но его творение переживет этот переворот, если он окажется очередным обходным путем, необходимым для окончательного сплочения нации. И теперь настало время напомнить о том, что Бисмарк заблуждался в своих расчетах относительно нации, которые он строил на династической основе. Будучи консервативным человеком, он был озабочен долговечностью своего творения и постоянно взвешивал опасности, грозившие ему извне, как, впрочем, и внутривнутриполитические возможности. И он временами представлял себе ситуацию, в которой “некоторые немецкие династии будут внезапно устранены”. Из этого он заключал, что “таким образом было бы невозможно, чтобы немецкое национальное чувство удерживало всех немцев в жерновах европейской политики на основах международного права”.

Эта ситуация настала сегодня. Но не наступили последствия. Рейх остался. И если есть еще в Германии уверенность в чем-то, то эта уверенность заключена в чувстве общности всех немцев. Немецкие племена, в которых еще Бисмарк видел препятствие для национального единения, теперь стремятся не друг от друга, а друг к другу. Вероятно, они рвутся за пределы внутренних границ, которыми эпоха суверенитетов когда-то произвольно рассекала и соединяла немецкие провинции, и стремятся к тем племенным границам, в рамках которых найдет выражение их принадлежность друг другу.

Но люди чувствуют теперь прежде всего то общее, что объединяет их как немцев, хотя они и являются в остальном южными немцами или северными немцами, западными немцами или восточными немцами. Проблемы унитаризма и федерализма теряют для них свою злободневность. Баварцы, на партикуляризм которых наши враги в своем неведении возлагали перед войной столько надежд, сегодня являются тем самым племенем, которое с особым пылом выразило идею национального обновления. С другой стороны, в пограничных землях рабочие крепко держатся за Рейх и оказывают всем посулам как французов, так и поляков сопротивление, которое не сломить. Они убеждаются на собственном опыте, что нет того Интернационала, который был им обещан, но есть нация, к которой они все принадлежат. Повсюду вдоль внешних границ немецкие земли разом

ощутили себя марками. От этих границ внутрь страны постепенно проникает осознание того, что Германия сама является сегодня сплошной маркой, против которой разгорается врожденная враждебность народов, пытающихся в продолжение Версальского немирного договора привести к упадку наше немецкое бытие. Именно это делает нас как народ нацией.

Антагонизмы, которые сопровождали нашу историю, все еще дают о себе знать. Даже самые старые, которые мы считали совсем уже отмершими, сегодня вновь воскресают. И есть свой смысл, даже смысл политический, уже в том, что сегодня есть немцы, возвращающиеся в своем сознании к той ранней ступени, которая когда-то стала основой для возвышения Первого Рейха: что есть немцы, ищущие в средневековом, сословном, мистическом и даже в еще более раннем, примитивном и мифическом те начала, которые необходимы для нашего нового возвышения; что есть немцы, предпочитающие после нашего опыта западничества, цивилизации и прогресса культуры древней и первобытной истории; что среди нас есть тут - поклонники Донара, а там - первохристиане и что ни одну из форм у нас не любят искренней и не понимают лучше, чем почти варварскую форму романской эпохи.

С антагонизмами же более позднего времени у нас происходит нечто странное - и особенно с теми, что восходят к политике. Они перестают восприниматься как противоречия. Они исчезают. Однажды в нашей истории, на взлете Первого Рейха, мы уже преодолели антагонизм, который до самых основ расколол нацию. Он выражался в кличе: “Здесь Вельф! Здесь Вайблинг!” Прошли времена, когда этот двойной клич доводил кипение страстей до гражданской войны, и мы уже давно чтим могилы у Палермо так же, как Льва Бранденбургского. Точно также мы должны устранять все антагонизмы, которые несем с собой из нашего прошлого, не пряча, но возвышая их.

Сразу же после краха Второго Рейха прусско-немецкая противоположность, жившая до того в подсознании, отошла назад и уступила место сознанию народной общности. Племена ощутили свою особость сильнее, чем чувствовали до сих пор, но в то же время люди, принадлежащие к ним, намного сильнее чувствуют себя немцами, которыми все они являются. Все немцы, так или иначе, являются сегодня - невзирая на границы и таможи - великонемцами.

И еще один, третий антагонизм отстывает в наши дни: конфессиональный. Везде находятся немцы, воспринимающие свое вероисповедание уже не как конфессию, которая разделяет, но как религию, которая спланивает. Везде католики и протестанты, преодолевая исповедальные различия, сближаются друг с другом как немцы: протестанты проникаются католической идеей единой церкви, а католики уже не считают Лютера зачинщиком Просвещения, рационализма и либерализма, но признают в нем последнего великого и истинно немецкого мистика. Мы должны будем иметь силы для того, чтобы не отрицать и не отвергать, но признавать и соединять все противоположности, которые вобрали в себя из нашей истории.

Мы должны будем иметь силы для того, чтобы и сейчас снова быть “Вельфами”, исполненными собственного племенного сознания, и в то же время “Тибеллинами”, представляющими имперскую идею. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть варварами и христианами, католиками и протестантами, южными немцами и северными немцами, западными немцами и восточными немцами. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть для самих себя здесь - пруссаками, а там - австрийцами или баварцами, швабами, франками, гессенцами, саксонцами, фризами, и при этом оставаться друг для друга - немцами.

IV

В таком стиле восприятия и мышления заявляет о себе мировоззренческая основа Третьего Рейха. Однако и на его долю еще остается достаточно антагонизмов. На его долю остаются проблемы федерализма и унитаризма, проблема социализма и проблема пацифизма.

Среди них прежде всего федералистско-унитаристская проблема была в корне искажена Веймарской конституцией. Как документ, свидетельствующий о неспособности либералов чему-либо научиться, она была построена на тех самых основах, которые позволили обмануть немецкий народ. Она пыталась увековечить для Германии эти основы, которые наши враги трактуют и используют в свою пользу и в ущерб нам. Она полагала, что именно таким образом, копируя государственные принципы Запада, она “способствует”, как в ней записано, “общественному прогрессу”. В действительности она настолько же отстала от своего времени, насколько ее опередили чувства людей. Она лишена всякой связи с теми изменениями, которые произошли в немецком народе в результате его становления как нации. Она стремилась ввести единую республику путем параграфов и не заметила, что внутреннее единство образуется в самом национальном теле. Она взяла в качестве основы интермедию революции и положила умозрительные установки между собой и более глубокими силами, которые вновь пробиваются из оборванных корней нашей истории. Она была чисто негативной и сама признавала это, когда декларировала, что “право Рейха преодолевает право земель”. Нет! Право не может преодолевать. Право должно действовать. И из этого мы должны вывести, что в Германии право Рейха означает право земель и, наоборот, земельное право означает право Рейха. Нет никакой иной цели кроме государственной: не преобразовывать федеративное государство обратно в федерацию государств, но создавать Рейх, который будет и тем, и другим - Рейх, который снимет противоположности, подняв то и другое на новый уровень. Лишь в таком государстве вместо парламентаризма станет возможно народное представительство нации, в котором ее жизненная сила предстанет как направление воли.

Связь проблемы социализма с нашими историческими проблемами понял Родбертус, когда увидел “перст providения” в призывании немецкого государства “обратиться также и к социальному вопросу после того, как оно решит вопрос национальный”. Среди социалистов эту взаимосвязь слабее всех улавливал Энгельс, когда требовал: “Мы не должны повторять революцию, сделанную в 1866 и 1870 гг. сверху, но должны дать ей необходимое завершение и улучшить ее посредством движения снизу”. Революция прежде всего исказила социализм. Лишь из нее вырастает в пролетариате в качестве “движения снизу” то, что мы называем его участием в жизни нации. И это участие должно быть безусловно осуществлено в Третьем Рейхе, если ему суждено иметь в людях прочность: но не только как материальное участие, как того и поныне требует коммунизм, путающий класс с нацией. Социализм не дает осуществлять себя снизу, как предполагает марксизм. Социализм не дает осуществлять себя и сверху, как допускала бисмарковская и вильгельмовская социальная политика. Социализм даст осуществить себя лишь путем сотрудничества низов и верхов, а не путем социализации прибылей, как полагал Маркс, не делавший различий между предприятием и гешефтом. Он осуществится лишь как социализм самого предприятия, основанный на взаимодействии хозяйственного руководства и трудовой отдачи и устанавливающий равновесие между доходами и запросами.

Однако Интернационал, заповедуя коммунизм, обещал, что и такого социализма не будет нигде в пролетарском мире. Такой производственный социализм может выйти лишь из определенной общности, сплоченной в хозяйственно-политическом, геополитическом и - в значительной степени - национальном отношении. Он возможен как первоначальная хозяйственная форма, соразмерная лишь одному определенному народу, какой бы образцовой она ни стала затем для других народов. После немецкой катастрофы народное хозяйство Германии невольно приблизилось в своем духовном самовосприятии к социализму, понятому именно таким образом. Предприятие в нем все более явственно отличается от гешефта. Будучи хозяйством побежденной и скованной нации, оно не получило ни времени, ни пространства, ни свободы движений для того, чтобы претворить это представление о себе в хозяйственную систему. Немецкий предприниматель приложил все усилия для того, чтобы честно сохранить свое предприятие как

производство. Но переход предвоенной капиталистической хозяйственной формы в капиталистическую послевоенную уже подготавливается. Он происходит сначала в духовной сфере, в изменении отношения предпринимателя к предприятию, и он же возвещает о новом взгляде на хозяйство, согласно которому естественные различия между предпринимателем и рабочим могут стать не враждебными, но дружескими, не разрушительными, но основополагающе деятельными.

Проблема немецкого пацифизма очень тесно связана с проблемой нашего наднационального предназначения, которая, безусловно, является самой сложной, самой давней и самой значительной проблемой немецкой истории. Жить не только для себя, но для всех народов, воздвигнуть памятник бессмертия, в котором наше нынешнее бытие останется различимым в самые отдаленные времена и для самых дальних людей: это было сокровеннейшим желанием, которое двигало всеми событиями немецкой истории, которое вело нас через нее подобно тому, как ведет и будет вести все великие народы в их истории - в отличие от малых народов, думающих только о собственном "я".

Величие человека: быть чем-то большим сверх того, что он являет сам по себе.

Величие народа: быть еще чем-то сверх того, что он являет собой и сообщить о себе; обладать еще чем-то, что он может сообщить.

Именно так все великие немцы совершали свой каждодневный труд на земле в осознании той вечности, которой он причастен, и оставляя его плоды после себя.

Им часто даже не приходилось говорить о своей немецкой принадлежности, которая ненамеренно и как нечто само собой разумеющееся была заложена в их творениях, и они могли быть уверены, что немецкий дух будет присутствовать также и в плодах этих творений. Но когда их спрашивали о силе, которой они были обязаны своим творчеством, они заявляли о себе как немцы. И когда их народ находился в опасности, они были на его стороне.

Однако наряду с этим в народе всегда присутствовала своеобразная склонность, не отдаваться, но отдавать, склонность, которой немцы обыкновенно следуют с роковой покорностью, склонность незначительных, но небезвредных идеологов подпадать под образ мыслей других народов, предпочитать иностранные идеи собственным и перебежать туда, где было поднято знамя чужой идеологии. Это те же самые немцы и идеологи, которые сегодня говорят о наднациональном послании и понимают под ним национальное обезличение - и которые ныне восхваляют такой отказ как нечто чисто немецкое. Это те самые, кто, будучи революционерами, подменяли идею политического мира идеей мира мировоззренческого. Еще и сегодня, после событий на Руре и опыта Рейна и Саара, немецкие коммунисты, привычно агитирующие за доктрину мировой революции, не хотят признать, что идея борьбы классов является национальной не только "по форме", что признавал также и Маркс, но и "по содержанию", что всегда отрицалось марксизмом как буржуазная выдумка.

Фридрих Энгельс говорил о "лакейском духе" у немцев, который мы несем в своем народном характере еще со времен раздробленности, и ожидал, что немецкая революция вытравит его из нас. Он понимал этот дух внутривнутриполитически - как дух паразитической покорности, которую свободный народ более не обязан оказывать князьям, потерявшим свое монаршее величие. Но самым желательным результатом немецкой революции будет, если она заставит нас понимать этот дух внешнеполитически: как дух ложного восхищения, которое мы более не обязаны дарить ни одному народу с тех пор, как десятки их поднялись на нас, а двадцать семь нас обманули - и если этот опыт общения с народами сделает нас смиреннее перед нами самими и высокомернее перед нашими врагами.

Теперь мы являемся народом, который получил предостережение, народом, который извлек из своей истории один единственный опыт. А именно: мы сможем жить ради нашего наднационального предназначения лишь тогда, когда мы как нация будем в безопасности. Все наши ценности возникли в борьбе за духовное самосохранение

немецкой нации. И не утверди мы себя как нация политически, мы совершенно не были бы в состоянии обладать чем-то, что смогли бы сообщить другим народам. В противном случае мы были бы разбиты и раздроблены на радость тем же народам. Но, в конце концов, это станет нашим уделом, если наше простодушие будет и впредь оборачиваться верой в европейскую добродетель наших врагов.

Идея вечного мира есть, безусловно, идея Третьего Рейха. Но мир необходимо завоевать, а Рейх - отстоять.

V

Второй Рейх был промежуточным Рейхом. Он рухнул потому, что не имел времени стать традицией.

Тем не менее, немецкий консерватизм хотел сохранить этот Рейх. Он не хотел большего. В этом заключалась его вина. Он не хотел меньшего. В этом заключалась его заслуга. Он хотел бы сохранить форму, в которой нам был дан Рейх Бисмарка. Но эта форма была слишком молодой даже для того, чтобы оправдать немецкий консерватизм. Это была незрелая форма, как внутри, так и снаружи.

Второй Рейх был неполным Рейхом. Он не включал в себя Австрию, которая еще со времен Первого Рейха жила наряду с этим Вторым. Он был малогерманским Рейхом, в котором мы снова можем увидеть лишь обходной путь для того, чтобы достичь Великогерманского Рейха.

В нашем Первом Рейхе мы потеряли некоторые страны с чужими языками - Ломбардию и Бургундию. В конце концов, мы потеряли также и страны нашей собственной языковой и племенной принадлежности - Швейцарию и Нидерланды, а также поселенческие районы в Прибалтике. Но зато, хотя мы в это время и становились все слабее и слабее, мы все сильнее и сильнее спланивали остальное.

На протяжении всей нашей новой истории мы заняты работой по расчистке, по устранению границ и дурацких внутренних перегородок, которые оставил на немецкой земле распадавшийся в средневековье Первый Рейх. Мы преодолели мизерность наших государств, которая была выражением нашего бессилия. И мы заменили ее позицией великой державы, которую вернули себе во Втором Рейхе. Мы положили в основу этого Рейха большие немецкие племена и крупные немецкие государства, которым удалось пережить его распад, и малые государства, которые становились в ходе этого распада все меньше и меньше.

Исход мировой войны подорвал положение Второго Рейха как великой державы. Революция принесла развязку. Она не смогла предотвратить ни нашего обнищания, ни разорения четырех наших марок. Она оставила нас в остане государства, чью обкомсанную форму мы не признаем в качестве немецкого Рейха немецкой нации. Она упустила возникшую после разгрома центральных держав великогерманскую возможность и не нашла в себе ни мужества, ни воли и честолюбия, чтобы поставить мир перед свершившимся фактом аншлюса немецкой Австрии. Она была малогерманским бунтом и предписала себе в Веймаре конституцию, федералистско-централистские установки которой не содержат ни того, что положено Рейху, ни того, что подобает землям, племенам и провинциям.

И все же, революция также многое упростила и вновь соединила, устранив внутринаемецкие пережитки, которые мы до того тащили с собой в качестве преграды на пути становления в нацию. Она также является немецким событием, которое обретает смысл лишь в своем воздействии. В своем побочном воздействии, которое становится основным, она является насильственным решением тяжелых немецких проблем. Иной внешний повод для подобного решения мы бы так легко не получили. Революция устранила малые немецкие династии, которые исполнили свою культурную миссию. И она подготовила членение Рейха на племена, к которому мы сможем перейти в тот момент, когда вновь станем свободной нацией. И если бы эти вещи произошли лишь на карте страны, это было бы не так важно. Важно, что они происходят также в чувствах

людей. Мы потеряли в территориях. Но мы сплотились как немцы. И как немцы мы присягаем Рейху, который должен нам остаться.

Это не заслуга революции. Она действовала без осознания того, что она ответственна не перед партией, а перед нацией. Мы живем в неведении и не имея гарантий против того, что революция, если она будет предоставлена сама себе как восстание аполитичного народа, не окажется началом политического конца немецкой нации. Но мы верим, что и она окажется очередной немецкой бессмыслицей, которая обретает свой смысл задним числом. И она обретет этот смысл в той мере, в какой удастся политизировать немецкий народ, который более не может жить в условиях, созданных исходом мировой войны - политизировать народ, привлекая его к участию в собственной национальной судьбе. Мы верим скорее в то, что эта революция является событием нашей национальной истории - тем, в чем ей отказывают классово сознательные пролетарии, но чем она непременно должна стать в силу своей природной принадлежности стране и народу. И как часть нашей истории она станет всего лишь новым обходным путем, необходимым для того, чтобы мы вырвались из нашей чисто немецкой неподвижности, к которой уже почти привыкли во Втором Рейхе. И мы верим, что этот Второй Рейх был лишь переходом к Третьему, к новому и последнему Рейху, который нам обещан и ради которого мы должны жить, если хотим жить.

Есть немцы, которые утешают себя в нашем поражении тем, что ценности нации останутся непреходящими и тогда, когда крах государства повлечет за собой ее гибель. Это самый жестокий самообман, на который способны немцы. Насколько слабо мы боролись за нашу культуру, настолько сильно наши враги боролись за свою. И эти враги не хотят нашей культуры. Их народы вообще не понимают наших ценностей. Они, каждый на свой лад, считают себя совершенными в своей культуре. Мысль о том, что они должны будут признать равноценность немецкой культуры, для них невыносима. Они не признают наши ценности. И мы сами не знаем наших ценностей. Из нашей истории видно, что мы всюду отрекались от одних ценностей, чтобы положить начало другим. Это делало немецкую культуру настолько же богатой и разнообразной, насколько она несвязна и труднообозрима. Национализм должен явиться тем связующим и проясняющим началом, которое покажет нации то, что ей принадлежит, поскольку является немецким и представляет ценность: немецкую историю людей.

Это является духовной целью, но в то же время включает в себя и политическую задачу. Если мы погибнем как нация, то, как подсказывает наш опыт отношений с другими народами, погибнет Германия и вместе с ней все, что когда-либо создали немцы. Нет народа, который мог бы нас воспринять.

Народы Запада нас отрицают. Они оценивают все иначе, чем мы, и пасуют перед нашими ценностями. Даже у Клаузевица французский генеральный штаб умудрился найти лишь один "немецкий туман", хотя этот туман уже нередко оборачивался той немецкой ясностью, которая так пугает наших врагов. Когда Антанта давала нам совет, отречься от Потсдама и снова идти в Веймар, она пускала в ход свою самую большую ложь. Народы Запада должны ненавидеть Веймар в принципе неизмеримо сильнее, чем они ненавидят Потсдам. Их замутненный взор видел в Потсдаме всего лишь символ немецкого милитаризма, но признай они Веймар символом культуры, тотчас встанет вопрос об иерархии культур, в которой уровень классики возвышается над уровнем классицизма так же, как Гете возвышается над Расином. А немецкая культура зиждется не только на Потсдаме и Веймаре, но на каждом немецком городе в пределах той области, в которой действуют немецкие ценности, и которая простирается далеко на восток от Мюнстера и того места, в котором распят на кресте немецкой судьбы Грюневальдский Христос.

Правда, народы к востоку от нас берут от немецких ценностей то, что может быть им полезно. Но тот же немецкий язык есть лишь язык международного общения Евразии и Центральной Европы. Он посредничает в тамошних делах, но не затрагивает души. И если он стал языком-посредником Третьего Интернационала, то и здесь он передает лишь

потребный делу интернационализм. Он передает лишь то, что принадлежит марксизму, но не тот великий космос немецкой духовности, который расположен перед Марксом, рядом с Марксом и против Маркса, который опровергает Маркса и при этом остается непостижимым. Даже те из русских, которые не отвергают, подобно Толстому, всю Европу, хотят и могут в силу своей национальной принадлежности принять лишь отдельные наши ценности: систематику, философский идеализм, Гегеля и, может быть, Шиллера. Бесконечность немецкого космоса, которая не ограничивается именами, закрыта и для них, потому, что они обладают собственной безграничностью, чуждой нам и, напротив, простирающейся прочь и в сторону от Запада - в Азию.

VI

Немецкий национализм является поборником конечного Рейха. Этот Рейх всегда обетован. И он никогда не исполнится. Он - совершенство, которое будет достигаться только в несовершенстве.

И он есть особое обетование немецкого народа, которое оспаривают у него все другие народы. Они боролись в мировой войне против Рейха, существовавшего ради Рейха, боролись ради мирового господства, в котором мы хотели иметь нашу материальную долю, сочтенную за империалистическое притязание. Каждый из них сам хотел быть не только империей, но и вместилищем латинской, англосаксонской или панславистской идеи. Они уничтожили наш материальный Рейх. И они до сих пор боятся его политической тени.

Но Рейх им пришлось оставить не сломленным. Есть лишь один Рейх, подобно тому, как есть лишь одна Церковь. Все остальное, что претендует на это название, есть государство или община, или секта. Есть только Рейх.

Немецкий национализм борется за возможный Рейх. Немецкий националист нашего времени, будучи немецким человеком, все еще является мистиком. Но как человек политический, он стал скептиком.

Он знает, что осуществление идеи постоянно отодвигается все дальше, что духовность на самом деле являет себя в очень человеческом, а это значит, сугубо политическом, и что нации претворяют возложенные на них идеи лишь в той мере, в какой они утвердили и осуществили себя исторически.

Немецкий националист невосприимчив к идеологии ради идеологии. Он распознал обманчивость громких слов, с помощью которых победившие нас народы приписывают себе высокую миссию. Он узнал, что в окружении цивилизации, которой принадлежат эти народы и которая самодовольно называет себя западной, человек не возвышается, но опускается.

В этом опускающемся мире, который сегодня торжествует победу, он стремится спасти немецкое. Он стремится получить его воплощение в ценностях, которые остались непобежденными, потому что они сами по себе непобедимы. Он стремится обеспечить им долговечность в мире тем, что, борясь за них, восстанавливает тот ранг, который принадлежит им по праву, и - заметим это сейчас, когда ни одно понятие не кажется более сомнительным, чем понятие европейского - когда он борется за все, что, исходя из Германии, имеет европейский охват.

Мы думаем не о той Европе сегодняшнего дня, которая слишком достойна презрения, чтобы ее хоть как-то оценивать. Мы думаем о Европе дня вчерашнего, но также и о том, что может снова спастись из нее для дня завтрашнего. И мы думаем о Германии всех времен - о Германии двухтысячелетнего прошлого и о Германии вечного настоящего, о Германии, которая живет в мире духовном, но желает безопасности в мире действительном, и которая может достичь такой безопасности лишь политическими средствами.

Зверь в человеческом облике крадется к нам. Африка просвечивает через Европу. Мы должны быть часовыми у врат, ведущих к ценностям.

Приложение:

С.Г. Алленов

Русофильство немецких консерваторов начала XX века

Исключительная роль, которую издавна играла Германия в культурном диалоге Европы и России, кажется сегодня общепризнанной. Нередко олицетворявшая в представлении россиян весь Запад, эта страна как ни одна другая воздействовала на выработку их национальной идентичности. К сожалению, в самой России пока мало известно, каким виделся ее собственный образ в Германии и какую роль он играл в развитии немецкого самосознания. Между тем, и в нынешнем, и в прошлом столетиях нашей стране не раз случалось выступать в качестве культурного образца для определённой части немецкой элиты. Сложная картина восприятия России немецким обществом украшалась в этих случаях проявлениями такого пылкого русофильства, перед которыми рискуют померкнуть любые из лестных высказываний о немцах и Германии, встречающиеся иногда в русской литературе.

До недавних пор в России было принято скорее вспоминать не о прошлых выражениях немецких симпатий к ней, но о русофобии, вылившейся в экспансионистскую политику империй Вильгельма и Гитлера. Виной тому отчасти были мировые войны, обернувшиеся не только людскими потерями, но и ущербом для исторической памяти обоих народов. Другая причина забвения более светлых эпизодов их взаимоотношений кроется во внутренней политике советской власти. Порвав с самодержавием, она, естественно, спешила обнародовать критические отзывы о нём в духе маркиза де Кюстина, а не свидетельства любви, которую снискал себе в прусском обществе тот же Николай I. Частичная “реабилитация” дореволюционного прошлого, последовавшая уже в сталинские времена, также не пробудила интереса к подобным сюжетам ввиду агрессивных приготовлений германского фашизма. Подчинив тему русского патриотизма задачам психологической мобилизации, советская пропаганда и до войны, и после её окончания нацеливала внимание на эпизоды истории, которые, напротив, могли свидетельствовать о континуитете немецкого “Drang nach Osten”¹. Так или иначе, русофильские настроения, проявлявшиеся в немецком обществе на протяжении XIX - начала XX веков, до сих пор не нашли в российской историографии ни должного освещения, ни объяснения².

Природа этих настроений заслуживает внимания уже потому, что интерес немецкой общественности к России не всегда оказывался соизмеримым с влиянием, которое она оказывала в соответствующий момент на положение дел в Германии. Этот интерес кажется неожиданно интенсивным в сравнении с реальным объёмом хозяйственных и культурных контактов двух стран даже в лучший период их взаимоотношений, каким явились 30-40 гг. XIX в.³. Суждения немецких авторов о России были тогда неизменно эмоциональны и имели полярный характер. Чаще всего оказывалось, что неприязненное или откровенно враждебное отношение к ней выражали те, кто стоял на буржуазно-либеральных позициях, тогда как русофильство было более характерно для представителей аристократически-консервативных кругов⁴. Однако с ростом немецкого самосознания после объединения Германии и выигранных ею войн, казалось, была уничтожена почва, на которой могло цвести консервативное русофильство. Во всяком случае, к концу XIX в. его проявления даже в аристократической среде выглядели анахронизмом. Тем более они терялись на фоне русофобии, в то время уже безусловно доминировавшей в немецком общественном сознании⁵.

Новый всплеск русофильских настроений пришёлся в Германии на рубеж XIX-XX вв. Он совпал с началом мощной культурной экспансии России в европейские страны, дававшей повод говорить об их “русификации”⁶. Духовное притяжение к России сильнее

всего тогда обнаружилось именно в Германии, которая слыла проводником русской культуры на Запад. Наиболее страстными из её немецких поклонников чаще других оказывались представители научной и литературно-художественной элиты, воззрения которых претерпевали эволюцию от романтически окрашенного культурного консерватизма к консерватизму политическому⁷. Двигаясь в этом общем русле, они развивали различные культурфилософские концепции и не всегда совпадали во взглядах на политику, в которой, к тому же, были неодинаково ангажированы⁸. Но если их круг и не отличался единством, то принадлежность к нему мыслителей, оставивших, подобно А. Мёллеру ван ден Бруку, О. Шпенглеру или Т. Манну, свой след в истории немецкого национализма и “революционного консерватизма”, заставляет, всё же, предполагать неслучайную связь русофильства с консервативным строем их идей. Не будучи многочисленным, этот круг включал, как видно уже из приведённого перечня, блестящих публицистов, обладавших широким доступом к читающей публике и сильным влиянием на нее. Правда, их благожелательный интерес к России не мог изменить в целом неприязненного отношения немецкого общества к восточной соседке в условиях, когда перспектива войны с ней становилась всё более реальной.

Русофильские настроения людей, не всегда отличавшихся прогрессивными взглядами, а то и слывущих идеологами агрессивного немецкого империализма, станут легче объяснимыми, если учесть, что “русская ориентация”, к которой часто сводилось немецкое “стремление на Восток”, имела как политическое, так и культурное измерение⁹. Представление о России в XX веке здесь как бы распадалось на два образа - великой державы и некоего культурно-исторического феномена - каждый из которых мог, порой независимо от другого, притягивать или отталкивать. Континуитет культурной предрасположенности к России консервативных эпигонов романтизма, сохранявшейся невзирая на превратности взаимоотношений двух стран вплоть до 1933 года, свидетельствует о том, что она не всегда была связана с политической злобой дня. Зато, оказываясь каждый раз включённой в систему консервативных ценностей, эта предрасположенность могла заметно влиять на политические планы консерваторов. Образ, в котором им рисовалась Россия, отражал стереотипы их сознания и мог бы многое сказать если не о самом оригинале, то о культурной и политической ориентации носителей этого сознания¹⁰.

Так, внимание прусских поклонников николаевской России привлекали преимущественно те элементы её государственного строя (царь-самодержец, его двор и преданное войско), из которых складывался их собственный идеал военизированной абсолютистской монархии. Русский народный характер интересовал тогда немецких русофилов лишь в той мере, в какой приписанные ему свойства (доброта, услужливость, непритязательность и послушание) позволяли видеть в русских идеальных подданных этого воображаемого государства¹¹. Однако последовавшее вскоре поражение России в Крымской войне, а затем и буржуазные реформы развеяли миф о её непобедимости и веру в способность самодержавия противостоять процессам модернизации. Спустя полвека, в царствование Николая II, Россия уже вряд ли могла служить образцом политической стабильности. Тем более она не выглядела гарантом против революционных потрясений в Европе.

То, что в новых условиях позволяло немецким консерваторам по-прежнему видеть в России противостоящий модернизации “покоящийся полюс”, всё больше теряло связь с реалиями русской жизни и переносилось в “метафорически понимаемые сферы внеисторической русской сущности”¹². Чем сильнее размывались патриархальный быт, сословный и самодержавный строй России, тем чаще носителем этой сущности объявлялась “загадочная русская душа”. Понять, какие именно черты русского образа оказались на этот раз притягательными для немецкого консервативного сознания, можно лишь приняв во внимание, что новое “открытие” России в Европе состоялось благодаря знакомству публики с русской литературой. В первую очередь это относится к

произведениям Ф.М. Достоевского. Стоит заметить, что путь русского гения к сердцу европейского читателя был долгим. Так, в Германии его творчество практически не находило отклика с 1847 года (когда появился первый перевод “Бедных людей”) и вплоть до начала 80-х гг. Вспышка интереса к Достоевскому, а благодаря ему и ко всей русской литературе, случилась здесь в то время, когда процесс ускоренной модернизации стал всё болезненнее отзываться в общественном сознании. Ощущая дефицит средств для изображения духовных конфликтов эпохи и её современника - “изменившегося человека в изменившемся мире”, немецкие натуралисты ценили в русском классике прежде всего мастера социального и психологического анализа¹³. Правда, великий реалист и психолог Достоевский воспринимался во времена господства натурализма как “явление не специфически русское, а общезначимое, интернациональное”¹⁴.

Достоевский-мистик стал доступен восприятию лишь того поколения, время которого совпало с расцветом неоромантики. Устремлённая к тёмным глубинам души и ищущая там её загадочную связь с миром трансцендентальной реальности, неоромантическая эпоха оказалась созвучна творчеству писателя, не только выражавшего, но и творившего её дух¹⁵. Именно с этой поры в обильных проявлениях любви к Достоевскому в просвещённых кругах Германии всё громче звучит “русская тема”. Впрочем, осознание национальной принадлежности русского гения не ослабило ощущения его “универсальности” и причастности к немецкоязычной культуре. Типичным в этом отношении было признание Ст. Цвейга, увидевшего в Достоевском меру “собственной глубины” немцев, отныне знающих благодаря ему “не только о России, но в то же время о себе самих”¹⁶. Принадлежность русского автора к немецкой духовной жизни была для её представителей столь же несомненной, как и убежденность в том, что “лишь через немецкого Достоевского мир сможет прийти к русскому”¹⁷. Действительно, за исключением Ницше, ни один другой современный писатель не оказывал такого мощного воздействия на культурную жизнь Германии. Г. Гаупгман и Я. Вассерман, Ф. Ницше и Р. Мюзилль, Р.М. Рильке и Т. Манн, Г. Гессе и десятки других, менее именитых немецких авторов говорили о знакомстве с Достоевским как о самом потрясающем переживании, наложившем отпечаток на все их дальнейшее творчество¹⁸.

Оказавшийся весьма многоликим “немецкий” Достоевский мог выступать здесь - подобно Ницше в России - в образах “мученика” и “пророка”, “святого” и “апостола” новой веры, и даже символического двойника Христа. В любом случае здесь, как и у себя на родине, он был больше, чем писатель. Нет сомнений, что именно почитание его таланта вылилось в Германии в настоящий “культ” России, наделённый свойствами, которые видел или хотел видеть в ней этот, по единодушному убеждению критики, “самый русский” из её сыновей¹⁹. Но самый громкий отклик идеи Достоевского - певца русского “народа-богоносца” нашли у консервативно настроенных немецких авторов, среди которых окажутся и предвестники будущей “консервативной революции”. Ярким примером тому стало творчество А. Мёллера ван ден Брука, автора позаимствованной позже национал-социализмом идеи “третьего рейха”. Страстный поклонник и популяризатор Достоевского, издатель одного из лучших немецких собраний его сочинений, он совместно с Д.С. Мережковским приступил к их публикации в Германии в 1906 году. Издание, растянувшееся на 14 лет, а затем долго слывшее образцовым, стало важным событием в культурной жизни страны. Благодаря качеству перевода, а еще больше предварявшим том за томом вводным эссе Мёллера, оно наложило неизгладимый отпечаток на восприятие в Германии Достоевского, а вместе с ним и России²⁰.

Немецкого националиста Мёллера не смущал русский национализм его кумира. Напротив, в своих эссе, предвосхитивших многие идеи “консервативной революции” в Германии, он настойчиво подчёркивал истинно русскую природу мира и творчества Достоевского²¹. Эта “русскость” заключалась для него в особенной мистике, обильно наполнившей людей и пространства России, более “плотной”, “телесной” или даже “плотской” здесь, чем где бы то ни было. Убеждённый, что немцам недостаёт такой

безусловной русской духовности, Мёллер жил в напряжённом ожидании прихода к ним из России этой совершенной мистики. Как он полагал, для неё ещё “не найдено ни слова, ни понятия, ни имени”²². Вероятно, именно поэтому не всегда легко понять, что конкретно он подразумевал под русской “религиозностью”. Можно лишь заметить, что при этом Мёллер вдохновлялся отнюдь не особой приверженностью русских каноническому христианству. Сам не отличавшийся такой приверженностью, он скорее указывал на те черты быта и нравов России, которые позволяли представить её народ в образе единого органического целого. Русская жизнь чудилась ему наполненной такими духовными узлами, которые давно были утрачены на Западе и которые западное христианство способно, якобы, лишь имитировать²³.

Если русские реалии начала XX века на самом деле уже вряд ли воплощали духовную и социальную слитность народа, то выразить тоску по ней русская литература умела острее, чем любая другая. Проповедь подлинного братства, звучавшая с особенной силой в творчестве Достоевского, могла, к тому же, соблазнять читателей верой в возможность скорого исполнения этого идеала в пределах земной истории. Среди поклонников русского гения было немало и тех, кто с готовностью принял его художественный мир за уже существующую или осуществляющуюся, по крайней мере в России, действительность. Читателю из Германии поверить в созданный Достоевским и его интерпретаторами миф о России было тем проще, что он соответствовал устоявшимся немецким представлениям об иррациональной природе “русской души” и доходящем до самоотречения русском коллективизме. Сам Мёллер был уверен, что Достоевскому “не было нужды прибегать к аллегорическим или символическим средствам, чтобы выразить идущее в наше время спасение”, поскольку для этого “вполне доставало действительности, которая его окружала”²⁴. Если под мистической основой этики Достоевского понимать ощущение универсальной внутренней связи его персонажей со всем миром²⁵, то тем более вероятно, что за спасительную данность русской жизни Мёллером принималась именно мечта об органическом народном целом. В народной мистике русских, этих пока единственных “прирождённых верующих”, он угадывал возможность новой, высшей религии, на которую возлагал свои особые надежды. Уверенный, что творчество Достоевского есть лучшее из всего, что породило славянство, Мёллер видел главную его заслугу как раз в том, что он начал облекать народную мистику в слово. Этим русский гений мостил путь грядущей религии, которая “перестанет быть символом, чтобы снова стать мистикой”²⁶.

Можно сомневаться, что мистика наполняла русскую действительность в той степени, в какой это виделось Мёллеру или самому Достоевскому. Но бесспорно, что созданный писателем мир отражал реально разыгрывающиеся в обществе этические конфликты, представленные к тому же в его произведениях в предельно заострённой форме. В пронизанном мистическими токами художественном пространстве Достоевского поднятые им нравственные и социальные проблемы приобретали в самом деле религиозное звучание. Мёллер же предпочитал говорить об их “религиозно-действительном” характере²⁷. Так, стирая грани, отделяющие литературный вымысел от благовестования с одной стороны и от реальности - с другой, он подчёркивал актуальность послания Достоевского. Вера в него была столь сильна, что обещанное спасение представлялись Мёллеру в образе “нового, русского, современного Христа, вышедшего из жизни людей сегодняшнего дня”²⁸.

Схожие религиозные ожидания связывали с Россией в те годы и другие, не менее известные немецкие авторы, среди которых были, к примеру, О. Шпенглер, Т. Лессинг, Г. Кайзерлинг, Р.М. Рильке и Хр. Моргенштерн²⁹. Смысл и накал этих ожиданий могут быть поняты лишь в контексте тех веяний, которые, начиная доминировать в культурной атмосфере Запада, свидетельствовали о разразившемся кризисе новоевропейской традиции. Неудовлетворённые плодами, которые она несла в социальной и этико-эмоциональной сферах, западные интеллектуалы относили их прежде всего на счёт

рационалистического духа эпохи. В своих напряжённых поисках “новой духовности”, призванной преодолеть как ограниченность рационалистического мышления, так и порождаемое им социальное отчуждение, они возлагали надежды на мистически преображённые формы сознания. Однако возможность зарождения в современном мире этой спасительной перспективы допускалась находившимся в разладе с ним мышлением неоромантиков не без оговорок.

Легко заметить, что прелесть русского образа заключалась для многих из них прежде всего в тех его чертах, которые не были тронуты модернизационными переменами и оставались чуждыми Европе Нового времени. Именно этим можно объяснить тот факт, что духовное притяжение к России в начале XX столетия сильнее всего обнаружилось в Германии, дарившей миру самые яркие шедевры “культуркритики”. Романтический “исход” из современного общества с его духом конкуренции, отчуждением и социальными противоречиями находил здесь символическое выражение как во времени, так и в пространстве. Россия, сохранявшая “детство Европы”, могла воплощать для конфронтирующего с современностью сознания ту культуру, которая была утрачена с наступлением Нового времени, а то и в ещё более ранние времена³⁰. Недаром, настойчиво отмечая остро актуальный характер послания Достоевского, Мёллер полагал, что корни и сила русской мистики заключены в молодости и примитивности русского народа, приближенного к земле и сохранившего в своей душе первозданный хаос. Этим объяснялась для него укоренённость русской литературы в “первобытных и естественных состояниях человечества”. Именно туда она звала Мёллера и его единомышленников, обещая “таинственный возврат к исходному пункту”, “новое приближение арийства к индийскому истоку” и завершение вместе с тем “очередного витка развития”³¹. Так отзвуки старины, звучавшие в русской классике, принимались за проблески спасительной “новой духовности”. Возможность причаститься к грядущему спасению немецким читателям сулил восходящий к Гердеру, но освежённый в их памяти Достоевским миф о “молодых народах”, включающих в свой круг наряду со славянами также и германцев.

Наряду с “бегством” во всё более отдалённое прошлое, русофильство в Германии развивалось параллельно с обостряющимся интересом к духовной традиции Востока, воспринятой как антипод скомпрометировавшему себя европейскому модерну. Этот интерес, тем более пристальный, чем острее была неудовлетворённость плодами культурного развития Запада, был в Европе повсеместным и вёл в начале века к укоренению там искусств, учений и верований тех народов, которые окультуривались когда-то самой Европой³². Одно из проявлений этой “животворной” восточной традиции, выраженной, к тому же, в доступной технике современной литературы, музыки, живописи или танца, образованные европейцы могли открывать для себя в русской культуре. Для многих из них Россия была если не олицетворением Востока, то первым “оазисом”, встреченным на пути духовного паломничества к нему³³.

Независимо от того, находились ли истоки русской “мистики” в молодости русского народа или в его принадлежности к Востоку, она неизменно выступала для её поклонников противовесом от “мертвящего” воздействия западного рационализма, в котором виделось основное зло современной культуры и причина её упадка. Мёллер ван ден Брук, а вслед за ним ранний М. Шелер и другие немецкие авторы с воодушевлением писали о нерасположенности русских к рассудочной деятельности и их способности по-детски непосредственно верить, о грубой, животной силе переживаний у русских и поразительном сочетании в их поведении инстинктивных влечений с покорностью и долготерпением³⁴. Жадный интерес к этим, скорее всего, гипертрофированным в немецком восприятии свойствам русской души соответствовал настроением неоромантической эпохи, восставшей против существовавшего до тех пор на Западе способа мыслить и чувствовать. Это “восстание природы в человеке и всего, что есть в нём тёмного, порывистого, импульсивного”³⁵, оказалось гораздо более радикальным, чем “война” старых романтиков с новой Европой, начатая ими когда-то во имя её

средневекового прошлого³⁶. Герой этого восстания - “дионисийский человек” явился воспоминанием о куда более древних временах с их сообществами и культурами, былом одиночувствием и слитностью со всем миром. Этот обуреваемый иррациональными влечениями человек во многом походил на образы, которые рисовались в немецкой литературе там, где речь шла о загадках “русской души”.

Рационалистическое “механистическое” мировоззрение Нового времени неизменно обвинялось романтиками в разъятии не только единой прежде картины мира, но и того органического народного сообщества, с которым связывались мечты об утраченном “золотом веке”. Уже поэтому “бунт против разума”, всё более определявший духовную ситуацию начала века, изначально был связан с подъёмом антилиберальных настроений и нёс в себе зёрна радикализма, которые дадут пышные всходы после первой мировой войны. В Германии, где ни рационализм, ни вырастающий на его почве либерализм и прежде не занимали сильных позиций, политизация романтического сознания принимала самые яркие формы и вела к наиболее разрушительным для них последствиям³⁷. Этот процесс перерастания этико-эстетической революции вильгельмовской эпохи в “консервативную революцию” веймарской поры часто протекал под лозунгом бегства от политики. Но на самом деле он означал вторжение в её сферу духа иррационализма, который до этого успел утвердиться в сознании как широких масс, так и элит.

Если влияние этого духа на развитие политического радикализма в Германии не всегда очевидно и нуждается в доказательстве, то его парализующее воздействие на силы, которые могли бы сопротивляться политическим мифам и противостоять радикальным движениям, кажется бесспорным³⁸. В любом случае примечательно, что по мере развития этих тенденций образ России начинал занимать всё более важное место не только в культурно-философских построениях немецких русофилов, но и в их политических утопиях³⁹. Произраставшие на удобренной “культуркритикой” духовной почве антилиберальные настроения были естественны для тех представителей разных наук и литературно-художественных течений, чья привязанность к русской культуре вырастала из неприязни к новоевропейскому рационализму. Эта неприязнь могла находить различное выражение, будь то скепсис Шелера, который видел во взлёте иррационализма процесс выздоровления, необходимый человечеству, “даже если он... поначалу далеко переходит все границы истины и права”, или проклятия Т. Лессинга, который считал рационалистическую культуру неизлечимой болезнью, несущей человечеству неизбежную смерть⁴⁰. Так же и их оппозиция либерализму могла иметь умеренный или радикальный характер. Но при всех нюансах воззрений немецких русофилов, их неизменной и сущностной чертой оставалось антизападничество, включавшее в себя элементы и культурного отторжения, и политической враждебности. Конечно, растущее презрение к общеевропейской, “западной” традиции с ее либерализмом и демократией, капитализмом и индивидуализмом, свободой и любыми формами интернационализма, было присуще в Германии не только поклонникам русской культуры⁴¹. Но именно в их кругу утверждение о том, что Европа кончается “к западу от Рейна”, получало раннее и наиболее развернутое обоснование.

Так, глубокое отвращение к Западу заставляло того же Мёллера и его соратников если не оспаривать принадлежность Германии к Европе, то рассматривать свою страну как “третью силу”, стоящую между Востоком и Западом. Но и в таком случае, к примеру, на страницах журнала “Die Tat”, настойчиво проводилась мысль о большей духовной близости Германии не к Западу с его индивидуализмом и капиталистическим духом наживы, а всё же к духовно богатому и вечно юному Востоку⁴². Наконец, даже те из консервативных публицистов, которые, подобно Шпенглеру, видели в Германии страну Запада, неизменно подчёркивали обречённость западной культуры, давно пережившей пору своего расцвета. Правда, не все в своём пессимизме разделяли со Шпенглером навеянную Достоевским мысль, что “именно русской культуре принадлежит следующее тысячелетие, тогда как время немецкого величия прошло”⁴³. В поисках “немецкого пути”

между Востоком и Западом чаще высказывалась надежда не только на возможность духовного “омоложения” Германии на Востоке, но и на исполнение здесь её великого исторического предназначения.

В этом, скорее всего, кроется объяснение той лёгкости, с которой консервативное русофильство перерастало в экспансионистские замыслы едва ли не всякий раз, когда речь заходила о конкретных формах предстоящей культурной смычки Германии и России. Вера в возможность исполнения этих замыслов была тем крепче, чем больше притягивали немецких почитателей русской культуры те из её действительных или мнимых свойств, которые свидетельствовали об отсталости России. Давно излюбленные немецкой публицистикой и историографией сюжеты - историческая пассивность русского народа и неоформленность его души, делавшие необходимым постоянное политическое владычество над ним иностранцев - приобретали в их сочинениях силу навязчивого мотива⁴⁴. Названные черты русского характера не только не исключали в их представлении духовного здоровья и богатства русского народа, но наоборот, служили их залогом. Но те же черты предполагали необходимость вносить порядок в царящий на Востоке и грозящий перекинуться на Запад хаос. Такой обустроивающий порядок могла здесь навести только Германия, призванная к исполнению великой миссии историей, географическим положением и способностями своего народа⁴⁵. В своём, как подчёркивал Мёллер, обязательно “мирном и дружественном” проникновении Германия должна будет дать выход застоявшимся силам немцев, а “юным” восточным народам подать пример и помощь при вхождении в европейское сообщество⁴⁶. Примечательно, что и сам Мёллер, и настроенный более воинственно Шпенглер, и многочисленные сторонники их взглядов были готовы опереться здесь на новейшие достижения нелюбимой ими цивилизации Запада и, более того, связать историческую судьбу своей родины с задачей их дальнейшего распространения.

Однако, усвоение духовного богатства Востока, которое виделось условием немецкого спасения, предполагало прежде всего борьбу с Западом вне Германии и “западниками” внутри её. Неизменно актуальный для немецкого сознания вопрос о месте Германии между Европой и Азией приобретал в связи с этим поистине судьбоносное значение. Обострявшаяся конфронтация с Западом и “импортированными” с него ценностями, казалось, нашла своё логическое разрешение в 1914 году, переместившись из духовной сферы в реальную военно-политическую плоскость. Происходившая в этих условиях политизация романтического сознания вела к возрождению немецкого консерватизма и постепенному оформлению в нём “молодых” и весьма радикальных течений. Именно им предстояло вдохнуть новую жизнь в традиционное антизападничество и русофильство, тесно увязав то и другое с вопросом о судьбе немецкого народа и его государства в грядущей эпохе.

Первая мировая война была воспринята большинством немецких русофилов как итог порочного развития Запада, начало его конца. Германия же представлялась им оплотом духовности, призванным не просто разгромить врагов, но исполнить приговор истории над цивилизацией, к которой они принадлежали. В разгар этой наполненной метафизическим смыслом борьбы с Западом немецкая консервативная элита могла видеть в России одновременно и военного противника, и потенциального духовного союзника. Жажда духовного очищения с помощью Востока, и раньше не исключавшая планов германской экспансии в этом направлении, теперь выливалась в желание если не мира с Россией, то победы над ней для высвобождения её же “исконной сущности”. В любом случае стремление оправдать участие Германии в войне и доказать её моральное превосходство над западным миром могло находить источник вдохновения не только в немецком, но и русском культурном наследии.

Одним из вдохновителей немецкого национализма в этой схватке пришлось стать и Достоевскому. Именно в годы войны в Германии начался взлет читательского интереса к его произведениям, которые издавались тогда сотысячными тиражами. С тех пор и до

середины 20-х гг. его имя вовлекалось здесь в кипение политических страстей чаще, чем в любой другой стране. Мысли писателя о “юных народах” и грядущем спасении ими Европы, о Германии как “вечно протестующей” против римского Запада стране и необходимости её духовного единения с Россией превращались здесь в пароли младоконсерваторов⁴⁷. Наиболее радикальные представители националистических кругов Германии могли также найти близкой себе и жизненную установку тех героев Достоевского, которые готовы были идти “до последнего предела” в своём протесте против ненавистной действительности. Писатель, обнаживший тёмные, таящие страсть к уничтожению глубины человеческой души, становился для них соблазнителем, дающим санкцию на разрушение “неподлинной” реальности, чтобы расчистить место для мира, всё более обретавшего черты тысячелетнего “германского Рейха”⁴⁸.

Война, рассмотренная в её духовном измерении, могла восприниматься в Германии как противостояние “культуры” и “цивилизации” (Т. Манн), наций - “героев” и “торговцев” (В. Зомбарт и М. Шелер), “юных” и “старых” народов (Мёллер), духа Азии и Европы (Ф. Бюргер) и т.д. Но в любом случае за этими оппозициями скрывалось общее противопоставление одухотворённого народного единства, которое, казалось, приобретало в Германии долгожданные черты реальности, и лишённого этой духовности разобщённого и пошлого европейского существования. В любом из этих случаев России могло достаться место по одну с Германией сторону незримого духовного фронта. Т. Манн, хотя и пересмотревший впоследствии некоторые свои взгляды на войну, сумел лучше других выразить то, что наполняло в эти годы интеллектуальную атмосферу Германии⁴⁹. Его “Размышления аполитичного”, отмеченные и антизападническим пафосом, и страстной любовью к русской культуре, и стремлением опереться на её авторитет при обосновании исторической миссии Германии, по праву названы “шедевром германского славянофильства”⁵⁰. Эта готовность к духовному “братанию” на Востоке тем более примечательна, если учесть, что тогда именно Германия, приняв на себя всю копившуюся в культурной среде России нелюбовь к Западу, сама служила для её культурной элиты воплощением его “безбожия” и “бездуховности”.

Финал войны, не оправдавшей надежд на возрождение “германского духа”, явился импульсом для нового взлёта немецкого мессианизма, возлагавшего теперь свои надежды не только на духовную “подпитку” с Востока, но и на вполне осязаемую, в том числе военную, поддержку со стороны советской России против Антанты⁵¹. Хотя этим планам, развивавшимся в консервативных кругах Германии после капитуляции на Западе, не было суждено сбыться, их интерес к России не ослаб и в годы Веймарской Республики. В его основе лежала, как и прежде, политическая и культурная враждебность к Западу, усиленная тяготами Версальского мира и послевоенной модернизации Германии.

¹ Марксистская расшифровка этого понятия как девиза исконно агрессивной немецкой “восточной политики” оспаривалась в немецкой историографии. Так, Х.-Х. Нольте вкладывал в него иной смысл: “духовное притяжение к Востоку”. См.: Nolte H.-H. “Drang nach Osten”. Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Köln, 1976.

² Определённый интерес к данной теме проявляли зарубежные историки, однако и ими она изучена фрагментарно. Примером одной из немногих обобщающих работ в этой области может служить книга П. Яна, посвящённая 30 - 40 гг. XIX века: Jahn P. Russophilie und Konservatismus. Die russophile Literatur in der deutschen Öffentlichkeit 1831-1852. Stuttgart, 1980. См. также попытку установить “русские” корни нацизма: Laqueur W. Russia and Germany. Hitler's Mentors. New-York, 1991. (Русский перевод: Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. New-York, б.г.)

³ См. напр. Jahn P. a.a.O. S. 1; Voigt G. Russland in der deutschen Geschichtsschreibung. 1843-1945. Berlin, 1994. S. 19 ff. usw.

⁴ См. напр. Gollwitzer H. Die Standesherrn. Die politische und gesellschaftliche Stellung der Medialisierten 1815-1918. Ein Beitrag zur deutschen Sozialgeschichte. Stuttgart, 1957. S. 214. В западной историографии высказывалось мнение и о том, что русофильство в Германии было свойственно не просто консервативным, а ультраконсервативным кругам (см. Jahn P. a.a.O. S. 3.).

⁵ См. Ebenda. S. 227; Voigt G. a.a.O. S. 31.

⁶ См. Masaryk Th. G. Zur Russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen. 2. Band. Jena, 1913. S. 510

⁷ См. напр. Лакер У. Указ. соч. С. 195; Schddekopf O.-E. Linke Leute von Rechts. Die Nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960. S. 27. Но в этот круг с самого начала входили и некоторые сторонники “прагматического” внешнеполитического курса в военных и дипломатических кругах, не забывших опыта совместной борьбы против Наполеона, а также соответствующих “пруссских” высказываний Бисмарка. Сторонниками такой “восточной ориентации” были граф Э. цу Ревентлов, изложивший свои взгляды в книге, выдержавшей в годы войны семь изданий и очень популярной в националистических кругах Германии (Graf zu Reventlov E. Deutschlands auswärtige Politik 1888-1913. Berlin, 1914.), профессор и автор передовиц в консервативной “Kreuz-Zeitung” О. Хётч, адмирал и госсекретарь МИД П. фон Хингце и др. (См. Dupeux L. “Nationalbolschevismus” in Deutschland 1919-1933. Kommunistische Strategie und konservative Dynamik. Frankfurt a.M., 1985. S. 30-31.)

⁸ Помимо сказанного, следует учитывать общее для этого поколения консерваторов недоверие к политическим партиям как атрибутам либеральной демократии и сознательное уклонение от членства в них.

⁹ О множественности немецких понятий “Восток” и “восточная ориентация” см. подробнее: Dupeux L.a.a.O. S. 30-34; Hecker H. “Die Tat” und ihr Osteuropa-Bild 1909-1939. Köln, 1974. S. 25; Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932. Ein Handbuch. Darmstadt, 1972. S. 147; Ср. также: “Даже не соприкасаясь с Германией... Россия, всё же, означает для неё Восток.” (Generaloberst von Seckt. Deutschland zwischen West und Ost. Hamburg, 1940. S. 35.)

¹⁰ О слабой изученности в отечественном общественном сознании консерватизма именно как ценностной системы см.: Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы “круглого стола”) // Полис. 1995. № 4. С. 34-35, 51. Можно согласиться с А. Дугиным, претендующим на роль духовного вождя отечественных “революционных консерваторов”, заметившим, что обязательной русофилии его немецких предтеч почти никто не дал исчерпывающего объяснения (Дугин А. Консервативная революция. М., 1994. С.12). Однако, и сам автор не делает специальных попыток в этом направлении. Насколько адекватно он представляет эту проблему, можно судить по его попытке изобразить Ваффен-СС (фронтовые соединения, численность которых достигала к концу войны около одного миллиона человек) в качестве “оазиса”, в котором “концепции Консервативной Революции продолжали развиваться... без каких-либо искажений” (С. 24-25), умолчав при этом о тех миллионах жизней, которыми были оплачены “интеллектуально-научные” изыскания СС.

¹¹ Ср. Jahn P. a.a.O. S. 169.

¹² Ebenda. S. 228,

¹³ См. Дудкин В.В. Достоевский в немецкой критике (1882-1925) // Достоевский в зарубежных литературах. М., 1978. С. 176.

¹⁴ Там же. С. 188.

¹⁵ Ср. Kampmann Th. Dostojewski in Deutschland. Mynster, 1931. S. 8-9; 33-35.

¹⁶ Der Lesezirkel, 2. Jg. 1917/1918, S. 119.

¹⁷ Kampmann Th. a.a.O. S. 217. Другой немецкий исследователь творчества Достоевского, К. Праксмарер, отмечал, что именно благодаря своей классике русский народ стал “участником европейской культуры”. В то же время он соглашался с Масариком, что изучение Достоевского “открывает нам современную русскую душу” (Praxmarer K. Idee und Wirklichkeit. Dostojewskij, Rußland und wir. Berlin, 1923. S. 21.).

¹⁸ См. подробнее: Schddekopf O.-E. a.a.O. S. 30-35. Тема “Достоевский в Германии” находила отражение в отечественной литературе. См напр.: Дудкин В.В. Указ. соч.; Фридлиндер Г.М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX века. // Там же. С. 117-219; Березина А.Г. Ф.М. Достоевский в восприятии Г. Гессе. // Там же. С. 220-239. При всём богатстве содержания указанные работы отличаются относительно слабым интересом именно к “мистической” стороне творчества Достоевского, наиболее привлекательной для западной публики в XX веке.

¹⁹ См. Dietert F. Der Russenkultus in der deutschen Literatur // Monatsblätter für deutsche Literatur. Jg. 7. (1902/1903). S. 161 ff. Под влиянием Достоевского О. Шпенглер начал учить русский язык (См. Felken D. Oswald Spengler. Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988. S. 202.). Р. Штейнер, внёсший, кстати, свой вклад в издание произведений Достоевского на немецком языке, провозгласил русский “главным языком” антропософии и завёл сохранившуюся до сих пор традицию преподавания его в антропософских школах. Х. Моргенштерн писал в “Дневнике мистика” о потрясении, которое он испытал от знакомства с Достоевским, а позже - о своём предчувствии, что русский станет когда-нибудь и его родным языком (см. Schddekopf O.-E. a.a.O. S. 407.).

²⁰ Vgl. Dostojewski F.M. sämtliche Werke. Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkovski, Dmitri Philosophoff und Anderen herausgegeben von A. Moeller van den Bruck. Bd. 1-23. München und Leipzig. K.Piper & Co. 1906-1919.

²¹ Примечательно, что само понятие “консервативной революции”, предтечей которой в Германии стал А. Мёллер ван ден Брук, зародившись в России, вошло в немецкий политический лексикон именно благодаря Достоевскому. (См. Dostojewski F.M. a.a.O. Einleitung von A. Moeller van den Bruck in Bd. 5. München, 1907. S. XVII.)

²² См. Ebenda. Einführung von A. Moeller van den Bruck in Bd. 3/4. München, 1909.

²³ Сплачивающей силы исторического христианства, лишь “символизирующего” такую общность, но не создающего её в пределах земной истории, в этом случае оказывается недостаточно. Недаром взоры немецких поклонников русской духовности так часто были обращены к чуждым христианству мистическим традициям языческой древности и Востока, знатоками которых многие из них по праву считались.

²⁴ Dostojewski F.M. a.a.O. Einleitung von A. Moeller van den Bruck in Bd. 20. München, 1907. S. XVIII.

²⁵ См. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.2. Л., 1991. С. 239.

²⁶ См. Dostojewski F.M. a.a.O. Einleitung von A. Moeller van den Bruck in Bd. 1. München, 1908. S. XV-XVII; Ebenda. Bd. 5. München, 1907. S. VII.

²⁷ Dostojewski F.M. a.a.O. Einleitung von A. Moeller van den Bruck in Bd. 9. München, 1908. S. XIII.

²⁸ См. Ebenda. Bd. 5. S. XII - XIV; Bd. 20. S. XVIII. О соблазнительной возможности такого прочтения см. Onasch K. Dostojewski als Verföhrrer. Christentum und Kunst in der Dichtung Dostojewskis. Ein Versuch. Zürich, 1961.

²⁹ См. напр. Lessing Th. Untergang der Erde am Geist. (Europa und Asien). Hannover, 1924. S. 445-448; Naumann H. RuЯland in Rilkes Welt. Rheinfelden, 1993. S. 76-78; Spengler O. Briefe 1913-1936. München, 1963. S. 45, 55. В случае со Шпенглером также не обошлось без влияния Достоевского, которого тот ценил как мистика. О путешествиях в Россию молодого Г. Кайзерлинга и его “русских” впечатлениях см. Современный Запад. Журнал литературы, науки и искусства. Пб., 1922. кн. 1. С. 154.

³⁰ Masaryk Th. G. a.a.O. Bd. 1. S. 7.

³¹ См. Dostojewski F. M. a.a.O. Einleitung von A. Moeller van den Bruck in Bd. 1. S. XV, XVIII. Восприятие русской литературы Мёллером органично вписывается в картину исторического круговорота, присущую романтически окрашенному сознанию консерватора: “Смысл сегодняшней и завтрашней жизни, который по большому счёту является лишь повторенным смыслом жизни вчерашней и позавчерашней, нигде не обоснован великолепнее, чем в трудах центрального гения русской литературы - Достоевского” (Ebenda. S. XIX.).

³² См. подробнее: Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Избранные произведения. М., 1994. С. 111.

³³ См. напр: Belentschikov V. RuЯland und die deutschen Expressionisten. Dissertationsschrift für Erlangung des Doktorgrades. Frankfurt a.M., 1990; Rilke und RuЯland. Frankfurt a.M., 1984; Keyserling R. Vom japanischem Meer zum Ural. Eine Wanderung durch Sibirien. Breslau, 1898; Барлах Э. Рассказанная жизнь // Мастера искусства об искусстве. В 7 т. Т. 5, кн. 2. М., 1969. С. 84-86. (Barlach E. Ein selbsterzähltes Leben. Berlin, 1928.)

³⁴ См. напр. Dostojewski F.V. a.a.O. Einleitung von A. Moeller van den Bruck in Bd. 5. S. VII; Высказывания М. Шелера о русском характере с явным сочувствием цитирует немецкий художник и искусствовед Ф. Бургер, добавляющий к ним немало собственных русофильских высказываний: Burger Fr. Einführung in die moderne Kunst. Berlin, 1917. S. 51. Возможно, и здесь сказалось провоцирующее воздействие Достоевского, чьи герои (как и сам автор) нередко были готовы “дать пинка здравому смыслу”.

³⁵ Об этих “панромантических” настроениях, осязаемых в Европе и прежде всего в Германии ещё до первой мировой войны, но особенно пышно расцветавших после нее см: Шелер М. Избранные произведения. М., С. 86-93, 110-129. Философ, не игнорировавший полностью опасности их взлёта, всё же, готов был видеть в них начало движения к “новому распределению совокупной энергии человека между корой головного мозга и всем остальным организмом”. Иную, резко негативную оценку этой “критике эпохи” дал Т. Манн, писавший в 1930 году в своём “Воззвании к разуму” о новом душевном настрое, выраженном художественно в экспрессионистском крике души, а философски - в отказе от веры в “убивающий жизнь” разум и почитании как “единственной жизненной правды всего, что противостоит ему в тёмных глубинах души и в матерински-хтоническом” (см. Mann Th. Deutsche Ansprache. Ein Appel an die Vernunft // ders. Gesammelte Werke. Bd. XI: Reden und Aufsätze. Frankfurt a.M. 1960. S. 870-890.).

³⁶ В качестве одного из примеров неприязни старых романтиков к новоевропейской традиции можно привести диагноз эпохи, с удовлетворением поставленный Л. Тиком в 1812 г.: “Экономическая лихорадка, увлечение мелочными ухищрениями, обожествление новейшего времени уже почти исчезли, более высокое стремление обратило наши обострённые взоры в прошлое...” Здесь же он говорил о необходимости возрождения старинной немецкой литературы, поскольку влияние древних сказаний и образа мыслей даст немцам “бесконечное преимущество” перед другими нациями.(Тик Л. О немецких народных книгах // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 119).

³⁷ Эта тема обстоятельно изучена в немецкой историографии. См. напр: Stern Fr. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. Bern, 1963; Rudolph H. Kulturkritik und konservative Revolution. Tübingen, 1971. S. 263; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1983. S. 50, 56.

³⁸ См. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Феномен человека. Антология. М., 1993. С. 120; Арендт Х. Временный союз черни и элиты // Иностранная литература. 1990. №4. С. 247; Sontheimer K. a.a.O. S. 13.

³⁹ См. напр: Hecker H. Op. cit.

⁴⁰ Шелер М. Избранные произведения. С. 111-112. Книга Т. Лессинга с характерным названием “Проклятая культура” (Lessing T. Die verflöchte Kultur. Мюнхен, 1921.) может считаться классическим манифестом “культуркритики”.

⁴¹ Ф. Хайек, один из первых обратил внимание на прямую связь антизападнических, антибуржуазных настроений, которые захлестнули Германию в первой трети XX века, с идеологией нацизма (Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10, 11, 12). В них он видел выражение старой мечты об органической народной общности (“Volksgemeinschaft”), достигаемой с помощью всеобщей организации и планирования (Там же, № 12. С. 110-117).

⁴² Vgl. Hecker H. a.a.O. S. 23-25.

⁴³ Spengler O. a.a.O. S. 38, 45. 55.

⁴⁴ См. напр. Moeller van den Bruck A. Das Recht der jungen Völkер. Мюнхен, 1919. S. 102

⁴⁵ Adam R. Moeller van den Bruck. Königsberg, 1933. S. 11.

⁴⁶ Ebenda.

⁴⁷ Vgl. z.B. Groth D. Rußland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961. S. 308. Слова из знаменитой “Пушкинской речи” Достоевского (“О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!...”) вряд ли могут служить доказательством любви писателя к современной ему европейской культуре. Заявляя о русской миссии духовного спасения Европы, он в то же время не скрывал своей мечты увидеть, как богатство и “гражданское основание всех европейских наций... может быть, завтра же рухнет на веки веков” (Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Русская идея. М., 1992. С. 132-13). Отношение Достоевского к Европе верно понял Мережковский (“если это и любовь, то от такой любви не поздоровится!”). См. Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 320. Более того, Достоевский не исключал и военного союза с Германией, которая уничтожит “крайне-западный мир Европы для господства на всём Западе” (Цит. по: Гроссман Л. Творчество Достоевского. М., 1928. С. 201-205). Следует иметь в виду, что известная примесь страха перед “восточным колоссом” постоянно окрашивала настроения не только германской русофобии, но и русофильства. Тем более благожелательный приём должно было встретить здесь творчество писателя, чьи слова о духовной общности русских и немцев доносились сюда с Востока.

⁴⁸ Vgl. Schäddekopf O.-E. a.a.O. S. 32. Такое прочтение Достоевского в Германии напоминает о стремлении русских почитателей Ницше видеть в его нравственном экстремизме особую форму благочестия.

⁴⁹ См. Mann Th. Betrachtungen eines Unpolitischen. Berlin, 1959.

⁵⁰ См. Парамонов Б. Шедевр германского “славянофильства”. О “Размышлениях аполитичного” Томаса Манна // Звезда. 1990. № 12. С. 152-158.

⁵¹ Эта интересная, но неизученная в России проблема рассматривалась в западной историографии. См. напр. Dupreux L. a.a.O. S. 33 ff.

Опубликовано: Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки. 1997. № 1. Воронеж, Изд-во ВГУ, 1997. – С. 36-51.

Фридрих Август фон Хайек. Социалистические корни национал-социализма.

*Все антилиберальные силы объединяются против всего либерального.
А. Меллер ван ден Брук*

Существует распространенное заблуждение, что национал-социализм – это просто бунт против разума, иррациональное движение, не имеющее интеллектуальных корней. Будь это на самом деле так, движение это не таило бы в себе столько опасности. Однако такая точка зрения не имеет под собой никаких оснований. Доктрина национал-социализма является кульминационной точкой длительного процесса развития идей, в котором участвовали мыслители, известные не только в Германии, но и далеко за ее пределами. И что бы мы ни говорили сегодня об исходных посылах этого направления, никто не станет отрицать, что у истоков его стояли действительно серьезные авторы, оказавшие большое влияние на развитие европейской мысли. Свою систему они строили жестко и последовательно. Приняв ее исходные посылы, уже невозможно свернуть в сторону, избежать неумолимой логики дальнейших выводов. Это чистый коллективизм, свободный от малейшего налета индивидуалистской традиции, которая могла бы помешать его осуществлению.

Наибольший вклад, безусловно, внесли в этот процесс немецкие мыслители, хотя они отнюдь не были на этом пути одиноки. Томас Карлейль и Хьюстон Стюарт Чемберлен, Огюст Конт и Жорж Сорель не уступают в этом отношении ни одному из немцев. Эволюцию этих идей в самой Германии хорошо проследил Р.Д. Батлер в опубликованном недавно исследовании "Корни национал-социализма". Как можно заключить из этой книги, на протяжении ста пятидесяти лет это направление периодически возрождалось, демонстрируя поразительную и зловещую живучесть. Однако до 1914 г. значение его было невелико: оно оставалось одним из многих направлений мысли в стране, отличавшейся тогда, быть может, самым большим в мире разнообразием философских идей. Этих взглядов придерживалось незначительное меньшинство, а у большинства немцев они вызывали не меньшее презрение, чем у всех остальных народов.

Почему же эти убеждения реакционного меньшинства получили в конечном счете поддержку большинства жителей Германии и практически целиком захватили умы ее молодого поколения? Причины этого нельзя сводить только к поражению в войне и сложностям послевоенной жизни, к последовавшему за этим росту национализма и уж тем более (как этого хотели бы многие) к капиталистической реакции на наступление социализма. Наоборот, как раз поддержка со стороны социалистов и привела сторонников этих идей к власти. И не при помощи буржуазии они получили власть, а скорее в силу отсутствия крепкой буржуазии.

Идеи, которые в последнем поколении вышли на передний план в политической жизни Германии, противостояли не социализму в марксизме, а содержащимся в нем либеральным элементам – интернационализму и демократии. И по мере того как становилось все более очевидно, что эти элементы мешают осуществлению социализма, левые социалисты постепенно смыкались с правыми. В результате возник союз левых и правых антикапиталистических сил, своеобразный сплав радикального и консервативного социализма, который и искоренил в Германии все проявления либерализма.

Социализм в Германии был с самого начала тесно связан с национализмом. Характерно, что наиболее значительные предшественники национал-социализма – Фихте, Родбертус и Лассаль – являются в то же время признанными отцами социализма. Пока в немецком рабочем движении широко использовался теоретический социализм в его марксистской версии, авторитарные и националистические концепции находились в тени. Но это продолжалось недолго. [Да и то лишь отчасти, если в 1892 г. один из лидеров социал-демократической партии Август Бебель мог сказать Бисмарку: "Имперский канцлер может не сомневаться, что немецкая социал-демократия – это что-то вроде подготовительной школы милитаризма!"] Начиная с 1914 г. из рядов марксистов один за другим стали выдвигаться проповедники, обращавшие в национал-социалистическую веру уже не консерваторов и реакционеров, а рабочих и идеалистически настроенную молодежь. И только после этого волна национал-социализма, достигнув своего апогея, привела к появлению гитлеризма. Военная истерия, от которой побежденная Германия так полностью и не излечилась, стала отправной точкой современного движения, породившего национал-социализм, причем огромную помощь оказали в этом социалисты.

Первым и, пожалуй, наиболее характерным представителем этого направления является покойный профессор Вернер Зомбарт, чья нашумевшая книга "Торгаши и герои" вышла в свет в 1915 г. Зомбарт начинал как социалист-марксист и еще в 1909г. мог с гордостью утверждать, что большую часть своей жизни он посвятил борьбе за идеи Карла Маркса. Он действительно, как никто другой, способствовал распространению в Германии социалистических и антикапиталистических идей. И если марксистская мысль пронизывала тогда всю интеллектуальную атмосферу этой страны (в гораздо большей степени, чем это было в других странах, кроме разве что послереволюционной России), то это была во многом его заслуга. Зомбарт считался выдающимся представителем преследуемой социалистической интеллигенции и из-за своих радикальных взглядов не мог получить кафедру в университете. И даже после войны как в Германии, так и за ее

пределами влияние его исторических исследований (в которых он оставался марксистом, перестав быть марксистом в политике) было очень заметным. Оно, в частности, прослеживается в работах английских и американских сторонников планирования.

Так вот, этот заслуженный социалист приветствует в своей книге "Германскую войну", которая является, по его мнению, неизбежным выражением конфликта между коммерческим духом английской цивилизации и героической культурой Германии. Его презрение к "торгашеству" англичан, начисто утративших военный дух, поистине не знает границ, ибо нет ничего более постыдного, чем стремление к индивидуальному благополучию. Главный, как он считает, принцип английской морали – "да будет у тебя все благополучно и да продлятся твои дни на земле" – является "самым отвратительным из принципов, порожденных духом коммерции". В соответствии с "немецкой идеей государственности", восходящей еще к Фихте, Лассалю и Родбертусу, государство основано и сформировано не индивидами, не является совокупностью индивидов и цель его вовсе не в том, чтобы служить интересам личности. Это Volksgemeinschaft – "национальная общность", в рамках которой у личности нет прав, но есть только обязанности. А всякие притязания личности – лишь проявление торгашеского духа. "Идеи 1789 г." – Свобода, равенство, братство – это торгашеские идеалы, единственная цель которых – дать преимущества частным лицам.

До 1914 г., рассуждает далее Зомбарт, подлинно германские героические идеалы находились в небрежении и опасности, исходившей от английских коммерческих идеалов, английского образа жизни и английского спорта. Англичане не только сами окончательно разложились, так что каждый профсоюзный деятель по горло увяз в трясине комфортабельной жизни, но и начали заражать другие народы. Только война напомнила немцам, что они являются нацией воинов, народом, вся деятельность которого (в особенности экономическая) связана в конечном счете с военными целями. Зомбарт знает, что другие народы презирают немцев за культ милитаризма, но сам он этим гордится. Только коммерческое сознание могло счесть войну бесчеловечным и бессмысленным предприятием. Есть жизнь более высокая, чем жизнь личности, и это жизнь нации и государства. А предназначение индивида – приносить себя в жертву этим высшим ценностям. Таким образом, война – воплощение героической жизни, а война против Англии – это война с ненавистным коммерческим идеалом, идеалом личной свободы и комфорта, символизируемого, по Зомбарту, безопасными бритвами, которые немецкие солдаты находили в английских окопах.

* * *

Если неистовые выпады Зомбарта выглядели тогда чересчур напористыми даже для большинства немцев, то рассуждения другого немецкого профессора, точно такие же по смыслу, но более мягкие и академичные по форме, оказались поэтому и более приемлемыми. Иоганн Пленге был столь же авторитетным марксистом как и Зомбарт. Его книга "Маркс и Гегель" положила начало гегельянскому ренессансу среди ученых-марксистов. И нет никаких сомнений, что он начинал свою деятельность как самый настоящий социалист. Из многочисленных его публикаций военного времени наиболее важной является, пожалуй, небольшая, но получившая широкий резонанс книжка с примечательным заголовком "1789 и 1914: символические годы в истории политической мысли". В ней разбирается конфликт между "идеями 1789-го", т.е. идеалом свободы, и "идеями 1914-го", т.е. идеалом организации.

Для Пленге, как и для большинства социалистов, черпающих свои идеалы из приложения технических представлений к проблемам общественной жизни, организация составляет сущность социализма. Как он совершенно справедливо отмечает, идея организации была исходным пунктом социалистического движения, зародившегося во Франции в начале XVIII в. Маркс и марксисты предали эту идею, променяв ее на абстрактную и беспочвенную идею свободы. И только теперь мы вновь наблюдаем возврат к идее организации, причем повсюду, о чем свидетельствуют, например, труды

Герберта Уэллса, которого он характеризует как одного из выдающихся деятелей современного социализма. (Книга Г. Уэллса "Будущее в Америке" оказала большое влияние на Пленге.) Но более всего идея эта расцвела в Германии, где ее смогли наилучшим образом понять и применить. Война Англии и Германии является, следовательно, войной между двумя противоположными принципами. Это "экономическая мировая война" – третья фаза великой духовной битвы современной истории, стоящая на одном уровне с Реформацией и буржуазной революцией, принесшей идеалы свободы. Исход этой борьбы предрешен: в ней победят новые, восходящие силы, рожденные в горниле экономического прогресса XIX столетия. Это социализм и организация.

"Поскольку в идеологической сфере Германия была наиболее последовательным сторонником социалистической мечты, – пишет Пленге, – а в сфере реальности – сильнейшим архитектором высокоорганизованной экономической системы, двадцатый век – это мы. Как бы ни закончилась война, мы будем служить образцом для других народов. Нашими идеями будет руководствоваться все человечество. Сегодня на сцене Всемирной Истории разыгрывается колоссальное действие: с нами побеждает и входит в жизнь новый всемирно-исторический идеал, а в Англии одновременно рушится ветхий принцип, который повсеместно господствовал ранее".

Военная экономика, созданная в Германии в 1914 г., – "первый опыт построения социализма, ибо ее дух – активный, а не потребительский – это подлинный социалистический дух. Требования военного времени привели к установлению социалистического принципа в экономической жизни, а необходимость обороны страны подарила миру идею немецкой организации, национальной общности, национального социализма ... Мы даже не заметили, как вся наша политическая жизнь в государстве и в промышленности поднялась на более высокий уровень. Государство и экономика образуют теперь совершенно новое единство ... Чувство экономической ответственности, характерное для работы государственного служащего, пронизывает теперь все виды частной деятельности". Это новое, истинно германское корпоративное устройство экономической жизни (которое Пленге считает, впрочем, еще не полностью созревшим) "есть высшая форма жизни государства, когда-либо существовавшая на Земле".

Вначале профессор Пленге еще надеялся примирить идеал свободы с идеалом организации путем полного, хотя и добровольного, подчинения индивида обществу. Но вскоре всякие остатки либерализма исчезают из его трудов. К 1918 г. принцип единства социализма и политического насилия прояснился для него окончательно. Вот что он писал в социалистическом журнале "Die Glocke" незадолго до конца войны: "Пора признать, что социализм должен проводиться с позиций силы, поскольку он равнозначен организации. Социализму надлежит завоевывать власть, а не слепо ее разрушать. И когда в мире идет война между народами, самым важным, по сути решающим для социализма является вопрос: какая из наций более всех предрасположена к власти, какая из них может служить примером и организатором для других?"

А далее следует тезис, послуживший позднее для обоснования Гитлером идеи Нового Порядка. "Разве не является с точки зрения социализма, который тождествен организации, право наций на самоопределение правом на индивидуалистическую экономическую анархию? Хотим ли мы предоставить индивиду полное право на самоопределение в экономической жизни? Последовательный социализм может давать людям право объединяться только в соответствии с реальной, исторически детерминированной расстановкой сил".

* * *

Идеалы, так ясно выраженные Пленге, были особенно популярны в определенных кругах немецких ученых и инженеров, призывавших к всесторонней плановой организации общественной жизни, как это теперь делают их английские и американские коллеги. Лидером этого движения был знаменитый химик Вильгельм Оствальд, одно из

высказываний которого получило большую известность. Рассказывают, что он публично заявил, что "Германия хочет организовать Европу, в которой до сих пор еще отсутствует организация. Я открою вам величайший секрет Германии: мы, то есть вся германская нация, обнаружили значение принципа организации. И пока все остальные народы прозябают при индивидуалистическом режиме, мы живем уже в режиме организации".

Очень похожие идеи высказывались в кругах, близких к немецкому сырьевому диктатору Вальтеру Ратенау. Хотя он, возможно, и содрогнулся бы, поняв, куда заведет страну тоталитарная экономика, но, рассматривая историю зарождения нацистских идей, нельзя пройти мимо его мыслей, ибо его труды оказали наибольшее влияние на экономические воззрения того поколения немцев, которое сформировалось во время и сразу после войны. А некоторые из его ближайших сотрудников позднее составили костяк геринговского Управления пятилетнего плана. Близким по смыслу и значению были и рассуждения еще одного бывшего марксиста – Фридриха Науманна: его книга "Центральная Европа" была, наверное, самым популярным произведением времен войны. [Хорошее изложение взглядов Науманна, не менее точно выражающих специфически немецкое сочетание социализма с империализмом, чем цитаты, которые мы приводим в тексте, можно найти в: Butler R.D. The Roots of National Socialism. 1941. P. 203-209.]

Но честь развить эти идеи с наибольшей полнотой и добиться их повсеместного распространения выпала на долю представителя левого крыла социал-демократической партии в Рейхстаге Пауля Ленша. Уже в своих первых книгах Ленш изобразил войну как "поспешное отступление английской буржуазии перед натиском социализма" и объяснил, насколько различаются между собой социалистический идеал свободы и соответствующий английский идеал. Но лишь в третьей из опубликованных им книг, озаглавленной "Три года мировой революции", его идеи, не без влияния Пленге, расцвели пышным цветом. [Английский перевод этой книги был опубликован еще во время войны каким-то весьма дальновидным человеком: Lensch Paul. Three Years of World Revolution. With preface by J.E.M. London, 1918.] Аргументы Ленша основаны на интересном и во многих отношениях точном историческом анализе последствий проводившейся в Германии Бисмарком политики протекционизма. Политика эта привела к такой концентрации и картелизации производства, которая для марксиста Ленша выглядит как высшая стадия индустриального развития.

"В результате решений, принятых Бисмарком в 1879 г., Германия ступила на путь революционного развития, т.е. стала единственным в мире государством, обладающим столь высокой и прогрессивной экономической системой. Поэтому в происходящей ныне Мировой Революции Германия является представителем революционных сил, а ее главный противник, Англия, - сил контрреволюционных. Мы можем таким образом убедиться, что государственный строй, будь то либеральный и республиканский или монархический и автократический, очень мало влияет на то, является ли в исторической перспективе та или иная страна свободной. Иначе говоря, наши представления о свободе, демократии и т.д. ведут свое происхождение от английского индивидуализма, в соответствии с которым свободной считается страна со слабым правительством, а всякое ограничение свободы личности расценивается как автократия и милитаризм".

В Германии, которая "в силу своего исторического предназначения" должна была явить другим странам образец нового экономического устройства, "были заранее созданы все условия, необходимые для победы социализма. Поэтому задачей всех социалистических партий является поддержка Германии в борьбе с ее врагами, чтобы она могла выполнить свою историческую миссию и революционизировать весь мир. Война стран Антанты против Германии напоминает попытки низших слоев буржуазии в докапиталистический период остановить упадок своего класса".

Организация капитала, пишет далее Ленш, "начавшаяся неосознанно еще в довоенный период, а во время войны продолженная вполне целенаправленно, будет проводиться после войны на систематической основе, причем не просто из любви к организации и не

потому, что социализм получил признание как высший принцип общественного устройства. Классы, которые являются сегодня на деле пионерами социализма, в теории считаются или еще недавно считались его заклятыми противниками. Социализм наступает и в какой-то мере уже наступил потому, что мы больше не можем без него существовать".

Этой тенденции сегодня противятся только либералы. "Люди, составляющие этот класс, бессознательно ориентируются на английские стандарты. К ним можно отнести всю немецкую просвещенную буржуазию. Их политический словарь, включающий такие термины, как "свобода", "права человека", "конституция", "парламентаризм", выражает индивидуалистское либеральное мировоззрение, английское по своему происхождению, взятое на вооружение в Германии буржуазными деятелями в 50-е, 60-е и 70-е годы XIX в. Но эти понятия безнадежно устарели, как и в целом либерализм, падение которого ускорила нынешняя война. От этого наследия теперь надлежит избавиться, чтобы обратиться всецело к разработке новых понятий Государства и Общества. Социализм является в этом смысле сознательной и определенной альтернативой индивидуализму. Сегодня уже нельзя закрывать глаза на тот факт, что в так называемой "реакционной" Германии рабочий класс завоевал себе гораздо более прочные позиции в государстве, чем в Англии или во Франции".

Выводы, к которым приходит Ленш, заслуживают самого пристального внимания, ибо являются во многих отношениях очень точными. "Поскольку социал-демократы заняли благодаря всеобщему избирательному праву все возможные места в Рейхстаге, в муниципальных советах, в арбитраже и в судах, в системе социального обеспечения и т.д., они очень глубоко проникли в государственный организм. Но за это пришлось заплатить тем, что государство, в свою очередь, стало оказывать огромное влияние на трудящихся. В результате усилий, предпринимаемых социалистами на протяжении вот уже пятидесяти лет, государство очень изменилось по сравнению с 1867 г., когда было впервые введено всеобщее избирательное право. Но соответственно изменилась и социал-демократия. Можно утверждать, что государство подверглось процессу социализации, а социал-демократия – процессу национализации".

* * *

Идеи Пленге и Ленша проложили дорогу для уже непосредственных творцов национал-социализма, таких, как – назовем лишь два наиболее известных имени -- Освальд Шпенглер и Артур Меллер ван ден Брук. [То же самое можно сказать и о многих, других интеллектуальных лидерах, принадлежавших к поколению, породившему нацизм, таких, как Отмар Шпанн, Ганс Фрейер, Карл Шмитт или Эрнст Юнгер. Об их взглядах см.: Kolnai Aurel. The War against the West, 1938. Эта работа имеет только тот недостаток, что, ограничившись послевоенным периодом, когда эти идеи уже были подхвачены националистами, автор упустил из виду их подлинных творцов – социалистов.] Можно спорить, в какой степени является социалистом Шпенглер, но совершенно очевидно, что его работа "Пруссачество и социализм", опубликованная в 1920 г., выражает идеи, владевшие в то время умами немецких социалистов. Чтобы в этом убедиться, достаточно нескольких извлечений. "Старый прусский дух и социалистические убеждения, которые сегодня враждуют между собой, как могут враждовать только братья, являются совершенно тождественными". Представители Западной цивилизации в Германии – немецкие либералы – это "незримая английская армия, оставленная Наполеоном на немецкой земле после битвы при Йене". Все либеральные реформаторы, такие, как Харденберг или Гумбольдт, были для Шпенглера "англичанами". Но "английский дух" будет изгнан германской революцией, начавшейся в 1914 г.

"Три последние нации Запада стремились к трем формам существования, выраженным в знаменитых лозунгах Свобода, Равенство, Братство. В формах политического устройства они проявлялись как либеральный парламентаризм, социальная демократия и авторитарный социализм. [Эта формула Шпенглера воспроизводится в часто цитируемом высказывании Шмитта, ведущего нацистского эксперта по конституционному праву. Он

утверждал, что эволюция государства проходит через "три последовательные диалектические стадии – от абсолютистской стадии XVII - XVIII вв., через нейтральную либеральную стадию XIX в., к тоталитарной стадии, на которой государство полностью совпадает с обществом" (Schmitt C. Der Huter der Verfassung. Tubingen. 1931. P. 79).] ... Немецкий, а точнее прусский дух наделяет властью целое ... Каждому отведено свое место. Человек руководит либо подчиняется. Таков, начиная с XVIII в., авторитарный социализм – течение антилиберальное и антидемократическое, если иметь в виду английский либерализм и французскую демократию ... Многие вызывает ненависть или пользуется дурной репутацией в Германии, но только либерализм вызывает презрение на немецкой земле.

Структура английской нации основана на разграничении богатых и бедных, прусской – на разграничении руководящих и подчиненных. Соответственно совершенно по-разному проходят в этих странах водоразделы между классами".

Отметив принципиальные различия между английской конкурентной системой и прусской системой "управления экономикой" и показав (сознательно следуя выкладкам Ленша), как, начиная с Бисмарка, целенаправленная организация экономической деятельности постепенно приобретала социалистические формы, Шпенглер далее пишет следующее. "В Пруссии существовало подлинное государство в самом высоком смысле этого слова. Там не было частных лиц. Всякий человек, живший внутри этой системы, которая работала с точностью часового механизма, выполнял в ней какую-то функцию. Поэтому управление делами общества не могло находиться в руках частных лиц, как того требует парламентаризм. Это была государственная служба, и всякий ответственный политик всегда был слугой целого".

"Прусская идея" предполагает, что каждый должен быть официальным лицом, находящимся на жалованье у государства. В частности, управление любой собственностью осуществляют только государственные уполномоченные. Тем самым государство будущего – это государство чиновников. Но есть "критический вопрос, и не только для Германии, но и для всего мира, и Германии предстоит решить его для всего мира: станет ли в будущем торговля управлять государством или государство – торговлей? В решении этого вопроса пруссачество и социализм совпадают ... Пруссачество и социализм борются с Англией – Англией среди нас".

Апостолу национал-социализма Меллеру ван ден Бруку оставалось после этого сделать только один шаг, объявив первую мировую войну войной между либерализмом и социализмом. "Мы проиграли войну с Западом: социализм потерпел поражение от либерализма". [Moeller van den Brock A. Socialismus und Aussenpolitik, 1933. P. 87, 90, 100 Статьи, собранные в этом сборнике, в частности статья "Ленин и Кейнс", где этот тезис обосновывается более подробно, были впервые опубликованы между 1919 и 1923 гг.] Для него, как и для Шпенглера, либерализм является врагом номер один. Меллер ван ден Брук с гордостью заявляет, что "в сегодняшней Германии нет либералов. Есть молодые революционеры, есть молодые консерваторы. Но кому сейчас придет в голову быть либералом? Либерализм – это философия, от которой немецкая молодежь отворачивается с презрением, с гневом, с характерной усмешкой, ибо нет ничего более чуждого, более отвратительного, более противного ее умунастроениям. Молодежь Германии видит в либерализме своего главного врага".

"Третий Рейх" Меллера ван ден Брука обещал принести немцам социализм, приспособленный к характеру германской нации и очищенный от западных либеральных идей. Так оно, собственно, и случилось.

Эти авторы не были одиноки: они двигались в общем потоке идей, захвативших Германию. Еще в 1922 г. беспристрастный наблюдатель с удивлением отмечал, что в этой стране "многие считают борьбу с капитализмом продолжением войны с Антантой, перенесенной в область духа и экономической организации, и рассматривают это как путь к практическому социализму, который позволит вернуть немецкому народу его самые

благородные традиции". [Pribram K. Deutscher Nationalismus und Deutscher Socialismus. "Archiv für Social-wissenschaft und Socialpolitik". Vol. 49. 1922. P. 298--299. Автор, в частности, упоминает философа Макса Шелера, проповедующего "всемирную социалистическую миссию Германии", и марксиста К. Корша, пишущего о духе новой народной общности – Volksgemeinschaft.]

Идея борьбы с либерализмом – тем либерализмом, который победил Германию, -- носилась в воздухе и объединяла социалистов и консерваторов, выступавших в итоге единым фронтом. Первоначально эта идея была с готовностью воспринята немецким молодежным движением, где доминировали социалистические умонастроения и где родился первый сплав социализма с национализмом. С конца 20-х годов и до прихода к власти Гитлера выразителями этой тенденции в интеллектуальной среде были молодые люди, сгруппировавшиеся вокруг журнала "Die Tat" и возглавляемые Фердинандом Фридом. Пожалуй, самым характерным плодом деятельности этой группы, известной как Edelnazis (нацисты-аристократы), стала книга Фрида "Конец капитализма". Сходство ее со многими издающимися сейчас в Англии и США произведениями очевидно. Там и здесь можно найти попытки сближения левого и правого социализма и одинаковое презрение к отжившим принципам либерализма, и, честно говоря, все это не может не вызывать тревоги. "Консервативный социализм" (а в несколько иных кругах - "религиозный социализм") – под этим лозунгом создавалась в Германии атмосфера, в которой добился успеха "национал-социализм". И именно "консервативный социализм" необыкновенно популярен у нас сегодня. Не означает ли это, что еще до начала реальной войны мы стали терпеть поражение в войне, ведущейся "в области духа и экономической организации"?

2. Идеология национал-социализма глазами его лидеров.

В данный раздел внесены отрывки из двух главных доктринальных трудов германского национал-социализма: «Майн Кампф» и «Миф 20 века».

Национал-социалистической идеологии нет никакой возможности отмежеваться от этих трудов, также как коммунистической идее от Маркса, Ленина, Сталина, Мао. Из песни как говорится, слов не выбросишь. Мы, бесспорно, признаем, что были фундаментальные ошибки в содержании и осуществлении идеологии национал-социализма. Однако, как и в любой идее в ней происходила внутренняя борьба принципов, которая, тем не менее, не отрицала некоей общей феноменологической основы учения. Концепции национал-социализма довольно разнообразны, как и содержание любой идеологии. В них много *про* и *контра*. Многие люди, тем не менее, верили в эти идеи, находили в них нечто верное и положительное для себя, явно не считая в те далекие времена национал-социализм тотальной апологетикой зла.

Естественно, идеи пангерманизма, боль Версаля, антисемитизм – порождение предыдущего империализма, жесткая борьба с оппонентами (марксизмом), несовершенство веймарского республиканского строя, всевозможные революционные, порой авантюристские научные взгляды на историю и развитие народов, не могли не отразиться в воззрениях лидеров национал-социализма, так как были злободневны, возникали и распространялись не только в Германии, они волновали широкую и образованную общественность по всему миру.

Мы выбрали моменты, в которых с одной стороны не слишком просматривается тяжелый отпечаток той кризисной эпохи, ее национальная рана и социальные трудности, с другой стороны, которые по существу показывают внутреннюю структуру построения нового типа государства, перспективу внутренних социально-экономических отношений в условиях национал-социализма.

Адольф Гитлер
Майн Кампф
Часть II. Глава 2. Государство.

Уже в 1920-1921 гг. из кругов современного, пережившего себя буржуазного мира на наше молодое движение посыпались упреки в том, что мы-де отрицаем современное государство. На этом основании карликовые рыцари всех партий считали себя вправе наперебой предлагать меры преследования нашего молодого движения, становившегося для них все более неудобным. Эти господа сознательно забывали о том, что и буржуазный мир ныне под словом "государство" понимает совершенно различные вещи, что единообразного определения понятия "государство" нет среди них самих, да и быть не может.

Говоря вообще, можно подразделить существующие взгляды на роль государства на три группы:

а) Группа тех, кто под государством понимает просто более или менее *добровольное объединение людей под эгидой одной и той же правительственной власти.*

Эта группа наиболее многочисленна. В ее рядах прежде всего объединяются те фетишисты современного принципа легитимизма, в чьих глазах воля человека вообще во всем этом деле никакой роли не играет. Раз перед нами факт существования такого-то государства, то уже одного этого достаточно, чтобы данное государство считать священным и неприкосновенным. Чтобы подкрепить эту нелепую идею, на первый план выдвигают собачью преданность так называемой идее "*государственного авторитета*". По мановению палочки эти люди превращают простое средство в самостоятельную цель. По их мнению оказывается, что не государство существует для того, чтобы служить людям, а люди существуют для того, чтобы бить земные поклоны перед авторитетом государства, включая сюда самого последнего чинушу, тоже воплощающего этот "авторитет". Чтобы это перманентное состояние тихого восторженного почитания не сменилось чувством беспокойства, - власть предрешающая должна обеспечить "тишину и порядок". Эти последние тоже превращаются из средства в самоцель. Государственная власть должна заботиться о "тишине и порядке", а тишина и порядок в свою очередь должны заботиться о долголетию государственной власти. Этим исчерпывается вся жизнь государства.

В Баварии эти "принципы" отстаиваются государственными искусниками баварской народной партии, местными отпрысками партии центра. В Австрии эти "принципы" защищались в свое время черножелтыми легитимистами. В самой Германии эти взгляды частенько защищались, к сожалению, консервативными элементами, остававшимися в пределах тех же взглядов на роль государства.

б) Вторая группа менее многочисленна. К ней принадлежат те, кто не довольствуется голым фактом существования данного государства, а выдвигает еще кое-какие другие условия. Люди этих взглядов не довольствуются тем, что такое-то и такое-то количество граждан живет под эгидой одной правительственной власти, но требуют еще *одинаковости языка*, исходя при этом, правда, только из административно-технических соображений. В глазах этой группы государственная власть не является единственной и исключительной целью существования государства. Они выдвигают сверх того еще критерий благополучия подданных. В этих кругах любят уже поговорить и о "свободе", причем, правда, очень неверно представляют себе, что же именно такое есть свобода. Форма правления этим людям уже не кажется неприкосновенной, ее уже можно подвергнуть обсуждению с точки зрения целесообразности. Древнее происхождение этой формы правления тоже уже не служит в глазах этих людей броней против всякой критики. Эта группа подходит к вопросу о государстве главным образом с критерием благополучного экономического развития. Решающим моментом в глазах этой группы является хозяйственный фактор, рентабельность. Эти взгляды представлены главным

образом нашим средним немецким бюргерством, в особенности либеральной демократией.

в) Третья группа в цифровом отношении наиболее слаба. Она видит в государстве уже средство к завоеванию определенных политических позиций для народа, объединенного одним языком и являющегося главным носителем государственной идеи. Правда, сами политические цели, которые должно преследовать государство, еще недостаточно ясны и этой группе. Стремление к тому, чтобы в государстве существовал единый государственный язык, определяется у этих людей тем, что на этих путях они рассчитывают добиться расширения территории и увеличения политической власти своего государства. Но рядом с этим ими руководит еще и то в корне неправильное мнение, будто через влияние языка вообще возможно проникнуть в новые территории и "национализировать" их.

Нельзя было без чувства тяжелой досады наблюдать, как в этих кругах в течение последних десятилетий играли словом "германизация". Я лично еще помню, как в годы моей юности этот термин приводил к совершенно невероятным ошибкам. Даже в кругах всегерманского национального движения нередко можно было слышать мнение, что с помощью правительства австрийские немцы легко смогут проводить "германизацию" австрийского славянства. Люди не имели даже представления о том, что "германизировать" вообще можно только землю, а не людей. Под "германизацией" люди понимали тогда в сущности только внешнее усвоение (да и то вынужденное) немецкого языка. Но ведь совершенно чудовищной ошибкой было бы думать, что, например, негр или китаец превращаются в "германцев", если они научатся говорить по-немецки и, скажем, готовы отдать свои голоса на выборах той или другой немецкой партии. Наш буржуазный национальный мир даже не представлял себе, что такая "германизация" на деле является дегерманизацией. Ибо, навязывая людям общий язык, мы только внешним образом стираем ту разницу, которая до сих пор больше бросалась в глаза, и тем самым кладем начало процессу смешения рас, добиваясь этим не германизации, а *уничтожения элементов германизма*. В истории нередко бывали случаи, когда народ-завоеватель силой внешнего принуждения навязывал свой язык завоеванным народам, но спустя какую-нибудь тысячу лет оказывалось, что на этом языке говорит в сущности уже совсем другой народ и победители на деле превратились в побежденных.

Народность или, лучше сказать, раса определяется не общностью языка, а общностью крови. Из этого вытекает, что о подлинной германизации можно было бы говорить лишь в том случае, если бы в результате этого процесса можно было бы добиться того, чтобы у побежденных оказалась германская кровь. Но это невозможно. В результате кровосмешения получается только такая перемена, которая снижает уровень более высокой расы. В конечном итоге таким образом получается только уничтожение тех свойств, которые в свое время и дали победу народу-завоевателю. В процессе смешения наций особенный урон терпят культурные силы. И это невзирая на то, что смешавшиеся нации будут говорить на языке прежней, более высокой расы. В течение некоторого периода будет происходить еще известное соревнование различных черт характера обеих смешивающихся наций. Постепенно идя вниз, смешивающиеся народы могут, тем не менее, еще показать последние вспышки яркого культурного развития. Иногда эти вспышки имеют неожиданно большой размах. Но это только вспышки. В первых поколениях скрещивания перевес имеет еще кровь более высокого качества, но окончательный продукт смешения неизбежно будет ближе к низшей расе. Окончательным результатом неминуемо будет культурный регресс.

Теперь приходится считать только счастьем, что этакая "германизация" Австрии в эпоху Иосифа II не удалась. Если бы она удалась, то австрийское государство, вероятно, сохранилось бы, но только ценою снижения расового уровня немецкой нации. В течение столетий в старой Австрии, быть может, и выкристаллизовался бы известный инстинкт стадности, но само "стадо" стало бы при этом на несколько ступеней ниже. Народ -

носитель государственной идеи в Австрии, - быть может, и создался бы, но при этом неизбежно погиб бы народ - носитель культуры.

Для германской нации гораздо лучше, что этот процесс смешения не совершился, хотя это и не было результатом благородной дальновидности, а только результатом близорукой ограниченности Габсбургов. Если бы смешение это произошло, то едва ли теперь можно было бы говорить об австрийских немцах как о крупном факторе культуры.

Но не только в Австрии, а и в самой Германии так называемые национальные круги зачастую исходят и исходят из того же круга идей. Ведь, например, выдвигающаяся многими польская "политика" с целью "германизации" Востока исходит, к сожалению, из тех же самых ложных посылок. Люди и тут рассчитывают добиться "германизации" посредством простого внедрения немецкого языка. Но и тут мы могли бы получить только очень печальные результаты: польский народ остался бы польским народом, только выражающим на чужом языке свои собственные чуждые нам идеи. Такой чуждый нашей расе народ своею более низкой ступенью развития только компрометировал бы достоинство и высоту развития нашего собственного народа.

Подумайте только, какой огромный вред приносит нам уже одно то обстоятельство, что эмигрирующего в Америку еврея, умеющего кое-как коверкать немецкий язык, в САСШ принимают иногда за немца. Ведь казалось бы, никому не может придти и в голову, что раз эта вшивая эмиграция с Востока пользуется немецким языком, то значит и происхождение ее немецкое. А между тем на первых порах именно мы до известной степени несем в глазах американцев ответственность за этих вшивых евреев.

Полезной германизацией в ходе истории была та германизация земли, которую провели наши предки с оружием в руках, завоевав определенные земли и заселив их немецкими крестьянами. Но поскольку в результате этого в наш народный организм влилась чуждая кровь, предки наши тоже содействовали нашей будущей раздробленности и нашему немецкому сверхиндивидуализму, который, к сожалению, в некоторых кругах рассматривается как нечто весьма положительное.

Для этой третьей группы государство тоже до известной степени является еще самоцелью; в сохранении данного государства группа эта тоже видит высшую задачу человеческого бытия.

Подводя итог, можно сказать: все эти воззрения объединяются непониманием той главной мысли, что все развитие культуры обуславливается прежде всего расой и что поэтому главной задачей государства должно являться сохранение расы, улучшение расы, от чего прежде всего и зависит весь ход развития человеческой культуры.

Самые крайние логические выводы из этих неверных взглядов на, сущность и цель государства сумел сделать еврей Карл Маркс. Буржуазный мир сам своими руками оторвал идею государства от идеи расы и, не сумев вместо расовой точки зрения выдвинуть какую-нибудь другую, равноценную, только открыл этим ворота тому учению, которое отрицает уже само государство как таковое.

Вот почему уже и в этой области борьба со стороны буржуазного мира против марксистского интернационала неизбежно ни к чему не приводит. Буржуазный мир сам подточил тот фундамент, который должен был бы быть опорой его собственных идей. А прожженный противник сразу уловил, где слабое место врага, и обрушился на него при помощи того оружия, которое буржуазный мир, сам того не желая, отдал ему в руки.

Вот почему первой обязанностью нашего движения, покоящегося на общенародническом мирозерцании, является забота о том, чтобы было создано наконец единство взглядов на цель и сущность государства.

Правильный принципиальный взгляд на государство заключается в том, что государство является не целью, а средством к цели. Правда без государства нет высокой человеческой культуры, но само государство не является еще главным фактором культуры. Главным фактором последней является исключительно наличие расы, способной стать творцом культуры.

Пусть на земле существуют сотни самых образцовых государств, но если бы вымерли носители культуры - арийцы, то на земле не осталось бы никакой культуры, сколько-нибудь соответствующей духовному уровню ныне существующих наиболее культурных народов. Можно пойти еще дальше. Можно сказать, что факт существования государства еще ни в малой степени не избавляет нас даже от уничтожения всего человеческого рода, если бы в результате гибели наиболее высоких рас мы лишились наиболее высоких духовных качеств и духовной эластичности.

Если бы, например, в результате какого-либо тектонического события земная поверхность пришла в беспокойное состояние и из волн океанов поднялся новый Гималай, то вся человеческая культура могла бы погибнуть в результате одной такой ужасной катастрофы. В результате этого мы увидели бы гибель всех государств, разрушение всякого порядка, уничтожение всех документов тысячелетнего развития. В результате - одно сплошное мертвое поле, покрытое водой и грязью. Но если бы в этом ужасе и хаосе сохранилось даже только очень небольшое количество людей культурной расы, то спустя тысячелетия на земле опять все же появились бы признаки человеческой культуры и творческой силы. Навсегда, навеки земля была бы опустошена лишь в том случае, если бы погибла последняя культурная раса и все до единого ее отдельные представители. Ту же самую мысль с другой стороны подтверждают и примеры некоторых современных государств. Если данное зачаточное государство не обладает расой достаточно высокого качества, то оно так и не пойдет дальше зачатков и может окончательно зачахнуть. Как известные виды животных доисторического периода должны были исчезнуть и уступить место другим, так и человек вынужден исчезнуть, если у него не хватает духовных сил, которые одни только обеспечивают ему должное оружие в борьбе за самосохранение.

Не само государство создает определенную ступень культуры. Государство только сохраняет расу, а эта последняя определяет ступень культуры. Государство само по себе может существовать целые столетия, не изменяясь, а в то же время в результате расового смешения культурные способности народа уже давно деградировали и весь жизненный уровень упал в громадной степени. Наше нынешнее государство, например, может в качестве формального механизма влачить свое существование еще такое-то и такое-то количество лет и в то же время систематическое отравление нашей расы неизменно снижает культурный уровень народа и уже теперь приводит к явлениям, перед которыми только ужасаешься.

Вот почему необходимо констатировать: не государство является главной предпосылкой возникновения человека более высокой породы, а раса.

Это свойство расы вечно. Нужны только соответствующие внешние условия, чтобы оно могло практически проявиться.

Культурно одаренные, творческие нации или, лучше сказать, расы носили в себе эти полезные свойства и тогда, когда неблагоприятные внешние обстоятельства мешали им проявиться. Вот почему грубейшей ошибкой является представлять дело так, будто германцы эпохи до рождества христового были "лишены всякой культуры", были "варварами". Ничего подобного в действительности не было. Суровость их северного отечества поставила их только в такое положение, которое мешало развитию их творческих сил. Если бы они попали в более благоприятную обстановку юга и если бы в лице низших народов они нашли себе необходимую рабочую силу, то заложенные в них, но временно дремавшие способности пышно расцвели бы совершенно так же, как это было с древними греками. Однако, не следует думать, что этими творческими способностями высшие расы обязаны только северному климату. Переселите с севера на юг, скажем, лапландцев или эскимосов, и они от этого не станут народами, способными творить культуру. Нет, эта прекрасная творческая способность свойственна только арийцу. Она может временно дремать в нем, если он поставлен в неблагоприятные условия, если он попал в обстановку слишком уж негостеприимной природы, но она

проявится в нем тотчас же, как только он попадет в более благоприятную природную среду.

Отсюда вытекает следующее.

Государство есть средство к цели. Его собственная цель состоит в сохранении и в дальнейшем развитии коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях человеческих существ. Это сохранение относится прежде всего только к тому ядру, которое действительно принадлежит к данной расе и обеспечивает ей развитие тех сил, которые заложены в этой расе. Часть этого ядра будет обеспечивать сохранение физической жизни, а другая часть - содействовать дальнейшему духовному развитию. На деле одна часть создает предпосылки, необходимые для другой.

Государство, которое не служит этой цели, является чем-то уродливым и обреченным на гибель. Самый факт его существования еще ничего не доказывает. Ведь никто не скажет, что успех шайки флибустьеров может оправдать разбойничество как институт.

Мы, национал-социалисты, как борцы за новое мирозерцание, никогда не должны становиться на пресловутую "почву фактов", да к тому же еще фактов фальшивых. Иначе мы были бы не борцами за новую великую идею, а жалкими рабами современной лжи. Мы должны научиться строжайше различать между государством как известным сосудом и расой как содержимым этого сосуда. Сосуд этот вообще имеет какой бы то ни было смысл лишь тогда, когда он действительно имеет возможность сохранить и защитить содержимое. В ином случае сосуд этот ничего не стоит.

Итак, высшей целью действительно народного государства должна быть забота о сохранении того основного расового ядра, которое одно только способно создавать культуру, дарить человечеству красоту, достоинство и все высокое. Мы, арийцы, понимаем под государством только живой организм расы, который не только обеспечивает само существование этой расы, но обеспечивает ей также возможность дальнейшего более высокого развития всех заложенных в ней способностей до степени самой высшей свободы.

Вот чем должно быть государство. То же, что навязывают нам теперь под названием "государство", есть только печальнейший продукт тяжелых человеческих заблуждений. Ну, а неизбежным спутником этих заблуждений являются неопишуемые страдания народа.

Мы, национал-социалисты, вполне отдаем себе отчет в том, что, защищая выше развитые взгляды на роль государства, мы выступаем как революционеры, каковыми нас и клеймят на каждом шагу. Однако мы мыслим и действуем совершенно независимо от того, как отнесутся к нам современники: будут ли нам аплодировать или будут нас порицать. Для нас существует только одно обязательство: то, которое возлагается на нас истиной. Мы будем исполнять свой долг в твердой уверенности, что будущие поколения проявят больше дальновидности и не только поймут наше теперешнее поведение, но и оправдают и вознесут его.

Отсюда и тот масштаб, с которым мы, национал-социалисты, подходим к оценке того или другого государства. Эта оценка всегда будет относительной, поскольку мы исходим из точки зрения отдельного народа; она будет абсолютной, поскольку мы исходим из точки зрения всего человечества. Другими словами:

Полезность данного государства не может оцениваться с точки зрения культурного значения и силы данного государства в рамках всего остального мира, но должна расцениваться исключительно с точки зрения степени полезности этого института для данного конфетного народа.

Образцовым можно считать лишь то государство, которое не только соответствует жизненным условиям представляемого им народа, но и само своим существованием на деле обеспечивает дальнейшее развитие этого народа. И это - независимо от того, какое общекультурное значение вообще имеет данное государство в рамках всего остального

мира. Ибо задача государства состоит не в том, чтобы самому породить новые способности нации, а только в том, чтобы обеспечить свободное развитие уже существующим, данным способностям ее. *Отсюда вытекает, что плохим мы назовем то государство, которое всеми условиями своего существования обрекает на гибель расу - носительницу культуры. И это, независимо от того, что само по себе это государство стоит на известной культурной высоте.* На деле ведь такое государство разрушает предпосылки дальнейшего существования этой культуры, которая создана не государством, а культурнотворческими силами, заложенными в самом народе.

Государство, как мы уже говорили, представляет собою только форму, но не само содержание. *Степень культурности данного народа никоим образом не может быть критерием доброкачественности государства, в котором живет данный народ.* Вполне понятно, что высокоодаренный в культурном отношении народ представляет собою нечто гораздо более ценное, чем, скажем, то или другое негритянское племя; и тем не менее, вполне возможно, что государство, в котором живет этот более культурный народ, соответствует своей цели гораздо меньше, нежели государственный организм негритянского племени тем целям, которые стоят перед этим последним.

Отсюда вытекает, что доброкачественность или недоброкачественность данного государства для нас определяется только в зависимости от той относительной пользы, которую данное государство приносит данному конкретному народу, но ни в коем случае не тем значением, которое данное государство имеет вообще в рамках всего остального мира.

Этот относительный критерий очень прост и легок; гораздо труднее найти критерий абсолютный, ибо эта абсолютная оценка зависит уже в сущности не от доброкачественности государства, а от доброкачественности и степени высоты самого данного народа.

Поэтому, когда мы говорим о более высокой миссии государства, мы никогда не должны забывать, что миссия эта заложена, в сущности говоря, в свойствах самого народа и что задачей государства является всей своей органической силой обеспечивать свободное развитие данного народа.

Если поэтому мы хотим пролить свет на вопрос о том, какое именно государство нужно нам, немцам, то мы должны прежде всего уяснить себе вопрос о том, какие люди живут в этом государстве и каким целям стало быть, должно служить само это государство.

К сожалению, теперь уже нельзя сказать, что расовое ядро нашего немецкого народа представляет собою что-либо единое и цельное. С другой стороны, мы не можем утверждать и то, что процесс смешения крови прежних самостоятельных народов зашел у нас уже так далеко, чтобы перед нами была уже новая раса, образовавшаяся в результате этого смешения. Напротив: те отравления крови, которые постигли наш народный организм, особенно со времени 30-летней войны, приводят не только к разложению нашей крови, но и к разложению нашей души. То обстоятельство, что границы нашего отечества остаются открытыми, то обстоятельство, что вдоль всей нашей границы мы приходим в постоянное соприкосновение с чужими негерманскими народами, наконец (и это главное) то обстоятельство, что чуждая нам кровь все сильнее вливается в самую глубь нашей страны - все это вместе взятое мешает абсолютному смешению крови, ибо не дает времени для создания чего-либо окончательного, постоянного. Во всех этих процессах не может вывариться новая раса. На деле получается так, что составные части отдельных рас обитают рядом, не сливаясь друг с другом. И в результате всего этого получается то, что в особенно критические моменты, когда всякий действительно единый народ быстро сокращается в одно стадо, наш немецкий народ, напротив, разбредается во всех возможных направлениях. Составные части отдельных рас расположены у нас даже не территориально, ибо зачастую мы видим на одной и той же территории представителей различных рас. Северогерманцы, ост-готы, вест-готы живут рядом, а между ними помеси

тех, других и третьих. Это, с одной стороны, приносит громадный вред: немецкому народу не хватает здорового инстинкта стадности, который дается только единством крови и который в момент опасности всегда является могучим фактором. У тех народов, которые отличаются этим единством, все небольшие внутренние различия моментально улетучиваются перед лицом общего врага. И тогда перед противником стоит единый фронт единой нации, защищающей общий очаг. У нас же получается не то. Рядом живущие, но не вполне смешавшиеся друг с другом расы и остатки рас не умеют должным образом объединиться против общего врага. С этим связано и то свойство, которое у нас называют сверхиндивидуализмом. В мирные времена это свойство иногда может еще быть полезно, но если взять развитие в целом, то приходится сказать, что из-за этого ультраиндивидуализма мы лишились возможности завоевать мировое господство. Если бы в ходе исторического развития немецкий народ обладал таким же прочным единством, как остальные народы, то германское государство ныне безусловно господствовало бы над всем земным шаром. Ход мировой истории в этом случае был бы совершенно другой. И никто не возьмется сказать, не удалось ли бы нам тогда действительно дойти до того, чего теперь ослепленные пацифисты пытаются добиться слезами и виляниями. *Только тогда могли бы мы добиться действительно прочного мира, ибо мир, основанный на победах меча, куда прочнее нежели "мир", выклянчиваемый слезотчивыми старыми бабами пацифизма; только такой мир был бы прочен и пулька такой мир поставил бы весь земной шар под руководство народа-господина, способного обеспечить высший расцвет культуры.*

То обстоятельство, что у нас не оказалось единого, единокровного народа, стоило нам неописуемых страданий. Каждый немецкий князек смог получить свою собственную резиденцию, но немецкий народ в целом лишился того господствующего положения, на которое он имел полное право.

Еще и ныне наш немецкий народ страдает от этой раздробленности. Однако надо сказать, что то, что в прошлом и настоящем приносило одни несчастья, в будущем может иметь благодетельную сторону. До сих пор было крайне вредно, что смешение рас не доходило до конца и что у нас рядом продолжали жить кусочки и составные части прежних самостоятельных рас. Но в этом все-таки есть и известная хорошая сторона: благодаря такому ходу процесса чистота крови сохранилась хотя бы только частично, и часть населения спаслась от расовой деградации.

Верно то, что если бы процесс дошел до конца, то перед нами был бы теперь более единый народный организм, но зато его культурный уровень, как мы уже это знаем из законов смешения любых рас, был бы ниже, чем культурный уровень той части населения, которая первоначально стояла в расовом смысле выше.

В этом и заключается хорошая сторона того, что у нас до сих пор не дошло до полного завершения процесса смешения рас. Именно благодаря этому в Германии еще имеются значительные группы северогерманцев чистой крови, в каковых нам и приходится видеть главное свое сокровище, главную свою надежду. В темные времена полного непонимания законов расового развития люди не отдавали себе достаточно ясного отчета в значении этого факта и просто считали, что все люди одинаковы и равны. Теперь мы знаем иное. Теперь мы понимаем, что если бы процесс смешения дошел до самого конца, то возникшее новое единство, быть жжет, и обеспечило бы нам большую внешнюю силу, но зато самая высокая цель человечества была бы уже недостижима: единственный носитель более высокой культуры утонул бы в общем расовом "киселе" этого нового "единого" народа, и тем самым исчезло бы то племя, которое избрано судьбой для совершения более великих дел.

Судьба была к нам в этом отношении милостива и без нашего содействия помешала совершиться этому несчастью. Наша задача теперь - понять и использовать это обстоятельство.

Кто говорит о высокой миссии немецкого народа на этой земле, тот должен понимать, что миссия эта может заключаться только в создании такого государства, которое будет видеть самую высокую свою задачу в сохранении и поддержке еще сохранившихся наиболее благородных частей нашего народа, а тем самым и всего человечества.

Этим самым государство впервые в истории возьмет на себя действительно высокую задачу. Лозунг сохранения "тишины и порядка" только смешон. В лучшем случае он может только обеспечить "тихое" мошенничество и грабеж. А вот лозунг сохранения и поддержки той лучшей части немцев, которая сохранилась на земле благодаря милости божией, - это будет действительно великий лозунг. Такая миссия действительно достойна великого государства.

Из мертвого механизма, имевшего до сих пор только самодовлеющее значение, теперь возникнет действительно живой организм, и его исключительной целью будет служение высшей идее.

Германское государство должно охватить собою всех немцев и должно поставить перед собой как важнейшую задачу не только собрать и сохранить, но постепенно помочь занять господствующее положение тем наиболее ценным в расовом отношении элементам, которые у нас, несмотря ни на что, сохранились.

Но это и значит конечно, что нынешняя полоса прострации должна смениться периодом борьбы. И прежде всего мы должны запомнить две вещи. Во-первых, что под лежащий камень и вода не течет (буквально: "кто лежит, тот ржавеет". - *Переводчик*), а во-вторых, что лучший способ защиты есть наступление, ибо только оно обеспечивает победу. Чем более велика цель, которая носится перед нашими глазами, и чем менее в данный момент понимают величие этой цели широкие массы народа, тем большее значение получают наши успехи. Если мы правильно поняли нашу цель и если мы поведем борьбу без колебаний и с твердой верой в наше дело, успех не заставит себя слишком долго ждать.

Нынешним властям предречающим, конечно, кажется более спокойным делом "работать" для сохранения статус-кво, чем быть вынужденными бороться за неизвестное будущее. Гораздо легче продолжать видать в государстве простой механизм, существующий только для того, чтобы обеспечить свое существование. Гораздо легче повторять пустые фразы о том, что вся наша жизнь "принадлежит государству". Человек конечно для того и существует, чтобы служить человечеству, а все вышедшие из недр народа - чтобы служить народу. Понятно, гораздо легче в государственной власти видеть только *механизм определенной организации, чем видеть в нем высшее воплощение инстинкта самосохранения, заложенного в данном народе.* В первом случае слабые люди видят в государственной власти самоцель. Во втором случае в государстве приходится видеть только могучее орудие в великой и вечной борьбе за существование - орудие, перед которым каждому приходится преклониться, потому что дело идет в этом случае не просто о формально-механическом учреждении, а о выражении общей воли к сохранению жизни.

Вот почему в предстоящей нам великой борьбе за наше мировоззрение мы получим лишь очень небольшое количество союзников из среды тех, кто устарел, к сожалению, не только физически, но и духовно. Только в виде исключения к нам придут старцы с юными сердцами и свежим умом. Но конечно из среды так называемого общества к нам никогда не пишут те, кто видит задачу своей жизни в сохранении нынешнего порядка вещей.

Нам приходится считаться не только с теми слоями, которые обладают злой волей, сколько с той бесконечно большой армией, которая состоит, с одной стороны, из косных и равнодушных, а с другой - из тех, кто прямо заинтересован в сохранении нынешних порядков. На первый взгляд та гигантская задача, которую мы взваливаем на свои плечи, может показаться безнадежной, но на самом деле именно величие наших задач таит в себе возможность их реализации.

Наш боевой клич становится сигналом, собирающим в наши ряды все, что есть сильного. Именно величие целей отпугивает мелких людей сразу или отсеивает их спустя некоторое время, но зато под наши знамена собираются все действительно боевые натуры. Необходимо отдать себе ясный отчет в следующем: *если на одной стороне мы видим концентрацию высшей энергии и решимости, а на другой стороне - широкие массы равнодушных, то небольшое меньшинство, собравшееся в первом лагере, всегда одержит верх над громадным большинством, оставшимся во втором лагере. Мировую историю делают меньшинства, раз только в этом численном меньшинстве воплотились большая воля и большая решимость.*

Громадность задач, которые мы себе ставим, в глазах многих затрудняет нашу победу, на деле же в этом именно заложена наша победа. В величии и трудностях нашей задачи как раз и заложено то, что в нашем лагере соберутся только лучшие бойцы. Именно в этом подборе - гарантия нашего успеха.

Как правило, сама природа зачастую вносит свои поправки в процесс смешения народов, и поправки эти направлены к сохранению чистоты расы. Природа не любит помеси рас. Особенно тяжело приходится первым продуктам скрещивания наций - третьему, четвертому, пятому поколениям. Им похватает не только качеств более высокой из смешавшихся рас, им не хватает не только единства крови, но и единства воли и единства жизненной энергии вообще. Во все те критические минуты, когда единая раса приняла бы быстрое и единодушное решение, этакая расколота раса непременно обнаружит нерешительность и все ее мероприятия будут носить половинчатый характер. И все это вместе взятое означает, что расколотые расы не только более слабы, нежели расы единые, но прямо могут быть обречены в результате этой слабости на быструю гибель. *История знает бесчисленное количество случаев, когда единая раса устоит в борьбе, а смешанная при тех же обстоятельствах погибнет.* В этом и приходится видеть поправку, вносимую самой природой. Но природа зачастую идет и дальше. Она ограничивает способность к размножению у смешанных наций. Таким путем она вообще мешает дальнейшему размножению скрещивающихся народов, и дело может дойти до полного вымирания.

Если, таким образом, одно лицо, принадлежащее к определенной расе, вступает в связь с лицом более низкой расы, то для начала получится только снижение самого уровня потомства; в дальнейшем же получится ослабление потомства в сравнении с потомством тех супругов, которые не смешали расы.

Если в дальнейшем не будет никакого притока свежей крови со стороны более высокой расы, то при продолжающемся скрещивании потомков первой взятой нами пары потомство по этой линии либо вовсе вымрет в результате мудрого вмешательства природы, либо в течение тысячелетий и тысячекратных смешений создается новый вид, совершенно отличный от первых смешавшихся, рас. Тогда перед нами новая народность со свойственной ей определенной силой сопротивления, но упавшая на гораздо более низкую ступень, нежели более высокая из участвовавших в первом смешении рас. Но и в этом последнем случае новая, более низкая раса неизбежно погибнет в борьбе с более высокой расой, если только таковая осталась на земле. Эта более низкая раса никогда не сможет выдержать борьбы со столь же единой, но зато более высоко стоящей на культурной лестнице расой. У нее не хватит для этого ни творческих способностей, ни духовной эластичности, ибо во всех этих отношениях она в результате многократных смешений только проигрывала. На основании всего этого можно сказать:

Всякое расовое смешение раньше или позже неизбежно приводит к гибели того потомства, которое получилось в результате смешения, если только более высокая раса, вступавшая в смешение, хотя бы частью сохранилась в чистом виде на земле. Лишь в том случае, если и более высокая раса вся до конца участвует в смешении, исчезнет вышеуказанная опасность для продукта смешения.

В этом и приходится видеть известную гарантию постепенного естественного процесса возрождения. Поскольку на земле сохраняется хотя бы известная часть в расовом отношении чистых элементов, не участвующих в смешении, постольку постепенно прекращаются отравления рас.

Это происходит само собой у населения с сильным расовым инстинктом, которое только в силу особого стечения обстоятельств на время сошло с пути нормального в расовом отношении чистого размножения. Как только исключительные обстоятельства кончились, та часть расы, которая сохранила свою чистоту, опять будет стремиться к бракам только с чистыми в расовом отношении элементами, и таким образом будет положен конец дальнейшему смешению. Тогда население, которое получалось в результате смешения, опять отступит на задний план, разве только что оно в количественном отношении стало уже такой гигантской силой, что никакое сопротивление со стороны сохранивших свою расовую чистоту элементов уже невозможно.

Но если человек сам потерял чистоту инстинкта, ему не приходится надеяться на то, что на помощь ему придет природа. Для этого необходимо, чтобы человек сам постарался возместить силою разума недостаток инстинкта. Только разум может еще тогда помочь. Но часто мы видим на деле другое. Человек в слепоте своей продолжает губить последние остатки своей расовой чистоты, пока наконец он потеряет ее целиком и полностью. Тогда в результате мы и получаем уже ту единую бесформенную расовую массу, которая в глазах многих современных благодетелей человечества является идеалом. Это самое большое несчастье для всего человечества. *Такая смесь не даст нам человека, способного быть носителем культуры или, лучше сказать, основателем культуры, творцом культуры. Такая смесь создает только большое стадо, большую бесформенную массу стадных животных.*

В этом случае историческую миссию человечества можно считать поконченной.

Кто не хочет, чтобы земля наша пришла в это состояние, тот должен раз и навсегда понять, что задачей прежде всего германских государств является - принципиально положить конец всякому дальнейшему смешению рас.

Нынешнее наше жалкое поколение конечно сейчас же закричит по поводу недопустимости вмешательства в область священных прав человека. *Нет, скажем мы этим людям, мы знаем только одно священное право человека, являющееся в то же время его священной обязанностью: человек должен неусыпно заботиться о том, чтобы кровь его осталась чистой, ибо, только сохранив лучшую часть человечества, мы обеспечиваем возможность более высокого и благородного развития всего человечества на земле.*

Наше народническое государство будет считать поэтому своей первейшей задачей - поднять институт брака на новую высоту, оздоровить его настолько, чтобы он перестал быть позором расы. Наше государство поставит институт брака на такую высоту, которая соответствовала бы его высокому призванию - давать потомство людям, являющимся образом и подобием божиим, а не потомство, состоящее из помеси человека и обезьяны.

Если против этого протестуют с точки зрения, так называемой, гуманности, то мы должны на это заметить, что это менее всего к лицу нашей эпохе. Ведь, с одной стороны, эта наша эпоха считает своим долгом каждому несчастному дегенерату непременно обеспечить возможность плодить потомство, а тем самым, и плодить бесконечные страшилки на этой земле. А с другой стороны, ведь именно в наш век в любой аптеке и даже у любого уличного торговца вы можете получить средства, чтобы помешать появлению на свет божий потомства даже у действительно здоровых родителей. Что же получается? Выходит, что наше хваленое государство "тишины и порядка" считает своим долгом обеспечить сифилитику, туберкулезному, наследственно больному, калеке, идиоту и преступнику возможность свободно плодиться; а с другой стороны, оно увековечивает такие порядки, при которых миллионы самых лучших членов нашей нации не имеют

возможности рожать детей. Если бы это было не так, то наше государство прежде всего должно было бы постараться, по крайней мере, подумать над тем, как же именно создать здоровые предпосылки для пропитания и сохранения жизни тех человеческих существ, которые одни только способны обеспечить здоровье будущих поколений.

Насколько же вся нынешняя система противоречит какому бы то ни было идеалу, как низка и бесконечно неблагоприятна такая система! Наше нынешнее государство все предоставляет собственному ходу вещей и не дает себе даже труда подумать над тем, что же надо делать, для того чтобы помочь совершенствованию будущих поколений. Само собой понятно, что и церковь наша столь же грешна в этом отношении. Она, больше всех кричащая о том, что человек является подобием Божиим, вместе с тем не считает своим долгом даже подумать над тем, как же сделать, чтобы этот человек, носитель духа Божия на земле, не вырождался в погибающего пролетария. Сначала церковь сама складывает ненужные руки на усталой груди, а затем делает печальную мину по поводу того, что христианское учение не оказывает достаточного влияния, что "безбожие" принимает ужасающие размеры и т. п. Нашей церкви видимо невдомек, что если люди погибают физически, то, конечно, они разлагаются и духовно. Не умея выполнить своей элементарной обязанности перед собственным народом, церковь наша возмещает это тем, что хочет осыпать своими благодеяниями готтентотов и зулусов. В то время как мы с Божьей помощью дожили уже да того, что наши собственные европейские народы на наших глазах болеют настоящей физической и моральной проказой, мы, видите ли посылаем благочестивых миссионеров в Центральную Африку, и они устраивают там миссии для негров. В конце концов дело дойдет да того, что мы своей "высшей культурой" превратим и там примитивный, но здоровый народ в гнилую расовую помесь.

Обе наши христианские церкви поступили бы гораздо лучше, если вместо навязывания неграм своих миссий, которых негры не хотят и не понимают, они взяли бы на себя труд убедить европейцев в том, что больным родителям гораздо лучше взять на себя воспитание здорового ребенка, оставшегося сиротой, чем самим производить на свет божий хилых детей, обреченных затем влачить жалкое существование.

Нашему народническому государству придется взять на себя все эти задачи, находящиеся ныне в таком пренебрежении. *Наше государство сделает расу средоточием всей общественной жизни. Наше государство будет систематически заботиться о сохранении чистоты расы. Оно объявит ребенка самым ценным достоянием народа. Оно позаботится о том, чтобы потомство производили только люди здоровые. Позором будет считаться только - производить детей, если родители больны. Величайшей честью будет считаться, если родители откажутся производить детей, будучи недостаточно здоровыми. С другой стороны, предосудительным будет считаться не рожать детей, если родители здоровы, ибо - государству нужно здоровое потомство. Государство будет выступать в роли защитника тысячелетнего будущего, и перед волей государства должны будут склониться желания отдельных граждан. Государство даст возможность населению воспользоваться всеми действительно великими изобретениями и медициной. Государство будет объявлять лишенными прав производить потомство всех тех, кто болен сам, кто имеет плохую наследственность, а стало быть, может наградить плохой наследственностью и следующие поколения. С другой стороны, государство позаботится о том, чтобы здоровые женщины рожали детей, не ограничивая себя в этом отношении - под влиянием жалкой экономической обстановки - и чтобы для самих детей детство не становилось проклятием. Наше государство положит конец тому преступному безразличию, с которым ныне относятся к многодетной семье. Наше государство, напротив возьмет на себя почетную защиту такой семьи, которая должна стать благословением для народа. Наше государство будет заботиться о ребенке еще больше, чем о взрослом.*

Кто в физическом и моральном отношении недостаточно здоров, тот не смеет увековечивать свою болезнь в организме своего ребенка. Нашему государству тут

предстоит огромная воспитательная работа, но эта работа в свое время будет считаться гораздо большим подвигом, нежели все самые победоносные войны нашей современной буржуазной эпохи. Государство будет воспитывать граждан в той мысли, что быть самому больным или слабым не позор, а только несчастье, но что позорным является из-за собственного эгоизма передавать свою болезнь будущим поколениям. Государство убедит граждан в том, что куда более благородным будет, если неповинные в своей болезни взрослые люди откажутся иметь собственных детей и отдадут свою любовь и заботу здоровым, но бедным детям своей страны, которые затем вырастут и составят опору общества. Эту свою воспитательную работу государство конечно дополнит чисто практическими мероприятиями. Не смущаясь никакими предрассудками, не останавливаясь перед тем, что вначале нос плохо поймут, наше государство будет вести линию именно в этом направлении.

Если только в течение каких-нибудь 600 лет государство будет твердо проводить такую политику, это приведет к такому оздоровлению населения, какого мы сейчас себе и представить не можем. Если мы сознательно и планомерно станем проводить политику поддержки только здоровых родителей, то в результате мы получим расу, которая сначала освободится от нынешних физических недостатков, а затем станет постепенно подниматься и духовно.

Стоит только народу и государству твердо стать на этот путь, и затем уже внимание наше само будет концентрироваться на том, чтобы повышать размножение наиболее ценной в расовом отношении части нации. А затем и весь народ почувствует те громадные плюсы, которые получает нация.

Прежде всего для этого необходимо, чтобы государство не предоставляло случаю вопрос о заселении приобретенных им новых земель, а подчиняло этот вопрос определенным нормам. Государство должно учредить для этого специальные "расовые" комиссии, и только они могут выдавать разрешение на переселение в эти новые земли. Комиссии должны при этом исходить только из того, насколько чиста в расовом отношении кровь данного переселенца. Только так можем мы постепенно создать вокруг государства кольцо колоний, все жители которых являются людьми одной чистой расы, и только так можем мы содействовать совершенствованию расы. Население этих колоний стало бы тогда драгоценнейшим сокровищем всего народного целого. Рост этих колоний будет внушать тогда гордость и веру в будущее всякому сыну народа. Ибо каждый будет видеть в них зародыш великого будущего всего народа да и всего человечества.

В результате всего этого нашему народническому мирозерцанию безусловно удастся вызвать к жизни такую эпоху, когда люди будут видеть свою высшую задачу не в том, чтобы улучшить качество собаки, лошади, кошки, а в том, чтобы создавать более высокую расу людей. Это будет эпоха, когда одни люди в сознании необходимости будут молча кое от чего отказываться, а другие будут радостно жертвовать и давать.

Пусть не говорят нам, что о чем-либо подобном невозможно и мечтать в нашем мире. Разве не видим мы сейчас, что сотни и сотни тысяч людей накладывают на себя узы целибата под влиянием одних только требований церкви и ничего другого. Неужели же не сможем мы добиться аналогичных результатов, если вместо одной церкви все государство станет систематически указывать людям, какой великий наследственный грех совершают те, кто систематически отравляет расу и мешает тому, чтобы на свет божий родились люди, действительно достойные творца всемогущего?

Конечно нынешняя армия несчастных обывателей этого не поймет. Обыватели и мещане будут пожимать плечами и по своему обыкновению станут повторять свою обычную глупую фразу: "да, само по себе это очень хорошо, но ведь этого нельзя сделать". Да, господа, ответим мы им, с вами конечно этого не сделаешь! Вы с вашими моральными качествами для этого не годитесь! Вы, господа мещане, знаете только одну заботу: о себе самих! Вам, господа, знакомо только одно божество: ваши деньги! Мы обращаемся не к вам, а к той великой армии бедняков, кто слишком беден, чтобы свою

личную жизнь считать высшим счастьем на земле. Мы обращаемся не к тем, кто верит только в золотого божка, а к тем, у кого есть другие боги. И прежде всего мы обращаемся к громадной армии нашей немецкой молодежи. Она подрастает в такую эпоху, когда назревает великий поворот. То положение, к которому привело равнодушие отцов, теперь неизбежно побудит детей к активности и борьбе. Наша нынешняя немецкая молодежь либо станет строительницей нового народного государства, либо ей придется стать свидетельницей полного краха и гибели всего буржуазного мира.

Не надо делать себе иллюзий. Если определенное поколение видит свои ошибки и даже признает их, но в то же время, как это делает наш современный буржуазный мир, продолжает довольствоваться дешевенькими заявлениями, что против существующих зол ничего-де не поделаешь, тогда надо прямо сказать: такое общество обречено на гибель. Самым характерным для современного буржуазного мира является то, что он сам уже не решается отрицать этих зол. Он вынужден признать, что многое у нас плохо и гнило, но он вместе с тем не может найти в себе решимости подняться против этого зла, собрать воедино энергию 60-70-миллионного народа и таким образом вступить в решительную борьбу с этим злом. Мало того, если за это берутся другие, то их осыпают только тупыми насмешками и стараются найти как можно больше "теоретических" аргументов, чтобы доказать, что успех невозможен. Любой аргумент кажется тут подходящим, чтобы только "подкрепить" свое собственное малодушие и ничтожество. Если например, целый американский континент высказывается против отравления алкоголем и начинает борьбу против этого яда, а наш европейский буржуазный мир умеет по этому поводу только качать головой и болтать пустяки. Людям даже невдомек, насколько они ничтожны в своих насмешках по поводу такого мероприятия. Если насмешки не помогают и если все-таки в том или другом углу земного шара находятся смелые люди, которые объявляют борьбу рутине и имеют при этом известный успех, то все-таки средство против них найдется. На них будут клеветать, все их успехи будут поставлены под знак вопроса, против смельчаков будут приводить так называемые "моральные" отображения, хотя бы усилия этих смельчаков направлялись на устранение самых гнусных антиморальных вещей.

Нет, на этот счет у нас не может быть никаких сомнений: современное наше бюргерство никакой цены не имеет в деле борьбы за более высокие задачи человечества. Оно для этого совершенно теперь не квалифицировано, оно для этого само погрязло в слишком плохих качествах. Вот почему и те политические клубы, которые ныне известны под коллективным названием "буржуазные партии", уже давно не являются не чем другим, как своекорыстными объединениями для защиты просто профессиональных или сословно-классовых интересов. Свою высшую задачу они видят теперь исключительно в наиболее успешной защите самых узких эгоистических интересов. Что этакая политиканствующая "гильдия" буржуазии годится на что угодно, только не на серьезную борьбу за великие цели, это ясно. Усилия этих буржуа безусловно обречены на полную бесплодность - в особенности, раз мы на другой стороне видим не компанию "осторожных" старых перечниц, а настоящие пролетарские массы, которые марксисты систематически раздражают и разжигают до белого каления и которые готовы поэтому не болтать, а действовать.

Если мы считаем первейшей задачей государства защиту и систематическую поддержку лучших элементов расы, то из этого конечно вытекает, что государство должно простирает свои заботы не только на новорожденного, но должно систематически помогать вырастить этого новорожденного вплоть до того момента, когда из него вырастет взрослый человек, который станет ценным членом общества и будет сам помогать дальнейшему здоровому размножению.

Мы уже знаем, что общей предпосылкой здорового духовного развития является чистота расы. В такой же мере можно сказать, что физическое здоровье каждого

отдельного человека является главной предпосылкой здорового духовного воспитания. Если говорить не об одном лице, а обо всей массе, то конечно верно, что здоровый дух живет только в здоровом теле. Это нисколько не опровергается тем обстоятельством, что в отдельных случаях мы встречаем и гениев в физически слабой оболочке и что некоторые гении иногда являются прямо физически больными людьми. Здесь дело идет только об исключениях, которые как и везде только подтверждают правила. Но если целый народ в массе своей состоит из физических дегенератов, то из такой среды лишь очень редко может выйти великий человек. А если он и появится, ему не суждены большие успехи. Окружающая его вырождающаяся среда либо вообще его не поймет, либо воля ее окажется настолько парализованной, что подняться на орлиную высоту этого отдельного героя она все равно не сможет.

Принимая все это во внимание, народническое государство будет видеть главную свою задачу не в том, чтобы накачивать наших детей возможно большим количеством "знаний", а прежде всего в том, чтобы вырастить вполне здоровых людей. Лишь во второй очереди будем мы думать о развитии духовных способностей. Но и в этой последней области мы прежде всего будем думать о том, чтобы развить в нашей молодежи характер, волю, силу решимости, а в сочетании с этим будем систематически работать над тем, чтобы развить в ней чувство ответственности.

Лишь в последнюю очередь будем мы думать о чисто школьном образовании.

Наше государство будет исходить из того, что нам нужны не физически слабые люди, хотя бы они были и разносторонне образованы, а нужны физически здоровые люди с твердым характером, решительные и энергичные, хотя бы их образование и было недостаточно широко. Если бы народ состоял сплошь из ученых и если бы в то же время эти ученые были людьми физически вырождающимися, слабовольными, да к тому еще молились богу пацифизма, то о таком народе можно заранее сказать: он не только не завоюет неба, но не сумеет обеспечить себе сколько-нибудь достойного существования на земле. В тяжелой борьбе, когда решаются судьбы людей и народов, поражение потерпит не тот, кто меньше знает, а тот, кто слабее и кто не умеет делать практических выводов даже из того немногого, что он знает. В конце концов и здесь нужно соблюдение известной пропорции: между физическим здоровьем и умственным знанием должна существовать известная гармония. *Гниющее тело не станет более привлекательным, хотя бы в нем и жил самый поэтический дух.* Да люди никогда бы не стали стремиться к развитию умственных способностей, если бы это непременно было связано с тем, что данный человек должен превратиться в физическую развалину, стать слабохарактерным калекой. Греческий идеал красоты потому и остался бессмертным, что тут мы имели изумительное сочетание физической красоты с благородством души и широким полетом ума.

Вот почему в нашем государстве забота о физическом развитии не будет предоставлена каждому отдельному лицу, не будет только задачей родителей. Нет, этой проблеме само государство посвятит огромное внимание, ибо это есть проблема самоутверждения нации, здоровье которой и призвано защищать государство.

Эту работу воспитания надо начинать уже с юных матерей, ведь удалось же нам в результате десятилетий внимательной работы добиться того, чтобы роженицы при родах у нас не заражались и чтобы родильная лихорадка стала только редкой гостьей. Так теперь необходимо нам поработать над воспитанием наших сестер и матерей и добиться того, чтобы они рожали детей здоровых. Этим мы положим основу созданию действительно здорового потомства.

В нашем народническом государстве школа должна уделить несравненно больше времени физическому образованию. Никуда не годится обременять молодые мозги таким балластом, как это делается теперь. Опыт показал, что из всей громадной массы так называемых школьных знаний мозг удерживает только одну небольшую часть да и при том в большинстве случаев как раз не самое важное. Воспитанники наших учебных

заведений просто не имеют никакой возможности отделить важное от неважного и в конце концов запоминают только второстепенные мелкие детали.

Если теперь в учебных программах наших средних школ на гимнастику едва отводят каких-то два часа в неделю, да при том еще делают этот предмет необязательным, то пропорционально с тем временем, которое мы уделяем умственному развитию, это - какое-то сплошное недоразумение. Мы должны поставить дело так, чтобы каждый молодой человек посвящал ежедневно минимум один час до обеда и один час вечером всевозможным видам спорта и гимнастики. При этом ни в коем случае не следует отказываться от одного важного вида спорта, на который к сожалению и в нашей собственной среде иногда смотрят сверху вниз, - я говорю о боксе.

В кругах, так называемого, "образованного" общества приходится слышать на этот счет совершенно невероятные глупости. Если молодой человек учится фехтовать и затем целые дни занимается фехтованием, это считается чем-то само собой разумеющимся и даже почетным. А вот если он учится боксу, то это кажется чем-то очень грубым. Спрашивается - почему? Мы не знаем никакого другого вида спорта, который в такой мере вырабатывал бы в человеке способность наступать, способность молниеносно принимать решения и который вообще в такой мере содействовал бы закалке организма. Если два молодых человека разрешают тот или другой конфликт при помощи кулаков, то это ни капельки не более грубо, чем если они разрешают его при помощи отшлифованных кусков железа. Если человек, подвергшийся нападению, защищается при помощи своих кулаков, то это ни капельки не менее благородно, чем убеждать и звать шуцмана. Наш здоровый мальчик должен с ранних лет научиться переносить побои. Пусть наши сверхумники по этому поводу подымут крик, что я проповедую нечто дикое, а я все-таки продолжаю думать, что задача нашего государства будет заключаться не в том, чтобы воспитывать целые колонны робких эстетов и физических дегенератов.

Наше государство видит свой идеал не в "уважаемом" обывателе и не в добродетельной старой деве; наш идеал мужчины - олицетворение мужественной силы; наш идеал женщины - чтобы она в состоянии была рожать нам новое поколение здоровых мужчин.

Спорт нужен нам не только для того, чтобы воспитывать отдельных сильных и смелых людей, но и для того, чтобы закалять наших детей и готовить их к тому, чтобы они умели спокойно переносить, если нужно, и несправедливые удары судьбы.

Если бы весь наш верхний умственный слой в свое время обучался не только хорошим манерам, а вместо этого как следует обучился бы, скажем, боксу, то у нас была бы невозможна пресловутая ноябрьская революция, которую сделали сутенеры, дезертиры и тому подобная дрянь. Если вся эта сволочь имела в ноябре 1918 г. успех, то это объясняется отнюдь не энергией и решимостью этих "творцов" революции, а только жалкой бесхарактерностью тех, кто тогда руководил государством и на ком лежала ответственность за него. В том-то и беда, что в наши идейные руководители имели так называемое "духовное" воспитание. Вот почему они оказались совершенно бессильны в тот момент, когда противная сторона прибегла к силе. Все это в последнем счете было результатом того, что наши высшие учебные заведения принципиально воспитывали не мужей, а только чиновников, инженеров, техников, химиков, юристов, литераторов, а также конечно - дабы все эти породы не вымирали - профессоров соответственной специальности.

Идейное наше руководство всегда было блистательно. Зато там, где требовалось проявить какую-либо силу воли, мы в большинстве случаев стояли ниже всякой критики.

Конечно одним воспитанием из человека с трусливым от природы характером не сделаешь храбреца. Но, с другой стороны, и человек, от природы не лишенный храбрости, будет парализован в этих своих качествах, если благодаря недостаткам своего физического воспитания он попадет в более невыгодное положение, чем его противник. Пример армии лучше всего показывает, насколько сознание своей физической силы и

ловкости пробуждает в человеке чувство мужества, дух наступления. Разумеется и армия не состоит сплошь из героев. В громадном большинстве случаев мы имеем здесь дело со средними заурядными людьми. Но превосходство физического воспитания немецкого солдата в мирное время внушило этому гигантскому организму непровольную веру в свои преимущества. Это делало из нашего солдата человека, глубоко верившего в свое превосходство над противником. Этому не смог отрицать и неприятель. То, что нашим армиям удалось сделать летом и осенью 1914 г., когда мы неудержимо шли вперед и покрыли наши наступающие знамена бессмертной славой, было только результатом неустанного воспитания в течение долгих лет перед войной. Именно в довоенные годы мы надлежащей постановкой дела физического воспитания в армии подготовили людей к этим совершенно невероятным подвигам, ибо внушили им такую веру в себя, которая не выдохлась даже в ужасах неслыханных кровавых сражений.

Именно нашему немецкому народу, которому сейчас приходится испытывать унижения со стороны всего остального мира, больше всего не хватает внутренней веры в свои силы. Но эту внутреннюю веру можно воспитать только с детских лет. Мы должны воспитать наших детей так, чтобы они верили, что именно мы, немцы, будем безусловно сильнее всех остальных. Всей постановкой дела воспитания мы должны внушить нашему народу сознание того, что нация наша вновь станет непобедимой. Что в свое время вело наши немецкие армии от победы к победе, так это та сумма доверия, которое испытывал каждый солдат сам к себе и все вместе к своим руководителям. Что еще может вновь поднять немецкий народ, так это только убеждение в том, что мы опять завоюем себе свободу. Но это убеждение может быть результатом только того, что миллионы и миллионы людей одинаково воспримут это чувство.

И тут не надо делать себе никаких иллюзий.

Ужасно было крушение нашего народа и невероятные усилия потребуются для того, чтобы в один прекрасный день можно было наконец ликвидировать результат этого поражения. Можно ли в самом деле поверить, что наш народ, если мы будем продолжать его воспитывать как теперь в идее поклонения "тишине и порядку", когда бы то ни было найдет в себе силы разорвать свои цепи и бросить в лицо врагу обломки этих цепей. Нет, думать так было бы горькой ошибкой. Поправить дело могут только настоящая крепкая национальная воля, жажда свободы и высшая страсть.

Вопрос об одежде тоже имеет известное значение. Наша молодежь должна одеваться так, чтобы это содействовало указанной цели. Просто жалко смотреть, как наша молодежь становится жертвой глупейших мод. Старинная пословица – по платью встречают – получает самый извращенный смысл.

Платье должно служить делу воспитания молодежи. Тот молодой парень, который летом расхаживает в длинных штанах, закутанный до шеи, уже одним этим приносит вред делу своей физической закалки. Нам нужно воспитывать в молодом человеке и известное самолюбие и даже прямо – не будем бояться назвать вещи своими именами – известное тщеславие. Нужно только, чтобы предметом тщеславия было не то, что человек приобрел себе красивое платье, которого не могут купить другие, а то, что человек имеет красивое тело, чего добиться при желании может всякий.

Это имеет значение и для дальнейшего. Нам нужно, чтобы наши девушки хорошо знали своих рыцарей. Если бы вопрос о красивом теле не был сейчас благодаря дурацким модам отодвинут на самое последнее место, то кривоногие истасканные еврейчики не могли бы свести с правильного пути сотни тысяч наших немецких девушек. Нация заинтересована в том, чтобы в брак вступали люди с красивыми телами, ибо только это способно обеспечить нашему народу действительно красивое потомство.

В нынешнее время это для нас особенно необходимо, ибо у нас нет теперь военного воспитания, которое в прежние времена по крайней мере частью заменяло нам отсутствие должной постановки физического воспитания в школе. В армии тоже важно было не

только то, что каждое отдельное лицо получало соответствующую закалку. Важно было еще и то, какое влияние военное воспитание оказывало на взаимоотношение полов. Молодая девушка всегда предпочитала военного невоенному.

Наше государство должно взять на себя заботу о физическом воспитании не только на официальный школьный период молодежи, но и на период послешкольный. Государство не должно оставлять своих забот о молодежи, пока продолжается период ее физического роста. Было бы совершенно нелепо представлять себе задачу государства так, что как только молодой гражданин кончает школу, государство должно внезапно перестать заботиться о нем и затем вспомнить о нем лишь тогда, когда оно призовет его на военную службу. Нет, государство не только имеет право, но и обязано систематически и неуклонно заботиться о всем физическом воспитании населения. Наше современное государство не проявляет никакого интереса к здоровью граждан, и поэтому оно преступно забыло о физическом воспитании молодежи. Нынешнее государство спокойно предоставляет молодежи разрушать свое здоровье в домах терпимости и на улицах, вместо того чтобы взять в свои руки дело воспитания молодежи и систематической работой добиваться создания поколения физически здоровых мужчин и женщин.

Каковы будут конкретные формы физического воспитания, об этом мы еще успеем поговорить впоследствии. Сейчас важно то, чтобы мы вообще взяли за дело физического воспитания и стали искать надлежащих путей. Наше государство возьмет на себя правильную постановку не только умственного, но и физического воспитания молодежи в послешкольный период и создаст для этого соответствующие государственные учреждения. В общих чертах все это воспитание будет закладывать основы для будущей военной службы. Задачей будущей армии уже не будет обучение молодого человека простейшим физическим упражнениям. Рекрутов в нынешнем смысле слова у нас не будет. Армия сразу будет получать молодых людей, прошедших безукоризненную школу физической подготовки, и задача армии будет заключаться только в том, чтобы из этих подготовленных людей сделать солдат.

В нашем государстве армия будет обучать солдат не просто маршировать, она станет для него высшей школой патриотического воспитания. Молодой солдат получит в армии все необходимые сведения относительно обращения с соответствующим видом оружия.

Но в то же время армия будет его формировать и для всей его дальнейшей жизни. Главное, что даст армия молодому солдату, это то, что в высшую заслугу засчитывалось уже и старой армии: в этой школе юноши будут превращаться в настоящих мужей; в этой школе наша молодежь будет обучаться не только послушанию и дисциплине, но будет учиться также приказывать. В армии молодой немец научится молчать не только тогда, когда его порицают справедливо, но и тогда, когда ему приходится выслушивать несправедливые упреки. В армии он должен упрочить свою веру в собственную силу, воспитать свой корпоративный дух, воспитать в себе глубокое убеждение в непобедимости собственной нации.

По окончании военной службы молодому немцу выдадут на руки два документа: во-первых, его *гражданский диплом*, дающий ему право заниматься общественной деятельностью, и во-вторых, *свидетельство о состоянии физического здоровья*, дающее ему право вступить в брак.

По аналогии с воспитанием мальчиков наше государство поставит и дело воспитания девочек. И здесь центр тяжести будет прежде всего в физическом воспитании и лишь затем в воспитании моральном. Чисто школьное образование будет стоять на третьем месте. Главная задача женского воспитания будет заключаться в том, чтобы подготовить настоящих матерей.

Лишь во вторую очередь наше государство поставит дело воспитания *характера*.

Основные черты характера каждого человека заложены в нем конечно от рождения. Родившийся эгоистом, останется им навсегда. Родившийся идеалистом, тоже так или

иначе идеалистом и останется. Однако надо иметь в виду и то, что между двумя группами людей с резко выраженными характерами стоят миллионы и миллионы людей с очень неопределенными и неясно выраженными чертами характера. Прирожденный преступник, разумеется, был и останется преступником. Но очень многие люди с некоторыми преступными наклонностями могут благодаря правильному воспитанию стать честными людьми и ценными членами общества и наоборот благодаря плохому воспитанию многие колеблющиеся характеры окончательно сойдутся на плохой путь. Как часто во время войны приходилось слышать жалобы на то, что наш народ не умеет *молчать*! Как трудно бывало из-за этого сохранить от противника даже очень важные военные секреты. Но разве же неуместно будет спросить себя: а что же до войны сумело сделать немецкое воспитание, чтобы научить немца, когда нужно, молчать? Разве неверно, что в нашей школе очень часто маленького *доносчика* ставили в пример его молчаливым товарищам. Разве в нашей школе и теперь не смотрят на доносы как на признак похвальной "откровенности" и на молчаливость как на признак позорной скрытности? Да разве наша школа вообще давала себе когда-либо труд внушать своим воспитанникам, что молчаливость есть ценное мужественное чувство! Нет, в глазах всех нынешних школьных наставников все это нестоящие внимания мелочи. А на деле из-за этих мелочей наше государство несет зря многомиллионные судебные издержки, ибо 90% всех наших судебных процессов об оскорблении личности и т. п. возникают исключительно из того, что у нас не умеют молчать. У нас привыкли легкомысленно повторять и распространять всевозможные безответственные заявления. Наше народное хозяйство систематически терпит большой ущерб от того, что направо и налево разбалтываются важные производственные секреты. Мало того! Даже известные секретные приготовления военного характера делаются совершенно иллюзорными в результате того, что мы разучились молчать и обо всем болтаем вслух. Во время же самой войны такая болтливость может припасть еще гораздо больший вред - вплоть до потери целых сражений, вплоть до потери всей компании. Не приходится сомневаться в том, что чего мы не воспитали в юности, того мы не увидим и в более зрелом возрасте. Надо во что бы то ни стало добиться, чтобы наше учительство раз навсегда перестало пользоваться "сведениями", получаемыми от неразумных юных доносчиков, ибо это воспитывает одно из самых плохих качеств характера.

Это только один из многих примеров. В настоящее время у нас вообще не обращают никакого внимания на дело развития благородных черт характера в школе. В свое время наше государство должно будет обратить на это очень пристальное внимание. *Преданность, верность, готовность к самопожертвованию, умение молчать* - вот добродетели, которые очень нужны великому народу. Систематически поддерживать и воспитывать в школе эти чувства - дело гораздо более важное, чем многое из того, что заполняет ныне наши учебные программы. Такой же важной задачей воспитания является - систематически отучивать от слезливых жалоб, от вечного хныканья и т. д. Наша школа должна воспитывать детей в той мысли, что надо уметь, когда приходится, молча переносить и страдания и справедливые удары. Если мы позабываем о такой важной задаче, то не приходится потом удивляться и тому, что в критическую минуту, скажем во время войны, когда на фронтах находятся миллионы наших сынов, вся почта только и додает, что перевозят взад и вперед письма, полные хныканья и жалоб. Если бы в наших народных школах молодежь меньше накачивали школьной премудростью, но зато систематически воспитывали бы в ней чувство самообладания, то это очень и очень окупилось бы в 1915-1918 гг.

Таким образом наше государство должно будет обратить особенное внимание на дело воспитания характера. Многие моральные дефекты, от которых ныне страдает наш народный организм, могут быть устранены только на этих путях. Если нам не удастся устранить их полностью, то во всяком случае удастся сильно смягчить эти болезненные явления.

Особенно большое значение придадим мы воспитанию силы воли и решимости, систематическому культивированию чувства ответственности.

В старой армии мы любили говорить, что лучше жесткий приказ, чем никакого приказа. Если перефразировать эти слова применительно к воспитанию молодежи, то можно сказать: лучше, чтобы молодежь отвечала на вопрос иногда не совсем правильно, чем не отвечала вовсе. Нужно, чтобы у нас стыдились больше бояться ответить из-за опасения сказать что-либо неправильное, нежели дать быстрый ответ, хотя не всегда правильный. Уже в этой примитивной форме надо воздействовать на молодежь в том смысле, чтобы она имела мужество действовать.

Часто мы жалуемся на то, что в декабре 1918 г. все, начиная монархом и кончая последним солдатом, потеряли способность принимать какое-либо самостоятельное решение.

Этот ужасный факт является грозным предостережением всему нашему делу воспитания. В этой ужасной катастрофе нашло себе выражение в гигантских размерах лишь то, что у нас систематически воспитывалось в мелочах. Что и поныне лишает нас силы к какому бы то ни было серьезному сопротивлению, так это не недостаток оружия, а недостаток воли. Этот недостаток воли угнездился глубоко в нашем народе, и именно он мешает нам принимать какое бы то ни было решение, если оно связано с серьезным риском. Как будто в самом деле величие решения не заложено именно в том, что приходится дерзать.

Один из наших генералов, как известно, употребил формулу: "Я предпринимаю тот или иной шаг лишь в том случае, если мне не менее чем на 51 процент обеспечен успех". Сам того не желая, этот немецкий генерал дал в своих словах классическую формулу нашего глубоко печального безводья. В этом "51 проценте" весь трагизм современного германского крушения. Люди не понимают того, что кто сначала требует от судьбы какой-то гарантии успеха, тот тем самым заранее отказывается от последних остатков героизма. Ибо героизм заключается как раз в том, чтобы в полном сознании грозящей смертельной опасности тем не менее предпринять смелый шаг и может быть все-таки спасти положение. Если человек болен раком, то ему не нужно 51 процента уверенности, чтобы решиться на операцию, ибо без операции он все равно умрет. Если эта операция обещает даже только полпроцента на выздоровление, то мужественный человек и то предпочтет операцию, чем просто плаксиво хныкать о своей неизлечимой болезни.

Если мы сейчас переживаем такую тяжелую полосу полного безволия людей, полного отсутствия какой бы то ни было решительности, то это, несомненно, есть результат принципиально неправильной постановки у нас дела воспитания. Ужасающие последствия этой неправильной постановки дела воспитания затем неизбежно сказываются на всей нашей жизни и неизбежно приводят к тому, что и руководители государства начинают страдать от недостатка гражданского мужества.

Сюда же относится и свирепствующая ныне новая модная болезнь: трусость перед ответственностью. Здесь тоже приходится видеть результат неправильной постановки воспитания. Недостаток этот постепенно окрашивает всю общественную жизнь и находит себе "бессмертное" завершение в институте парламентаризма.

Уже со школьной скамьи у нас отдают предпочтение маленькому грешнику, быстро и охотно приносящему "клятвенное раскаяние" в грехах, перед мальчиком, который открыто и мужественно защищает свое мнение. Иному нашему современному воспитателю последнее качество иногда даже прямо представляется образчиком непоправимой испорченности характера. И такому маленькому упрямцу иногда прямо сулят виселицу за его упорство, не понимая того, что если бы этими чертами характера обладал весь наш народ, то в этом приходилось бы видеть громадное сокровище.

Наше государство будет воспитывать в юношестве со школьной скамьи чувство ответственности и готовность мужественно отстаивать свое мнение. Это

необходимо нам так же, как и систематическое воспитание в молодежи воли и решимости к действию. Если государство сумеет полностью и до конца понять эти задачи, то в результате очень длительной работы над самими собой мы получим народный организм, действительно свободный от тех слабостей, которые ныне роковым образом должны были привести к нашему крушению.

Что касается чисто школьного образования, которое ныне у нас является альфой и омегой всего, то наше государство в будущем сможет его перенять, правда, с некоторыми небольшими изменениями.

Эти изменения лежат в трех областях.

Во-первых, молодой мозг не должен быть обременен вещами, которые ему на 95% не нужны и которые он поэтому быстро забывает. Задача должна заключаться в том, чтобы каждому учащемуся дать хотя бы небольшой, но самый важный запас тех сведений, которые ему действительно необходимы для дальнейшей жизни и которые он сможет применить с пользой для всего общества. А именно этого как раз мы и не сможем сделать, если просто будем навязывать молодому человеку чрезмерно большую массу материалов, самую существенную часть которых он не в состоянии удержать в памяти. Так например совершенно непонятно, для чего это нужно, чтобы миллионы людей тратили ряд лет на изучение двух или трех иностранных языков. На деле лишь очень небольшая частичка этих людей применит это знание языков в жизни. Громадное же большинство скоро просто-напросто забудет о них. Из ста тысяч учеников, изучающих, скажем, французский язык, максимум две тысячи найдут этому серьезное практическое применение, а 98 тысяч в течение всей своей дальнейшей жизни на практике не воспользуются этими знаниями. Что же получается? Только то, что из-за двух тысяч, которым эти знания полезны, 98 тысяч мучаются совершенно зря и совершенно бесполезно теряют драгоценное время.

К тому же в данном случае дело идет о языке, о котором нельзя сказать, например этого, что относится к латинскому языку, т.е. что изучение его содействует вообще сильному развитию логического мышления. По-нашему; было бы гораздо полезнее, если бы молодому учащемуся мы дали только самое общее понятие о данном языке, общий очерк его, дали понимание характерных черт этого языка, другими словами, дали ему некоторое представление о грамматике, произношении, синтаксисе и т. п. Для этого можно было ограничиться отдельными образцами. Этого было бы вполне довольно для общего обихода, с этим каждый мог бы справиться, и это было бы в конце концов, много ценнее, чем нынешнее накачивание "всем языком", хотя мы заведомо знаем, что действительного изучения языка не получается и что люди все равно скоро забудут его. Тогда исчезла бы и та опасность, что из всего материала в памяти учащегося останутся только отдельные случайные крохи, и мы добились бы того, что молодежь удержала бы в памяти самое важное, ибо неважное было бы уже отсеяно самими педагогами.

Благодаря этому большинство учащихся получило бы общие основы, которые им действительно необходимы в дальнейшей жизни. Те же, кому действительно необходимо изучение иностранных языков, занялись бы этим специально по собственному выбору и достигли бы нужных результатов.

Благодаря этому в учебных программах очистилось бы время для необходимых физических упражнений и для других дисциплин, о которых мы говорили выше.

Особенно необходимо внести серьезные изменения в нынешнее наше преподавание истории. Едва ли какой-нибудь другой народ больше изучает историю, нежели мы, немцы. Но едва ли найдется другой народ, кто хуже применял бы в жизни это изучение, чем мы. Если верно, что политика есть история в ее становлении, то вся наша современная политика доказывает, как плохо поставлено у нас дело преподавания исторических наук. Конечно было бы совершенно бесполезно просто хныкать по поводу жалких политических результатов, получаемых нами, если бы у нас не хватило решимости

действительно принять необходимые меры, чтобы изменить преподавание исторических наук и тем создать базу для лучшего политического воспитания. В 99 случаях из 100 нынешнее наше преподавание исторических наук никуда не годится. Общая линия совершенно отсутствует. В памяти остаются только немногие даты, имена, частичка хронологии. О самом важном, о том, что в сущности только и имеет значение, преподаватель истории не говорит вовсе.

Как раз в области преподавания истории нужно прежде всего сильно сократить программу. Центр тяжести надо перенести на то, чтобы облегчить учащимся понимание общей основной линии развития. Чем больше мы изменим программу преподавания в этом направлении, тем более позволительно будет надеяться на то, что каждый отдельный учащийся действительно с пользой пройдет необходимый курс, а стало быть, пользу в последнем счете получит и все общество. Ибо историю должны мы изучать не просто для того, чтобы знать, что было раньше на свете, а для того, чтобы уроки истории уметь применить на будущее с пользой для собственного народа. В этом должна заключаться цель. Сообщение же соответствующего фактического материала учащемуся должно рассматриваться только как *средство*.

Ныне же у нас и тут получилось наоборот: средство стало целью, а сама цель позабыта совершенно. И пусть опять-таки нам не говорят, что для основательного изучения истории все эти отдельные даты, фактики и хронология, дескать, совершенно необходимы и что без них учащийся не может понять общей цепи развития. Нет, этим могут заниматься только специалисты-историки. Средний же заурядный человек не является профессором исторических наук. Для него история необходима настолько, чтобы он мог составить себе самостоятельное мнение в вопросах политической жизни своего собственного народа. Кто хочет стать профессором истории, тот может после посвятить себя этим занятиям целиком. Такой человек, понятно, должен заняться всей этой наукой и углубиться в ее малейшие детали. Но в этом ему как раз не поможет нынешний наш способ преподавания, ибо нынешнее преподавание слишком обширно для среднего рядового человека и в то же время совершенно недостаточно для ученого специалиста.

Одной из важных задач нашего государства поэтому явится забота о том, чтобы наконец был написан такой курс истории, в котором доминирующее положение займет расовая проблема.

Подводя итог, приходится сказать: наше государство сильно сократит общешкольное преподавание и выделит из него только самое главное и существенное. Рядом с этим оно создаст возможность для всех желающих получить действительно основательное специальное образование. Вполне достаточно, если каждый получит в качестве основного только самое общее образование. В той же области, которую он изберет своей специальностью, он сможет получить основательное, детальное, специальное образование. Общеобразовательный минимум будет обязательным для всех, специальное же образование будет делом каждого отдельного лица.

Сократив учебный план, мы выиграем много свободных учебных часов, и эти часы должны быть посвящены физическим упражнениям, воспитанию характера, воли и силы решимости.

Насколько нынешнее наше школьное преподавание недостаточно, чтобы дать человеку нужные ему в дальнейшей жизни профессиональные знания, - это лучше всего видно уже из одного того факта, что на одни и те же должности люди приходят у нас из трех различных школ. Решающее значение имеет только общеобразовательный минимум, а вовсе не механическое "приобретение" специальной школьной премудрости. Кому нужны действительно специальные знания, тот не может их, как мы уже сказали, приобрести в пределах учебных планов наших нынешних средних учебных заведений.

Наше государство поэтому должно раз и навсегда покончить со всей этой половинчатостью.

Во-вторых, наше государство проведет следующее изменение.

В наше время засилья материализма преимущество все больше отдают точным наукам - математике, физике, химии и т.д. Разумеется в эпоху, когда техника и химия главенствуют и окрашивают собою всю нашу повседневную жизнь, без этого обойтись нельзя. Но тем не менее было бы крайне опасно, если бы все наше общее образование исчерпывалось этими предметами. Нет, дело воспитания нации должно быть построено не на материализме, а на идеализме. Наше народное образование должно быть построено в первую очередь на гуманистических науках и давать учащемуся лишь основы для дальнейшего специального образования. Поступая иначе, мы лишаемся таких ценностей, которые с точки зрения общих интересов нации гораздо важнее, чем любые технические и специальные знания. В области истории ни в коем случае не следует отказываться от изучения античного мира. Изучение римской истории - конечно в самых общих чертах ее развития - всегда было и на все времена останется важнейшим делом. Нам нужно также сохранить преподавание истории греков, ибо культурные идеалы этого народа навсегда останутся образцом всего прекрасного. Наша современная борьба есть борьба за тысячелетнюю культуру. Древние греки и древние германцы работали над одним делом. И мы никому не должны позволить теперь разорвать это расовое единство.

Необходимо строго различать между общим образованием и особыми специальными знаниями. Именно потому, что эти последние в наш век все больше и больше становятся достоянием мамоны, нам необходимо в качестве противовеса сохранить идеалистические основы общего образования. *Всюду и везде должны мы доказывать, что промышленность и техника, торговля и ремесла могут процветать лишь до тех пор, пока общество в целом проникнуто идеализмом, без которого нет и указанного расцвета. Действительной предпосылкой такого расцвета может быть не материалистический эгоизм, а только идеалистический альтруизм, готовность людей жертвовать личными интересами в интересах общества.*

Нынешнее наше воспитание в общем и целом видит свою главную задачу в том, чтобы дать молодому человеку лишь те специальные знания, которые нужны ему, чтобы он мог в дальнейшей жизни зарабатывать себе кусок хлеба. Это обыкновенно выражается в следующих словах: "молодой человек должен со временем стать полезным членом нашего общества". Под этим, однако, понимают только то, что он должен суметь себе обеспечить соответствующий заработок. Кой-какое поверхностное общее образование - это, так сказать, только бесплатное приложение. Говорят о том, что наш учащийся получает еще общее "государственное" образование. Но мы-то с вами, читатель, знаем, что государство есть только форма. Уже по одному этому трудно современному нашему учащемуся дать "государственное" образование. Форма легко может сломаться. Действительно же ясного содержания в понятие "государство" у нас теперь не вкладывают. Что же реально остается от современного "государственного" воспитания? Остается только ходячий "патриотизм". В старой довоенной Германии главную задачу видели в том, чтобы воспитывать идолопоклонство к монарху и всем большим и маленьким князьям. Такая "педагогика" была не только очень безвкусна, но и крайне неумна. Она не приводила к цели хотя бы уже по одному тому, что идолов воздвигали слишком уж много. Это приводило к тому, что действительно великих деятелей нашей истории народ наш не знал. И здесь за мелочами мы упускали основную линию развития.

Что на этих путях нельзя было вызвать настоящего национального энтузиазма - это ясно само собой. Такая постановка воспитания совершенно не давала возможности выбрать лишь очень немногие, но действительно великие в нашей истории имена и сделать эти имена достоянием всего немецкого народа, - что одно только могло объединить весь народ в поклонении единому идеалу и вызвать в нем действительно глубокий и прочный подъем. Мы не сумели поставить в центр внимания народа имен

наших действительно крупных деятелей, сделать из них героев современности, концентрировать на них внимание всей нации и тем самым создать настроение, объединяющее весь народ. Мы не сумели во всех областях знания выделить тех людей, которые действительно должны составлять нашу славу, и не сумели сделать из них великие образцы, которыми должна гордиться вся нация. Мы оставались целиком на уровне обыденщины. Очевидно, тут играл роль и страх, как бы нам не оказаться в "шовинистах", чего у нас особенно боялись. Мы довольствовались шаблонным династическим патриотизмом. Этот последний казался нам куда более "удобным", нежели шумные и радостные проявления действительно глубокой национальной гордости. Заурядный династический патриотизм всегда готов был "служить", ну, а подлинная национальная гордость могла сама предъявить претензию подчинить себе других. И это казалось "опасным". Монархический патриотизм не шел дальше образования шаблонных фрейеров "ветеранов войны". Национальная гордость едва ли ограничилась бы такими невинными игрушками. Она похожа на благородного коня, на которого не каждый сядет и поедет. Стоит ли удивляться тому, что руководители старой Германии предпочли не связываться с такими опасными "вещами". Ведь никому из них и в голову не приходило, что близок день, когда придет мировая война, которая в грохоте пушек и в волнах газовых атак произведет подлинный экзамен истинному патриотизму и стойкости каждого немца. Когда же эта война пришла, мы все убедились, как ужасно отомстило за себя полное отсутствие у нас действительно национального воспитания, полное отсутствие у нас действительно глубокого национального чувства. Умирать за своих королевско-императорских владык у народа не было большой охоты. Ну, а что такое "нация", об этом мы знали только понаслышке. Когда пришла революция и идея монархического патриотизма угасла сама собой, преподавание истории получило у нас уже действительно только прикладное значение. Современное государство в национальном подъеме не нуждается. Чего бы ему хотелось, так это энтузиазма к республиканскому режиму. Но именно этого получить оно не сможет. Как династический патриотизм не мог быть особенно прочным в эпоху, когда крупнейшую роль играл уже принцип национальностей, так республиканский патриотизм не получит серьезной силы теперь. Едва ли можно сомневаться в том, что под лозунгом "за республику" немецкий народ не стал бы четыре с половиной года сражаться на фронтах. А всего меньше стойкости проявили бы вероятно сами инициаторы этой замечательной республики.

Если наша хваленая республика неожиданно существует уже довольно долгое время, то этим она обязана только тому, что в любую минуту готова взять на себя любой грабительский договор, платить сколько потребуют, уступить любую территорию, какую пожелают получить и т. д. Чужим государствам такая германская республика очень нравится. Противнику всегда удобнее иметь дело с людьми слабыми и покорными. Эта симпатия противника именно к республиканской форме правления в Германии и есть самый уничтожающий приговор для ноябрьской республики. Противники любят германскую республику и дают ей возможность жить, ибо они знают, что лучшего помощника в деле закабаления германского народа им не найти. Только этому обстоятельству и обязана своим существованием наша прекрасная республика. Вот почему она легко может обойтись без всякого действительно национального воспитания. Ей довольно того, что герои рейхсбаннера кричат ей "ура", хотя между нами будь сказано, если бы рейхсбаннерам действительно пришлось своей жизнью защищать знамя республики, то они бы вероятно разбежались, как зайцы.

Наше народническое государство должно будет вести серьезную борьбу за свое существование. Оно не может возлагать своих надежд на план Дауэса, и никакие подписи на этаких договорах не будут служить для него защитой. Нам, чтобы обеспечить существование нашего государства, необходимо будет именно то, от чего так отказывается современная республика. Чем совершеннее будет наше новое государство как в смысле формы, так и в смысле содержания, тем большую зависть, тем большее

сопротивление встретим мы со стороны противника. Главная наша защита будет тогда не столько в силе оружия, сколько в силе самих граждан. Нашей защитой будет не система крепостей, а живая стена мужчин и женщин, преисполненных высокой любви к отечеству и фанатического национального энтузиазма.

Вот почему мы должны, в-третьих, иметь в виду следующее:

Наше народническое государство сумеет и науку использовать в интересах развития национальной гордости. Мы поставим с этой точки зрения дело преподавания не только общей истории, но и истории развития всей культуры. Мы будем прославлять нашего изобретателя не только как такового, но и как немца, как сына нашего народа. Мы научим уважать в каждом крупном человеке не только творца великих дел, но и сына великой нации. Из всего большого числа великих деятелей германской истории мы выберем несколько самых великих и сумеем сделать их известными самым широким слоям нашей молодежи. Вокруг этих немногих столпов мы и построим все гордое здание непоколебимого национального подъема.

Под этим углом зрения мы должны перестроить все учебные программы и постепенно реорганизовать дело воспитания так, чтобы наш молодой человек, кончая школу, выходил из нее не полупацифистом, демократом и т. п., а настоящим немцем.

Чтобы это национальное чувство с самого начала было подлинным, а не иллюзорным, необходимо с самой ранней молодости, когда люди еще особенно восприимчивы, с железной последовательностью прививать им следующие мысли.

Кто действительно любит свой народ, тот всегда должен быть готов подтвердить это подлинной жертвой. Нет и не может быть такого национального чувства, которое заботится только о собственной пользе. Нет и не может быть такого национализма, который свойственен только отдельным классам. Мало только кричать ура, нужно, чтобы за этим стояла подлинная любовь к нации, подлинная забота о сохранении народной здоровья. Гордиться своим народом мы можем лишь тогда, когда у нас нет причин стыдиться ни за одно из наших сословий. Никакой гордости не может внушить такой народ, добрая половина которого живет в постоянной нищете и в горе и систематически гибнет от этих тяжелых условий жизни. Лишь тогда, когда весь народ пользуется настоящим физическим и моральным здоровьем, могут появиться радостное чувство и гордость по поводу того, что мы принадлежим к данному народу. Это высокое чувство национальной гордости по-настоящему испытает только тот, кто видит и понимает величие своего народа.

Уже с юных лет должны мы воспитывать в нашей молодежи уважение к национализму в сочетании этого последнего с чувством социальной справедливости. Только тогда у нас сложится народ, состоящий из граждан, действительно связанных друг с другом узами общей любви, общей гордости, общего сознания своей непобедимости.

Свойственный современной эпохе страх перед шовинизмом есть только симптом импотентности самой этой эпохи. Эта эпоха не знает, что такое действительно глубокая, действительно стихийная сила. Вот почему она и не призвана совершать великие дела. Великие перевороты были бы совершенно невозможны, если бы на земле существовали только мещанские добродетели тишины и спокойствия и не было страстей, доходящих до фанатизма и даже до истерии.

Наш мир безусловно идет навстречу великим преобразованиям. Вопрос только в том, пойдут ли эти преобразования во спасение арийскому человечеству или лишь на пользу вечно еврею. Наше государство должно поставить все дело воспитания так, чтобы суметь вырастить поколение, которое действительно окажется на высоте предстоящих задач.

Победа достанется тому народу, кто первый сумеет стать на этот путь.

Венец всех задач нашей постановки воспитания должен заключаться в том, чтобы со всей отчетливостью поставить перед всей молодежью в первую очередь проблему расы. И умом и чувством наша молодежь должна понять, что это главная из главных и центральная из центральных проблем. Ни один юноша и ни одна девушка не должны покидать стен школы, не поняв до конца, какое гигантское решающее значение имеет вопрос о чистоте крови. Только так создадим мы основы расового возрождения нашего народа. Только на этих путях выкуем мы все предпосылки нашего дальнейшего культурного развития.

Ибо мы должны помнить, что все физическое и умственное воспитание в последнем счете может быть полезно лишь для тех людей, кто понял принципиальную важность расовой проблемы и кто готов действительно сделать все необходимое для сохранения чистоты расы.

В противном случае неизбежно создастся то трагическое положение, которое отчасти уже и создано для нас, и на нас надвинется несчастье, размеры которого даже трудно себе представить, а именно: мы и на будущие времена останемся тогда только культурным навозом. Не только в том смысле, что мы будем терять все большее число сынов своего народа, а в том смысле, что кровь наша будет обречена на систематическую деградацию. Смешиваясь с другими расами, мы оказываем им некоторые услуги, подымая их на более высокий уровень, но сами мы при этом обречены на систематическое нисхождение, а затем и вырождение.

Если мы сумеем на указанных началах перестроить все дело воспитания под углом зрения сохранения чистоты расы, то это, разумеется, принесет величайшую пользу и военному делу. В нашем государстве военная служба вообще будет рассматриваться только как заключительная глава в воспитании нашей молодежи.

Но как ни велико значение физического и умственного воспитания молодежи в нашем будущем государстве, столь же большое значение мы должны будем придать и систематическому человеческому отбору. В настоящее время мы относимся и к этой проблеме слишком легко. Благами высшего образования у нас теперь, как правило, пользуются только дети зажиточных родителей. Вопрос талантливости при этом играет лишь подчиненную роль. У нас забывают, что простой деревенский мальчик зачастую может быть талантливее, чем дети более зажиточных родителей, хотя в смысле знаний этот деревенский мальчик будет им сильно уступать. Если дети более зажиточных родителей больше знают, то это вовсе не говорит в пользу их большей талантливости. Знания дались им только в результате более богатой обстановки, более разносторонних впечатлений и т.д. Если бы наш более талантливый простой деревенский мальчик с самого раннего детства тоже жил в такой хорошей обстановке, то он накопил бы, быть может, еще и не такие знания. В нынешнее время осталась быть может, еще только одна область, где врожденный талант играет большую роль, нежели происхождение. Это - область искусства. Тут вопрос о богатстве или бедности родителей не играет уже такой роли по той простой причине, что тут дело идет о врожденных способностях, а не об учебе. Эта последняя может пригодиться для усовершенствования таланта, но первым и главным условием является наличие самого таланта. На этом примере особенно ясно видно, что талантливость отнюдь не свойственна только высшим слоям, а тем более только богатым людям. Нередко крупнейшие художники происходят как раз из наиболее бедных семейств. Немало знаем мы случаев, когда простой, но талантливый деревенский мальчик впоследствии превращался во всемирно знаменитого маэстро.

Замечательно, что в нашу эпоху это понимают, когда дело идет об искусстве, но ни за что не хотят применить ко всем другим областям духовной культуры. Почему-то считают, что к так называемым точным наукам это не относится. Нет сомнения, что известные механические способности можно в человеке и воспитать. Опытному дрессировщику удастся ведь обучить неглупого пуделя самым мудреным кундштюкам. Но как собаке, так

и человеку тут помогает только дрессировка, об особом таланте тут пока нет и речи. Любого среднего человека, если посвятить этому достаточно времени, можно кое-чему научить. Но если у него нет никакой искорки таланта, то это будет лишь бездушное "обучение", как и у животного. Если посвятить особенно много внимания дрессировке, то можно и среднего человека обучить кое-чему сверх среднего уровня, но это будет только мертвая "наука", совершенно бесплодная и в последнем счете лишенная всякого творчества. Такая "педагогика" может воспитать людей, которых мы называем ходячими энциклопедическими словарями. Но такие "образованные" люди потерпят фиаско всякий раз, когда суровая жизнь предъявит им сколько-нибудь серьезные требования. Такие люди ни на шаг не двинут вперед дело прогресса. Наоборот, они сами будут нуждаться в постоянной поддержке и будут ходить только на помочах. Люди, получившие такое "воспитание", годятся разве еще только на то, чтобы занимать высокие должности при нынешнем нашем несчастном режиме.

Мы считаем само собою разумеющимся, что при правильной постановке дела воспитания в недрах нации всегда найдется достаточное количество талантов для всех областей нашей жизни. Мы считаем далее само собою разумеющимся, что научное знание принесет тем большую пользу, чем больше в мертвую науку мы вдохнем живой дух соответствующего таланта. *Действительно творческий акт получается только тогда, когда знание и способности заключают брачный союз.*

Приведем здесь один пример того, сколь безгранично грешит в этом направлении наше нынешнее общество. От времени до времени вы можете встретить в наших иллюстрированных изданиях статьи с соответствующими портретами, рассказывающие на удивление нашему среднему немецкому мещанину, как там или сям удалось в первый раз сделать из негра учителя, адвоката или даже пастора или наконец героического тенора и т. п. Разинув рот, наш немецкий мещанин ахает от изумления по поводу таких чудес и приходит к выводу, что дело воспитания находится в современном обществе на недостижимой высоте. Евреи же пользуются этим совсем для других целей: хитро улыбаясь себе в бороду, они начинают доказывать всему честному народу, что эти примеры являются самым убедительным аргументом в пользу их теории о *равенстве всех людей*. Современному несчастному обществу не приходит даже в голову, что примеры эти говорят только об одном: о том, сколь сильно грешим мы против самых элементарных требований здравого рассудка. Миллионы и миллионы людей, принадлежащих к гораздо более высокой по своей культуре расе, влачат жалкое существование, занимая самые низкие места в нашей общественной иерархии. А мы в это время радуемся преступной игре, позволяющей выдрессировать полубезьяну настолько, чтобы сделать из нее адвоката. Люди не понимают, что мы совершаем величайший грех против воли вечного творца нашего, когда мы спокойно смотрим на то, как сотни и сотни тысяч одареннейших людей гибнут, подвергаясь всем ужасам пролетаризации, и в то же время дрессируем зулусов и кафров, чтобы дать им возможность занять места в более высоких профессиях. Ибо надо же сказать правду: на деле это только дрессировка, - такая же дрессировка, как соответствующее обучение пуделя. Если бы мы столько же труда и внимания посвятили людям более интеллигентных рас, то результат, разумеется, получился бы в тысячу раз больший.

Хорошо еще, что наши иллюстрированные издания могут нам поведать только об исключительных случаях такой дрессировки. Если бы эти исключения стали правилом, то это было бы поистине нестерпимо. Достаточно нестерпимо уже и то, что и сейчас высшее образование получают у нас вовсе не те, у которых для этого есть способности и таланты. Да, мы говорим прямо: совершенно нестерпимо такое положение, когда из года в год сотни тысяч совершенно бесталаных людей получают возможность проходить через высшие учебные заведения, между тем как сотни тысяч других действительно талантливых людей лишены возможности получить высшее образование. Нация несет в результате этого невероятный ущерб, которого даже не учтешь. Если в течение последних

десятилетий именно в САСШ происходит такой громадный рост важнейших изобретений, то это в значительной мере объясняется тем, что там талантливые люди из низших слоев народа имеют гораздо большую возможность получить высшее образование чем в Европе.

Чтобы стать изобретателем, нужен прежде всего талант. Тут недостаточно механических знаний. Но на это у нас не обращают никакого внимания. У нас главное - хорошая отметка.

Придет пора, и наше народническое государство примет свои меры и в этой области. *Мы будем видеть свою задачу не в том, чтобы увековечить влияние одного общественного класса. Мы поставим себе целью отобрать все лучшие головы во всех слоях населения и именно этим наиболее способным людям дадим возможность оказывать наибольшее влияние на наше общество и пользоваться наибольшим почетом.* Наше государство будет чувствовать себя обязанным не только обеспечить должное воспитание всем детям среднего уровня, но возьмет на себя еще особое обязательство открыть дорогу всем подлинно талантливым людям. В особенности постараемся мы открыть двери государственных высших учебных заведений для всех людей с дарованием - совершенно независимо от того, из каких общественных кругов происходят эти люди. Мы должны это сделать во что бы то ни стало - ибо только так мы воспитаем действительно гениальных руководителей нации, а не просто ученых сухарей.

Наше государство должно будет поступить так еще ввиду следующего. У нас в Германии, так называемый, высший образованный слой настолько замкнут сам в себе и настолько окостенел, что у него совершенно уже нет никакой живой связи с более низко стоящими слоями населения. За это нам приходится расплачиваться в двух направлениях. Во-первых, слой этот совершенно лишился способности понимать настроения широких масс народа. Этот слой слишком давно оторван от всякого общения с народом, чтобы он мог еще сохранить понимание психологии последнего. Слой этот стал теперь совершенно чужд народу. Во-вторых, слой этот страдает еще и другой болезнью: он теряет последние остатки всякой силы воли. Интеллигентские круги, ведущие совершенно замкнутую жизнь, всегда будут обнаруживать гораздо меньше силы воли, нежели широкие слои простого народа. А ведь весь мир знает, что мы, немцы, до сих пор страдали уж конечно не от недостатка научных знаний, а как раз от недостатка силы воли, силы решимости. Разве не видели мы, что чем более "образованы" были наши государственные люди, тем более слабыми оказывались они в живой практике. Если и политическая и техническая подготовка наша в мировой войне оказалась недостаточной, то уж конечно не потому, что среди наших правящих кругов чувствовался недостаток в образованных головах; напротив, это было потому, что правители наши состояли сплошь из слишком образованных людей, у которых было сколько угодно знаний, но совершенно не было здорового инстинкта, энергии и смелости. Разве это не было несчастьем для всего нашего народа, что борьбу не на жизнь, а на смерть в течение всей мировой войны мы должны были вести под руководством канцлера Бетмана-Гольвега, который был натурой философствующей и очень слабой. Если бы вместо него у нас был сильный народный вождь, то уже конечно жертвы наших героических солдат не оказались бы напрасными. Такой подбор руководителей исключительно из "умственных", "образованных" слоев сильнейшим образом сыграл на руку и негодням ноябрьской революции. Все эти наши "образованные" государственные деятели держали свое образование только при себе, не сумели поставить его на службу всему отечеству. Это-то и привело к успеху противной стороны.

В этом отношении мы можем кое-чему полезному научиться на примере католической церкви. Ее священники дают обет безбрачия. Именно поэтому все новые и новые ряды католического духовенства неизбежно вербуются из широких масс народа. Именно этой роли celibата до сих пор обыкновенно не замечали. Но именно в ней-то как раз и заложена та громадная стихийная сила, которая свойственна этому старинному институту. Вынужденная вновь и вновь пополнять ряды своих руководителей за счет выходцев из

низших слоев народа, католическая церковь благодаря этому сохраняет тесную связь с народом и обеспечивает себе постоянный приток новой энергии, новых свежих сил, которые только живут в широкой народной массе. Отсюда и то, что этот гигантский организм сохраняет вечную силу, молодость, духовную эластичность и стальную силу воли.

Наше государство в свое время поставит себе задачу организовать дело воспитания так, чтобы оно обеспечило постоянный приток свежей крови и постоянное обновление личного состава умственно руководящих слоев. На государстве лежит прямой долг систематически и планомерно выискивать во всей массе народа наиболее способных и одаренных людей и ставить этих людей на службу обществу. Государство и государственные должности должны существовать не для того, чтобы обеспечивать хорошую жизнь отдельному классу, а для того, чтобы выполнять свои действительно высокие обязанности. Но это будет возможно лишь тогда, когда носителями государственной власти принципиально будут являться только самые способные, самые энергичные и сильные волей люди. Это должно относиться не только к административным должностям, но и к идейному руководству нации во всех без различия областях. Тот народ, которому удастся поставить самых способных людей во главе самых важных отраслей жизни, уже в одном этом получит сильнейший фактор величия. Если друг с другом конкурируют два одинаковых народа, то победа достанется тому народу, который сумел все умственное руководство страны отдать в руки наиболее талантливых людей. И наоборот: потерпит поражение тот из народов, который не сумел дать должного хода людям крупных врожденных талантов и превратил свои государственные учреждения в простую богадельню.

Разумеется, при нынешних наших порядках все эти наши предложения пока что неосуществимы. Нам тотчас же возразят, что нельзя же требовать, например, от сынка какого-нибудь государственного чиновника, чтобы он пошел в ремесленники только потому, что, скажем, сын действительного ремесленника оказался способнее его. При нынешних взглядах на роль физического труда такое возражение понятно. *Вот почему наше государство и должно будет прежде всего добиться принципиального изменения самого отношения к физическому труду.*

Наше государство должно будет во что бы то ни стало покончить с нынешним недостойным отношением к физическому труду. Этого надо добиться, хотя бы для этого потребовались усилия целых столетий. Наше государство будет судить о человеке не потому, какую именно работу он делает, а по тому, каково качество его труда. Нынешним нашим умникам это может показаться чем-то неслыханным. Еще бы! Ведь "труд" самого бездарного газетного бумагомарателя у нас считается сейчас более "высоким", нежели труд, скажем, интеллигентнейшего рабочего, занятого в точной механике. И только на том основании, что газетчик работает, видите ли, пером! Однако такой подход является вовсе не чем-либо естественным и обязательным. Его нам привили искусственно. Раньше к труду не подходили с такими критериями. Нынешние противоестественные порядки являются только результатом общих болезней нашей современной чрезмерно материалистической эпохи.

С принципиальной точки зрения мы должны оценивать каждый труд двояко: любой труд имеет, с одной стороны, материальное, с другой стороны, идеальное значение. Его материальная ценность покоится в том материальном значении, какое данный труд имеет для жизни общества. Чем большее количество людей могут прямо или косвенно воспользоваться плодами данного труда, тем больше его материальная ценность. Это находит себе наиболее пластическое выражение в размерах того материального вознаграждения, которое получает каждое данное лицо за свой труд. С другой стороны, в отличие от этой чисто материальной ценности труда не следует упускать из вида и его идеальную ценность. Эта последняя измеряется не тем материальным значением, какое имеет данный труд, а только степенью необходимости данного труда как такового.

Материальная польза от какого-нибудь крупного открытия конечно больше, нежели та материальная польза, которую приносит каждый день своей работой, скажем, обыкновенный чернорабочий. Но ведь наше общество одинаково нуждается и в услугах изобретателя и в услугах чернорабочего. Общество конечно делает материальное различие между пользой, какую приносит труд изобретателя и труд чернорабочего, и выражает это тем, что платит им различное вознаграждение. Но с идеальной точки зрения труд того и другого в глазах общества одинаков, раз только каждый из них в своей области работает с одинаковой добросовестностью. И вот, оценивать каждого отдельного человека мы должны конечно именно с этой точки зрения, а не в зависимости от того, какое вознаграждение он получает.

Будущее разумное государство поставит себе задачей давать каждому отдельному человеку работу, действительно соответствующую его способностям. Другими словами, наиболее способным людям будет дана соответственная работа. При этом под способностями будут понимать то, что действительно врожденно человеку, т. что подарила ему сама природа, а не то, чему его с трудом кое-как обучили. В нашем государстве мы будем оценивать человека по тому, как именно он выполняет возложенную на него обществом задачу. Сама же задача будет возложена на него соответственно его способностям. Род деятельности, лежащей на отдельном человеке, в разумном государстве будет являться не целью его существования, а только средством. Каждый человек будет иметь полную возможность развиваться дальше и совершенствоваться, но конечно он будет делать это только в рамках общества, которое само построено на фундаменте государства. Каждый человек должен дать долю своего труда для упрочнения этого фундамента. В какой форме каждый данный человек работает для своего государства - это уже зависит не от него, а от природы, которая вложила в него ту или другую степень одаренности. От степени трудолюбия и добросовестности каждого отдельного гражданина зависит, вернет ли он честно обществу то, что оно ему дало. Тот, кто делает это с надлежащим трудолюбием и добросовестностью, заслуживает должного уважения со стороны общества. *Пусть большее материальное вознаграждение получает тот, чья работа приносит большую материальную пользу обществу. Идеальная же оценка должна быть равна для всех, раз люди добросовестно выполняют возложенные на них обществом обязанности и тем самым честно отдают долг и природе и усилиям общества.* С этой точки зрения отнюдь не позорным является работать в качестве самого обыкновенного ремесленника, но зато позорно быть, скажем, неспособным чиновником, зря поедающим народный хлеб. С этой точки зрения будет само собой понятно, что на человека не будут возлагаться такие задачи, для которых у него заведомо – похватает соответствующих способностей.

Только так получаем мы единственно правильный критерий общественных прав и преимуществ.

Современная эпоха сама работает против себя. Она вводит всеобщее избирательное право, она болтает направо и налево о полном равноправии, но обосновать всего этого совершенно не умеет. Современная эпоха оценивает человека в зависимости от того материального вознаграждения, какое он получает за свой труд. Но этим самым она уничтожает самый фундамент для действительного равенства в более благородном смысле этого слова. Ибо подлинное равенство может выражаться только в форме выполнения каждым своих особых обязанностей, а не в том, чтобы все давали один и тот же продукт труда. Только так мы устраняем ту роль, которую играет случайность (прирожденные качества) и которая не зависит от самого человека. Только так создаем мы положение, при котором каждый отдельный человек становится кузнецом той роли и того значения, какое он имеет в обществе.

В наше время, когда большие группы людей оценивают друг друга только по разгарам доходов, всего этого, как мы уже сказали, не понимают. Но из этого вовсе не вытекает, что мы откажемся поэтому защищать свои идеи. Напротив: *кто хочет излечить нашу*

современность от ее внутренних болезней, от всего ее гнилья, тот прежде всего должен иметь смелость взглянуть правде в лицо и найти причины болезни. Эту задачу и берет на себя национал-социалистическое движение. Мы хотим во что бы то ни стало преодолеть все пошлые предрассудки современности, мы хотим во что бы то ни стало в недрах нашего народа найти и организовать ту силу, которая сумеет расчистить дорогу новому мирозерцанию.

Конечно нам тут же будет сделано возражение, что идеальная оценка труда неотделима от материальной оценки его, что более пренебрежительное отношение к физическому труду объясняется более низкой оплатой его и т.д. Нам скажут далее, что более низкая оплата физического труда как раз и приводит к тому, что люди физического труда меньше пользуются культурными благами нации и что от этого страдает степень культурности людей физического труда. Нам укажут наконец, что люди потому и боятся физического труда, что ввиду его худшей оплаты он неизбежно приводит к тому, что работники физического труда являются менее культурными людьми и т.д.

В этом будет много правды. Но из этого вытекает только то, что на будущее мы должны будем отказаться от слишком большого разрыва в оплате труда. Пусть не говорят нам, что это приведет к упадку производительности труда. Если бы единственным стимулом умственного труда было только высокое вознаграждение его, то это означало бы, что мы имеем перед собою печальнейшие симптомы величайшего распада. Если бы этот критерий имел господствующее положение во всей нашей прежней истории, человечество никогда не могло бы сделать своих величайших культурных и научных завоеваний. Ибо мы знаем, что величайшие наши открытия, величайшие научные работы, превосходнейшие памятники человеческой культуры - все это возникло отнюдь не в результате жадности высоких окладов. Напротив, все это зачастую становилось возможным только потому, что люди отказывались от земных благ, связанных с богатством.

Конечно мы не будем отрицать, что в наш век золото является правителем мира. Однако мы надеемся на то, что в близком будущем человек опять станет служить более высоким богам. В теперешней нашей жизни многое конечно обязано только стремлению к деньгам, но именно поэтому в теперешней нашей жизни так мало такого, без чего человечество стало бы действительно беднее.

Одной из задач нашего движения является уже сейчас провозгласить такую эру, которая обеспечит каждому человеку средства к достойному существованию, но в то же время создаст такие порядки, когда человек будет жить отнюдь не только для материальных удовольствий. Для этого между прочим мы проведем такую политику вознаграждения труда, которая даже самому последнему рядовому рабочему обеспечит возможность вести честную порядочную жизнь, если только он добросовестно исполняет свои обязанности.

И пусть нам не говорят, что это только идеал, которого мы никогда не достигнем и который не мирится с нашими порядками на земле вообще.

Мы тоже не такие простаки, чтобы верить, что нам удастся создать такой строй, в котором совсем не будет никаких недостатков. Однако это не освобождает нас от обязанности бороться против тех ошибок, которые уже сейчас вполне ясны, преодолевать слабости и стремиться к идеалу. Суровая действительность сама уже позаботится о том, чтобы внести более чем достаточное количество ограничений к нашему идеалу. Но именно поэтому люди и должны всеми силами своей души стремиться к великой цели. Отдельные неудачи не должны отклонять нас от этого. Ведь не отказываемся же мы от судов только потому, что иногда бывают судебные ошибки; ведь не отказываемся же мы от медицины только потому, что болезни все равно останутся на земле.

Недооценивать силу идеала - дело очень опасное. Кто смалодушествует в этом отношении, тому я напомним пример наших героических солдат на фронтах. И если

человек сам был солдатом, он поймет, что я хочу этим сказать. На фронтах люди умирали не потому, что они искали материальных благ. Они умирали из любви к отечеству, из желания защитить честь нации, из веры в величие ее. И только тогда, когда наш немецкий народ отдалился от этих идеалов и поддался меркантильным обещаниям революционеров, оказалось, что он не обрел и земного счастья, а обрел только всеобщую нужду и общее презрение.

Но из всего этого как раз и вытекает самая настоятельная необходимость противопоставить современной *деляческой* республике веру в *идеальное государство будущего*.

Цитируется по: Гитлер А. Моя борьба. – ИТФ «Т-ОКО», Лобанов С.Н., 1992. – С.323-366.

Альфред Розенберг.

Миф 20 века.

Часть 3. Народ и государство.

4

Социальный и социалистический. — Национализм и социализм. — Династизм и демократия. — Социализм господ, свободный с древности. — Народ и раса выше государственных форм. — "Народ братьев". — Преступление старых политических партий. — Несовершенный государственный аппарат. — Германский орден. — Количественные выборы при демократии. — Отмена права тайных выборов. — Безумие большинства при парламентаризме. — Отмена права свободного передвижения как важнейшая предпосылка к спасению. — Легкость передвижения как возможность уничтожения мирового города. — Кайзерство, республика, королевство.

В целом социализмом называют взгляды, которые требуют подчинения частного воле коллектива, называется ли он классом, Церковью, государством или народом. Такое определение понятия полностью лишено содержания и дает свободу действий всем самовольным корпорациям, потому что существенное содержание слова полностью отодвинуто на задний план. Если социальная деятельность означает частную акцию с целью спасения частного от духовного и материального разрушения, то социализм означает осуществляемую коллективом гарантию для единоличника или всей общины от всякой эксплуатации их рабочей силы.

Всякое подчинение индивида требованиям коллектива не является, таким образом, социализмом, не является им также всякое обобществление, огосударствление или "национализация". Иначе и монополию можно было бы рассматривать как своеобразный социализм, что практически делает марксизм своим враждебным жизни учением: помочь подняться капитализму с тем, чтобы он все сосредоточил в небольшом количестве рук, чтобы потом заменить власть великих эксплуататоров мира так называемой диктатурой пролетариата. Принципиально это вообще означает не изменение отношений, а только мировой капитализм с другим знаком. Потому марксизм всюду шагает с демократической плутократией, которая, однако, всегда оказывается сильнее его самого.

Является ли мероприятие социалистическим, вытекает, таким образом, из его последствий, независимо от того, имеют ли они предотвращающий характер или уже изменяют существующие факты. Решающим для таких последствий является при этом сущность целостности (коллектива), во имя которой осуществляется ограничивающее индивида общественно-экономическое указание. Бюргерско-парламентаристское государство располагает тысячью "социалистических" мер, оно облагает в пользу "репараций" все предприятия принудительными ипотеками; оно регулирует таможенные пошлины, ссудные проценты и распределение работы; тем не менее это классовое государство, правящая партия которого используют меры, обременяющие весь народ. Так же мало мог воспользоваться правом осуществляющий классовую борьбу снизу марксизм, потому что подчиняющиеся ему при его триумфе миллионы представителей народа рассматриваются не как общность, а большей частью как объекты эксплуатации в пользу

заинтересованных в марксизме членов общества. Поэтому при современных политических условиях слово "государство" употребляется для введения в заблуждение, потому что "государство" стоит на службе у буржуазии или у марксистской классовой борьбы, то есть вообще не существует, как бы его заменитель не требовал поклонения. Как бы конфессионализм и эта ведущаяся с двух сторон классовая борьба не противились этому: социалистическое предприятие не может ни одно из них отменить или осуществить. Это может только представитель системы, который может понять народ как организм, государство - как было изложено - как средство для его внешней охраны и внутреннего удовлетворения, для которого такая целостность как "нация" является критерием для действий, ограничивающих индивидуум и мелкие коллективы. Из этой системы мыслей, для которой мир начал, наконец, созреть, выделилась роковая борьба XIX века, великая борьба между национализмом и социализмом. Старый национализм был часто не настоящим, а лишь прикрытием для аграрных, крупных индустриальных, в дальнейшем финансово-капиталистических частных интересов, почему слово, когда патриотизм был последним прибежищем великих мошенников, нередко могло доказать свое право. Марксизм тоже был не социализмом, а в виде социал-демократии очевидным придатком плутократии, как коммунизм был разрушающим народ буйством против ценностей собственности всех наций, делающих возможным настоящий социализм. Получается, таким образом, не борьба, а уравнивание между настоящим национализмом и настоящим социализмом, обоснованный вывод, которым Германия обязана Гитлеру.

Социалистическим предприятием образцового типа была национализация государственных железных дорог Германии, которые были отняты у жадного до предпринимательства частного произвола, и для безопасной работы которых существовала та сохраняющая народ предпосылка, которая идет на пользу любому немцу. Истинным социалистическим мероприятием является муниципализация электростанций и городского водоснабжения, служба которых касается всех без различия классов и конфессий. Социалистическими организациями являются городской электрический транспорт, полиция, общественные библиотеки и т.д., причем совершенно безразлично, были ли они введены во времена монархии или республики, что снова свидетельствует о независимости этой государственной формы от существа вопроса. Монархия была, как показывает пример государственных железных дорог Германии, а также пример Германского Государственного банка, значительно более социалистической, чем Веймарская республика, которая, подписав диктат Дауэса и другие поработительные документы, полностью отдала их под контроль частных - и к тому же еще иностранных - финансистов.

Борьба за существование и частная забота (иногда также умные символы) определяют общественную жизнь человека. Первое - это естественный процесс отбора, второе - чисто человеческая, углубленная христианством, благородная воля по отношению к ближнему. Оба фактора, предоставленные сами себе, означали бы смерть любой культуры, любого истинно народного государства. Поэтому нет совершенно никакой естественной "христианской" государственной идеи. Истинное государство германского толка заключается в том, чтобы борьбу за влияние привязать к определенным предпосылкам, допустить ее только в подчинении ценностям характера. Современный экономический индивидуализм как государственный принцип означал поэтому претензию на уравнивание счастливого обманщика и честного человека. Поэтому и победил всюду после 1918 года спекулянт со своими товарищами. Милосердие с их стороны, как подачки диктатора угнетенным миллионам или личная благотворительность не устраняет вред, а лишь заклеивает гноящиеся раны. Оно действительно составляет контраст безудержной эксплуатации. Иногда великий обманщик строит для своих десятилетиями эксплуатируемых жертв больницы и заставляет свои газеты прославлять себя как филантропа.

Итак, кто сегодня хочет быть националистом, должен быть социалистом. И наоборот. Социализм серого фронта 1914-1918 годов стремится стать государственной жизнью. Без него никогда не будет побежден марксизм, никогда не будет обезврежен международный капитал. Отсюда становится понятным, что истинно социалистическая мера - поддающаяся как таковая объяснению исходя из последствий – прежде всего нейтральна по отношению к понятию частной собственности. Она будет ее признавать, если она гарантирует общую безопасность, и будет ограничивать ее там, где она создаст опасность. Поэтому, например, требования национализации железных дорог и личного землевладения представляют собой оба социалистические (и националистические) требования. Оба служат экономически угнетенным с тем, чтобы создать им условия для культурного и государственного творчества.

С этой новой точки зрения поэтому некоторые жизненные проявления широких народных масс будут представлены в совершенно ином свете.

Связь между индивидуализмом и экономическим универсализмом за последние 100 лет на политической арене мы можем непосредственно проследить в демократическом и марксистском движении, которое исходит из счастья отдельного человека и одновременно провозглашает культуру человечества, стремясь выйти на Пан-Европу, в конечном счете на мировую республику, будь это республика биржевых деятелей, будь это формация диктатуры пролетариата как окончательная форма этой мировой диктатуры мировой биржи. План Дауэса и план Юнга, оба представляют собой аналогию сближения универсализма и бескровного индивидуализма. Поэтому получается, что признавать ограниченными следует только взаимные влияния между понятием "я" и обществом, между понятием "я" и нацией, потому что в понятие общества - то есть организованных людей - включается органичная для нас связь через ценности характера и идеалы. Из этих взглядов вырастает потом также вся идейная и государственная система на основе признания того, что не какой-нибудь абстрактный индивидуализм или абстрактный социализм, как бы упавшие с облаков, формируют народы, а что, напротив, народы со здоровой кровью индивидуализм как критерий не знают, так же как и универсализм. Индивидуализм и универсализм, рассматриваемые принципиально и с точки зрения истории, представляют собой мировоззрения упадка, в лучшем случае расколотого какими-либо обстоятельствами человека, который прибегает к последнему догмату навязанной веры, чтобы уйти от своего внутреннего раскола.

Из всего ощущения обновления, из признания древних вечных ценностей и из нового понимания органичных противоречий внезапно возникает для нас яркий сияющий свет, если мы рассмотрим развитие последних исторических эпох. Мы видим, следует еще раз подчеркнуть этот важный пункт, что в течение всего XIX века с заходом в XX век между собой боролись два крупных движения - национализм и социализм - и тот факт, что оба они стали крупными и сильными, показывает, что в их основе неизбежно лежат органичное здоровое ядро, органичные здоровые движущие силы. Неважно какие люди и системы в течение этого периода времени овладели этими волевыми силами и ходом мыслей. Мы видим, что германский старый национализм после его мощной вспышки в освободительных войнах, после его глубочайшего обоснования Фихте, после его взрывного появления у Блюхера, барона фон Штейна и у Эрнста Морица Арндта и в их воинской силе деятельности, воплощенной Шарнхорстом и Гнайзенау, - переходит в руки внутренне отжившего, но в организационном плане еще сильного поколения, как это наиболее четко было представлено системой Меттерниха. Расцветающий национализм сразу после своего возникновения вступил, таким образом, в роковую связь с династизмом.

Ценность короля или кайзера сама по себе стояла выше, чем ценность всего народа. Мы видим, как растет придворная экономика, которая раньше была бы доведена до крушения, если бы мощная власть Бисмарка не сделала бы еще одной попытки соединить монархию и нацию в единый блок под династическим руководством. Но в то время, как

король Фридрих Великий воплощал это единство даже в тяжелые времена, его преемник кайзер Вильгельм II уже утратил эту веру, заявив, что хочет избавить свой народ от гражданской войны, перейдя через границу. Тем самым он отделил династическое понятие от целостности народа и 9 ноября 1918 года разбил династическую идею государства, что постепенно начали понимать все сознательные немецкие национальные круги.

Наряду с династизмом немецкий национализм XIX века был тесно связан с либеральной демократией, которая становилась все сильнее и сильнее с ростом промышленных трестов мировой экономики, оптовой торговли и мировых банков. Экономические интересы этих трестов представляли нередко как интересы национальные. Так, например, германский банк и его прибыли в Турции фальсифицировали в интересах народа Германской империи. Во время войн вы могли ощутить, что боевой клич нации заключался не в разъяснении того, что земля, завоеванная германской народной армией, должна была стать собственностью германской империи, а годами говорилось о рудниках Брия (Briey) и Лонгви (Longwy), то есть интересы промышленности и прибыли были поставлены выше интересов всей нации. От этой противоестественной связи и от перевернутой иерархии умирает сегодня гражданский национализм, и только новое сознание провозглашает новый национализм и в результате объединяется инстинктивно или сознательно со всеми освободительными германскими войнами прошлого, но прежде всего с безусловным величием тех людей, которые вывели Германию 1813 года из пропасти.

Националист XIX века был отравлен марксистско-либералистскими силами, то же произошло и с социализмом. Выше мы уже определили социалистическое мероприятие, проводимое государством мероприятие по защите народной общности от всякой эксплуатации, и далее государственное мероприятие по защите отдельного человека от жажды наживы. Но и здесь вопрос касается не только формальной деятельности самой по себе. Социалистической деятельностью становится только на основе ее практического проявления. Поэтому возможно, что социалистическая деятельность, как также уже было установлено, вовсе не сопровождается формальной национализацией. Напротив, она может даже означать приватизацию, освобождение множества отдельных сил, если это освобождение принесет с собой усиление общности. Когда Бисмарк однажды был подвергнут нападкам со стороны консерваторов как социалист, он заявил, что понятие социализм для него при определенных обстоятельствах не означает ничего страшного. Он социализировал железные дороги и помнит деятельность по освобождению крестьян имперскими баронами фон Штейнами, что также представляет социалистическое мероприятие. В этом смысле наши взгляды теснейшим образом соприкасаются со взглядами Бисмарка. Деятельность имперского барона фон Штейна означала освобождение сотен тысяч крестьян от чудовищной навязанной власти. В результате этого освобождения творческих сил поднялись благосостояние и самосознание народа. Деятельность имперского барона фон Штейна остается до сегодняшнего времени величайшей вехой в истории германской социалистической свободы.

Это сделало новую идею более понятной. Эта идея ставит народ и расу выше любого государства и его форм. Она объявляет защиту народа важнее, чем защита религиозного вероисповедания, класса, монархии или республики; она видит в предательстве народа большее преступление, чем в государственной измене. При этом германское движение обновления претендует на такую же свободу по отношению к формальному государству, как Рим, оно видит в борце против "государства", который страдая за свой народ и свою честь, отправляется в тюрьму, на каторгу, не преступника, а аристократа, оно не признает обязательств по отношению к формации, которая берет начало 9 ноября 1918 года. Но для нас борьба не является "несправедливой", если она случайно ведется и против тех представителей учения, которые в политическом плане фальсифицируют истинную религию, которые хотели бы принципиальное предательство страны выдать за свою

"веру". Несправедливой войной является война против соотечественников. И смертельными врагами немецкого народа являются поэтому все те силы, которые поднимают конфессию или класс своим боевым кличем против немецких соотечественников*. Новая империя требует от каждого немца, участвующего в общественной жизни, клятвы не государственной форме, а клятвы всюду по мере сил и возможностей признавать германское национальное учение высшим критерием оценки своих действий и действовать в его пользу. Если чиновник, бургомистр, епископ, суперинтендант не может дать такой клятвы, он неизбежно теряет все права на общественный пост. Даже те гражданские права, которые каждый получил раньше в подарок, достигнув 21 года, в новом государстве необходимо их заслужить. (Идея, которую национал-социалистическая программа уже представляет). Такие права необходимо завоевать безупречным поведением в воспитательных учреждениях и в практической жизни. Немец, совершивший преступление против чести нации, совершенно логично не получает от своего народа никаких прав. Мужчин, которые не могут принести клятву немецкому народу из-за конфликтов с совестью, государство не должно преследовать, но само собой разумеется, что они при этом не могут претендовать на гражданские права. Они не имеют права быть учителями, проповедниками, судьями, солдатами и т.д. Либеральное мировоззрение в своей враждебной народу бесконечности принесло с собой то, что под учением о свободе убеждений понималось также учение о равноправии всех видов деятельности политического и обучающего типа без ссылки на формирующий центр. Поэтому совершенно логично получается, что не только победителю государственной формы, но и подстрекателю

* Отказ от этого, борьба против государства сама по себе может, например, какое-то время нести оправданный "антинациональным" отпечаток, если она ведется мужскими характерами, обладающими расовым сознанием, а не рабскими натурами. Потому что и у таких было отнято, украдено их право на владение землей. Это мы видели и течение 14 лет, потому что демократический денежный сброд после экспроприации движимого имущества протянул свою руку и к недвижимому имуществу, ограбив крестьян и помещиков косвенно при помощи ипотек, рыночной анархии и т.д. Бисмарк однажды сказал, что государство, которое отнимет у него его собственность, больше не будет его отечеством. Это было отречение хозяина; движимые аналогичными чувствами немцы, у которых отняли землю, потянулись во все концы мира, чтобы приобрести собственность; часто имеющий место более поздний отказ от исторической родины основывается на этой новой связи с приобретенной собственностью. А клич "собственность - это наворованное" был боевым кличем нетворческой рабской натуры. Нет никакого чуда в том, что еврей Маркс подхватил этот клич и поставил его во главу своего пустого учения. Однако везде, где марксизм каким-либо путем пришел к власти, его смогли разоблачить как неправдивый: у его экстремистов тогда как раз наиболее отчетливо проявилась жадность к собственности. Поэтому ввиду прежнего ограбления народа и для всех пролетариев, именно для них, звучит боевой клич: создание новой собственности, завоевание нового жизненного пространства.

против народности, свойственной каждому государству, должны быть предоставлены равные права с тем, кто за этот народ сто раз рисковал жизнью. Либерализованный духовный метис чаще всего даже считал "человечным" придерживаться интернациональных "мировых идей", а сильный акцент на собственные права народа нагло осмеивать как отсталый. Естественно, что это должно было привести к хаосу.

Само собой также разумеется, что в народе должны и будут существовать действующие в политическом плане личности, и группы. "Братский народ" - это утопия, и вовсе не красивая. Полное братство означает уравнивание всех ценностей, всех напряжений, всей жизненной динамики. Борьба и здесь остается искрой, постоянно порождающей жизнь. Но все эти бои должны происходить в рамках одного идеала, их ценность должна быть проверена при помощи одного критерия: пригодны ли проповедуемые идеи, требуемые мероприятия для того, чтобы облагородить и укрепить немецкую народность, усилить расу, поднять осознание чести нации. Политические партии, которые в своей деятельности спрашивают о том, каким образом можно укрепить международную классовую солидарность или международные конфессиональные

интересы, в германском государстве не имеют права на существование. Деятельность таких враждебных народу партий в прошлом и настоящем разъедала и подтачивала душу немца. С одной стороны сторонники марксизма и центра остаются все-таки немцами, а с другой стороны они должны признавать ценности, лежащие за пределами германской культуры, как высшие. Проблема грядущей империи германского стремления заключается, таким образом, в том, чтобы проповедовать этим замученным миллионам новое мировоззрение, подарить им из нового мифа формирующую высшую ценность, или правильней сказать, дремлющую у всех ценность народности и национальной идеи очистить от мусора столетий и поставить всю жизнь под свой знак. Только когда все это произойдет, может возникнуть Германская империя, в противном случае все обещания - пустая болтовня. Но чисто государственный аппарат может осуществить эту работу по типизации народа лишь несовершенным способом. Государственные законы могут носить только изолирующий и ограничивающий характер, они не поучительны. Государство может и должно, например, подавлять большевистскую, лишенную отечества партию, но оно может делать это длительно только, если за ним стоят сильная обновляющая жизнь воля и творческая общественная деятельность. Эта деятельность должна быть направлена на сознательное образование мужского союза.

Мы знаем с помощью каких сил в 1933 году так называемое государство ноября 1918 года было заменено Германским рейхом. Много лет мы знали человека, который водрузит новое знамя на башнях немецких городов. Мы знаем и ощущаем, наконец, сегодня силы пробуждающейся от глубокого сна расовой души, силы, которые неизбежно должны дать нам этого человека. Задачей этого основателя нового государства является создание мужского союза, скажем, германского ордена, составленного из личностей, которые играют ведущую роль в деле обновления немецкого народа.

Членов этого "Германского ордена" первый глава государства назначит из всех слоев народа после того, как произойдет основание рейха. Предварительным условием являются достижения в деле служения народу, неважно, в каких сферах. Назначенный таким образом совет ордена в случае смерти одного из членов будет пополняться путем новых назначений. Глава государства - президент или кайзер, или же король - будет избран пожизненно советом ордена из его среды. (В этом техническом отношении организация римской Церкви служит образцом продолжения нордического древнеримского сената.) С одной стороны, служащие народу силы совета ордена из всех слоев нации поднимутся над своими городскими и окружными союзами, в любом случае при условии выдающихся личных достижений. Связь между народом и руководством, таким образом, сохранится, кастовая замкнутость, имевшая место после 1871 года, будет предотвращена. А с другой стороны, бесконечная демократия и постоянно сопутствующая ей демагогия будут устранены и заменены Советом Лучших. Наследственная монархия, хотя и вынуждала носителя короны, исходя из собственных интересов, согласовывать политику своего дома с интересами народа, однако существует опасность упадка династии, как при каждом новом поколении.

При этом неизбежно воцарится низкопоклонство без достойного представления поста кайзера. Результатом же этого состояния будет прямая противоположность постоянству государственной жизни, которая была целью установления исследуемой монархии: дискредитация власти кайзера, беспорядки, революции.

Народ сегодня может редко непосредственно усмотреть великого человека, для этого необходимы предшествующие катастрофы, в которых кто-то один окажется на виду. Поэтому в обычной жизни выборы президента и кайзера, осуществляемые непосредственно 70 миллионами, это только вопрос денежного мешка. Отсюда следует, что в 99 из 100 случаев во главе окажется не истинный народных вождь, а служащий биржи и вообще денег. Поэтому и с этим лживым демократическим требованием в будущем первом германском народном государстве необходимо окончательно покончить. Отсюда также следует, что помогающий правительству советами парламент не может

появиться вместе с руководящим германским советом ордена в результате одурачивания масс, как при господстве безнравственной демократично-парламентской системы. За границами сельской общины, средней величины города, заурядный человек теряет критерий для своей оценки. Он может самостоятельно оценить личность только в том случае, когда он в состоянии проследить за его деятельностью на месте. Там, где партийные группы во всех случаях влияют на выборы в пользу неизвестных величин, это невозможно. Нужно непременно исходить из того принципа, что решающими на выборах являются не списки, а личности. Поэтому в Германском рейхе выборы в парламент должны осуществляться не на улице, а представителями крупных корпораций страны: армии, крестьянских союзов, чиновничества, организаций свободных профессий, гильдий ремесленников, купечества, высших школ и других сословных групп. В зависимости от величины и значения председателям этих групп и сословий должно быть разрешено определенное число представителей. В первую очередь здесь необходимо учесть войсковых командиров. Армия хоть и стоит далеко от всякой политической борьбы, но ее политические взгляды, к чему стремились биржевые и журналистские демократии, в будущем рейхе должны навсегда закончиться. Армия создана не для того, чтобы бессловесно позволять гнать себя на поля сражения, но и не для того, чтобы быть преданной и разоруженной трусливыми пацифистскими демократами от имени "государства". Страшный опыт мировой войны стоит на все времена перед нами как предупреждающий пример. Он не должен больше повториться. Но голосовать будет не тайная, безымянная, подстегиваемая масса по более двадцати или тридцати спискам, а в конечном итоге, круг личностей.

Уже Бисмарк определил право тайных выборов как нечто негерманское. Так это и есть. Эта обезличка признает трусость отдельного избирателя как образ мыслей среди других, это сознательно подрывает чувство ответственности. В применении ко всему народу это означает культивирование духовного обнищания. Но теперь нельзя избежать человеческих проявлений и в лучшем государстве. Отклоненный кандидат легко может рассматривать того, кто посчитал его, может быть, по деловым соображениям недостойным, как личного врага, что будет иметь следствием много нежелательных трудностей. В соответствии с этим практически приемлемым путем представляется такой, когда участвующим в выборах личностям будет предоставлена возможность отдать свой голос открыто или тайно, как на выборах в парламент, так и на выборах главы государства внутри совета ордена. В связи с выраженным желанием высказать свои взгляды свободно и открыто постепенно станет возможно подготовить ответственных избирателей, чего наверняка нельзя добиться немедленным приказом об открытых выборах.

Под знаком старого парламентаризма каждый отдельный депутат имеет меньше ответственности за свой образ действий, чем любой неограниченно повелевающий монарх. Поддерживаемый парламентом кабинет снова апеллирует при принятии решений к знаменитому "правлящему большинству". Если политическая программа удастся, парламентский министр - "великий человек", если не удастся, то - в крайнем случае - соответствующий министр отстраняется и не может быть привлечен к ответственности. Этот факт, естественно, соблазняет самых бессовестных парламентариев постоянно предлагать себя в качестве министров, чего не было бы, если бы действительно имела место ответственность, которая у военачальника предполагается сама собой. Возвращенное этой бесчестной системой парламентское ничтожество представляет, конечно, это состояние как выражение известного прогрессивного духа. В действительности же оно представляет собой убогое скотское порождение трусливого большинства, которое нагло хочет производить суд над всеми и над всем, а когда дело касается ответственности, прячется за массами членов партии. И перед своими избирателями парламентарий ответственности не несет. Он избран "всеми народом", как это звучит на языке демократическо-марксистских обманщиков, то есть строго очерченный круг избирателей установить юридически невозможно. Это положение изменится сразу, как только, как

было сказано, выбор будет осуществлять точно установленный круг избирателей. С добавлением того, что назначенный главой рейха политический суд может привлечь потерпевшего неудачу министра к ответственности точно так же, как военный суд потерпевшего поражение полководца; министерская гонка станет значительно скромнее, и лишь действительно готовые взять на себя ответственность люди будут стремиться занять те посты, на которые могли нацелиться привычные для демократии 1918 года субъекты с полной перспективой на успех и безнаказанность.

Возвращение избираемых личностей в конечном итоге к первичным выборам желательно, но при условии преодоления тезиса, которому сегодня все поклоняются, как золотому тельцу: тезиса о беспрепятственном праве свободного передвижения. Сегодня наблюдается убийственный для народа поток из села и провинции в крупные города. Города растут, портят народности нервы, рвут нити, связывающие человека с природой, привлекают авантюристов и дельцов всех мастей, способствуя тем самым образованию расового хаоса. Город, бывший центром цивилизации благодаря мировым городам, превратился в систему форпостов большевистского упадка. Неестественный, безвольный, трусливый "интеллект" объединяется с жестоким, лишенным типа стремлением нечистокровных рабов к бунту или с закабаленными, но относящимися к чистой расе народными слоями, которые на несправедном фронте под руководством марксизма хотят бороться за свою свободу. Шпенглер пророчит 20 миллионные города и вымершую деревню как наш конец, Ратенау изобразил каменные пустыни и "жалких жителей" немецких городов как будущее, которое приведет к подневольному труду в пользу сильных иностранных государств. Побудительные причины обоих, конечно, были разными, но оба они внушали немецкому народу мысль о невозможности перемен. "Фатальный", так называется сегодня выражение слабости воли или трусости, но оно стало лозунгом тех политических преступников, которые хотят наш народ ввергнуть в нищету конечного состояния феллахов! Этим планомерно занимается пресса международного марксизма, чтобы безвольную миллионную толпу, следующую за ним, объединить в готовую к штурму массу. Слабовольные философы дают, таким образом, врагам народа "мировоззренческую" основу для того, чтобы завершить длительно подготавливавшееся разрушительное дело. (То, что Шпенглер тем не менее проповедует силу, силу и силу, представляет собой недостаток последовательности). В основе всех этих приведенных оракулских возгласов о "необратимости развития" лежит негерманский догмат навязанной веры о праве свободного передвижения и повсеместного проживания как "гаранте личной свободы". Но и это, так называемое, неизбежное учение представляет собой только проблему воли. Абсолютный отказ от "права" на свободное передвижение означает, предварительное условие для всей нашей будущей жизни и поэтому должно иметь успех, если даже такой приказ будет воспринят миллионами сначала как тяжкий "ущерб для личности". Но остается только один выбор: "добровольно" встретить жалкий конец на асфальте или "принудительно" процветать на селе или в небольшом городе. То, что выбор уже сделан в пользу отказа от права свободного передвижения, пусть даже сначала в немногих сердцах - показывает, что изменения уже начались.

Это просто неправда, что все акционерные общества, картели и т.д. "должны" объединиться в двух-трех городах и вобрать в себя весь управленческий аппарат; неправда и то, что новые фабрики "должны" всегда появляться в Берлине, чтобы привязать там новые сотни тысяч людей; неправда, что предложение и спрос, как обычно говорят, "должны" управлять жизнью. Напротив, задача истинно народного государства заключается именно в том, чтобы предпосылками к этой игре сил сознательно управляли его представители. Мировой город с его свертканием, его кинотеатрами и магазинами, биржами и ночными кафе гипнотизирует страну. Под знаком права на свободное передвижение лучшая кровь беспрепятственно течет в мировой город с отравленной кровью, ищет работу, основывает предприятия, увеличивает предложение, привлекает к себе спрос, который снова усиливает иммиграцию. Этот губительный круговорот может

быть ликвидирован только при помощи строго регулируемого барьера для жителей. Не в жилищном строительстве в крупном городе, которое вызовет такой же приток, заключается спасение - оно скорее приведет к гибели - а в отмене либерального права свободного передвижения, разрушительного для народа. Свободное переселение в города с населением свыше 100 000 жителей в германском государстве непременно должно быть отменено. Деньги на строительство нового жилья следует давать только в крайних случаях, Их следует в первую очередь распределять по маленьким городам. Новые фабрики можно возводить в городах с населением 100 000 человек только в том случае, если эксплуатируемый объект находится на нужном месте (открытые заново залежи каменного угля, соли и т.п.). Современные транспортные возможности обеспечивают распределение сил (децентрализацию) всей экономической жизни не только без ущерба для нее, но даже - в конечном результате - с поддающимся расчетам подъемом. Уже только за счет бережного отношения к расовой силе, важнейшему капиталу из того, чем мы вообще владеем. В Соединенных Штатах, где сосредоточение (концентрация) прошло высочайшими темпами, гигантские мукомольные предприятия, огромные боины, куда стекается сырье со всей страны, перегружают сеть железных дорог и увеличивают стоимость готовых товаров за счет транспортных издержек больше, чем позволил сэкономить отказ от более крупных центров вначале. Развитие скоплений пользующихся правом свободного передвижения людей и товаров вводит в заблуждение само себя. Множатся голоса, которые, не решаясь вначале коснуться безумия догмы свободного передвижения, тем не менее при чисто трезвом подходе признают естественность децентрализации. Из чисто экономических соображений они пришли к тому же результату, что и я, отталкиваясь от идеи защиты расы. (Форд, например, требует, чтобы хлопкопрядильные предприятия строили не в огромных городах, а размещали вблизи самих хлопковых полей). Фермер, который сегодня является крупнейшим производителем, не является одновременно крупнейшим продавцом. Он зависит от тех промежуточных ступеней, которые перерабатывают его продукцию, прежде чем она попадет на рынок. Он не может преобразовать ее в готовые товары на месте, а должен загружать транспорт полуфабрикатами. Это роковое развитие, которое пытается лишить корней крестьянское сословие, самую сильную опору каждого народа, сословие, которое "никогда не умрет" (*Чемберлен*), сознательно поддерживается демократией и марксизмом с тем, чтобы увеличить таким образом пролетарские полчища. Депролетаризация нашей нации - и любой другой - представляется только за счет сокращения наших мировых городов и основания новых центров. Говорить о внедрении оседлости и национализации посреди огромной кучи камней - это безумие. Американизация, путем "спасения" при помощи автомобилей, как это пытались сделать в Америке, означает трату сил и времени, несмотря на сокращение расстояния. Миллионы, которые ежедневно приезжают в Нью-Йорк со стороны, а вечером снова выбрасываются из него, перегружают транспорт и удорожают общую жизнь больше, чем это было бы при строгом ограничении и регулировании человеческого потока. Вместо, может быть, сотни крупных отравленных людьми центров могут существовать десятки тысяч центров, способствующих развитию культуры, если нашу судьбу будут определять головы с сильной волей, а не марксизм и либерализм. Образно говоря, наша жизнь идет все еще по одной линии: туда и обратно. В будущем должны иметь место круговорот вокруг органично расположенных центров. Если число жителей города приближается к 100 000, надо подумать об оттоке. Новым учредителям следует рекомендовать селиться в небольших местах или в сельской местности, а не в подвалах и мансардах, как это любит делать "гуманная" демократия.

Здесь нельзя думать о том, что у нас есть еще один выбор. Достаточно посмотреть затрагивающие жизненный нерв заботы Нью-Йорка, чтобы сразу понять, что на карту поставлено все. Чтобы вообще справиться с постоянно возрастающим уличным движением, день и ночь работает огромный штаб архитекторов и техников. Дело дошло до сооружения многоэтажных улиц. Под домами должны быть проложены пути для

автомобилей, тротуары над ними размещены в крытых аллеях. Мосты должны быть перекинуты с одной стороны улицы до другой, запланирована целая сеть мостков, проходов, проездов с постоянным искусственным освещением. Новый американский закон о трех зонах позволяет за счет наступления этажей дальнейшее развитие домов в высоту, как показывают проекты архитекторов Х. Ферриса, Р. Худа, М. Русселя, Кросселя. Целью всех этих технических стараний, показывающих полное право свободного передвижения как основу мировоззрения, является нагромождение гигантских каменных пирамид, в которых каждая человеческая жизнь должна опустеть, застыть и окончательно умереть. Эта основа мировоззрения должна быть устранена, только тогда откроется дорога для преодоления техники самой техникой. Легкость общения создала мировой город. От этой легкости он и умрет. Полис создал греческую культуру, маленький город, средний город - каждую народную цивилизацию в Европе; расширяющийся кругозор бывшего отдельного крестьянина уловил идею государства, не потерявшись в бесконечном. Только так могло возникнуть органичное культурное образование.

Легкость общения, пресса (при подобающем управлении), радио и личное наблюдение делают сегодня возможным для каждого взрослого человека судить о делах города, число жителей которого незначительно превышает 100 000 человек. Неточности поступающих сообщений он в состоянии уточнить за счет собственных наблюдений. Деятельность муниципальных политиков в отношении благополучия государства соответствует текущим заботам тех, кто занимается промыслами, рабочих всех профессий. Здесь открыта возможность действительной оценки достижений. Для муниципальных выборов открывается, таким образом, возможность первичных выборов широкими народными массами, которые точно так же должны касаться личностей, а не списков. Предлагаются кандидаты от гильдий, союзов и Германского ордена в их местных представительствах. При этом выборщики парламента хоть и опираются на широкую народную основу, но не на безымянную массу. Для муниципальных выборов остается и избирательное право для женщин. Настроенная на конкретные личности и ищущая силу народная воля должна идти навстречу правящей воле сверху. Неограниченная монархия знала только одно направление сверху вниз, хаотическая демократия - только массовый подпор снизу вверх. Германское государство будущего, организованное силовым актом отдельных лиц, не будет поставлять создающие типы личности по настроению избирателей и в результате денежного обмана, а получит их от стоящих у власти руководителей государства и будет обновлять их состав за счет воспитания в Германском ордене. Но выборы, проводимые по схеме, дают творческим личностям беспрепятственную возможность для продвижения. Будущий рейх, таким образом, как уже говорилось, является националистическим и социалистическим, то есть он основан не на половинчатом голосовании, а на страсти, сплывающей типы, и на связанном с расой человечестве. Национализм в процветающей форме является предпосылкой и конечной целью процесса, социализм - это государственная гарантия для отдельного лица под знаком признания его единственного учения в пользу защиты расы.

Если с одной стороны это разграничение необходимо для того, чтобы преодолеть народоубийственное мировое государство, то с другой стороны следует предостеречь от стремлений отменить само государство, дабы не разделить Германию на мелкие колонии с числом жителей, не превышающим двенадцати тысяч. Представители этих заманчивых идей не видят того, что предпринимают принципиально бесперспективную попытку ввести снова не имеющую истории "природную" эпоху. Восемьдесят миллионов человек нуждаются в том, чтобы стать соответствующим идее единым целым, узловыми пунктами жизни, достаточно большими для того, чтобы дать множеству сильных личностей возможность дышать одухотворенным воздухом, но достаточно ограниченными в плане формирования, чтобы не дать им пропасть в хаосе сплоченных и все-таки раздробленных миллионов. Только в городе формируется культура, только город может стать центром созидательной национальной жизни, собрать имеющуюся энергию, сделать установку на

целостность, и сделать возможным то мировое политическое обозрение, которое особенно необходимо именно Германии как государству, открытому в таком множестве направлений. Несколько центров до 500 000 и значительно более по 100 000 жителей являются, таким образом, духовной необходимостью. Причем к децентрализации всех технико-экономических учреждений стремиться следует непременно.

С сознательным отказом от либеральной "свободы" совершенно не связано само военно-политическое стесненное положение, которое заставляет нас разбивать мировые города. Возможные в дальнейшем войны будут сильно зависеть от авиации. Целью химических и осколочно-фугасных бомб всегда будут крупные города. Чем разбросаннее будут располагаться фабрики и города, тем меньше ущерба будет от совершенных авиационных налетов. Судьба принуждает нас сегодня, как и раньше, к тому, чтобы весь народ участвовал в борьбе за свое существование. Раньше владелец замка строил стену вокруг домов своего замка, жители которых, как единое целое, должны были участвовать во всех боях. Либеральная эпоха создала профессиональную армию, граждане предоставили защиту своей жизни солдату и при этом еще нагло ругали милитаризм. С этой псевдоидиллией покончено: техника, которая соорудила когда-то прочный вал вокруг всего государства, сама его и разрушила, и восстановила древнее органичное соотношение между народом и войной. И тем самым мировоззрение и судьба совместно призывают к сокращению мирового города, к возведению городов и дорог со стратегической целесообразностью. Если раньше неприступные замки строили высоко в горах, то сейчас самое важное скрывают в бетонных бункерах под землей. Целый город из высотных домов становится нелепостью. Осознание этого также заставит сделать определенные градостроительные выводы.

Вот некоторые основные черты новой государственно-политической системы, которая сама вытекает из высшей ценности нашего народа и нашей судьбы. Из них в свою очередь следуют другие мероприятия, которые имеют чисто техническую природу и поэтому лежат вне рамок этой книги.

То, что государство можно рассматривать как поле беспланового перемещения народов, будущему поколению покажется безумием, чем-то безрассудным и самоубийственным, как и все другие требования политического либерализма.

Предстанет ли будущий рейх в облачении императорской власти, королевства или республики, никто из нас не знает. Мы не можем предугадать заранее частностей ощущения формы будущего. Императорские короны упали в пыль, республика появилась в результате деятельности, которой немцы будут еще стыдиться в течение тысячелетия. Только германская королевская идея - так это представляется - сохранила до сегодняшнего дня свой мифический блеск. Она создала органичный хребет времени, когда римская империя безгранично простиралась по всему миру. Она лежала в основе создания новой империи 1871 года. Ее и сегодня еще поддерживает родовое чувство. Рухнули 23 династии. Они не должны вернуться, чтобы Германия не подвергалась заново ужасным внутренним распрям. Земли должны закрыть свои ландтаги и распространять каждую достойную идею родовой королевской власти. Со старым понятием "кайзер" связано представление об империализме, в нем содержится только пышность и власть. Идея о короле глубже и больше привязана к земле. О своем короле скромный баварец думает так же живо, как и верный пруссак. "Кайзер" был для народа абстрактностью, "Божьей милостью". Мы достаточно сыты опереточным поведением времени до 1914 года; но тем более нам противно убожество, связанное с паразитическим карьеризмом демократии. Мы хотим видеть в германском короле такого же человека, как мы сами, но все же кроме того он должен быть воплощением героического мифа. Подобно тому, как место сверкающей островерхой каски в буре сражений занял стальной шлем, так и будущее найдет форму германского национал-социалистического руководства народом в результате рождения орденового государства, как воплощения стремления сегодняшнего поколения к

будущему государству, как компенсация жертв тех двух миллионов, которые отдали свои жизни за Германию.

Из требования поставить учение о народе и расовую защиту в центр всей государственной жизни, возникает картина жизни, которая отличается от хаоса XIX века, как день от ночи. Из бесчестного идеала торговцев вышли кроваво-красная мировая война, мировые возмущения, следствием которых было сильнейшее истощение народов. Самым спелым плодом XIX века был большевизм, самое опустошительное наступление чумы восточного духа, который со времен инквизиции посылал свои ядовитые испарения на Европу. Из внутренних перемен и возрождения поднимается ясно видимая в общих чертах картина мечты о новом государстве. Миллионы ощущают сегодня новое движение к типу и закону, связанное с землей и опирающееся на честь. Путь ясен. Оставить на нем следы является задачей вечно пульсирующей и шагающей вперед жизни. Мастер Эккехарт сказал: "В самых глубоких колодцах самая высокая вода". Германский народ в 1918 году в результате своей собственной вины упал на самое дно, и в течение пятнадцати лет его внутренние и внешние враги недостойнейшим образом мучили и истязали его. И тем не менее нашлись силы, которые достигнув глубины жизни, именно здесь заново открыли вечные первоисточники силы немецкого народа и, готовые к борьбе, несут эти ощущения и признания через бедствия времени. То, что XIX век натворил в бюргерском уюте преступного марксистского безумия и обширнейшей безыдейности, сегодняшней XX век должен исправлять посреди враждебного мира, который никогда еще не противостоял Германии в такой сплоченности.

Поэтому новая теория жизни также не представляет собой мягкую проповедь грусти, а является суровым и жестким требованием, потому что мы знаем, что теория гуманности пытается действовать в противовес природе, и что природа за это мстит, уничтожая до последнего все эти демократические и другие попытки. Сущность немецкого обновления заключается в том, чтобы приспособиться к вечным аристократическим природным законам крови и не способствовать отбору больных за счет слабости, а напротив, при помощи сознательного отбора привести к руководству волевою силу, не оглядываясь на то, что осталось позади.

При пробуждении германского прошлого мы видим сегодня перед собой, проходя по Динкельбюлю или Ротенбургу, завершенную германскую культуру, не знающую себе подобной по творческой и боевой силе. Мы знаем, что Тридцатилетняя война навсегда разрушила ощущение жизни, что XVII и XVIII века лежат между ними подобно глубоким пропастям, и что только с укрупнением прусского государства снова начала пульсировать совершенно новая жизнь. В освободительных войнах 1813 года и в их участниках мы видим проявление понятия формирования совершенно новой германской истории, и мы, люди современности, присоединяемся к вождям этих освободительных войн, как к первым основателям новой государственной идеи и нового ощущения жизни.

Мы вспоминаем о великом бароне фон Штейне, который знал только отечество, называемое Германией, и который заявлял: "К династиям в этот момент великого развития мы совершенно равнодушны; это только инструменты. Мое желание заключается в том, чтобы Германия стала великой и сильной, чтобы снова добиться ее независимости, восстановить национальность и утвердить то и другое при своем расположении между Францией и Россией. Это нельзя сохранить на пути старых, развалившихся и прогнивших форм". "Сопrotивление демократическим фантастам и княжескому произволу" Штейн обозначил, как линию своей борьбы. Это делаем и мы, подчеркивая только, что вместо демократических фантастов пришли марксистские преступники. И еще один пророк предстает перед нашими глазами, ожидая своего воскрешения: Поль де Лагарде. Никто не видит так, как он вред либералистского Второго рейха, ведущий к падению. Потрясенный, он сетовал: "Наши дни слишком темны, чтобы не предсказать нового солнца. И этого солнца я жду".

И мы чувствуем себя сегодня в безопасности, соответствуя истинно великим людям немецкой нации, довольными и сильными в безусловной вере, представляя как германское обновление восход того солнца, которого ждал Штейн. Лагарде и многие другие, во имя чего они действовали. Мы внутренне сильны и переполнены как ни одно революционное движение Европы.

Французская революция 1789 года была лишь одним огромным крушением без творческой идеи, мы ощущаем сегодня ее гниение. Наше время перелома и признания существенных типов крови означает величайшую духовную революцию, которая сегодня сознательно берет свое начало. И эти вопросы времени ежедневно прижимают нас, и все мы обязаны заняться ими, подвести итоги духовной борьбы и включить всех пробудившихся в армию пробуждающейся Германии. Долгом и задачей каждого из нас является по-новому осмыслить новые задачи, постоянно встающие перед нацией, с почтением служить им. Тогда эта жизнь и в самом деле станет вечным блаженством.

Цитируется по: Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. – Tallin.: «Shildex», 1998. – С.390-409.

3. Философия национал-социализма.

В данном разделе были помещены несколько небольших трудов о центральных аспектах идеологии национал-социализма. Первый аспект – расовый и этнический. Он многие годы предавался тотальному остракизму, подвергался самой безжалостной критике. Но расовый вопрос возник не на пустом месте и не является лишь темой идеологической. За всей этой критикой продолжалась и продолжается серьезнейшая работа антропологов, демографов, этнологов, социологов, генетиков. Проблемы, поставленные еще столетие назад, становятся сегодня все более трудноразрешимыми. Идет глобальное изменение климата, прогнозируется около 1 млрд. климатических мигрантов из развивающихся стран, которые далеки в своих традициях от того уровня понимания и решения сложных межэтнических проблем, который культивируется в западном мире: их взгляды и нравы в этом плане весьма агрессивные, нетолерантные, чему подтверждением является очень жесткое выхолащивание европейской культуры в процессе деколонизации. Столкновение цивилизаций неизбежно – противоречие культурных традиций достигают максимального противостояния. По словам Э. Смита во всем мире, в Европе «Последнее десятилетие ознаменовалось феноменальным ростом национализма и его изучения». Сложился также демографический дисбаланс в разных частях планеты. Увеличивается число наследственных болезней – до уровня эпидемий. Эти угрозы уже стучатся к нам в дверь. Чтобы понять какими же решениями придется урегулировать геополитические изменения думающему современнику просто необходимо обратиться к корням этих проблем. Так уж получилось, что ими в большей мере серьезно озаботились первыми именно национал-социалисты.

Второй аспект – это отношение «народ – власть», «народ – государство». Национал-социализм предлагал свою оригинальную модель государства. Крах Советского Союза и значительная профанация и девальвация либерально-демократических идей государственности, часто прикрывающих авторитарный буржуазный консерватизм, монополизм и империализм, а также крушение во многих странах мифа о «свободном рынке» заставляют сегодня задуматься вновь о том каким же должно быть государство, какой должна быть власть. Особенно это актуально в свете ультраэкстремистских и радикальных космополитических теорий а la Ульрих Бек, отрицающих роль наций и государств, вообще их права и существование в новой наднациональной и надгосударственной буржуазной империалистской модели будущего глобализованного мира. Национал-социализм предлагал свою альтернативу государства, как жизненной формы национального организма.

Представленные в данных разделах работы основаны на весьма солидных для своего времени научных и философских разработках.

3.1. О расе.

Г.Ф. Гюнтер

Краткая расология Европы.

Ю.Ф. Леманс Ферлаг, Мюнхен, 1925.

1. Распределение европейских рас на территории Европы.
2. Нордическая раса в истории.
3. Нордический идеал – итог антропологического взгляда на историю.

1. Распределение европейских рас на территории Европы.

Жители **Британских островов** нигде не имеют такой светлой пигментации, как жители северо-западной Германии, и такой темной пигментации, как жители южной Франции. Светлая пигментация населения уменьшается в общем направлении с северо-востока на юго-запад. Сравнительно темную пигментацию имеет в Англии население всей области к югу от линии Ливерпуль-Манчестер и к западу от 2° долготы, т.е. примерно Манчестер-Борнмут. Внутри этой области только в Уилтшире и на востоке графства Сомерсет пигментация более светлая, всего темней она на п-ове Корнуэлл и в южной половине Уэльса. Расположенные в центре Англии графства Нортгемптон, Хантингдон, Бедфорд, Бекингэм и Хартфорд отличаются темной пигментацией населения. Сравнительная темная она и у жителей горной части Шотландии к югу от Каледонского канала (северная Шотландия – нордическая), особенно темная – в Инвернесе. Аргилле и южной Шотландии к западу от линии Глазго-Карлайл. Ирландия имеет население более темной пигментации за исключением графств Лимерик и Типперэри. Самая темная она на юге (Керри, Корк, Уотерфорд), на западе и севере (Ольстер и Коннот). По данным Беддоу, сильную западную примесь имеет население западной части графства Голуэй в Конноте.

Темная пигментация населения перечисленных областей Британских островов обусловлена кровью западной и восточной рас: динарская примесь на Британских островах мало заметна, несколько заметней она на Корнуэлле, в графстве Мерионет (Уэльс), в Кимберленде и, прежде всего, – в области Ферт-оф-Форт, где 25% населения – брахикефалы. Население Корнуэлла преимущественно западной расы, но часто оно имеет черты лица, напоминающие «семитские». Более заметную примесь восточной расы имеет Уэльс, а также Девон и западная часть графства Сомерсет. Сильная примесь восточной расы сказывается и на жителях перечисленных графств центральной Англии, но на Чилтернских холмах между Оксфордом и Кембриджем снова усиливается примесь западной расы. Восточный тип чаще встречается в северо-западной Ирландии, западной Шотландии и на Гебридах. Но сильней всего примесь западной расы в Ирландии. Более низкие головные указатели и высокие лицевые указатели на всех Британских островах, прежде всего, в южной Англии и Ирландии, это признаки нордической и западной рас. Можно дать такое распределение: горная западная Шотландия – восточно-нордическая смесь, Уэльс, Дорсет, Девон, западный Сомерсет и северо-западная Ирландия – смесь восточной, нордической и западной рас, Корнуэлл и Ирландия за исключением ее северо-западной части – западно-нордическая или нордически-западная смесь. Шетландские острова населены людьми нордической расы как и Гебридские (с небольшой примесью восточной расы). На Лонг-Айленде еще не так давно на темноволосых людей смотрели с презрением. В целом на Британских островах, включая области с темной пигментацией населения, нордическая примесь значительна. Примерный расклад: **55-60% нордической крови, 30% западной** и 10% восточной.

Своеобразная и еще недостаточно объясненная черта – высокий средний рост жителей Британских островов, включая темно пигментированных. Действовали ли в данном случае

особые условия отбора? Или смешение рас стимулирует (временно) рост гибридов? Нордический слой в Англии сохранился в большей чистоте, чем в Германии.

Во **Франции** область преобладания нордической расы простирается с севера от побережья до Шампани, к югу от населенных преимущественно людьми восточной расы Арденн и пересекает центральную Францию, причем процент нордической крови все время убывает по направлению к Лиможу. В одном месте в эту область врзается восточная раса – от гор Морван до Орлеана. На побережье Нормандии преобладает нордическая раса, как и на побережье Бретани, внутренние области которой заняты восточной расой.

Областью преобладания восточной расы во Франции является весь Восток, хотя Вогезский лес отличается сильной динарской примесью. Восточная раса заселяет возвышенности – Лангр, горы Морван, Кот д'Ор, а также Овернь и Севенны, откуда восточное влияние прослеживается в юго-западном направлении до Пиренеев. Альпийские области Франции – смешанные, восточно-динарские. Французские исследователи отмечают сходство между жителями Оверни и Бретани, а Топинар встречал в Бретани людей «азиатского» типа (население южнобретонского города Пон ль'Аббе сравнивают с монголами).

Западная раса преобладает на побережье Средиземного моря, в нижней и средней части долины Роны, а в смешанном виде – в долине Соны до Шалона. Она преобладает также на юго-западном побережье Франции до Жиронды, особенно в Медоке и Сентонже. Примесь западной расы есть во всей Франции и Бельгии, включая Фландрию.

В районе Периге длинноголовость сочетается с широколицестью. Рипли приписывает эти черты палеолитической кроманьонской расе. Но я предполагаю в этом районе и сильную примесь западной расы.

Плётти оценивает долю **нордической крови** во Франции на уровне **25%**, 50% приходится вместе на восточную и динарскую расы и еще 25% – на западную.

В валлонской части **Бельгии** преобладает восточная раса, но кое-где, прежде всего, в ряде кварталов Брюсселя заметна западная примесь. Это влияние не только доисторического населения, но и испанской оккупации страны. Фландрия – преимущественно нордическая область с более сильной восточной и более слабой западной примесью. Фламандско-валлонская языковая граница это одновременно граница между областями с преобладанием нордической и восточной расы.

Германия и другие страны немецкого языка будут описаны здесь лишь вкратце, поскольку на эту тему есть специальная работа. Области наибольшего преобладания нордической расы – северо-западная Германия и северная Голландия, особенно те области, где распространен нижнесаксонский диалект. Отсюда процент нордической крови убывает к югу, юго-западу и востоку. К востоку от Одера (за исключением побережья Балтийского моря до Вислы) нельзя больше говорить о преобладании нордической расы. Равно как и к югу от Майна (за исключением долин больших рек).

Северо-восточная Германия, особенно Восточная Пруссия, это область самой сильной примеси восточно-балтийской расы (но не ее преобладания). Примесь этой расы заметна во всей восточной части области распространения немецкого языка, особенно в Саксонии и Нижней Австрии. К западу от линии Киль-Инсбрук эта примесь мало заметна.

Примесь динарской расы сильней всего во всей области баварского диалекта. В южной Баварии и Австрии можно говорить о преобладании динарской расы, усиливающимся по мере приближения к юго-восточной границе немецкого языка. Но примесь ее прослеживается и до его западной границы, причем в Восточной Швейцарии, Южном Бадене и Эльзасе опять можно говорить о преобладании динарской расы. За линию Майна на север она не заходит.

Примесь крови восточной расы сильней всего в юго-западной Германии; в Шварцвальде, Западной Швейцарии, горных областях Вюртемберга и центральной Баварии эта раса преобладает. Ее более или менее сильные примеси прослеживаются во

всей области распространения немецкого языка, сильнее – вдоль границы немецкого и французского языков и в Верхней Силезии.

Примесь крови западной расы здесь невелика, заметней она в Западной Швейцарии и Восточных Альпах, в Рейнланд-Пфальце и долине Мозеля. Долю **нордической крови** в немецком народе можно оценить на уровне **50-55%**. Но нордическая кровь в Германии более равномерно распределена во всем народе, чем в Англии, где она сосредоточена в высших слоях.

Испания населена почти исключительно людьми западной расы, так что ее можно считать расово однородной страной. Восточная раса встречается только в северо-западных и астурийско-кантабрийских горах, особенно вокруг Овьедо, вплоть до северной границы Португалии. Есть и нордическая примесь: Плётц оценивает ее, как и восточную, на уровне 15%. Жители Каталонии гордятся своей «готской» кровью. Нордическая примесь еще заметней в горах Сьерра де Бехар (северо-западная Испания), в Галисии, среди мараготов в Леоне и по всей Испании – в высших сословиях. Переднеазиатская примесь проявляется на южном побережье Испании (за исключением Кадиса) от Гранады до Севильи. Небольшая примесь ориентальной расы не очень заметна, потому что эта раса близка по типу к западной расе.

Баски говорят на языке, родственные связи которого не установлены. Винклер сближает его с кавказскими языками переднеазиатской расы. Сами баски народ в расовом отношении смешанный. Во Франции это смесь восточной и западной рас, в Испании перевешивает западная раса, но здесь довольно велика и примесь нордической крови: среди горных басков нередко встречаются блондины со светлыми глазами.

В **Португалии**, как и в Испании, преобладает западная раса. Восточной крови здесь больше нет, нордической очень мало, она есть в прибрежных городах. Зато велика примесь негритянской крови, что отличает португальцев в расовом отношении от испанцев, людей западной расы. Из-за этой примеси негры видят в португальцах почти что себе подобных и уважают их гораздо меньше, чем других европейцев. Говорящие на языке суахили различают «европейцев» и «португальцев».

Северная половина **Италии** это смесь восточной и динарской рас с небольшой нордической и западной примесью, а южная – область западной расы с небольшой переднеазиатской и негритянской примесью. Динарская раса вторгается в Италию из восточных Альп по северо-восточному побережью от Венеции до Романьи, убывая по мере смешивания. Восточная раса убывает в числе с севера и северо-запада до Рима, где начинается Италия западной расы. Область вокруг Лукки – островок западной расы среди брахикефалов севера Италии. Сильна примесь западной расы и на всем лигурийском побережье. **Нордическая** примесь – может быть, 15 % всего итальянского народа, заметней всего в Пьемонте, Милане и Венеции, но она проявляется и во всей альпийской области и в северных Апеннинах, даже во Флоренции. В Тоскане и Умбрии можно еще встретить людей более светлой пигментации; особенно часто голубоглазые блондины встречаются в округе Перуджа. Странно, что блондины в Северной Италии чаще встречаются на высоте более 400 м.

В область преобладания западной расы входят острова Сицилия, Сардиния и французская Корсика. Юг Италии более однороден в расовом отношении. Переднеазиатская примесь заметна на юге в Салерно и Бари, а на Сицилии – в Сиракузах и Агридженто. На Сицилии есть и небольшая примесь ориентальной расы. Светлые волосы еще встречаются в бывших лангобардских областях вокруг Беневенто. На Мальте 1% блондинов, в Цуррико на Мальте их больше. Кроме них бросается в глаза также более сильная переднеазиатская примесь среди населения Мальты, которое принадлежит, в основном, к западной расе.

Области, населенные словенцами, хорватами, сербами, черногорцами и албанцами это области наибольшего преобладания динарской расы. Но среди этих народов заметны и примеси других рас: кровь западной расы проникала с побережья Средиземного моря,

восточно-балтийской – из восточной Европы. Нордическую кровь занесли разные народы нордического происхождения. У южных албанцев нордическая примесь сильнее, у сербов она такая же, как у словенцев. Албанские поселенцы занесли динарскую кровь в Калабрию (с небольшой нордической примесью).

Норвегия до областей, населенных саамами (народ центрально-азиатской расы с восточно-балтийской и нордической примесью), страна преимущественно нордическая. Примесь центрально-азиатской крови есть как в Норвегии, так и в Швеции и у несаамского населения. Примесь восточной расы есть на островах западного побережья между Бергенем и Тронхеймом и в области между Согне-фьордом и Норд-фьордом. Но больше всего она на юго-западном и южном побережье Норвегии (Хёугесунн – Ставангер – Кристиансанн). На всем западе Норвегии есть очень небольшая западная примесь – возможно, результат древних связей с Англией и Шотландией (с пиктами). Самое чистое нордическое население Норвегии живет в Остертале и Судбраннетале. Восточно-балтийская раса преобладает в лесистой местности Трюссил на шведской границе; Рипли описывает тамошних жителей как «монголоидов». Но речь идет о восточно-балтийских переселенцах из Финляндии (кванах).

Люди своеобразного типа живут у Согне-фьорда: темноволосые мезо- и брахикефалы среднего и низкого роста с «южным» темпераментом в речи и движениях, весьма воинственные. Возможно, в этой замкнутой области в результате отбора (из западной, восточной и нордической составляющих) возник наследуемый комплекс признаков, а может быть, речь идет о расе неизвестного происхождения. Норвегия с ее замкнутыми долинами сохраняет племенные различия и среди нордического населения. Часто все жители таких долин принадлежат к немногим семьям. В Тюдалене (округ Тронхейм), по моему, сохранилась даже кроманьонская раса.

Швеция, за исключением областей, населенных саамами и финнами, **самая чистая нордическая страна** вообще. На крайнем юге заметна примесь восточной расы, в остальном Швеция – расово однородная страна, точно так же, как Испания – страна западной расы. Нордическая раса в наиболее чистом виде представлена вокруг озера Веттерн, в Емтланде и в Даларна. Это области наибольшей чистоты нордической расы на Земле. Понятно, почему именно там ищут прародину нордической расы.

В результате связей с Финляндией в Швецию попало много восточно-балтийской крови, а в Финляндию – много нордической. В Швеции 13% брахикефалов. Доля нордической крови в шведском народе – свыше 80%, в Норвегии – 75-80%.

Дания в целом не такая чисто нордическая страна и ее нельзя сравнивать со Швецией и Норвегией. Самая нордическая область Дании – Ютландия. На датских островах примесь восточной расы столь велика, что в целом население Дании выглядит менее нордическим, чем жители других скандинавских стран и Шлезвиг-Гольштейна.

Исландия – страна преимущественно нордическая, но и там есть примесь восточной и восточно-балтийской рас. Скальд Эгил (900-982) смеялся над своим плоским носом и своими темными волосами.

Восток Европы представляет собой постепенный переход от смешанных расовых типов Центральной Европы к восточно-балтийским, переднеазиатским и центрально-азиатским областям. Подобно тому, как азиатский растительный и животный мир начинается далеко к западу от Уральских гор и реки Урал, так уже на юге Европейской части России и на Балканском полуострове начинает меняться картина народов. Появляются и становятся все чаще люди центрально-азиатского и переднеазиатского расового происхождения. Для северо-востока Европы характерно преобладание восточно-балтийской расы. Для юго-востока – разнообразные переходы восточно-балтийской расы в центрально-азиатскую и переднеазиатскую. При сходстве восточно-балтийских и центрально-азиатских физических признаков часто трудно провести четкую границу между этими расами.

В пределах этой – если смотреть с севера на юг – сначала нордически-восточно-балтийской и нордически-восточной, потом восточно-восточнобалтийской, динарско-восточнобалтийской, западно-восточнобалтийской и, наконец, переднеазиатско-восточнобалтийской области есть и исключения. Литовцы и латыши – преимущественно нордические народы с сильной восточно-балтийской примесью, эстонцы тоже. Великорусские области, примыкающие к Прибалтике, также преимущественно нордические. Нордическая кровь проявляется, прежде всего, по течению Вислы, еще больше – по течению Западной Двины и в Южной Волыни. К югу и к востоку она постепенно исчезает, ее место в соответствующем объеме занимает восточно-балтийская кровь и наконец начинаются области с наиболее сильной центрально-азиатской примесью. Однако в областях, где распространен **русский** язык, долю **нордической** крови можно оценивать на уровне 35-40%. В Польше к востоку еще быстрее уменьшается процент нордической крови и увеличивается процент восточно-балтийской, восточной и центрально-азиатской. Средний рост поляков ниже из-за большого числа евреев (16% населения). Сравнительно много нордической крови на севере Польши.

Финский народ преимущественно нордический на юго-западе и юге Финляндии, но там верхний слой составляют шведы. К северу и востоку начинаются восточно-балтийские области Финляндии.

78% финнов имеют светлые глаза. Большинство кареглазых (их 10%) встречается в северной Финляндии среди финского племени кванов, которые восприняли центрально-азиатскую кровь от саамов. Наиболее восточно-балтийским, хотя и с нордической примесью, является финское племя тавастов, живущее в центральной Финляндии.

Остается неизвестным, смесью каких рас являются карелы. В противоположность тавастам они более стройные, среднего роста, многие из них имеют каштановые, вьющиеся волосы, коричневатую кожу, более узкое лицо и более длинный нос. И по своему поведению карелы выделяются среди других финских племен: они веселее, разговорчивее, решительнее, хотя и менее стойки. Они предупредительны и благодаря своим манерам производят впечатление более благородных (такими их описывает Рециус). Смесью каких рас они являются? Их пытаются связать с **«рязанским типом»**, о котором речь пойдет ниже. Может быть, сыграли роль особые условия отбора, которые благоприятствовали наследованию комплекса признаков, ставшего результатом скрещивания.

На севере России живут саамские племена, на северо-востоке – ближайшие родственники финнов, как и они, племена восточно-балтийской расы. Ханты и манси представляют собой смесь восточно-балтийской расы с **«рязанским типом»**. Саамы – народ центрально-азиатской расы с довольно большой примесью восточно-балтийской крови.

Таким образом, среди эстонцев, ливов и особенно среди финнов часто встречаются люди нордической расы, говорящие на финских языках. С другой стороны, на русском, индоевропейском языке говорит много восточно-балтийских людей и людей, которые по крови скорее принадлежат к Азии, чем к Европе. Расовая и языковая принадлежность особенно резко расходятся на востоке Европы.

В Центральной и Северо-Западной России (может быть, за исключением примыкающих к Прибалтике более нордических областей) в целом преобладает восточно-балтийская раса. Около 80% местных жителей имеют светлые глаза, при этом лишь 13% – головной указатель ниже 80. К югу доля восточно-балтийской расы постепенно убывает, но ее примесь еще заметна и в юго-восточной Европе. В южной России 40% светлоглазых блондинов, но их светлая пигментация – не нордического происхождения. Более или менее сильная примесь центрально-азиатской крови наблюдается на всем востоке Европы. Особенно заметна она в Ярославской области.

Западная и северная **Украина** это опять область динарской расы, особенно Харьковская, Полтавская, Киевская и Черниговская области. На западе эта область

доходит до Волыни, на востоке – до Волги. В Подолии преобладает динарско-восточная смесь, в Галиции процент восточной расы увеличивается, чем дальше на запад, тем больше. Жители Карпат – смесь восточной и динарской рас, на дуге Карпат и Трансильванских Альп к ним добавляются восточно-балтийская и нордическая примеси. **Венгры** первоначально принадлежали к восточно-балтийской расе, но их внешний облик сильно изменился после их переселения в Европу из-за примеси восточной, динарской и нордической крови. Балканы и их отроги заселены людьми восточной расы или ее гибридами с динарской расой, Балканский полуостров – смесью западной, переднеазиатской и динарской рас. Область, где динарская раса представлена в наиболее чистом виде, простирается от долины реки Вардар до Салоник. Динарская примесь имеется и на Крите. Но во всей юго-восточной Европе динарская и переднеазиатская кровь сосуществуют и четких границ между ними нет. Среди румын и болгар, живущих в долине Дуная, преобладает **западная раса** с небольшой примесью динарской. Болгары, народ центрально-азиатского происхождения, после переселения в Европу изменили свой внешний облик, смешавшись, главным образом, с западной расой. То же самое произошло с турками, но они смешались с переднеазиатской расой. Западная раса с ее длинными черепами заходит от устья Дуная в Молдавию и на юг Украины, отдельные лица этой расы встречаются и северней, на Украине и в Польше. Похоже, что в Польше примесь западной расы была когда-то более сильной.

Среди великорусского народа особо следует выделить область более низкорослых, мезокефальных, темноволосых и кареглазых людей к югу и юго-западу от Москвы, в **Рязанской** и **Тамбовской** областях. Этот тип прослеживается и далее на северо-восток, среди мари, удмуртов, хантов и манси. Можно ли считать, что этот «протофинский» или **рязанский тип** возник под влиянием западной расы? С внешним обликом западной расы не согласуются плоские и широкие лбы людей этого типа и их скошенные наружу скулы. Это скорее азиатские черты. Но в этих местах бросается в глаза ярко выраженная мезокефалия (головной указатель 76-79), что в брахикефальном окружении указывает на примесь длинноголовой расы.

На **Кавказе**, где в целом преобладает переднеазиатская раса, сталкиваются европейские и азиатские группы. Рыцарский народ осетин, потомки алан, отличается более высоким ростом, среди них 30% блондинов со светлыми глазами. При их иранском языке это не удивительно. Еще больше светлоглазых блондинов – 60% – среди курдов Каракуша и Нимруд-Дага. Они тоже говорят на иранском языке.

В **Северной Африке** еще встречаются большие области, в которых преобладает население западной расы, на всем северном побережье от Египта до Марокко и от Марокко к югу, включая острова. Но во всех этих областях ощущается также примесь ориентальной, негритянской и (прежде всего в Алжире и Марокко) переднеазиатской расы. Западная кровь проникла и вверх по Нилу. Западные черты отличают жителей островов Средиземного моря наряду с более сильной переднеазиатской и более слабой негритянской примесью. На Крите в горах примесь переднеазиатской расы сильнее, чем на равнине.

2. Нордическая раса в истории

В XIX веке шли долгие споры о том, где следует искать прародину народов, говорящих на индоевропейских языках. Сегодня стало понятно, что речь идет о прародине правящих классов этих народов. Она находится не в Азии, а на северо-западе Европы (Мух. Родина индогерманцев. 1902).

После выхода в свет книги Муха открылись многие новые факты, указывающие на северо-запад Европы как на прародину племен нордической расы. Р. Латэм (1812-88) первым из филологов признал Европу в 1851 г. прародиной индоевропейских народов. Высокоразвитая культура распространилась в неолите с северо-запада Европы до Альп,

Балкан, Греции и южной России, в бронзовом веке перешла через Альпы, опять дошла до Греции, Причерноморья и Передней Азии. Возможно, волны нордических племен одна за другой захлестывали бассейн Дуная, оттесняя преобладавших там динарцев в двух направлениях – в нынешнюю Югославию и на северо-запад Украины.

С конца каменного века среди нордических племен распространился обычай трупосожжения. У них были определенные религиозные верования, правовые и моральные концепции, свой календарь.

Мегалитические памятники, похоже, были созданы одной или несколькими волнами нордических племен, которые время от времени устанавливали свое господство над средиземноморскими народами. Шухардт, на мой взгляд, ошибочно приписывает мегалиты западноевропейской культуре. В дольменах Алжира находят скелеты высоких, длинноголовых людей, а в Эфиопии и сегодня встречаются люди со светлыми волосами и глазами. Потомками одной из нордических волн могут быть берберы и кабилы – среди последних процент блондинов – от одной пятой до одной трети.

С распространением нордических племен началась и дифференциация их языков. Это произошло в III тысячелетии до н.э.

На Ближний Восток нордическую кровь занесли амориты, смешавшиеся с евреями. Они вторглись в Малую Азию и страны Эгейского моря около 1500 г. до н.э. и через Палестину дошли до Египта. На египетских рисунках той эпохи изображены люди нордического типа. Тем же путем в VII веке до н.э. прошли скифы. И сегодня тип со светлыми волосами и глазами часто встречается, в первую очередь, среди друзов.

Среди филистимлян, как и среди ахейцев, высший класс принадлежал к нордической расе, а низший – к средиземноморской.

Рок раздоров тяготел над нордической расой. В Троянской войне нордическая аристократия эллинов сражалась против нордической аристократии фригийцев и других племен; персы воевали против мидийцев и греков, кельты против римлян, германцы против кельтов. И во всех европейских войнах, вплоть до Первой мировой, больше всего проливалось именно нордической крови.

Внимание ученых, занятых поисками следов нордических племен, привлекли саки (скифы). Древние авторы находили их похожими на кельтов и германцев. Аланы, по описаниям, имели нордическую внешность. Среди их потомков, осетин, 30% блондинов. Особенно много скифской крови сохранилось у афганцев. Ее влияние обнаруживается даже среди обских угров и татар.

Китайские хроники до 200 г. до н.э. описывают живущих в Синьцзяне усуней как народ со светлыми волосами и глазами. Сравнительно недавно в этом регионе были открыты надписи на тохарском языке, принадлежащем к индоевропейской семье.

Примесь нордической крови заметна среди высших классов даже в Китае. Волны нордических племен именуемых киммерийцами и родственных фракийцам, перешли в VII веке до н.э. Кавказский хребет. Одновременно фригийские племена нордического происхождения достигли Армянского плато с запада. Эти две нордические волны образовали правящий класс среди армян. Туземное население не было индоевропейским. Армянский язык – особенно яркий пример того, как переднеазиатские низшие классы армян совершенно изменили индоевропейский язык в соответствии со своей языковой психологией в направлении кавказских языков, на которых первоначально говорили все народы переднеазиатской расы. Это влияние больше проявилось в фонетике, чем в лексике. Сегодня примесь нордической крови в Армении почти не прослеживается, среди армян преобладает переднеазиатская раса.

Нордические предки индусов перешли через Кавказский хребет около 1700 г. до н.э. Долгое время до этого они были тесно связаны с персами и говорили на одном арийском языке. И индусы, и персы шли одним путем – из южной России через Кавказ. Предполагается, что индо-персидские племена долго жили на юго-востоке Европы,

потому что в финно-угорских языках много очень древних индоиранских заимствований. Зоной контактов была южная Россия.

В Армении индо-персидские племена встретились с хеттами. Именно в Армении индусы около 1400 г. до н.э. впервые выступают как отдельное племя под самоназванием «хари». В древних индийских сказаниях боги и герои всегда «хари» – светловолосые. В Ведах и в Авесте упоминается праздник зимнего солнцестояния, что можно объяснить только североευропейским происхождением.

Туземное население Индии было темнокожим, малорослым и «безносым». Индийское слово «варна» (каста) обозначает «цвет». И сегодня самая светлая кожа у индусов высших каст. Но Ригведа еще не знает каст, а только два расовых класса (около 1200 г. до н.э.). Касты впервые упоминаются лишь 300-400 лет спустя, когда в результате расового смешения возникли промежуточные типы.

Похоже, индусы знали об опасностях расового смешения. Строгая система кастовых правил препятствовала сближению между нордическими властителями и аборигенами. Законы Ману запрещают смешение каст и содержат много важных евгенических предписаний. Долгое время расовое смешение удавалось удерживать в рамках. О предубеждении против переднеазиатской расы (которая доходила до Индии) свидетельствует индийская поговорка «Человек со сросшимися бровями – злой». Когда раса была еще сравнительно чистой, были созданы героический эпос, философия брахманизма и шедевры поэзии. Творения индийского духа заслуживают глубокого изучения и всегда вызывали у нас энтузиазм. Х.С. Чемберлен указал на важность индийской мысли для нас в своей небольшой работе «Арийское мировоззрение» (1917г.).

Появление буддизма, учения совершенно ненордического по своей духовной сути, нанесло первый удар по расовой дисциплине, последствия которого были непоправимыми. Возникший в области, лишь редко населенной индусами нордической крови и распространяемый ненордическими миссионерами буддизм порвал со старыми, наследуемыми вместе с кровью традициями нордических индусов и подменил чистую раннюю индийскую философию сомнительным учением о спасении, адресованным людям всех каст и рас. Буддизм подрывал раннюю индийскую мудрость, проповедуя дух отречения. По словам великого индийского мыслителя Шанкары, буддизм проявил себя только в «бесконечном многословии и ненависти к роду человеческому».

В буддизме не было конструктивных идей, он мог только исказить созданное брахманизмом. На смену учению о жизненной гармонии пришло отрицание жизни. Требуя отказа от половой жизни, брака и собственности, буддизм способствовал исчезновению нордической крови, потому что именно люди нордической расы принимали его всерьез.

В исчезновении нордического элемента в Индии важную роль сыграл и климат. Негативный отбор и расовое смешение привели к упадку индийской культуры. Новый приток нордической крови принесло вторжение скифских племен в 120 г. до н.э. В Индо-Скифском царстве возродилась индийская поэзия. В нем творил величайший индийский поэт Калидаса.

Последующие вторжения кочевников привели к победе в Индии азиатских расовых элементов. Но в VI веке н.э. еще проявляла себя нордическая кровь (искусство Аджанты). Сегодня в Индии редко встретишь светлокожих людей; больше всего их среди северо-западных племен, среди сикхов и индусов высших каст.

Население современной Индии сохранило арийский язык, но не арийскую кровь. Физически оно представляет собой смесь нескольких темных рас. Их влияние сказалось и на языке, особенно на синтаксисе.

В древнем Иране неугасающая внутренняя борьба между персами и мидийцами способствовала исчезновению нордического правящего класса с обеих сторон.

Политическая система персов была такой же, какую мы находим в древние времена у всех народов с нордическим правящим классом.

В конце VII – начале VI века до н.э. среди персов появилась великая личность – Заратустра, который придал новую форму традиционной религии. Это было первым сознательным актом религиозного творчества в истории, до Будды и еврейских пророков. Впервые всему мировому процессу и государству было придано этическое значение, и человек занимал определенную позицию в этой этической системе.

Маздеизм важен для понимания нордического духа, он показывает нордическую сущность в ее персидской форме... Маздеизм – самое возвышенное религиозное творение, когда-либо созданное народами нордического происхождения, а Заратустра – один из самых великих сынов этих народов. Внутренний моральный конфликт человека нигде не понят более глубоко, чем в маздеизме, никогда перед человечеством не ставили более возвышенной цели.

Чем больше изучают маздеизм, тем яснее видно истинное величие персов и их культуры. Персия стоит наравне с Грецией и Римом, а морально превосходит их. Первым указал на это Гобино.

Законы и обычаи древних персов показывают их нордическую природу. Судя по их характерным чертам, персы были более нордическим народом, чем эллины.

В состав Персидского царства вошли области, густо населенные переднеазиатской и ориентальной расой. Правление Кира II было мягким, завоеванным народам оставалась известная доля независимости, и это было началом смешения рас и исчезновения нордического правящего класса. В жизни всех народов под нордическим правлением империализм всегда приводил к упадку и смерти в результате истощения нордической части народа.

Около 400 г. до н.э. в религию персов снова стали проникать ненордические верования – культ Митры и особенно Анахиты, родственной по духу культу Астарты и Кибелы у семитских народов и Афродиты у греков в более поздний период. По мере вымирания нордического элемента среди персов и эллинов возобладал дух переднеазиатской расы или ее смеси с ориентальной расой.

Арабская литература в Средние века была, большей частью, делом персов, писавших по-арабски. Исламская архитектура заимствована большей частью из персидских источников. Не случайно суфизм возник именно в Персии. Ислам, как и все семитские формы религии, всегда казался нордической душе сухим и безжизненным.

В эпоху Сасанидов в персидском народе стала преобладать кровь переднеазиатской и ориентальной рас, особенно первой. Персидский язык также стал видоизменяться в сторону сближения с кавказскими языками.

Сегодня в Иране светлые волосы и глаза нередки среди старых благородных семей, особенно в области между Ширазом и Исфаханом. Среди курдов блондины все еще составляют более половины населения Нимруддага и Каракуша. Средний головной указатель западных курдов 75. Светлые волосы и глаза нередко встречаются среди памирских племен, но особенно часто – среди афганцев.

Подобно тому, как подъем и упадок индийской и персидской культур были связаны с распространением и исчезновением нордического правящего класса, развивалась и история Греции.

Прародиной греков считается территория нынешней Венгрии. Первоначально греки были светловолосым народом. Такими изображает Гомер своих любимых героев, такими были, по описаниям, спартанские и беотийские женщины.

В Греции до прихода нордических племен преобладала средиземноморская раса, но уже с сильной динарской и переднеазиатской примесью. Многие названия местностей в Греции – не индоевропейские. В религии греков сохранились фигуры донордических времен, такие как Посейдон, которого Гомер называет черноволосым, и Гефест. Всю т.н. микенскую культуру Шухардт (Древняя Европа, 1919) считает смесью средиземноморской и нордической культур.

Героические сказания греков отражают память о нордической расе. Авангардом нордических племен были ионийцы, эолийцы и ахейцы, второй волной было нашествие дорийцев. Пришельцы принесли с собой патриархат, сменивший местный матриархат. Средиземноморскую веру в то, что душа умершего уходит к богам, сменила нордическая вера в мрачное прибежище мертвых, Гадес. Лишь позже средиземноморская вера начала контрнаступление из тех мест, куда не дошли нордические племена. Постепенно из мира нордических правителей и покоренных средиземноморцев родилась та удивительная смесь форм, которую мы знаем как «счастливый» греческий мир. Но верхний слой эллинской идеологии сохранял нордическую природу. Ранние эпохи всех народов под нордическим правлением это героические эпохи, которые потом воспевались в великих героических поэмах, объединенным общим героическим идеалом, из чего можно сделать вывод, что они принадлежат одной расе, которую можно назвать героической расой.

Греческий тип красоты был абсолютно нордическим. Гомер и Гесиод изображают богов и героев светловолосыми, голубоглазыми и высокими. Черные волосы у Гомера – отличительная черта неэллинов. Троянец Гектор – черноволосый. Греческие скульптуры всегда воспроизводят чисто нордический тип. Даже в описании населения Греции, принадлежащем еврейскому врачу и софисту Адамантию (V век н.э.), отмечаются его нордические черты.

Но уже с древних времен кровь брахикефальных рас, в частности, переднеазиатской, просачивалась в Грецию с Балкан, из Малой Азии и с Крита. Черты Сократа указывают на примесь альпийской (?) крови. Альпийские люди казались грекам комичными, равно как и переднеазиатские. Сохранились их карикатурные статуэтки, утрирующие типы, противоположные нордическому и средиземноморскому.

Греческую историю можно представить как процесс взаимодействия между духом нордического высшего класса и покоренных племен. Расовая структура четко прослеживается в конституции Спарты с ее строгим делением на три класса: спартиатов (дорических господ), периэков (потомков ахейцев) и илотов (средиземноморцев). С помощью евгенических мер спартанцы пытались сохранить силу нордического правящего класса. Плутарх говорит, что спартанцы были первыми, кто старался улучшить породу не только собак и лошадей, но и людей. Спартанцы считали себя единственными чистокровными эллинами. Красота спартанских женщин вошла в поговорку. Нордический дух Спартанского государства проявлялся еще и в том, что в консервативной Спарте женщины имели больше прав и влияния, чем в демократических греческих государствах. У Гомера женщины обладают большей свободой, чем в сильно денордизированных Афинах эпохи Перикла.

Евгенические идеалы, отраженные в законах Ликурга, подрывались новыми теориями, делавшими упор на индивидуальности. Времена Платона уже были периодом денордизации и вырождения. Буддизм в древней Индии также отрывал отдельную личность от общества. Упадок культуры, основанной нордическими племенами, всегда начинался с теорий «просвещения» и «индивидуализма». В Афинах эпохи упадка эти теории были проникнуты духом переднеазиатской расы.

Расовая структура Афинского государства была не столь четко выражена, как в Спарте, но все же прослеживается в эпоху царей. Упадок и Афин, и Спарты был связан с истощением крови нордической расы. Как только богатство ставится выше происхождения, это признак начала смешения рас. Ненордические выскочки, разбогатеи, обретают все большую власть в государстве. Этот процесс отражен в законах Солона, а тирана Писистрата привели к власти ненордические элементы. Это уже свидетельствует об изменении соотношения сил между расами. Особенно много нордической крови пролилось в междоусобных войнах между греческими государствами.

Великий Платон был аристократом по происхождению, но он видел конец. В своих «Законах» он предлагал для спасения Афинского государства чрезвычайные евгенические меры на манер древней Спарты, но было уже слишком поздно. Ленц предполагает, что

вымирание нордической расы объясняется еще и тем, что она не обладает таким иммунитетом к малярии, как южные расы. Но смертельный удар греческому народу, как считает Ленц, нанес контроль рождаемости.

Места представителей высшего класса все больше занимали выходцы из низов и иммигранты, главным образом, переднеазиатской расы. Полибий во II веке до н.э. уже называл своих соотечественников «выродившимися, жаждущими наслаждений нищими без веры и без надежды на лучшее будущее».

Первым получил значительную примесь переднеазиатской крови Крит. Жители этого острова отличались такими неприятными чертами, как вероломство, тщеславие, продажность, завистливость. С Крита же распространялся гомосексуализм. Среди этрусков (смесь средиземноморской и переднеазиатской рас) также были распространены педерастия и любовь к роскоши. Жизнь в Греции эпохи эллинизма приобретала все больше и больше восточный характер.

В IV веке до н.э. в Греции еще преобладала долихоцефалия, но позже наблюдается сильный приток переднеазиатской крови. Римлянин Манилий в эпоху Августа уже причислял греков к «цветным народам».

Греция созрела для гибели. Но «интересно отметить, что греческие государства, в которых преобладал нордический элемент, пережили другие государства. Афины пали раньше Спарты, а Фивы пережили их обоих. Все великие мыслители и художники Греции жили до македонского завоевания» (М. Грант. Гибель великой расы, 1921). Эпоха эллинизма была уже периодом денордизации.

В Македонии правящий класс сохранял чистоту нордической крови в большей степени, чем в остальной Греции. Александр Македонский принадлежал к нордическому типу. Названной особенностью Македонии объясняется ее гегемония над Грецией.

В древней Греции смешивались нордическая, средиземно-морская, динарская и переднеазиатская кровь, современная Греция это смесь средиземноморской, переднеазиатской, динарской и ориентальной крови.

Римляне тоже были нордического происхождения. Свайные поселения 2000 г. до н.э. в Северной Италии принадлежали народу, пришедшему из-за Альп. Но в составе этого народа были и долихо- и брахикефалы.

Настоящие италики пришли в Италию в конце бронзового века из центральной Германии. Филологи, сближающие италийские, кельтские и германские языки с греческим, предполагают, что зоной контакта была Чехия. Кречмер выводит италиков из области между верховьями Дуная и Восточными Альпами.

Нордические пришельцы были немногочисленными по сравнению с ненордическим коренным населением Италии. Но именно они определили черты римского типа. Римляне имели более нордический характер, чем эллины.

В легендах о царском периоде сохранилась память о борьбе первых нордических пришельцев с этрусками за власть над Италией. Похоже, в этрусском народе возобладали переднеазиатские и альпийские элементы; поздние этруски отличались чисто восточной чувственностью, и римляне называли их «жирными этрусками».

Древнейшая римская конституция дает нам, подобно спартанской, четкую картину классового разделения на расовой основе. Патриции это латинские и сабинские племена нордических завоевателей, плебеи были потомками средиземноморских лигуро-иберских племен, но уже с примесью альпийской, динарской и переднеазиатской рас. Есть признаки того, что у плебеев был матриархат.

Гражданская дисциплина и воинские обычаи древних римлян напоминают нордическую культуру Исландии X-XI веков. Римляне с недоверием относились к покоренным народам. Пословица «Не доверяй черноволосым!», которую приводит Гораций, восходит к древним временам, когда остро воспринимался контраст между нордической и средиземноморской расами.

Законы 12 таблиц предусматривали евгенические меры, но позже они перестали быть обязательными. О них вспомнили лишь в эпоху денордизации и вырождения.

Первые серьезные сдвиги в расовом разделении произошли при республике. Уступки взбунтовавшимся плебейам стали началом расового смешения. В 445 г. до н.э. были разрешены браки между патрициями и плебеями.

Истинно нордическим типом и внешне, и по духу был Катон-старший. Но уже в его времена нордическая кровь стала убывать. Этот процесс усугубили Пунические и гражданские войны. С расширением империи нордический слой становился все более тонким. Исчезновение крестьянства в результате импорта зерна из колоний нанесло самый сильный удар по расовой мощи Рима (как позже Англии).

Вместе с Республикой погибли и последние люди, воплощавшие в себе нордическую природу, – Брут и Кассий, аристократы, которые убили Цезаря, вождя «народа», т.е. городских масс из низших слоев. Но, несмотря на смерть Цезаря, его монархический идеал одержал победу над республиканским, потому что сам Цезарь, как государственный деятель, намного превосходил всех прочих. Основанная им Империя, по мере расовых изменений, все больше обретала черты восточного деспотизма и кончила тем, что превратилась в роскошную мантию, наброшенную на разлагающийся мир.

На смену расовому конфликту между патрициями и плебеями в эпоху Империи пришел конфликт между богатыми и бедными. Возник новый высший класс из нуворишей, выходцев из низов, финансовых спекулянтов, любителей показной роскоши. Они сеяли в обществе семена морального разложения. Гибель Римской империи началась с Италии. Рождаемость сокращалась, зато по мере ввоза рабов усиливался приток восточной крови. Параллельно с денордизацией шло вырождение, черты которого так заметны на скульптурах поздней Империи. Кровь сотен тысяч рабов со всех концов света превратила Римскую империю в расовую клоаку. Все расовые барьеры были сломаны, когда все свободные жители Империи получили в 212 г. римское гражданство по эдикту Каракаллы, сына африканца и сирийки, ярко выраженного преступного дегенерата.

Немногим благородным людям оставалось только сохранять спокойствие и честь посреди всеобщего разложения и упадка. Духовной опорой для них стал стоицизм. Но поздний стоицизм отражал настроения людей, которые наблюдают за катастрофой без каких-либо надежд. Эти люди высокого духа не чувствовали больше никаких связей со своим народом. Они только пытались соединить вместе всех благородных людей тогдашнего мира.

Но идеал красоты и в поздней Империи оставался нордическим.

Римские бюсты до II века н.э. были крашеными. Но неизвестно, были ли оригиналы такими же светлыми, как их изображения. Большинство населения ко времени рождения Христа представляло собой смесь средиземноморской, альпийской и динарской рас. Цезарь, который сам был высоким, отмечает, что римляне ниже ростом, чем галлы, а Страбон, описывая бриттское племя коритавов, говорит, что юноши этого племени гораздо выше римлян. В армии Римской империи были солдаты ростом 1 м 48 см. Римских аристократов можно было распознать по светлым волосам, а богачи с темными волосами старались скрывать их под париками или красить.

Одного швейцарского исследователя поразило, что Марк Антоний, Цезарь, Гальба, Веспасиан и Траян имели такие же очертания головы, какие он наблюдал у себя в Швейцарии и назвал «высокогорной формой» (теперь их называют нордическим типом). Август, согласно Светонию, был очень светлым. Многие императоры эпохи упадка были «варварской» крови. Первым настоящим германцем на троне цезарей был Максимиан Фракийец, сын гота и аланки. Нордические черты имел и Валентиниан I. В римской армии было много германских наемников, которые позже осели в Италии и внесли туда свежую струю нордической крови. Это на какое-то время замедлило гибель Империи.

Но настоящие римско-нордические творческие силы иссякли. Империя продолжала катиться к гибели и, в конце концов, рухнула. То, что еще называлось римским народом,

превратилось в расовую клоаку. Это была смесь доримской средиземноморской расы с народами разных рас, говорившими на семитских языках. Сюда добавлялись наемники негритянских кровей из Африки, сильной была примесь альпийской и динарской рас. В эту клоаку и попало христианство.

Христианство сначала было религией низших классов Римской империи, которым политические идеалы свободных римлян были столь же чужды, как и свободная мысль и художественное творчество греков. Его происхождение и кровь его первых последователей делали его более близким к ориентальному, чем к нордическому мировоззрению. Законы первого христианского императора Константина были направлены против древних евгенических мер.

Важность расового фактора для жизни народа особенно ясно видна на примере римлян. Зеек в своей «Истории упадка античного мира» (1910), используя данные антропологии и евгеники, приходит к выводу, что, говоря о причинах падения Рима, никогда не называют главную: умственное и физическое вырождение расы. Дизраэли сказал, что раса это ключ к истории, единственная истина, и что раса, которая неосмотрительно смешивает свою кровь с другими, погибнет. В Индии кастовые законы долго сохраняли расовое разделение, в Греции и Риме оно ощущалось не столь остро и исчезло раньше. Везде, где иссякает нордическая кровь, умирает культура. Античный мир погиб не только потому, что иссякли его творческие силы – не было сил даже на то, чтобы просто сохранить уже созданную культуру.

После конкретных примеров наметим **общую схему**. Социальные и политические формы изменяются после того, как нордические народы покидают свою прародину. Если они попадают в незаселенную область и сохраняют свою расовую чистоту, возникает своего рода народное правление из наиболее уважаемых людей нескольких племен. При таких условиях лучше всего подходит республиканская система, как у исландцев. Но когда нордическое племя продвигается по чужой стране, подчиняя себе народы других рас, возникает правящая аристократия.

Когда нордические племена оседают, начинается процесс формирования особых народов. Высший класс больше не чувствует себя чужим, а составляет аристократию определенного народа, точнее, ряда племен. Объединение таких племен в государство, в один народ под властью одного царя, это второй этап развития общества. Два расовых класса сливаются в один народ, ощущающий себя единым целым. Нордические римляне (патриции) смотрят на нордических кельтов как на врагов и защищают от них средиземноморцев и альпийцев (плебеев). Так начинается слияние рас. Пока сохраняется четкое социальное расслоение, длится героическая эпоха в жизни каждого народа, находящегося под нордическим влиянием. Героизм является высшим законом. Отдельная личность думает не столько о себе, сколько о чести рода и племени, следуя заповедям верности себе и друзьям, защиты своего народа. Восхваляются великодушные, благородство ума, любовь к истине, уверенность в себе.

Но слияние высшего класса с низшим в один народ создает возможности расового смешения. Низшие слои требуют себе все больше прав и постепенно осуществляется переход к «демократии», но теперь она выглядит иначе, чем в чисто нордических регионах. Теперь эта форма правления означает власть масс, которые не терпят ничего выдающегося, масс, которыми управляют агитаторы и деньги ненордических нуворишей. Капитализм – признак изменившихся расовых условий, он ускоряет исчезновение нордического высшего класса. Прав был греческий поэт Феогнид: «Богатство уничтожает расу».

Для расолога очень важно, что нувориш обращает на себя внимание и делает себя смешным. Когда ненордический человек становится богатым, он подражает нордическому высшему классу, но делает это карикатурно. Момент появления таких людей знаменует собой расовые изменения. С этого момента ускоряется упадок народа. Все становится продажным – государство, аристократические титулы. Идеи прежнего высшего класса

становятся смешными для народа, который сам меняется: героическая эпоха остается в далеком прошлом. Возрождаются обычаи коренных, ненордических народов. Изменяется мораль: классовое разделение уступает место безграничной свободе, но надо всем царит нувориш. Деревни пустеют, города растут. Расовый хаос рождает толпу больших городов, людей, живущих без цели, подверженных любым влияниям. Поздний Рим – яркий пример этого.

Меняется принцип отбора. Идет охота не за девушками из талантливых семей, а за богатыми наследницами, даже если они наследуют и самые худшие болезни. Бегство от ответственности за будущее нации позволяет вырастать таким детям, которых раньше убивали. Иногда в такие эпохи вырождение идет столь быстрыми темпами, что народ совершенно изменяется за очень короткое время. Власть денег может сознательно выращивать выродившуюся толпу для своих целей; большие массы по своей природе очень падки на денежные подачки.

В финансовом мире городов Греции и Рима периода упадка часто встречаются люди с переднеазиатскими чертами. Переднеазиатская раса обладает особым талантом к коммерции. К этой расе принадлежит большинство евреев.

Конец Греции и Рима отмечен тем, что нужны были выдающиеся люди, а их не было: нордическая кровь иссякла. Невидимо правили финансисты, массовое сознание становилось все более вырожденческим, народ – все более расово смешанным. Вымирили целые регионы. Радовались только рабы. Тысячи людей уходили в монахи, отворачиваясь от этого разлагающегося мира. И конец наступил.

Такова судьба всех народов, в которых по мере их развития исчезал нордический элемент. Этот процесс протекал быстрее в среде народов навсегда оторвавшихся от своей нордической прародины.

Вывод: любой упадок индоевропейского народа всегда связан с тем, что иссякла кровь творческой нордической расы.

Теперь много говорят о книге Освальда Шпенглера «Закат Европы». В этой книге Шпенглер исследовал все признаки упадка великих культур, но не увидел причину – исчезновение нордической крови. Поэтому следует рассмотреть тезисы Шпенглера с точки зрения расологии.

Шпенглер считает бесплодным т.н. антропологический метод в истории, но его мнение основано на неправильной интерпретации.

По Шпенглеру, греческая душа жила вне истории, вне какой-либо концепции времени, «как символ первостепенного значения, не имеющий параллелей в истории искусства»; он считает, что доисторические греки «внезапно возвратились» от каменного к деревянному зодчеству. Далее он пишет: «Во времена Гомера, как и во времена Вед, имел место внезапный переход от погребения к трупосожжению, материальных причин чего не обнаружено». Шпенглер упускает из вида, что самовыражалась не одна и та же «душа». Он упускает из вида, что нордические (арийские) завоеватели, придя в Индию в ведические, а в Грецию в гомеровские времена, «внезапно» принесли с собой свои нордические обряды в страны, где они потом развивали свою «душу». Они принесли с собой трупосожжение, общее для всех нордических народов, и деревянное зодчество, характерное до сих пор для северных скандинавов. Таким образом, Шпенглер не видит в исторических явлениях расового фактора. При расовом взгляде на историю нельзя говорить о старении всего греческого или римского народа, а также о «новом жизнеощущении», возникающем тогда или потом. Выродившийся народ уже давно не был тем нордическим греческим народом, образы которого скульпторы высекали в мраморе. Выродившийся Рим уже давно не был тем нордическим Римом, который основал мировую империю. «Новое жизнеощущение» всегда было присуще смешанному населению, которое и в «поздние времена» жило той же нетворческой массовой жизнью, что и раньше. И любой «упадок» в истории всегда вызывался тем, что иссякала кровь творческой расы.

Когда мы говорим об индоевропейском народе, что он «состарился», мы должны понимать под этим только одно: в нем иссякла кровь творческого высшего класса. До Шпенглера Брейзиг (Этапы и законы мировой истории. 1905) уже указал на сходство греческой, римской и германской истории. По его мнению, греки в 500 году до н.э. находились на том же «этапе», что и римляне в 330 году до н.э. и немцы в 1500 году. Но Брейзиг, как и Шпенглер не видел, что такая «синхронность» в истории индоевропейских народов является результатом того, что степень денордизации была той же самой.

Однако первым писателем, который выдвинул концепцию «этапов» в жизни наций был (если не считать римского писателя Варрона) итальянский философ Вико (1688-1744), а идею «упадка» Запада первым выдвинул граф Гобино.

3. Нордический идеал – итог антропологического взгляда на историю

Если вырождение (т.е. резкое усиление негативных наследственных тенденций) и денордизация (т.е. исчезновение нордической крови) привели к упадку азиатские и южно-европейские народы, говорящие на индоевропейских языках, и если вырождение и денордизация теперь, в свою очередь, грозят упадком тем народам, которые говорят на германских языках, то ясно видна задача, которую необходимо решить, если еще в достаточной мере сохранилась способность здраво рассуждать: прогресс германских народов может быть обеспечен только путем усиления ценных и здоровых наследственных тенденций, а также нордической крови. Работы евгеников показывают, каким образом можно достичь усиления ценных наследственных тенденций, поэтому здесь будет рассмотрен только вопрос об обновлении нордического элемента.

Французский граф Артюр де Гобино (1816-82) первым указал в своем труде «Очерк о неравенстве человеческих рас» (1853-55) на значение нордической расы для жизни народов. Граф Гобино также первым увидел, что вследствие смешения нордической расы с другими расами открывается путь к тому, что сегодня с легкой руки Шпенглера называется «закатом Европы». Личность Гобино как исследователя и поэта описана в книге Шемана (2 тома, 1913 и 1916), и благодаря Шеману, который основал в 1894 г. Общество Гобино, чтобы развивать его идеи, и перевел книгу Гобино (перевод издан в 1898-1901 гг.), имя Гобино и основы нордического идеала, которые он заложил, не канули в забвение. Огромное значение труда Гобино для истории и культуры наших дней показано Шеманом в его книге «Расовая теория Гобино» (1910 г.)¹.

Ясно, что труды Гобино по расовому вопросу, написанные до того, как исследования в этой области дали ощутимые результаты, сегодня несостоятельны во многих своих деталях, но основная их мысль остается в силе. С точки зрения расовой науки мы можем согласиться с мнением о трудах Гобино, выраженным антропологом Ойгеном Фишером: «Расовый идеал должен проложить себе дорогу и проложит ее, пусть не в той форме, которую придал ему Гобино, но в том же направлении. Он был великим предшественником».

На грани веков, когда появился перевод Шемана, увеличился интерес к расовым вопросам. В это же время, в 1899 г. вышел труд, который впервые внедрил расовый, нордический идеал в сознание широкого круга людей благодаря энтузиазму автора и той оппозиции, которую он вызвал. Речь идет о книге «Основы XIX столетия» Х.С. Чемберлена (р. в 1855 г.), тогда англичанина, теперь немца. Об этой книге с точки зрения расовой науки мы тоже можем сказать словами Ойгена Фишера: «Невзирая на слабое обоснование многих деталей и смелый пересмотр даже давно устоявшихся концепций ради своих целей, что, разумеется, дает тысячи поводов для критики, подлинная суть устоит против критики».

Со времени работ Гобино и Чемберлена многие исследователи в области естественных и общественных наук постарались пролить больше света на расовые вопросы, так что сегодня не только подтверждена суть теории Гобино и Чемберлена, но и завоеваны новые

территории для идеала нордической расы. Обретает форму новый взгляд на историю, расовая историческая точка зрения.

Нордический расовый идеал естественно привлекает больше внимания среди тех народов, которые сегодня еще сохраняют сильную, а ряд из них даже преобладающую струю нордической крови, т.е. среди германоязычных народов Европы и Северной Америки. Вряд ли идеи Гобино придутся ко двору среди народов, говорящих на романских языках, хотя первая научная работа, написанная с расовой исторической точки «Ариец и его социальная роль» (1899 г.), принадлежит французскому – ее автор – Жорж Ваше де Лапуж. Но, похоже, денордизация зашла слишком далеко и во Франции. Вряд ли расовые вопросы привлекут особое внимание и среди славянских народов.

Но среди всех, кто познакомился с теорией Гобино, многих она глубоко затронула. К концу XIX века можно было даже говорить о растущем интересе к расовым вопросам, но еще не о распространении ясных идей. Продолжают использоваться термины Гобино и Чемберлена, и то и дело наталкиваешься на призывы сохранить чистоту «германской» или (у Лапужа) «арийской» крови².

Таким образом, остается широко открытой дверь к смешиванию расы и народа или расовой и языковой принадлежности, и четкое определение целей невозможно. До сих пор отсутствует знание концепции «расы» и расового состава германских и индоевропейских народов, т.е. народов, говорящих соответственно на германских и индоевропейских языках. До сих пор не учитывается должным образом расовый идиотип (наследственная формация) нордического человека как создателя ценностей, характерных для культуры индоевропейских («арийских») и германских народов. Расовая антропология Европы не могла быть написана во времена Гобино. Требовались еще многие детальные исследования.

Не хватает еще многого. Гобино, как и его современники, не знал о важности отбора для жизни народов. Нордическая раса может прийти в упадок и без смешения с другими расами, если она будет проигрывать им в соревновании по рождаемости, если число браков в ней будет меньше, возраст вступающих в брак – выше. Кроме слов об «уникальном значении нордической расы» (Ленц) необходимо и знание законов наследственности и отбора, а это знание начинает оказывать все большее влияние на представителей разных народов.

Моперциус и Кант первыми указали на важность отбора для живых существ, но впервые значение отбора начало действительно осознаваться, когда «Происхождение видов» Дарвина положило начало современной биологии. Концепция отбора оказала влияние на взгляды на судьбы народов. Двоюродный брат Дарвина Фрэнсис Гальтон (1822-1911), «отец евгеники», первым увидел это. Он первым показал, что не окружающая среда, а наследственность является решающим фактором для всех живых существ, в том числе и для человека, и наметил контуры теории евгеники, указав, что улучшение народа возможно только при существенном усилении более высоких наследственных свойств. Но прошло 40 лет, прежде чем значение Гальтона было правильно понято, и его труды принесли плоды.

Гальтон не мог подкрепить свои взгляды научной теорией наследственности, которая была создана в общих чертах Иоганном Менделем (1822-84), августинским монахом из Брно (в монашестве – Грегор), дело жизни которого, после того как оно заново было открыто в 1900 г. оказало столь глубокое влияние, что в результате все новых и новых исследований сегодня возникла всеобъемлющая наука о наследственности.

Благодаря этим исследованиям учение Гобино обрело более глубокий смысл и новую силу при поддержке науки о наследственности, евгеники, расовой теории: родилось нордическое движение. Это произошло в тех странах, где в жилах народа еще текло достаточно нордической крови, чтобы вновь мог родиться нордический идеал. Для пропаганды этого идеала был основан ряд обществ в Германии, США и в других странах.

Хотя в Германии нордический идеал проповедывался дольше, чем в других странах, из-за того, что его пропагандисты были расколоты на мелкие группы, он не нашел такого широкого распространения, как в США, где книги Гранта и Стоддарда имели шумный успех, книга Гранта благодаря его расовым теориям и предостережению об угрозе вымирания великой нордической расы, а книги Стоддарда благодаря предостережениям против «желтой» и «черной» опасности извне, от народов, находящихся под нордическим владычеством, и против вырождения, которое угрожает этим народам изнутри из-за усиления негативных наследственных тенденций. Высокий уровень исследований в области евгеники, которая в США стала чем-то вроде патриотической науки, создали прочную научную основу для трудов Гранта и Стоддарда и благодатную почву для распространения расовых и евгенических теорий. Кроме того, они получили поддержку сверху и от части прессы. Президент Гардинг в публичной речи 26 октября 1921 г. подчеркнул важность книги Стоддарда «Цветной прилив», а Конгресс, усвоив взгляды Гранта, принял законы об иммиграции, благоприятные для иммигрантов из северо-западной Европы и ставящие барьер на пути нежелательных иммигрантов из южной и восточной Европы. Иммиграция из Азии и иммиграция нежелательных элементов вообще была запрещена. Сам Грант был выбран вице-президентом Лиги ограничения иммиграции. Будем надеяться, что нынешние законы об иммиграции это только первый шаг к еще более решительным расовым и евгеническим законам. В США есть возможность исследовать европейские расы и расовые смеси с точки зрения их гражданских достоинств, и значение нордической расы не замедлит обнаружиться. Ведущие государственные деятели осознали значение этой расы и публично делятся своими знаниями³. В США в наши дни имеет место важное изменение: Европа как источник эмиграции больше не рассматривается в свете государств или народов, а в свете рас. Насколько Германия в этом отношении удивляет Америку, видно из того, что эмигранты из Германии ценятся выше эмигрантов из всех других европейских стран.

Опасность денордизации признана многими американцами после выхода книги Гранта. Среди нордических американцев англосаксонского происхождения создаются такие организации как «Нордическая гвардия», среди американцев германского происхождения – такие как Нордическая арийская федерация и т.п. Некоторые нордически мыслящие американцы объединяются в кооперативы, чтобы постепенно завоевать экономическую независимость от крупного ненордического капитала. Похоже, что нордическая часть американцев начала предпринимать весьма эффективные шаги по сохранению и усилению нордической крови. Однако нужно лучшее понимание важности увеличения рождаемости для этих целей.

Если вспомнить о том, что нордический идеал пустил корни в Германии в конце века, от нас не укроется, что нордические устремления в нашей стране не отличаются таким единством и целенаправленностью, как в США. Однако мы не можем не учитывать тяжелые экономические условия, в которых находятся немецкие последователи нордического идеала, в большинстве своем принадлежащие к среднему классу, условия, которые постоянно создают препятствия для этого идеала, но частично причины заключаются и в самой немецкой натуре, в склонности раскалываться на мелкие замкнутые группы, каждая со своей «точкой зрения». По причине этого раскола «общества защиты нордической расы» в Германии можно рассматривать только как начало интереса к расовым вопросам, и мы вынуждены согласиться с Плётцем, когда он говорит об этих «обществах защиты» что они гораздо малочисленней и менее влиятельны, чем еврейские общества. И в самом деле: мы не можем пока говорить ни о каком «влиянии» нордического идеала.

Однако усилия в этом направлении не следует недооценивать. Они свидетельствуют о пробуждении интереса к расовым вопросам. Молодежь, вдохновленная нордическим идеалом, уже много сделала для распространения своих взглядов даже в тяжелых условиях сегодняшней Германии и несмотря на нужду в деньгах. Начало может быть

скромным, но глубокие изменения полны значения. «Индивидуализму», который столь ценился в XIX веке и все еще громко прославляется вчерашним поколением, приходит конец. Упор на индивидуальность каждого человека, который до вчерашнего дня делался под лозунгом «будь самим собой», ныне ставится под сомнение и даже отвергается новым поколением. Когда я писал эту книгу, мне прислали программу «Молодежной нордической ассоциации», в которой я нашел следующее положение: «Мы будем постоянно помнить о том, что для того, чтобы наша раса не погибла, важно не только выбрать себе нордическую пару, но прежде всего с помощью нашего брака помочь нашей расе одержать победу по деторождаемости».

До недавних дней подобный взгляд на жизнь не встретил бы понимания, а для вчерашнего поколения он непонятен и сегодня. Нынешний век начался под знаком идеи «естественного равенства всех людей», индивидуализма и культа личности. Когда мы сегодня бросаем взгляд назад, нас удивляет, сколь долго держались биологически несостоятельные теории Века просвещения и Руссо, которые даже сегодня определяют отношение к жизни огромных масс, хотя такие люди как Фихте и Карлейль давно уже преодолели эти взгляды. Но и дискредитированные, идеи равенства и индивидуализма все еще держатся, так как они соответствуют инстинктам века вырождения и денордизации, или по крайней мере надеются удержаться и извлекать выгоду из особенностей этого века. Если, не обращая внимания на определения современных политических теорий, мы эмпирически исследуем господствующие идеи западных народов относительно природы нации, мы обнаружим, что под нацией понимается всего лишь сумма ныне живущих граждан данного государства. Мы обнаружим далее, что цель государства – всего лишь удовлетворение повседневных потребностей этой суммы индивидуумов или той суммы, которая сформировала большинство. Максимально возможное «счастье» для индивидуумов завоевывается решениями большинства.

Расовый и евгенический образ мыслей рождает иные идеи об истинной природе народа. Народ рассматривается как сообщество с общей судьбой прошлых, нынешнего и будущих поколений, сообщество с одной судьбой, ответственное перед прошлым и будущим нации, перед будущими поколениями. Поколение народа, живущее в данное время, рассматривается при нордическом идеале как сообщество, которое стремится к сохранению нордической природы данного народа во все большей чистоте. Но в этом сообществе с едиными целями самые тяжелые обязанности берут на себя люди нордического типа. «О мои братья, я жалею вас в новую аристократию: вы должны стать созидателями и воспитателями, сеятелями будущего» (Ницше. Так говорил Заратустра).

Стремление, которое можно наблюдать среди молодежи, к «органической» философии жизни, т.е. философии, исходящей от народа и родной страны, связанной с законами жизни и противоположной всякому индивидуализму, должна, в конце концов, связать эту молодежь с жизнью родины и своего народа. Германцы ощущали эту связь во все времена, родственные связи были основой их жизни, взгляды древних германцев на жизнь находились в такой гармонии с законами жизни, что усиливали расовые и евгенические качества германцев. С исчезновением этого взгляда на жизнь в Средние века был нанесен ущерб и расе, и здоровой наследственности. И нордическое движение будет всегда искать образцы для духовного руководства в древнегерманском мире, который был чистым выражением нордической природы.

Среди германоязычных народов нордический идеал сохраняет постоянную связь с народными традициями, идущими от германских предков, нордическая внешность и природа которых все еще в памяти у многих. Все время проявляются необъяснимые поверья и расовое подсознание; это видно из того факта, что в Германии высокий, светловолосый и голубоглазый человек считается «настоящим немцем», а по данным службы усыновления бездетные пары чаще предпочитают светловолосых и голубоглазых, а не темноволосых детей. Нордический идеал без труда усваивается германскими народами, потому что у них здоровье, способности, ум и красота более или менее

сознательно ассоциируются с нордическим типом. Таким образом, нордический идеал становится идеалом единства: общим для всех частей немецкого народа, хотя они могут иметь примеси других рас и отличаться одна без другой, является нордическая кровь. Общим для северной и южной Англии, хотя на юге есть сильная средиземноморская примесь, является нордическая кровь. И следует особо отметить, что в тех частях ареала немецкого языка, где целиком преобладает динарская раса, в частности, в Австрии, укрепляется нордический идеал и формируются союзы людей, главным образом, нордического типа.

Таким образом, есть надежда на союз германоязычных народов. У этих народов, несмотря на примеси других рас, есть одно общее – нордическая кровь. Если они воспримут нордический идеал, это будет идеал гармонии и мира. Нет лучшей основы мира между ведущими народами, чем пробуждение расового сознания германоязычных народов. Во время первой мировой войны Грант писал, что это была, по сути, гражданская война и сравнивал ее по разрушительному для расы эффекту с Пелопоннесской войной между двумя ведущими эллинскими племенами. Люди с нордическим мышлением среди германо-язычных народов должны стремиться обрести такое влияние на правительства и общественное мнение, чтобы гибельная для нордической крови война, подобная первой мировой, стала бы впредь невозможной... Нордический идеал должен переродиться в общенордический идеал, который одновременно станет идеалом священного мира между германоязычными народами.

В современной и тем более в завтрашней войне не может больше идти речь о «цене победы»: ее обязательно перевесит анти-отбор, неизбежно связанный с любой войной. Для тех, кто понимает это, представляется крайне сомнительным, чтобы даже самый благоприятный политический результат войны можно было бы называть «победой», если плодами этой «победы» воспользуются те элементы нации, которые благодаря своим наследственным качествам проскользнут сквозь ячейки сита современной войны. Настоящими жертвами любой будущей войны между великими державами, как у побежденных, так и у «победителей» будут классы, наследственно способные к войне и к самопожертвованию. И одна из задач последователей нордического идеала – внушить это своим народам и правительствам.

Если столь сильное политическое влияние нордического идеала кажется сегодня слишком смелым предсказанием, однако задача нордического возрождения представляется очевидной в свете истории индоевропейских народов под нордическим руководством, поскольку это самый естественный идеал, который может приостановить упадок, угрожающий сегодня германо-язычным народам. Против этого идеала не может быть возражений, с учетом нынешней ситуации этих народов, описанной в 1910 г. Ойгеном Фишером следующим образом: «Сегодня в Италии, Испании и Португалии германская кровь, нордическая раса уже исчезла. Результат – упадок и утрата международного значения. Франция следующей ощутит на себе правильность этого тезиса, а потом, без всякого сомнения, наступит и наша очередь, если дела будут продолжать идти так, как они идут сегодня». За этим высказыванием последовал ужасный анти-отбор первой мировой войны.

С учетом этой ситуации, проблема заключается в том, как остановить денордизацию и какими средствами достичь нордического возрождения, как добиться того, чтобы люди нордического или хотя бы частично нордического типа раньше вступали в брак и имели большие семьи? Этот вопрос затрагивает физическую сторону жизни. Как возбудить дух ответственности и преданности расовым целям в мире эгоизма, вырождения и беспредельного «индивидуализма»? Этот вопрос затрагивает духовную сторону жизни.

Если этот вопрос мыслящие представители германоязычных народов считают жизненно важным для своих народов, то они должны стремиться к тому, чтобы внедрить в умы людей нордического типа, независимо от класса, дух расовой ответственности и объединить всю нацию единством целей. Неограниченное расовое смешение сделало

современных людей физически и духовно шаткими и неспособными к принятию решений. Нет больше идеала физической красоты и духовной мощи, чтобы можно было воззвать к живой энергии, как в прежние времена. Если отбор внутри народа не может быть направлен к осознанному или неосознанному идеалу, то его способность подняться на более высокий уровень будет слабей и слабей, и это кончится переменой направления, в дело вступят менее творческие расы с негативными наследственными тенденциями. Каждому народу уготовано особое направление развития, свой особый путь избирательного прогресса. Для германоязычных народов целью может быть только физический и духовный образ нордической расы. В этом смысле нордическая раса, пользуясь выражением Канта, дана нам не как дар, а как задача. И в этом смысле, если мы говорим о нордическом идеале среди немцев, мы тем самым говорим о нордическом типе как об образце для отбора среди немецкого народа и показываем, что задача нордического движения это возрождение целой культуры.

Вопрос не в том, в какой мере нордическими являемся мы, ныне живущие люди, а в том, хватит ли у нас храбрости, чтобы подготовить мир для будущих поколений, очистив себя в расовом и евгеническом отношении. Денордизация индоевропейских народов всегда длится столетиями; воля людей с нордическим мышлением должна перекинуть мост через столетия. Когда речь идет об отборе, нужно учитывать множество поколений, и современные люди с нордическим мышлением могут ожидать на протяжении своей жизни лишь одну награду за свои труды: сознание собственной смелости. Расовая теория и исследования в области наследственности придают силу новой аристократии, молодежи, которая, стремясь к высоким целям, как Фауст, следует призывам из сфер, выходящих за пределы индивидуальной жизни.

Поскольку это движение не стремится к выгодам, оно всегда будет движением меньшинства. Но дух любой эпохи всегда формируется только меньшинством, в том числе и дух той эпохи масс, в которую мы живем. Нордическое движение в конечном счете стремится определить дух эпохи, и не только этот дух, исходя из самого себя. Если оно не будет уповать на эту надежду, то бессмысленно и бесцельно думать так, как Гобино.

Цитируется по: Гюнтер Г.Ф.К. Избранные работы по расологии. – М.: «Белые Альвы», 2005. – С.198-233.

Г.Ф. Гюнтер Нордическая раса как «идеальный тип»

Довольно много написано уже о человеке, его расовой принадлежности или о том, что рассматривалось под этим, в связи с «расовой проблемой» и расовой составляющей нации. И такая литература вызвала целый ряд противоположных высказываний и мнений. Причина этих диспутов по «расовому вопросу» заключена в том факте, что стороны недостаточно четко представляют себе концепцию «расы». Во многих случаях противоречия возникали даже не в связи с расами, а при рассмотрении племен и наций, имеющих смешанные расовые корни, или групп людей, относящихся к одной и той же самой языковой семье. Диспуты возникали и по вопросам определения «германской расы», в отличие от «латинской» и «славянской» рас, а также при рассмотрении концепции «еврейской расы», или, как ее иногда называли, «семитской». Оппоненты при этом совершенно забывали, что мы определяли группу людей в качестве расы только в том случае, если ее представители отличались идентичными физическими и духовными особенностями в наиболее важных аспектах. Как можно говорить о «еврейской расе», видя среди евреев высоких и коротышек, худых и полных, светло- и темноволосых, с широкими и узкими лицами, с типично «еврейскими» и обычными носами, не говоря уже об их менталитете и поведении отдельных личностей?

При рассмотрении вопроса о «германской расе» отмечалось, что люди, принадлежавшие к ней, были высокого роста, блондины с голубыми глазами, продолговатой или слегка овальной головой и узкими лицами. Психические их качества были также определены в более или менее достаточной степени. Оппоненты, однако, говорили, что и среди «негерманцев» довольно часто встречаются люди с подобными физическими и духовными свойствами, на- пример у народов германской группы языков — англичан, голландцев, датчан, а также среди славян и римлян, даже некоторых кавказских племен и у курдов. А учитывая, что среди людей семитской языковой группы имеется довольно большое различие человеческих типов, как можно говорить о «семитской расе»?

Короче говоря, в концепциях «расы», народа и «групп людей» не было четкого определения. Языковые группы путались расами, были даже попытки установления расовых границ по языковым границам и границам проживания народов.

Лишь только после того, как было дано определение расы и выступили известные ученые, стала возможна плодотворная дискуссия о «расовых проблемах». Те же, кто продолжал говорить о «германской расе», «английской расе», «латинской» и «еврейской» расах, игнорировали базовую концепцию предмета обсуждения.

«Раса», по сути дела, относится к сфере антропологии, существующей как наука наравне с зоологией и ботаникой, в которых речь идет о семействах, родах, видах и разновидностях*.

* Будучи директором института имени короля Вильгельма в Берлин-Салеме, где изучались антропология, человеческая наследственность и евгеника, Фишер высказывался в том плане, что, мол, Гроссе дал наилучшее определение концепции расы. Ойген Фишер, всемирно известный антрополог, вступивший в защиту теории «вечной расы», пользовался большим уважением у нацистов, которые часто на него ссылались. Один «уважаемый» расист цитировал, таким образом, другого. (Примеч. авт.)

«Под расой антропология понимает большую группу людей, находящихся в родственных отношениях друг с другом и пользующихся имеющимся в общем владении комплексом физических и духовных ценностей, которые и выделяют эту группу из других подобных групп».

Следовательно, раса должна показывать во всех своих представителях единые физические и духовные характеристики и продолжать воспроизводство в своей среде потомства с теми же характеристиками. В тех случаях, когда в группе людей отмечаются существенные различия в физической и духовной сферах, когда дети резко отличаются от своих родителей или одного из них, не может идти никакой речи о расе. В связи с этим считаю вполне приемлемым такое определение «расы».

«Раса представляет собой группу людей, отличающихся от других групп комбинацией присущих ей физических и духовных характеристик, способной к воспроизводству себе подобных».

Следовательно, раса — это группа людей, обладающих вполне определенной наследственностью. Однако тот, кто попытается представить себе мысленно характер расы, вынужден будет признать, что во всем мире вряд ли возможно найти расу, состоящую из замкнутой и обособленной группы людей. Группы людей, говорящих на одном языке, имеющих те же обычаи, а возможно, и веру, образуют нацию, но еще не расу, а смешение рас. Все западные народности представляют собой именно смешение рас, может быть, даже в определенной степени и чистых, по всей Европе по меньшей мере нескольких европейских рас.

Что отличает одну народность от другой с этнологической точки зрения — так это пропорция смешения различных рас. И все же какая-то раса представлена в каждой народности в большей степени. Если же кто-либо попытается отобрать во всей Европе людей, относящихся к одной расе или кажущихся таковыми, чтобы создать единую группу людей, обладающих одними и теми же наследственными признаками, то ему

придется отыскивать их среди всех европейских народностей. В то же время он вынужден будет констатировать, что такая объединенная группа людей будет представлять собой меньшинство в массе европейского населения.

Согласно данному определению евреи не могут рассматриваться как раса, поскольку представляют собой нацию, состоящую из смешения рас. Наследственный характер такого смешения к тому же имеет не только физические, но и духовные отличия от европейских народов, в особенности от народов, населяющих Северо-западную Европу. Если обычный европеец не может рассматриваться как носитель расовых признаков, то это еще в большей степени относится к евреям. Когда, как это принято, заходит разговор о «еврейской расе», следует все же исходить из того обстоятельства, что евреи, подобно другим народам, представляют собой смешение рас.

Для выявления отдельных человеческих рас в различных географических районах земли по их физической внешности (среди племен, наций и национальных групп) антропологам необходимо иметь соответствующие описания и проводить специфические процедуры, которые не могут быть описаны здесь в деталях...

Представители нордической расы — худощавые люди высокого роста с длинными ногами (рост мужчин в среднем составляет около 174 сантиметров). Шея, конечности, форма рук и ног выглядят крепкими и стройными. Лица — узкие, черепной индекс составляет порядка 75, а лицевой — около 90. У женщин черепной индекс выше, лицевой же ниже, чем у мужчин. Тыльная сторона головы выступает за пределы шейной части туловища, как бы отклоняясь назад. Что же касается лицевой стороны, то лоб — узкий, нос — высокий, с узкими ноздрями, рот также узкий, а подбородок — выдается вперед.

Черты лица, по крайней мере у мужчин, производят впечатление смелости, в особенности в профиль, при чисто выбритой физиономии. У женщин подбородок более гладкий и менее выступающий вперед.

Кожа — светлая, сквозь нее проступает кровь, оживляя общий вид людей, придавая им в то же время характер свежести и бодрости. Цвет лица женщин даже в среднем возрасте и молодежи можно определить как «кровь с молоком». Волосы прямые или волнистые, в детстве — курчавые, мягкие и не очень густые. Цвет их светлый (белокурый), который может иметь оттенки более светлого, слегка золотистого или же темного тонов. Волосы детей, часто совсем светлые, становятся с возрастом более темными. Этот феномен получил название «потемнение» и является отличительной особенностью нордической расы, хотя встречается и у прибалтов и некоторых других народов...

Если иллюстратор, художник или скульптор намеревается отразить в своем произведении образ смелой, самоуверенной и решительной личности или же благородного и героического человека (мужчину или женщину), то, как правило, прибегает к образу представителя нордической расы, чаще всего это будет человек высшего общества. Например, художники, работающие в сатирических журналах, используют черты нордической расы гораздо чаще, чем ненордической, причем во всей Европе.

Во всяком случае, физические качества людей нордической расы, вне всякого сомнения, привлекательны. Индивидуумы, обладающие подобными чертами, становятся лидерами в государственных делах, а также в науке, технике и искусстве. Это подтверждает довольно большое число их представителей среди выдающихся мужчин и женщин во всех странах Запада».

(Гюнтер Ханс Ф. Пособие по расовым проблемам немецкого народа.)

Цитируется по: Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. — М.: «Центрополиграф», 2003 г. — С.96-100.

Людвиг Фердинанд Клаус
Расовое воплощение, расселение и мировое господство.

Рассмотрим характер расового расселения по географическим районам мира, учитывая имеющиеся реалии. Любой район является, образно говоря, неким объектом, куда устремляются и где расселяются люди. Но не каждый такой объект действует вдохновляюще на их души, хотя и представляет определенные возможности для жизни людей. Поэтому различным расам подходят местности, отличные друг от друга по своим характеристикам. Одним из наиболее подходящих для расселения и благоустройства районов оказался «нордический», к чему есть определенные предпосылки. Вследствие этого мы говорим о нордическом стиле и нордических типах людей.

Условия жизни нордической расы резко отличаются от условий существования, скажем, рас Средиземноморского региона, который оказался для них более подходящим. Определение места расселения той или иной расы является одновременно и интерпретацией ее стиля, исходя из которого вырисовываются различия между средиземноморской, нордической и восточной расами.

Тот, кому приходилось плавать в открытом море, огибая мыс Скаген, мог видеть резкую границу между Северным морем и проливом Каттегат, волны которых накатываются друг на друга с диким ревом, имеют различный цвет, ритм и скорость движения. Серо-зеленые волны Северного моря длиннее и выше, тогда как более голубые волны Каттегата значительно короче и ниже. Все здесь кажется более тесным и узким, ясно различима суша, и даже «открытая» Балтика за Эресунном не дает представления о бескрайности и мощи водной стихии, как это имеет место в Северном море. Тем не менее при сравнении со Средиземным морем Каттегат и Северное море кажутся одинаковыми. Если северные моря отличаются штормами и сильным волнением с резкими порывами ветра, то море около Греции накатывает хотя и относительно высокие, но неизменно ровные волны, мощь которых сдержанна в своем движении.

Тот, кто знает северные моря и знаком с их характером, кто чувствует ритмичность их волн в собственной душе, посчитает греческое море вообще не морем и постарается найти другое слово для его обозначения... Юг, Средиземное море и его побережье манят к себе посетителей — там все кажется близким и реальным.

Мы дали краткое описание севера и Северного моря, а также юга и Средиземного моря, считая, что их побережья определяют их стиль. Так вот, Северное море характеризуется большими расстояниями и постоянным движением, устремленным в далекие дали.

У людей, родившихся и живущих там, отмечается стремление к просторам и к их покорению, что составляет характерную черту данной расы. Для ускоренного преодоления северных пространств требуется строительство железных дорог. Тамошние средства передвижения отличаются повышенными скоростями, что относится и к железным дорогам. Опыт их эксплуатации используется затем в мировой практике. Ныне это переносится также на воду, воздух и даже в стратосферу, а стремление к повышению скоростей передается и другим народам.

Нордическая душа требует постоянного перемещения, которое происходило всегда, главным образом в южном направлении. Те, кто преодолевал пределы северного географического района и проникал южнее пояса Сен-Готарда, к примеру, знает, что это значит. Северные регионы часто окутаны густыми туманами, так что в окна поезда видны лишь подножия гор, затем поезд ныряет в темные туннели, и вдруг в глаза бьют солнечные лучи, освещая голубое небо. У путешественников непроизвольно вырывается крик радости. Яркие южные краски действуют на душу северян подобно божественному благословию, блаженно и в то же время фатально. Первое впечатление подобно освобождению от воздействия северного пространства, настолько здесь все красиво и совершенно. Однако более близкое ознакомление и соприкосновение с этой природой

обволакивает душу и подавляет первоначальное впечатление. Правда, мы не можем сказать, что пространства там «малы», но они чужды нордической душе, не соответствуют ее сути. Чувству этому трудно даже подобрать правильное определение. Мы можем лишь сказать, что в здешней природе нет привычной нам пространственности, она неподвижна, а за великолепным внешним фасадом нет ничего существенного — она лишена загадочности и мистики. Говоря о южной природе, можно, пожалуй, охарактеризовать ее иностранным словом — она импозантна.

Куда бы ни пал взгляд человека, он везде натывается на окружающие данную местность горы, высокие и красиво выстроенные, как бы осознающие свою привлекательность. Создается даже впечатление, будто они говорят путнику: «Посмотри на нас!» Если же горы отступают, то пространство все равно ограничено ими: взгляд, падающий вниз, затем наверх, в сторону и вокруг, возвращается к исходному пункту. Даже море не представляет собой безбрежного пространства. Кажется, что и облака здесь тоже ходят по кругу. Ими «правит» Зевс, а не Вотан, дикий охотник, появляющийся со своим грохочущим войском в далекой вышине когда и где ему заблагорассудится...

Горы на юге в основном голые. Яркое солнце раскрашивает их в самые различные цвета, устраивая игру светотеней. Светом залито все вокруг. Сколько раз я не мог удержаться от возгласа: «Это бесстыдное солнце!» Здесь нет темных лесов, таящих чудесные фантазии, по ночам не клубятся туманы, скрывающие «тысячи чудовищ», нет и замков, окутанных легендами. Все здесь ясно и понятно, ничего, кроме ясности. Но вот виден Акрополь, возвышающийся величественно над местностью, подобно бело-голубому миру. Он рассказывает нам легенды не столь далекого прошлого, но хотя и рассказывает много, это нас мало затрагивает. Ибо и ветру, ласкающему его своими дуновениями, ясно, что он не связан ни с чем мистическим. Даже порывы этого ветра, треплющие ваши волосы, не меняют этого впечатления.

Когда мы говорим, что Средиземноморье приглашает людей оставаться навечно на его берегах, возникает вопрос: кого же оно приглашает? А касается это, как оказывается, лиц, родившихся в этой местности и привыкших к ее характеру, лиц, в душах которых осела эта природа, которые способны здесь жить. Когда северные народы переселяются на юг и там остаются (что имело место с некоторыми племенами в античные времена), их первые поколения жили обособленно, с трудом приспособляясь к непривычным условиям. Затем в их душах происходили изменения. Они не меняли своей расы, не становились в полном смысле средиземноморцами, но в их нордическом характере происходила определенная трансформация, в результате чего они становились южной вариацией нордических людей. В их глазах южная природа не была такой же, как в глазах местных жителей, приобретая некоторые северные черты. Природа формирует душу, но и душа воздействует на природу. Поэтому южная природа предстает перед средиземноморцами и выходцами с севера по-разному, и эти различия сохраняются у нордических народов навсегда, несмотря на некоторое стирание их со временем.

Таковой была судьба греков, римлян и других народов нордической расы, переселившихся на юг...

Люди нордического происхождения зачастую считаются холодными и бесстрастными. Однако это неправильное представление о корнях нордической души. В определенной степени это действительно характеризует их, но при этом следует учитывать внешнюю холодность и внутреннюю горячность. «Холодность» связана с огромными просторами окружающего их внешнего мира и не может быть изменена без изменения их характера и стиля. Описать нордическую душу — значит показать условия воздействия пространства на людей, поэтому и нужно начинать с этих характеристик.

Начнем, пожалуй, с примеров повседневной жизни. Если северянин садится в поезд, то постарается занять купе, в котором меньше пассажиров, и сесть так, чтобы по возможности никого не было рядом. А если он все же окажется в окружении пассажиров, то в контакт с ними вступать не будет. Вопросом «Вы не будете возражать, если я открою

окно?» он исчерпает разговор на долгие часы. Возможно, ему и захочется поговорить с соседями, возможно, среди них окажутся интересные люди, но он не сможет преодолеть своей отчужденности. Нордический человек в состоянии взять почти любое препятствие, сохраняя, однако, дистанцию от других. Как правило, он не может отойти от этой привычки даже в интимном обществе.

Заходя в кафетерий, северянин ищет свободный столик. Если такого не оказывается, он, несмотря на голод, уходит оттуда и направляется в другое заведение. Сидя за столиком, он соблюдает законы этикета, разработанные добропорядочным обществом, которые защищают любого индивидуума от фамильярностей. В основу их положена та же дистанцированность. Использование зубочисток в обществе, получившее распространение в Южной и Восточной Германии, северянами не одобряется, поскольку они считают это допустимым лишь в домашних условиях.

Представители нордической расы живут небольшими группками (со своими домочадцами) на некотором удалении друг от друга. Даже в летнее время люди держатся обособленно. Мне пришлось прожить в течение некоторого времени в старом замке в Италии, который использовался в качестве гостиницы, как это ныне принято. Комнаты в этом старинном здании находились на значительных удалениях одна от другой, кроме того, там было несколько небольших башенок. В пристройке же комнаты располагались рядом. В башенках и помещениях замка размещались немцы и американцы, в новой же пристройке — итальянцы. Скандинавы никогда не чувствуют себя комфортно, когда люди располагаются слишком тесно, а звуки проникают в соседние апартаменты. Неуютно им и в помещениях, где собирается до десятка людей. В таких условиях они изнывают и начинают чахнуть — вначале духовно, а затем и физически. Причина этого заключается в потере ими не только физической, но и социальной дистанций. Вне внешнего и внутреннего обособления северянин же может жить, как рыба без воды. Не в своей тарелке чувствует он себя и в каменных джунглях, ощущая давление железобетонных стен со всех сторон, говоря другими словами — в больших городах. Если он не может получить жилище за пределами города, то начинает испытывать эмоциональную и психологическую атрофию. Возможно, северяне этого и не осознают, но вынуждены с трудом преодолевать подобное состояние, так как их нордическая душа начинает постепенно вянуть и отмирать. За грехи родителей по отношению к обычаям предков расплачиваются их дети. Никто, живущий вопреки законам своего рода, не остается безнаказанным.

Чувство пространства не позволяет нордическому человеку жить в условиях, не соответствующих его стилю. И большие города — не единственный пример тому. Это могут быть долины в высоких горах или узкие морские заливы. В Шварцвальде, например, с широкими долинами и плато, заросшими травой, поселились германцы, тогда как узкие долины остались во владении местных народностей. Разница между этими двумя типами людей была столь велика, что я, будучи еще мальчишкой, ничего не зная о расах, очень удивлялся, слыша, как местные жители говорили на германском диалекте. Это казалось мне странным, так как я ожидал, что они говорят на каком-то чужестранном языке.

Конечно, иногда нордические люди живут и в пространственно ограниченных регионах. Я имею в виду жителей глубоких фиордов на побережье Норвегии. Ведь там с обеих сторон возвышаются горы, выходящие грядой прямо из моря, вследствие чего солнце туда почти не проникает. Поселения там располагаются редко и разбросанно, главным образом в низинах, где фиорды расширяются и цепь гор прерывается. Люди, живущие там, чувствуют себя стесненно, стараясь выйти за пределы окружающих их барьеров. Их же дети либо становятся моряками, либо эмигрируют. Особенно трудно удержать там молодых девушек...

Есть и другие случаи, когда нордической душе тесно, не связанные непосредственно с окружающими стенами. Речь в данном случае идет о южной природе, о чем говорилось

выше. У человека, привыкшего к северному климату, появляется затрудненное дыхание и неосознанная тоска по родным местам. В этом, пожалуй, и заключается основная причина того, что германские племена, устремившиеся во время миграции к югу, не стали расселяться в Средиземноморье, не ощутив блаженства от пребывания на солнце. Оттуда они продолжили движение в разные стороны, хотя первоначально сосредоточились именно там. Взять хотя бы Марко Поло, венецианца, и Колумба, гатуэца, имевших нордический тип души *. В те времена у представителей португальской и испанской аристократии, имевших нордические корни, появилась тяга к открытию неизведанных земель и созданию новых торговых центров для своих народов. Это были внуки и правнуки суэзов и готов — германских племен, пришедших несколько веков назад на Пиренейский полуостров. Хотя кровь их предков и смешалась с южной кровью, в них все же преобладал нордический дух.

* Утверждение это весьма сомнительно, так как нет никаких доказательств того, что предки Марко Поло и Колумба жили когда-либо на севере. Подобные утверждения, однако, типичны для апологетов расизма, старавшихся тем самым «подтвердить» свою теорию превосходства нордической расы над другими. (Примеч. авт.)

Имеются различные вариации подобного духовного проявления, что отражается в силе воли и способности людей нордического типа к проникновению в неизведанные земные просторы. В данном случае даже смешение крови не стало препятствием в осуществлении их порывов, поскольку нордический дух привык бороться со всеми враждебными ему проявлениями, получая в результате еще большую уверенность в собственных силах и праве на свое существование. Этот зов крови проявляется у внуков и правнуков северян, вызывая у них стремление быть достойными своих предков. Как ни странно, чем больше чужой крови попадает в вены молодого поколения, тем большее место в их душах занимают пример предков и присущее им пространственное устремление. Нордическая кровь не растворяется полностью в крови южных народов, и потомки северян сохраняют тягу к морю. Даже ныне среди итальянских моряков нередки типы, которых можно встретить на берегах северных морей.

Нордический стиль с его ультимативностью и настойчивостью позволяет нам расширить концепцию нордической пространственности на Средиземноморье. В этом смысле вся Земля и даже вся Вселенная укладываются в нордической душе, стремящейся проникнуть повсюду, что становится закономерностью. Северяне настроены открывать новые земли и районы, исследовать их и культивировать, а в конечном счете — и покорять. Ограничения при этом они устанавливают себе сами. Но иногда случается и так, что они игнорируют любые ограничения.

Когда же вся земная поверхность оказалась исхоженной и изъезженной вдоль и поперек и осталось очень мало неисследованных районов, нордическая устремленность вдаль нашла другое применение, своеобразную отдушину. Теперь стоит вопрос о расширении их власти на всю земную поверхность. Открытия заменяются ныне распространением влияния. Вновь встает проблема увеличения скоростей, о чем мы говорили выше. Однако духовная их родина сохраняется, и ею был и остается север. Нордический человек несет ее в своей душе, где бы он ни находился. Если он теряет это чувство, он теряет самого себя, свои корни, превращаясь из предприимчивого человека в расчетливого хищника, из героя в монстра. Однако уже в течение довольно длительного времени северный регион не обеспечивает достаточного пространства для его дальнейшего физического развития в соответствии с его стилем и характером. Каждый участок земли уже занят и распределен в соответствии с земельным регистром. Нордическая душа, нуждающаяся в пространстве, не имеет уже выбора, и ему остается только переделать все заново, с учетом собственных потребностей и представлений. Если ныне поезда преодолевают пустыни по рельсам, самолеты быстро наводят мосты между отдаленными пунктами земного пространства, а радио мгновенно передает новости из

Пекина в Лондон, это как раз отражает нордическое пространственное устремление, выходящее далеко за естественные границы северного региона и накладывающее отпечаток на весь земной шар. Все другие народы и жители Земли — средиземноморцы, азиаты и даже негры — вынуждены сотрудничать друг с другом, реорганизовывать свои регионы в нордическом духе, отдавая участки собственной территории в обмен на глобальные пространства. Но ведь территории эти — не просто пространство, а регионы, заселенные местными жителями и расами. Китайцы остаются китайцами, а крестьяне — крестьянами, такова реальность. Мир все более признает германский феномен и превосходство нордической расы над всеми остальными. Почти все люди ныне носят одежду немецкого покроя. (Я имею в виду не только саму одежду, хотя победа немецкой моды и стиля — даже в период длинных брюк, пришедших из Рима, — имеет гораздо большее значение, чем может предположить поверхностный наблюдатель. Мода на одежду определяет внешний вид человека, отражая в то же время его душу: большая разница — появиться в обществе в приличном костюме или же в кафтане.) Задача нордического духа заключается поэтому в обеспечении повсеместного проникновения по всему миру нордического стиля и принципов. Ничто не должно поколебать нашей уверенности в такой необходимой закономерности, даже если при этом нарушаются и ликвидируются основы других рас. Что бы ни предлагал представитель нордической расы, для других это должно быть чем-то вроде предмета одежды, не предназначенного непосредственно для какой-то определенной фигуры, а заключающего в себе идею, которая может быть частично изменена и подогнана для той или иной личности. Тот, кто копирует нордический стиль, не становится, однако, представителем нордической расы. Следует отметить, что мир получает с севера много ценного и полезного: железную руду, нефть, гидроэнергию, а также животных и рабочую силу. При этом надо учитывать, что рабочая сила как таковая теряет свою специфическую ценность и внутреннюю сущность. Поэтому представители нордической расы должны в основном выступать как носители культурных ценностей. Тогда они будут восприниматься как спасители человечества, которые могут во имя этого даже жертвовать собой.

(Клаус Людвиг Фердинанд. Нордическая душа: Введение в учение о расовой душе.)

Цитируется по: Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: «Центрополиграф», 2003 г. – С.100-109.

ЭСЭСОВЕЦ И ВОПРОС КРОВИ

(Биологические закономерности и их практическое использование для сохранения и приумножения нордической крови)

РЕЙХСФЮРЕР СС

Главное Управление СС / Управление образования
ТОЛЬКО ДЛЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Законы жизни.

- Закон борьбы.
- Закон плодовитости.
- Закон отбора.
- Влияние окружающего мира.

II. Народ и раса.

- Что такое народ ? Корни своеобразия народа.
- Понятие расы.
- Зарождение и происхождение нордической расы.
- Внешний облик - наследственный облик.
- Расовый состав немецкого народа.

- Раса и культура.
- III. О наследовании.
- Наследование - закон жизни.
 - Наследственные задатки (гены).
 - Окружающий мир и наследственные задатки.
 - Смешение с чужеродными расами, преступление против крови.
 - Нордическая раса как носительница качеств немецкого народа.
 - Воин и раса.
- IV. Отбор и культивирование.
- Отбор хранит и укрепляет вид.
 - Супружеский выбор.
 - Об инцесте.
 - Отрицательный отбор и вырождение.
 - Борьба против неполноценной наследственности.
 - Демографическое развитие Германии.
 - Политика большого пространства - раса - плодovitость.
 - Рейх и его мероприятия в области демографической политики.
- V. Идея крови в СС.
- Охранный отряд как форма отбора людей преимущественно нордического типа.
 - Супружеский выбор (указ о помолвке и браке).
 - Забота о семье - вопрос о смене.
 - Источник жизни - сущность социальной заботы.
 - СС и контуры судьбы нордической расы.

“Я не измеряю успешность нашей работы по возникновению новых улиц. Я не измеряю ее по нашим новым фабрикам и новым мостам, которые мы строим, а также по дивизиям, которые мы можем выставить. Напротив, в центре суждения об успешности этой работы стоит немецкий ребенок, стоит немецкая молодежь. Только тогда, когда созданы условия для их роста и развития, я могу быть твердо уверен в том, что мой народ не исчезнет, а, значит, и наша работа не окажется напрасной.”

Адольф Гитлер (из выступления на партийном съезде чести 1936 г.)

Когда мы оглядываемся на военные успехи, достигнутые немецким солдатом при поддержке нашего самоотверженного тыла в ходе теперешней решающей битвы, мы видим беспрецедентный ряд побед. Одно простое их перечисление не может не изумлять. Но лишь грядущие поколения смогут в полной мере осознать и оценить эту эпоху величайшего немецкого триумфа. Польские армии были смяты и полностью разгромлены немецкими солдатами за 18 дней. В веках будет звучать величественная песнь битвы при Нарвике. Армии Голландии и Бельгии были уничтожены в течение нескольких дней. Армия самой крупной и доселе самой могущественной в Европе военной державы - Франции - вынуждена была сложить оружие через 34 дня после начала немецкого наступления. Втянутые в войну Англией государства Юго-Восточной Европы капитулировали в течение пары недель. Судьба последних и сильнейших противников нашего дела также уже предрешена и неотвратима. И, что же, всеми этими победами мы обязаны одной лишь знаменитой немецкой технике? Нет!

Наш фюрер, наши руководители, офицеры, унтер-офицеры и рядовые - вот те, чей вклад в победу был решающим. Мы должны зреть в корень, чтобы правильно определить и понять, на чем зиждется наш успех. А корень этот - в ценности нашей крови и в уважении закономерностей жизни. Общее ознакомление с этими двумя вопросами, сопровождаемое надлежащими выводами, является целью данной работы.

Из всех живых существ только человек, начав с самого примитивного уровня, достиг наивысшей ступени развития. Однако это его исключительное положение ни в коем

случае не освобождает человека от беспрекословного подчинения универсальным и вечным законам жизни.

Законы природы имеют силу согласно воле Всевышнего. Этот факт обязывает каждого признавать эти законы. Следование им должно рассматриваться как необходимое условие сохранения и дальнейшего развития жизни. Человек, как и все другие живые существа (растения, животные), находится в тесной взаимосвязи с окружающим его миром. Игнорирование законов природы влечет за собой упадок, дегенерацию и, в конечном счете, гибель.

Конечная цель национального социализма – восстановление естественного порядка организации жизни. Поэтому, в национальной социалистической Германии проблема всестороннего изучения и неукоснительного соблюдения высших законов природы получила должную поддержку на государственном уровне.

I. Законы жизни

“Всякий раз, когда человек пытается действовать наперекор железной логике природы, он вступает в противоборство с теми основополагающими законами, которым он сам обязан своим существованием.”

(Адольф Гитлер “Моя борьба”)

Неукротимому человеческому духу удалось познать многие законы природы.

Закон борьбы – дальнейшее развитие.

Сведения о развитии жизни на земле мы в значительной степени черпаем из отложений и окаменелостей. Мы находим их в слоях земной коры, которые нам доступны. И, раз за разом, наши исследования показывают: в самых древних слоях земной коры встречаются простейшие, низшие формы жизни, в более поздних пластах мы находим останки более высоко развитых живых существ и, наконец, в самых молодых слоях находятся самые высокоразвитые организмы.

Развитие шагает дальше

Развитие означает изменение, рост, приумножение, распространение и т. д. Каждое развитие занимает значительный период времени. Оно не знает остановки. Жизнь отдельной особи полностью растворена в ходе развития всего вида, и мы, конечно же, не можем рассчитывать на то, чтобы на примере нашего собственного, такого короткого, земного существования увидеть это развитие. На каждом этапе развития достигается, в зависимости от обстоятельств, определенная ступень или высота. Процесс на этом ни в коем случае не заканчивается, но непрерывно продолжается дальше.

Каким образом природа руководит этими процессами? Если идти по жизни с открытыми глазами, нельзя не увидеть, что повсюду в мире царит жесточайшая борьба. Борьба за право БЫТЬ, борьба против участи НЕ БЫТЬ. Борьба есть основной закон природы.

Борьба за жизнь и сохранение вида

Бороться приходится за всё: за еду, за землю и т. д. Растение стремится вытеснить со своей территории другое растение, зверь пытается убить или прогнать другого зверя. Глубинный смысл этой вечной борьбы, которая порой кажется одним сплошным бессмысленным убийством, заключается в следующем: Всё слабое, неполноценное обречено на уничтожение. Сохраняется только сильное и жизнеспособное. Таким образом, целью является отбор и сохранение лучшего.

Мы должны прийти к правильному пониманию природных процессов и действовать в соответствии с ними. То, что инстинктивно чувствовали наши, жившие в большей гармонии с природой, предки, должно снова стать нашим общим достоянием. Речь идет не

о судьбе отдельных существ, а об оздоровлении и сохранении вида. Национальный социализм формулирует это так: “Общее прежде личного” или “Отдельная единица - ничто; народ, раса - всё.”

Каждый народ нуждается в пространстве для жизни. Поэтому, нравится это кому-то или нет, борьба народов за свое жизненное пространство разгорается вновь и вновь, свидетельством чему служит вся мировая история. **Только растущий, здоровый народ имеет моральное право расширять свое жизненное пространство, а если возникает необходимость, то и отвоевывать его.**

Закон плодовитости.

Животные и растения приносят много больше потомства, чем это нужно для простого воспроизводства. Некоторые примеры этого: Плод нашего мака содержит в среднем 4000 семян. Если бы все семена дали всходы, которые, в свою очередь, стали бы плодоносить, то через 5 лет было бы 256 000 000 000 000 маковых растений. Уже на шестом году подобного развития событий не хватило бы всей земной поверхности, чтобы разместить эту массу.

Одна единственная самка трески мечет от 3 до 4 миллионов икринок. Всего через несколько поколений все водоемы планеты оказались бы переполнены одной лишь треской, если бы вырос каждый из мальков. Подобные примеры можно приводить до бесконечности. **Плодовитость обеспечивает дальнейшее существование**

Результаты громадной плодовитости, примеры которой неустанно демонстрирует нам природа, корректируются до необходимого количества путем естественного устранения значительной части индивидуумов. Шансы на выживание не одинаковы для всех.

Плодовитость же есть неперемнное условие того, что в живых останется достаточное для сохранения вида количество особей. Без плодовитости нет дальнейшего развития.

И наше с вами будущее также определяется динамикой рождаемости. **Колыбелей должно быть больше, чем гробов.** Только тогда мы сможем успешно противостоять любой угрозе. Только тогда нам удастся на деле реализовать то право, которое даровано нам самим фактом нашего ведущего положения в Европе.

Закон отбора.

Результаты отбора в естественных условиях коренным образом отличаются от результатов отбора в окультуренном состоянии. Это связано с тем, что средства осуществления отбора в природе совершенно иного рода, чем те пути, по которым идет отбор в искусственно созданных условиях.

Мы различаем:

1. Естественный отбор.
2. Искусственный отбор.

В борьбе за существование отмирает плохо

В природе отбор идет через **борьбу за существование**. Наследственные изменения у “диких” форм являются редкостью. Все привнесенные изменения, которые не способствуют сохранению данного вида, решительно искореняются, как только перестают соответствовать окружающим условиям существования. Один пример: На маковом поле встречаются вдруг скороспелые формы этого растения. И что же происходит с ними? Их недозревшие семена рассеиваются прежде срока и бывают уничтожены во время следующей обработки поля. Или: Вдруг среди обыкновенных серых зайцев мы видим белых особей - так называемых альбиносов. Они резко выделяются на фоне своего окружения, хорошо заметны и потому становятся первой жертвой врагов.

Практически, естественный отбор устраняет любое ухудшение наследственности. В искусственных же условиях, под неусыпной опекой человека, ущербные особи, наоборот, сохраняются. Селекционера заботят только полезные для его деятельности изменения и абсолютно не интересуют проблемы сохранения первоначальной породы как таковой. Цель искусственного отбора не всегда совпадает с задачами естественного отбора,

который как раз и призван обеспечивать дальнейшее существование данного конкретного вида.

Человеку удалось вывести большое количество пород животных и видов растений, которые отвечают его запросам. Если эти произведения оставить один на один с природой, то их полное исчезновение будет вопросом весьма непродолжительного времени. Так, сорта бессемянных фруктов сохраняются исключительно благодаря прививкам или саженцам. Породы наших кур и гусей, прибавив в весе, сильно потеряли в способности летать.

Понятие “борьба за жизнь” ни в коем случае не распространяется на селекционную деятельность человека. Под этим термином подразумевается чисто природный (биологический) факт.

Искусственный, часто противоестественный, отбор играет значительную роль в жизни каждого из псевдо-цивилизованных народов. Проявляется повышенная забота о благоденствии закоренелых паразитов и просто уголовников, продляются мучения наследственно тяжелобольных. Дурная наследственность, таким образом, не только сохраняется, но и переносится на все новые и новые поколения. Нет числа медицинским ухищрениям, призванным воспрепятствовать такому отбору, который естественен для всех живых существ, не исключая и человека. Люди, отличавшиеся благородной простотой и жившие в гармонии с природой, такие, какими мы представляем себе наших предков, находились во власти тех же сил отбора, что и вся прочая живность. И именно этот отбор вознес человека так высоко в его развитии. Однако, культурный подъем и, особенно, цивилизация заслонили собой главное – законы природы. Человек может сколько угодно отмахиваться от факта существования этих законов, но ему никогда не упразднить их влияния на самого себя. Подобно тому, как на протяжении истории нашей планеты угасли многие виды животных и растений, так же были истреблены и целые народы, противопоставившие себя законам природы.

Национальное социалистическое государство прокладывает тот спасительный путь, по которому мы отведем наш народ от края бездны вырождения, а наши потомки смогут повести его дальше, к великому национальному возрождению.

Приспособляемость – пределы влияния окружающего мира.

Окружающий мир формирует внешний облик

Окружающий мир предъявляет каждой особи свои требования. Всякий, кому эти требования оказались не по плечу, либо погибает, либо вынужден искать более приемлемую среду обитания. Окружающий мир принимает непосредственное участие в отборе. При этом вовсе не обязательно, что отбор пойдет в направлении совершенствования вида.

Нам известны и примеры обратного:

Рога живших когда-то в нашей местности оленей из поколения в поколение становились всё более и более ветвистыми. Дошло до того, что концы рогов оказались на расстоянии нескольких метров друг от друга. Такое развитие оказалось для оленей роковым. Животные более не могли укрываться в спасительной чаще леса, так как их рога не давали им пройти между деревьями. В чистом поле они неизбежно становились легкой добычей своих врагов. Этот вид оленей вымер. Под воздействием внешних факторов изменяется **внешний облик** растений, животных и человека.

Высокогорное растение эдельвейс очень хорошо приспособилось к среде своего обитания. Оно борется за жизнь, будучи, зачастую, укоренено лишь в трещине скалы. Его ворсистые, узкие листочки довольствуются и самым малым количеством воды. Время цветения и плодоношения четко синхронизировано с непродолжительным периодом хорошей погоды. А случится ветру занести семена эдельвейса в долину, то он, изменившись, приживется и в этих новых условиях. Исчезает ворсистость листьев, сами

листья становятся шире, а всё растение - выше. Если же посадить семена этой, ставшей долинной, формы снова в горах, перед нами предстанет эдельвейс в своем прежнем альпийском обличье.

Пример из царства зверей: Когда двух поросят одного помета выращивают в разных условиях, то отличие их друг от друга бросается в глаза уже через короткое время. Тот, которому были созданы благоприятные для роста условия, будет превосходить по размерам и весу своего менее удачливого собрата. Однако, потомство, полученное в дальнейшем от каждой из особей, при нормальных условиях роста не будет сколько-нибудь значительно отличаться друг от друга.

Действие таких закономерностей распространяется и на человека, как в физическом, так и в умственном отношении. Систематические занятия спортом развивают определенные органы и группы мышц, упражнение способствует выработке навыков, прилежание приносит знания. Но всё это - при обязательном наличии соответствующих задатков; окружающий же мир произведет отбор.

Окружающий мир способствует, либо препятствует развитию. Но он не в силах изменить наследственность.

II. Народ и раса

“Что в этом мире не есть добрая раса, то - мякина.”

(Адольф Гитлер “Моя борьба”)

Что есть народ? Каждый народ представляет собой четко различаемую всеми общность. Одна кровь, одна земля, один язык, традиции, культура и история находятся в неразрывной связи друг с другом.

“Народ есть поток крови, из вечности возникающий и в вечность же устремленный.” Каждое из когда-либо живших поколений является лишь звеном в той великой цепи, что связывает нас с нашими далекими предками, а через грядущие поколения - с нашим будущим.

Общность народа

Все вместе эти поколения образуют народную общность. Жизнь каждого поколения имеет смысл только в том случае, если существует глубинная связь между ним и всеми теми поколениями, что создали единый народ. Каждый из когда-либо живших носителей крови (генотипа) данного народа несет ответственность за формирование образа будущих поколений. Каждый народ отличается своим неповторимым своеобразием. Это своеобразие коренится в расовом составе народа.

Народ есть сочетание общего происхождения и общей судьбы.

А что есть раса? Большое число живых существ может быть разделено на группы по принципу большей или меньшей схожести и наличию характерных физических черт. Их отличает также присущая только им манера поведения. Такие группы называются “видами”.

Любой из нас знает, что под названием “собаки” или “кошки” подразумевается определенный вид животных, которые отнесены нами к этому виду на основании наличия у них общих физических и поведенческих признаков.

Однако такое соответствие определенному виду распространяется на большинство, но никак не на все черты представителя данного вида. На этом основано дальнейшее подразделение видов на подвиды, или породы (расы, если речь идет о людях). Мы легко различаем отдельные породы собак и знаем, что помимо несхожести физических параметров, существует также ряд отличий и в поведенческой сфере разных пород. Учет

особенностей каждой из пород позволяет человеку использовать таксу и сенбернара, овчарку и охотничью собаку в точном соответствии с их служебным предназначением.

Живущее ныне человечество образует один “вид”. Численность этого вида велика. При исследовании и сравнении белого, негроидного и монголоидного представителей человечества, сразу становится явной недобросовестность всяких попыток говорить о виде “человек” как о чём-то однородном и неделимом. Точное представление об этом виде можно получить только на основании изучения всех его, столь разных, составных частей, а именно - человеческих рас.

Каждая раса имеет характерные признаки

Отличить одну расу от другой можно по внешним и поведенческим различиям. Каждая расе присущи свои, характерные только для нее качества и признаки. Эти **расовые признаки** наследуются потомками.

Каждая раса обладает совершенно определенной, общей для всех представителей этой расы кровью (генотипом).

До тех пор, пока раса остается чистой, кровь переходит от поколения к поколению в качестве бесценного наследства. Примесь чужой расы приводит к расовому смешению, следствием которого является дегенерация (вырождение). Из этого следует, что **расовое сознание** всех людей одной и той же расы должно быть поднято на должную высоту, так как лишь в этом случае они смогут полностью осознать всю опасность, таящуюся в расовом смешении.

Таким образом, расой называется группа живых существ, отмеченных наличием у них определенных общих наследственных признаков. И порождают они только себе подобных.

Всякий народ развился из определенных рас и стал жизнеспособным единством. Раса, послужившая основой, определяет народное своеобразие и оказывает свое неизменное влияние на этот народ через наследственность. Определяющей для образа немецкого народа является **преобладающая в нём нордическая раса.**

Значение рас.

Основой расы служит вся масса унаследованных признаков. Она обуславливает наличие особых физических и умственно-душевных способностей. Есть расы, способные созидать высокую культуру, и есть расы, которым своими силами никогда не достичь никаких высот. Есть расы с самосознанием героев, а есть - начисто лишённые боевой стойкости.

Все подлинные достижения культуры являются исключительно творениями высших рас. Людей одной и той же расы объединяет общий поток крови. Расцвет человечества, как и его упадок, неразрывно связаны с сохранением чистоты и силы создающих культуру рас. Любое расовое смешение означает для более высокой расы снижение ее качества.

Зарождение рас.

Каждая раса зародилась на своем, предназначенном именно для нее, месте

Зарождение больших рас происходило в течение долгого времени на ограниченных, пригодных для жизни территориях. Мощные естественные преграды образовали целый ряд обитаемых областей. Первоначально, люди, жившие на одной и той же территории, были очень похожи друг на друга во всех отношениях, так как они имели весьма немногочисленных предков и общие условия окружающей среды, одинаково влиявшие на этих людей. Формирование рас есть результат развития. Этот процесс занимает огромный период времени, и, подчиненный законам природы, находится в движении до тех пор, пока жива уже сформированная им раса. В любом случае, не приходится рассчитывать на то, что нам удастся отследить какой-либо прогресс такого развития на протяжении сравнительно короткого периода смены нескольких поколений.

Зарождение и происхождение нордической расы.

Родина нордической расы находится в Западной, Северной и Центральной Европе времен ледникового периода. Первоначальное жизненное пространство нордической расы охватывало территорию сегодняшней Тюрингии, Северного и Балтийского морей, Ютландии и Южной Скандинавии. Нордические признаки сформировались в процессе отбора в условиях нордического климата. Нордическая раса есть результат селекции и отбора, автор которых - окружающий мир. Холодный, влажный климат и недостаток солнечного тепла выковали человека нордического типа. На территории с такими природными условиями никак не могли естественным образом сохраниться темнокожие особи. Эта земля оказалась предназначенной природой только для людей с белым цветом кожи.

Нордический человек с самого начала был оседлым земледельцем. Он изобрел плуг, заимствованный позднее другими народами, возделывал зерновые культуры и занимался животноводством. Бывший первоначально стремительным прирост населения нордического человечества сделал необходимыми новые территориальные приобретения. Волна за волной устремлялись нордические люди на примыкающие пространства современной Европы и далекие части Азии. И повсюду на коренном оседлом населении оставался хотя бы временный отпечаток нордического образа жизни.

Не - “с Востока пришел Свет”, как утверждала прежде наука, а - “с Севера приходит Сила!”.

Расовые признаки.

Расовыми признаками называются наследственные физические, умственные и душевные качества. Важнейшими физическими расовыми признаками являются: Очертания фигуры --- пропорции конечностей --- форма черепа (длинный, средний, короткий череп) --- форма лица (узкое, широкое лицо). Постановка подбородка --- форма носа --- цвет глаз --- цвет кожи --- цвет волос.

Умственно-душевные расовые признаки: Поступки и достижения есть зримое отображение умственно-душевного строя человека. Движение и жест, вот те формы, посредством которых нам сообщаются переживания отдельного индивидуума.

Совокупность душевных признаков обозначается как **душа расы**.

Человеческие расы неодинаковы как в физическом, так и в умственно-душевном плане. Если бы существовали одни лишь физические различия между ними, тогда и вопрос о расовой принадлежности не имел бы такого важного значения. Совокупность видимых воочию признаков, качеств и способностей человека передает нам его **внешний облик**. Сумма всех наследственных задатков, из которых в конечном итоге складывается сама человеческая суть, образует **наследственный облик** человека.

Такие задатки могут проявляться в большей или меньшей степени. Зачастую бывает необычайно трудно судить о душевной предрасположенности по внешнему облику. Это обстоятельство актуально, прежде всего, для тех народов, к формированию которых оказались причастны различные расы. Так человек, не имеющий внешних признаков нордической расы, может, тем не менее, обладать умственно-душевыми качествами нордического человека и наоборот.

Наследственный облик человека имеет гораздо большее значение, чем его внешний облик.

Если присмотреться внимательнее к отдельным странам Европы с точки зрения их расового состава, то сразу бросается в глаза, что почти во всех этих странах представлены одни и те же расы. Нордическая раса присутствует, помимо Германии, в скандинавских странах, Англии и Голландии, а также в России, Италии, Франции, Испании и т. д. Однако, в европейских странах можно увидеть и людей с примесью восточной расы. Тем не менее, окончательное суждение о расовом составе какого-либо народа никак нельзя

основывать на тех или иных частностях. Определяющим является **процентное соотношение отдельных рас** в составе данного народа.

Исходя из этого нам остается констатировать: даже по чисто количественным показателям доли нордической расы наш рейх марширует далеко впереди других народов. Германия, таким образом, имеет естественное право претендовать на лидерство среди нордическо-германских народов.

Расы немецкого народа.

Несмотря на то, что отдельные области рейха отмечены довольно сильным смешением и взаимопроникновением рас, в разных частях Германии все-таки можно найти ярко выраженные расы.

Есть территории, где для основной массы населения характерны: высокий рост, узкое лицо, светлый цвет волос, глаз и кожи. В некоторых же частях страны преобладают приземистые, круглоголовые люди с широким лицом, коричневыми глазами, каштановыми, до черного, волосами и довольно смуглым цветом кожи.

А среди жителей других областей рейха чаще встречаются, напротив, высокорослые люди с короткой головой, узким лицом, большим носом, коричневыми глазами и черными волосами.

Существует и такая местность, где преобладающими внешними признаками населения являются: низко посаженная короткая голова среднего размера, широкое лицо с выступающими скулами, белые волосы и светлые глаза.

В немецком народе преимущественно представлены следующие расы:

- | | |
|---------------------|-----------------------------|
| 1. Нордическая раса | 4. Западная раса |
| 2. Фелийская раса | 5. Восточно-балтийская раса |
| 3. Динарийская раса | 6. Восточная раса |

Но **нордическая раса** представлена в большей или меньшей степени **во всех, без исключения, областях рейха**. Многие в нашем народе могут быть до некоторой степени отнесены к той или иной расе. Во всяком народе есть как представители расы в чистом виде, так и представители более или менее смешанных форм.

В немецком народе преобладает нордическая наследственность. Причем, нордическая раса является не только **преобладающей**, но и присутствует **в крови почти всех немцев**. Нордическая раса для нас - та великая нерушимая связь, которая, помимо общей родины, объединяет весь наш народ и в радости, и в горе. **“Кровь и почва” - не отвлеченное понятие, а наша общая судьба.**

Нордическая раса.

Основная область распространения нордической расы охватывает побережье Северного и Балтийского морей, Северную Германию, Данию, Скандинавию, Англию и Голландию. Южнее нордическая раса глубоко проникла в Центральную Европу.

Мы все являемся носителями нордической крови

Доля наследуемой нордической крови достигает у немецкого народа в среднем 50 % . Поэтому, наука о семье говорит нам: В жилах каждого немца течет нордическая кровь.

Немецкий народ является кровной общностью в полном смысле этого слова. История, в свете расовой науки, давно доказала, что процент великих людей, принадлежащих к нордической расе, значительно больше того же показателя других рас. Нордическая раса - носительница высокой одаренности немецкого народа. Великие достижения во всех областях деятельности сделали ее ведущей расой человечества. Нет ни одной другой человеческой расы, которая породила бы так много выдающихся духовных вождей, полководцев и государственных деятелей. Даже иностранные исследователи рас вынуждены признать, что значение того или иного народа прямо пропорционально доле присутствия в нем нордической крови.

Смелой атакой покорял нордический человек далекие земли, основывал государства и созидал культуру. Уже около 1000-го года в Америке высадились викинги. Целые части света обязаны своим открытием нордическому духу.

Нордический человек - человек глубины и широты

Самым заметным качеством северной (нордической) расы является самообладание. Нордическая храбрость - залог военных побед. Добросовестность и сила воли, помноженные на надежность, служат мощным стимулом стремления к независимости, уменьшая, правда, ненужную чувствительность. Художественная одаренность находит свое наиболее яркое воплощение в сфере изобразительного искусства. Нордический человек очень любит спорт и соревнование; его место там, где нужна отвага. Поэтому-то человека именно этой расы чаще встретишь в профессиях, связанных с опасностью и риском. Нордический человек - победитель по самой своей природе.

Наша святая обязанность заключается в том, чтобы всячески оберегать нордическую расу в нашем народе. Смешение с чужими (чужеродными) расами должно быть исключено при любых обстоятельствах. Раса, ее сохранение и укрепление - вот коренной вопрос всей нашей жизни и основа основ нашего мировоззрения.

Раса и культура.

В книге "Моя борьба" фюрер говорит:

"Все, чем мы сегодня восхищаемся на этой земле, будь то достижения в области науки, искусства или техники, есть творение рук немногих наций и, вероятно, первоначально одной единственной расы."

Созидающая культуру нордическая раса

Созданные индогерманцами высокие цивилизации индусов, персов, греков и римлян позволяют безошибочно распознать в себе нордический творческий дух. С наступлением упадка в среде нордического правящего слоя исчезли и эти цивилизации. Даже сегодня мы чувствуем родство природы (сути) тех культур и нашей, ибо все они имеют общее происхождение.

Мы, конечно, не столь заносчивы, чтобы утверждать, будто бы все культуры, как современные, так и древние, обязаны своим возникновением исключительно нордической расе. Народы иного расового состава тоже создавали свои культуры. Но мы испытываем совершенно иные чувства от соприкосновения с культурой Древнего Китая, Вавилона или древнеиндейскими цивилизациями ацтеков (на территории современной Мексики) и инков (на территории современного Перу). Это тоже были высокие культуры. Но у нас они, почему-то, вызывают ощущение какой-то откровенной чужеродности. Причина этого коренится в самих творцах данных культур. Их природа (сущность, характер) не родственна нашей, а, наоборот, чужда. В них - другой дух. И никогда эти, чужие нам, культуры не достигали высот, доступных творениям нордического духа.

Современная цивилизация возникла под руководством людей нордической расы. Без них не было бы положено начала развитию таких стран, как Турция и Америка, а также стран Дальнего Востока.

А в тех странах, где имело место смешение с близкими расами, облагораживающее влияние нордической расы проявилось сполна и дало необходимый импульс для высоких цивилизационных достижений. Господствующее положение нордической расы неоспоримо. Тот же, кто не может или не хочет признать этот, самой природой установленный, факт, неминуемо окажется на обочине подлинного развития и прогресса.

III. О наследовании

"Более сильные призваны господствовать, а не смешиваться с более слабыми, чтобы, таким образом, пожертвовать своим величием."

(Адольф Гитлер "Моя борьба")

Всякий раз, когда мы обращаем взор на окружающую нас природу, мы видим, что потомки похожи на своих предков. **Каждый вид порождает только себе подобных** Из семян бука вырастет новый бук, потомки сокола будут тоже соколами. Негр произведет на свет негра, белый - всегда только белого. У ребенка уже в самом раннем возрасте наблюдаются внешние признаки, по которым представители его рода могут судить о том, что, например, нос он “унаследовал” от отца, а, скажем, глаза - от матери. Позднее к этому добавятся другие признаки, такие, как прилежание, талант, сопротивляемость заболеваниям.

Сам факт наследования признаков известен людям с давних пор. Селекционеры всегда стремились в своей работе к дальнейшей передаче определенных признаков и качеств, а также к тому, чтобы полностью исключить возможность размножения животных или растений с нежелательными качествами. О том, что наследование признаков является закономерным процессом, стало известно и научно обосновано лишь несколько десятилетий назад.

Сегодня мы знаем: Как и все, происходящее в природе, наследование подчинено незыблемым законам. Законы наследования, подобно всем прочим законам жизни, имеют одинаковую силу и для растений, и для животных, и для человека. Потомки бывают отмечены чертами обоих родителей в равной степени, либо превалирует какое-нибудь качество отца или матери. Иногда можно проследить наследование одного из свойств на примере многих поколений, в иных же случаях такое свойство “перепрыгивает” через несколько поколений, пока, вдруг, спустя много времени, не проявится вновь. Пример - характерная форма нижней губы представителей династии Габсбургов.

Итак, наследование есть передача признаков и качеств родителей своим потомкам.

Наследственные задатки (гены)

Наследуются не только внешние черты, но также умственные и душевные качества. Всякий человек имеет **два** источника получения задатков для любого из свойств. Ребенок сохраняет в себе задатки, унаследованные **в равной степени** от обоих родителей. На примере разведения животных и растений виден механизм действия задатков. Они могут быть как равно-, так и неравноценными. Чаще один задаток оказывается сильнее другого. И этот, более сильный, **заслоняет** более слабый задаток, который просто становится невиден, либо проявляется в незначительной степени.

Более сильный задаток господствует, более слабый остается скрытым.

Живое существо, у которого имеются в наличии оба задатка, не дает никакого повода заподозрить себя в том, что в нем упрятан еще и второй, более слабый, задаток. Мы видим действие только господствующего задатка.

Расовая чистота

Только в том случае, если встречаются одинаковые наследственные задатки обоих родителей, наследники являются расово чистыми.

Метис, или ублюдок

Если же задатки различны, то в результате их встречи получается метис, или, другими словами, ублюдок.

Бывает, что вследствие господства соответствующего задатка, такой метис внешне очень похож на особь чистой расы. То, что со стороны кажется здоровым, может таить в себе скрытую наследственную предрасположенность к каким-либо заболеваниям. Ни один человек не выглядит явным обладателем скрытых задатков. Поэтому, любое чисто поверхностное суждение ошибочно.

Две разных расы отличаются друг от друга по многим наследственным задаткам. При смешении рас (скрещивании) задатки соединяются **хаотично**, так, что потомкам достаются буквально калейдоскопические их сочетания.

Законы наследственности исследованы с математической точностью. Эти сведения составляют сегодня фундамент наших знаний об общем направлении и специфике протекания процессов формирования новых поколений, т. е. нашего будущего. Нормальные и нездоровые задатки передаются потомкам в равной степени. Этот факт определяет всю степень важности изучения проблемы наследственных задатков и налагает на нас огромную ответственность за то, будем ли мы способствовать или препятствовать правильному формированию грядущих поколений.

Воспитание и окружающая действительность могут, конечно, со временем, развить определенные задатки, сущность же человека останется неизменной: такой, какой она была у того из родителей, чьи задатки (гены) оказались сильнее.

Ответственность за грядущие поколения лежит на нас.

Решающим для дальнейшего развития нашего народа является не столько ответ на вопрос: “Кто наследует?”, сколько ответ на вопрос: “Что наследуется?”

Наследственные изменения.

Природа учит нас, что вопреки железным законам наследования существует также возможность возникновения новых, отклоняющихся норм. Наука до сих пор могла дать лишь невразумительные объяснения по этому поводу. Во флоре и фауне то и дело отмечаются случаи внезапного появления новых форм, **передающихся далее по наследству**. Причем, благоприятные и неблагоприятные свойства проявляются у них в равной степени и **носят неизбирательный характер**. Формы с неблагоприятными свойствами рано или поздно гибнут в борьбе за существование. Таким образом, они искореняются навсегда.

Примером проявления благоприятных наследственных изменений могут служить птицы побережья, у которых в результате таких изменений появились плавательные перепонки, и которые, по прошествии определенного времени, превратились в типичных водоплавающих птиц. Это их новое, благоприятное качество помогает им в борьбе за существование. Поиски пищи для этих птиц не ограничиваются больше только прибрежной зоной. Они получили значительное преимущество по сравнению с теми птицами, которые, живя на берегу, не стали водоплавающими.

Или: Крылатые насекомые многочисленных мелких островов в Тихом Океане были снесены ветром в воду и там погибли, хотя этот же ветер предоставлял им широкие возможности для расселения как по территории своих островов, так и соседних. А их бескрылые собратья, появившиеся в результате наследственных изменений, беспрепятственно утвердились на этих же самых островах.

Наследственно обусловленные изменения называются **наследственными изменениями**. Наблюдавшиеся до сих пор наследственные изменения у людей носили преимущественно неблагоприятный характер. Почти всегда это - дефекты развития, которые, проявившись однажды, передавались дальше по наследству. Всякое новое наследственное изменение имеет своей причиной предшествующую деформацию наследственности.

На сегодняшний день известно уже несколько ядов, оказывающих вредоносное влияние на половые железы, вплоть до их мутации. Такое воздействие, а также воздействие на развитие самих зародышей называется **зародышевым повреждением**. Способны ли эти яды необратимо изменять также и саму наследственность - пока неясно.

Результаты воздействия алкоголя и никотина на потомство поистине ужасающи. Достаточно посмотреть на детей пьяниц, чтобы убедиться в этом. Как часто бывают они поражены уродствами и болезнями физического и душевного характера. Смертность среди детей алкоголиков невероятно высока.

Исследования Г. фон Бунгес в области влияния алкоголя на потомство показали следующее:

Употребление алкоголя отцом было	на 100 отцов приходилось	
	туберкулезных детей	душевнобольных детей
не регулярным	6,4	4,3
регулярным	17,1	11,1
алкоголизмом	24,2	22,2

При этом не следует забывать, что склонный к употреблению алкоголя человек уже сам по себе обладает ослабленными наследственными задатками.

Столь же велики страдания потомства венерических больных. К наиболее печально известным заболеваниям такого рода относится сифилис. Мнение, что этот бич человечества передается по наследству - ошибочно. Есть только один врожденный сифилис, тот, что передается зародышу. Но треть таких детей умирает еще не родившись, четверть не доживает до шестинедельного возраста. Остальные всю свою жизнь страдают тяжелейшими поражениями тканей и другими заболеваниями. Часто дети больных родителей бывают глухонемыми.

Опасность неблагоприятных наследственных изменений у человека усиливается за счет того, что подобные изменения зачастую наследуются скрытно. И выходят на свет лишь через много поколений. В качестве примера можно назвать заболевание крови. Оно проявляется только у потомков-мужчин. Даже при незначительных повреждениях (прорезание зубов) это заболевание вызывает продолжительные кровотечения, которые нередко приводят к смертельному исходу. Многочисленные ранние европейские династии, внутри которых имели место родственные браки, теряли из-за болезни крови практически всех наследников по мужской линии.

Окружающий мир и наследственные задатки.

Каждый человек с рождения несет в себе величайшее богатство – наследственные задатки.

В течение жизни реализуется лишь часть этих задатков. Окружающий мир принимает весьма деятельное участие в формировании каждого отдельного индивидуума. Климат, питание, жизненное пространство, социальное положение и т. п. могут оказывать совершенно очевидное влияние на развитие человека.

Внешний облик претерпевает под воздействием вышеперечисленных факторов некоторые изменения. Но только не наследственный облик. Он всегда остается неподвластным окружающему миру.

Из этого можно сделать следующие важные заключения:

1. Каждый человек формируется при взаимодействии наследственных задатков (генов) и окружающего мира.

2. Окружающий мир и его влияние не затрагивают потомства.

3. Приобретенные качества не наследуются.

Последний факт имеет основополагающее значение. Физический труд или спортивные тренировки могут значительно развить мускулатуру. Но это вовсе не значит, что сын атлета будет обладать более сильными, чем у обычного ребенка, мускулами. Точно также не может быть унаследовано и умственное развитие. Потомку ученого придется начинать свое обучение с тех же азоров, что и всем прочим детям. Ярчайшее подтверждение этому - необходимость индивидуального усвоения родного языка, несмотря на то, что на нем говорили уже многие поколения ваших предков.

Марксисты и демократы, склонные к утопическому мышлению и явной переоценке влияния окружающего мира, заявляют, что они способны повернуть в лучшую сторону

судьбы целых народов с помощью изменения этого мира на свой лад. По их словам, **все** люди одинаковы. А это значит, что белые, черные и желтые, окажись они в равных условиях, должны были бы самостоятельно добиться во всех областях **одинаковых результатов**.

Но мы-то знаем:

Люди различных рас и типов никогда не станут похожи между собой, проживи они на общей территории сколь угодно долго. Они всегда останутся тем, что они есть. **Чужая же кровь, от которой и наш народный организм должен держаться как можно дальше**, медленно, но верно убивает любой народ.

Расовое смешение.

Смешение с чужеродной кровью противостоит природе

“Неразумный” зверь составляет пару для продолжения рода только с представителем своей породы (расы). Руководствуясь тем же священным инстинктом, так же поступали близкие к природе люди, такие, как древние германцы. В наши дни этого естественного правила строго придерживаются наши крестьяне, так как они близки к своей родной земле, духовно укоренены в ней и потому чувствуют звучащий в них голос крови и расы. Чего не скажешь о “сверхразумных” “цивилизованных” людях, которым внушили, что им одним в целом мире дано право идти против природы. Как вы сами понимаете, природа не оставляет такое поведение безнаказанным. При смешении двух чужеродных рас никогда не происходит слияния наследственных задатков (генов) в единую наследственную массу, которая могла бы быть передана потомкам во всей своей гармоничной целостности. Размножение подобных ублюдков характеризуется все более сильным взаимоотторжением наследственных задатков и хаотичным разбросом их по разным потомкам. То, что путем скрещивания возможно создавать новые, **культурные** формы и породы животных и растений, никоим образом не может служить обоснованием для такого же способа создания новых человеческих рас.

Начнем с того, что условия разведения животных и растений весьма своеобразны. Селекционер преследует при скрещивании совершенно определенные цели. У него есть возможность за короткие промежутки времени планомерно вырастить несколько поколений интересующего его вида. При этом селекционер производит отбор нужных ему форм. Таким образом, увеличивается вероятность того, что удастся сохранить именно желательные формы с новыми свойствами, так называемые **новые связи**. И, действительно, этот путь в большинстве случаев ведет к успеху - всего через несколько лет может быть выведена новая порода животных, получен новый сорт растения.

Совершенно иначе обстоит дело с людьми. Огромное количество наследственных задатков делает процесс наследования очень запутанным. Не следует забывать и о том, что период смены поколений у человека гораздо продолжительнее (около 30 лет). Значит, отбор, необходимый для сохранения возникших новых связей, нужно было бы осуществлять на протяжении нескольких столетий. Но кто смог бы поручиться за точное соблюдение однажды выбранного направления отбора, и, наконец, как можно было бы производить отсев остальных людей? Вывод: подобный план попросту неприменим к людям, а выведение новой расы невозможно.

Любое расовое смешение уродует гармоничную картину расы. Нордическая голова, посаженная на восточное туловище, выглядит неэстетично. В дополнение к этому - все те виды ущерба физическому, и, особенно, душевному здоровью, которые таит в себе смешение рас.

Метисы лишены физической и душевной гармонии. В результате каждого смешения рас получается расовый гибрид.

Расовое смешение означает постепенное угасание более высокой расы, а, значит, стопроцентную утрату народом своего своеобразия (генотипа). Сама история бесстрастно демонстрирует нам трагические последствия такого смешения рас. С того момента, когда

народ теряет свое расовое самосознание, начинается упадок его традиций, духовности и культуры.

Благоприятным расовое смешение может быть лишь в случаях воссоединения родственных рас. Чем более сходны между собой эти расы, тем благоприятнее их смешение.

“Величайшие из народов никогда не принадлежали к числу метисов чужеродных рас, а, напротив, отличались тем, что преобладающая в них раса находила в этих народах свое наиболее полное воплощение.” (по Граф)

Фюрер говорит о расовом смешении:

“Смешавшаяся кровь чужих рас и обусловленное этим снижение расового уровня было единственной причиной гибели древних цивилизаций.”

Причины заката культурных народов древности

У целого ряда культурных народов можно наблюдать следующую одинаковую последовательность этапов их развития, которая, тем не менее, ни в коем случае не может считаться неизбежной жизненной закономерностью:

За длительным восхождением к определенным высотам развития следует непродолжительный период расцвета, сменяемый затем стремительным падением с достигнутого уровня. Почти всегда такой упадок сил начинается с того, что на смену простоте, трезвости и здоровью приходят погоня за удовольствиями, невоздержанность и болезни. Параллельно с этим развязываются кровавые войны, буквально выкашивающие лучших представителей расы, а падение рождаемости резко уменьшает количество здоровых детей. Смертельный же удар наносит смешение с инородной кровью. Оно приводит к постоянному нарастанию внутренних противоречий. Такое отсутствие национального единства превращает этот народ в легкую добычу другого, сохранившего в себе жизнеспособность, народа.

Кровное самосознание евреев

По сей день, евреи избегают полного смешения с приютившими их народами, гарантируя себе, таким образом, поддержание своего кровного самосознания на должном уровне. Показательно, в этом смысле, высказывание английского еврея Дизраэли: “Всякая раса, беззаботно перемешивающая свою кровь с чужой, обречена погибнуть.”

Нордическая раса есть носительница качеств и основа немецкого человека.

Высший закон природы гласит: **Отдельное живое существо есть не цель, а средство жизни.**

Наш немецкий народ - это не просто арифметическая сумма 85 миллионов человек, а большое национальное единство, единая общность, в которой преобладает нордическая наследственность. И наследственность эта проявляется не только в форме внешнего облика, но находит свое воплощение, прежде всего, в соборной душе расы.

Внешние признаки принадлежности к нордической расе у отдельного человека являются желательными, но - необязательными. Главное, чтобы этой расе соответствовали свойства его души и характера.

Нордическая раса есть раса немецкого народа. Она накладывает свой отпечаток на нашу сущность, определяет образ наших мыслей, действий и чувств.

Раса твоих предков - вот то, что крепче всего на свете связывает твою личную судьбу с судьбой этой великой кровной общности, что зовется твоим народом.

Воин и раса.

Формирование образов и воин

Каждая раса создает свои образы. У каждой есть совершенно определенные, явные задатки, которые способствуют ее особым успехам в тех или иных областях деятельности. На основании этого и формируются модели поведения в массовом сознании целых

народов. Причем, самым ярким примером обобщений такого рода являются те представители народа, которые, по долгу службы, носят оружие.

У каждого народа сформировался свой образ солдата.

Внутренняя сила и выдержка человека, его готовность атаковать или защищаться и приносить жертвы, его наследственные расовые черты - все вместе это складывается в образ воина.

Немецкий солдат воспитан в прусских традициях, которые по своей строгости и требовательности, по своему культу преданности командирам и неукоснительному соблюдению долга чести являются истинно нордическими. Кроме того, в немецком национальном характере заложена и такая черта, как стремление к проявлению личной инициативы, что не раз выручало немецкого солдата в тех ситуациях, когда он мог рассчитывать только на самого себя.

Даже сражаясь в одиночку, немецкий солдат остается непревзойденным бойцом. Воинское же подразделение, ведомое негибкой железной волей и полководческим талантом нордического стиля, способно буквально творить чудеса храбрости. Атакующий указанную ему цель или выполняющий иное задание, немецкий солдат перейдет к обороне, только получив соответствующий приказ.

Немецкая форма борьбы - атака.

Совершенно иначе ведут себя, например, французы. Они сражаются тем лучше, чем их больше. Среди них редко можно встретить хорошего единоборца. Самой подходящей для них формой боя является глухая оборона, когда можно чувствовать себя в относительной "безопасности".

IV. Отбор и культивирование

"Когда нет уже больше сил бороться за свое собственное здоровье, заканчивается и право на жизнь в этом суровом мире борьбы."

(Адольф Гитлер "Моя борьба")

Умной можно назвать лишь такую государственную власть, которая проводит сознательную демографическую политику и заботится о чистоте расы. Главной задачей такой власти является осуществление мероприятий, гарантирующих как воспроизводство народа, так и культивирование в нем расовых признаков.

Влияние отбора

Изменения наследственности и окружающий мир непременно создали бы за определенный период времени множество новых рас, или подвидов, если бы не один очень мощный сдерживающий фактор. Процесс распада на бесчисленные расы самой природой ограничен рамками отбора. В естественной среде обитания гибнут все живые существа, не способствующие сохранению своей породы (расы), в то время, как носители благоприятных задатков, наоборот, остаются в живых.

Пример: Среди млекопитающих и птиц полярных областей дольше живут те формы, у которых белая окраска и длинная шерсть (перья). Они почти всегда переживают своих темнее окрашенных собратьев по виду. А все потому, что первые, благодаря своей покровительственной окраске, лучше защищены от врагов, чем вторые. Отбор поддерживает расу на первоначальной высоте.

В тех же случаях, когда результатом изменения наследственности становится приобретение отдельными живыми существами дополнительных благоприятных качеств, такие организмы оказываются в более выгодном положении, чем их, не претерпевшие никаких изменений, товарищи по породе. Они становятся более совершенными и постепенно вытесняют особей, остановившихся на прежней ступени развития. Влияние отбора способствует прогрессу развития.

Племенное развитие всех живых существ происходит в природе единственно и только благодаря изменению наследственности и отбору. Для человека дальнейшая возможность возникновения новых рас путем новообразований крайне мала. Смерть отдельного существа является не сутью отбора, а его средством. Суть же заключается в том, чтобы воспрепятствовать дальнейшей передаче наследственности от определенной особи. Тогда, в следующих поколениях эта наследственность будет представлена во все более уменьшающейся степени.

Причем, совершенно все равно, достигается ли искоренение такой наследственности посредством стерилизации или воздержания, смерти или чего-нибудь еще. С точки зрения биологии самым важным отбором является плодовитость.

Не имеющий детей человек остается вне пределов важнейшей области жизни расы, поскольку одна лишь плодовитость определяет дальнейший состав наследственности расы.

“Не общественные, социальные и экономические успехи решают исход борьбы за существование отдельных групп людей. Окончательная победа остается за теми, у кого больше детей. Борьба за существование есть борьба за большее количество детей, за уровень рождаемости.”

(Сименс)

Супружеский выбор.

Выбор расово полноценной жены еще не означает улучшения расы. Для того, чтобы это произошло, **нужен не только расово правильный супружеский выбор, но и рождение в этом браке детей, число которых должно быть больше среднестатистического.** Потому, что народный организм не получит никакой пользы от дальнейшего естественного поступления в него плохой наследственности, если при этом не происходит параллельного приумножения и распространения в нем хороших задатков (генов).

Выбор расово полноценного мужа, который, почему-либо, не желает иметь детей, не только не улучшит расы, но даже ухудшит ее, поскольку хорошая наследственность этого человека будет, таким образом, потеряна для наследственности будущих поколений.

Победа плодовитости и быстрой смены поколений.

Поистине огромно значение **среднестатистической плодовитости** для состояния любой расы. Когда две расы живут рядом или, вообще, вместе и имеют при этом неодинаковый прирост своей численности, раса с меньшим приростом уже через считанные поколения обречена на гибель, которая будет ускорена присутствием более плодотворной расы. Даже небольшой разницы уровней средней плодовитости достаточно, чтобы через некоторое время привести одну из рас к катастрофе, а другую - к победе.

Нельзя недооценивать также роль **возраста вступления в брак**, поскольку возрастной аспект оказывает большое влияние на репродуктивную способность. Омоложение населения, т. е. быстрая смена поколений, является весьма существенным фактором изменения состава народа. Сравнительные результаты вступления в брак преимущественно в раннем или, наоборот, более позднем возрасте становятся видны уже очень скоро. Опыт показывает, что ранний брак приносит больше детей, чем поздний.

Так, на 3 поколения 4-хдетных семей за 100 лет приходится 64 потомка, а на 4 поколения 4-хдетных семей за 100 лет приходится 256 потомков.

Красноречивым подтверждением необходимости значительного увеличения рождаемости у расово полноценных людей служит ситуация, в которой оказался наш народ после мировой войны. (см. иллюстрацию 3)

Достаточно сказать, что в послевоенной Германии на каждую семью из криминальной среды приходилось фактически вдвое больше детей, чем на каждую приличную семью. Другой пример до сих пор актуален для многих неевропейских областей: В одной из

областей, населенных белыми и неграми, их соотношение было 1:1. Динамика изменения демографической ситуации в пользу негров может быть показана на примере Южноафриканского Союза:

на 100 негров приходится 5 детей,
на 100 белых приходится 2,6 детей.

При таком развитии демографической ситуации
через 100 лет на 1 белого приходится уже 16 негров,
через 300 лет на 1 белого приходится целых 4096 негров.

Крах Франции - результат расового разложения

В самой Европе та же проблема все резче выступает на передний план. Руководство все более слабеющей в расовом отношении Франции оказалось настолько глупым и безответственным, что не придумало ничего лучшего, кроме как уравнивать в гражданских правах “черных” и коренное белое население. Десятки тысяч представителей черной расы получили, наконец-то, возможность беспрепятственно заниматься загрязнением чужой крови. Фюрер давно предупреждал об опасности “создания африканского государства на территории Европы”. Он говорил: “То, что Франция вытворяет сегодня в Европе, является тягчайшим преступлением против белого человечества.”

Только победа нашего оружия дала нам теперь возможность исправить чужие ошибки также и на этой территории, поскольку наша задача - обеспечить всей Европе расовое будущее, достойное ее великой истории. Две части населения находятся сегодня в численном соотношении 50:50 %. Предположим, что первая группа обновляется рождением детей через 33 года, а вторая - через 25 лет. Это могло бы привести к тому, что через 300 лет вторая группа составила бы за счет своей более высокой интенсивности смены поколений уже от 90 до 100 % от общей численности населения. Если внутри какого-либо народа существуют две группы, характеризующиеся разными уровнями плодовитости, а у более плодovитой группы еще и преобладает нездоровая наследственность, то складывается следующая ситуация:

Хотя обе группы имели вначале одинаковую численность, но группа с криминальной, неполноценной наследственностью была при этом вдвое плодovитее, закончится это тем, что уже через 100 лет 90 % населения будет составлять самый настоящий сброд.

Для того, чтобы в народе сохранились ценные задатки, носители таких задатков должны быть, **как минимум**, столь же плодovиты, как и носители менее качественных задатков. Причем, это требование предполагает одинаковую численность представителей той и другой групп носителей наследственных задатков. На практике же, носители ценной наследственности почти всегда бывают в меньшинстве. Таким образом, необходим мощный подъем их плодovитости, с тем, чтобы народ не пришел в упадок. Любой отбор, которому подвергается народ, влечет за собой длительный и неоспоримый успех, либо - такую же неудачу.

Успехи в деле разведения растений и животных достигаются только в результате правильного отбора и приумножения числа носителей лучших наследственных свойств. Зная это, можно также понять, в чем была главная причина гибели культурных народов древности. Она заключается в том, что эти народы постепенно лишились всех носителей своей здоровой наследственности, всех носителей своей культуры, всех своих творческих личностей. Неполноценные одержали над этими людьми величайшую из возможных побед - задавили их уровнем рождаемости.

В эпоху Персидских войн, в 500 году до нашего летоисчисления, Спарта могла выставить 8000 боеспособных мужчин. А в 244 году до нашего летоисчисления - всего лишь 700.

Гибель Спарты и распад древнего Рима были ничем иным, как окончательным проигрышем в уровне рождаемости детей со здоровой наследственностью.

Об инцесте.

Инцестом называется получение потомства от родителей, состоящих друг с другом в кровном родстве.

При разведении животных часто используются именно родственные формы для достижения определенного результата. Проблема наследственности полученных таким образом животных изучена уже в достаточной степени.

О свойствах наследственности людей известно, в общем, не так много, чтобы можно было уверенно прогнозировать все последствия заключения родственного брака.

Инцест и потомство

Если состоящие в кровном родстве партнеры неотягощены наследственными заболеваниями, то такой инцест не влечет за собой никаких негативных последствий биологического характера. Однако, у подавляющего большинства детей родителей-родственников все-таки наблюдаются различные отклонения от нормы. Этот факт можно объяснить только тем, что в подобных случаях имеет место роковое совпадение **одинаковых болезненных** задатков обоих родителей. Оставшиеся до поры скрытыми эти задатки настолько усиливаются от слияния с себе подобными, что заложенная в них болезнь проявляется у потомства уже в открытой форме. В этом нет, конечно, особой опасности для расы в целом. Более того, негативные последствия такого рода могут, до известной степени, оказаться даже полезны, так как они выявляют не обнаруженные ранее дурные задатки. Что, в свою очередь, позволит оградить всю расу от дальнейшего распространения в ее организме хотя бы этой части недоброкачественной наследственности. Сохраняется также вероятность сочетания при инцесте и благоприятных задатков. Тогда потомство демонстрирует положительные качества в превосходной степени. Здесь следует подчеркнуть необходимость уважительного отношения к нормам традиционной морали. Итак:

Инцест удваивает как хорошее, так и плохое!

Отрицательный отбор и вырождение.

Вырождение расы или уход с исторической сцены целого народа происходят из-за всеобъемлющего прогрессирующего ухудшения их наследственности. Если ставится задача воспрепятствовать подобному развитию событий, тогда необходимо начать с выяснения причин упадка. Успешная борьба против того или иного явления зиждется только на ясном понимании причин его возникновения.

Причины вырождения

Установленным фактом является то, что почти все культурные народы, а особенно нордическо-германские, служат на сегодняшний день ярким примером **отрицательного отбора** в области плодovitости. То есть:

Плодovitость у наследственно одаренных ниже, чем у наследственно неполноценных.

Опыт учит нас, что наследственными душевными заболеваниями чаще страдают именно наследственно неполноценные. Постоянно сохраняющаяся неравномерность прироста численности одаренных и неполноценных ведет к сокращению выдающихся наследственных задатков в народе и, как следствие, означает его культурную деградацию.

Раньше господствовала в корне неверная точка зрения, согласно которой, высокая одаренность могла быть свойственна только представителям определенных “слоев” населения.

“Дарование не является монополией какого-либо одного класса общества.”

(Сименс)

Поэтому, в национальном социалистическом государстве человек ценится не за наличие у него неизвестно как приобретенного “капитальца” или его принадлежность к определенному “классу общества”, а за его способности и достижения, трудолюбие и манеру поведения. Именно по такому принципу оказывается государственная поддержка и формируется подлинная элита нации. Живое подтверждение этому - наша система

национально-политических воспитательных учреждений, школ Адольфа Гитлера, учебных заведений Лангемарка и Орденских Замков. Здесь воспитываются и обучаются будущие руководители немецкого народа во всех областях деятельности.

Недостаточной плодовитости нордических народов противопоставляется весьма активный прирост численности прежде всего тех европейских народов, которые отмечены азиатским влиянием.

В 1933 году естественный прирост населения Германии в расчете на 66 миллионов жителей составил

233.297,

в 1933 году естественный прирост населения Польши в расчете на 32 миллиона жителей составил

402.465.

Над Европой нависла реальная угроза утраты ею своей расовой сути. Мы обязаны спасти ее, пока еще не поздно!

Война и отрицательный отбор.

Всякая война представляет собой ничто иное, как отрицательный отбор в чистом виде. Ведь именно сильнейшие и способнейшие остаются навеки лежать на полях сражений. Германия потеряла в мировой войне 2 миллиона лучших своих сыновей. 0,75 миллиона человек умерло в Германии от голода в результате вражеской блокады. С 1914 по 1918 год погибло 40 % всего офицерского состава действующей армии. При этом следует помнить, что немецкий офицерский корпус являлся вершиной отбора людей нордического типа. Из числа студентов, ушедших на фронт, свыше половины никогда уже не вернулись домой.

Огромны были также потери среди летчиков - ценнейшего человеческого фонда нации. Это же относится и к летчикам противостоявших нам государств. Они тоже, в большинстве своем, принадлежали к нордической расе, тоже рисковали больше других и, соответственно, несли самые высокие потери. **Война, уничтожая носителей лучшей наследственности, сохраняет жизнь неполноценным.**

Ко всему прочему добавляются и отдаленные последствия, вызванные катастрофическим падением рождаемости. Германии мировая война стоила 3,5 миллионов нерожденных детей. Только здоровый, обладающий несгибаемой волей к жизни народ способен выстоять в такой кровопролитной борьбе. Вот, что сказал фюрер о войне и о преодолении ее демографических последствий: *“Благоприятный исход теперешней войны поставит, тем не менее, перед рейхом ряд задач, которые могут быть успешно решены только за счет существенного прироста численности населения рейха. Это необходимо для того, чтобы с помощью увеличения рождаемости залечить раны, нанесенные народному организму войной.”*

Из приказа рейхсфюрера СС от 28 октября 1939 года: *“Иная военная победа оборачивается для народа сокрушительным поражением, так как она обескровливает его и лишает жизненных сил. Неизбежная, к сожалению, смерть лучших людей на поле брани оказывается, сама по себе, еще не самым печальным итогом. Много хуже то, что уже не будет тех детей, которые должны были бы родиться, если бы война не разлучила с домом очень многих, кого - на время, а кого - навсегда.”*

Борьба против неполноценной наследственности - Государственные мероприятия.

Фюрер говорит в “Моей борьбе”: “Тот, кто нездоров и ущербен физически и душевно, не имеет права увековечивать свое страдание в своих детях.”

Превыше наших личных мотивов поведения стоят интересы нашей народной общности. Ненормальным является такое положение вещей, при котором, соотношение между трудоспособными и иждивенцами в каком-либо государстве принимает нездоровые формы. Деятельная, трудящаяся часть населения вынуждена работать ради

продления пожизненных мучений генетических калек и наследственно неизлечимо больных. Вот официальные данные по службе социального обеспечения одного из городов Германии за 1932 год:

На одного социального пенсионера ежегодно приходится - 244 РМ;
на одного получающего пособие по безработице - 500 РМ;
на одного душевнобольного, идиота, инвалида детства - 1944 РМ.

Есть среди сумасшедших такие, которые обходятся государству во многие десятки тысяч марок. В 1926 году в Германии зафиксировано 570 убийств, 810 разбоев, 6800 случаев насилия и разврата. Преступники отнимают жизни, причиняют своим жертвам порой непоправимый моральный и материальный вред. Многомиллионные убытки несет и государство. Между тем, всего этого можно было бы избежать. Ограждать общество следует именно от таких субъектов, а высвободившиеся при этом средства - расходовать во благо нормальных людей.

Обязанности государства

Государство существует исключительно для того, чтобы служить сохранению и процветанию здорового народного организма в целом, и носителей лучших наследственных качеств определяющей его расы в частности. Первейшая обязанность государства - не допускать сохранения неполноценной наследственности за счет ослабления наследственности полноценной, так как это угрожает будущему народа.

Тот, кто, будучи осведомлен о своей нездоровой наследственности, все-таки стремится произвести на свет свое, вполне могущее оказаться недееспособным, потомство, тот совершает тягчайшее преступление как перед своими детьми, так и перед самой жизнью.

Он грешит против своего народа и своей расы.

Там, где чувство ответственности перед народной общностью отсутствует, государство обязано должным образом вмешаться в это мнимое "право" личности.

Тот, кто не желает добровольно придерживаться норм нравственного порядка, теряет право на неприкосновенность своей личности.

Истинное право человека, наследственные недуги которого неминуемо превратят его жизнь в обузу для окружающих и в постоянную муку для него самого, состоит в том, чтобы не родиться. Любой естественный народ, едва распознав неполноценных в своей среде, сразу же исключает их из нее. Извращенно же толкуемая "любовь к ближнему", которая, тем не менее, усиленно навязывается так называемым "культурным народам" прежде всего церковными кругами, весьма способствует как раз обратному процессу - отрицательному отбору.

Некоторые деятели церкви вступают в конфликт с природой и разумом

Существует церковная точка зрения, будто всякое, пусть даже и разумное, вмешательство в любое, сложившееся на данный момент, положение вещей есть нарушение божественного миропорядка. Более чем удивительно, в таком случае, почему с этих же позиций не выступают против забоя скота или, скажем, врачебной деятельности. Согласитесь, нельзя же всерьез утверждать, что Богу угодны все те жуткие реалии неполноценной наследственности, о которых говорилось выше. Далее пришлось бы, вероятно, признать неправомерным лишение убийц и прочих преступников свободы, предоставив, таким образом, всех остальных, нормальных людей в полное распоряжение этих негодяев. Познание законов природы, однако, расставляет все по своим местам: жизнь нашего народа и сохранение чистоты его крови много важнее поддержания любой ценой существования неполноценных индивидуумов с сильно отягощенной

наследственностью. Масштаб заботы о своем личном “Я” не должен перекрывать собой масштаба заботы о благе всего своего народного целого.

Жизненный опыт выявил также следующий примечательный факт: Большая часть наследственно больных не испытывает ни малейшего чувства ответственности перед своим потомством. Никакого благоразумия в этом вопросе с их стороны ожидать, в общем-то, не приходится.

Судите сами:

В 1877 году в психиатрических клиниках Германии содержалось 40 375 пациентов; в 1926 году их стало уже **252 793 (!)**. Еще красноречивее тот же показатель в США - за период с 1904 по 1929 год количество душевнобольных увеличилось там более чем вдвое.

Национальный социализм намерен остановить эту лавину безумия. Позиция фюрера видна из его слов: *“То требование, чтобы дефективные люди не могли более производить на свет столь же дефективных людей, есть требование ясного разума и является, при планомерном его осуществлении, гуманнейшим поступком человечества. Это избавит миллионы несчастных от незаслуженных ими страданий, а в результате приведет к общему оздоровлению жизни.”*

Немецкое правительство приняло 14 июля 1933 года **“Закон о предотвращении появления наследственно больного потомства”**. Закон гласит:

1. Наследственно больные, в отношении которых дано медицинское заключение о высокой степени вероятности наличия у их потенциального потомства физических или душевных наследственных повреждений, могут быть подвергнуты хирургическому обеспложиванию (стерилизации).

2. Согласно закону, наследственно больным считается тот, кто страдает одним из следующих заболеваний: врожденное слабоумие, шизофрения (нарушение связности психических процессов): душевное заболевание, характеризующееся полным распадом личности, притуплением чувств, отрешенностью от внешнего мира, циркулирующее помешательство: душевное заболевание, характеризующееся чередованием периодов крайней возбужденности и глубокой депрессии, наследственная падухая (эпилепсия), наследственные судороги, наследственная слепота, наследственная глухота, тяжкие физические уродства.

3. В дальнейшем стерилизации могут быть подвергнуты лица, страдающие тяжелой формой алкоголизма.

Окончательное решение о применении стерилизации выносится комиссией по охране наследственного здоровья.

Приведем всего лишь один из бесчисленного множества примеров, способствующих правильному пониманию того, насколько, в данных конкретных условиях, необходимы эти меры. (по А. Дрекслеру, “Время действия: за несколько лет до прихода к власти”)

“Семья одного вспомогательного стрелочника. Отец сильно пил и умер от туберкулеза. Мать распутна, невыносима. Есть два сына и две дочери. 26-летняя Елена больна сифилисом. У нее двое детей, один - в настоящее время в больнице, другой - на финансируемом из городской казны частном попечении. 24-летний Альфред, будучи инфицирован сифилисом, заразил также свою невесту, родившую ему затем четырех детей. 18-летняя Мелани, равно как и ее брат Курт, тоже не избежали этого заболевания. В лице Альфреда человечество получило достойное наказание за свою беспечность. Сам Альфред - малорослый, хилый паренек, что не мешает ему, однако, быть жестоким и агрессивным. Работать он упорно не желает, предпочитая заниматься развратом. Живет исключительно на средства различных общественных благотворительных организаций и больничных касс. Опасен для окружающих не столько из-за своего туберкулеза, сколько из-за своего сифилиса. Нашел себе такую же подружку - и та существовала за счет благотворительности. Вот уже 6 лет, как они регулярно, рука об руку, ходят за пособием к одному и тому же окошечку. И каждый год сумма пособия увеличивается, поскольку

увеличивается их семья. У них уже четверо детей - все заражены сифилисом и туберкулезом.”

Относительно стерилизации следует еще заметить, что она, лишая репродуктивной способности, не препятствует, тем не менее, ведению нормальной человеческой жизни в полном ее объеме.

Этим законодательным актом положено необходимое начало процессу очищения народного организма. Результаты действия этого закона будут ощутимы уже в следующем поколении. То, что национальное социалистическое государство с железной решимостью преградило путь ненормальному развитию ситуации с наследственностью, является событием, значение которого невозможно переоценить.

Известно, что потомство тех, кто систематически попирает нормы традиционной морали, также оказывается отягощенным тяжелой наследственностью. Решить эту проблему призван закон от 24 ноября 1933 года. Этот второй закон называется: “Закон против опасных нарушителей норм традиционной морали, и о мерах по сохранению и улучшению”. На основании данного закона народный организм избавляется от несомненно антиобщественных элементов.

Однако самым эффективным законодательным актом в этой области следует признать **“Нюрнбергские законы”** от 15 сентября 1935 года. Это - **“Закон о защите немецкой крови и немецкой чести”** (см. иллюстрацию 4). Этот закон на все времена гарантирует немецкому народу защиту от смешения с чужеродной кровью. Кроме того, он четко формулирует, кто может стать гражданином рейха. Этот закон - неодолимая преграда для зашедшего и так уже слишком далеко расового разложения немецкого народа.

Далее назовем **“Закон о защите наследственного здоровья немецкого народа”** (закон о здоровом браке) от 18 октября 1935 года. Он запрещает заключение браков между больными людьми и препятствует, таким образом, переносу неполноценной наследственности на потомство.

Мероприятия других государств

Совершенно естественно, что национальная социалистическая Германия подвергается постоянным нападкам со стороны руководимых евреями, а потому враждебно настроенных по отношению к нам иностранных государств. А ведь наш рейх - отнюдь не единственное место в мире, где проводятся подобные мероприятия. Так, например, во многих штатах США на протяжении вот уже нескольких десятилетий принимаются законодательные акты, направленные на обуздание дальнейшего прироста неполноценной наследственности. Только в 1926 году подобные ограничения были закреплены в законодательствах некоторых штатов США, в 1929 году - в законодательствах Дании и отдельных частей Швейцарии. В Калифорнии за последние 20 лет было стерилизовано около 9000 человек.

Демографическое развитие Германии.

Период непродолжительного повышения уровня рождаемости в десятилетие после войны 1870/71 годов сменился на рубеже веков периодом все более и более стремительного его падения.

Причины спада рождаемости.

Они связаны, прежде всего, с душевным настроем (ценностной ориентацией). Спад рождаемости начался, главным образом, внутри состоятельных кругов, представители которых жертвовали рождением соответствующего количества детей, ради повышения комфортности своего существования и погони за удовольствиями. Впоследствии дурной пример был воспринят широкими массами. Теперь же ситуация будет в корне изменена, так, чтобы более обеспеченные семьи имели и больше детей.

Динамика рождаемости.

После войны 1870/71 годов в Германии ежегодно приходилось 40 рождений на 1000 жителей. На рубеже веков этот показатель составил уже 35 рождений на 1000 жителей. К началу мировой войны стало, примерно, 27 рождений на 1000 жителей. Своей самой нижней точки падение рождаемости достигло во время мировой войны, когда ежегодно приходилось 14 рождений на 1000 жителей. Еще более ужасающая картина спада рождаемости вырисовывается из следующих данных: В 1870 году при 42 млн. жителей было около 2 млн. рождений, в 1933 году при 65 млн. жителей было около 0,9 млн. рождений.

Новый подъем

Громадный перелом в развитии этой ситуации произошел благодаря изменившемуся, **ставшему вновь возвышенным**, душевному настрою, который обрел наш народ после прихода к власти национального социализма. (см. иллюстрацию 5) Соотношение стало таким:

1933... 14,7 рождений на 1000 жителей,

1935... 19,9 рождений на 1000 жителей,

1938... 19,7 рождений на 1000 жителей,

1939... 20,8 рождений на 1000 жителей.

Столь отрадная перемена, однако, еще ни в коем случае не означает устранения опасности, нависшей над будущим нашего народа. Приведенные выше цифры, все-таки, не обеспечивают необходимого прироста.

Для того, чтобы получить точное представление о демографическом развитии, следует, помимо динамики рождаемости, учитывать также и уровень смертности.

Уменьшение смертности вводит в заблуждение

Вопреки постоянному снижению уровня рождаемости, с 1870 года отмечается численный рост населения Германии. Как же так получается? Ответом на этот вопрос служит постоянно убывающее число смертей.

В 1870 году из 1000 жителей умерло примерно 28, в 1900 году из 1000 жителей умерло примерно 23, в 1927 году из 1000 жителей умерло примерно 12, в 1932 году из 1000 жителей умерло примерно 11.

Улучшение условий жизни, соблюдение норм гигиены и, в особенности, достижения современной медицины - все это значительно уменьшило смертность немецкого народа и увеличило, по сравнению с предшествующим периодом, продолжительность жизни.

В конечном итоге, эти обстоятельства и сформировали совершенно неверное представление о сущности прироста населения Германии. Истинной его причиной все последние десятилетия является увеличение средней продолжительности жизни.

Здоровый прирост народа может быть обусловлен отнюдь не увеличением продолжительности жизни, а только лишь постоянным преобладанием рождаемости над смертностью.

Заключение браков.

Количество заключаемых браков, хотя и медленно, но, все же, шло по возрастающей, за исключением периода естественного его снижения во время мировой войны. С победой национального социалистического мировоззрения этот процесс пошел вверх с невиданной прежде стремительностью. Одни только мероприятия в социальной сфере новой Германии заложили надежную основу для создания максимального количества семей.

В 1932 году на 1000 жителей приходилось 7,9 браков,

в 1934 году на 1000 жителей приходилось 11,2 браков.

Не будем, однако, забывать, что не число заключенных браков служит критерием того, происходит ли воспроизводство народа, а также его приумножение. Таковым может считаться лишь плодovitость брака.

В 1894 году на один брак приходилось, в среднем, 4,1 детей,

в 1914 году на один брак приходилось, в среднем, 3,6 детей,
в 1926 году на один брак приходилось, в среднем, 2,2 детей,
в 1930 году на один брак приходилось, в среднем, 1,7 детей.
(см. иллюстрацию 6)

Для обеспечения воспроизводства своего народа в каждом браке должно быть не менее четырех детей.

Слова фюрера: *“Брак не может быть самоцелью, напротив, он призван служить более высокой цели - приумножению и сохранению нации и расы.” “Государство обязано заботиться о том, чтобы плодovitость здоровых женщин не была ничем ограничена ...”* Заблуждением является мнение, что простое воспроизводство народа может быть обеспечено наличием всего лишь двух детей в каждом браке. Достоверная картина реальной ситуации возникает только при учете также и детской смертности. Кроме того, не надо забывать, что многие браки остаются вообще бездетными, а некоторая часть населения (та, чья наследственность неполноценна) исключается из процесса передачи наследственности согласно закону о предотвращении появления наследственно больного потомства и вследствие ряда других мероприятий (брачный совет). Таким образом, чисто арифметический подсчет подтверждает необходимость рождения в каждом, способном к деторождению, браке более, чем трех детей. (по Бургдерферу)

Существуют три основные формы возрастной структуры народа:

1. Здоровый, растущий народ:

Форма возрастной структуры этого народа такова, что каждая более молодая возрастная группа представлена здесь в большей степени, чем предыдущая. Если последовательно изобразить каждую из возрастных групп в виде пропорционально изменяющихся слоев, то здоровый народ всегда будет выглядеть как пирамида с широким основанием и острой вершиной.

2. Застойный народ:

Если уровень рождаемости народа больше уже почти не повышается, то возрастные группы до 45 лет включительно представлены здесь примерно одинаково. Диаграмма возрастной структуры такого народа напоминает очертания колокола.

3. Уменьшающийся народ:

Диаграмма возрастной структуры такого народа похожа на погребальную урну. Рождаемость снижается год от года, численное преобладание пожилых людей становится все сильнее и сильнее. (по Бургдерферу)

Опасность старения народа.

Вплоть до нашего прихода к власти, возрастная структура нашего народа однозначно свидетельствовала о падении рождаемости и о все большем удельном весе старших поколений.

Если народ не омолаживается, наступает его старение. Он превращается в **старый народ**. Трудоспособный слой истончается, число неработоспособных иждивенцев растет. Нагрузка на общество все увеличивается.

В 1930 году на 100 трудоспособных (в возрасте от 15 до 65 лет) приходилось 9 нуждающихся в поддержке, которым было свыше 65 лет.

Не произойди, начиная с 1933 года, благоприятные перемены, то в 1980 году на каждые 25 нуждающихся в поддержке оказалось бы всего лишь 100 трудоспособных, которые должны их содержать.

При дальнейшей реализации тех принципов, на которых строилась демографическая политика до 1933 года, сложилась бы следующая картина:

В 1910 году в Германии было 5 миллионов в возрасте старше 60 лет, а в 1990 году стало бы 11 миллионов в возрасте старше 65 лет, зато тех, кто должен обеспечивать их существование, оказалось бы явно недостаточно.

Столь высокое развитие экономики нашего рейха, какое мы имеем на сегодняшний день, в значительной степени достигнуто благодаря **пока еще** достаточному пополнению работоспособных возрастных групп.

У нас еще есть время спасти наш рейх от биологической и расовой смерти, если только мы будем стремиться к тому, чтобы немецкий народ “всего за несколько лет стал народом с максимальным количеством молодежи” (Астель).

Снижение рождаемости и потеря талантов.

На примере многих великих людей Германии мы видим, что они отнюдь не были первенцами в тех многодетных семьях, где родились:

Шиллер, Бетховен	были 2-м ребенком
Дюрер, Роберт Кох, Людендорф	были 3-м ребенком
Фридрих Великий, Кант, Бисмарк, Белке	были 4-м ребенком
Клейст, Рембрандт, Фрайхер фон Штайн	были 5-м ребенком
Моцарт, Блюхер	были 7-м ребенком
Принц Евгений, И. С. Бах, Ведингген	были 8-м ребенком
Вагнер, Сименс	были 9-м ребенком
Гендель	был 10-м ребенком
Шуберт	был 13-м ребенком

Опасности миграции из сельской местности - бесплодный большой город.

Миграция из сельской местности означает смерть народа

В течение нескольких последних десятилетий массовое переселение в города принимало все более значительные масштабы. Рука об руку с этим процессом шло падение рождаемости. Прогрессирующая индустриализация жадно вычерпывала из деревень бесценный человеческий материал. (см. иллюстрацию 8)

В 1930 году на 1000 сельских жителей приходилось 21 рождение, в том же году на 1000 горожан приходилось всего 13 рождений. Большой город - малое число новорожденных.

Большие города - кладбища нации!

Большой город - как бездонная бочка

В Берлине в 1927 году на 1000 жителей было 9,9 рождений,

в Берлине в 1931 году на 1000 жителей было 8,7 рождений,

в Вене в 1930 году на 1000 жителей было 10,0 рождений.

Если бы, в подобных условиях, Берлин оказался предоставленным самому себе и более не снабжался бы постоянным притоком населения из сельской местности, то к 2050 году (при той демографической политике, которая проводилась до нашего прихода к власти) в Берлине осталось бы около 100 000 жителей (в 1937 году их насчитывалось 4 250 000), а сам он пришел бы в запустение и упадок. Особенно остро стоит проблема миграции из деревень на востоке страны. Ведь только немецкое крестьянство образует там естественную защитную преграду на пути проникновения восточных народов.

Политика большого пространства - раса - плодovitость.

Численность нашего народа не успевает расти достаточно быстро

Множество примеров из истории свидетельствует о том, что народ способен проводить политику большого пространства только тогда, когда он обладает достаточным для этого количеством людей. Чем больше покоренное пространство, тем сильнее потребность в людях для защиты этого пространства (солдаты), для обеспечения продовольствием (крестьяне) и для производства промышленной продукции (рабочие). Все те народы, которые, по каким-либо внутренним причинам, оказывались более не в

состоянии подкреплять усиление своего влияния соответствующим увеличением своей численности, были постепенно уничтожены.

А теперь посмотрим, какова сравнительная плодовитость европейских народов:

в 1936/37 в Германии на 1000 жителей было 19,4 рождений, в Швеции 14,2, в Норвегии 15,1, в Англии 15,5

зато:

в Польше (бывш.) 26,2, в Румынии 31,5, в Украине 34,0.

Опасность, исходящая от восточных соседей.

Соотношение роста численности германцев, романов и восточных народов:

	германцы	романы	вост. народы
1830	59 милл.	63 милл.	65 милл.
1930	149 милл.	121 милл.	226 милл.
1960	160 милл.	133 милл.	303 милл.

Конкуренция, связанная с увеличением численности других народов

Русский народ ежегодно увеличивается примерно на 3 миллиона человек. В азиатском регионе Япония удвоила за последние 70 лет свое население. Ежегодный прирост составляет здесь около одного миллиона человек. Такими же темпами непрерывно растет численность населения Китая и Индии, и это - несмотря на частый голод и эпидемии. Вследствие большей плодовитости других народов, между этими народами и нами возникает жесткая конкуренция.

Если мы сами не позаботимся о соответствующем численном приросте нашего народа и об укреплении его нордической наследственности, то, в таком случае, нордическая кровь будет все настойчивее вытесняться кровью восточной.

Прежний уровень рождаемости нордической расы, или, как мы можем с полным правом сказать, германских народов ведет их к исчезновению с лица земли.

Число рождений решает судьбы народов.

Полная победа

Победа немецкого оружия станет полной только тогда, когда за ней последует победа в повышении уровня рождаемости. *“Два вида оружия предоставлены каждому народу для борьбы за существование: обороноспособность народа и его естественная плодовитость. Никогда не забывайте, что одна лишь обороноспособность не сможет обеспечить народу продолжение его жизни также и в отдаленном будущем, поскольку для этого ему необходим воистину неисчерпаемый источник - его плодовитость.”*

(рейхсфюрер СС)

Победа национального социализма.

Адольф Гитлер снова вернул немецкий народ на путь, ведущий к жизни. Благодаря прорыву национальной социалистической идеи немцы вновь обрели свою национальную волю. Никогда прежде ни одному человеку не удавалось встретить столь единодушного одобрения.

Борьба против вырождения уже началась. Для нас возможно только победоносное окончание этой войны, поскольку она ведется за сохранение немецкого народа на все времена.

Мероприятия в области демографической политики новой Германии.

Поворот

Национальное социалистическое правительство борется против ограничения рождаемости. Целый ряд законодательных актов призван содействовать заключению наибольшего количества браков.

Уже к 1 июня 1933 года был разработан закон о сокращении безработицы и было установлено предоставление брачной ссуды. Оказывается реальная поддержка многодетным семьям. В основу налогового законодательства положены соображения демографической политики. То же самое относится и к предоставлению ссуды многодетным семьям (постановление о субсидии на детей от 15 сентября 1935 года). “Закон об упорядочивании права при заключении брака” от 30 апреля 1938 года имеет большое значение с точки зрения демографической политики. Этот закон регулирует возможность расторжения брака при бездетности. Постановлением о субсидии на детей от 9 декабря 1940 года предоставляется право на получение установленной законом субсидии на третьего и каждого последующего ребенка. Возрастное ограничение продолжительности получения субсидии повышено с 16 до 21 года жизни. Субсидия выплачивается независимо от уровня дохода. Дальнейшим мероприятием по поддержке многодетных семей стало создание программы “Мать и дитя” в рамках НСО. Один из главных способов борьбы за сохранение народа заключается в возвращении части горожан в сельскую местность. Создание небольших крестьянских хуторов не только предоставляет желающим свой клочок земли, но и восстанавливает связь с родной землей в самом широком смысле этого слова. Закон рейха о наследуемой крестьянской усадьбе призван сохранить и приумножить здоровое крестьянское сословие. В нем сказано, что только тот, кто достоин уважения и является носителем немецкой крови может считаться крестьянином с наследуемой усадьбой.

V. Идея крови в СС

Охранный отряд как форма отбора людей преимущественно нордического типа.

Пункт 1-й приказа рейхсфюрера СС от 31 декабря 1931 года гласит:

“СС - это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям.”

Гордость нашей расы

Ядром национализма является идея расы. Наша вера в то, что только кровь и наследственность служат основой прочного и наилучшего успеха, непоколебима. В связи с этим, идея отбора выдвигается нами на передний план. **Образцом для отбора является человек нордическо-германского типа, обладающий здоровой физической и умственно-душевной наследственностью.**

Мы должны быть союзом не только лучших физически, но также и самых верных и обладающих самыми ценными чертами характера. **Родовая общность - забота о семье - вопрос о смене.**

Естественной предпосылкой вечного сохранения расово полноценных служат отношения семьи и рода. Жизнь каждого отдельного человека связывает его с предками и потомками. Через семью и род происходит сплочение людей в народную общность. Человек умирает, повинувшись законам природы. **Но, передав свою наследственность потомкам он продолжает оставаться живой частью своей народной общности.** Мы глубоко прониклись этой мыслью. Наш народ бессмертен. Наш фюрер говорит о семье: *“Разрушение института семьи означает конец любой высокоразвитой человеческой цивилизации ... Семья есть самое малое, но и самое ценное единство в конструкции здания всего государства.”*

Семья - основа жизни рейха. **Без семьи нет возрождения нации.** Семья порождает новые поколения. Каждый народ обновляется **только семьей.** Исходя из нашего германско-немецкого мироощущения, мы придаем особое значение идее рода. Ведомые законами самой жизни мы прокладываем дорогу к возрождению нации через немецкую семью. Семья - частица исполненной великого смысла общности рода, в ней нашел свое общепризнанное воплощение естественный порядок прихода в этот мир новых поколений.

Супружеский выбор.

Обязательства, налагаемые на нас супружеским выбором

Мы знаем: Выбор супруги предоставляет нам в жизни единственную реальную возможность улучшить наследственность нашего потомства. Супружеский выбор предков решает, быть ли потомкам здоровыми или больными, одаренными или ни к чему неспособными. Решающее значение при этом ответственном шаге в жизни мужчины должны иметь отнюдь не социальный статус и богатство, а, исключительно, духовное и физическое здоровье. Также, само собой разумеется, что тот, кому достоверно известно о наличии у него нездоровых наследственных задатков (генов), должен отказаться от их дальнейшей передачи.

Фюрер говорит в “Моей борьбе”: *“Не может быть свободы грешить за счет будущего поколения и, таким образом, за счет расы.”* (стр. 278) *“Все то, что в этой области сегодня во всех смыслах упущено, будет наверстано народным государством. В центр всей жизни им будет поставлена раса. Оно будет заботиться о сохранении ее чистоты. Ребенок будет объявлен им ценнейшим достоянием народа. Оно должно будет взять на себя заботу о том, чтобы только тот, кто здоров, рождает детей; чтобы позором было только одно: несмотря на свои собственные болезни и собственные дефекты все-таки приносить в мир больных детей...”* (стр. 446)

Точно так же безответственно поступают и те обладатели хорошей наследственности, которые добровольно отказываются от продолжения своего рода, и **не** передают свою наследственность дальше, сужая, таким образом, поток жизни или, даже, способствуя его иссяканию.

Немецкий жизненный успех

Успех в одной только профессиональной сфере - это вовсе не единственное, что требуется обществу. Столь же важно успешное выполнение человеком своего биологического долга. **И то, и другое вместе составляют немецкий жизненный успех.** Эсэсовец должен жениться как можно раньше. Матерью его детей должна стать носительница полноценной крови. Лишь в этом случае его семья во всех отношениях обогатит его род и его народ. Имея здравое представление о том, каким должно быть будущее нашего народа, и сознавая, что именно на нас возложена главная ответственность за его формирование, рейхсфюрер СС издал 31 декабря 1931 года указ о помолвке и браке.

Он гласит:

1. СС - это союз немцев нордического типа, отобранных по особым критериям.
2. В соответствии с национальным социалистическим мировоззрением и сознавая, что основой будущего нашего народа является отбор и сохранение расово чистой и наследственно здоровой крови, я ввожу для всех неженатых членов СС, начиная с 1 января 1932 года, процедуру получения официального разрешения на брак.
3. Конечная цель - наследственно здоровый, полноценный род немецкого, нордического типа.
4. Разрешение на брак дается или нет единственно и только по критериям расовой чистоты и наследственного здоровья.
5. Каждый эсэсовец, намеревающийся жениться, должен получить официальное разрешение рейхсфюрера СС на этот брак.
6. Члены СС, проигнорировавшие отказ в официальном разрешении на свой брак, исключаются из рядов СС.
7. Задача надлежащего рассмотрения заявлений о вступлении в брак возложена на Расовое Управление СС.
8. Расовым Управлением СС ведется специальная “Родословная книга СС”, в которую заносятся данные о семьях членов СС, после получения ими официального разрешения на свой брак или после утверждения их заявления о включении сведений о своей семье в эту книгу.

9. Рейхсфюрер СС, руководитель Расового Управления и служащие этого Управления обязуются своей честью не разглашать полученные ими сведения.

10. Для СС является неоспоримой истиной, что с изданием этого указа сделан шаг огромного значения. А потому, мы недостижимы для насмешек, издевок и непонимания. Будущее - за нами!

Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер

Из речи рейхсфюрера СС от 1935 года: *“И мы встали в строй и идем, следуя вечным законам, мы – национальный социалистический, воинский орден нордических людей, мы - скрепленная клятвой общность наших родов. Мы идем дорогой, ведущей в далекое будущее, и желаем, и верим, что нам суждено стать не просто внуками, которым удалось большее, а и предками тех грядущих поколений, в которых - вечная жизнь нашего немецкого германского народа.”*

Таковы направляющие линии супружеского выбора ээсовца. Этим закладывается основа того, что Охранный Отряд (СС) внесет главный вклад непосредственно в формирование ведущих родов новых поколений.

Источник жизни - сущность социальной заботы.

Демографическая политика, построенная на расовой основе, обеспечивает Германии будущее.

Для успешной реализации этого принципа организацией Охранный Отряд найдено адекватное практическое решение. 12 декабря 1935 года рейхсфюрер СС основал общество “Источник жизни”.

“Источник жизни” - воплощение нашей родовой общности. Количество его домов, расположенных в красивейших уголках рейха, постоянно растет. Дома “Источник жизни” предоставляются в распоряжение всех расово и наследственно полноценных немцев, готовящихся стать матерью. Здесь они получают всю необходимую им помощь в полном объеме.

Общество “Источник жизни” также оказывает эффективную помощь при разрешении проблем, связанных с рождением внебрачных, вернее добрачных, детей. Даже, если отец ребенка и не принадлежит к Охранному Отряду, всякая наследственно здоровая немецкая мать найдет здесь необходимую душевную заботу и уход именно в самый тяжелый для нее час.

Тем самым Охранный Отряд способствует правильному пониманию немецким обществом тех задач, от решения которых зависит будущее всего немецкого народа.

Закон о заботе о вдовах и сиротах.

Помощь на деле

Этот закон, изданный 7 ноября 1937 года рейхсфюрером СС, стал следующим шагом на пути воплощения в жизнь нашего понимания родовой общности. И доказываем мы это на деле! Жене и детям нашего умершего товарища по СС пожизненно гарантируется наша защита, наш совет и наша активная помощь.

СС и контуры судьбы нордической расы.

История показывает нам, сколь часто в течение тысячелетий происходили взлет и падение цветущих империй и цивилизаций.

Своими величайшими достижениями человечество обязано творческой силе нордической расы. Но, как только исчезали носители этой традиции, начинался неизбежный распад. За последние столетия процесс утраты нордической крови принял угрожающие масштабы. Является ли гибель нордической наследственности неотвратимой судьбой? Наш ответ - категорическое НЕТ!

Победа - за нами

Мы ознакомились с тем, в чем причина угасания нордической крови и обозначили опасности, которые нам сейчас грозят. Национальное социалистическое государство ясно осознает наличие этих опасностей. Уже разработаны законы, призванные воспрепятствовать дальнейшему распаду. Принят ряд мер, направленных на просвещение, в этом смысле, всего нашего народа. Кроме того, если мы действительно хотим осуществлять руководство на всем германском пространстве, то мы должны соответствующим образом ориентировать все народы, в которых преобладает германская кровь. Вместо **угасания нордической крови** - целеустремленное **ее возрождение**. Биологический здравый смысл требует четкого размежевания рас. Губительные последствия расового смешения нам известны. Крупномасштабная колонизационная деятельность по заселению наших восточных земель нордическими крестьянами позволит нам создать преграду на пути вторжения восточных людей.

Охранный Отряд - на переднем крае борьбы за успешное разрешение всех, в том числе и этих, жизненно важных вопросов. Он выполнит поставленную перед ним задачу в соответствии со своими законами. И тогда здравый смысл и воля к борьбе за спасение и укрепление нордической расы, исходящие от нас, станут общим достоянием всех нордическо-германских людей. Мы знаем дорогу, ведущую к возрождению.

Мы, воины Охранного Отряда, несем ответственность не только перед самими собой, но и, в первую очередь, перед народом и перед грядущими поколениями.

Идея расы - основа нашего мировоззрения. Великой радостью наполняются наши сердца, по мере того, как становится все более очевидным, что наш фюрер уже решил исход и этого сражения. Адольф Гитлер вышел победителем из этой борьбы, потому что он шел не против законов природы, а, наоборот, вернул все на свои законные места. Он преисполнен решимости хранить безусловную верность этим законам.

Мы хотим быть причисленными к самым лучшим солдатам фюрера. Ему и нашему народу принадлежит вся наша преданность и верность.

Наша сила и наш дух должны стать объединяющим и организующим началом для нового расового возрождения всех народов Европы, в которых преобладает германская кровь.

Резюме наших требований

1. Береги свое здоровье и будь умерен, прежде всего, в употреблении вредных для здоровья средств психологической разгрузки (алкоголь, никотин), а также занятий сексом, до тех пор, пока не завершится процесс окончательного формирования твоего организма.
2. Вступай в брак как можно раньше. Только тогда ты познаешь со своей женой семейное счастье во всей его полноте.
3. Не женись на женщине чужой расы. Ты в ответе перед твоим народом и твоими потомками за сохранение чистоты твоей крови.
4. Не женись на наследственно нездоровой женщине. Иначе, ты будешь повинен в страданиях твоих собственных детей и внуков.
5. Постарайся выбрать себе совершенно здоровую жену. Верное представление о состоянии здоровья и о качествах твоей будущей супруги ты получишь, ознакомившись с представителями ее рода.
6. Твоя жена должна быть, по крайней мере, столь же расово полноценной, как и ты сам.
7. Стремись к тому, чтобы ты и твои дети вернулись к земле.
8. Избегай вступления в родственные браки, потому что неблагоприятные наследственные задатки почти всегда остаются скрытыми от тебя, а у твоих детей они разовьются потом с удвоенной силой.

9. Ты должен сохранить свою наследственность для своего народа в возможно большем количестве детей. Ты продолжаешь жить в твоих детях.

Библиография:

- Hitler, Adolf: Mein Kampf. Zentralverlag der NSDAP. Franz Eher Nachf., München.
- Astel, Präsident, Prof. Dr. H. W.: Rassendämmerung und ihre Meisterung durch Geist und Tat als Schicksalsfrage der weißen Völker. Aus: Schriftenreihe der NS.-Monatshefte, Heft 1. Zentralverlag der NSDAP. Franz Eher Nachf., München.
- Darre, R. Walther: Das Zuchtziel des deutschen Volkes. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Graf, Dr. Jacob: Vererbungslehre, Rassenkunde und Erbgesundheitspflege. J. F. Lehmanns Verlag, München. 2. Auflage.
- Günther, Dr. Hans F. K.: Rassenkunde des deutschen Volkes. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Günther, Dr. Hans F. K.: Herkunft und Rassengeschichte der Germanen. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Günther, Dr. Hans F. K.: Führeradel durch Sippenpflege. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Gütt, Rüdin, Ruttko: Zur Verhütung erbkranker Nachwuchses. Gesetz und Erläuterungen. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Hundeiker, Hauptmann Egon: Rasse, Volk, Soldatentum. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Kühn, Staemmler, Burgdörfer: Erbkunde, Rassenpflege, Bevölkerungspolitik. Verlag Quelle & Meyer, Leipzig. 5. Auflage.
- Lenz, Prof. Dr. Fritz: Menschliche Auslese und Rassenhygiene (Eugenik), Band II. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Meier-Beneckenstein, Paul: Das Dritte Reich im Aufbau. Übersichten und Leistungsberichte, Bd. 3. Junker & Dünhaupt Verlag, Berlin.
- Miller, Richard: Die Rassenlehre und die Weltanschauungen unserer Zeit. Verlag Kurt Stenger, Erfurt.
- Reche, Professor Otto: Rasse und Heimat der Indogermanen. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Römpf, Dr. Hermann: Lebenserscheinungen. Franckh'sche Verlagsbuchhandlung, Stuttgart.
- Schultz, Dr. Bruno K.: Erbkunde, Rassenkunde, Rassenpflege. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Siemens, Prof. Dr. H. W.: Vererbungslehre, Rassenhygiene und Bevölkerungspolitik. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Staemmler, Dr. M.: Rassenpflege im völkischen Staat. J. F. Lehmanns Verlag, München.
- Stoffsammlung 7 für die weltanschauliche Erziehung der Waffen-SS: Deutsches Volk. Herausgegeben vom Schulungsamt im SS-Hauptamt.
- Weinert, Prof. Dr. Hans: Die Rassen der Menschheit. Verlag von B. G. Teubner in Leipzig und Berlin.

Печатается по: "SS-MANN UND BLUTSFRAGE"

(Выходные данные аутентичного издания 1940 года)

Ответственный издатель: рейхсфюрер СС, Главное Управление СС / Управление образования, Берлин В 35, Лютцовштр. 48/49. --- Издание: Эльснердрук Берлин. --- Обложка: Р. Хоппе / Управление образования СС. --- Иллюстрированная статистика: Х. Люфт, Р. Хоппе / Управление образования СС, Берлин.

Приложение:

Ален де Бенуа ЧТО ТАКОЕ РАСИЗМ?

Сегодня слово "расизм" имеет так много противоречащих друг другу значений, что вокруг него образуется ореол мифа и поэтому его трудно определить. Ниже мы попытаемся дать определение расистской идеологии независимо от каких-либо социологических соображений. Первая трудность проистекает из того факта, что слово "расизм" стало ругательством, оно служит скорее орудием борьбы, чем определением, им пачкают тех, к кому приклеивают этот ярлык. Назвать кого-нибудь расистом, даже если это грязная клевета, удобная тактика, - она либо парализует противника, либо бросает на него подозрение и лишает его доверия. Такой подход стал обычным в конфликтах, которые мы наблюдаем каждый день. На международном уровне этот термин может приобрести значение, не скрывающее его истинную природу и цели, как в случае с резолюцией № 3379 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1975 года, осуждающей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации. Обвинение в расизме как правило

влечет за собой ряд аналогичных обвинений: в принадлежности к крайне правым, в фашизме, антисемитизме и т.д. Сегодня почти ритуальное повторение этих терминов часто делает их синонимами, и тот, кто обвинен по одной из этих статей, автоматически подпадает под все другие. В конечном итоге сам термин становится все более размытым, а его осмысленный анализ - все более трудным.

Используемые в самых различных смыслах, термины “расизм” и “расист” стали готовыми формулами, стереотипами. Антирасисты действуют теми же методами, что и расисты: приписывают целой группе черты отдельных ее членов, хотя упрекают расистов именно в этом. Пьер-Андре Тагиев подчеркивает: “Борьба против расизма не может быть эффективной, если создан его ложный образ и антирасизм стал зеркальным отражением расистского мира. Один из пороков современного антирасизма заключается в том, что он по-расистски обращается с теми, кого обвиняет в расизме”.

Осуждение общественным мнением расистских теорий и расистского поведения затемняет суть проблемы. Во Франции, где расизм является преступлением и строго карается, наблюдается тенденция к отрицанию его статуса как идеологии или убеждения. Кроме того, закон не делает различия между расистской теорией (“разжигание расовой ненависти”) и расистским поведением. В этих условиях расизм не столько сфера идей, сколько предмет уголовного преследования. Некоторые определяют расизм как болезнь, называют его “проказой”(Альбер Жаккар) или “сумасшествием” (Кристиан Делакампань). Но тогда возникает противоречие: если расисты - душевнобольные, то их нужно лечить, а не судить. В общем, слово “раса” и его производные (расизм, расист и т.д.) несут в себе сильный эмоциональный заряд. При исследовании расизма это нужно принимать во внимание, но стараться не попасть в ту же ловушку и следовать совету Пьера Фужейролла: “Общественные науки должны изучать расизм как совокупность наблюдаемых явлений наряду с прочими и во взаимоотношении с другими явлениями”.

Часть первая

Слово “расизм” впервые появилось в словаре Ларусса в 1932 году. Внимательное изучение вышедших с тех пор словарей показывает, что определения этого термина совпадают: “Система, которая утверждает превосходство одной расовой группы над другими” (Ларусс). “Учение о существовании биологических различий между расами и превосходстве одной из них” (приложение к Большому словарю Литтре). “Теория иерархии рас, основанная на вере в то, что общественные условия зависят от расовых особенностей” (Робер). “Теория расовой иерархии, проповедующая необходимость предохранения т.н. высшей расы от смешения и ее право на господство над другими расами” (малый словарь Робера) и т.д. декларация ЮНЕСКО от 1978 года называет расизмом “любую теорию, утверждающую превосходство или неполноценность тех или иных расовых или этнических групп, что дает одним из них право господствовать над другими, якобы низшими, или даже уничтожать их, или основываящую свои оценки на расовых различиях”. Рут Бенедикт пишет: “Расизм это догма, согласно которой одна этническая группа обладает от природы врожденным превосходством”. А вот недавнее определение Артура Кригеля: “Расизм это научно-идеологическая система, которая разделяет современное человечество на подвиды, являющиеся результатом независимого развития и обладающие неравными средними способностями. Плодом смещения с низшими подвидами могут быть только полукровки, уступающие по способностям вышней расе”. Ни одно из этих определений не затрагивает поведение, все они сосредоточены на теории: “системе”, “учении”, “догме”. Эти теории объединяют две главные черты: вера в неравенство различных рас и в то, что это неравенство оправдывает господство т.н. “высших” рас над “низшими”.

Предлагаются и более мудреные определения, и литература по этому вопросу весьма обширна. Большой частью эти определения являются отзвуками уже приведенных. Они называют пять главных элементов расистской идеологии:

1. Вера в превосходство одной, реже нескольких рас - над другими. Эта вера обычно сочетается с иерархической классификацией расовых групп.

2. Идея, что превосходство одних и неполноценность других имеют биологическую или биоантропологическую природу. Этот вывод вытекает из веры в то, что превосходство и неполноценность неискоренимы и не могут быть изменены, например, под влиянием социальной среды или воспитания.

3. Идея, что коллективное биологическое неравенство отражается в общественном строе и в культуре и что биологическое превосходство выражается в создании “высшей цивилизации”, которая сама по себе указывает на биологическое превосходство. Эта идея устанавливает прямую зависимость между биологией и социальными условиями.

4. Вера в законность господства “высших” рас над “низшими”.

5. Вера в то, что есть “чистые” расы, и смешение неизбежно оказывает на них отрицательное влияние (упадок, вырождение и т. д.)

Вопрос в том, можно ли говорить о расизме только если налицо все эти пункты, или есть элементы более “фундаментальные”, нежели другие. Расизм это, прежде всего, теория расовой иерархии и расового неравенства. Это - главное. С остальными пунктами дело обстоит более сложно.

Во-первых, расистская точка зрения не требует никакого знания биологии или обращения к биологии для объяснения расового неравенства. Либеральные авторы и просвещенные философы XVIII века в большинстве своем были убеждены в неполноценности негров, но они не объясняли ее природными причинами и не поднимали биологических проблем, ограничиваясь ссылками на обычаи, климат и т. д. Дэвид Юм писал: “Я пришел к выводу, что негры и в целом все прочие человеческие расы (ибо есть 4 или 5 разных типов) по природе своей ниже белых”. Он не основывал этот вывод ни на каких биологических соображениях. Локк, как хорошо известно, был защитником рабства как и многие философы эпохи Просвещения, ибо для них идея о разуме, “целиком представленном в каждом человеке” (Декарт), означала, что каждый человек способен признать превосходство европейской цивилизации. Наоборот, в XIX веке многие писатели, которые связывали социологию с биологией, не обязательно делали из этого расистские выводы. Так обстояло дело с рядом социал-дарвинистов, таких как Герберт Спенсер, который был либералом и верил в идею прогресса. Наконец, в XX веке были “расистские” авторы, которые полностью отвергали биологию и осуждали биологический расизм как безумие (Ю. Эвола).

Романтическая, в сущности, идея “чистой расы” тоже принимается не всеми расистскими теоретиками. Альбер Мемми не прав, когда говорит, будто расистская идеология основана на трех постулатах: “что чистые расы действительно существуют, что они выше других и, пока эти расы сохраняют чистоту, их члены обладают политическими, экономическими и культурными преимуществами”. Евгений с расистским уклоном Карл Пирсон всегда боролся против идеи “чистой расы”. Сам А. де Гобино писал свой “Очерк”, чтобы доказать, что чистые расы исчезли. Для Х. С. Чемберлена, как и для Рене Марсиаля имеют значение только “расовые достижения”. Многие расистские писатели не связывали автоматически превосходство с идеей чистоты.

Разделились мнения и по вопросу о смешении. В XIX и начале XX века почти все антропологи считали, что смешение ведет к вырождению по причине антропологических различий между расами. Наоборот, Огюст Конт отвергал расовую иерархию и даже рекомендовал смешение, хотя писал в своем “Позитивистском катехизисе” (1852), что у разных рас мозги разных типов. Сенсимонист Виктор Курте (1813-1867), несомненный предтеча расизма, полагал, что путем смешения можно возродить человечество, за что его позже объявили коммунистом. В XX веке Фрэнк Хенкинс обличал “возвращенные и доктринерские утверждения о равенстве рас” и в то же время был ярким сторонником смешения.

Некоторые авторы различают расизм как идеологию исключительности и расизм как идеологию господства. С другой стороны, когда дело доходит до объективной оценки того, насколько “опасен” тот или иной расизм, мнения разделяются. Исключительность может быть лучше господства, если она ограничивается отказом от контактов с другими, но может быть и гораздо опасней, если она приводит к истреблению других.

Другое различие, которое проводится реже, это различие между расизмом в собственном смысле слова и тем, что за неимением лучшего термина можно назвать “расиализмом”. Речь идет о теории, основанной на той идее, что расовые или, более широко, этнические факторы играют решающую роль в развитии человеческого общества. В этом плане социально-культурные корни рассматриваются в первую очередь или исключительно как корни этнических групп, а великие события истории - как события расового характера. Короче, расиализм провозглашает расу ключом к пониманию главных движущих сил истории. По определению Виктора Курте, “почти во всех случаях сущностью является раса”. В 1850 году шотландский анатом Роберт Нокс писал: “Раса это все: литература, наука, искусство - одним словом, цивилизация, - все зависит от расы”. В Германии социал-дарвинист Людвиг Вольтман, бывший социал-демократ, объяснял Ренессанс присутствием в Северной и Центральной Италии “германской” крови. В Англии Дизраэли также был сторонником расиализма. Ханна Арендт видит в нем “первого англичанина, который твердо отстаивал свои расовые убеждения и идею расового превосходства как определяющего фактора в истории и политике”. Аналогичным образом Гобино объяснял всю историю человечества в расовых терминах. Хотя, вопреки распространенному мнению, его влияние на национал-социализм было равно нулю, подобные взгляды были популярны в Германии в 1930-х - 40-х годах. Для Эдварда Мангольда расовые различия “дают ключ к пониманию всех главных событий мировой истории”. В разной степени эту тему расы как определяющего фактора можно найти у таких авторов, как Ньютон, Монтескье, Огюст Тьерри, Камилл Жюлиан, Вирей, Бюффон и даже у Гизо.

В настоящем расиализме расовый фактор рассматривается как первичный, а не как один из множества других. Более того, подлинный расиализм исходит из причинной, почти механистической взаимосвязи между расой и социально-культурной областью, причем первая определяет вторую. Расиализм отрицает неравенство рас и это принципиально отличает его от расизма. На первый взгляд расизм в его крайней форме представляется результатом слияния расиализма с верой в расовое неравенство. Например, для Вольтера негры даже не принадлежали к человеческой расе. Он считал, что они столь же отличны от нас, “как спаниель от борзой”. Кювье утверждал, что морфологические и краниологические особенности негров доказывают их близость к обезьяне. Гегель не находил в неграх “ничего человеческого”. Более умеренных взглядов придерживались Вирхов, Брока и Катрфаж. Более того, понятно, как это произошло: если раса - главная детерминанта в человеческих делах, возникает соблазн объяснить установившийся в мире баланс сил “расовыми особенностями”. Да, расиализм и расизм не всегда пересекаются. В расиализме нет иерархической системы ценностей. Он ограничивается установлением различий между расами, их классификацией и определением их роли в общественной жизни. Но различие или классификация это не то же самое, что создание иерархии. Перечисление сходств и различий позволяет определить родственные связи между расами. Иерархия же включает в себя парадигму и эта парадигма является отличительной чертой расистской идеологии. Эта парадигма почти всегда этноцентрична. Поэтому расиализм может быть расофильским, а расистская идеология - всегда расофобская. Расиализм добавляет к центральному значению расы простую идею о связи между физическими особенностями отдельных людей и групп и их духовными особенностями, между биологическим и социальным. Расистская идеология добавляет к расиализму дискриминационные оценки. Расы располагаются по иерархии. Но расистская идеология не обязательно включает в себя расиализм. Можно верить, что

всегда были высшие и низшие расы, но не верить, что все социальные явления можно свести к расовым факторам. Вера в расовое неравенство и идея, согласно которой раса - главный фактор человеческой истории, это не два разных варианта одной и той же идеи.

Расовая иерархия, нарисованная расистской идеологией, всегда линейна - одна раса неизменно оказывается наверху вместе со своей цивилизацией. Вся схема отличается своей "упорядоченностью" на основе этноцентризма. В то время как расиализм делает упор на решающем значении расы, расистская идеология - на значении определенной расы. Например, Гобино видел в "арийцах", а Виктор Курте - в "германцах" цвет нации. Как писал Чемберлен:

"Вся наша цивилизация и вся наша нынешняя культура является творением одной единственной расы - германской" (Чемберлен включал в нее кельтов и славян). Для Гитлера "арийцы заложили основы всех человеческих достижений. Все великие цивилизации прошлого пали по той простой причине, что раса, которая первоначально была творческой, позже умерла от заражения крови".

"Очерк о неравенстве человеческих рас" Гобино содержит в себе элементы как расиализма, так и расизма. Название книги говорит само за себя и оно повторяется в заголовке главы XIII. В этой работе была сделана попытка объяснить всю человеческую историю через природные явления. Несмотря на презрение, которое его современник Токвиль питал к арабской культуре, Гобино восхищался исламской цивилизацией. Не был он и антисемитом.

Расистская идеология имеет две разные перспективы, пессимистическую и оптимистическую. Многие расистские идеологии использовали расовые явления для объяснения со ссылками на прошлое того упадка, в котором находится белая раса. Это состояние описывается либо как необратимое (Гобино), либо как угроза, которая уже начала материализоваться. другие авторы смотрят на борьбу между расами с "оптимистической" точки зрения, находясь под влиянием социал-дарвинизма. Таков был взгляд Чемберлена, который писал: "даже если будет доказано, что арийская раса в прошлом никогда не существовала, мы хотим, чтобы она возникла в будущем". "Расы не нисходят с неба, они развиваются во времени и лишь медленно обретают расовую чистоту" (в этом, как и во многих других пунктах Чемберлен расходился с Гобино). Любопытно, что Гитлер разделял этот оптимизм. Его расистский проект был сродни евристической точке зрения в смысле "расовой гигиены". Раса для него это не столько благоприобретенные свойства, которые нужно сохранить, сколько цель, которую нужно достичь. Раса это не "голос прошлого", а "зон будущего". Вера в биологически-социальный континуум позволяет верить в то, что естественный отбор продолжает действовать и в человеческом обществе, так что история развивается "правильно": побеждает самый сильный, самый приспособленный и т. д.

В социал-дарвинизме есть два очень разных течения. Одни верят, что естественный отбор действует в человеческом обществе, как и в природе (англосаксонские писатели и Гитлер). Другие, наоборот, считают, что естественный отбор в социальной сфере сталкивается с "анти-отбором" (Ваше де Лапуж) и для исправления положения требуется вмешательство государства. Связь между первым течением и либеральной идеологией ясна: та же "невидимая рука", которая якобы автоматически восстанавливает "оптимальное" экономическое состояние, устанавливает и "оптимальные" общественные отношения. "Свободная конкуренция" и "естественный отбор" работают по одному и тому же принципу. Второе течение противоречит своему собственному изначальному постулату (почему естественный отбор не может действовать естественно и в человеческом обществе?).

Жозеф Габель утверждает, что социал-дарвинизм породил расизм. Здесь необходимы пояснения. да, с помощью социал-дарвинизма идеи Дарвина усилили в XIX веке расистские идеи. Соблазнительно было представить белую расу самой развитой ветвью человечества. Но расизм, включая его теоретические формулировки, существовал до

Дарвина, и многие расисты враждебно относились к Дарвину и теории эволюции (считая ее аватарой теории прогресса). И наоборот, не все социал-дарвинисты были расистами. Социал-дарвинизм отличается от расизма своей элитарностью. Он не связан соображениями, тогда как по строго расистской логике белый должен чувствовать себя ближе к подметальщику улиц, если тот - его расы, чем к китайцу - лауреату Нобелевской премии.

Кроме очевидной тенденции к биологизации общественных отношений расизм и социал-дарвинизм объединяет идея “войны между расами”. С их точки зрения этот конфликт становится одним из элементов отбора во всемирном масштабе. Здесь сразу же приходит на ум имена Ваше де Лапужа и его немецкого двойника Отто Аммона. Но главным теоретиком борьбы между расами был поляк Людвиг Гумплович. Его идеи, а также идеи немецкого социолога Густава Ратценхофера популяризировал в США Альбион Смолл. Для Гумпловича борьба это изначальное и неизбежное отношение между разными расовыми группами, а государство - политическое орудие, созданное победоносной расой для обеспечения своего господства над побежденной.

В свете всего этого ясно, что нелегко дать определение расистской идеологии. Большинство определений вызывает серьезные вопросы и допускает слишком много исключений. Определение расизма в терминах идеологии должно быть применимо во всех случаях. Однако тщательное изучение расистских сочинений выявляет лишь одну постоянную составляющую: веру в неравенство человеческих рас, логическим следствием чего является неравенство культур и цивилизаций. За исключением этого расистская идеология:

1. Может искать, а может и не искать в биологии объяснение причин неравенства;
2. Может примыкать, а может и не примыкать к расиализму, т. е. к теории, согласно которой раса - главная движущая сила истории;
3. Может оправдывать, а может и не оправдывать господство или, наоборот, исключительность и изоляцию;
4. Может отвергать, а может и не отвергать смешанные браки;
5. Может считать, а может и не считать неравенство неизменным или, наоборот, что можно устранить неравенство, приобщив “других” к культуре, образец которой имеет этноцентрический характер.

Часть вторая

За последние десятилетия были предприняты попытки дать новое определение расизма. Одна из них заключается в придании этому термину более общего значения, охватывающего все виды нетерпимости, идейной агрессивности или априорного отвержения какой-либо группы. Таким образом, “расизм” становится синонимом фобии ко всему “иному”: женщинам, молодежи, полиции, рабочим, холостякам и т.д., связывается с любым “анти”, выходи далеко за пределы традиционного понимания этого термина. Кристиан Делакампань считает, что любой конфликт может принять расистский характер, включая антагонизм между мужчинами и женщинами и рабочими и капиталистами. Расизм в этом плане отождествляется с экстремизмом, с доведением борьбы до радикальных форм и выработкой догматических суждений, основанных на стереотипах и предрассудках.

Такое использование термина “расизм” сомнительно. На первый взгляд кажется, что приклеивание противнику этого ярлыка это тактический метод. Однако результаты его применения противоположны желаемым. Если любое агрессивное поведение “расистское”, расизм становится нормальным явлением, так как вражда, ненависть, агрессивность были присущи всем обществам во все времена. Если все расисты, то никто не расист. Столь расширительное толкование расизма делает неприменимыми законы против расизма.

Некоторые договариваются до того, что саму констатацию факта существования человеческих рас уже считают расизмом независимо от оценки этих рас. Делакампань видит расиста в каждом, кто верит в существование рас, даже если он не дает им оценки и не строит иерархию. Этот тезис сопровождается утверждением, будто “современная наука отрицает существование рас”. Это важная поворотная точка в эволюции антирасизма, который традиционно колебался между двумя противоположными идеями. Первая из них та, что биология не имеет отношения к социальным явлениям, а вторая, что биология отвергает расизм. Новая позиция заключается в том, что расистская идеология использует существование различных рас как исходную точку для доказательства их неравенства. Если будет доказано, что расы не существуют, расизм исчезнет. Ход мыслей в данном случае крайне примитивен: нет слова - нет проблемы.

Помимо сугубо идеологических мотивов этот взгляд основан на том факте, что с конца 50-х годов, с возникновением “популяционной генетики”, в научном сообществе термин “раса” стал все чаще заменяться термином “популяция”. Изучение генных частот и генофондов заняло место традиционного изучения морфологии фенотипов. Такие авторы, как А. Муран и Жак Рюффье сыграли важную роль в этой эволюции, стимулами которой были прогресс в области иммунологии и географической гематологии, открытие новых групп крови, “генных маркеров”, системы HL-A и т. д. Некоторые популяционные генетики полагают, что исследование генетических модуляций и “расстояний” между генофондами не подтверждает концепцию “традиционных” рас, что вариации в пределах одной расы более важны, чем различия между разными расами. Короче, расы имеют больше общих характерных черт, чем различных, и между ними нет четко определенных границ, потому что между традиционными расовыми типами существуют всевозможные промежуточные типы. Это привело некоторых к выводу, будто расы не существуют. Будучи лишенным своей объективной биологической основы понятие расы становится чистой фикцией.

Отказ от идеи расы сочетается с пропагандой смешанных браков. К ним положительно относились в прошлом веке Мишле, который посвятил главу своей “Истории Франции” (1833 г.) “несчастной судьбе тех рас, которые остались чистыми”, и Арман де Катрфаж (1810-1892), согласно которому “будущее принадлежит расам, практикующим смешанные браки”. Эту позицию занимает Жак Рюффье в отношении браков между белыми и неграми. Но здесь мы сталкиваемся с двойным парадоксом. С одной стороны, если расы не существуют, странно предполагать, что они могут смешиваться. С другой стороны, странно приводить биологические аргументы в пользу смешанных браков, утверждая при этом, что в человеческом обществе социально-культурные факторы имеют большее значение, чем биологические. Негативное отношение к смешанным бракам может вызываться культурными или религиозными причинами и не иметь ничего общего с расизмом. Кроме того, хорошо известно, что в обществе, где много межрасовых браков, общественное положение таких пар зависит от их близости к господствующему расовому фенотипу.

Тезис, согласно которому “наука считает идею расы устаревшей” и утверждать противоположное, значит, быть расистом, порождает много проблем. Во-первых, этот тезис трактует “науку” как сферу единодушия, а это далеко не так. Примечательно, что наиболее рьяно отрицают существование рас те ученые, исследования которых наиболее далеки от антропологии. Это многие журналисты, значительное число социологов и психологов, некоторые популяционные генетики и очень немногие антропологи. К их числу можно добавить политически ангажированных ученых, таких как Альбер Жаккар, Эшли Монтегю, Стивен Роуз, Леон Камин, Ричард Левонтин и т.д. Разумеется, никакого единодушия по этому вопросу нет, что подтверждается последними антропологическими публикациями, которые продолжают (и сегодня больше, чем когда-либо) использовать концепцию расы и ни в коей мере не ставят под сомнение реальность существования рас.

В ходе коллоквиума ЮНЕСКО в Афинах (30 марта - 3 апреля 1981 г.) для борьбы с “псевдонаучными теориями, оправдывающими расизм и расовую дискриминацию” были предложены три разных средства: первое - объявить, что понятие расы “не соответствует никакой реальности и не может быть объективно определено” (Альбер Жаккар); второе - что раса это биологическая реальность (Лалита Прасад Видьяртхи) и третье - теория, будто расы не существует, это “ложная идеология” (Эвиатар Нево). Таким образом, нет согласия даже среди ученых с одинаковой ориентацией. Противоречия можно найти даже в работах одного и того же автора. Тот же А. Жаккар пишет: “Было бы абсурдом пытаться доказать во имя антирасизма, будто расы не существуют”.

Идея расы столь же стара, как само человечество. Первую расовую классификацию можно найти в Библии, там, где говорится о потомстве Ноя. Расисты из американских протестантов ссылались на проклятье Хама, оправдывая сегрегацию. Слово “раса” с давних пор использовалось в метафорическом смысле как синоним нации, народа, племени и т. д. В XIX веке с расцветом точных наук, это многозначность была устранена, поскольку она вносила путаницу. Сегодня расами называют популяции, отличающиеся друг от друга по сочетанию ряда генов и частоте ряда наследственных черт, фенотипическое проявление которых позволяет определить расовую принадлежность.

Вот одно из определений, которое предложил П.А. Глоор: “Раса это разновидность вида *Homo sapiens*, представляющая собой группу человеческих существ, которая отличается от других групп комплексом наследственных анатомических и физиологических (а, может быть, и психологических) признаков, наблюдаемых на протяжении многих поколений независимо от всех признаков, приобретенных благодаря воспитанию, традициям или социальным влияниям”.

Более того, ряд аргументов “популяционных генетиков” в пользу аргумента, будто расы не существуют, представляются сомнительными. Один из них основан на непрерывности между расовыми группами, открытой еще Причардом (“Естественная история человека”, 1843 г.). Речь идет о непрерывности генетического материала и морфологических признаков, а также о большом диапазоне межрасовых вариаций. Так Жак Рюффье пишет: между расами нет “биологически пустого пространства”, а есть непрерывная пьть. Но разве кто-нибудь утверждал, что нет общей генетической нити между расами? Наличие промежуточных форм никогда не было аргументом против существования крайностей и существование промежуточных этнических групп дискредитирует идею расы не в большей степени, чем наличие промежуточных ступеней между молодостью и старостью, карликом и гигантом, теплом и холодом, дискредитирует понятия возраста, роста и температуры. Альпы и Апеннины связаны горами меньшей высоты, - замечает антрополог Андор Тома, - тем не менее Альпы существуют и Апеннины тоже”. Генетик Феодосий Добжанский пишет: “Утверждать, будто расы не существуют, потому что они не представляют собой строго разграниченные группы, значит, совершать самую худшую типологическую ошибку. Это столь же логично, как утверждать, что нет городов, потому, что разделяющая их сельская местность не совсем необитаема”. Подобным способом можно доказать, что вид это столь же условное и произвольное определение, как раса...

Делая упор на значении внутрирасовых вариаций и на сравнительном отсутствии “генетического расстояния” между главными расовыми группами, мы тоже далеко не уйдем. Согласно последним исследованиям около 10% расовых различий можно причислить к биологическим вариациям внутри человеческого рода в целом. Но значение этих статистических данных весьма невелико, если учесть, что “генетическое расстояние” между человеком и некоторыми высшими приматами также очень небольшое. Если оперировать только генетическими частотами, окажется, что “близость” между человеком и шимпанзе гораздо больше, чем между шимпанзе и гориллой. И даже больше, чем между некоторыми группами людей! (Примечание. Иммунологическое сравнение 12 протеинов показало, что из 2633 аминокислот лишь 19 “отделяют” человека от шимпанзе. Мари-

Клер Кинг и А. С. Вильсон оценивают генетическое “расстояние” между человеком и шимпанзе цифрой 0,62). Более того, большинство человеческих групп крови обнаружены у обезьян наряду с группами крови, типичными только для них. Организация хромосом человека и шимпанзе столь близка, что почти невозможно объяснить их фенотипические различия, исходя только из структуры хромосом.

Отсутствие согласия между популяционными генетиками и биоантропологами объясняется тем, что эти две науки имеют разные отправные точки. Генетики принимают во внимание только те признаки, генетическая, наследственная природа которых бесспорно доказана (количество меланина, наличие лактозы, резус-фактор, серологические свойства крови, иммунная система HL-A и т. д.). Исходя из этого, генетики устанавливают наличие генофондов, которые очень часто не совпадают с расовыми группами. С другой стороны, антропологи начинают с существующих популяций и их фенотипов, классифицируя характерные морфологические типы и определяя характерные признаки как наследственные, даже если еще не установлен способ генетической передачи этих признаков или если еще невозможно количественно определить генетическое расстояние для этих признаков, как по отдельным лицам, так и по группам (классический пример: цвет глаз). Иными словами, антрополог начинает с обычного восприятия, тогда как популяционные генетики “конструируют” популяции, которые не обязательно соответствуют этим реалиям.

В любом случае, популяционные генетики недооценивают последние достижения биотипологии (Чекановский, Ванке) и палеоантропологии (Ин Коппенс, Анри де Люмлей, Андор Тома, Пулианос, Влчек). Они не принимают во внимание тот факт, что современная биоантропология все больше отходит от концепции Линнея, основанной только на сходстве, из которого выводится идеальный тип или прототип, предпочитая ей подход В. Бунака, который считал расу единым комплексом филогенетических производных признаков, распознаваемым по небольшому количеству объективных критериев. (Таким образом, рас столько же, сколько географических комбинаций морфологических особенностей. Это близко к таксономическому методу, именуемому “кладистическим”: расовые отношения связываются с идентификацией общих производных, а не общих изначальных признаков). Конечно, нельзя отрицать заслуги популяционной генетики, но у нее есть свои пределы. То, что графическим распределением генных частот. Более того: ряд иммунологических свойств не уникален для человеческого рода. Многие из них до сих пор не удается объединить в цельную систему. (Примечание. Р. Рике пишет: “Результаты анализа групп крови имеют подчиненное значение по сравнению с данными классической антропологии при изучении человеческих групп. Каждый узнает малайца или негра, а анализ крови на это не способен. Но без него не обойтись при изучении популяционной динамики и гибридизации. Нужно только пресекать претензии анализа крови на то, что он может заменить собой антропологию”).

Популяционные генетики рискуют тем, что создаваемые ими популяции будут искусственными, не соответствующими реальным. Как подчеркивает Верцинский, “не следует забывать, что популяционная генетика основывается на моделях и что эти модели, применяемые генетиками к изучению рас, крайне упрощены и похожи на черное облако, случайно образовавшееся из частиц пыли и скрывающее за собой реальных людей”. Следует также помнить, что главная цель науки - объяснять, углублять знания, а не превращать их в оптическую иллюзию.

Учитывая сложность проблемы, Андре Ланганей выбирает средний путь: “Столь же неразумно игнорировать морфологические данные ради создания “чисто генетической” истории человека, как и отвергать “так называемую генетическую антропологию”, как это делают классические антропологи”. Последние исследования показали, что результаты, полученные популяционными генетиками, при их правильной интерпретации, ни в коей

степени не противоречат данным традиционной биоантропологии, а иногда даже их подтверждают.

На практическом уровне теория, отрицающая реальность рас в угоду воинствующим антирасистам, отличается своей наивностью. Неужели кто-то в самом деле верит, что расизм исчезнет, если объявить расу фикцией? Пусть “генетическое расстояние” между бретонцем и сенегальцем меньше, чем между бретонцем и пикардийцем, даже зная об этом, бретонец все равно будет чувствовать себя более близким к пикардийцу, чем к африканскому негру. Генетики могут сколько угодно твердить, что генофонды не обязательно соответствуют фенотипам, на улице мы встречаем не генофонды.

В любом случае воинствующим антирасистам надо понять, что расы воспринимаются как существующие и важно только, чтобы из этого не делались иерархические или очернительские выводы. Трудность заключается в том, что расистская реакция начинается с восприятия не одного лишь биоантропологического различия, а также (и, может быть, в первую очередь) с восприятия социально-культурного различия. Примечательно, что антиарабская ксенофобия распространена во Франции гораздо больше, чем антинегритянская, хотя “расовое расстояние” между французами и арабами гораздо меньше, чем между французами и черными африканцами. Нужно также принимать во внимание роль воображаемого в расистских реакциях. Как пишет Гийомен, “раса” это, прежде всего, знаковое понятие. “Воображаемые и реальные расы играют одну и ту же роль в социальных процессах и выполняют одну и ту же функцию”.

Последнее возражение против тезиса, согласно которому “наука отрицает существование рас” даже если это неверно, необходимо проанализировать значение слова “отрицает”. Иными словами: работает расистская идеология на уровне доказательств или на уровне интерпретации? далее: можно ли, не впадая в самый банальный сциентизм, обратиться к “науке”, чтобы установить истинность или ложность тех или иных идеологий? Антирасистам удобно утверждать, будто в прошлом расистские теории опирались только на “псевдо-научные” основы, но это неверно. От Линнея и Блюменбаха до Отмара фон Фершюра и Ваше де Лапужа научная квалификация многих расистских авторов безупречна. Ошибочно верить вместе со многими расистами, что расизм имеет твердые научные основы, или верить вместе с антирасистами, будто все расистские авторы - “лжеученые”.

Ученые не меньше всех других людей подвержены влиянию пропаганды и идеологии. Если история науки чему-то и учит, то лишь тому, что знание никого и никогда не спасало от заблуждений. Более фундаментальная проблема заключается в том, что наука работает только в описательном режиме. Как сказал Ницше, “наука никогда не создает ценностей”. Если наука “говорит”, что нельзя считать расистскую теорию научной, она этим не опровергает расизм и не укрепляет позиции антирасистов. Оно отрицает только одно: что можно подвести научную основу подо что-либо, имеющее отношение к идеологическим предпочтениям, будь то расизм или антирасизм. Селестен Бугль писал в начале XX века: естественные науки молчат о необходимости или ненужности иерархии по той простой причине, что они, по типу своего знания, исключают какие-либо ссылки на ценности. Наука не может ничего сказать ни за, ни против равенства или неравенства.

Наука постоянно пересматривает свои выводы. Ее работа никогда не бывает законченной, она всегда продолжается. С этой точки зрения основывать антирасистские аргументы на науке, значит, неизбежно оставлять их в подвешенном состоянии. Сегодня наука “отрицает” расизм, а завтра она может перестать его отрицать. Тюилье отмечает, что когда мы определяем наше практическое отношение к неграм, арабам, индейцам и т. д., опасно придавать решающее значение т.н. научным данным. Они могут стать оправданием определенных форм сегрегации, расизма и т. д. “Научный расизм” - не более чем зеркальное отражение “научного антирасизма”: и тот, и другой возникли если не из сциентизма, то из неправильного понимания науки.

Отрицание реальности рас это отзвук теории Сартра, согласно которой “другие” (негры, евреи, женщины и т. д.) существуют только в воображении воспринимающего их субъекта. Более разумно считать, что расизм начинается с оценок, т. е. с момента перехода от описания к оценкам. Жан Ростан отличает “расовые истины” от “расистской лжи”: Быть антирасистом не значит отрицать существование расовых различий - это было бы научной наивностью. Антирасизм отрицает то, что в человечестве есть расы, которые выше других, расы, которые могут присвоить себе право смотреть на другие расы сверху вниз”. Того же мнения Мемми: “Расизм начинается только с интерпретации различий”. Это точка зрения всех серьезных ученых.

Теория, согласно которой духовные и психические черты могут наследоваться и особый генотип может быть условием проявления этих черт, не более “расистская”, чем вера в существование рас. Противоположная точка зрения, согласно которой умственная деятельность совершенно не зависит от биологии, исходит из теории приобретенных признаков, ныне всеми отвергнутой, или из картезианского метафизического разделения души и тела. Спор о врожденных и приобретенных признаках давно решен. Биологическая предопределенность ряда психологических особенностей всегда не более чем потенция, которая оставляет место и для общественных влияний; одно не исключает другого. С другой стороны, рассматривать биологические факторы как царство фатализма, а социально-культурные - областью свободы, значит, опять вставить на путь расизма, который начинает с биологизации общественных явлений, а кончает оправданием неравенства. Среда оказывает не большее влияние, чем врожденные особенности. Тело и душа человека - единое целое, он формирует себя сам.

Кригель правильно критикует тех, кто считает, что антирасизм должен отвергнуть теорию “наследственного поведения”, и разделяет точку зрения тех, кто говорит о взаимодействии и совместной эволюции. Сегодня общепризнанно, что наследственность определяет не культуру, а способность к восприятию культуры. Леви-Страус пришел к выводу: “Развитие человечества это не побочный продукт биологической эволюции, но оно и не происходит в полном отрыве от нее”.

Богатство человечества создано его разнообразием. Благодаря разнообразию возможны и взаимные связи. Но разнообразие народов и культур существует лишь по той причине, что в прошлом различные народы и культуры были сравнительно изолированы от остальных. Леви-Страус писал, что нельзя сохранять разнообразие и не осознавать того факта, что “это разнообразие является результатом желания каждой культуры отличаться от всех других народов, быть самой собой”. Из этого следует, что полная “прозрачность” в человеческих отношениях приведет к тем же результатам, что и полная замкнутость. Иными словами, связь может быть только несовершенной. Без этого несовершенства она утратит и смысл, и саму возможность своего существования.

Подобно многим современным движениям (достаточно вспомнить хотя бы неофеминизм), антирасизм колеблется между уважением к различиям и эгалитаризмом. Есть расизм, который абсолютизирует Иное, дабы создать Совершенно Иное, с которым никто не может иметь ничего общего. Есть другой, более извращенный расизм, который абсолютизирует Одинаковое и во имя Одинакового отрицает саму идею различий. Иное, таким образом, можно отрицать, уничтожая его отличие, или вообще отрицая, что существует иное. Подход разный, а результат один: уничтожение различий. Как писал Анри Левефр в 1970 году, мы живем в век, когда силы “однородности” противостоят силам, выступающим за “разделение”, и между ними идет титаническая борьба. Антирасизм борется против обоих этих подходов. Он должен научиться ценить различия, поскольку уважение самобытности каждой группы - предпосылка диалога. Он должен понять, что расизм вызывается не ощущением различий, а чувством распада самобытности, что ведет к ее возрождению в патологических формах и к расовой ксенофобии.

“Настало время, - пишет Ги Мишо, - разработать стратегию межэтнических и межкультурных отношений, основанных не только на уважении и понимании, но и на реальности различий”. Такого же мнения Иренеус

Эйбль-Эйбесфельдт: “Мы часто слышим аргумент, что только единая мировая цивилизация с полным смешением всех рас устранил напряженность и конфликты между группами. Это не кажется мне необходимым или желательным. Если можно научить людей быть терпимыми, готовыми к пониманию иного стиля жизни как внутри цивилизации, так и между различными народами, то этноцентризм исчезнет сам собой без необходимости для групп отказываться от своей культурной уникальности и от гордости за свою цивилизацию. Мир между народами должен быть установлен не на трупах цивилизаций и рас”.

Богдан Заднепровский Расизм в Новейшей истории.

Человек есть то, что он есть, - дикое животное с могучим инстинктом выживания и самосохранения.

Роберт Хайнлайн

Человеческое существование и развитие в историческом и экзистенциальном смысле содержит три основные составляющие: биологическая, социальная, экономическая. И три важнейших производных: из биологической (расовой и этнической) и социальной (социально-исторической) – психологическая и демографическая, из социальной и экономической – политическая. В дальнейшей своей совокупности они порождают самые разнообразные феномены человеческого бытия. Структуры существования и развития неразрывно связаны друг с другом, взаимозависимы. Их факторы перетекают с одной составляющей на другую, создавая и изменяя систему значимостей. Диспропорции и нарушения во взаимоотношении структур развития и существования ведут к различным кризисам.

Расизм нельзя назвать в общем и целом политическим движением и борьбой. Он всегда был чем-то большим, хотя и служил основой для всякого рода идеологического мировоззрения: как его опора или как его отрицание. Расизм связан в большей степени со стереотипами существования индивидуума, групп, этносов в своих моральных, культурных рамках, в своем способе жизни. Он в основании – борьба биологическая, и только затем политическая. Да, та самая дарвиновская догма плюс субъективная, экзистенциальная ее идентификация в общественном сознании. Коренная база для расистских положений и предрассудков вырастает из дорелигиозных архетипов сознания и далее развивается уже в самые разнообразные исторические формы и идеи. Это мировоззрение отменить невозможно, как и многообразие мира, и стремление к своеобразию и самобытности субъектов жизни. Но в расширенном обществе расизм обретает соответственно и более расширенное содержание: «Расистское понимание человека не может остановиться на простом биологическом уровне, иначе было бы правильным обвинение еврея Троцкого: расизм это «зоологический материализм»¹.

Современное состояние расистского мировоззрения переживает и ординарные примитивные свои формы: любовь и ненависть к чужому, и существует в виде довольно глубоких научных исследований в сфере антропологии. Немецкий философ Б. Баух справедливо отмечал по этому поводу: «Акцент на расовую идею вовсе не обязательно ведет к натурализму и материализму. Конечно, и эта идея может быть истолкована натуралистически и материалистически, то есть неверно. Но так можно истолковать любую идею»².

Что касается его политической жизни, то расизм существовал и в виде идеологии расового превосходства – нацизм, и в виде государственной и социальной политики – США (до полной демократизации в этой области социальных отношений еще далеко, они представляют собой своеобразие политической системы, как в ретроспективе, так и на современном этапе), и в виде интернационализма, интеграционных биополитических трансформаций – этногенез и становление государств в Латинской Америке и пр.: креолы, метисы, мулаты и т.д. Одно направление отрицало другое, но никогда не могло избавиться от действительной своей биологической основы.

Безрасовое общество на сегодняшний день – невозможно. Какими бы социальными стереотипами не воспитывали бы расовую терпимость, как бы ни преследовали противодействие этим стереотипам – традиционные расовые и этнические архетипы, акцент на индивидуальности и самосознании от индивида до крупных групп будет сохраняться всегда: на планете нет ни одного одинакового живого существа, но есть похожие и отличные. «Как бы сильно того ни желали «ревностные консерваторы», культурная война и расовый вопрос никуда в ближайшее время не исчезнут. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы эти проблемы сохранились. Афроамериканцы и испаноязычные граждане США составляют сегодня четверть населения страны. Все чаще на президентских выборах они голосуют единым блоком. Наши масс-медиа также заинтересованы в сохранении и усугублении расового конфликта. Рейтинги и рекламные деньги требуют «ударных» новостей и материалов, а ничто – кроме войны, конечно, – не привлекает читателя больше, чем описание расовых конфликтов»³.

Расизм как термин в течение Новейшей истории используется по преимуществу с позиций ответной непримиримой нетерпимости. Данный подход к этой теме намерено ангажирован буржуазно-либеральными кругами в чисто пропагандистских целях. Посредством постоянных исторических аналогий и инсинуаций ведется травля и запугивание отождествление с расизмом таких сфер мировоззрения и исследований, как антропология, этно-плюрализм, расология, расиализм – теория, «согласно которой раса - главная движущая сила истории»⁴, которые занимаются реальными объективными природными и социальными явлениями и их историческими закономерностями. Слово «раса» и «неравенство» - стали «тоталитарным табу» в обществе насильственной культурной уравниловки, социально-экономического неравенства и уничтожения национальных корней, во имя либерального утилитаризма, универсализма и индивидуализма. Явления, стоящие в центре современных проблем человечества либо замалчиваются, либо предаются тотальному остракизму. В этом плане очевидно нарушаются права человека на свободу слова и свободу совести. Система этих «всеобщих» либеральных ценностей абсолютно не работает в сфере проблем, ею же созданных в последние годы. Либералы подавляли и не учитывали множество противоречий и социальных столкновений послевоенного периода. И теперь, вместо анализа, попыток компромисса, буржуазный либерализм страха ради иудейска выдвигает тотальную цензуру, запрет и политическое преследование, людей, ставших жертвами издержек либерализма и поднявших свой голос на защиту собственных прав. «...Если любое агрессивное поведение «расистское», расизм становится нормальным явлением, так как вражда, ненависть, агрессивность были присущи всем обществам во все времена. Если все расисты, то никто не расист. Столь расширительное толкование расизма делает неприменимыми законы против расизма»⁵. Современная модель общества рухнула. То за что «боролись» либералы (в большей степени за них это делали коммунисты), ими же сегодня и преследуется. Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем⁶.

То, что называют «антирасизмом», в принципе не существует. «Есть расизм, который абсолютизирует Иное, дабы создать Совершенно Иное, с которым никто не может иметь ничего общего. Есть другой, более извращенный расизм, который абсолютизирует Одинаковое и во имя Одинакового отрицает саму идею различий. Иное, таким образом,

можно отрицать, уничтожая его отличие, или вообще отрицая, что существует иное. Подход разный, а результат один: уничтожение различий»⁷. Это политика своеобразного либерализма народов. Интернационализм и всякого рода терпимость в социальных отношениях. Такая политика общечеловеческих ценностей развивается в течение последних 60 лет в виде либерализма и демократизации общества. Она считается залогом современного процветания развитых стран, и поэтому эта политика стала доминирующей – государственной политикой многих стран. Многих, но далеко не всех. Что важно, так это то, что анти-расовая политика была не анти-расовой вовсе, а скорее социальной политикой равенства, частью тотальной либерализации общества, борьбой за права всякого рода меньшинств. То есть не было конкретного расового противостояния (кроме США и ЮАР), в либерализации были заинтересованы все слои общества. Именно потому, что реальные проблемы, возникшие в процессе либеральной интеграции общества, не брались в расчет, стали появляться движения противодействия – нео-движения разного толка. Либерализм пренебрегал идентичностью, самосознанием и стереотипами многих групп во имя своего универсализма. На сегодняшний день межэтнические и межрасовые конфликты и противоречия, которые накопились за время либерального развития общества, становятся центральной темой внутренней политики большинства стран Запада и прозападно ориентированных сообществ на весь 21 век.

«Антирасизм» также является преследованием и нарушением прав человека на собственную идентичность, самоопределение и суверенитет. Так называемый «антирасизм» отрицает принцип плюрализма в обществе (курение и алкоголизм – морально-этически можно исповедовать, а любовь к своей идентичности почему-то нельзя).

Большинство нео-движений связывали с пережитками нацизма. К этим процессам не хотели относиться серьезно, не смотрели вглубь. На самом деле их появление связано с мощнейшими мировыми миграционными потоками, с послевоенной деколонизацией мира, перераспределением индустриального производства, рынка труда. Произошло грандиозное смешение культурных пространств на Западе: «сегодня сосуществуют цивилизации и культуры, находящиеся на различных стадиях развития... в этот момент сталкиваются различные цивилизации и постепенно вырисовывается образ нового человека. Этот образ прояснится только позже, но его элементы уже здесь, в бурно кипящем котле»⁸. Но вот что странно – после деколонизации мира, в деколонизированных регионах монокультурализм, моноэтнизм, моноконфессионализм стали доминирующими процессами. В Африке в 60-х гг. XX в. после освобождения многочисленных африканских стран от колониальной зависимости бывшим президентом Сенегала Л.С. Сенгору была создана концепция негритюда (расизма наоборот)⁹. Там происходит выхолащивание культурного пространства, и одновременно, эти регионы стали поставщиком мигрантов и культурного смешения для самых культурно развитых центров мира. За примерами далеко ходить не надо – в Чечне живут только чеченцы; Закавказье вышвырнуло всех русских и все русское из своей культуры; на всей территории постсоветского пространства также идет борьба с русской культурой. Что касается зарубежной деколонизации, то Запад ее уже пережил, а негатив спустил на тормозах, ради либерального процесса: просто всех беженцев там нормально, по-человечески приняли, им помогли, чего не скажешь о современной России. На гигантской периферии мира расизм, в классическом его антигуманном понимании, доминирует, хотя его всячески оправдывают тем, что это неразвитый Третий мир.

За последние 60 лет с окончания Новой истории проблемы, связанные с этническими, расовыми, демографическими, миграционными, культурологическими процессами человечества накопились в совершенно новом качестве и содержании. Они по-новому обусловлены – новая ситуация, новый дисбаланс. К концу 1980-х высокий уровень безработицы, увеличившееся количество иммигрантов и преимущественно «неевропейский» характер иммиграции привели к резким изменениям в европейских

взглядах в политике¹⁰. Эти противоречия не могут детерминироваться имперским колониализмом, антисемитизмом, нацизмом прошлой эпохи. Они созданы эпохой буржуазного неоконсерватизма и неолиберализма, который также принял знамя интернационализма левых после Второй мировой войны. Но люди, оказавшиеся «по ту сторону», сегодня уже не несут какой-либо «вины» за прошлое – это уже новое поколение, и поэтому их «нетерпимость» к настоящему положению вещей в этой теме вполне обоснована и оправдана – их интересы не учитываются либеральным универсализмом, их мнение уже давно не спрашивают, даже, наоборот, оно осуждается, но аргументами давно ушедшей эпохи, грехами почивших поколений. Это очевидная антидемократическая дискриминация крупных этнических образований европейской цивилизации в угоду корпораций и меньшинств. С интересами большинства не считаются, а значит принцип демократии и либерализма очевидно извращен, что не удивительно для буржуазной цивилизации в целом.

Отправной точкой этих событий является «демографический взрыв» в середине 20 века в мире. «50-е годы стали переломными в мировом демографическом развитии, определили хронологическую грань в складывании сложной современной демографической ситуации. В 1950 г. численность населения мира составляла 2,5 млрд. человек, примерно десять лет спустя она достигла 3 млрд., в 1976 г. – 4 млрд., а в настоящее время – более 6 млрд. человек»¹¹. При этом продолжающееся с 60-х годов резкое снижение рождаемости в европейских странах поставило многие из них перед угрозой депопуляции. Удельный вес населения Европы в общей численности населения мира стал постепенно сокращаться¹². «Первую половину XX века народы белой расы составляли треть всех людей на Земле. К 1960 году их доля снизилась до четверти населения планеты. Сегодня на них приходится 10% населения Земли и 4% рождающихся детей. Белых народов стало меньше, чем китайцев»¹³. А в России это явление приобрело стремительные формы через одновременное падение рождаемости и увеличение смертности населения, что и создало ситуацию вырождения нации под названием «русский крест». «В России в ноябре 1992 года (впервые с XV века) смертность превысила рождаемость. За 1993-2005 годы ее население сократилось на 11 млн. человек и составило на 1 января 2006 года 142,7 млн. Главная убыль идет за счет русского народа»¹⁴.

На нынешнем этапе истории создаются условия для нового Великого переселения народов, способного уничтожить европейскую цивилизацию подобно Риму. Настоящий современный расизм (вернее было бы уже назвать его расиализмом или этноплюрализмом) имеет совсем другое содержание, в отличие от старого расизма превосходства. «В настоящем расиализме расовый фактор рассматривается как первичный, а не как один из множества других. Более того, подлинный расиализм исходит из причинной, почти механистической взаимосвязи между расой и социально-культурной областью, причем первая определяет вторую. Расиализм отрицает неравенство рас и это принципиально отличает его от расизма»¹⁵. Было бы правильнее рассматривать нынешние расовые проблемы не с позиций превосходства, а с позиций безопасности – национальной и культурной. «Фактором, увеличивающим возможность этнических конфликтов и, соответственно, повышающим роль этнической идентификации, являются миграции»¹⁶ – это очевидный вывод из сложившейся современной ситуации.

Обобщая все вышеизложенное можно сказать, что либеральная прозападная политика создала уникальные условия для развития новой формы расизма – панрасизма. Это ассимилятивный расизм, вернее его новая ипостась. Обычно ассимиляция, натурализация происходит по принципу меньшее вливается в большее. То есть большее образование (нация, суперэтнос) включает в себя меньшие группы, диаспоры, кланы и т.д. Типичным примером является Америка. Ее общество полностью построено на данном принципе, однако своеобразие было создано за счет иерархии этих групп. Новая ассимиляция происходит по принципу многочисленное маленькое растворяет единое большое. Большие группы распадаются до беззащитных и безликих индивидов. Маленькие группы

не распадаются, наоборот, государство наделяет их правом не распадаться, сохранять своеобразие, а большим группам в этом праве уже отказано. Разного рода меньшинства умудряются обосновывать свою экспансию тем, что они, видите ли, жертвы того или иного большинства в историческом плане, хотя страдали не они, а лишь некоторые из их предков. «Ситуация с гражданскими правами привлекает и адвокатов. Новость о том, что где-то нагрубили чернокожему клиенту или отказались его обслужить, для адвоката равноценна выигранному билету лотереи... Расовый рэкет набирает обороты и из проблемы национальной превращается в мировую. В Дурбане, Южная Африка, в сентябре 2000 года проходила под эгидой ООН международная конференция «Мир против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости». Цель конференции: добиться от США официальных извинений за «трансатлантическую работорговлю» и согласия выплатить десятки миллиардов долларов «репараций» афроамериканцам за совершенные предками нынешних белых граждан США «преступления против человечности»¹⁷. Они требуют себе *привилегированной безопасности* у государств от большинства, которыми оно управляется. Даже требуют компенсации за геноцид и колониальную политику, требуют признать и не оспаривать своей трагедии у общества. Эти требования закрепляются на международном уровне в разного рода декларациях прав меньшинств: *Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 года, Рамочная конвенция о защите прав национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года* и т.д. Уместно спросить, почему нет ни одной декларации прав большинства? Почему все обязаны признавать геноцид евреев как меньшинства в годы Второй мировой войны, но никто не говорит о геноциде русских в то же время. «По нашему убеждению, утверждать, что какой-либо народ, народность, или национальная группа «страдала больше, чем кто-либо на свете на протяжении всей истории человечества», – значит не только намеренно, в угоду низменным националистическим устремлениям извращать факты прошлого, но и сознательно вставать на позиции расизма, лишь вывернутого наизнанку, воспитывать открытую или затаенную неприязнь ко всем и вся сеять рознь»¹⁸. Расистское *превосходство возвышенности* сменилось *моральным жертвенным превосходством* ради привилегий и преимуществ за счет других. Вот чем сейчас занимаются разные диаспоры в Европе. Их представители иезуитски утверждают, что «...в большинстве известных случаев лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества сопровождалась отказом от требований прерогатив для себя»¹⁹. А может быть им эту «лидирующую роль» навязали лоббисты от разных продажных элит? Чем подтверждается со стороны большинства отказ от прерогатив для себя? Каков позитивный результат этого отказа? Расовое европейское большинство выставляют дураками с «лидирующей ролью» либо выслушивать бесконечные упреки и требования со стороны мигрантов, которые у себя на родине не хотят работать и отстаивать свои права. Либо получать и терпеть за отказ от прерогатив для себя этническую мафию, сепаратистский шантаж и хамские нападки на традиции этого большинства со стороны этнических меньшинств, желающих со своим первобытным мировоззрением и гонором, иметь достижения развитой нации.

Для иллюстрации этой формы расовой и этнической дискриминации возьмем для начала Францию. Там каждый гражданин – француз, несмотря на национальность. Французы ради идеи равенства отказываются от своей идентичности и своеобразия в пользу всех остальных – не французов, которые в свою очередь сами не отказываются и даже борются за свою идентичность – религиозную, национальную, культурную – при этом, не признавая и отрицая любую французскую самобытность в своей жизни. То есть самих французов, как коренного народа уже не существует. Они влились в суперэтнос с аналогичным названием, растворились в нем, в то время как остальные только де-юре признают себя частью этого суперэтноса, не хотят растворяться в нем. Налицо этническое и расовое лицемерие и дискриминация титульной нации. Что блестяще подтвердилось антифранцузскими погромами в Париже, Марселе и по всей Франции в 2005 году.

Каждый француз говорит «я француз» и живет как француз, араб, алжирец, негр тоже говорят «я француз», но жить продолжают как араб, алжирец, негр, считая это своим неотъемлемым правом, требуя от правительства большей заботы к себе именно по причине своей национальной, расовой и религиозной исключительности. Им настоящие французы не указ и вообще мешают жить. «Здесь с неумолимостью физической закономерности проявилось действие сформулированного еще в 1930-х гг. «закона Хансена», который гласит: «Иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений»... Потомки иммигрантов не хотят мириться с неравенством своих возможностей в стране, где они с рождения должны обладать равными правами с коренным населением. Они не могут реально оценивать ситуацию на своей исторической родине, но им необходим мифологический образ «идеальной прародины» и славных культурных традиций как способ повышения самоуважения и самоутверждения. Эмигранты третьего поколения не стремятся, как их деды и отцы, стать «настоящими французами», многие из них выпячивают свою особенность, опираясь на этнические и религиозные традиции, отвергнутые первым и вторым поколениями»²⁰. Заметим также, что на исторической родине этих мигрантов французы преследуются и за свою культуру и за свою религию – это вроде как издержки колониального прошлого. Там французом быть и опасно, и позорно.

Если же во Франции или Германии кто-то вдруг возмутится пренебрежением к своей отечественной культуре, к своему экономическому положению, к равнодушию со стороны правительства к коренным интересам страны и ее аборигенов – он расист, нацист, фашист. Если кому-то из «обиженных жизнью» иммигрантов не понравится, хотя бы слово, поступок, рисунок, они сразу кидаются яростно, с ненавистью и первобытной нетерпимостью громить сонных бюргеров Европы, обвиняя их во всех грехах на свете. А те должны терпеть. Все ради либерализма. Мусульманские общины – будь то турецкая в Германии или алжирская во Франции – не интегрировались в принявшие их культуры и практически ничего для этого не делают²¹. Исламистские погромы в Европе происходят все чаще. Быть французом, немцем, датчанином можно только потихонечку, только по праздникам: таков удел наследников могучих нибелунгов, неукротимых галлов, яростных викингов – уж они-то арабам показали! Их потомки выбирают политическую и этническую эвтаназию – последнюю гуманитарную ценность современной Европы, соглашаясь гуманно отказаться от своей собственной идентичности, быть не хозяевами, а никем в своей стране среди сонма гостей, на родине которых их презирают. Этому даже Иисус Христос не учил.

Нельзя относиться аналогично к людям с другим мировоззрением. «Чтобы на земле восторжествовало равенство, надо сначала очень четко договориться: отнюдь не все люди равны перед богом. И винить их в этом нельзя. А уповать на моментальное перевоспитание даже не глупо, а преступно»²². Они станут «такими же, как все людьми», когда сами начнут думать так, а не лицемерить и кланчить себе привилегий, прикрываясь «общечеловеческими ценностями», и при этом культивировать местечковый изоляционизм, навязывать остальному обществу свой менталитет, стереотипы и обычаи – далеко не «общечеловеческие». «Мир близких людей сужается, а чуждые сообщества, о которых известно немного, становятся все опаснее. Поэтому понятие «чужого» обретает невиданную мощь и силу – не в последнюю очередь потому, что все мы сталкиваемся с вызовами и неопределенностями, которые делают нас чужими»²³.

Проблемы современной иммиграции и иммигрантов возникают вовсе не там, куда они приезжают – там они продолжают, а, прежде всего, в тех странах, откуда они уезжают: «новая волна миграции была отчасти результатом деколонизации, образования новых стран и политики государств, которые поощряли отъезд людей или вынуждали их делать это»²⁴. Вот где источник современного экстремизма: антидемократия и бедность, идеологическая предвзятость, нетерпимость и насилие на периферии. Почему «местным» - принимающей стороне приходится отвечать за провалы политиков стран-доноров

миграции, за провал их национального самосознания – они хотели свободу, они её получили, почему мигранты бегут от своего суверенитета? Все издержки и упреки почему-то сыплются на головы принимающей стороны, ни коим образом не соотносясь с её проблемами и культурными устоями. Либеральные правозащитники до сих пор замалчивают и «не обращают внимание» на подлинные причины миграций. Объяснение лежит у них лишь в абстрагированных от людей понятиях экономической науки. А между тем, политические деятели, создавшие у себя невыносимые условия жизни для своих соотечественников ответственности не несут. Этот груз, еще раз повторимся, был переложён полностью на принимающую мигрантов сторону. Зачастую, люди, которые мигрируют в европейскую цивилизацию, едут не только по экономическим соображениям, многие из них преследуются по национальным, религиозным, сексуальным и другим «ксенофобским» признакам у себя на родине. Но отвечать за эту антидемократию приходится европейцам, никто не призывает к ответственности, толерантности государства-доноры мигрантов перед мировым сообществом.

Почему бы «глобальному» человечеству (в лице, например, ООН) не позаботиться о «правах человека» на периферии человечества, а не только находить правозащитные фетиши в столкновении культур? Почему требования в отношении культурности и толерантности должны повышаться к принимающей стороне, а не к приехавшим? «В отношении тех регионов и стран, где царят хаос и насилие, имперские державы должны быть вполне определёнными в своей политике. Если правительства этих стран могут быть низложены мирно, необходимо пользоваться этой возможностью. Если для их отстранения от власти необходимо прибегнуть к военной силе, не следует интересоваться мнением всех и каждого. Нужно восстановить понимание цивилизаторской миссии западного мира и следовать этой миссии. Нужно обратить миграционный поток вспять»²⁵.

Деколонизация, о которой упоминалось выше, была очень жестким, порой жестоким процессом – она в значительной степени искупает предшествующую ей колонизацию. Также ее издержки искупает тот факт, что колонизаторы оставили после себя довольно значительное высококультурное наследие и развитые социальные инфраструктуры (в сравнении с доколониальными), которые во многом обусловили возникновение национального самосознания и идею суверенитета в бывших колониях. В нынешней миграции нет такого прогрессивного культурного посыла. Наоборот, этот процесс очень ретроградный, трибалистский, реакционный и примитивный. Он подрывает идею национального суверенитета современных высокоразвитых культур. И это нагло преподносится как прогрессивный феномен космополитизации и глобализации общества разного рода буржуазно-либеральными идеологами. Причем этому придается абсолютно объективистский, спонтанный, исторически закономерный и правомерный характер. Мол, все само собой происходит, это эволюция. «Право общностей на защиту своего культурного наследия не означает права на защиту своих привилегий... Нам всем нужна борьба за обеспечение мигрантам подлинно равного доступа к экономическим, социальным и (обязательно!) политическим правам в той зоне, куда они мигрировали. Я знаю, что здесь будет грандиозное политическое сопротивление на основе защиты культурной чистоты и накопленного права собственности. В заявлениях государственных деятелей Севера доказывается, что Север не может взять на себя экономическое бремя всего мира. А почему собственно нет? Богатство Севера в очень большой части – результат перекачивания прибавочного продукта с Юга. Именно этот факт в течение нескольких веков вёл нас к кризису системы. Это вопрос не благотворительности, а рациональной перестройки»²⁶. А почему бы собственно европейцам подобно борцам за свободу Африки и т.д. не сопротивляться обратному перекачиванию прибавочного продукта и «рациональной перестройке»? Йорг Хайдер хуже Нельсона Манделлы потому что он белый?

То же самое смещение котлеты с мухами происходит и в России. Для русских этот процесс гораздо тяжелее. Французы, например, всегда были суперэтносом. Франция

включает 13 исторических этнических областей: Бургундию, Нормандию, Гасконь и т.д. Поэтому для французов их название было всегда условным. Для русских же понятие «русский» всегда ассоциировалось с единством одного народа и страны. Единство решало любые противоречия, даже этнические. Даже те, кто не считал русскими и другие народы, все равно не утверждали различия. Идентичность была связана именно с единством. Этническая картина Российской Федерации является достаточно пестрой в расовом аспекте, так как здесь проживают свыше 130 наций, народностей и этнических групп (самый большой этнос – русские – насчитывает 120 млн. человек, самая маленькая этническая группа – керки – около 100 человек). В составе населения России этнологи насчитывают 10 малых рас. Это объясняется тем, что в нашей стране проходит граница между основными ареалами распространения двух больших рас – европеоидной и монголоидной. Процессы расового смешения имеют здесь многовековую историю, поэтому населению России никогда не был свойственен расизм как неприятие представителей какой-либо расы²⁷. Русские вроде бы со всеми жили в мире, но вот пришел мировой либерализм. И все сразу прозрели свою историческую исключительность, уникальность, самосознание и идентичность.

В то же время либеральная отмена национальности как признака идентичности, наделение гражданством всех подряд, отрицание и замалчивание любых проблем, связанных с миграционными процессами, с рынком труда привели коренное население к обезличиванию и несправедливости. Они в отличие от меньшинств не имеют права бороться за свое самосознание, за свою идентичность. Почему? Вывод прост – раз их много, они могут стать фашистами. Поэтому их несправедливость закономерна. То есть надо тоже стать меньшинством, тогда можно самоопределяться.

Россияне – это все, кто живет в России. Раньше слово «россияне» было синонимом слову «русский». Даже при Советском Союзе в его интернационалистской патетике, национальное самосознание и идентичность самого крупного коренного народа никогда не низводились до такого убогого состояния, как в современной Российской Федерации. Русский человек – был «старшим братом в большой семье народов». Национальное своеобразие, пусть и довольно оригинально, прославлялось. Советский послевоенный интернационализм идеологически выступал главным образом против конфликтов на национальной почве, которых в постсоветской России и на остальном постсоветском пространстве хоть отбавляй. Миллионы беженцев из СНГ, работорговля, исламистская экспансия, война в Чечне, конфликты в Осетии и других кавказских республиках, политика национальной и культурной исключительности исповедуемая многими субъектами федерации (Татарстан, Башкортостан) свидетельствуют о процветании расизма (этнизма) в Российской Федерации. И погромы были, только их замалчивают.

Почему это расизм, а не национализм? – Потому что очень отчетливо прослеживается именно биологизм этих процессов. «Расизм — это движущая сила национализма... Расовая теория оживляет чувства, которые восходят к донациональным формам общества»²⁸. Все антропологические (включая и расовые) и этно-культурные признаки самого архаичного содержания используются именно для утверждения своей исключительной идентичности, вместо высоких культурных достижений развития нации.

Русским беженцам даже в названии на своей родине отказывают – они русскоязычные. «Здесь слово русский – неполиткорректно»²⁹. Россия окружена чисто националистическими, агрессивными государствами, приезжие из которых требуют от российского правительства уважения их интересов и традиций, обвиняют русских в расизме, нацизме и пр. по малейшему поводу. Многие из мигрантов не бежали от своих соплеменников по политическим причинам. Они приехали сюда жить, зарабатывать. Они ежегодно вывозят миллиарды долларов в свои исторические родины. Но бесхребетная либеральная политика дает им возможность добиться большего – создать Россию без русских. То есть эти люди имеют права получать власть во всех государственных органах. Для них борьба с «великорусским шовинизмом» это уже не защитная реакция, а

агрессивная стратегическая задача. Они все россияне, но ни один из них не русский. Все они против русских. А русские должны смириться с навязываемым им либеральным правительством существованием и влиться всем своим стомиллионным организмом в «дружную» карликовую семью всех остальных россиян. Ничтоже сумняшеся всяческие либеральные доброхоты и правозащитники вдалбливают русским, что иммигранты и этнические меньшинства приносят пользу стране, от них зависит экономический рост государства, а коренное население испокон веков «пьяное и ленивое». То есть 30 млн. иммигрантов и этнических меньшинств кормят 110 млн. русских. Абсурд!

Таков новый ассимилятивный расизм – большое растворяют малым. Идет процесс постепенной эрозии всей европейской цивилизации. Ее шаг за шагом переваривают ферменты чужих цивилизаций в виде всяческих диаспор, кланов, религиозных конфессий. «Многие меньшинства не желают интегрироваться, образуют кланы, и каждый клан выбирает свой район, который становится его центром, часто недоступным: вот мы и имеем средневековый квартал – «контраду».... Клановый дух возрождается также и в среде имущих классов. Которые под впечатлением мифов о природе удаляются от города, в район садов со своими независимыми супермаркетами, давая жизнь другим типам микросоциумов»³⁰. Кстати, слово «раса» с английского переводится как «порода», поэтому расизм можно рассматривать и не только как межэтническое противостояние, но и как классовую борьбу: любой элитаризм и аристократизм, чтящие избранность и родовитость – это своеобразный «социальный расизм».

Мигранты не несут прогресса и развития европейцам. Они лишь потребляют все европейское, хотят собственного развития: политического, потребительского, но не интеллектуального, созидательного. И уже открыто выражают свою неприязнь к дальнейшему развитию европейцев. Но самое главное – они открыто проявляют свою расовую и этническую неприязнь к европейским народам у них же дома и очень агрессивно. Кто этого не замечает в последнее время? Только либеральная и экономическая элита. Их заботит только экономика и собственность, до биологии им дела нет.

Европейская цивилизация теряет свою самобытность и содержание, остаются только названия «француз», «россиянин», «германец», которые по окончании этого процесса будут изуродованы чужими языками до неузнаваемости и, в конце концов, выродятся в фольклорный фантом с уничижительным или юмористическим оттенком: «город наполняется иммигрантами, но лишается своих старых жителей, которые используют его только для работы, а затем бегут в пригороды (все более укрепленные после кровавых событий в Бель-Эр). В Манхэттене скоро будут жить только негры, в Турине – только южане, в то время как на окружающих холмах и равнинах вырастают родовые замки, со всем этикетом добрососедских отношений, взаимным недоверием и торжественными поводами для церемониальных встреч»³¹.

Известный «антирасист» Айзек Азимов в стиле классического расизма рассуждает о необъективности и беспочвенности европейского расового превосходства: «За последние 6 тысяч лет большую часть времени Азия и Африка были, фактически впереди Европы. Передовые цивилизации развивались в Египте, на Ближнем Востоке, в Индии и в Китае, в то время как европейские народы практиковали человеческие жертвы и красили себя синей краской. В будущем вполне может случиться, что другие группы, а не европейцы снова возьмут на себя инициативу»³². И что же даст им такую возможность как не превосходство? Почему европейцы должны уступать и во имя кого? Но «места» во всемирной истории не даются даром – нужно уметь их взять, нужно на деле доказать свое преимущество перед старыми обладателями и новыми претендентами»³³. Таким образом, расовый вопрос возвращается на круги своя, где лишь «одна только наследственность достаточно сильна для того, чтобы вступать в борьбу с наследственностью»³⁴.

Все вышеизложенное лишь подтверждает изначальный тезис: Расизм не просто политическое движение. Расизм – это биологический и соответственно культурно-

исторический процесс, который в разном виде опосредуется или приспособляется самыми разными идеологиями для определенных социально-экономических и политических целей. Расизм отражает один из наиболее древних и важнейших процессов биосферы – отбор.

- ¹ Эвола Ю. Раса как революционная идея. – <http://marsjada.ru/359/407/435/438/>
- ² Zeitschrift für deutsche Kulturphilosophie, Bd. 2 (1935) s.206.// Мальчевский Н. Каждому – своё. О немецкой философии в период национал-социализма. – <http://russamos.narod.ru/03-last-3.htm>
- ³ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>
- ⁴ Бенуа А. Что такое расизм? – <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/benois-racism.html>
- ⁵ ibid.
- ⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С.93.
- ⁷ Бенуа А. Что такое расизм? – <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/benois-racism.html>
- ⁸ Эко У. Средние века уже начались//Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 260.
- ⁹ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.103.
- ¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.309.
- ¹¹ Шелестов Д.К. Историческая демография. – М.: Высш. Шк., 1987. – С.145.
- ¹² ibid. С.144.
- ¹³ Голубчиков Ю. Русский народ убывает//«Природа и человек» («Свет»). – 2007. - №3. – С.4.
- ¹⁴ ibid.
- ¹⁵ Бенуа А. Что такое расизм? – <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/benois-racism.html>
- ¹⁶ Волкогорова О. Этническая идентификация и искушение национализмом/О. Волкогорова, И. Татаренко. – <http://www.philosophy.ru/library/volk/ident.html>
- ¹⁷ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>
- ¹⁸ Иванов Ю. Осторожно: сионизм!/Ю. Иванов. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С.27.
- ¹⁹ Паин Э.А. Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества//Общественные науки и современность. – 2006. - №6. – С.27.
- ²⁰ ibid.С.24.
- ²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.311.
- ²² Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. – М.: Издательство «Известия», 1980. – С.238.
- ²³ Ulrich Beck. The Cosmopolitan Vision. Cambridge (UK); Malden (Ma.): Polity Press: 2006, IX + 201pp. – p. 110.//Иноземцев В.Л. Ульрих Бек. Космополитический взгляд//Вопросы философии – 2006. - №11. – С.182.
- ²⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.308.
- ²⁵ Иноземцев В.Л. Бремя белого человека//Независимая газета. – 2003. – 25 ноября.
- ²⁶ Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003. – С.250.
- ²⁷ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.101.
- ²⁸ Эвола Ю. Раса как революционная идея. – <http://marsjada.ru/359/407/435/438/>
- ²⁹ Фраза из песни К. Кинчева (Альбом «Изгой», 2006 год).
- ³⁰ Эко У. Средние века уже начались//Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 262.
- ³¹ ibid.С.262-263.
- ³² Азимов А. Расы и народы/А. Азимов, У. Бойд. – М.: «Центрополиграф», 2005. – С.194.
- ³³ Устрялов Н.С. К вопросу о русском империализме//Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России», No15, 15 (28) октября 1916 года, сс.1-5. – http://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/k_voprosu_o_russkom_imperializme_1916-read.html
- ³⁴ Лебон Г. Психология народов и масс//Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С.48.

3.2. Государство и народ.

АЛЬФРЕД БОЙМЛЕР. СУЩНОСТЬ ВЛАСТИ.

1.

Вроде бы очень умные и деловые люди, которые навязали в 1919 году в Версале «мир» измученным и ошеломленным народам, обладали информацией со всего мира. На их письменных столах лежали документы с самыми «точными» цифрами, все, к чему они могли бы проявить интерес. Кто думал более реалистично, чем эти финансисты, эксперты по экономике и дипломаты? Сколько сложных расчетов, сколько хитроумных финтов, какое обилие «решающих» обсуждений и конференций! Кто мог предполагать, что на

самом деле происходило в эти недели 1919 года? Кто мог вообразить, что эта напыщенная игра с ценностями, эта рационализированная до предела биржевая сделка была на самом деле танцем мертвецов? Трезвые, расчетливые люди, которые верили, будто мир у них в руках, с иронией отнеслись бы к тому, кто назвал бы их призраками. Но что такое призрак, как не существо, которое движется не по своим внутренним законам, а приводится в движение таинственной ирреальной силой? Разве не кажутся они одержимыми некой демонической силой, которая заставляет их делать противоположное тому, чего они, «собственно», хотят, эти версальские миротворцы? Был ли среди них хоть один представитель настоящей власти, который мог бы выглядеть исполнителем своей воли и судьбы? Вся власть на Земле была в их руках, и все же они не могли ничего. Они непрерывно распоряжались и приказывали, но вместо порядка получался хаос. Это были лжепоклонники власти, которые в конце концов вынуждены были признать, что их идол их одурачил. Они казались такими сильными, но уже через мгновение потеряли почву под ногами, они парили в пустоте, превратились в призраки.

Никогда кажущаяся сила не превращалась столь бурными темпами в полное бессилие, никогда не было более жалких властелинов Земли, чем версальские победители; никогда насилие не доводило себя само столь радикальным образом до абсурда. Наряду с бесчисленными практическими последствиями этой пресловутой мирной конференции не следует забывать о символическом значении этого события.

Если мы сегодня не хотим больше ничего знать о той «духовности», которая некогда восторжествовала на Западе, то одна из важнейших причин этого – полный крах западной идеологии перед лицом такого явления и понятия как *власть*. Мы можем без преувеличения сказать: если бы ложь не стала в некотором смысле основным элементом западного духа, дело никогда не могло бы дойти до столь чудовищной, потому что она была организована и продумана до мелочей, лжи, как Версальский «мирный договор». Такое было невозможно без предварительной подготовки. Только люди, которых с детства учили маскировать реальность и говорить на языке ирреального, могли придать самому грубому орудию насилия, которое когда-либо существовало, Версальскому мирному договору, такую словесную форму, которая, в принципе, игнорировала фактическое положение дел и идею власти. Каждая конфискация, каждое отрезание областей, каждое создание новых властных структур обосновывались фразами о человечности и справедливости, в которые никто не верил. Те же люди, которые умели использовать насилие в любой форме с подлинной виртуозностью, всегда высказывались публично и «ответственно» в том смысле, будто власть сама по себе есть зло. Нет ничего более разлагающего, чем постоянное расхождение между словом и делом. Версаль не был случайностью; только **система** могла совершить это преступление. Система. Основанная на лжи, оказалась в конце Первой мировой войны на вершине своей власти...

Положение, будто власть сама по себе есть зло, - формулировка, принадлежащая одному искреннему немецкому моралисту и заимствованная Якобом Буркхардтом, - было изобретено для защиты гуманности. Однако воздействие этой идеи было таково, что она оказалась одним из самых негуманных заблуждений зашедшей в тупик западной цивилизации. С ее помощью скрываются различия сущности, которые необходимы для поддержания порядка в обществе. Если **всякая** власть есть зло, то нет различий между настоящей и мнимой властью, а на этих различиях зиждется любой истинный политический порядок. Истинным порядок можно назвать лишь в том случае, если он придает форму и стабильность состоянию, основанному на реальных взаимосвязях, а эти взаимосвязи нелегко выявить. Они кроются в глубине жизни и не совпадают с существующими границами и балансами. Легче представить их себе как сумму существующих реалий. На конференциях обычно дается слово этим реалиям, а более глубокие взаимосвязи обречены на молчание. Действительность выступает на первый план во время войн, которые уничтожают видимость и открывают правду. Войны определяют истинные соотношения между народами.

Власть – это не добро и не зло, потому что нет власти вообще. Власть – порождение жизни. Ее можно назвать злом, если она основывается на ложных, противоречащих жизни предпосылках. Но правильной называть ее не злой, а лживой и ложной. Утверждать, будто **любая** власть – зло, значит, клеветать на жизнь. Хороша та власть, которая соответствует действительному состоянию жизни. Политика – это искусство согласовывать существующие властные структуры с тем, что живет в глубине... Жизнь меняется и власть меняется вместе с ней. Стабильными в процессе этих перемен остаются естественно-исторические сообщества, народы, а власть, о которой мы здесь говорим, это не субъективное стремление к власти, а тот объективный основной элемент в бытии народов, без которого стабильность и мир всегда останутся пустой мечтой.

2.

Идея мира принадлежит к числу основных понятий западной цивилизации. Было бы не понятно, как тысячелетнее господство столь полезной для человека идеи, содержащей в себе к тому же нечто пленительное, могло привести к эпохе мировых войн, если бы структура этого понятия в западной форме не заключала в себе один дефект. Если мы, кого это заблуждение привело на грань гибели, подвергнем проверке западную идею мира с помощью нашего непредвзятого разума, которого опасности сделали более смелым, то мы получим следующее:

Нет сомнения в том, что западная идея мира имеет в виду **абсолютный** мир. Идеал это состояние без споров, мир во всем мире без войн, равенство всех людей без конфликтов. Мир в этом смысле – ценность, дискуссии о которой не допускаются. Каждый, кто имеет иное мнение о мире, заведомо является нарушителем мира. Но что станет с цивилизацией, если ее центральное понятие, которому придается такое значение, – ложно? Ответ на это дала нам эпоха мировых войн. Была ли вторая такая война необходима, чтобы сделать невозможным любое толкование первой как простого исключения? Нет, Первая мировая война не была несчастной случайностью, в ней раскрылось глубинное противоречие, которое мы так долго принимали на веру как дух Запада.

В этом ужасном кризисе потерпели крах не только отдельные люди – система мышления дошла до своих крайних пределов. Идея абсолютного (вечного) мира оказалась не только неспособной обустроить этот мир, но и развращающей для тех, кто в нее верил или прикидывался, будто верит. Действительностью нельзя управлять с помощью неправильных идей.

Идеи, которые призваны стать политическими, должны находиться в объективном отношении к действительности. Даже самая прекрасная мечта будет действовать разрушительно, если она не соответствует условиям ее воплощения в жизнь. Идея мира имеет политическую ценность лишь в том случае, если она соотносится с сущностью и своеобразием субъектов, между которыми должен быть установлен этот мир, то есть людей. Роковым для Запада было то, что он тысячу лет гнался за нечеловеческой идеей мира.

Нечеловеческим является не только то, что ниже сферы человеческих ценностей и порядков, но и то, чего человек не может осуществить, сверхчеловеческое. Конечно, никогда нельзя удовлетворяться лишь тем позитивным, что дает случайное стечение обстоятельств. Позитивизм, довольствование тем, что есть, соответствует наклонности к инертности, которой человек всегда поддается. Есть идеи, которые вырывают человека из привычного круга и направляют его волю к далеким целям. Мы никогда не должны забывать об этом высоком практическом смысле идеи. Было бы роковой ошибкой считать, что достаточно иметь возвышенные идеи, а все остальное можно предоставить на волю божью. Тот, кто претворяет идею в жизнь, берет на себя ответственность за то, что произойдет при господстве этой идеи. Нельзя думать, будто, взывая к красоте идеи, можно снять с себя эту ответственность и возложить вину за то, что ее господство принесет людям одни несчастья, на ошибки отдельных лиц. Идеи всегда надо проверять

на их соответствие человеку и данным ему силам. Даже еще почитаемая сегодня многими традиция не должна стать для нас препятствием для такой критики.

Мечта об абсолютном мире – «нечеловеческая» мечта, потому что она возносится не только над фактическими состояниями, но и над человеческой реальностью вообще. Сверхчеловеческое, которое не находится ни в каком ответственном отношении с человеком, действует самым роковым образом, как и недочеловеческое, если ставится вместо человеческого.

У мира две стороны: с одной стороны – это гармония, с другой – власть. Гармония, которая не является одновременно властью, – не политическое состояние. При восхвалении идеи мира всегда упускалась из вида властная сторона любого мирного состояния. Красоту и преимущества мирного порядка превозносили, не затрагивая вопрос о средствах, с помощью которых оно может быть достигнуто. **А средством может быть только абсолютная власть.** Всеобщего мира можно было бы достичь только исключив все особенности. Но любая власть связана с типом людей, которые ее осуществляют. Понятие абсолютной власти предполагает исчезновение всех природных и исторических различий между людьми, то есть исключение национальных индивидуальностей. Мы против мечты о вечном мире не потому что мы против мира, а потому что это одновременно мечта об абсолютной власти. Абсолютный мир представляется величественной, сверхчеловеческой идеей, абсолютная власть – нечеловеческой. Власть, которая потеряла всякую индивидуальность, – больше не человеческая, историческая власть. Власть – категория общества, в котором только и может жить и развиваться человек.

Идея вечного мира абстрактна и универсальна, власть всегда конкретна. Власть не может существовать без субъекта, носителя власти. Но эти субъекты не могут быть субъектами вообще, как и человек не может быть субъектом вообще. Поэтому идея всеобщего мира с человеческой и исторической точки зрения – бессмыслица, потому что она предполагает существование субъекта вообще, которого не может быть. Практически она дает идеологическое оправдание попытке путем установления абсолютной власти лишить народы права на самостоятельное политическое существование. Такую попытку предприняла Англия, когда она стала в XIX веке всемирным полицейским. С крахом этого гигантского предприятия закончится история «Запада».

Попытка осуществить идею «вечного» мира с помощью абсолютной власти порождает политическое лицемерие. Любая настоящая власть обладает определенной глубиной бытия, которая теряется, если носитель власти нечеловеческим и фантастическим образом универсализируется. Любое бытие хочется себя утвердить. Это закон жизни, что стремящаяся к самоутверждению глубина бытия не может отказаться от себя самой в пользу универсальности. Отрицание воли к самоутверждению может привести в религиозной области к интересным и исторически эффективным результатам, в политической же области это будет тем, что теологи называют «грехопадением».

Сущность власти издавна видели в самоутверждении. В последние столетия, под влиянием ложных представлений о человеке, люди перестали видеть, что власть, как институт, неотделима от человека, и злоупотребление властью никогда не должно приводить к отрицанию власти вообще. Любое злоупотребление властью порождает требование заменить плохую власть правильной и заставляет подумать, каковы условия того, чтобы власть была правильной, а мысли эти будут разумными и иметь перспективу на успех только при непредвзятом понимании человеком самого себя. Власть сама по себе не плохая и не хорошая, она человеческая и должна следовать законам жизни.

Никогда не совершалось большего преступления против жизни, чем при заключении так называемого мирного договора в Версале. Тогда право народов на самоопределение было провозглашено как принцип, но одновременно это право грубейшим образом попиралось во имя идеи абсолютного мира, то есть абсолютной власти. Идея вечного мира несовместима с такой реальностью, как народы. В политической практике это

противоречие превращается в ложь. Версаль был кульминацией западной истории. Ложь тоже по-своему последовательна. Ее вершиной было создание Лиги наций...

Рискованно делать неверные выводы после временной победы; плохой мир это политическая глупость. Но это преступление против человечности, если грубое насилие выдается за воплощение вечного мира и многолетняя кровавая борьба увенчивается созданием Лиги наций. Версальская мирная конференция не только не учла вечную волю к жизни многих наций, но и оскорбила честь и разум народов, а разум говорит нам, что в жизни есть справедливость, и только лживой манипуляцией является утверждение, будто целью войны был вечный порядок под диктатом Английского банка и под полицейским надзором Англии. «Вечный мир» Лиги наций показал не только бездарность политиков, но и сдвиг по фазе в западном мышлении, которое позволило сделать самую недостойную из всех систем насилия, плутократическую, фасадом справедливости. Зал заседаний Лиги наций в Женеве навсегда останется символом злоупотребления властью. Если державы, которые создали Лигу наций, сегодня снова используют лозунг демократии, то это признак умственной инертности...

Против воли ее создателей версальская ложь позволила диалектике истории очистить атмосферу. Народы поднялись и дали свой ответ на махинации политиков. Попрание их жизненных прав довело волю наций к жизни до фанатизма. Сразу же после заключения «мира» и вследствие этого события достигло полного развития движение, глубину которого еще в XIX веке видели все умные люди, - **национализм**. С 1914 года начинается классическая эпоха европейского национализма, XIX век был его архаическим предварительным этапом. Нарушение прав народов в Версале довело до кульминации развитие, начало которого совпадает с началом истории Запада.

3.

Западная история началась не с осознания народами самих себя, а с представления об общей культурной миссии. «Запад» - это не собирательное обозначение возникающих наций, а название выходящей за рамки всех наций религиозной задачи. Из выполнения этой задачи вырастает то культурное единство, в рамках которого из нескольких расовых ядер образуются народы, которые определяют историю Европы. Отсюда странный, двойной характер этой истории, возникновение обособленных национальных общностей в рамках универсальной культурной идеи. Национальные характеры бурно прорываются к свету, но все их проявления ограничиваются духовным универсализмом, который, хотя и не противодействует многим порывам, не может в самых решающих точках помочь здоровому и прямолинейному развитию к четкому национальному самосознанию. Религиозный универсализм, который представляет собой лишь обратную сторону религиозного индивидуализма, вынуждает национальные сообщества полагаться на самих себя в своем реальном развитии и объяснении своего бытия. В результате политическая история и духовное развитие пошли разными путями: зависящая, главным образом, от религии духовная история своим путем, политическая история, суть которой – превращение наций в автономные сообщества – своим. Становление отдельных народов и развитие идеологий, поскольку движущие силы в том и ином случае были разными, вступали в конфликт друг с другом, и это не было случайным. Для идеологии, при господстве которой европейские народы начинали свой путь, **невозможно** быть справедливой к стремлению народов осознать самих себя, как политическое целое. С другой стороны, для отдельных народов выработка единого национального самосознания – вопрос их существования. Этот процесс должен был происходить подспудно, так как религиозная идеология не могла стать политически организующей. Она несла с собой общие понятия любви и мира, которые оказывали определенное воспитательное воздействие, но конкретное политическое формирование и развитие национальных языков определялись имманентными силами. Напряжение, которое возникло в результате этого, сделало европейские народы великими. Национальная консолидация неумолимо шла своим путем, универсальная идеология упорно утверждала себя с помощью своих

организаций. Религия использовалась национальными сообществами как средство их сплочения и вошла в жизнь народов, но противоречия между политикой и духом сохранялись.

Из-за взаимосвязи национальных и религиозных тенденций возникли религиозные войны, характерное явление европейской истории. В период, когда эти войны достигли своей кульминации, в XVI-XVII веках, окончательно обрело свои черты лицо европейских народов. Присущее западной религиозной идее бессилие в области политической организации привело к тому, что духовно несовершеннолетние национальные силы использовали религиозный пыл и таким образом возник неестественный политический пафос. Этим процессом объясняется искусственное перенапряжение национализма в Европе. Было бы исторической ошибкой объяснять это напряжение врожденными задатками наций. Это исторически уникальное явление; оно возникло благодаря определенным предпосылкам и вместе с ними может видоизмениться...

Перенос идеи универсальной религии на отдельные нации привел к непомерному раздуванию национальных страстей, но эта религия никогда не могла породить из самой себя понятие справедливости, имманентное истории конкретных народов, потому что она не допускает предпосылок для того, чтобы представления о человеческих обществах имели центр тяжести и опирались на собственное право. Нет сомнений в том, что универсализм побуждает к политическим мечтаниям, а в век национализма способствует развитию лицемерия. Никто не может сказать, что произошло бы, если бы народы и в духовном отношении были предоставлены самим себе. Развитие во многих отношениях могло бы пойти медленней, но никто не может утверждать, что народы не смогли бы тогда выработать собственные представления о национальном существовании и отношениях между государствами.

Мы наблюдаем процесс, который можно объяснить только отсутствием политического центра тяжести у отдельных наций. Западная цивилизация имела блестящий идеологический фасад, за которым во тьме сражались национальные волевые ориентации, не имевшие духовного руководства. Запад, не управляемый политической идеей, катился к пропасти. Последние события этой цивилизации – самые ужасные войны, какие знала мировая история. Обе мировые войны сознательно велись «демократами» как религиозные войны, с использованием старых воспоминаний. Шла ли речь о «центральных державах», идет ли она теперь о «тоталитарных государствах», – мировая демократия, превратившаяся в абсолютную власть, объявляет войну «другим» во имя вечной справедливости и вечного мира.

Если исследовать жизнь методом дедукции, то при господстве универсализма взаимопонимание между национальными волевыми субъектами осуществляется по типу силлогизма. Общее связующее начало не надо искать, оно уже дано и оделено высшими достоинствами как безусловными моральными требованиями. Казалось бы, нет более благоприятных условий для создания пресекающей все сепаратистские тенденции политической власти, однако реальная история учит нас, что произошло совершенно противоположное. Нации – это не звенья логического заключения, а реалии, возникающие из глубины собственного бытия, а не из идеи. Национальным бытием не может управлять нечто, принесенное извне. Не в подчинении ниспосланной свыше форме осуществляется это бытие, а в поисках собственной формы. Только через свою историю, а не через выполнение заданной общей задачи народы обретают самих себя. Их основная тенденция – самоутверждение, отвергающее любое подчинение универсальному. Политика начинается со здорового эгоизма народов. Остается верным определение Фридриха II из его завещания 1752 г.: «Политика – это искусство всеми подходящими средствами всегда действовать в соответствии с собственными интересами».

Таким образом, притязания универсальной идеи на господство может привести к результату, противоположному ее содержанию. Универсальное не одерживает победу над особенным, наоборот, особенное охотно использует пафос и безусловность

универсального в своих целях. Только на базе этой диалектики можно объяснить запутанную структуру самосознания европейских наций.

Идеалы единого человечества и единого мира имели своей исторической задачей довести рождающиеся нации именно благодаря их внутренней противоречивости до осознания собственной индивидуальности. Упор на этой индивидуальности может быть плодотворным в области культуры, в политике же он оказывает роковое воздействие. Каждая природная сила обладает внутренним стремлением к утверждению и развитию; усиление этих тенденций нежелательно. В сфере духа доведенная до предела индивидуализация может позволить распуститься прекрасным цветам, в политической же сфере она ведет к бессилию или исключительному высокомерию (примеры – Франция и Англия). В обоих случаях ее политическое воздействие разрушительно. Высшая ценность политической деятельности – **мера**. Только мера может гарантировать долговечность плодов этой деятельности, направленной на самоутверждение. В любой власти живет тенденция к самосохранению, ни одна власть добровольно не уходит. Долговременность относится к сущности любой власти. «Мера» означает в политике не отблеск вечной гармонии, а нечто очень простое и реалистичное: закон жизни, предпосылку долговременности самоутверждения. Любая чрезмерность изводит себя сама. Бытие подчиняется мере и числу и поэтому вечно.

Действие идеалов универсализма политически разрушительно, потому что они скрывают этот закон жизни. Их всеобщность мешает видеть естественные стремления конкретных сил. Из-за универсализма политическое мышление теряет почву под ногами, становится фанатичным и живет в мире фикций. Отчуждение власти от конкретного мышления – корень всех политических зол.

Сохранять себя в своем бытии – основная тенденция любой власти. Проблематика власти и политическая проблематика вообще начинается с практического объяснения того, что в конкретном случае надлежит сохранить. Жизнь не знает неподвижного состояния, она может двигаться вперед или назад, но не может стоять на месте. Мера заключается не в самой власти, ее нужно приложить к власти. В самой себе власть заключает беспокойство, она непрерывно стремится к расширению. Это «плеонексия» власти, о которой говорил еще Аристотель. Тенденция к сохранению почти всегда получает в реальности такое объяснение, что только расширение власти может гарантировать ее сохранение. Проблема политики – ограничение власти, то есть сведение естественной тенденции к сохранению в форме желания большего к мере бытия.

Власть нельзя предоставлять самой себе. Как богатый всегда чувствует себя недостаточно богатым, могущественный чувствует себя недостаточно могущественным. Роковая особенность западного духа заключается в том, что он рассматривал плеонексию как проклятие и признавал, что в ней скрыта здоровая воля к самосохранению. Второе заблуждение состояло в том, что неправильно оцененное зло пытались устранить неправильными средствами. Противопоставлять особенному универсальное логично, но в политике нельзя обуздывать стремления конкретной власти универсальным, так как власть всегда может быть обуздана только другой властью или чем-то родственным власти, но не чем-то, лежащим в совсем иной плоскости. Политическое бессилие всех универсальных идей доказано историей. Где же искать то, что лежит в той же плоскости бытия, что и власть, но обладает способностью ограничивать власть? Это не может быть универсальная власть, поскольку таковой не существует. Пока только власть противостоит власти, объявляется перманентная война; принцип отношений между государствами, который предусматривал бы ограничение войны, невозможно себе представить.

4.

Одна из немногих вещей, в которых демократия знает толк, это использование умственной инертности в интересах антинемецкой пропаганды... Люди меньше всего желают думать, так как мышление означает отказ от привычек.

Какая сладкая привычка, видеть в каждом конкретном мире подготовку ко всеобщему миру, представлять себе еще более высокую власть, чем каждая конкретная власть! Какое безумие полагать, будто идеология может заставить власть установить для самой себя границы! Наше мировоззрение требует от каждого отказа от всех предрассудков и видения мира таким, каков он есть. Когда мы говорим «раса», мы думаем не только о многообразии расовых типов, но, прежде всего, - о всеобщем законе жизни, согласно которому подобное порождается только подобным и живые силы постоянны.

Открытие **расы** устранило в гуманитарных науках то состояние, которое напоминало средневековую алхимию. Пока люди не знали о постоянстве природных сил, были возможны фантастические представления об изменении и развитии этих сил, сходные с представлениями алхимиков. Когда-нибудь, думали они, удастся получить золото; когда-нибудь, думают философы и делают вид, будто думают, политики, удастся достичь вечного мира. Осознание того, что расовые силы представляют собой постоянно действующее, творческое начало в любом народе, ставит современное научное мышление на место средневековых мечтаний. Это сознание устраняет старые заблуждения и дает мысли новые, плодотворные импульсы. Человеческая история больше не представляется нагромождением одних лишь заблуждений и насилия; даже в самых ужасных заблуждениях прослеживается закономерность. Познание этих закономерностей человеческой деятельности позволяет нам более реалистически взглянуть на историческую действительность вообще. Наряду с расовым фактором надо учитывать и фактор пространства и тогда там, где раньше предполагалось действие таинственных сил, мы ясно понимаем теперь связь явлений и это ставит перед нами новые задачи.

Историческая картина, определяемая действиями расового и пространственного факторов, динамична. Всюду, где люди вступают в какое-то взаимодействие, мы видим борьбу сил. История – это не эволюция некоей единой субстанции, а живое столкновение и взаимодействие субстанциальных сил. Эти силы создают властные структуры, и задача историка проследить их возникновение, расширение, упадок или самоутверждение. Оплодотворенная идеей расы философия истории знает, сколько путаницы возникло из-за того, что категории *силы* и *власти* не рассматривались отдельно и законы одной реальности постоянно переносились на другую. Так закон самоутверждения власти путем расширения (экспансии) постоянно отождествлялся со стремлением силы к действию, что делало невозможной правильную оценку обеих реальностей. Власти приписывались достоинства, которыми она не обладает, а на природные творческие силы сваливалась вина за все, в чем следовало винить ничем не ограниченную власть. Это неверное понимание потрясло самые основы бытия. Власти отдали то, что принадлежало силе, а потом прокляли силу; сфера свободного действия живых сил была этим проклятием задвинута во тьму, что уничтожило предпосылки, на основе которых только и можно было по-человечески и в соответствии с реальностью решать политические проблемы.

У власти свои законы. Именно потому, что она не сила, а реальность со своей структурой, она проявляет то качество, в котором ее постоянно упрекают, - плеонексию. Власть может долгое время существовать в определенной независимости от сил, ее породивших, и расти сама по себе. В этом случае власть отрывается от живых сил, становится абстрактной и начинает превращаться в опухоль. Если однажды возникают признанные и удобные формы власти, эти формы могут продолжать существовать самостоятельно, часто вопреки всем живым силам, действующим в обществе. Именно из-за этой формы люди возненавидели власть как таковую, хотя сама по себе она для людей необходима.

5.

Власти надо только придать человеческую форму. Так ли уж опасно, что любая власть охотно расширяется, но никогда добровольно не ограничивает сама себя? Это становится роковым лишь в том случае, если нет ничего, что кладет пределы экспансии. Пока люди будут пассивно ожидать появления другой власти, которая ограничит расширяющуюся

власть, войны не прекратятся. Современный мир, так почитающий идею мира, ничего не может противопоставить плеонексии. За гуманитарными фразами кроется культ самого необузданного насилия. Демократическое буржуазное общество презирает солдат и крестьян, у него в чести только торговля и денежные гешефты. Биржа и цивилизация в его представлениях неразрывно связаны, все очарованы блеском золота. Экономика – это судьба. Ключ ко всем явлениям демократической системы: власть должна быть невидимой. Принцип вождизма скрыт за парламентаризмом. Владычество денег – это самая бесчестная и жестокая из всех форм власти. Есть только богатые, у которых есть все, и бедные, у которых нет ничего. Демократическая «свобода» заключается в том, чтобы поддерживать у неимущих веру в то, что они благодаря свободному предпринимательству могут войти в число имущих. Каждый волен достичь этого или умереть с голода. В действительности власть держит в своих безжалостных руках небольшой слой непомерно богатых людей. Тот, у кого есть деньги, участвует во власти, а тот, у кого их нет, принадлежит к миллионам рабов плутократической системы.

Так как господствует принцип экономической «свободы» (каждый может покупать и продавать, что «хочет»), система голого насилия является одновременно системой свободы. Такое лицемерие возможно лишь в том случае, если власть принимает форму экономической эксплуатации и одновременно становится невидимой. Настоящего представительства нет – парламенты ему только препятствуют. Современная демократия – насквозь лживая система, принуждение в красивой обертке «свободы».

Тот же принцип эксплуатации господствует и во внешней политике. Колонии безжалостно эксплуатируются; они поставляют сырье, а что станет с их народами – все равно. Так же все равно, эксплуатируются источники сырья надлежащим образом или нет и удовлетворяют ли полученные продукты потребности других стран. Все решает сиюминутная прибыль. Плутократическое общество ненасытно в своей жажде золота. Народы вымирают, природа превращается в пустыню, зато растет курс акций. Интерес заключается только в увеличении богатства.

Демократическое государство это небольшое число непомерно богатых людей, единственная политическая цель которых – заставить других работать на себя, независимо от того, соотечественники это или колониальные рабы. Сеть гарантийных договоров, которой Англия опутывает другие страны, - характерное выражение паразитического мышления плутократии...

...Любая власть одновременно отрицает и утверждает, она может строить только устраняя помехи на своем пути. Власть капитала отличается от любой другой формы власти тем, что она, несмотря на ослепительные сиюминутные успехи, никогда не может быть конструктивной. Главное средство ее осуществления – кредиты, замаскированные под экономическую помощь. В действительности это удавка на шее более слабых экономически стран. Достаточно лишь немного ее затянуть – и жертва болтается в воздухе. Признак демократической великой державы – ее способность предоставлять кредиты. Пока люди настолько глупы, что верят в деньги, пока ими можно управлять путем лишения кредитов – сохранится еврейско-демократическое мировое господство. Если деньги – это все, «мир» может быть только полем деятельности промышленных концернов и биржевых спекулянтов. Финансовые империи не интересуются странами и людьми. Капитал всегда хочет только приумножаться, безжалостно устраняя все на своем пути. Бережное отношение к живым силам, будь то силы народа или земли, сохранение природы, уважение воли к жизни других – для него смехотворные понятия. Чисто финансовое мышление достигает одного успеха за другим, вовлекает всех деструктивных людей в свой круг, чтобы однажды столкнуться с отрицаемой им реальностью и потерпеть крах.

По правде, вообще нельзя говорить о демократических «государствах». Мы имеем перед собой государство лишь тогда, когда политический порядок опирается на живой народ. Демократических государств нет, есть только демократическое общество, которое

с помощью своих банков контролирует так называемые государства. И это общество *едино*: оно имеет своих представителей на всех континентах. С исторической точки зрения его можно считать наследником наднационального феодального господствующего слоя Средневековья. Религиозному универсализму той эпохи соответствовало наднациональное рыцарское общество; уже не религиозному псевдо-универсализму нового времени соответствует плутократический высший слой, который контролирует добычу сырья и торговлю во всем мире. Центром этого слоя сегодня является Лондон, но в Америке уже образовался второй центр. Идеалы богатых людей везде одинаковы; их слой задает тон, определяет, как думать, как жить... Не либеральные «идеи» и не английские формы жизни завоевали мир за последние столетия – его завоевали богатые люди. Масонство – одна, но далеко не единственная форма их влияния на «государства». Только когда прекратится поклонение идолу денег, будет покончено с господством этого слоя. Конец плутократии станет часом рождения национальных государств. После того, как власть будет отнята у международного слоя владельцев денег, к власти повсюду смогут придти люди, для которых «мир» обозначает нечто иное, нежели морализаторскую фразу для прикрытия гешефтов. Эти люди будут вождями своих народов и будут отвечать своей жизнью за то, что мир обеспечит сохранение чести и безопасности нации.

6.

У политики тоже есть свои законы, и она не может их отрицать, если хочет достичь стабильного, а не эфемерного успеха. Настоящая власть нацелена на долгое существование. Если она пойдет против закономерностей своей собственной сути, она обречена на гибель...

...Долговечность государства зависит не от сосредоточенных им в своих руках средств власти, а от силы людей. Государства это только преходящие организационные формы, которые придают себе народы. Ядро каждого народа образует природная сила воспроизведения, в которой выражается глубоко скрытая, таинственная воля к жизни. Решающими будут направленность этой воли и результаты ее действия. Любая живая сила имеет определенное своеобразие. Сила это не количественное, а качественное понятие. Немногочисленный народ с сильной волей и высококачественным человеческим материалом может одолеть более многочисленный. Решающее значение для общего качества народа имеет его предрасположенность к технике, искусству и науке. В родном языке и в обычаях, в чувстве справедливости, в традиционных формах жизни и воспитании, в национальной поэзии и в самосознании народа коренится его энергия.

Не во все времена живая сила народа проявляется равномерно, у нее бывают свои приливы и отливы, времена мужества и величия чередуются с временами меньшей предприимчивости, но в глубине остается непоколебимой живая творческая сила. Это нерушимая реальность, из которой черпает свою силу национальный миф, она дает великим людям, призванным руководить своим народом, все необходимое для того, чтобы пробудить мир ото сна и снова привести власть в соответствие с требованиями жизни.

К силам, которые должна учитывать настоящая политика, относятся жизненное пространство народа, его земля и природные богатства ее недр. Хотя определяющим фактором является не пространство, а только человек, благоприятное географическое положение, плодородная почва и богатства недр добавляют к человеческой силе силу природных стихий. Так из крови и почвы, расы и пространства рождаются те мощные энергии национальных сообществ, различение и понимание которых составляет содержание мировой истории.

Политика, которая не учитывает или отрицает эти энергии, а такая политика проводится сегодня масонами, еврейскими финансистами и биржевыми спекулянтами, может за несколько поколений обеспечить накопление богатств отдельными семьями, но она несет в себе зародыш разрушения, потому что никак не связана с конструктивными силами...

Теперь власти придается новый смысл. Покончено с теорией, что власть есть власть и ее форма не имеет значения... Следует положительно относиться к любой форме власти, которая опирается на природные силы здорового народа и учитывает потребности его жизненного пространства...

Только живые силы могут удержать власть в отведенных ей границах. Предоставленная самой себе власть устремляется в беспредельное; силы же, хотя и побуждают к действию, никогда не подвержены плеонексии, свойственной власти. Власть это творение человека, силы же – дар природы, они несут в себе меру своего происхождения. Человек не может до бесконечности увеличивать ни свои собственные силы, ни силы земли. Сама жизнь советует ему не эксплуатировать чрезмерно природные силы. Если человек прислушается к этому голосу жизни, он будет соблюдать меру. Заблуждением прошлого было недоверие к силам и приписывание им устремления в бесконечность. Как человек в наиболее чистом виде реализует себя как личность, если доверяет жизни, то и политике необходимо это доверие во избежание судорожных действий и чрезмерностей. Если политик всегда имеет в виду живую реальность, он привязывает власть к силе. Он не идет дальше, чем позволяют живые силы, он избегает перенапряжения власти и эфемерных успехов. Эта привязка обозначает ограничение власти – не ею самой, что невозможно, а мерой, которая заложена в самой реальности...

...Искусственная, опирающаяся не на силу народа, а только на слой обладателей денег власть естественно будет искать союза с другими властями, имеющими такую же структуру. Так возникают разные пакты, политический концерн, преследующий собственные интересы и всеми силами препятствующий справедливому решению этнических и геополитических проблем, ибо империализм золота не терпит иных точек зрения, кроме своей собственной. Отношения между государствами сводятся к денежным отношениям, во всех кардинальных вопросах решающее слово имеет капитал.

Это привело бы к очищению политической атмосферы, если бы решающее слово в межгосударственных отношениях имела узаконенная силой власть. Как известно, мелкий капитал ничего не может возразить крупному... Только если власть будет опираться на уникальную, неустрашимую силу, отношения между властями обретут человеческий характер, ибо если эти отношения основаны на естественной иерархии сил, они не вызывают раздражения. Если меньшее количество лишено уважения по сравнению с большим количеством, природная сила всегда утверждает свое достоинство. Даже меньшая сила тоже откровение Бытия. Небольшой народ неохотно или вообще не подчиняется другому такому же народу, но он не теряет самоуважения, если оказывается в жизненном пространстве большого народа и связывает свою судьбу с ним...

При господстве демократов запрещено вообще говорить о власти. Отношения между властями в демократический век таковы, что лучше о них не говорить. Столь грубая власть, как власть капитала, должна обделывать свои дела молча. Отношения между властями, которые основаны на естественных и исторически обусловленных отношениях действующих сил, скрывать незачем. Нет повода вытеснить сознание зависимости, если эта зависимость лежит в природе вещей и не наносит ущерба достоинству и своеобразию. В том, что народ, в котором таятся огромные психические и духовные энергии, может создать власть, превосходящую все прочие, не сомневается никто, кто признает закономерности жизни...

Демократия выдает себя за воплощение вечной справедливости. Мы верим в справедливость жизни и не считаем борьбу самоцелью, она лишь средство установления более справедливого порядка. Любая война имеет целью мир, но не мир любой ценой и не «вечный мир», а мир, который гарантирует каждому народу его образ жизни и его жизненное пространство...

Новый порядок порожден идеей нации. Живым силам народа впервые дается простор. Новый порядок основан не на новой «идеологии», а на признании тех реалий, благодаря которым возникают нации. Идея нации выше любой идеологии, как действительность

выше воображения. Любая настоящая власть должна соответствовать жизненным силам, которые служат ей опорой и ограничивают ее. Внутренняя мера нового порядка едина со справедливостью Бытия.

Цитируется по: Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению под ред. В.Б. Авдеева. Серия «Библиотека расовой мысли»/Перев. с нем. А.М. Иванова. – М.: «Белые Альвы», 2006.

**Д-р Альфред Клемт.
НАРОД И ГОСУДАРСТВО.**

Когда я говорю о народе и государстве, я должен указать сначала на общий комплекс идей, в который входит данная тема, а называется он учением о государстве или, точнее, философией государства. Комплекс этот настолько широк, что я могу рассказать лишь о малой его части. Отмечу три основных пункта: наше государство, во-первых, национальное и расовое, во-вторых, оно имеет профессионально-сословную организацию, и в-третьих, это авторитарное государство во главе с вождем. При этом решающее значение имеет то обстоятельство, что ни одна из этих трех характеристик сама по себе недостаточна для того, чтобы дать полное описание своеобразия нашей государственной идеи, а только все три вместе. Во всех трех заложен один и тот же принцип, который мы обычно называем «органическим».

Неверно, например, говорить о нашем государстве как о «сословном». Мы самым решительным образом отвергаем иерархию сословий, у нас не реакционное представление о сословиях, у нас впервые в истории сословия равноправны и в своей органической совокупности составляют тотальное рабочее государство созидającego немецкого народа. Политическое устройство добавляется к сословной структуре как нечто принципиально новое. В полном равноправии всех сословий заключается истинно революционное содержание нового немецкого социализма, воистину народного социализма, который глубоко проникнут древнегерманским чувством свободы. Свобода это и наш лозунг, и мы, немцы, никогда от нее не откажемся, но мы понимаем ее в древнегерманском смысле, в неразрывной связи с жизнью нашего народа. Мы отвергаем средневековое теократическое сословное государство и выросший из него монархический абсолютизм. Мы считаем, что Французская революция 1789 года раз и навсегда покончила в Европе со старым сословным мышлением. Но я считаю нужным подчеркнуть, что мы не хотим вернуться во времена английской, американской или французской революции, мы идем вперед, в новый век, с современным идейным багажом. Поэтому и мы привержены демократическим принципам, принципу ответственности политического руководства перед народом. Поэтому совершенно неверно наш политический строй называют диктатурой или тиранией. Мы противники любого абсолютизма, монархического или церковного или монархического и церковного одновременно. Мы не хотим доставать со свалки истории старые, отжившие, неестественные и противоестественные формы жизни, а будем на основании естественных идей о государстве и обществе развивать новые конкретные формы, подсказанные самой жизнью.

Повторяю: профессионально-сословная идея – лишь одна из основных идей, на которых зиждется наш новый государственный строй, и притом не главная. С другой стороны, было бы также недостаточно говорить лишь о политическом вождизме, потому что при этом осталась бы вне поля зрения опора государства, каковой традиционная немецкая государственная мысль уже более 150 лет, в противоположность западному Просвещению, считает народ в органическом смысле слова. Хотя национальный принцип, сословный принцип и принцип вождизма – производные одного и того же образа мыслей, ориентированного на естественное неравенство и разделение конкретных задач, их следует понимать как целое, в их неразрывной взаимосвязи, если вы хотите понять наши государственные идеи во всей их полноте, во всем их богатстве.

Я могу рассказать обо всем этом лишь бегло, поскольку мне отведено мало времени. Поэтому из трех основных пунктов я выделю вопрос, имеющий фундаментальное значение: вопрос об отношении между народом и государством. Прорыв к пониманию расовой проблемы это, в действительности, не что иное, как самая последовательная форма, какую только может принять органический взгляд на народ и государство, это венец традиционного немецкого учения о государстве и немецкой социологии. Моя задача – показать принципиальное значение национально-расового мышления для развития государства.

Я уже говорил, что нет ничего более чуждого нам, чем средневековый теократический или абсолютистский государственный и общественный строй. Мы противостоям также либерализму и интернациональному социализму, двум порождениям эпохи Просвещения. Мы занимаем как бы промежуточное положение между этими двумя крайностями, которые, несмотря на ряд принципиально сходных черт, дают диаметрально противоположную оценку государству. Либерализм изначально враждебен государству, он хотел бы сделать его власть минимальной, его идеал – замена государства обществом. «Государства должно быть как можно меньше». У интернационального социализма противоположный подход, для него государство и общество тождественны, он за диктаторское государство террора, за принуждение, он уничтожает свободу не только личности, но и экономики, юриспруденции, науки, искусства и религии. Лозунг большевиков: «Государства должно быть как можно больше». Ницше отвергал этот лозунг со всей страстностью своей нордически-германской любви к свободе. Эти два подхода имеют разные психологические предпосылки: либерализм крайне оптимистичен в своем взгляде на природу человека, он считает, что человек от природы добр, а интернациональный социализм – крайне пессимистичен: человек от природы зол и в естественном состоянии люди будут, как волки, пожирать друг друга и разразится «война всех против всех».

Кстати, прообраз социалистического государства еще до того, как либерализм появился как политическое направление и мировоззрение, то есть еще до Джона Локка, его первого письма о терпимости от 1689 года и двух трактатов о форме правления от 1690 года, был дан его соотечественником Томасом Гоббсом в его работе о гражданах (1642) и в «Левиафане» (1651). Гоббс не признавал, в противоположность Локку, никакого изначального права на свободу от государства и на собственность, не зависящую от государства, ибо право всех на всё равнозначно состоянию полного беззакония. Он учил, в отличие от Локка, хотя тоже опирался на естественную теорию права и демократические принципы, что государство должно быть единым и всевластным, включая единство государства и церкви, короче, это должен быть всепоглощающий Левиафан: к этой же идее приходят и последовательно мыслящие интернациональные социалисты.

Итак, с одной стороны – неограниченная свобода личности и общественной жизни, с другой – террористическое, насильственное уничтожение этой свободы. Мы занимаем промежуточную позицию между этими двумя крайностями; мы считаем, что государства должно быть не слишком много, но и не слишком мало. Мы против и беспредельной свободы, и беспредельного принуждения. Мы разделяем с интернациональными социалистами положительное отношение к государству как таковому, но мы отвергаем диктатуру государства и подавление всех свобод. Для нас государство – не единственный субъект экономики, права, науки, искусства и религии. Мы признаем вместе с либералами свободу как таковую, но отрицаем безграничную свободу, которая неизбежно ведет к хаосу. Мы избрали золотой средний путь, избежав двух односторонних позиций, следуя велениям здравого человеческого рассудка: взять у обеих сторон хорошее и отбросить плохое.

Но если мы ограничимся одними словами о среднем пути, это будет хотя и верный, но поверхностный взгляд. Мы должны дополнить его тем соображением, что есть не только количественные различия – больше или меньше свободы в государстве, но и качественные

различия, касающиеся принципа совместного проживания людей вообще. Только тогда мы поймем суть нашего государственного строя, ибо речь идет о глубинных различиях сути и структуры. Противостоят друг другу два совершенно разных социологических принципа: принцип **общества**, который лежит в основе как либерализма, так и интернационального социализма, и принцип **общности**, который издавна был принципом настоящей немецкой философии государства и общества. Перед лицом этой главной противоположности для нас, в конечном счете, несущественны даже различия между либерализмом и интернациональным социализмом, сколь бы интересными и значительными они ни были.

Что же такое общество, с одной стороны, и общность, с другой?

Нам необходимо дать точное определение этих двух терминов, соответствующих двум принципиально различным социологическим структурным принципам. И я хотел бы отметить в этой связи, что английский и французский языки имеют точно определенное слово лишь для одного из них, а именно «society» и «societe», но не для другого. «Gemeinschaft» («общность») – истинно немецкое слово, и я не знаю его адекватного английского или французского перевода, так как «community» и «communaute», как мне кажется, не отличаются по сути от «society» и «societe».

(Примечание переводчика. Как говорится, когда кажется – крестись. В своих потугах доказать превосходство немецкого языка над английским и французским А.Клемт выбрал неудачный пример. Оба термина в английском и французском языках восходят к одному общему источнику, а именно латинскому, в этом же языке эти слова чётко различаются по смыслу. Слово «societas» имеет значение «союз» - слова «socius», как в немецком слово «Gesellschaft» происходит от глагола «gesellen», «присоединяться к кому-либо, а слово «communio» имеет именно тот смысл, который А.Клемт приписывает немецкому слову «Gemeinschaft». В латинском языке имеется выражение «communio sanguinis» - «родство по крови», сочетание «societas sanguinis» в нем невозможно).

Я хочу пояснить, чем различие между понятиями «общество» и «общность».

Общество для нас это оторванное от своих корней человечество, которое утратило связи с природой, а вместе с тем – с пространством и временем; оно не знает истории в глубоком смысле этого слова. Общность же черпает свои силы из данного ей Богом пространства и живет в бесконечной череде поколений, она соединяет прошлое и будущее в живом настоящем. Короче, общность рождается из крови и почвы в расчете на долгое существование, для нас это самый живой символ вечности на Земле.

Общество в идеальном случае это всё рассеянное по земному шару человечество, род человеческий как механическая сумма всех считающихся одинаковыми по сути индивидуальных атомов, а общность – и основанное на принципе общности государство – это, как прекрасно говорили немецкие романтики, занимавшиеся теорией государства, большая семья с одним телом, одной душой и одним духом, пронизанная общностью крови, языка, нравов, восприятий, мышления, чувств и веры, имеющая общую историю.

Немецкий романтизм рассматривал с этой точки зрения и отношения между основными сословиями, сравнивая их с браком. Более пассивное, связанное с землей крестьянство воплощало в их глазах женское начало, а подвижная, предприимчивая и авантюрная буржуазия – мужское. И это сравнение не было простым символом: в древние времена земледелием занимались, главным образом, женщины, а делом мужчин была охота, война и торговля.

Из всего вышесказанного вытекает наше основополагающее определение сути государства. Государство для нас это всеохватывающая форма жизни народа, а народ – определяющая форма живого сообщества вообще. Народ вырастает на базе семьи, рода и племени и одновременно приобретает свой особый расовый характер, который потом отразится и на государственном строе. При этом особенно важно, чтобы сознание общности достигло своего полного развития и не было преждевременно прервано и заменено враждебным ему общественным сознанием. Принципиальной слабостью философии умершего несколько месяцев назад корифея новой немецкой социологии Фердинанда Тённиса было то, что общность была для него чем-то узким и интимным, доверительным, почти исключительно частным. Его понимание общности остановилось

на уровне семьи, находившейся в центре его философии, тогда как государство он связывал только с безродным механическим обществом просветителей, причем в своей ранней работе «Общность и общество» (1887) он еще колебался между либерализмом и социализмом, а во «Введении в социологию» (1931) он уже явно шел по следам Т.Гоббса, хотя и не столь твердо и последовательно, как английский философ. А именно непоследовательность приводит к остановке сознания общности на уровне семьи и к замене его общественным сознанием. Семья, действительно, фундамент любой философии общности, равно как и правильно понятые отношения между поколениями, но в центре этой философии должен находиться только народ во всем его расовом своеобразии. И только народ как центральная форма общности может быть главной опорой государства. Что же касается общей оценки Ф.Тённиса, то, несмотря ни на что, нельзя забывать, что он установил социологический принцип общности как изначальный принцип человеческого сожительства на все времена, хотя он страдал от того, что считал замену «общности» «обществом» неизбежным роком. Но каждый раз, когда он защищал общность как незыблемую основу человеческого сожительства (например, критикуя Гоббса в своих последних работах), в нем оживало наследие немецкого духа, в нем говорил голос крови.

Семья, народ и раса – главные органические силы государства... Различие подданных государства и его граждан – фундаментальная и специфическая черта, которая как ни одна другая характеризует глубину осуществленного нами переворота в понимании государства по сравнению с мышлением эпохи Просвещения. Приобретение гражданства в Германии впредь будет связано с тем условием, что кандидат, во-первых, немецкой или родственной крови, а во-вторых, с тем, что он доказал своими делами свое желание и свою способность верно служить немецкому народу и Рейху. Так что одного родства по крови недостаточно: гражданство будет даваться лишь тем, кто выполнил свой почетный долг перед народом и государством в рядах Трудового фронта и Вермахта: только такой человек получит все политические и гражданские права, включая право голосовать и занимать государственные посты... Просвещение отрывало человека от его природных корней; в противовес этому наше мировоззрение отличается возвратом к вечным, нерушимым законам природы, которыми нельзя пренебрегать ни с метафизической, ни с противоположной точки зрения и с которыми нельзя обращаться произвольно. Мы знаем, что нельзя надолго отпадать безнаказанно от вечного космического порядка. Для нас народы и расы в самой глубинной основе это идеи Бога и этический долг сохранения чистоты крови и развития своей сути вытекает в конечном счете из немецкой религиозности.

Таким образом, мы даём однозначное определение немецкого национализма и понятия национального государства в немецком смысле. Мы восстанавливаем в своем изначальном значении слово «нация», которое происходит от глагола *nasci* (родиться), то есть указывает на родство по крови. Индивидуум и общество кажутся нам в равной мере искусственными абстракциями. Мы оспариваем теорию, согласно которой человек может существовать в качестве изолированного атома, и что существует или может существовать «человечество». Однако мы не являемся номиналистами по отношению к общим понятиям. В конечном счете, «народ» и «раса» - тоже общие понятия, хотя и с ограничениями. Мы не отрицаем, что индивидуум и человеческое общество действительно существуют в рамках реальных взаимосвязей, но лишь в той мере, в какой индивидуум одновременно включен в органические жизненные взаимосвязи и конкретные общности, которые, по нашему мнению, только и придают человеческому обществу его истинную внутреннюю форму и структуру, его многоцветное разнообразие.

Здесь я хотел бы отметить, что та органическая логика, которой мы руководствуемся в данном случае, еще во времена «Бури и натиска», романтизма и спекулятивного идеализма побуждала немецкий дух противопоставить абстрактно-механической картине мира эпохи Просвещения вообще и французской революции 1789 года в частности новую

органическую картину природы, духа, истории, а также государства, права, экономики и человеческого общества. Это была эпоха Гердера и Гёте, Яна и Арндта, Шеллинга, Адама Мюллера и Гегеля, когда впервые были созданы универсальная национальная идеология и всеобъемлющая органическая картина мира, которые с тех пор остаются основой немецкой жизни и нашей национальной культуры. Мы никогда не должны забывать о том, что на стиль жизни западных народов – Франции, Англии и Америки – наложила решающий отпечаток эпоха Просвещения, а на немецкое мировоззрение, несмотря на все влияния идей Просвещения, - эпоха «Бури и натиска», романтизма и спекулятивного идеализма. Отсюда и фундаментальное различие концепций государства и общества.

Еще Адам Мюллер в «Элементах государственного искусства» (1809 г) учил: «Государство это не просто мануфактура, ферма, страховое общество или торговая компания; это внутренняя связь всех физических и духовных потребностей, всего физического и духовного богатства, всей внутренней и внешней жизни нации в одном большом, энергичном, бесконечно подвижное и живое целое». В эти дни подготовки к Олимпиаде следует вспомнить и Фридриха Людвиг Яна, который писал в 1810 году в своей работе «Немецкий народ»: «Государство без народа – ничто, бездушное, искусственное образование. Народ без государства – тоже ничто, бестелесная, воздушная схема вроде скитающихся по миру цыган и евреев. Только народ и государство вместе образуют Империю, силой, сохраняющей которую, остается народ». Наконец, сошлюсь на Гегеля, который в своей «Философии права» (1831 год) назвал либеральное государство чисто внешним и абстрактным государством и подчеркнул: «Когда государство путают с буржуазным обществом и видят его назначение в обеспечении безопасности и защите собственности и личной свободы, это означает, что интересы индивидуумов как таковых это конечная цель, ради которой они объединяются, из чего следует, что членом государства может быть кто угодно. Но на самом деле отношение государства к индивидууму совсем иное; поскольку оно воплощает в себе объективный дух, сам индивидуум является объективным, истинным и нравственным лишь в той мере, в какой он является его членом». Объективный дух у Гегеля – синоним народного духа, так что мы имеем здесь национальную концепцию государства, поскольку и Гегель видит в нем лишь форму существования народного духа. Хотя мы сегодня понимаем народный дух гораздо радикальней, чем Гегель, и хотели бы освободить это понятие от всех абсолютистских преувеличений, которые еще сохраняются в системе этого мыслителя, в принципе мы продолжаем сегодня развивать великую традицию немецкой философии государства, делаем из нее самые последовательные выводы. Для нас государство – средство достижения цели, а цель – сохранение общности людей, принадлежащих к одному физическому и психическому типу... Мы понимаем под государством живой организм, который не только обеспечивает сохранение народа, но и ведет его к высшей свободе путем развития его духовных способностей.

Таким образом, наша концепция государства имеет национально-расовый характер. Этим мы фундаментальным образом отличаемся – и это необходимо подчеркнуть, - несмотря на множество общих черт, от итальянского фашизма. Фашистское мышление видит, в конечном счете, в государстве волевою, сознательную, духовно-культурную форму создания народа. Оно видит и в государстве ту же совокупность самостоятельных формообразующих элементов, какая в равной мере характеризует римское право, римское экономическое и религиозное устройство и римское классическое искусство, закономерности которого совсем иные, нежели закономерности нордического германского искусства, которое исходит из конкретно данного со всеми его уникальными индивидуальными чертами, так что предмет в нем изображается в неразрывном естественном единстве формы и содержания, в то время как предмет классического южно-романского искусства получает свои формы извне, от искусственных, всеобщих, самодостаточных, типичных закономерностей. Когда речь идет об искусстве, философии, религии, государстве, праве и обществе, мы исходим из содержания и рассматриваем его

как изначально связанное с определенной формой, а римское мышление начинает с формы, которая по своим законам определяет содержание, превращающееся, таким образом, в простой материал для трансцендентных, абсолютных начал, заключающих в себе его смысл и цель. Народ это только порядок, установленный государственной дисциплиной – так формулирует выдающийся теоретик фашизма Гвидо Бортолотто отношения между народом и государством. В этом он полностью совпадает с Муссолини, который в «Фашистском манифесте» 1932 года четко заявил, что не народ создает государство, а государство – народ. И Муссолини постоянно говорит о том, что народ, согласно итальянскому образу мыслей, это, в первую очередь, не нечто, определяемое кровным родством и связанное с землей, а нечто искусственно соединенное волей, духом и сознанием в государстве и преобразованное государством в нацию. Главная точка опоры фашизма – государство, он объявляет XX век веком фашизма и тем самым – веком государства; это недвусмысленно явствует из речей и писаний фашистских вождей, которые ссылаются на Гегеля, но не знают, как правильно подойти к его учению о народном духе и его концепции государства как национального организма, что становится особенно явным, когда речь заходит об отношениях между государством и церковью, политикой и религией. Мы же считаем, что именно мы воплощаем сегодня в жизнь глубинный смысл гегелевской философии и романтизма вообще, по крайней мере, в их здоровой и творческой части, и для нас XX век это век народов и рас и определяемых ими государственных и политических сил.

Подведу итог. Государство для нас это не неизбежное зло, которое следует ограничить минимумом, не внешний механизм и не бездушный аппарат власти, а всеобъемлющая форма жизни, в рамках которой тело, душа и дух нашего народа могут лучше всего развиваться в соответствии с его сущностью, но, с другой стороны, государство для нас – не автономное образование, не самоцель, а только средство достижения цели, только форма, сосуд, в котором немецкая жизненная и культурная субстанция должна обрести новую силу и новое величие. Кроме того, поскольку, согласно нашей концепции, народ и раса образуют то земное царство, в котором только и может возникнуть настоящая культура, и мы положительно относимся к государству только благодаря тем культурным ценностям, которые создаются в нем, так что для нас народ и раса это единственные возможные носители государства и в соответствии с естественной необходимостью.

Цитируется по: Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению под ред. В.Б. Авдеева. Серия «Библиотека расовой мысли»/Перев. с нем. А.М. Иванова. – М.: «Белые Альвы», 2006.

4. Не в Германии.

**Иван Александрович Ильин
Национал-социализм. Новый дух. I.**

(Возрождение, Париж 1933, 17 мая)

Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем рассказам «очевидцев», всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую переключку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту переключку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор. Нам, находящимся в самом котле событий, видящим все своими глазами, подверженным всем новым распоряжениям и законам, но сохраняющим духовное трезвение, становится нравственно невозможным молчать. Надо говорить; и говорить правду. Но к этой правде надо еще расчистить путь...

Прежде всего я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние; но не могу превратить его в критерий добра и зла, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм. Да и странно было бы; если бы немецкие евреи ждали от нас этого. Ведь коммунисты лишили нас не некоторых, а всех и всяческих прав в России; страна была завоевана, порабощена и разграблена; полтора миллиона коренного русского населения вынуждено было эмигрировать; а сколько миллионов русских было расстреляно, заточено, уморено голодом... И за 15 лет этого ада не было в Германии более пробольшевистских газет, как газеты немецких евреев - «Берлинер Тагеблатт», «Фоссише Цейтунг» и «Франкфуртер Цейтунг». Газеты других течений находили иногда слово правды о большевиках. Эти газеты никогда. Зачем они это делали? Мы не спрашиваем. Это их дело. Редакторы этих газет не могли не отдавать себе отчета в том, какое значение имеет их образ действия, и какие последствия он влечет за собою и для национальной России, и для национальной Германии... Но наша русская трагедия была им чужда; случившаяся же с ними драматическая неприятность не потрясает нас и не ослепляет. Германский национал-социализм решительно не исчерпывается ограничением немецких евреев в правах. И мы будем обсуждать это движение по существу - и с русской национальной, и с общечеловеческой (и духовной, и политической) точки зрения.

Во-вторых, я совершенно не считаю возможным расценивать новейшие события в Германии с той обывательско-ребячьей, или, как показывают обстоятельства, улично-провокационной точки зрения, - «когда» именно и «куда» именно русские и германские враги коммунизма «начнут совместно маршировать». Не стоит обсуждать этого вздора. Пусть об этом болтают скороспелые политические младенцы; пусть за этими фразами укрываются люди темного назначения. Помешать им трудно; рекомендуется просто не слушать их соблазнительную болтовню. Их точка зрения - не может служить для нас мерилom.

Наконец, третье и последнее. Я отказываюсь судить о движении германского национал-социализма по тем эксцессам борьбы, отдельным столкновениям или временным преувеличениям, которые выдвигаются и подчеркиваются его врагами. То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот; сами вожди его характеризуют постоянно словом «революция». Это есть движение национальной страсти и политического кипения, сосредоточившееся в течение 12 лет, и годами, да, годами лившее кровь своих приверженцев в схватках с коммунистами. Это есть реакция на годы послевоенного упадка и уныния: реакция скорби и гнева. Когда и где такая борьба обходилась без эксцессов? Но на нас, видевших русскую советскую революцию, самые эти эксцессы производят впечатление лишь гневных жестов или отдельных случайных некорректностей. Мы советуем не верить пропаганде, трубящей о здешних «зверствах», или, как ее называют, «зверской пропаганде». Есть такой закон человеческой природы: испугавшийся беглец всегда верит химерам своего воображения и не может не рассказывать о чуть-чуть не настигших его «ужасных ужасах». Посмотрите, не живет ли Зевелинг, идейный и честный социал-демократический вождь, на свободе в своем Билефельде? Тронули ли национал-социалисты хоть одного видного русского еврея-эмигранта? Итак, будем в суждениях своих - справедливы. Те, кто жили вне Германии или наезжали сюда для обывательских дел и бесед, не понимают, из каких побуждений возникло национал-социалистическое движение. Весь мир не видел и не знал, сколь неуклонно и глубоко проникала в Германию большевистская отравка. Не видела и сама немецкая масса. Видели и знали это только три группы: коминтерн, организовавший все это заражение; мы, русские зарубежники, осевшие в Германии; и вожди германского национал-социализма. Страна, зажата между Версальским договором, мировым хозяйственным кризисом и перенаселением, рационализировавшая

свою промышленность и добывающаяся сбыта, пухла от безработицы и медленно сползала в большевизм. Массовый процесс шел сам по себе; интеллигенция большевизировалась сама по себе. Коминтерн на каждой конференции предписывал удвоить работу и торжествующе подводил итоги. Ни одна немецкая партия не находила в себе мужества повести борьбу с этим процессом; и когда летом 1932 года обновившееся правительство заявило, что оно «берет борьбу с коммунизмом в свои руки», и никакой борьбы не повело, и заявлением своим только ослабило или прямо убило частную противокommунистическую инициативу, - то процесс расползания страны пошел прямо ускоренным путем. Реакция на большевизм должна была прийти. И она пришла. Если бы она не пришла, и Германия соскользнула бы в обрыв, то процесс общеевропейской большевизации пошел бы полным ходом. Одна гражданская война в Германии (а без упорной, жестокой, бесконечно кровавой борьбы немцы не сдались бы коммунистам!), нашла бы себе немедленный отклик в Чехии, Австрии, Румынии, Испании и Франции. А если бы вся организаторская способность германца, вся его дисциплинированность, выносливость, преданность долгу и способность жертвовать собою - оказались в руках у коммунистов, что тогда? Я знаю, что иные враги немцев с невероятным легкомыслием говаривали даже: «что же, тем лучше»... Как во время чумы: соседний дом заражен и вымирает; ну что же из этого? Нам-то что? Слепота и безумие доселе царят в Европе. Думают о сегодняшнем дне, ждут новостей, интригуют, развлекаются; от всего урагана видят только пыль и бездну принимают за простую яму. Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе. Этот процесс в Европе далеко еще не кончился; червь будет и впредь глотать Европу изнутри. Но не по-прежнему. Не только потому, что многие притоны коммунизма в Германии разрушены; не только потому, что волна детонации уже идет по Европе; но главным образом потому, что сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию - европейской культуре дается отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймет ли это она в самом скором времени? Боюсь, что не поймет... Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе. И европейские народы должны понять, что большевизм есть реальная и лютая опасность; что демократия есть творческий тупик; что марксистский социализм есть обреченная химера; что новая война Европе не по силам, - ни духовно, ни материально, и что спасти дело в каждой стране может только национальный подъем, который диктаториально и творчески возьмется за «социальное» разрешение социального вопроса. До сих пор европейское общественное мнение все только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты; что они не уважают права; что они не признают свободы; что они хотят вводить какой-то новый социализм; что все это «опасно» и что, как выразился недавно Георг Бернгард (бывший редактор «Фоссише Цейтунг»), эта глава в истории Германии, «надо надеяться, будет короткой»... Вряд ли нам удастся объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны. Но постараемся же хоть сами понять правду. Итак, в Германии произошел законный переворот. Германцам удалось выйти из демократического тупика, не нарушая конституции. Это было (как уже указывалось в «Возрождении») легальное самоупражнение демократически-парламентского строя. И в то же время это было прекращением гражданской войны, из года в год кипевшей на всех перекрестках. Демократы не смеют называть Гитлера «узурпатором»; это будет явная ложь. Сторонники правопорядка должны прежде всего отметить стремительное падение кривой политических убийств во всей стране. Сторонники буржуазно-хозяйственной прочности должны вдуматься в твердые курсы и оживленные сделки на бирже. И при всем этом то, что происходит в Германии, есть землетрясение или социальный переворот. Но это переворот не распада, а концентрации; не разрушения, а переустройства; не буйно-

расхлестанный, а властно дисциплинированный и организованный; не безмерный, а дозированный. И что более всего замечательно, - вызывающий во всех слоях народа лояльное повиновение. «Революционность» состоит здесь не только в ломающей новизне, но и в том, что новые порядки нередко спешно применяются в виде административных распоряжений и усмотрений, до издания соответствующего закона; отсюда эта характерная для всякой революции тревога и неуверенность людей ни в пределах их правового «статуса» вообще, ни даже просто в сегодняшнем дне. Однако эти административные распоряжения быстро покрываются законами, которые обычно дают менее суровые, более жизненные и более справедливые формулы. Это во-первых.

Во-вторых, эти новые распоряжения и законы, изливающиеся потоком на страну, касаются только публичных прав, а не частных или имущественных. В них нет никакой экспроприирующей тенденции, если не считать опорожнения прав, приобретенных спекулянтами во время инфляции и возможного выкупа земель, принадлежащих иностранным подданным. О социализме же в обычном смысле этого слова - нет и речи. То, что совершается, есть великое социальное переслоение; но не имущественное, а государственно-политическое и культурно-водительское (и лишь в эту меру - служебно-заработанное). Ведущий слой обновляется последовательно и радикально. Отнюдь не весь целиком; однако, в широких размерах. По признаку нового унастроения; и в результате этого - нередко в сторону омоложения личного состава. Удаляется все, причастное к марксизму, социал-демократии и коммунизму; удаляются все интернационалисты и большевизаны; удаляется множество евреев, иногда (как, например, в профессуре) подавляющее большинство их, но отнюдь не все. Удаляются те, кому явно неприемлем «новый дух». Этот «новый дух» имеет и отрицательные определения и положительные. Он непримирим по отношению к марксизму, интернационализму и пораженческому бесчестию, классовой травле и реакционной классовой привилегированности, к публичной продажности, взяточничеству и растратам.

По отношению к еврейству этой непримиримости нет: не только потому, что частное предпринимательство и торговля остаются для евреев открытыми; но и потому, что лица еврейской крови (принимают во внимание два деда и две бабки, из коих ни один не должен быть евреем), правомерно находившиеся на публичной службе 1 августа 1914 года; или участвовавшие с тех пор в военных операциях; потерявшие отца или сына в бою или вследствие ранения; или находящиеся на службе у религиозно-церковных организаций - не подлежат ограничению в правах публичной службы (указ от 8 мая с. г.). Психологически понятно, что такие ограниченные ограничения воспринимаются евреями очень болезненно: их оскорбляет самое введение презумпции не в их пользу - «ты неприемлем, пока не показал обратного»; и еще «важна не вера твоя, а кровь». Однако одна наличность этой презумпции заставляет признать, что немецкий еврей, доказавший на деле свою лояльность и преданность германской родине, - правовым ограничениям (ни в образовании, ни по службе) не подвергается.

«Новый дух» национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: патриотизм, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство чести, готовность к жертвенному служению (фашистское «sacrificio»), дисциплина, социальная справедливость и внеклассовое, братски-всенародное единение. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти верующие, именно верующие лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: «да есть ли на свете народ, который не захотел бы создать у себя движение такого подъема и такого духа?...» Словом - этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения. Каждое из этих трех движений имеет, несомненно, свои особые черты, черты отличия. Они объясняются и предшествующей историей каждой из трех стран, характером народов и размерами

наличного большевистского разложения (1917 г. в России, 1922 г. в Италии, 1933 г. в Германии), и расово-национальным составом этих трех стран. Достаточно вспомнить, что белое движение возникло прямо из неудачной войны и коммунистического переворота, в величайшей разрухе и смуте, на гигантской территории, в порядке героической импровизации. Тогда как фашизм и национал-социализм имели 5 и 15 лет собирания сил и выработки программы; они имели возможность подготовиться и предупредить коммунистический переворот; они имели пред собою опыт борьбы с коммунизмом в других странах; их страны имеют и несравненно меньший размер, и гораздо более ассимилировавшийся состав населения. А еврейский вопрос стоял и ставился в каждой стране по-своему. Однако основное и существенное единит все три движения; общий и единый враг, патриотизм, чувство чести, добровольно-жертвенное служение, тяга к диктаториальной дисциплине, к духовному обновлению и возрождению своей страны, искание новой социальной справедливости и непредрежденчество в вопросе о политической форме. Что вызывает в душе священный гнев? чему предано сердце? к чему стремится воля? чего и как люди добиваются? - вот что существенно. Конечно, германец, итальянец и русский - болеют каждый о своей стране и каждый по-своему; но дух одинаков и в исторической перспективе един. Возможно, что национал-социалисты, подобно фашистам, не разглядят этого духовного сродства и не придадут ему никакого значения; им может помешать в этом многое, и им будут мешать в этом многие. Но дело, прежде всего в том, чтобы мы сами верно поняли, продумали и прочувствовали дух национал-социалистического движения. Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству. Травля против него естественна, когда она идет от коминтерна; и противоестественна, когда она идет из небольшевистских стран.

Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят перед всеми народами. Искать путей к разрешению этих задач обязательно для всех нас. Заранее освистывать чужие попытки и злорадствовать от их предчувствуемой неудачи - неумно и неблагородно. И разве не клеветали на белое движение? Разве не обвиняли его в «погромах»? Разве не клеветали на Муссолини? И что же, разве Врангель и Муссолини стали от этого меньше? Или, быть может, европейское общественное мнение чувствует себя призванным мешать всякой реальной борьбе с коммунизмом, и очистительной, и творческой, - и ищет для этого только удобного предлога? Но тогда нам надо иметь это в виду...

Корнелиу Кодряну МОИМ ЛЕГИОНЕРАМ

Я признаю любую систему, кроме демократии...

...Народ действует не по своей воле (демократическая формула) и не по воле одной личности (диктаторская формула), а согласно законам. Я имею здесь ввиду не законы, созданные человеком. Существуют нормы — естественные законы жизни, и существуют нормы — естественные законы смерти.

Законы жизни и законы смерти. Нация идет к жизни или к смерти в зависимости от того, каким законам она следует.

Необходимо ответить вот на какой вопрос: кто в нации способен понять или интуитивно осознать эти нормы? Люди? Массы? Если бы это было так, я думаю, это значило бы ожидать слишком многого. Толпа не в состоянии понять даже слишком простые законы. Их приходится упорно объяснять по многу раз, чтобы они были понятны, и даже прибегать к наказанию при необходимости.

Для того, чтобы печь хлеб, делать обувь и плуги, обрабатывать землю, водить трамвай необходимо быть специалистом. А разве не надо быть специалистом, чтобы выполнять

одну из самых трудных работ — руководство нацией? Разве не обязательно такому человеку обладать определенными качествами?

Вывод: народ не может управлять собой сам. Им должна управлять элита. А именно: категория людей, составляющих плоть от плоти нации и обладающих определенными знаниями и способностями. Подобно тому как пчелы растят свою "матку", так и народ должен растить свою элиту.

Кто же выбирает элиту? Массы? Сторонники могут найтись для любых "идей" и избиратели для любого кандидата на выборную должность. Однако это не зависит от понимания людьми этих "идей", "законов", "кандидатов", а от чего-то совершенно другого: от той ловкости, с которой отдельные личности могут завоевывать благосклонность масс. Нет ничего более капризного и неустойчивого, чем мнение толпы. Ее критерий выбора: "Попробуем теперь других". Таким образом отбор производится не в соответствии с умениями и знаниями, а случайно и наугад.

Имеется две противоположные идеи, одна из которых верна, а другая ложна. Идет поиск истины, которая может быть только одна. По вопросу проводится голосование. Одна идея набирает 10000 голосов, другая — 10050. Быть может, эти 50 голосов более или менее определяют или отрицают истину? Истина не зависит ни от большинства, ни от меньшинства. У нее свои законы и она торжествует вопреки любому большинству, даже если оно подавляющее.

Может ли народ выбрать свою элиту? Почему же в таком случае солдаты не избирают своего генерала?

Если масса хочет выбрать свою элиту, то она обязательно должна знать законы руководства национальным организмом и степень соответствия квалификации и знаний кандидата этим законам.

Однако масса не может знать ни законов, ни самих кандидатов. Вот почему мы считаем, что руководящая элита страны не может избираться народом. Попытка такого выбора подобна определению большинством голосов того, кому быть в стране поэтами, писателями, летчиками или спортсменами.

Когда массу призывают выбрать элиту, она не только оказывается не в состоянии сделать это, но, более того, за редким исключением она избирает худших из себе подобных.

Демократия не просто устраняет национальную элиту, но заменяет ее наихудшими представителями нации. Демократия избирает людей, абсолютно лишенных совести и морали, тех, кто больше заплатит, т.е., тех, кто больше коррумпирован: фокусников, шарлатанов, демагогов, способных выставить себя с наилучшей стороны во время избирательной кампании. Нескольким хорошим людям удастся проскользнуть среди них и даже немногим честным политикам. Но им предстоит стать рабами первых.

Настоящая элита нации будет разгромлена и устранена, поскольку она откажется конкурировать на таком уровне, она отступит и уйдет в подполье.

Вот в чем причина всех остальных зол: безнравственности, морального разложения и порчи по всей стране, казнокрадства и разграбления богатств страны, кровавой эксплуатации народа, его нищеты и страданий, беспорядка и дезорганизации в государстве, нашествия со всех сторон богатых иностранцев, скупающих за бесценок товары в разорившихся магазинах. Вся страна выставлена на аукцион: "Кто даст больше?". В конечном счете именно сюда нас приведет демократия.

В Румынии, особенно с начала войны, демократия создала для нас посредством системы выборов "национальную элиту", основанную не на смелости, не на любви к своей стране, не на принесенных жертвах, а на предательстве страны, на удовлетворении личного интереса, на взятках, торговле сферами влияния, обогащении за счет эксплуатации, хищений и грабежа, на трусости и интригах, которые плетутся, чтобы разделаться с любым противником.

Такая "национальная элита", если она будет и впредь управлять страной, приведет к уничтожению Румынского государства.

Итак, румынский народ стоит сегодня перед лицом проблемы, от которой зависят все остальные. Это замена фальшивой элиты на истинно национальную, основывающуюся на добродетели, любви и жертвах ради своей страны, справедливости и любви к народу, честности, труде, порядке, дисциплине, справедливости и чести.

Кто же должен произвести эту замену? Кто заменит эту элиту на настоящую? Я отвечаю: кто угодно, но только не масса. Я признаю любую систему, кроме "демократии", ибо вижу, как она убивает народ Румынии.

Новая румынская элита, как и любая другая элита в мире, должна основываться на принципе социального отбора. Другими словами, категория людей, наделенных достоинствами, которые они культивируют, отбирается естественным путем из большой здоровой массы крестьян и рабочих, навечно связанной с землей и страной. Эта категория людей становится национальной элитой, предназначенной руководить нашей нацией.

Когда можно и когда нужно советоваться с народом? С ним необходимо советоваться перед принятием крупных решений, влияющих на его будущее, чтобы он сказал свое слово о том, в состоянии ли он или нет, подготовлен он духовно или нет, чтобы идти определенным путем. С ним нужно консультироваться по вопросам, затрагивающим его судьбу. Вот что значит советоваться с народом. Это не означает выбор им элиты.

Но я повторю свой вопрос: "Кто укажет место каждого внутри элиты и кто даст оценку каждому человеку? Кто осуществляет отбор и кто освящает членов новой элиты?"

Отвечаю: "предыдущая элита". Последняя не выбирает и не называет, но освящает каждого на том месте, которого он достиг благодаря своим достоинствам и способностям. Освящение производит глава элиты после консультации со своей элитой.

Таким образом, национальная элита должна следить за тем, чтобы оставить после себя наследующую элиту, которая займет ее место, элиту, которая тем не менее строится не на принципе наследственности, а исключительно на принципе социального отбора, применяемом с величайшей осторожностью. Принцип наследования сам по себе не является достаточным.

В соответствии с принципом социального отбора элита постоянно поддерживает свою энергию и силу за счет подкрепления из самых глубин нации.

Главная историческая ошибка заключается в том, что элита, созданная на основании отбора, на следующий же день отбрасывала породивший ее принцип, заменяя его принципом наследования и тем самым освещая несправедливую и порочную систему, привилегий, получаемых по наследству.

Демократия появилась именно как протест против этой ошибки и для устранения вырождающейся элиты, для отмены наследуемых привилегий.

Отказ от принципа отбора привел к возникновению фальшивой и вырождающейся элиты, что, в свою очередь, привело к демократическому заблуждению.

Принцип отбора устраняет и принцип выборов, и принцип наследования. Они взаимно исключают друг друга, между ними существует конфликт, поскольку либо действует принцип отбора и в этом случае мнения и голос масс не имеет значения, либо последние голосуют за определенных кандидатов и в таком случае отбора не происходит.

Аналогично, если принят принцип социального отбора, то наследственность не играет роли. Эти принципы несовместимы, если только наследник не удовлетворяет законам селекции.

А что если у нации нет элиты — той первой, которая должна назначить вторую? Отвечу одной фразой, содержащей бесспорную истину:

В таком случае настоящая элита рождается в борьбе с дегенеративной фальшивой элитой. И также на основании принципа отбора.

Следовательно, роль элиты можно суммировать следующим образом:

а) Руководить нацией согласно законам жизни народа.

б) Оставить после себя наследующую элиту, основанную не на принципе наследственности, но на принципе отбора, поскольку только элита знает законы жизни и может судить, до какой степени люди соответствуют этим законам по своим умениям и знаниям.

На чем должна основываться элита?

а) на душевной чистоте;

б) на способности к труду и творчеству;

в) на мужестве;

г) на выносливости и непрерывной борьбе с трудностями, встающими перед нацией;

д) на бедности, точнее, на добровольном отказе от накопления состояния;

е) на вере в Бога;

ж) на любви.

Меня часто спрашивают о том, действуем ли мы в том же направлении, что и христианская церковь. Отвечаю: мы делаем большое различие между направлением нашей деятельности и направленностью христианской религии. Церковь возвышается над нами. Она стремится к величественному совершенству. Мы не можем принизить эту плоскость для того, чтобы объяснить свои поступки. Всею своей деятельностью, всеми своими делами мы пытаемся достичь этих высот, поднимая себя к ним настолько, насколько позволяет груз грехов нашей плоти и впадения в первородный грех. Нам еще предстоит увидеть, как высоко наши мирские дела могут поднять нас до этой черты.

Интервью Ю. Эволы с главой "Железной гвардии"

Перевод с итальянского В.В. Ванюшкиной

Наш автомобиль быстро оставляет за собой забавное зрелище, которое представляет собой центр Бухареста: ансамбль невысоких небоскребов и наисовременнейших зданий, преимущественно "функционального" типа, с витринами и магазинами, оставляющими впечатление некоего смешения парижского и американского стилей. Единственным экзотическим элементом являются часто встречающиеся каракулевые шапки на торговых агентах и обывателях. Мы доезжаем до Северной станции и катимся по пыльной провинциальной дороге, которая ведет сначала направо, затем резко сворачивает налево; наконец, выезжаем на сельскую дорогу и останавливаемся перед одиноко стоящим среди полей зданием: это "Зеленый Дом", резиденция главы румынской "Железной гвардии".

"Мы построили его своими руками", — с легкой гордостью говорят сопровождающие нас легионеры. Интеллектуалы и ремесленники объединились для строительства резиденции своего вождя, которое стало для них почти символическим и обрядовым действием. Здание выстроено в румынском стиле: с обеих сторон оно продолжается своего рода портиком, напоминая монастырь.

Мы входим и поднимаемся на первый этаж. Навстречу нам выходит высокий, стройный молодой человек спортивной осанки с открытым лицом, которое оставляет впечатление благородства, силы и верности. Это и есть Корнелиу Кодряну, вождь Железной Гвардии. Он представляет собой особый римско-арийский тип: кажется выходцем из древнего арийско-италийского мира. В его серо-голубых глазах светятся твердость и хладнокровие, свойственные вождям, и, одновременно, от всего его облика исходит сияние идеализма, внутреннего мира, силы, человеческого понимания. Даже стиль его беседы характерен: прежде чем ответить, он углубляется в себя, отстраняется, затем, внезапно, начинает говорить, выражая свои мысли с почти геометрической точностью в четких и органичных фразах.

"После этой бесконечной фаланги журналистов всех мастей и национальностей, — говорит Кодряну, — я впервые, к своему удовольствию, вижу журналиста, которого волнует, прежде всего, душа, духовное ядро моего движения. Я нашел подходящее

выражение дабы удовлетворить этих журналистов и сказать им чуть больше, чем ничего, а именно, показать созидательный национализм".

"Составляющими человека являются организм, то есть организованная форма, затем жизненные силы и, далее, душа. Можно сказать то же самое и относительно народа. Поэтому национальное строение государства, хотя естественно и воспроизводит все три элемента, подчинено, прежде всего, движениям одного из этих элементов (в зависимости от различного опыта и наследственности)".

"На мой взгляд, в фашистском движении преобладает элемент государства, соответствующий организованной форме. В этом сказывается формирующая мощь древнего Рима, владыки права и политической организации, прямыми наследниками которого стали итальянцы. В национал-социализме же на первый план вынесено то, что связано с жизненными силами: раса, инстинкт расы, национально-этническая составляющая. В румынском движении легионеров ударение ставится прежде всего на то, что в организме соответствует душе: на духовной и религиозной стороне".

"Отсюда вытекает характеристика различных национальных движений, хотя, в конечном счете, они должны охватывать все три элемента, не пренебрегая ни одним из них. Особый характер нашего движения обусловлен нашей древней наследственностью. Еще Геродот называл наших предков "бессмертными даками". Они еще до принятия христианства верили в бессмертие и нетленность души, что свидетельствует об их стремлении к духовности. Римская колонизация добавила к этому элементу римский дух организации и формы. Все последующие века разложили и сделали ничтожным наш народ, но также как в больной и загнанной лошади можно распознать чистую породу, так и в румынском народе можно обнаружить скрытые элементы этого двойного наследия".

"Эту наследственность, — продолжает Кодряну, — стремится пробудить легионерское движение. Оно исходит из духа: оно желает создать духовно нового человека. Если эта задача будет реализована как "движение", пробудится и вторая наследственность, то есть римская формообразующая политическая сила. Следовательно, душа и религия являются для нас отправной точкой, а "созидательный национализм" — это наша цель, то есть простое следствие. Одновременно аскетическая и героическая этика "Железной гвардии" состоит в воссоединении обоих этих элементов".

Мы спрашиваем Кодряну насколько его движение духовно связано с православной религией.

Он отвечает: "В целом мы стремимся оживить в форме национального сознания и живого переживания то, что в религии слишком часто оказывается мумифицированным и стало традиционализмом сонливого духовенства. Мы оказались в благоприятных условиях, поскольку нашей национальной религии чужд дуализм между верой и политикой, и она способна обеспечить нам этические и духовные элементы, необходимые для построения нашего движения. Именно из нашей религии Железная Гвардия черпает свою основополагающую идею — вселенскую идею. Это путь положительного преодоления как интернационализма, так и всякого абстрактного рационалистического универсализма. Вселенская идея это идея общества, понимаемого как жизненное единство, живой организм, как совместная жизнь не только с нашим народом, но и с Богом и нашими мертвыми. Осуществление подобной идеи в виде действенного опыта есть средоточие нашего движения; политика, партия, культура и прочее для нас являются лишь следствиями и ответвлениями. Мы должны воскресить эту центральную реальность и тем самым обновить румына, что позволит в дальнейшем возродить также нацию и государство. Особым моментом является то, что для нас присутствие умерших во вселенской нации это не абстракция, а реальность; наши мертвые это, прежде всего, наши герои. Мы не можем отделять себя от них, они как силы, освободившиеся от человеческой обусловленности, пронизывают и поддерживают нашу высшую жизнь.

Легионеры периодически собираются небольшими группами, которые называются "гнезда". Эти собрания сопровождаются особыми обрядами. Любое собрание начинается с

обращения ко всем нашим павшим товарищам, на которое собравшиеся отвечают "Здесь". Но это для нас не простая церемония или аллегория, но реальное обращение к духам наших предков. "Мы различаем индивида, нацию и трансцендентную духовность,— продолжает Кодряну. — И в героической самоотверженности видим то, что ведет от одного к другому, вплоть до высшего единства. Мы отрицаем все формы принципа грубой материальной выгоды: не только на уровне отдельного человека, но и на уровне нации. По ту сторону нации мы признаем вечные и неизменные принципы, во имя которых надо быть готовым сражаться и умирать. Так, например, истина и честь являются метафизическими принципами, которые мы ставим выше даже самой нации".

Нам известно, что аскетизм Железной Гвардии является не просто отвлеченным, но вполне конкретным и регулярно практикуемым. Например, соблюдается пост: три дня в неделю около 800 000 человек держат так называемый "черный пост", то есть воздерживаются от всякой пищи, спиртного и табака. Молитва также составляет существенную часть движения. Более того, для отборного передового корпуса, носящего имена двух легионерских вождей, погибших в Испании — Моза и Марин,- действует правило celibата. Мы просим Кодряну пояснить нам смысл подобных ограничений. Он на мгновении сосредотачивается и потом говорит: "Существует два аспекта, для прояснения которых необходимо принять во внимание дуализм человека, который состоит из природного материалистического элемента и духовного. Когда первый преобладает над вторым это "ад". Всякое же их равновесие временно и случайно. Только полное господство духа над телом является нормальным условием и предпосылкой всякой подлинной силы, истинного героизма. Мы постимся поскольку это способствует соблюдению подобного условия, ослабляет телесные узы, благоприятствует самоосвобождению и самоутверждению чистой воли. Когда же к этому добавляется молитва, мы просим высшие силы присоединиться к нам и незримо поддерживать нас. Это ведет ко второму аспекту: заблуждение думать, что в сражении решающими являются лишь материальные и чисто человеческие силы; напротив, в битве участвуют и незримые духовные силы, по крайней мере, столь же действенные, как и первые. Мы осознаем позитивность и значение подобных сил. Поэтому мы и придаем легионерскому движению четко аскетический характер. В древних рыцарских орденах также соблюдался принцип целомудрия. Подчеркну однако, что у нас, он распространяется только на Штурмовой Отряд, что вызвано и чисто практическими соображениями, ведь тому, кто полностью посвящает себя борьбе и не должен бояться смерти, лучше не иметь семейных обязательств. Наконец, в этом отряде состоят только до тридцати лет. Но в любом случае приложение принципа остается неизменным: с одной стороны существуют те, кто не знает ничего, кроме "жизни" и стремится к благополучию, процветанию, богатству, роскоши; с другой, те, кто чаёт более, чем жизни, славы и победы в борьбе — как внешней, так и внутренней. Железная Гвардия принадлежит к этому второму отряду. И их воинский аскетизм довершается последним правилом: обетом бедности, которого придерживается вся элита движения. Ей предписывается отказ от роскоши, пустого времяпровождения, от так называемых светских развлечений, т.е. она призвана к подлинному преображению жизни".

5. На руинах рейха.

У нас привыкли выставлять Гитлера умалишенным, безответственным, посредственным: одновременно жалкой низменной личностью и злым гением – что явно как-то несуразно. Безусловно, на него ложится большая историческая ответственность за его действия, как и на любого политического деятеля подобного масштаба. Сравните с этой колоссальной драмой мира измелечение и ничтожество современной правящей элиты, ее притязаний и идеалов.

В данном произведении сам вождь германского национал-социализма дает очень объективную оценку своей деятельности, подводит итог первой эпохе национал-социализма. Мужественно, без прикрас, самокритично. Он до конца – человек убеждений (пусть и враждебных многим), в отличие от бывшей советской элиты, превратившейся в полную противоположность тех взглядов, которые они проповедовали советскому обществу. Во всяком случае, читатель может лично составить себе мнение о том, что представлял собой как человек Адольф Гитлер, насколько он понимал и чувствовал свою ответственность перед историей, как разбирался в политической ситуации. А потом сделать вывод о его моральных убеждениях и умственных способностях.

А. Гитлер Политическое завещание

Перевод с английского - проф. Столешников, декабрь 2006 года.

Глава первая. 4 февраля 1945 г.

Черчилль воображает себя вторым Питтом. Что за тщеславие! В 1793 году Питту было всего 34 года, в то время как Черчилль, увы, всего лишь старый человек, который только и может, что исполнять приказы этого безумца Рузвельта.

(Вильям Питт Младший был премьер-министром Англии во время Наполеона. Его папаша - Вильям Питт Старший был премьер-министром Англии сразу же перед сыном. - *Прим. пер.*)

Во всяком случае, ситуации несравнимые. Вспомните положение во времена Питта. С точки зрения Англии, Питт было совершенно прав, отказываясь иметь какие-либо дела с Наполеоном. Перед лицом сложной ситуации, Питт, проявляя стойкую позицию, обеспечивал за Англией сохранение её ведущей роли, которую ей предстояло играть в девятнадцатом веке. У Питта была политика, направленная на сохранение лидерства своей страны. Черчилль же, отказываясь придти со мной к соглашению, обрек свою страну на самоубийство.

(А.Г. имеет ввиду, что Великая Британская Империя, набравшая силу во времена Питта, в результате лидерства Черчилля перестала существовать, и её роль перешла к США и возникшему в результате Второй Мировой Войны Израилю. - *Прим. пер.*)

Черчилль сделал те же самые ошибки, как и те генералы, которые ведут новую войну, исходя из принципов предыдущей. Но теперь налицо были такие элементы, которые не укладывались в старые схемы. Новым критическим фактором было появление двух сверхдержав - США и СССР.

Англия Питта, помешав Наполеону достигнуть его целей, обеспечила баланс мировой силы, предотвратив гегемонию Наполеона в Европе.

Поэтому, напротив, Англия Черчилля, для того, чтобы сохранить тот же мировой баланс силы, должна была позволить объединение Европы.

В самом начале войны я действовал, исходя из того, что Черчилль способен понять этот великий смысл; и в моменты прояснений, он действительно, вроде бы схватывал это. Но Черчилль слишком долго был впряжён в еврейскую повозку.

Моя политика достижения соглашения с Англией была направлена на избежание непоправимой ситуации для Запада. Позднее, когда я атаковал СССР и вскрыл большевистский гнойник, я надеялся, что в сознании западных стран это зажжёт искру

здорового смысла. Я дал Западу шанс, не пошевелив даже пальцем, абсолютно безопасно принять участие в акте великого очищения, предоставив всю санитарную работу одной Германии. Однако ненависть этих лицемеров к честному человеку гораздо сильнее, чем чувство самосохранения. Я НЕДООЦЕНИЛ ВЛАСТЬ ЕВРЕЕВ В АНГЛИИ! Они предпочли даже сами разрушить Британскую Империю, чем допустить в Англии национал-социализм. Под нашим давлением они терпели наш внешний антисемитизм. Но наша абсолютная нацеленность на выкорчёвывание корней еврейской власти, и уничтожение её ответвлений по всему миру, было блюдом, которое их деликатные желудки не могли переварить.

Гений Питта лежит в применении реалистичной политики, политики в гармонии с условиями эпохи, которая дала возможность его стране совершить поистине удивительный подъём, что и обеспечило превосходство Англии в девятнадцатом столетии. Попугайское повторение этой политики Черчиллем, полное игнорирование того факта, что ситуация, мягко говоря, не такая, - это чистый абсурд. Мир-то, между прочим, изменился со времени Питта.

Да, предыдущее столетие перемены происходили медленно, но Первая мировая война резко увеличила скорость, а эта война подводит нас к предъявлению счетов и окончательному решению.

В начале девятнадцатого столетия с точки зрения мировой силы, только Европа бралась в расчёт. Великие империи Азии пребывали во сне, скорее смахивающим на смерть. Новый Мир был ещё не более, чем отростком на конце старого, и никто тогда ещё и не мог предположить будущее, поджидаемое 13 английских колоний, которые только обрели свою независимость... Тринадцать!!! Я не суеверен, но история так и провоцирует на суеверие! Чтобы новое государство со всего четырьмя миллионами населения за всего лишь сто лет так неизмеримо выросло, чтобы к началу 20-ого столетия стать сверхдержавой!...

В течение решающего периода между 1930 и 1940 годом ситуация была абсолютно другой, нежели во времена Питта и Наполеона. Европа потеряла в результате Первой мировой войны всякую гордость, и никто уже не рассматривал её в качестве мирового лидера. Европа продолжала ещё быть одним из центров, но который катастрофически терял своё значение перед лицом поднявшихся колоссов США и СССР, а также и Империи Восходящего Солнца. Если бы судьба даровала бы стареющей и дряхлеющей Британской империи нового Питта; вместо этого оживленного, спившегося полуамериканца, то этот "Новый Питт" сразу бы понял, что традиционная английская политика поддержания мирового баланса власти должна теперь примениться к совершенно другому соотношению сил, и на этот раз действительно в глобальном масштабе.

Вместо того чтобы разжигать вражду внутри Европы, Британия была обязана сделать даже выше своих возможностей, чтобы добиться объединения Европы! Объединённая с объединённой Европой, Англия, тем не менее, сохранила бы шанс играть роль арбитра в мировых делах.

Но всё происходящее наводит на мысль, что Провидение теперь наказывает Туманный Альбион за его прошлые преступления, которые он совершил во время своего подъема к роли Мировой Империи.

Приход Черчилля в решающий момент не только для Англии, но и для всей Европы - это наказание, выбранное Провидением. Для выродившейся английской элиты Черчилль был именно тем человеком, который им был нужен; и именно этот маразматик решал судьбу не только Англии, но и всей Европы. Мне кажется, и этот вопрос остаётся открытым, что английский народ тоже, как и их выродившаяся элита, должен был бы сохранить те качества, которые до этого ещё как-то могли объяснять английское доминирование в мире. Но я лично - сомневаюсь, поскольку английский народ вообще никак не прореагировал на промахи, совершаемые их правительством. А между тем было

достаточно много возможностей, когда Англия могла вступить на более плодотворный путь.

Если бы она только захотела, Британия могла бы положить конец войне ещё в самом начале 1941 года. В небе над Лондоном она показала всему миру свою решимость к сопротивлению, и могла зачесть в свою пользу те сокрушающие победы, которые она одержала над итальянцами в Северной Африке. Традиционно, Англия должна была бы пойти на мир, но еврейству он был не нужен, и их лакеи Черчилль и Рузвельт, были на своих местах, чтобы этот мир предотвратить.

Заклѳчѳнный тогда мир, позволил бы нам предотвратить вмешательство США в европейские дела. Под руководством рейха, Европа была бы быстро объединена. Как только бы мы уничтожили еврейский яд, объединение Европы стало бы лѳгким делом. Франция и Италия, каждая из которых была разбита с промежутком всего в несколько месяцев двумя германскими народами (Гитлер имеет в виду, что немцы и англосаксы имеют германское происхождение. - *Прим. пер.*), сразу бы сочли за счастье выйти из игры. Франция и Италия вынуждены были бы сразу отказаться от всех совершенно неуместных притязаний на величие. В то же самое время они оказались бы вынужденными отказаться и от всех своих притязаний на Северную Африку и Ближний Восток, А ЭТО В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ПОЗВОЛИЛО БЫ ЕВРОПЕ НАЧАТЬ БОЛЕЕ РЕШИТЕЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В РАЗВИТИИ ДРУЖБЫ С МУСУЛЬМАНСКИМИ СТРАНАМИ.

В то же время Британия, освобожденная от всех забот внутри Европы, смогла бы посвятить свои силы благосостоянию своей огромной Империи.

И, наконец, Германия, как прочный тыл Британской Империи, смогла бы отдать себя всю и без остатка своей величайшей задаче, цели всей моей жизни, и квинтэссенции Национального социализма - деструкции Еврейского большевизма. Это бы закончилось завоеванием обширных земель на Востоке; а это, в конечном итоге, обеспечило бы будущее германской нации.

Законы природы следуют своей логике, которая не всегда совпадает с нашими собственными представлениями о логике. Сами мы были готовы к компромиссам. МЫ БЫЛИ ГОТОВЫ БРОСИТЬ ВСЕ СИЛЫ НА СОХРАНЕНИЕ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ, и это, прошу вас отметить, в то время, когда, сказать по правде, я испытывал гораздо больше симпатий к самым последним индусам, чем к этим надменным островитянам. (Гитлер так называет англичан. - *Прим. пер.*)

Впоследствии немцы смогут зачесть себе в плюс, что они не сделали вклад ни в какое гнусное дело, за что мир будущего смог бы их упрекнуть. Мы точно можем сделать одно пророчество: какой бы ни был исход этой войны - для Британской Империи в любом случае это конец. Она смертельно ранена. Будущее английского народа - это умереть от голода и туберкулѳза на их проклятом острове.

Британская тупость и отчаянное упорство, между прочим, обеспеченное Рейхом, - это разные вещи. В первую очередь, Англия имела свободу выбора, и никто её не заставлял объявлять нам войну. Но она не только пошла на войну, но сама же её и спровоцировала. Мне наверно не надо было бы даже и упоминать, что поляки, если бы их не подстрекали английские и французские поджигатели войны, которые сами, в свою очередь, инспирировались евреями, определенно не были бы настроены совершать собственное самоубийство.

И даже при таком раскладе, даже после своей первоначальной ошибки, Британия смогла бы вытащить свои каштаны из огня, - или после ликвидации Польши, или после разгрома Франции. Конечно, так делать, - для неё было бы не совсем прилично, однако, на дела такого рода английское чувство чести не распространяется. Всѳ что от неё требовалось, это взвалить ответственность за своё отступничество на своих бывших союзников, - собственно, так же как она сама и Франция сделали в 1940 году с Бельгией, и более того, в этом случае мы бы сами помогли ей сохранить лицо.

В самом начале 1941 года, после того как успехи в Северной Африке помогли Англии вернуть престиж, она имела ещё более удобную возможность выхода из игры и подписания с нами сепаратного мира. Почему, вы могли бы спросить, Англия предпочла подчиняться приказам еврейских и американских друзей, - народца, который уж точно был гораздо хищнее её самых злейших врагов.

И я вам скажу, Англия не вела своей войны, она воевала войну, навязанную ей своими прожорливыми союзниками.

С другой стороны, Германия не имела выбора. Как только мы объявили наше желание, наконец, объединить всех германцев в одну Великую Империю и обеспечить для них действительную независимость - другими словами свободу жить своей собственной жизнью - все наши враги сразу поднялись против нас. И война стала неизбежной, поскольку, если бы мы хотели её избежать, то мы должны были бы пожертвовать самыми фундаментальными интересами германского народа. Как раз, что касается нашего народа, то мы не согласимся на просто некое сходство с настоящей независимостью. Такая ситуация вполне удовлетворяет швейцарцев и шведов, которые всегда готовы подписаться под сомнительными и замысловатыми формулами, при условии, что кое-что перепадёт и в их карманы. Но такое поведение недостойно амбиций Третьего Рейха.

Таким образом, в тот, или иной момент, - **МЫ БЫЛИ ПРИГОВОРЕННЫ К ВОЙНЕ. МЫ ТОЛЬКО СТАРАЛИСЬ ВЫБРАТЬ НАИМЕНЕЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ.** И как только это случилось, - о выходе из игры уже не могло быть и речи. Наши враги нацелились не только на учение Национального социализма. Они ненавидят Национальный социализм, потому что именно он воодушевил германскую нацию. Поэтому они искали методы уничтожения германского народа, о чём не может быть ни малейших сомнений. И поскольку их ненависть оказалась сильнее лицемерия, они не выдержали. Мы можем только выразить благодарность нашим врагам за то, что они так ясно выразили нам свои намерения.

На эту всеохватывающую ненависть мы могли ответить только всеобщей борьбой. Сражаясь за само наше существование, мы сражались до последнего, и, что бы ни случилось, мы будем сражаться до конца. Германия выйдет из этой войны ещё сильнее, чем когда-либо, а Британия - слабее, чем когда-либо.

История показывает, что неудача и несчастье часто были необходимой прелюдией к Великому Возрождению. Страдания германского народа (а в этой войне он страдал несравненно больше, нежели любой другой народ) являются именно той причиной, которая, с позволения Провидения, даст ему подняться ещё выше к окончательной победе. И если, несмотря на наши жертвы и нашу решительную целеустремлённость, Провидение нас покинет, - это только будет означать, что Судьба подвергает нас великим испытаниям, чтобы дать нам возможность в борьбе защитить наше право на существование.

Глава вторая. 6 февраля 1945 г.

После пятидесяти четырёх месяцев титанической борьбы, войны с обеих сторон, ведущейся с беспримерной яростью, германский народ обнаруживает себя в одиночестве пред лицом коалиции, поклявшейся уничтожить его.

Война бушует по всем нашим границам. Она подходит всё ближе и ближе. Наши враги собирают силы для финального штурма. Их цель, не просто разбить нас в сражении, но раздавить и уничтожить совсем. Их цель разрушить нашу страну, вычеркнуть самоё наше мировоззрение с лица земли, поработить наш народ - в качестве наказания за его верность идеям национального социализма. Нам осталось - последние четверть часа.

Ситуация серьёзная, очень серьёзная. Может быть, даже отчаянная. Мы могли бы поддаться чувству усталости, изнеможения. Мы могли бы позволить себе впасть в уныние до той степени, чтобы не замечать слабости наших врагов. Но эти слабости все налицо. Перед нами противоестественная коалиция, насильно стянутая ненавистью, ревностью, и

сцементированная паникой, каковой национально-социалистическое учение охватывает это жидовское сборище.

Лицом к лицу с этим бесформенным монстром, единственный наш шанс - это надеяться только на себя и только на себя; противопоставить этому разношерстному, интернациональному, космополитическому сброду нашу национальную целостность, воодушевлённую мужеством, которое не могут поколебать никакие угрозы. Народ, который сражается так, как сражается сейчас германский народ, никогда не поглотит сатанинское пламя. Наоборот, он явится из горнила с душой ещё более закаленной и бесстрашной, чем когда-либо. Какие бы поражения в дни грядущие ни причинили бы нам боль, германский народ даже из них вберёт в себя свежую силу, и, что бы сегодня ни произошло, он будет жить в своё славное завтра.

Похоть к уничтожению, которая движет этих волков в погоне за своей добычей, не оставляет нам выбора. Это указывает путь, которому мы должны следовать - единственный путь, который нам остался. Мы должны продолжать сражаться с яростью отчаяния и без оглядки; с нашими глазами всегда прямо на врага, мы должны защищать каждую пядь нашей родины. Когда сражаешься - всегда есть надежда, и даже только поэтому мы должны запретить себе думать, что борьба проиграна. Ни одна игра не проиграна до последнего свистка. И если, несмотря на всё, Судьба снова распорядится, чтоб ещё раз в истории мы были бы разбиты превосходящими силами, давайте примем смерть с высоко поднятыми головами и позаботимся о том, чтобы в памяти людей честь германского народа осталась бы незапятнанной. Отчаянная битва - это всегда пример блистательного зрелища. Вспомним Леонида и его триста спартанцев! (В 480 году до нашей эры Леонид, сын царя Спарты Анаксандрида Второго при нашествии Персидского императора Ксеркса в битве при Фермопилах всего с 300 спартанцами на узкой тропе сдерживал многотысячную армию Ксеркса, положив большое число врага. Погиб в сражении. - *Прим. пер.*). В любом случае, мы сделаны не из того теста, чтобы как стадо баранов покорно идти на заклание. Они могут нас уничтожить, но они никогда не затащат нас на свою живодёрню!

Нет такого явления, как безвыходная ситуация! Вспомните, как много неожиданных поворотов фортуны даже в истории одного только германского народа". Во время Семилетней Войны Фредерик Великий обнаружил себя загнанным в угол. Зимой 1762 года он решил, что если к определённой дате, которую он выбрал, не произойдёт никаких перемен, то он примет яд. И вдруг, за несколько дней до установленной даты, совершенно неожиданно умирает русская царица Елизавета, и вся ситуация чудеснейшим образом разворачивается на 180 градусов!

Как и Фредерик Великий, мы тоже бьёмся против той же коалиции, но любая коалиция - это шаткая конструкция. Она существует только по воле нескольких человек. Если Черчилль внезапно исчезнет, всё может измениться в один миг!

Английская аристократия тут же сможет увидеть разверзающуюся перед ними пропасть - и может испытать серьёзный шок! Ведь хоть и непрямо, но мы боремся и за британскую расу, и они бы тоже получили свою долю от плодов наших побед...

Мы всё ещё имеем шанс вырвать победу на последнем рывке! Только бы у нас было время это сделать!

Всё, что мы должны сделать, - это отказаться идти ко дну. Для германского народа простой факт продолжающейся независимости был бы победой. И это одно было достаточным оправданием этой войны, которая была не напрасной. Война в любом случае, была неизбежной. Враги германского национал-социализма объявили мне войну ещё так давно, как в январе 1933 года.

Глава третья. 7 февраля 1945 г.

Любой народ, который хочет процветать, должен оставаться связанным со своей землёй. Человек никогда не должен терять своей связи с землёй, на которой он родился. Он не должен покидать свою родину, за исключением короткого периода времени, и всегда только с намерением вернуться. Англичане, которые по необходимости стали

колонизаторами, и которые, в действительности, были великими колонизаторами, в целом тоже подчинялись этому правилу.

Что касается континентальных наций (в противовес островитянам - англичанам. - *Прим. пер.*), то я уверен, что они должны расширяться только в тех направлениях, в которых могут идти пешком. Эта нужда в укоренении прилагается ко всем континентальным нациям, и в особенности, по-моему, к германским народам. И это с наибольшей вероятностью объясняет, почему мы реально никогда не стремились быть колонизаторами. Взгляд в историю, и античную и новую, покажет, что заокеанские экспедиции, в долгосрочном плане, всегда разоряли тех, кто их предпринимал. Все они, в конце концов, были истощены своими собственными усилиями, и, вследствие неизбежной природы вещей, они все поддались силам, которые, или они сами породили, или, которые они же сами и оживили. Что может быть лучше примером этого, нежели древние греки?

Что справедливо для древних греков, то остаётся одинаково верно и для всех европейских наций современности. Чтобы процветать, люди должны концентрировать свои усилия на своей собственной стране. Детальное рассмотрение любого достаточно длинного периода истории всегда обнаружит истину этого утверждения.

Испания, Франция и Британия, они все ослабились, обескровились и самоуничтожились во всех этих своих колониальных предприятиях. Континенты, которым Испания и Англия дали рождение, которые они подняли пядь за пядью, сегодня выбрали независимый образ жизни и совершенно эгоистический образ мышления. В таком виде - это чисто искусственные образования, без своей души, без своей культуры, без своей цивилизации, и если оценивать с этой точки зрения, страны на этих континентах не что иное, как метастазы.

Конечно, возможно представить, до этого безлюдные, а теперь, стремительно заселяемые континенты, как прогресс. США и Австралия дают нам хорошие примеры. Прогресс? - Возможно - но только с технологической стороны. Но это всё искусственные конструкции, бездушные тела без возраста, о которых даже нельзя сказать, или они ещё в младенческом возрасте, или в состоянии маразма.

На тех же континентах, которые были населены, крах ещё более заметен. В них белые расы навязали свою волю силой, и их положительное влияние на местных жителей оказалось ничтожным. Индусы остались индусами, китайцы остались китайцами, и мусульмане тоже остались теми же мусульманами. Никаких глубоких преобразований не случилось; кстати, в особенности именно в религиозной сфере, в которой старания христианских миссионеров были наибольшими. За исключением, может быть, нескольких простаков или умственно отсталых, были только какие-то случайные выкресты, в искренность которых никто и не верил. Конечно, белые расы кое-что дали местным жителям, но это были самые худшие дары, которые они могли подарить - все пороки западной цивилизации: материализм, фанатизм, алкоголизм, наркомания, сифилис и другие венерические болезни. Но остальные местные жители, поскольку они обладали личными качествами, намного превышающими личные качества, какие им могли предложить мы, по сути, не претерпели никаких изменений. Где пытались навязать силой, результаты вообще оказались катастрофическими, и здравый смысл, отдающий себе отчёт в тщетности подобных мер, должен исключить всякую возможность применения силы в будущем.

Только в одном колонизаторы преуспели - везде они преуспели в возбуждении к себе ненависти; ненависти, которая побуждает этих людей пробудиться от своего золотого сна, разрушенного нами, и восстать и выгнать нас взашей. И действительно, такое впечатление, что они просыпаются только с этой целью! Кто-нибудь может доказать, что колонизация увеличила число христиан в мире? Где все эти массовые обращения, которые в своё время отметили успех ислама? Там и сям можно найти изолированные христианские островки, христианские скорее по названию, чем по убеждению. И что, - это

и есть суммарный успех пресловутого триумфального шествия этой чудотворной христианской религии - хранительницы высочайшей истины!

Приняв всё во внимание, можно констатировать, что колонизаторская политика Европы, закончилась полным крахом. Я не забыл один момент видимого успеха, успеха - чисто материального; я говорю об этом монстре, который зовет себя "США", и о которых, я сейчас хотел бы сказать. И монстр - это единственно подходящее для Соединённых Штатов определение! В то время как вся Европа - которая есть родная мать Америки - отчаянно дерётся против еврейского большевизма; Соединённые Штаты, руководимые окружённым со всех сторон евреями Рузвельтом, не придумали ничего лучшего, как предоставить свои сказочные материальные ресурсы в распоряжении этой хазарской орды, которая нацелена уничтожить Европу.

Оглядываясь назад, я очень расстроен от одной мысли о тех миллионах немцев, людей доброй воли, которые эмигрировали в Соединённые Штаты, и которые теперь составляют хребет этой страны. Потому что эти люди, заметьте, не просто потерянные для своей родины, хорошие немцы; на самом деле они стали врагами, ещё более нетерпимыми настроенными к нам, чем любые другие. Немецкий эмигрант везде сохраняет свои качества хорошего и выносливого работника, и это так, но он очень быстро теряет свою душу. Нет ничего более ненатурального, чем Немец, который стал эмигрантом.

В будущем мы должны предпринять меры, против этих напрасных кровотоков германской крови. Только на восток, и только на восток должна течь наша кровь. Это направление сама Природа выбрала для распространения германских народов. Суровый климат, которым Восток их встречает, позволяет им сохранить качества закалённых и энергичных людей; и живой контраст, который они там встречают, позволяет им сохранять в свежести свою любовь и стремление к родине. Перенеси немца в Киев, и он останется цельным немцем. Но перенеси его в Майами, и вы сделаете из него дегенерата, то есть Американца.

И поскольку колонизация не является призванием немцев, Германия никогда не должна дружить со странами-колонизаторами и всегда должна отказываться от сотрудничества с ними в их колониальных устремлениях. Что мы хотим - это американская Доктрина Монро, но для Европы; то есть "Европа - для европейцев!" Мы хотим доктрину, которая подразумевает, что, как и американцы так и европейцы, не должны вмешиваться в дела других континентов.

(Президент США Джеймс Монро в 1823 году провозгласил, что Европа более не должна вмешиваться в дела западного полушария. Позднее, когда США окрепли, президент США Теодор Рузвельт сделал поправку к доктрине Монро, провозгласив, как само собой разумеющееся, что к самим США доктрина Монро не относится. Эта поправка известна как "Roosevelt Corollary to the Monroe Doctrine". - *Прим. пер.*)

Потомки бывших английских каторжников в Австралии должны возбуждать в нас не более чем чувство высочайшей незаинтересованности. Если их жизненная сила не достаточно сильна, чтобы увеличиваться со скоростью пропорциональной размерам территории, которую они занимают, то это их личные проблемы; и пусть они к нам, связи с этим, за помощью не обращаются. Что касается меня лично, то у меня нет вообще никаких возражений, наблюдать как избыток населения плодородной Азии, как магнитом притягивается к австралийским пустым пространствам. Пусть сами разбираются! И позвольте мне повторить - нам до этого никакого дела нет.

Глава четвёртая. 10 февраля 1945 г.

Я иногда спрашивал себя, не сделали ли мы ошибку в 1940 году, не втянув в войну Испанию. На словах - это всё легко выглядит, поскольку Испания, как и Италия, тоже вместе с нами уже видела себя победителем. Франко, конечно, сильно преувеличил перспективы относительно испанского вмешательства. Тем не менее, я убеждён, что, несмотря на систематический саботаж его близкого родственника - католического

Иезуита, Франко согласился бы на союз с нами на вполне приемлемых условиях - на обещании небольшого кусочка Франции, как утешение его национальной гордости; и большого куска Алжира, как действительно ценного и вполне реального подарка.

(Serrano Suner (1901-2003). Родственник Франко. Слово, которым обозначается его родственность может означать и мужа сестры (зять), и брата жены (шури́н) Во время интернациональной коммунистической интервенции в Испанию был на стороне генералиссимуса Франциска Франко. Поэтому был министром внутренних дел (1937-40), министром прессы и пропаганды (1939-40), и иностранных дел (1940-42). Serrano Suner был главным адвокатом союза с США и Англией в Испании. - *Прим. пер.*)

Но поскольку Испания реально не имела ничего, чтобы внести в качестве общего вклада, я пришёл к выводу, что её прямое вмешательство не желательно. Верно, что вступление в войну Испании позволило бы нам оккупировать Гибралтар, но с другой стороны, это определённо добавило бы нам многие километры атлантического побережья, которое бы нам пришлось защищать от Сан-Себастьяна до Кадиса. Кроме этого, была возможность возобновления внутренней войны в самой Испании, всюю финансируемая Англией. Таким образом, мы могли, к лучшему или худшему, но связать себя с режимом, к которому сейчас я испытываю ещё меньше симпатий, чем прежде - с режимом капиталистических спекулянтов и поповской бандой! Я никогда не прощу Франко за то, что он не перемирил народ после окончания гражданской войны; за то, что он начал преследовать "фалангистов", которых Испания должна благодарить за помощь, которую они оказали Испании; и за то, что Франко огульно зачислил в "красные" всех своих бывших врагов, которые, на самом деле, были довольно далеко от собственно "красных", и обращался с ними как с бандитами. Поставить половину населения Испании за черту закона! И в тоже время, с благословения церкви, позволять крохотной кучке олигархов обогащаться за счёт всего остального народа, - это совсем не является решением (Прямо, как в сегодняшней России! - *Прим. пер.*).

Я совершенно уверен, что в Испании очень немногие из так называемых "красных", на самом деле были агентами Москвы. Нас просто по-чёрному обманули, потому что, если бы я знал настоящее положение вещей, я бы никогда не позволил бы нашим самолётам бомбить голодающее население и в тоже время фактически способствовать возврату испанского поповства со всеми их чудовищными привилегиями.

Суммируя, обеспечив нейтралитет Иберийского полуострова, Испания уже оказала нам услугу в этом конфликте, что, единственно, и было вполне в её силах. Уже имея на своём горбу Италию, которая нам со всех сторон была обузой; и, учитывая низкое качества испанского солдата и Испании самой по себе; в её жалком состоянии разрухи и неподготовленности, - она была бы ещё более тяжким усугублением нашего положения, чем ценным приобретением.

Эта война убедительно показала по крайней мере одну вещь - уже не реставрируемый декаданс латинских стран. Франция, Испания и Италия наглядно продемонстрировали всему миру, что они уже выдохлись и поэтому уже более не имеют права принимать участия в урегулировании глобальных дел.

Простейший способ - это было бы оккупировать Гибралтар нашими парашютистами, сопровождаемый показательным протестом Франко, но без всякого, с его стороны, объявления войны. Я убеждён, что Англия не воспользовалась бы этой причиной для объявления войны Испании. Англия, наоборот, была бы удовлетворена, видя Испанию ещё более, так сказать, не в военной форме. И с нашей собственной точки зрения, - это бы предотвратило всякую опасность высадки англичан на побережье Португалии.

Глава пятая. 13 февраля 1945 года

Одним из главных достижений Национального социализма было то, что он первым стал смотреть на еврейскую проблему в реальном свете.

Евреи сами всегда возбуждали ненависть к себе. Из века в век, все народы мира, начиная с древних египтян и до нас, всегда реагировали на них абсолютно одинаково. И обязательно наступает время, когда у людей всякое терпение кончается, и они уже не

могут выносить издевательств отвратительных евреев. Люди делают рывок и скидывают евреев с себя, как животное, старающееся освободиться от гадины. Начинается насилие и, в конце концов, - восстание. Эта инстинктивная реакция, реакция отвращения против чужеродного элемента, который отказывается жить как все; реакция против паразита, который впивается в своего носителя и сосёт и сосёт из него всё до последней капли крови. Еврей - паразит по натуре, который не может и, который никогда не ассимилируется, чтобы жить как все. Отличительная черта еврея, что, в отличие от других чужеродных элементов, он везде предъявляет права на исключительное положение и привилегии в том месте, где его приютили, всегда оставаясь при этом евреем. Фигурально говоря, еврей везде хочет огораживать всё красными флажками и загонять зайцев борзыми. И евреи - они единственные во всё мире, предъявляющие ко всем требования на такие экстравагантные привилегии.

Национальный социализм справился с еврейской проблемой не словами, а действием. Национальный социализм встал в прямую оппозицию еврейскому доминированию на планете; национальный социализм атаковал евреев везде и во всех сферах деятельности. Национальный социализм вышвырнул евреев с тех позиций, которые они до этого узурпировали. Национальный социализм преследовал евреев во всех направлениях, поклявшись избавить Германский мир от еврейского яда. Для нас в своей сути - это был процесс дезинфекции, который мы выполняли настойчиво и тщательно, иначе, евреи нас просто сразу же задушили бы и уничтожили.

После начального успеха этой операции в Германии был хороший шанс распространить этот успех и дальше. На самом деле, чтобы победить болезнь, прерывать процесс радикального излечения было никак нельзя. Отчётливо осознав опасность, Евреи, в ту борьбу, которую они развернули против нас, кинули все свои силы. Во что бы то ни стало, Национал-социализм должен был быть уничтожен, даже если да этого им понадобилось бы уничтожить всем мир. Никогда ещё до этого война не была такой типично, и в то же время исключительно Еврейской.

В конце концов, я хотя бы заставил евреев сбросить свои маски. И даже если вся наша борьба закончится поражением, - это не будет поражением, - я всему миру раскрыл глаза на фундаментальность еврейского зла.

Одним из следствий нашей решительности в этом деле, было то, что она вызывала немедленную еврейскую агрессивность. На самом деле - это было здорово, поскольку, когда евреи действуют исподтишка и тихой сапой - они причиняют гораздо больше вреда. Иудей-экстремист в сотни раз предпочтительнее тех крипто-евреев, которые сладко стелют, что они такие же, как и ты, но просто из другой культуры. Если я выиграю эту войну, то я положу конец глобальной еврейской гегемонии. Я нанесу Еврейскому Интернационалу такой смертельный удар, от которого он уже никогда не оправится. Но если я проиграю в этой войне, это отнюдь не означает, что их триумф окончателен, потому что потом придёт и их черёд погибать. Потому что успех сделает их настолько высокомерными и отвратительными, что рано или поздно они вызовут против себя бурную реакцию. Естественно, они, как и всегда, будут "охотиться со своими борзыми на своих зайцев"; будут купаться в привилегиях и льготах во всех странах, и будут с гордостью бахвалиться своей принадлежностью к элитарному клубу избранной расы. Пронырливый, вороватый еврей исчезнет, на его место придёт надменный, нахальный и высокомерный, который будет отвратителен, не менее прежнего, а может даже и больше. Поэтому антисемитизм никуда не исчезнет, поскольку сами евреи раздувают его пламя и заботятся, чтобы оно полыхало. Но, для того чтобы исчезли осложнения - надо чтобы сначала исчезла сама болезнь. И в этом отношении евреи никогда не подкачают: пока они есть, и антисемитизм никуда не денется.

Говоря это, заявляю, что я совершенно свободен от расизма как расовой ненависти. Но, тем не менее, - это нежелательно, чтобы раса смешивалась с другими расами. Кроме нескольких неожиданных успехов, которые я согласен допустить, систематическое

скрещивание никогда не давало хороших результатов. Именно стремление к расовой чистоте является залогом жизнестойкости и здоровья нации. Гордость за свою собственную расу - и это ни в малейшей степени не означает презрение к другим расам - это нормальная и здоровая психология человека. Я никогда, к примеру, не относился к китайцам или к японцам как к существам, находящимся на более низкой ступени. Они принадлежат к древним цивилизациям, и я свободно допускаю, что их цивилизация гораздо более древняя, чем наша собственная. Они имеют полное право гордиться своей историей, совершенно так же, как и мы имеем право гордиться цивилизацией, к которой принадлежим сами. На самом деле, я считаю, чем более китайцы или японцы горды своей расой, тем проще нам найти с ними общий язык.

Эта гордость за свою расу - есть свойство, которое, немцы, в принципе, не имеют. Причина этому, что на протяжении последних трёх веков страна была разодрана внутренними противоречиями и религиозными войнами, и была объектом различных иностранных влияний; к примеру, ложного христианства, и сегодня распространяемого проповедниками различных христианских сект. Когда расовая гордость проявляет себя в немце, как это иногда случается, причём в самой агрессивной форме, - это, на самом деле, компенсаторная реакция комплекса неполноценности, которым страдает большинство немцев.

Но это, и я думаю, это не надо было бы даже и упоминать, не касается пруссаков. Со времени Фредерика Великого (середина 18-го столетия. - *Прим. пер.*) у них есть скромная и простая гордость, которая является отличительной чертой уверенных в себе людей, не нуждающихся в показухе. Благодаря своим врождённым качествам Пруссакки, как они это наглядно и показали, создали объединённую Германию. Национальный социализм и стремился, чтобы привить всем германцам эту национальную гордость, которая до этого была присуща только пруссакам.

Австрийцы, тоже имеют похожую гордость, сродни прусской; гордость, рождённую из факта, что в течение столетий они никогда не были порабощены ни одной расой, но наоборот, сами правили, а другие им подчинялись. Австрийцы накопили такой опыт преобладания и власти, который нельзя так просто игнорировать.

Национальный социализм сплавит в себе все положительные качества германской души, и из этого сплава получится современный немец - творческий, работающий, осознанный, уверенный в себе и в то же время скромный и гордый; но не сам по себе, а от принадлежности к великой общности, которая будет вызывать восхищение других народов.

Это чувство племенного превосходства, ни в малейшей степени не подразумевает желания завоевать и уничтожить другие народы.

Я знаю, что иногда мы тоже преувеличивали свой культовый момент, но для старта это необходимо; и нам приходилось довольно сильно встряхивать немцев, чтобы поставить их на правильные рельсы. Но в природе вещей действие равно противодействию, и, поэтому не надо толкать слишком сильно - нужно время, за день этого не сделаешь. Фридрих Великий оказался великим творцом прусского духа. В действительности, два или три поколения понадобилось, прежде чем этот прусский образец духа выкристаллизовался, и стал характерным признаком всех пруссаков.

Если сравнивать с Евреями, наша расовая гордость не столь агрессивна. Мы используем термин "еврейская раса" просто из соображений удобства, поскольку в природе, с генетической точки зрения, никакой еврейской расы, как таковой нет.

Существует, однако, некая общность, к которой можно приложить этот термин, и существование которой, признаётся самими евреями. Эта однородная группа однородна, прежде всего идеологически; и к которой все евреи планеты, вполне осознанно и принадлежат, независимо от того, в какой стране они живут, и где, в данный конкретный момент сами они находятся. Именно эту общность мы и называем "еврейской расой". Заметьте, что это отнюдь не религиозная общность, хотя иудаизм и служит им как бы

введением, чтобы презентовать себя самих как евреев. Это даже и не собрание групп, связанных общей религией.

"Еврейская раса" - это в первую очередь и, прежде всего, особая умственная раса, особое состояние ума - психология. Предположительно она имеет своё начало в иудаизме, и этот иудаизм имеет определённое влияние на формирование общих характеристик; но, тем не менее - это ни в коем случае не религиозная сущность, поскольку она допускает в свои ряды и воинствующих атеистов и искренних, набожных, соблюдающих религиозные обряды верующих. Тут конечно можно добавить и общую связь, объединяющую евреев, как результат вековых преследований; хотя сами евреи весьма удобно для себя забывают, что все эти преследования они заслужили вполне честно.

Евреи не обладают даже общими антропологическими чертами, которые могли бы очертить их в определённую однородную группу. И в то же самое время каждый еврей, несомненно, имеет в себе хотя бы несколько капель чистой еврейской крови. Если бы это было не так, то было бы невозможно объяснить наличие определённых физических характеристик, которые постоянно присутствуют у всех евреев от Варшавского гетто до базара в Марокко - нахальный нос, хищные ноздри и т.д.

Психологическая раса - это нечто более солидное и более прочное, чем обычная простая раса. Перенеси немца в Америку, и вы превратите его в американца; но еврей останется евреем везде - создание, которое не может изменить никакая внешняя среда.

Это характерный склад ума этой расы, который сообщает им иммунитет против ассимиляции, и в принципе - в этом есть доказательство первопричинности ума пред плотью, а идеи перед материей!

Весьма примечательный прогресс, которого евреи достигли за 19 столетие, придал евреям чувство собственной силы, и позволил им сбросить маску, - а это именно, и даёт шанс уже нам противоборствовать им как евреям, - самоуверенным, и преисполненным гордости своей победы. И если вы вспомните, насколько немцы доверчивы и наивны, то вы поймёте, как мы должны быть благодарны появлению таких неожиданных элементов искренности со стороны наших смертельных врагов.

Я всегда был абсолютно честен в моих отношениях с евреями. Накануне войны я дал евреям последнее предупреждение - я сказал им, что если они таки подстроят её начало, то пусть не ждут пощады, - я уничтожу этого микроба по всей Европе, и в этот раз - навсегда и окончательно. На это предупреждение евреи ответили объявлением тотальной войны и объявили по всему миру, что, где есть на планете еврей - он будет заклятым врагом национального социализма. Мы хотя бы вскрыли еврейский гнойник, и в будущем, все люди доброй воли будут нам бесконечно благодарны за это.

Глава шестая. 14 февраля 1945 г.

Катастрофичность этой войны для Германии заключалась в том, что она одновременно началась и слишком рано, и слишком поздно. С чисто военной точки зрения, для нас было бы лучше, если бы она началась раньше. Я должен был взять инициативу в свои руки в 1938 году, вместо того, чтобы позволить себя вовлечь в войну в 1939, в то время как в любом случае война была неизбежна. Однако вы вряд ли можете обвинить меня, если бы Англия и Франция приняли все мои предложения в Мюнхене!

На какой-то момент всё как бы остановилось, а затем война наступила немножко поздно. Однако с точки зрения нашей моральной подготовленности к войне, она пришла слишком рано. Мои ученики ещё не выросли в настоящих мужчин. Мне необходимы были ещё двадцать лет, чтобы эта новая элита достигла состояния зрелости, молодая элита, которая с младенчества была погружена в учение национального социализма. Это постоянная, нас, немцев, трагедия - нам никогда не отводилось достаточно времени. Обстоятельства всегда вынуждали нас спешить. И если сейчас у нас нет времени, то это главным образом потому, что у нас нет и пространства.

Русские - поскольку у них огромные пространства, могут себе позволить роскошь никуда не торопиться. Время работает на них, но против нас. Даже если бы Провидение отпустило бы мне срок жизни, достаточный для того, чтобы я мог вести свой народ к полному развитию идей Национального социализма; вы можете быть уверены, что наши враги никогда бы не позволили мне воспользоваться этим. Они бы приложили максимальные усилия, чтобы уничтожить нас ещё до столкновения лицом к лицу с Германией - Германией, сцементированной единой идеей Национального Социализма, единой телом и духом, и поэтому непобедимой.

А поскольку у нас был дефицит людей, выкованных на идеях Национального Социализма, мы по необходимости должны были пользоваться теми, кто был в наличии. Результат очевиден.

Из-за этого расхождения между идеей и её практическим воплощением, военная политика такого революционного государства, как Третья Империя была по необходимости политикой буржуазных уступок. Наши генералы и дипломаты, за редким исключением, - люди другой эпохи; и их методы ведения войны и ведения иностранной политики принадлежат к давно прошедшему времени. Это одинаково относится как к тем, которые служили верой и правдой, так и ко всем остальным. Первые делали своё дело плохо, или вследствие отсутствия способностей, или вследствие отсутствия энтузиазма, а вторые делали это злоумышленно и с целью саботажа.

Нашей величайшей политической ошибкой были наши дела с французами.

Мы ни в коем случае не должны были с ними сотрудничать. Эта политика сотрудничества с французами оказалась выгодной только им, и не принесла нам ничего кроме сильнейшего вреда. Абетц думал, что он чрезвычайно умён, когда стал пропагандистом этой идеи и склонил нас к её проведению.

(Отто Абетц, (Otto Abetz) 1903-1958, германский посол во Франции, в Виши, во время войны. Был франкофилом, французский был его второй язык и его жена Suzanne de Bruyker, была француженкой, вполне возможно французской еврейкой. Схвачен в 1945 году, приговорён французским судом к 20 годам тюрьмы, но был таки, тем не менее, освобождён через 9 лет - 17 апреля 1954, не отсидев и половины срока. Погиб 5 мая 1958 года в автомобильной катастрофе. Ходили слухи, что катастрофа была подстроена. - *Прим. пер.*)

Абетц думал, что он на два хода впереди событий, в то время как в действительности он был далеко позади них. Ему казалось, что мы имеем дело с Францией Наполеона, то есть с нацией, которая способна оценить важность далеко идущих последствий благородных поступков. Абетц оказался неспособным увидеть тот очевидный факт, а именно, что в течение последних ста лет Франция полностью изменилась. Франция стала проституткой, а теперь она уже проститутка старая, затасканная, которая никогда не преставала нас обманывать и запутывать, и всегда оставляла нас оплачивать счета.

Нашей очевидной политикой в отношении Франции было бы освободить трудящихся, и помочь рабочим Франции сделать свою собственную революцию. Мы должны были бы безжалостно и грубо смести в сторону засохшую еврейскую буржуазию, также лишённую души, как и патриотизма. Вы только взгляните, какой сорт дружков наши гении с Вильгельм-штрассе (улица в Берлине, где находились министерства. - *Прим. пер.*) нашли для нас во Франции - обыкновенные прожжённые пройдохи, которые кидались к нам в объятия, думая, что мы оккупируем Францию только для того, чтобы обеспечить безопасность их банковских счетов - но которые при первой представившейся им возможности тут же нас продали, при этом всегда соблюдая приоритет своей собственной безопасности!

Мы также были глупы и в отношении французских колоний. Это тоже было продуктом "великих умов" с Вильгельмштрассе! Дипломаты прошедшего, классической выучки, солдаты давно ушедшего режима, обыкновенные юнкера-помещики - именно они помогли нам революционизировать всю Европу! И они повели нас в войну так же, как это они бы сделали в девятнадцатом столетии. Никогда, и ни под каким видом мы не должны были ставить на Францию и против народов, подвергнутых её игу. Наоборот, мы должны были помочь этим народам освободиться, и если это было бы необходимо, даже

подтолкнуть их на это. Ведь не было ничего, чтобы в 1940 году могло нам помешать сделать шаг такого рода на Ближнем Востоке и в Северной Африке! А вместо этого, наши дипломаты занялись укреплением французской колониальной империи, и не только в Сирии, но и в Тунисе, и в Алжире, и Марокко тоже. Наши "джентльмены" с Вильгельмштрассе по всей видимости предпочитали сохранять сердечные отношения со своими друзьями из Франции, чья единственная идея была нас обманывать, и настраивать против нас арабов, которые как раз и могли бы стать нашими лучшими лояльными партнёрами. О! Не думайте, что я не видел хитрых расчётов этих наших политических профессионалов макивеллианского (продажного) толка! Они прекрасно знают, что делают и действуют по вполне определённым шаблонам. Они хотели провести англичан, сыграв на вековом колониальном соперничестве между Францией и Англией. И что я говорю - это так, что они ещё живут во времена Вильгельма Второго, в мире королевы Виктории, Пуанкаре и Делькассе! (Раймонд Пуанкаре (Raymond Poincaré, 1860-1934). Президент Франции в 1913-1920 гг. Теофил Делькассе (Theophile Delcasse, 1852-1923). Французский морской министр. Французский еврей. Германо-ненавистник. Германский император Вильгельм Второй назвал его "наиболее опасным человеком для Германии во Франции". - *Прим. пер.*)

В действительности это колониальное англо-французское соперничество давно потеряло всякий смысл. Оно только существует в умах престарелых дипломатов, которые есть также и в рядах наших противников. В действительности Англия и Франция - сообщники, каждый из которых чётко играет свою роль в общей игре, не афишируя свою дружбу, но всякий раз моментально объединяясь в случае угрозы одному из них. Глубокая ненависть французов к немцам, на самом деле ещё глубже, и находится на подсознательном уровне. Это есть урок, над выводами которого мы должны в будущем задуматься тщательнее.

Что касается Франции, то для неё открыты два пути. Или она должна оставить свой союз с Англией, и в этом случае она продемонстрирует нам свою сомнительность в качестве возможного партнёра; или она должна действительно сменить союзника, и в этом случае продемонстрировать ещё более сомнительную для нас ценность. С нашей стороны все наши надежды относительно Франции были совершенно смехотворными. В действительности существовала только единственная политика применительно к Франции - политика открытого и жёсткого недоверия. Я знаю, что я был прав относительно Франции. С пророческим предвидением я дал аккуратную картину Франции ещё в "Майн Кампф". И прекрасно знаю почему, несмотря на все сделанные мне представления, я не видел причины, по которым я должен был менять своё мнение относительно Франции, сформированное ещё двадцать лет назад.

Глава седьмая. 15 февраля 1945 г.

Ни одно решение, которое я делал в течение этой войны, не было настолько пагубным, как решение атаковать Россию. Я всегда говорил, что мы должны любой ценой избежать ведения войны на два фронта. И вы можете быть уверены, что я долго и беспокойно размышлял над печальным опытом Наполеона в России. Тогда откуда, вы могли бы спросить, вся эта война с Россией, и почему я выбрал именно этот момент?

В это время мы уже оставили план окончить войну, посредством успешного вторжения в Англию. Но дальше - больше: глупое руководство Англии ни под каким видом не хотело признавать объединения Европы под нашим началом, пока на континенте оставалось хоть одно государство принципиально враждебное Третьей Империи (например, СССР. - *Прим. пер.*). Таким образом, война грозила тянуться и тянуться, а между тем, позади англичан американцы играли всё более возрастающую и активную роль.

И это значение огромного военного потенциала США, гонка вооружений, близость к побережью Англии - всё это делало для нас крайне нежелательным втягивание в длительную войну. Потому что Время - и это всегда, как вы могли бы заметить, было именно Время, которое всё более будет играть против нас. Для того чтобы заставить Англию свернуться, вынудить её пойти на мировую, было абсолютно необходимо лишить

её всякой способности конфронтировать с нами, да ещё на нашем собственном континенте.

Мы не имели другого выбора, мы должны были любой ценой убрать русскую гирьку с европейских весов. У нас была и другая, одинаково серьёзная причина, для наших действий - смертельная угроза, которую СССР представлял для нашего существования. Потому что было абсолютно ясно, что сегодня или завтра, но СССР будет атаковать нас. Наш единственный шанс разбить СССР - был напасть первыми, потому что пассивно защищаться было абсолютно бесперспективно. Мы не могли дать возможность Красной Армии воспользоваться нашими суперсовременными автобанами для быстрейшего броска своих танков; а наши железные дороги предоставить им для переброски своих частей и снабжения. Но если бы напали мы, то у нас был шанс разбить Красную Армию на её же поле, в её болотах, на её обширных и грязных пространствах. Однако на цивилизованной территории у нас не было против Красной Армии никаких шансов. Если бы СССР напал на Германию, то мы были бы для них просто трамплином, с которого они бы обрушились на всю Европу и раздавили бы её.

Почему 1941 год? Потому что в виду всё возрастающей силы англо-американского блока, если вообще действовать, мы должны были действовать без промедления. И учите, что Сталин отнюдь не сидел, сложа руки. На два фронта, время работало бы против нас. Поэтому на самом деле вопрос был не: "Почему 22 июня 1941 года?", а "Почему не раньше?" Я должен был атаковать СССР на несколько недель раньше, но эти итальянцы с их идиотской военной компанией в Греции создали нам дополнительные трудности. Для нас главной проблемой было, чтобы как можно дольше удерживать СССР от первого шага, и моим личным кошмаром был страх, что Сталин возьмёт инициативу на себя.

Другой причиной было российское стратегическое сырьё, которое было для нас жизненно необходимым. Несмотря на официальные поставки, СССР постоянно сокращал их и сокращал; и была реальная угроза, что они вообще их могут прекратить. Если они были не готовы дать необходимое нам добровольно, то у нас не было другого выхода как самим придти и взять - на месте и силой. Я пришёл к решению немедленно после визита Молотова в Берлин, в ноябре, потому что мне стало ясно, что это только вопрос времени, когда Сталин бросит нас и перейдёт на сторону врага (Англии). Или я должен был играть на затягивание времени, чтобы лучше подготовиться?

Нет и ещё раз нет! Поступив так, я бы пожертвовал инициативой, и короткая и опасная передышка, которую мы могли бы получить, стоила бы нам очень дорого. В этом случае мы должны были бы уступить советскому шантажу в отношении Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции.

Третья Германская Империя - защитник и охранник Европы, и мы не могли пожертвовать этими дружественными нам странами на алтарь еврейского коммунизма. В этом отношении у нас не было никаких вопросов. Такое поведение было бы для нас бесчестным, и мы за это, несомненно, были бы наказаны. Как с моральной, так и стратегической точки зрения это было бы для нас жалкое начало. Война с СССР, что бы мы не делали, стала неизбежной, и ещё более затягивать, означало бы только одно, что позже мы должны были бы драться в менее благоприятных условиях. Поэтому, после того как Молотов уехал, я принял решение, что я должен свести счёты с СССР, как только позволят погодные условия.

Глава восьмая. 15 февраля 1945 г.

Сразу не освободив в 1940 году французский пролетариат, мы не выполнили свой долг и пренебрегли своими собственными интересами, и это относится равным образом и ко всем французским подданным в колониях. Определённо, что французские граждане бы на нас не рассердились, если бы мы освободили их от бремени Империи (имеется в виду Французская Империя. - *Прим. пер.*).

В этом отношении простой народ Франции проявил больше понимания, чем самоиспечённая элита, и показал, что он имеет гораздо более верное, инстинктивное понимание реальных интересов нации. И под Луи Пятнадцатым и под Жюлем Ферри, французский народ восставал против абсурдности колониальных авантюр.

(Жюль Ферри. Jules Ferry. 1832-1893. Французский государственный деятель. После того, как 1870 году возродившаяся Германия разбила на континенте Францию, и Франции на континенте уже больше ничего "не светило", Жюль Тьерри объявил поход за заокеанскими колониями. Адольф Гитлер прямо связывает Парижскую Коммуну с провозглашённой Жюлем Ферри "политикой колониальных авантюр". - *Прим. пер.*)

Меня не убедить доводом, что, дескать, Наполеон стал непопулярным в результате продажи Луизианы задёшево. Но какой был народный взрыв возмущения когда его бестолковый племянник (Наполеон Третий Луи) пытался поправить свои дела войной с Мексикой!

Глава девятая. 15 февраля 1945 г.

Я никогда не любил ни Францию, ни французов, и никогда не переставал об этом говорить. Однако я должен допустить, что среди них есть некоторые стоящие люди. Нет никакого сомнения, что за последние годы, достаточное число французов поддерживали общеевропейскую концепцию (Гитлер имеет ввиду под эгидой Германии. - *Прим. пер.*) одновременно, и с полной искренностью, и с великим мужеством. И то зверство, с каким их собственные сограждане заставили их заплатить за их ясное видение, само по себе говорит он том, кто они есть на самом деле.

Глава десятая. 17 февраля 1945 г.

Когда я объективно и без эмоций оцениваю события, я должен допустить, что моя нерушимая дружба с Италией и Дуче (звание Муссолини. - *Прим. пер.*) должна быть причислена к моим ошибкам. На самом деле, - это очевидно, что наш союз с Италией был более на пользу врагу, чем нам самим. Итальянское участие принесло нам выгоды в лучшем случае весьма умеренные, в сравнении с бесчисленными трудностями, которые из этого возникли. Если, несмотря на все наши усилия, мы не выиграли эту войну, то итальянский альянс внёс в это существенную лепту!

Самым большим одолжением, которое Италия могла бы нам сделать - это держаться в стороне от этого конфликта. И для того, чтобы обеспечить это воздержание, нам для Италии, не надо было бы скупиться ни на какие подарки. Если бы Италия только сохраняла нейтралитет - мы бы забросали её выражениями нашей благодарности. И если бы мы победили, мы разделили бы с ней все плоды нашей победы и всю славу. Мы бы приняли самое искреннее участие в создании исторического мифа о величии итальянского народа, как преемника великих Римлян. На самом деле - всё, что угодно, но только не иметь подобных "товарищей по оружию" на поле битвы!

Вмешательство Италии в июне 1940 года, с единственной целью по-ослиному лягнуть французскую армию, которая уже была в процессе распада, имело только последствием смазывание нашей победы, которую французская команда уже готовилась принять в бодром спортивном духе. Франция была готова признать, что она разбита германскими армиями в честном поединке, но она ни за что не хотела признавать поражение от рук итало-немецких войск.

Наш итальянский партнёр был для нас источником скандалов везде. Именно это злосчастное партнерство, к примеру, не позволило нам осуществить революционные изменения в Северной Африке. По своей географии этот регион стал итальянским заповедником, и именно так Дуче его и обозначил. Если бы мы были сами по себе, то мы освободили бы мусульманские страны от французов, и это сотрясение предалось бы дальше и на Ближний Восток, где господствовала Англия, на Египет. Однако, находясь в одной упряжке с Италией, достижение такой цели оказалось невозможным.

Весь Ислам вибрировал от слухов о наших победах. Египтяне, иракцы и весь Ближний Восток были все наготове поднять восстание против англичан. Хотя бы на минуточку

представьте себе, какую мы могли бы оказать помощь мусульманам, даже хотя бы в плане моральной поддержки, что, конечно, было и нашим долгом и соответствовало нашим интересам!

Но наличие на нашей стороне итальянцев парализовало нас. Они создавали какую-то болезненную атмосферу подозрительности среди наших мусульманских друзей, которые в конечном итоге начинали и нас подозревать в сообщничестве с их колонизаторами. А всё почему? Потому что в этой части света, итальянцев ненавидят ещё больше, чем англичан или французов. Воспоминания о жестоких карательных акциях против Сенусси до сих пор достаточно свежи в их памяти.

(Великий Сенусси, Саид Мухаммед ибн Али аз-Сенусси (1791-1859). Великий мусульманский вождь в борьбе против западных колонизаторов. Начал вооружённую и духовную борьбу в 1837 году. Центр движения Сеннусидов Ливия и Судан. С 1902 по 1913 годы Сеннусиды успешно боролись против французской колонизации Сахары, и, начиная с 1911 года против итальянской колонизации Ливии. Внук Великого Сенусси в 1951 году стал королём Ливии Идрисом Первым. В 1969 году Король Идрис Первый был скинут полковником Муаммаром Каддафи, который до сих пор успешно противодействует западному влиянию. Треть населения Ливии - сенуссиды - последователи Сенусси. - *Прим. пер.*).

А смехотворные претензии Дуче на звание "Меча Ислама" вызвали среди них такие же насмешки, как и до войны. Это звание, подходящее для Магомета, или же великого завоевателя подобного Омару, Муссолини намеревался возложить на себя с помощью нескольких местных бандитов, которых он или подкупил, или напугал до смерти, чтобы они ему в этом помогали.

(Омар (Умар) ибн Аль-Хаттаб. Соратник пророка Мухаммеда - второй Калиф (634-644, после смерти Абу-Бакра - первого Калифа. Омар ибн Аль Хаттаб - один из величайших полководцев в истории, под предводительством которого арабы завоевали почти всё Средиземноморье, а именно: Месопотамию (Ирак), Персию (Иран), Египет, Палестину, Сирию, Северную Африку и Армению от Византийской империи. В битве под Ярмуком, около Дамаска, в 636 году 20 тысячная армия Хаттаба наголову разбила 70 тысячную армию Византийского императора, положив конец Византийской империи на Ближнем Востоке и в Малой Азии. В 637 году, после двухлетней осады, Хаттаб взял Иерусалим; но в отличие от персов, взявших Иерусалим всего лишь за двадцать лет до этого, в 614 году, и вместе с евреями, открывшими ворота персам, и вырезавшими более 60 тысяч христиан; Хаттаб христиан пощадил, таким образом, что они даже смогли вывезти Святой Крест в Константинополь. (А.А. Vasiliev "History of the Byzantine Empire" в двух томах. Том 1, стр. 195-211.) Через 55 лет после взятия Иерусалима Хаттабом, в 692 году, на месте храма Соломона, разрушенного до этого в 70-ом году римлянами, был сооружён Храм Камня, другое название Мечеть Аль Аксы, или Мечеть Омара, поскольку огромный камень внутри этой мечети, который обозначает место, где умер пророк Мухаммед, был доставлен на это место ещё Хаттабом. Поэтому вместе с римским императором Титом, разрушившим Иерусалим в 70 году нашей эры, Омар ибн Аль Хаттаб является одним из наиболее ненавидимых евреями персонажей в истории. - *Прим. пер.*).

Мы имели великий шанс осуществления великолепной политики относительно Ислама. Но мы опоздали на поезд, и мы опоздали ещё несколько раз, и всё из-за нашей верности союзу с Итальянцами!

На том военном театре действий Итальянцы помешали нам разыграть свои лучшие карты: освобождение граждан французских колоний и поднятие восстаний в странах, находящихся под английским владычеством. А такая политика вызвала бы энтузиазм во всех исламских странах. Это характерно для всего мусульманского мира от Атлантики до Тихого океана: что затрагивает одного - затрагивает всех.

С моральной стороны эффект нашей политики был катастрофическим вдвойне. С одной стороны мы без всякой выгоды для себя смертельно уязвили самолюбие французов. С другой стороны, из-за риска, что итальянская Северная Африка тоже могла потребовать освобождения, нам пришлось поддерживать своё присутствие и во французской части Северной Африки. Но поскольку, в результате, эти территории теперь под англо-американцами, то я могу сделать безошибочный вывод, что наши действия здесь были самоубийственными. Далее, такая пагубная политика позволила этим лицемерам англичанам, изобразить из себя "освободителей" в Сирии, Киренаике и Триполитании! (Киренаика и Триполитания - исторические области Ливии. - *Прим. пер.*)

И с чисто военной точки зрения дела тоже не были лучше! Вступление в войну Италии тут же дало противнику первые победы, и позволило Черчиллю восстановить

воинственный пыл своих соотечественников; что, в свою очередь, дало надежду всему англоязычному миру, даже тогда, когда они показали себя неспособными поддерживать свои позиции в Абиссинии (Эфиопии. - *Прим. пер.*) и Киренаике. А итальянцы, сразу набравшись наглости, и не только не спросивши нас, но и даже вообще нас никак не предупредив, влезли в бессмысленную кампанию в Греции. А позорные поражения, которые они там стали терпеть, дали возможность некоторым Балканским государствам рассматривать нас с презрением и недоверием. Именно отсюда, и не отсюда больше происходят причины охлаждения Югославии, и её полной к нам перемены весной 1941 года. Это, в противоречие к нашим планам, вынудило нас вмешаться на Балканах, а это, в свою очередь, вызвало катастрофическую для нас задержку с нападением на СССР. Мы были вынуждены перебросить на Балканы несколько самых наших лучших дивизий. И как результат, мы стали вынужденными оккупантами обширных территорий, в которых присутствие войск необходимо только разве что для глупого шоу. Балканские страны, только остались бы нам бесконечно благодарны, если бы мы им позволили остаться нейтральными. А что касается наших парашютистов, я бы, лично, предпочёл участвовать в десанте на Гибралтар, чем на какой-то Коринф в Греции!

Эх! Если бы только Итальянцы не влезли в эту войну! Если бы они только остались не воинственными! Ввиду всей нашей с ними дружбы и общих интересов - какой неоценимой услугой для нас была бы их эта позиция! Да и англо-американцы просто не поверили своей собственной удаче; поскольку, хотя они никогда и не были высокого мнения о военных качествах итальянцев, но даже они никак не ожидали, насколько немощными итальянцы окажутся. Англо-американцы вряд ли возражали бы, если бы такая "сила" как Италия, осталась бы нейтральной. Потому что они же не могли этого предвидеть и были вынуждены резервировать значительные силы, чтобы встретить опасность, которая хоть и потенциально, но всегда угрожала. С нашей стороны это означало, что всегда будет значительное число английских войск, которые сидят и не приобретают ни военного опыта, ни мужества - производных победы - вкратце, война-то "фиктивная", и чем дольше бы она продолжалась, тем больше было бы нам на руку.

Затягивающаяся война - на руку агрессору, поскольку она позволяет ему научиться воевать. А я надеялся вести войну без того, чтобы дать шанс противнику, чему бы то ни было научиться в искусстве войны. В Польше и Скандинавии, в Голландии, Бельгии и Франции я добился успеха. Наши победы были быстрыми и были достигнуты с минимальными потерями с обеих сторон, и в то же время были достаточно решительными и полными, чтобы означать полный разгром врага.

Если бы война велась бы только Германией, а не Итало-Германией, мы бы напали на СССР уже к 15 мая 1941 года. Вдвойне укреплённые фактом, что наши войска ещё не терпели поражений, мы бы могли завершить нашу кампанию ещё до начала зимы. И как бы тогда всё было по-другому!

Из чувства благодарности, поскольку я никогда не забуду позицию Дуче во время Аншлюса (Муссолини поддержал присоединение Австрии к Германии. - *Прим. пер.*), я всегда воздерживался от критики Италии. Напротив, несмотря ни на что, я старался относиться к Италии как к равному партнёру. К сожалению, это только ещё раз подтвердило закон природы, что вы не можете относиться к неровне, как к ровне.

Сам по себе Дуче - мне ровня. Он может даже выше меня в отношении его амбициозных планов для своего народа. Но не амбиции, а факты решают дело.

Мы, - германцы, ясно осознаём, что при таких обстоятельствах, как сейчас, лучше выбираться одному. Нам есть что терять, и ничего, что приобрести, связывая себя с такими хилыми элементами и случайными партнёрами, которые слишком часто расписывались в своей полнейшей беспомощности. Я часто провозглашал, что, там, где встречаешь Италию, встречаешь победу. Когда на самом деле, всё что я хотел сказать: где находишь победу, будьте уверены, найдёте и Италию!

Тем не менее, моя личная привязанность к Дуче и инстинктивные дружеские чувства к итальянскому народу не изменились. И я виню только самого себя, за то что я не прислушался к голосу разума, который предупреждал меня не увлекаться безоглядным увлечением Италией. И я мог бы прислушаться к этому голосу, хотя бы ради личной выгоды для самого Дуче, и всего итальянского народа. Я, конечно, отдаю себе отчёт, что такое поведение было бы для него оскорбительным, и что он никогда бы мне не простил. Но в результате моей беспринципности теперь происходят вещи, которые не должны были бы происходить, и которые могут оказаться трагическими. Жизнь не прощает слабости.

Глава одиннадцатая. 18 февраля 1945 г.

Вступление в войну Японии не вызывало у нас страхов и опасений, хотя было очевидно, что Японцы сделали великолепный подарок Рузвельту, дав ему железный довод для объявления войны Германии. Но понуждаемый еврейством Рузвельт, уже и без этого был полон решимости уничтожить национальный социализм, даже не нуждался в поводах. Такие причины, которые требовались для того, чтобы сломить сопротивление американского народа, который не хотел ввязываться в войну в Европе, Рузвельт вполне мог придумать и сам. Для Рузвельта одной афёрой больше - это вообще не вопрос. Катастрофа Пирл-Харбора, я уверен, была бальзам души для Рузвельта.

Это было именно то, что он и хотел - бросить противников своего режима в горнило Мировой войны и уничтожить последние остатки политической оппозиции. Рузвельт превзошёл самого себя, провоцируя Японию. Это было повторение, но только в больших масштабах, тактики, в своё время успешно применённой президентом Вильсоном во время Первой Мировой Войны. Дьявольски выполненная провокация торпедирования "Луизитаний" и предварительная анти-германская истерия психологически подготовили американцев к вмешательству в войну в Европе. Поскольку в 1917 году не оказалось возможным предотвратить вмешательство США в войну в Европе, - очевидно, что сейчас, через двадцать пять лет, это было также логично, как и неизбежно.

В 1915 году Международное Еврейство, предоставило все свои ресурсы в распоряжение Антанты. Но в нашем случае Еврейство приняло решение сразу же, - в 1933 году. Сразу же после рождения Третьей Германской Империи они объявили нам тотальную войну. Влияние же еврейства, за последние четверть века в США, возросло катастрофически.

И поскольку вмешательство США в войну в Европе было неизбежным, для нас это было просто счастьем, что судьба послала нам такого великого союзника, как Япония. Но это так же было подарком судьбы и для Еврейства. Это дало Еврейству повод, которого они долго искали, чтобы непосредственно бросить в конфликт Америку; и с их стороны это было просто гроссмейстерским ходом - так единодушно и с таким энтузиазмом, послать американцев на войну за еврейское дело! (Как это снова произошло в 2003 году в Ираке и Афганистане. - *Прим. пер.*)

Американцы, наученные горьким опытом Первой Мировой, меньше всего пылали энтузиазмом снова позволить втянуть себя в войну в Европе. С другой стороны, они более чем когда-либо, носились с идеей "жёлтой опасности"! Учить евреев обманывать - это как ездить на Северный Полюс со своим снегом, и вы можете быть уверены, свои капканы они расставляют - с дьявольской хитростью. Я совершенно убеждён, что в случае, который мы обсуждаем, евреи долго планировали, каким образом руками белых людей уничтожить "Империю Восходящего Солнца", которая достигла силы мировой державы, и всегда яростно сопротивлялась загрязнению своей расы еврейским элементом.

Для нас Япония всегда остаётся союзником и другом. Эта война учит нас ценить и уважать её ещё больше. Мы ещё больше укрепим связи, объединяющие наши страны. Конечно это для нас трагедия, что Япония в тоже время, когда это сделали мы, не вступила в войну с Россией. Если бы они это сделали, то сейчас бы сталинские армии не

осаждали бы Бреслау (Ныне Вроцлав. Немецкий город, бывшая столица Нижней Силезии, отданный после войны Польше. - *Прим. пер.*) и не разминались бы под Будапештом. Мы ликвидировали бы еврейский Большевиизм уже к началу зимы 1941 года, и Рузвельт уже думал бы, прежде чем связываться с двумя победившими державами - Германией и Японией.

Мне жаль также, что ещё в 1940 году, сразу после нашего разгрома Франции, Япония не захватила Сингапур. Америка в 1940 году была в процессе президентских выборов, и для неё было невозможно вмешаться, И ИМЕННО ТОГДА БЫЛ ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ ВОЙНЫ.

Несмотря ни на что, мы и Япония, будем стоять плечом к плечу. Или мы победим, или погибнем вместе. Если мы погибнем первые, то я не вижу причины, по которой СССР, ради какой-то там Японии, станет и дальше поддерживать миф об "Азиатской солидарности"!

Глава двенадцатая. 20 февраля 1945 г.

Воспользовавшись энтузиазмом, который мы разбудили в Испании, и шоком, которому мы подвергли Англию, мы должны были атаковать Гибралтар ещё летом 1940 года, немедленно после разгрома Франции.

Но в это время было очень некстати, чтобы Испания вступила в войну на нашей стороне, тем более что всего лишь несколькими неделями раньше мы не смогли предотвратить, чтобы Италия срочно не примчалась разделить нашу победу.

Эти латинские страны не приносят нам счастья. Их раздутое и ничем не обоснованное самомнение находится в прямой пропорции с их слабостью, и это всегда всё путает. Мы совсем оказались неспособными предотвратить неудержимую манию итальянцев засиять на небосводе полей сражений; хотя мы были готовы отдать им все воинские почести и славу, и трофеи взамен на то, чтобы они только не совались ни под каким видом.

Англичане тоже были обмануты своим латинским союзником (Францией), ещё и побольше нашего. Чемберлен, очевидно, никогда бы и не объявил войны, если бы он осознавал полную степень деморализации и неспособности Франции. (Артур Невилл Чемберлен (Arthur Neville Chamberlain) - премьер-министр Англии в 1937-1940 гг. Его отцом был английский еврей Иосиф Чемберлен - английский государственный деятель, принимавший активное участие в разжигании Первой мировой войны, так же как и его сын в разжигании Второй мировой. - *Прим. пер.*)

Без сомнения, англичане предполагали, что именно Франция будет нести на своих плечах всю тяжесть военных операций на континенте. Чемберлену было гораздо проще пролить немного крокодиловых слёз по поводу Польши и не связываться с нами, когда мы будем формировать границы Германии по своему усмотрению.

К своей физической немощи латинские страны добавляют абсолютно фантастические претензии. Дружественная Италия или враждебная Франция - никакой разницы. Немощь обоих оказалась для нас одинаково фатальна.

Единственные расхождения, которые иногда случались между мной и Дуче, случались от предосторожностей, которые мне приходилось время от времени предпринимать. Несмотря на абсолютное доверие, которое у меня было лично к Муссолини, я был вынужден держать его в неведении относительно тех решений, в которых неразборчивость могла повредить нашим интересам. Потому что, как я был абсолютно уверен в Муссолини, так и Муссолини был абсолютно уверен в Чиано, а Чиано не имел никаких секретов от молодых женщин, которые как бабочки порхали вокруг него.

Мы заплатились за это дорогой ценой. Ради информации, не скупящийся ни на какие затраты враг, выведаль достаточное число совершенно секретной информации именно этим каналом. Поэтому у меня было достаточно причин не рассказывать всё Муссолини. Я только сожалею, что он не мог понять этого, и платил мне той же монетой.

Нет никаких сомнений - нет счастья с латинскими странами! Когда я был занят, сначала в Монтуа (Montoire, Франция), пытаюсь наладить сотрудничество с Францией, а затем в Генде, где, я должен признать, получил королевские почести из рук ложного друга (Франко), третья латинская страна (Италия) тут же воспользовалась моментом, чтобы

свести старые счёты со своим соседом и начать свою катастрофическую кампанию против Греции.

Глава тринадцатая. 21 февраля 1945 г.

Для того чтобы выполнить нашу программу, нам очень был нужен мир. Я всегда был нацелен на мирное существование и разрядку напряжённости. Но враги посредством своих фокусов вовлекли нас в войну против нашего желания. На практике угроза войны существовала всегда, начиная с 1933 года, когда я пришёл к власти.

С одной стороны были мы, кто нормально смотрели на мир и международные дела. С другой стороны было Международное Еврейство и те, кто ему прислуживал. Через всю историю мы видим эти две противоположные силы с их непримиримым мировоззрением. С одной стороны те, которые хотят жить по-честному, а с другой стороны те, которые хотят жить за счёт других.

Евреи всегда притворяются идеалистами, утопистами недостижимых идеалов, метят слишком высоко, всегда обещают рай на земле; поэтому, когда они в очередной раз обманывают людей, они не считают нужным даже извиняться. Но какую табличку они бы на себя ни вешали: "коммунистов", "интернационалистов", "социалистов", "демократов", "христиан", "гуманитариев", ("технократов"), притворяясь ложно искренними в исповедании своих маскировочных учений, на практике Еврейство всегда было настоящим кукловодом и рабовладельцем.

Я сам всегда хотел сделать рай - рай для Германского народа, но рай реальный, который вполне выполним, и который называется "Улучшение жизненных условий Германского народа". Я всегда ограничивал свои обещания теми, которые я знал, что могу реально выполнить, и я всегда их выполнял. Отсюда и всеобщая ненависть Международного еврейства, которую я всегда вызывал.

Отказываясь обещать людям невыполнимое, как это делают евреи, я отказался играть в их игру. Я самоустранился от этого Интернационального Преступного Синдиката международных политических лидеров, чья необъявленная, но подразумеваемая цель - эксплуатация человеческого доверия.

Национальное социалистическое учение - это учение для каждой нации! Оно применимо к любому народу! И все цели, которые преследует учение Национального Социализма, вполне достижимые! Я выразился бы так, что учение Национального Социализма заменяет идею Универсальной войны идеей Универсального мира!

Это было накануне Мюнхена (сентябрь 1938 года), когда я понял, что Международное Еврейство хочет наш труп любой ценой, и для них нет, и не может быть никаких вариантов мирного сосуществования. Когда этот сверхкапиталистический буржуа, Чемберлен, со своим обманчивым зонтиком в руке, взял на себя труд добраться до Бергхофа (резиденция Гитлера. В конце войны была сровнена с землёй. - *Прим. пер.*), чтобы что-то там обсуждать с этим новичком, Гитлером, он на самом деле прекрасно знал, своё истинное намерение вести против нас беспощадную войну. Он, несомненно, был подготовлен сказать нам что-то такое, что убавило бы мои подозрения. Единственной целью Чемберлена, предпринимавшего этот вояж, было выиграть время. Что тогда мы были обязаны сделать - это нанести превентивный удар! Мы должны были нанести по ним превентивный удар ещё в 1938 году! Это был единственный наш шанс локализовать войну, чтобы она не превратилась в мировую.

Но они, как опытные шулера и трусы, которыми они всегда были, отдали нам всё, они удовлетворили все наши требования. В таких условиях было очень трудно завладеть инициативой и начать наступательные действия. В Мюнхене мы потеряли уникальную возможность быстро и легко выиграть войну, которая, так или иначе, была неизбежна.

И хотя мы сами не были готовы, мы, тем не менее, были подготовлены лучше врага. Сентябрь 1938 года был наилучшей датой. Какой это был шанс ограничиться локальной войной!

То тут, то там нам приходилось решать споры путём оружия, и мы как-то не обратили внимания на готовность противника удовлетворять всем нашим требованиям. Они нам дали решить вопрос с немецкими Судетами путём фактического упразднения Чехословакии и оставили Бенеша один на один с нами. (Эдуард Бенеш - президент Чехословакии (18 декабря 1935 г. - 5 октября 1938 г. и снова 4 апреля 1945 г. - 7 июня 1948 г. Чехословацкий еврей. После Мюнхена Бенеш бросил Чехословакию, уехал в Англию и вернулся только на штыках советских войск. - *Прим. пер.*) Ясно, что Мюнхен был только промежуточным этапом. Мы никак не могли позволить существования в центре Европы искусственного образования под названием Чехословакия (которую в 1919 году США и Англия выкроили из обрезков Австро-Венгрии. - *Прим. пер.*). И мы всё-таки вскрыли этот гнойник в марте 1939 года, но уже при менее благоприятных обстоятельствах, нежели мы бы сделали это в 1938 году. А в марте 1939 года им уже удалось восстановить против нас мировое общественное мнение, преподнеся всё дело так, что мы уже не только защищаем немцев, но и накладываем свой протекторат не только на немецкое население.

Если бы мы начали войну в 1938 году, - это был бы действительно блицкриг. Это было бы освобождение судетских немцев, словаков, венгров и даже поляков, проживающих на чехословацкой территории. Англия и Франция, взятые врасплох, остались бы пассивными - особенно в связи с тем, что мировое общественное мнение было тогда на нашей стороне. И даже Польша, главный пункт французской политики в восточной Европе, тогда примкнула бы к нам. И если бы Англия и Франция при таких обстоятельствах захотели бы объявить нам войну - они потеряли бы своё лицо. В действительности, и я уверен в этом, в 1938 году, объявляй не объявляй они нам войну, - они теряли своё лицо в любом случае. Закончив блицкриг 1938 года, мы могли бы отложить все оставшиеся территориальные проблемы в Восточной Европе на неопределённое время, так же как и Балканы, которые в результате потеряли бы всякое уважение к Англии и Франции. Что касается нас самих, мы бы выиграли время для того, чтобы укрепить и консолидировать наши позиции, и мы отсрочили бы начало мировой войны как минимум на несколько лет. В действительности, в этом случае я бы уже и сомневался, что мировая война была бы так уж и неизбежна.

Нерезонно предполагать, что ненависть к нам стран, лежащих ещё западнее нас, была сильнее их дегенерации, упадка и любви к комфорту, особенно если принять во внимание, что они были в курсе, что наши главные устремления направлены на Восток.

Наши западные противники вполне могли иметь мнение, что нам лучше позволить предварительно истощить себя в преследовании наших восточных устремлений.

В любом случае они выигрывали верхки - теряли корешки, поскольку в этом варианте они обеспечивали себе мир на Западе; и в тоже самое время, это позволяло им участвовать в дележе России, чья растущая сила была для них предметом очень большой озабоченности, хотя и в меньшей степени, чем наше собственное германское возрождение.

Глава четырнадцатая. 24 февраля 1945 г.

Наша война против Америки - это трагедия, - это лишено всякого смысла и основания в реальности. Это один из выкрутасов истории, который произошёл, когда я взял власть в Германии, а Рузвельта тогда Американское Еврейство ставило у власти в США. Без Еврейства, и без их этого лакея Рузвельта дела могли бы пойти совсем по-другому. Германия и США находятся очень далеко друг от друга, и никто не просил их приходиться ни к какому взаимному пониманию, когда у них были все географические предпосылки хотя бы не ссориться друг с другом ни по какому поводу. Если вы помните, Германия внесла большую струю в приток населения Америки. На самом деле, это мы, немцы, принесли более всего нордической северной крови в Америку.

И это факт, что Фридрих Вильгельм Штойбен сыграл решающую роль в американской Войне за Независимость.

Последний экономический кризис постиг Германию и Соединённые Штаты почти одно время и с одинаковой силой. Обе страны выдерживали шторм почти одинаковыми

средствами. Хирургическая операция, хотя и чрезвычайно трудная, в Германии закончилась полным успехом. В Америке же, где на самом деле всё было гораздо проще, операция под руководством Рузвельта и его еврейских советников ограничилась только очень небольшим успехом. Полный крах рузвельтовской социальной и экономической программы "Новый курс" стал одним из факторов американской военной лихорадки.

Кстати, США могли бы пережить и выжить в условиях полной экономической изоляции. Тогда как для нас - это несбыточная мечта. У США обширнейшая территория, способная предоставить работу огромному количеству народу. В то время как в Германии я только мечтал достичь полной экономической самостоятельности на территории страны, несоизмеренной с её многочисленным населением. Великий народ требует великих пространств!

Германии ничего не надо от Америки, а США нечего бояться Германии. Есть все предпосылки для мирного сосуществования, каждый на своей территории и в полной гармонии. Но, к большому сожалению, так уж случилось, что именно США Интернациональное Еврейство выбрало для своего самого мощного оплота и цитадели. Это и только это извратило все наши отношения и отравило всё.

Я готов сейчас поспорить, что в пределах четверти века американцы сами ощутят на себе давление удавки, затянутой на их горле паразитическим еврейством, впившимся в их плоть и сосущим их кровь. Это именно Еврейство волочёт их в эту авантюру, которая и не их дело, и не в их интересах. Какие возможные причины могут иметь американцы-неевреи, чтобы разделять еврейскую ненависть и чтобы следовать за ними? Совершенно ясно одно - в течение четверти века или все американцы станут антисемитами, или они будут сожраны евреями. (Случился второй вариант. - *Прим. пер.*)

Если мы всё-таки проиграем эту войну, то мы будем разбиты именно Международным Еврейством. И, таким образом, их победа будет полной. Но позвольте мне поспешить дополнить, что эта их победа будет только очень временной. Уже очевидно, что это не Европа поднимется против Евреев, но это определённно случится в самих Соединённых Штатах. США - это ещё слишком молодая страна, без зрелости, которая приходит с возрастом, и с вызывающим отсутствием политического смысла. Для американцев до сих пор всё было очень легко и просто. Но трудности и проблемы, может быть, дадут им возможность повзрослеть.

Только прикиньте на минутку, кем они были, когда родилась их страна? Кучка индивидуумов, пришедших со всех концов света в погоне за хорошей жизнью, и вдруг нашедших в своём распоряжении огромный континент, готовый удовлетворить все их желания просто даром. Национальное самосознание - это штука, которая развивается очень медленно, особенно на таких огромных территориях как их. И не забудьте, что эти индивидуумы были разных рас, и ещё не спаяны вместе силами национального духа. Что за лёгкая добыча для Евреев!

Полный беспредел, который устроили Евреи в Германии - это ещё ягодки, в сравнении с тем беспределом, который они устроят на своих новых "охотничьих владениях". Не пройдёт и много времени, как американцы поймут, что Рузвельт, которого они так обожают, это глиняный идол; и что этот, облепленный евреями человек, в действительности Фактор Зла как для самих Соединённых Штатов, так и для всего мира в целом. Рузвельт вовлёл их туда, где им быть не надо было (так же, как Трумэн вовлёл США в Корею, Линдон Б. Джонсон во Вьетнам и Джордж Буш в Ирак и Афганистан. - *Прим. пер.*). Рузвельт заставил американцев принять активное участие в конфликте, который их вообще никак не касался. Если бы у американцев был хотя бы минимум политического инстинкта, они бы предпочли пребывать в своём великолепном уединении, довольствуясь в этом конфликте ролью арбитра. Если бы американцы были хоть немного более зрелыми и опытными, они, без сомнения, поняли бы, что в их лучших интересах, с напряжёнными лицами смотреть из окопов в сторону разрушенной Европы и поддерживать состояние строгого нейтралитета. Со своим вмешательством американцы

сразу стали орудием в руках своих еврейских эксплуататоров; а последние - у них ум исключительно развит в практическом отношении; они всегда точно знают, что они хотят и как этого добиться - но, конечно, со своей, Еврейской, точки зрения.

Если бы судьба так распорядилась, что президентом США в этот критический период был бы кто-то другой, а не Рузвельт, он мог бы найти другие способы оздоровления экономики и стать самым великим президентом США со времени Линкольна.

Экономический кризис 1930 года в Америке был отражением болезни всего мира. Экономический либерализм показал себя, что он не более чем ходовая фраза. Сразу, как только стало ясно вся серьёзность и значение экономического кризиса, всё, что надо было делать - это найти правильные экономические решения. Вот это и была бы задача по плечу великому президенту, на которой он и должен был сконцентрироваться; и если бы он этим и занимался, то он бы сделал Америку неуязвимой со всех сторон. Мудрый президент, естественно, должен поддерживать у своих соотечественников интерес к международным делам и должен обращать их внимание на глобальные события, происходящие в мире; но бросить их в середину собачьей схватки, как это сделал уголовник Рузвельт, это было явное сумасшествие. Конечно, Рузвельт цинично извлёк личную выгоду из неведения американцев, их наивности и их доверчивости. Он заставил их смотреть на мир через Еврейские очки и поставил на путь, который приведёт их к критической катастрофе, если они вовремя не вывернутся.

Дела Америки нас не касаются, и мне всё равно, что с ними станет; но дело в том, что их вмешательство имеет прямое отношение как к нашей судьбе, так и к судьбе всей Европы.

Тот факт, что ни США, ни Германия, не имеют никакой колониальной политики - это ещё одна общая характеристика, которая должна была бы нас объединить. Немцы никогда не испытывали империалистического побуждения. Я рассматриваю эпизод в конце XIX столетия как несчастливый эпизод в нашей истории.

Наше поражение в Первой Мировой Войне в 1918 году, по крайней мере, имело положительным результатом прекращение нашего участия в составе международной преступной шайки Англии и Франции, которые забавлялись временными успехами своей колониальной политики.

Это заслуга Третьей Империи, что мы не смотрим с ностальгией на то прошлое, от которого мы избавились. Напротив, мы решительно и смело обратили свой взгляд в будущее, в направлении создания однородного общества, в направлении великой внутриевропейской политики. Может быть совершенно случайно, но это находится в полном соответствии с традиционной американской доктриной Монро - не вмешиваться в дела других континентов, и не позволять другим вмешиваться в дела Нового Света.

Глава пятнадцатая. 25 февраля 1945 г.

Это факт, что мы всегда были вынуждены действовать в спешке. Для нас, действовать быстро, - было всегда сталкиваться с неожиданностями. Для того чтобы обрести дар терпения, нам нужно было иметь время и место, а у нас не было ни того, ни другого. Это русские счастливы иметь оба фактора, с происходящей от этого заторможенностью, которая является характерной чертой славянского темперамента.

Более того, благодаря марксистской религии, у русских теперь всё необходимое, чтобы сделаться терпеливыми. Русским теперь обещано светлое будущее, что существенно отличает марксизм от христианства, но опять же, только в пресловутом будущем. Еврей Мордехай Маркс, как и положено всякому порядочному еврею, каким он и был, ожидал Мессию. Маркс всего лишь поставил еврейского Мессию в контекст исторического материализма, признав, что земное, а не в загробной жизни счастье - это существенный стимул человеческой эволюции.

"Счастье достижимо в пределах вашей жизни, - сказал Маркс, - я вам это обещаю, но вы должны не препятствовать эволюции и не пытаться сами ускорить процесс" (Гитлер цитирует Маркса. - *Прим. пер.*).

Люди всегда покупаются на такие уловки.... У Ленина не оказалось времени, но Сталин проделал хорошую работу, и он делает и продолжает её делать... Марксизм - очень мощная сила. Но как мы должны оценить Христианство, чьё ложное руководство иудизировано до той степени, что они уже не борются с еврейскими хриstopродавцами. Поверьте мне, марксизм несравненно сильнее!

Так уж сложилось, что судьба отвела мне очень короткий отрезок времени человеческой жизни. К счастью, мой идеализм вполне реалистичен, основан на осмысленных фактах, из которых и проистекают мои вполне выполнимые обещания; но который запрещает мне сулить другие планеты. В то время как другие лидеры и пророки запросто распоряжаются вечностями, у меня было только несколько несчастных лет. Те, другие, знают, что на смену им придут следующие, которые с места перерыва продолжат, направляя тот же самый плуг по той же самой борозде. Я же теперь достиг стадии, когда мне остаётся только удивляться, найдётся ли среди моих ближайших соратников хоть один человек, предназначенный поднять и нести тот факел, который выпал из моих рук.

Это тоже было моей судьбой, что мне пришлось быть слугой народа с таким трагическим прошлым; народа, такого нестабильного, такого разнообразного, каким является германский народ; людей, которые в зависимости от обстоятельств, шарахаются из одной крайности в другую. С моей собственной точки зрения в идеальном варианте в первую очередь надо было обеспечивать будущее существование германского народа формированием новой молодёжи, взращённой на идеях социализма и национализма, - а уж неизбежную войну оставить вести следующим поколениям; если, конечно, наши враги не отпрянут, напуганные нашей новой, сильной сменой германского народа. В этом случае Германия была бы хорошо оснащена и материально, и морально. У неё была бы и своя собственная администрация, и своя собственная иностранная политика, и своя собственная армия, с младенчества воспитанные на идеях социализма национального, а не космополитического. Задача, которую я предпринял, ставя германский народ на подобающее ему место в мире, к сожалению, оказалась задачей, которую нельзя выполнить за время одного поколения, тем более одному человеку. Но я, хотя бы, открыл им глаза на их врождённое величие, и вдохновил их мыслью союза всех немцев в один нерушимый Рейх.

Но я посеял хорошее семя. Я дал немцам понять значение борьбы, которую необходимо вести за своё собственное существование. В один прекрасный день эти семена дадут свои ростки, и ничто на земле не сможет воспрепятствовать их всходу. Германский народ - это молодой народ, и сильный народ, которому предначертано великое будущее.

Глава шестнадцатая

26 февраля 1945 г.

В действительности, я решился на выяснение отношения с Россией с помощью силы, как только я убедился, что Англия не изменит своей позиции. Черчилль оказался неспособным оценить мой рыцарский дух, когда я воздержался от их полного уничтожения под Дюнкерком (в мае-июне 1940 года Гитлер дал уйти остаткам разбитой английской армии через Ла-Манш. - *Прим. пер.*).

Мы были обязаны заставить англичан понять, что если бы они признали Германскую гегемонию на континенте, чему англичане были всегда самые ярые противники, то мы бы представили им неопределимые преимущества.

Уже к концу июля 1940 года, через месяц после разгрома Франции, я понял, что мир снова выскользывает из наших рук. А парой недель позже я понял, что мы не успеем высадиться в Англии до начала осенних штормов, а также и потому, что мы ещё не

достигли превосходства в воздухе. Иначе говоря, я понял, что Англия ускользает из наших рук.

Тот факт, что СССР летом 1940 года проглотил Прибалтику и Бессарабию, в то время как сами мы были заняты на западе, не оставил у меня никаких иллюзий относительно их дальнейших намерений. И даже если бы у меня какие-нибудь иллюзии оставались, то визит Молотова в ноябре был достаточен, чтобы развеять их окончательно. Предложения, которые Сталин сделал мне после возвращения своего министра иностранных дел, не обманули меня. Сталин, этот несравненный и невозмутимый шантажист, старался выиграть время, чтобы укрепить свои новые базы в Финляндии и на Балканах. Он пытался играть с нами "в кошки-мышки".

Трагедия, с моей личной точки зрения, заключалась в том, что я не мог атаковать раньше 15 мая 1941 года; но если я хотел сделать "Блицкриг" - это было существенно, чтобы я атаковал не позже этой даты. Сталин же, однако, мог атаковать и намного раньше. Всю зиму 1940-41 года, а весной 1941 года ещё больше меня мучила навязчивая мысль, что русские вот-вот нападут.

А тут ещё поражения итальянцев в Албании и Киренаике, которые подняли партизанское движение на Балканах. Косвенно эти поражения нанесли удар по нашей непобедимости, в которую уже уверовали как наши друзья, так и наши враги.

Одно только это стало причиной югославского "volte-face" ("смены лица"), события, которое вынудило нас влезть в войну на Балканах; а это было как раз именно то, чего я хотел избежать любой ценой. Потому что если мы уже влезали в это направление, то нам ничего уже не оставалось, как продвигаться в этом направлении дальше. Мне вряд ли надо было бы повторяться, но весной 1941 года мы могли быстро освободить Ближний Восток силами, которые составляли только небольшую часть войск, которые мы собирались задействовать в России.

Однако если мы в этот момент перебросили бы наши силы из нашего восточного боевого развертывания, то это давало бы косвенный сигнал СССР атаковать нас. СССР атаковал бы нас летом, самое позднее - осенью. И уже при таких обстоятельствах, которые уже были для нас катастрофическими и без всякой надежды на победу.

Что касается еврейских демократий, то у русских здесь терпение как у слона.

(Далее следует просто гениальный параграф о России. - Прим. пер).

Русские знают абсолютно точно, что евреи рано или поздно, и даже безо всякой войны своё ярмо на них опять наденут; благодаря внутренним раздорам, которые разрывают русских; нескончаемым экономическим кризисам, из которых они, по-видимому, неспособны выбраться; и мощной приманке марксизма, которому они особенно подвержены.

Но русские также и знают, что в Третьем Рейхе ситуация совсем другая. Русские знают, что в каждой области, и в мирных условиях даже больше чем в войну, мы евреев везде изолировали.

Объяснение тому терпению, которое демонстрируют русские, надо искать в их складе характера, который позволяет им не рисковать, а выжидать: год, поколение, столетие - сколько необходимо, чтобы созрели условия для исполнения их планов. Для русских время, - не значит ничего. Марксизм им точно обещал рай на земле - естественно не сегодня и не завтра, а когда-нибудь - в туманном, бесконечном будущем.

Несмотря на это долготерпение, которое является хребтом их силы, русские не могут стоять в сторонке и наблюдать разгром Англии; поскольку в этом случае; если принять, что США и Япония взаимно выключатся; как это, собственно, и произошло; то Русские остаются с нами с глазу на глаз - и в одиночестве. А это, без всякого сомнения, означает, что при условии выбора нами времени и места, давний спор между нами будет решён в нашу пользу.

Если бы я был вынужден разобраться с Большевиизмом с помощью оружия, и я пришёл бы к этому решению к годовщине подписания пакта о ненападении (т.е. к августу 1940 года. -

Прим. пер.), то у меня есть право считать, что Сталин пришёл к этому же решению ещё до того, как он этот пакт подписал.

В течение целого года я лелеял надежду, что мирное существование, по крайней мере, если не дружеское, то честное, может быть установлено между Третьей Империей и СССР. Мне так казалось после 15 лет правления Сталина - реалиста, который давно освободился от мутной марксистской идеологии; и который, как яд, придерживал её только для других. Бесцеремонная форма, в которой Сталин обезглавил еврейских интеллектуалов, безжалостно расправившихся с Императорской Россией, укрепила меня в этом мнении. Я предположил, что Сталин не хочет предоставить еврейским интеллектуалам шанс тем же манером разрушить и державу, которую построил он сам, и которая во всех отношениях является духовной наследницей Российской Империи Петра Великого.

В духе безупречного реализма с обеих сторон, мы могли бы создать ситуацию, в которой стало бы возможно мирное сосуществование, - посредством чёткого разграничения зон влияния, определённых за каждой стороной; и, ограничив наше соперничество только экономикой, и притом так, чтобы из этого извлекали взаимные выгоды обе стороны. Короче говоря, мирное сосуществование, наблюдаемое орлиным глазом и с пальцем на спусковом крючке!

Глава семнадцатая. 26 февраля 1945 г.

Я был последней надеждой Белой Европы. Она оказалась неспособной переделать себя посредством самостоятельных реформ. Она отвергла все ухаживания и предложения. Чтобы завладеть ею, я был вынужден использовать силу.

Европа может быть построена заново только на руинах. Нет, не на буквальных руинах; я имею в виду - на руинах банковских интересов, на руинах династических коалиций, на руинах умственной косности, на руинах извращённых предрассудков, на руинах хронической политической аллергии и на руинах ограниченности мышления. Европа должна быть построена в общих интересах, без индивидуальных особенностей. Это прекрасно понял ещё Наполеон.

Я, быть может, более чем кто-нибудь другой, в состоянии представить себе все мучения, испытываемые Наполеоном, который жаждал триумфа мира; но его заставляли воевать и воевать без конца, и даже без всякой перспективы увидеть свет в конце туннеля, - а он, - он не терял надежды достигнуть вечного, или хотя бы достижимого мира.

С лета 1940 года я и сам испытываю подобные мучения. И всегда это была проклятая Англия, которая стояла на пути к миру в Европе. Но теперь Британская Империя стара и немощна, хотя всё так же злокачественна и злокозненна. Но в этой своей отрицательной и извращённой позиции она теперь поддерживается и Соединёнными Штатами, которые тоже воодушевлены и принуждены всеми силами Интернационального Еврейства, которые процветают и надеются ещё долго процветать на наших несогласиях.

Глава восемнадцатая. 2 апреля 1945 г.

Если нам предначертано быть разбитыми в этой войне, разгром будет полным и окончательным. Наши враги провозгласили свои цели в отношении нас в манере, которая не оставляет нам никаких иллюзий относительно их намерений. Американские и английские евреи, русские большевики, и та орда шакалов, которая, сглатывая слюну, несётся за ними по пятам, - мы все знаем, что никто из них не отложит в сторону оружие, пока они не уничтожат национально-социалистическую Германию и не превратят её в груды щебня. В таком жутком конфликте как этот, в войне, в которой две столь непримиримые идеологии сталкиваются между собой, вопрос может быть разрешён только посредством тотального уничтожения одной или другой стороны. Это сражение, которое должно продолжаться обеими сторонами, пока они полностью не будут

истощены; и с нашей стороны мы уверены, что мы будем бороться или до победы, или до последней капли крови.

Это жестокая мысль. Она наполняет меня ужасом - даже просто подумать, как наша Германия будет порублена на части победителями, а наши люди будут подвергнуты всем жестокостям еврейских большевиков и американских гангстеров. Но, тем не менее, даже эта перспектива, не может поколебать мою несокрушимую веру в будущее германского народа. Чем больше мы страдаем, тем более величественным будет воскрешение бессмертной Германии! Это свойство германского ума, погрузиться в летаргию, когда кажется, что само существование нации поставлено на кон, сослужит нам ещё хорошую службу. Но что касается меня самого, я не смог бы жить в Германии во время переходного периода, который последует за разгромом Империи. Позор и предательство, которые мы испытали в 1918 году, - это всё пустяки, по сравнению с тем, что ждёт нас сейчас.

Это немыслимо, что после двенадцати лет существования национальной социалистической Германии, такое может произойти. Моё воображение отказывается принять, что элиту Германии, которая вела её к самым вершинам героизма, ожидают годы и годы уничтожения. Тогда какой совет мы можем дать, какие правила поведения мы можем рекомендовать для тех, кто выживет, сохранив чистые души и недрогнувшие сердца?

Сокрушённый, брошенный на произвол судьбы, как узник во тьме ночи, весь германский народ сам по себе должен бдеть те расовые законы, которые мы сами и очертили. В мире, который становится всё более извращённым еврейским вирусом, люди, имеющие иммунитет к этому вирусу, в конце концов, окажутся победителями. С этой точки зрения, люди должны быть бесконечно благодарны национальному социализму, который очистил от евреев Германию и центральную Европу.

Первоочередной заботой послевоенной Германии должно быть сохранение нерушимого союза всех германских народов. Только когда мы вместе, проявляются наши лучшие качества; только когда мы перестаём быть пруссаками, баварцами, австрийцами, рейнцами и становимся просто германцами. Пруссак первыми объединили всех германцев в одну империю при Бисмарке и этим дали всем германцам возможность показать, что они являются в Европе первейшим народом. Я сам объединил их в Третью Империю и сделал их строителями новой Европы. И чтобы ни случилось, германский народ должен всегда помнить, что они должны избавиться от всего, что ведёт к несогласию, и настойчиво стремиться к единству.

Что касается других стран, то невозможно придерживаться каких-либо строгих правил, поскольку ситуация постоянно меняется. Двадцать лет назад я написал, что для Германии в Европе есть только два потенциальных союзника - Англия и Италия. Однако события за этот период времени не позволяли применять политику, логически вытекающую из моих положений. Англия формально ещё считалась Британской Империей, но она уже не обладала моральными качествами, необходимыми для сохранения своей империи. Казалось, Англия ещё доминировала в мире; а в реальности Англия сама доминировалась Еврейством. Италия стремилась подражать древнему Риму. Она заимела все древнеримские амбиции, но у неё отсутствовали два необходимых древнеримских качества: воинственный дух и материальная сила. Единственный козырь, который был у Италии - это предводительство истинного римлянина. Какая личная трагедия для этого человека! И какая трагедия для этой страны! Для народов, как и для отдельных людей - это трагедия - иметь личные амбиции и не иметь никаких качеств, которые помогли бы эти амбиции осуществить; и не иметь никакой надежды эти качества заполнить.

Оставалась ещё Франция. Двадцать лет назад я написал, что я думаю о Франции. Франция есть смертельный враг германского народа. Её постоянная деградация и её частые "нервные срывы", привели к некоторой нашей недооценке важности её действий. Франция становилась всё слабее и слабее, так и доверять ей надо было всё меньше и

меньше. Военная мощь Франции - не более как память. И даже с одной этой точки зрения, будьте уверены, что более она никогда не будет вызывать у нас никакого беспокойства. Какой бы ни был исход, эта война, по крайней мере, поставила Францию на своё место - пятиразрядной страны. Но даже в этом случае, благодаря её неограниченной силе коррупции, и её несравненному искусству шантажа, Франция всё ещё может представлять для нас опасность. Поэтому для нас в отношении Франции - два правила: недоверие и бдительность. И путь никогда немцы не позволят убаюкать себя голосом этой сирены!

И хотя нет никакой возможности соблюдать жёсткие принципы в общении с другими государствами, и приходится приспособлять политику к меняющимся условиям; Германия, тем не менее, будет всегда выбирать своих самых лучших друзей из числа наций, устойчивых к еврейской заразе. И я уверен, что японцы, китайцы и мусульмане всегда будут нам гораздо ближе, чем та же Франция, несмотря на то, что мы родственники по крови!

Это трагедия, что Франция за последние столетия полностью деградировала и что её высшие классы замещены евреями. Теперь Франция обречена преследовать еврейскую политику.

С разгромом нашей империи и только ожидающимся появлением азиатского, африканского и, возможно, южноамериканского национализма в мире есть только две силы, способные к противостоянию - это США и СССР. Законы, как истории, так и географии, всё равно вынудят эти державы воевать между собой, если не на поле боя, то экономически и идеологически. И те же законы неизбежно делают эти же обе державы врагами Европы. И также неизбежно, что обе эти державы, рано или поздно, будут искать поддержки единственно оставшейся великой нации Европы - германского народа. И я не должен экономить на ударении того факта, что немцы должны любой ценой избегать быть пешками одного или другого лагеря.

В настоящий момент мне трудно сказать, какой иудаизм, с идеологической точки зрения, для нас будет более вредоносным - американский, капиталистический или его большевистский, коммунистический вариант. Вполне возможно (что в сразу же после войны и случилось. - *Прим. пер.*), что под давлением обстоятельств русские полностью освободятся от еврейского марксизма, но только для того, чтобы возродить панславизм в его наиболее яростной форме. Что касается американцев, если они немедленно не избавятся (чего как раз и не случилось. - *Прим. пер.*) от своей еврейской петли евреев из Нью-Йорка, которые имеют умственные способности обезьяны, пилящей сук, на котором сама же и сидит, то евреи их быстро на ней же и удавят, прежде чем те даже сообразят, что вообще происходит.

Тот факт, что евреи из Нью-Йорка сочетают обладание такой огромной материальной силой с полным отсутствием интеллекта, вызывает у меня образ ребёнка, поражённого слоновостью. Хорошо бы задаться вопросом, не является ли это типичным случаем "грибковой цивилизации", которая характеризуется тем, что исчезает также быстро, как и появляется.

Если Северной Америке не удастся сменить себе идеологическую доктрину на менее злокачественную, чем та, которая сейчас у них в качестве инструкции, основанная на химере, громко называющей себя Христианской Наукой; весьма сомнительно, что ей ещё долгое время удастся оставаться преимущественно белым континентом. Очень скоро станет очевидно, что у этого колосса на глиняных ногах, после своего фантастического подъёма, осталось только и сил, чтобы вызвать своё собственное низвержение. И что за прекрасный шанс, предоставит этот падение жёлтым расам! С точки зрения, как истории, так и справедливости жёлтые расы будут иметь абсолютно те же аргументы и факты, или их отсутствие, чтобы оккупировать американский континент, какие имели европейцы в шестнадцатом столетии. Их многочисленные и голодные массы примут на себя единственное право, распознаваемое историей - право голодных людей на утоление голода - разумеется, если это право подкреплено силой!

Таким образом, в этом жесточайшем мире, с двумя подряд мировыми войнами, очевидно, что только те белые люди имеют шанс уцелеть и процветать, которые знают, как мучаться и сохранять мужество драться насмерть, даже когда дело безнадежно. И только те народы имеют право уцелеть и процветать, которые проявят способность полностью очистить свой организм от трупного яда Еврейства.

Приложение:

Ален де Бенуа Загадка Гитлера

В 1933 г. французский писатель Франсуа Ле Гри (Francois Le Grix), присутствовавший на выступлении Гитлера в Берлине, так писал о впечатлении, произведенным тем на него: "в его лице, походке чувствовалось столько уверенности, искренности, бравады, что это заставляло многих дам называть его "прекрасным мальчишкой" ("Двадцать дней с Гитлером", изд. Grasset).

В 1936 г. Альфонс де Шатобриан (Alphonse de Chateaubriant) так описывает Гитлера: "Его глаза, насыщенного голубого цвета, напоминают воды озера Кеннигссе. Его тело вибрирует; движения его головы по юношески стремительны. Его спина, прямая как стержень, не согнута грязными политическими страстями. Его характеризует бесконечная доброта. Да, Гитлер, - добрый. ("Сноп сил", Grasset).

В том же году, романист Бодель писал: "Я не знаю насколько приятно быть гражданином тоталитарного Государства; я лично, этого бы не перенес. Но я знаю, что сегодня гораздо радостней жить в порабощенной Германии, чем в свободной Франции. ("Господин Гитлер", Gallimard).

Ницше говорил: "История всегда пишется с точки зрения победителей".

Золотая середина

После 1945 г. количество обвинений в значительной степени превысило прежние восхваления. Гитлер, по мнению пишущих о нем авторов, превратился в "старого маляра", политического, тупого и ограниченного животного, великого безумца, больного, импотента, садиста, архетип "авторитарной личности", воплощение зла, гангстера высокого полета, марионетку, управляемую промышленниками и т.п.

Имеющиеся точки зрения можно разделить на две основные категории. Первая объясняет его личность "из вне": Гитлер был порождением обстоятельств. В некотором смысле, дитя случайного и необходимого. Другие объясняют "изнутри": это был безумец, преступник и т.д. С одной стороны, социальный анализ: логический результат определенного процесса. С другой, личная биография: непредсказуемая развязка.

Иоахим Фест (Joachim Fest) - 51 год, гладкие волосы, бледное лицо, узкие губы и выступающие скулы - считает эти теории попыткой уйти от проблемы.

Действительно, один вопрос создает непреодолимое препятствие: если Гитлер был всем тем, что о нем говорят сегодня, как могло случиться так, что немецкий народ пошел за подобным человеком? Как он мог привести к власти подобную помесь скота и слабоумного и поддерживать его даже в огне и смерти "сумраков богов"? Наконец, сколь же велика должна быть извращенность людей, если даже сегодня, освобожденные от диктатуры, они по всей видимости питают по отношению к нему тревожащую и невысказанную ностальгию?

В 1965 г. Иоахим Фест опубликовал серию портретов основных сановников национал социалистического режима: "**Властелины Третьего Райха**" (Grasset). Сотрудник еженедельника "Шпигель" (тираж 800.000), начиная с 1968 г., затем директор "Frankfurter Allgemeine Zeitung" он никогда не отклонялся от своего сюжета. Достойный ученик Макса Вебера, он заботился о простых ответах и дуалистических формулировках. Он искал золотую середину. Это вылилось в многотомную работу, опубликованную им о Гитлере - по толщине в два раза превосходящую "Mein Kampf".

Его книга, ставшая предметом интенсивной рекламной компании (300.000 экземпляров были проданы в Германии, она была переведена на 13 языков), содержит в себе прежде всего размышления о величии - об идее величия и того "ужасного", что кроется в этом понятии.

История позволяет людям обрести форму. Гитлер, Сталин, Де Голль, Мао Дзе Дун были творцами своего времени и, вместе с тем, его порождением. Восхождение Гитлера, - пишет Иоахим Фест - стало возможным исключительно благодаря неповторимому стечению индивидуальных и общих обстоятельств и трудно объяснимому соответствию человека своей эпохе".

Не вызывает сомнения, что Гитлер полностью отвечал чаяниям своего времени. Однако, столь же безусловно можно утверждать, что немецкой душе присуще некое чувство, которое Гитлер воспламенил, придав ему конкретную форму; чувство, которое угасло сегодня, но которое неизбежно возгорится вновь завтра или в течение тысячелетий. Об этом состоянии духа Фест пишет, что оно состоит в очищении реальности во имя "идеалистических революционных концепций". Он добавляет: "Произошедшее - было порождением именно немецкого духа. Однако, не стоит думать, как это делают многие, что все дороги, которыми идет этот дух, неизбежно ведут в Аушвиц."

Критика правых

Было бы ошибочно отождествлять немецкий национализм исключительно с национал-социализмом. В своей книге о "консервативной революции" (**Die konservative Revolution in Deutschland, 1918-32, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1974**) доктор Армин Молер (Armin Mohler), наоборот, подчеркивает наличие оппозиции со стороны многочисленных представителей политических движений, духовных течений и интеллектуальных обществ, составлявших Немецкое Движение (deutsche Bewegung), по отношению к окончательно сформировавшемуся гитлеризму - оппозицию, за которую некоторым из них пришлось заплатить ценой своей жизни.

Доминик Веннер (Dominique Venner) замечает: "В то время как левые сдались, несгибаемыми противниками победившего фашизма стали правые. В 1943 г. именно итальянские правые, а не левые, объединились для свержения Муссолини. В Третьем Райхе действительно опасные для Гитлера заговоры замыслились немецкими правыми, от Канариса до Штауфенбергера" (Op.cit, февраль 1976 г.).

Опубликованная в июле 1933 г., за три года до смерти автора, книга О. Шпенглера "Решающие годы" с этой точки зрения является наиболее показательной. Антон Мирко Коктанен видел в ней "единственное свидетельство существования внутреннего, консервативного сопротивления, никогда не проявлявшегося во времена Третьего Райха". (**Освальд Шпенглер и его время, С.Н. Векс, Мюнхен, 1968 г.**) Жильбер Мерлио (Gilbert Merlio) даже сказал, что "в Германии "Решающие годы" своим успехом обязаны именно тому, что в этой книге дана критика нацизма с точки зрения правых". (**О. Шпенглер и национал-социализм, Германские исследования, N 6, 1976 г.**)

В 1930 г. А. Розенберг напал на Шпенглера в своей наиболее известной работе "Миф XX века" (Hoheneischen, Мюнхен). В дальнейшем национал-социализм наградил Шпенглера званием Untergangsmelodramatiker (закатившийся мелодраматик - прим.пер) (**E. Gunter, Grundel, Jahre der Uberwindung, Korn. Breslau, 1934**).

Для О. Шпенглера, о чем он заявил в "Закате Европы", не раса создает нацию, но, наоборот, культура, движущая идея (например, русская идея) выковывает расу (к примеру, тип прусского офицера). Душа (духовная энергия) создает психику - и составляет с ней одно целое. Человек строится изнутри, а не только снаружи. Он обладает расой, но не принадлежит ей.

В 1932 г., в том же году, когда NSDAP стала господствующей силой в Германии, Шпенглер, в своем введении к "Politische Schriften" ("Политические работы"), заявил, что национальная революция нуждается не в "партийных вождях", а в "государственных

мужах". И добавил: "Сегодня, я не вижу ни одного такого". Он считал национал-социализм вариантом "революции снизу" (Revolution von unten), которая ведет к обезличиванию. Для него она стала примером "стадной морали". "Он выступал против гуманистических, социалистических и во многом демократических черт, имеющих в нацизме, видя в этих проявлениях серьезную опасность" - писал Мерлио. Шпенглер призывал Гитлера освободиться от пеленок социализма, в которые было закутано его движение. Плебейскому вождю и плебсу он противопоставлял подлинного представителя прусского аскетизма, Herrenmensch, харизматического лидера, который черпает свою власть не из массы, но исключительно из трансцендентности принципа авторитета.

Но невозможно было оторвать Гитлера от "массы". "Марксистское толкование - заметил Раймон Картье (Raymond Cartier), - пытается сделать из Гитлера орудие, изобретенное, финансируемое и управляемое капиталистами, единоличными правителями мира, однако это объяснение рассыпается в прах перед лицом фактов. Если Гитлер и был чьим-либо орудием - все исторические деятели являются им в той или иной степени - то только немецких масс". (La Craponillot, N 31, июль 1974 г.)

На протяжении двух томов, составляющих его книгу, Иоахим Фест, обильно цитирует архитектора и бывшего министра Райха Альберта Шпеера, чьи мемуары, опубликованные в 1971 г., ("В сердце Третьего Райха") наделали немало шума. Это более всего прочего, вызывает улыбку. Не шептались ли за Рейном, что И. Фест принимал участие в редактировании этих воспоминаний (Кроме того, Альберт Шпеер голосовал за партию Вилли Брандта, вернувшего ему конфискованное ранее имущество).

Согласно Фесту, у Гитлера были не только "навязчивые идеи". Он также понял как воплотить их в жизнь. С этой точки зрения, он даже представляет собой "исключительный случай интеллектуала, умеющего использовать свою власть на практике".

Гитлер, - объясняет Иоахим Фест - отрицал экспериментальный принцип, согласно которому все революции пожирают своих детей; он действительно был Руссо, Мирабо, Робеспьером и Наполеоном своей революции, он был ее Марксом, Лениным, Троцким и Сталиным. Это доказывает, что он прекрасно понимал, какие силы были спущены им с цепи.

- Неприятная очевидность, уточняет Фест - по ходу книги. Но, наконец, настало время показать феномен Гитлера каким он был и покончить с переодеваниями. Гитлер не был Диктатором Чаплина: он был его противоположностью".

"Величие, - говорит Яков Бурхардт - это необходимость ужасных эпох". Иоахим Фест, считающий себя демо-христианином, близок к мысли о том, что все "великие люди тем или иным образом сопричастны Злу, по его мнению в любом величии скрывается Зло. Гитлер был одним их величайших людей, поскольку в нем было крайне сильно Зло".

- Я думаю, что великие люди оказывают большое влияние, - говорит Фест - но их величие оценивается, исходя из их умения сохранить независимость по отношению к обстоятельствам. Поэтому хорошо, что "сфера действия", на которую распространяется их влияние, уменьшается. В этом смысле, Гитлер, возможно был последним человеком, который стремился делать историю".

Уже в 1970 г. Рудольф Аугштайн (Rudolf Augstein) писал в Шпигеле: "Сегодня, индивидуум на вершине власти уже не обладает возможностью реально решать что-либо. В лучшем случае он обуздывает свои решения. Он действует по долгосрочному плану. Можно с уверенностью сказать, что Гитлер был последним представителем классического великого политика". "Феномен великого человека, - замечает также Фест - всегда эстетического порядка: крайне редко его интересует моральный порядок". Это утверждение ведет далеко. Конечно, "метаморальный" характер всех исключительных исторических деяний кажется очевидным. Однако, наиболее ярко это проявилось в национал-социализме, ввиду той важности, которая придавалось этой системой стилю и зрелищу (факт, неизменно поражающий наблюдателей) - а также благодаря личности вождя.

Способный согласовывать практически несовместимые понятия

В другой книге, посвященной основателю национал-социализма (Prenom: Adolf. Nom: Hitler), немецкий историк Вернер Мазер (Werner Maser) писал: "Гитлер рассматривал свои функции Фюрера и канцлера Райха, политику и политическую власть исключительно как средства для реализации своих артистических идей". Прежде чем стать оратором, политиком, солдатом, вождем партии или полководцем - продолжает он - Гитлер был (или хотел быть) в первую очередь художником. Ценности, определяющие его мировоззрение были "эстетическими" ценностями. Высшей целью политической акции для него было не реализация общего блага, но "тотальное" действие, в котором наиболее мрачные идеи красоты соединялись с жесточайшей жадностью величия.

Именно в этом, утверждает Фест, Гитлер проявил себя как "нечеловеческая личность, способная без малейшего признака морального конфликта согласовать совершенно несовместимые понятия".

Разве не сумел он, выражаясь словами друга его детства Августа Кубичека (August Kubizek), "спокойно повернуть вспять тысячелетия"?

В 1909-1910 гг., во время своего пребывания в Вене, "городе финикийцев" ("гибельных радостей"), как он выразился в "Mein Kampf", Гитлер жил в атмосфере своих картин и чертежей. Несколько его работ, написанных с натуры - говорит Мазер - "отмечены печатью выдающегося таланта". Позднее, на фронте он пишет акварели.

Его любимые немецкие художники в то время - Карл Шпитцвег (1808-1885) и Эдуард Грютцнер (1846-1925). Но выше всего он ставит греко-римскую скульптуру. Даже по достижению вершин власти, живопись, скульптура, архитектура и музыка по-прежнему остаются его глубочайшей страстью. В январе 1942 г. он заявил:

- Политика для меня лишь средство. Многие говорят, что мне крайне сложно хотя бы на день отказаться от той активной жизни, которую я веду сегодня. Они ошибаются. Войны приходят и уходят. Остаются лишь культурные ценности.

Старый акварелист Вены, наизусть знавший планы Парижской Оперы и никогда не устававший слушать Вагнера, он вкладывал столько же страсти в архитектуру и искусство, как и в военные операции или управление Государством. Однажды, когда один из его подчиненных обсуждал цену скульптуры, он прервал его одним словом:

- Для мастера никогда не бывает слишком дорого!

"Иногда - пишет Вернер Мазер - казалось, что Гитлер выбрал путь политика с единственной целью реализовать свои гигантские, неизмеримые архитектурные проекты". Действительно, такие архитекторы как Пауль Троост, Пауль Глайзлер, Альберт Шпеер в своих беседах с ним обращались к нему как к "коллеге".

Французский посол Андре Франсуа-Понсе (Andre Francois-Poncet) писал, что в некотором смысле, Адольф Гитлер напоминал ему Людвига II Баварского.

Книги, ничего кроме книг

"Сегодня, мне кажется, что по счастливой случайности самой судьбой мне было предписано родиться в Браун-ам-Инн. Этот маленький городишко расположен на границе двух немецких государств, объединение которых составляет - по крайней мере, для нас, принадлежащих к новому поколению - задачу, для достижения которой мы должны пожертвовать всей своей жизнью и использовать все средства, имеющиеся в нашем распоряжении."

Таковы первые строки "Mein Kampf". Гитлер не верил в Бога. Но он верил в Провидение (Vorsehung), providentia Древних, которое определяет и вершит судьбы.

Гитлер понимал историю как "результат борьбы всех против всех". Действительно, его "мировоззрение" окончательно сформировалось уже в 1918 году. Оно сложилось в результате длительных размышлений, в которых Мазер обнаруживает влияние идей Платона, Гегеля, Шопенгауэра, Шиллера, Стюарта Чемберлена, Леопольда фон Ранке,

Гете, Дидриха Эккарта, Ибсена и Золя. "Шопенгауэр - уточняет он - был одним из мыслителей, к которому Гитлер обращался наиболее часто. Он рекомендовал его как стилиста и наизусть цитировал целые отрывки".

В его исторической доктрине заметно влияние книг Мальтуса, Дарвина, Плотца, Эдуарда Гиббона, все (за исключением Гиббона) люди 19 века, который Гитлер считал эпохой "героев духа".

Его военные концепции в основном строились на интенсивном изучении Клаузевица. 8 ноября 1934 г. он бросил своим противникам в Бургер-Келлербрау, в Мюнхене:

- Вы не читали Клаузевица, но если бы вы даже его прочли, то не сумели бы использовать его теории в современных условиях!

Его начитанность в самых разнообразных областях, чему способствовала его необыкновенная память, поражала всех собеседников Фюрера.

Друг его детства, Август Кубичек, рассказывает: "Я не могу представить себе Адольфа без книг. В доме, он нагромождал вокруг себя горы книг. Когда книга занимала его, он чувствовал необходимость постоянно иметь ее под рукой. Даже, если он не читал ее, он постоянно таскал ее с собой. Такова была жизнь моего друга: книги и ничего кроме книг!". Однако, добавляет Вернер Мазер, его подход к книгам не был *sine ira e odio* (прим. перев. - без гнева и пристрастия). Он никогда не стремился найти согласие с автором или опровергнуть его. Он читал только то, что "было ему необходимо для подкрепления своих взглядов".

Среди людей, оказавших влияние на Гитлера, особое место занимает писатель и публицист Дитрих Эккарт (1868-1923), который был переводчиком на немецкий "Пера Гюнта" и возглавлял еженедельник "Auf gut Deutsch", прежде чем стать главным редактором "Volkische Beobachter". В последних строчках "Mein Kampf", Гитлер говорит, что Эккарт был "человеком, который пожертвовал всей своей жизнью для пробуждения своего народа, сначала посредством поэзии и мысли и, наконец, действия".

Работы Мазера и Феста, содержащие множество ссылок, графиков, рисунков и схем, несомненно позволяют составить более точное представление о жизни Гитлера. Однако, они ни в коей степени не проясняют "загадку" его личности. На протяжении более чем тысячи страниц, читатель не находит удовлетворительного объяснения. Парадоксальным образом изобилие деталей лишь подчеркивает пустоту целого. Все эти документы не позволяют ясно представить себе этот загадочный персонаж. Перед нами предстает хорошо отлаженный манекен, которого дергают за веревочки, что никого не может ввести в заблуждение. Гитлер не появляется, несмотря на то, что речь все время идет о нем.

Можно многое узнать о Гитлере, но возможно еще не настало время для понимания того, кем он был.

Неразрешимая дилемма

Фюрер III Рейха является человеком, о котором пишут вот уже в течение более чем сорока лет. Ему посвящены тысячи книг. Однако, мрак не рассеивается. Известны события. Найдены тысячи документов, писем и записей бесед. Недостатка в деталях нет. И все-таки, несмотря на это, он по-прежнему остается искусственной фигурой; личностью, хранящей свою тайну, и не понятой никем. Иногда даже создается впечатление, что чем больше света проливается на него, тем сильнее становится окутывающий его мрак.

Возможно это происходит потому, что история это всегда лишь нечто уникальное и непредсказуемое. Всего лишь судьба и "человеческие науки" не способны понять личность, выходящую за рамки обычного? Или виной тому иные причины? Может быть просто еще рано судить о нем? Или же попытки, предпринимаемые историками и неудачи, которыми оборачиваются эти попытки, доказывают превосходство интуиции над дедукцией, живого и всеобъемлющего синтетического метода над аналитическим,

который собирает и классифицирует факты, но никогда не позволяет воссоздать события "во плоти".

Геббельс однажды сказал своему адъютанту, князю Шомбург-Липпе: "Я работаю с Гитлером на протяжении многих лет, я вижу его почти ежедневно и, однако, бывают моменты, когда я совершенно не понимаю его. Кто может похвастаться тем, что знает его таким, как он есть на самом деле? В мире абсолютной фатальности, в котором он живет, более ничего не имеет смысла ни добро, ни зло, ни время, ни пространство и то, что люди называют успехом более не может служить критерием. Вы подумаете, что я безумец, но послушайте, что я вам скажу: возможно Гитлер приведет нас к катастрофе. Однако его идеи, преобразенные, обретут новые силы в самом поражении. У Гитлера много врагов в этом мире, которые предчувствуют его величие. Но несмотря на это, я не знаю, кто он такой в конечном счете. Действительно ли он человек? Я не мог бы в этом поклясться. Бывают моменты, когда он вызывает у меня дрожь".

Герману Раушнинггу, бывшему главе национал-социалистического правительства в Данциге, Гитлер заявил: "Тот, кто видит в национал-социализме только политическое движение, совершенно его не понимает. Наше движение есть нечто большее, чем даже религия: это воля свершить новое творение". Он добавил: "Бескрайнее значение нашей длительной и тяжелой борьбы за власть состоит в создании нового поколения господ, призванных взять в свои руки не только судьбы немецкого народа, но и всего мира".

Возможно ли объяснить Гитлера, не являясь при этом гитлеровцем? Объяснить его, значить понять его, т.е. его систему, его видение мира. Но можно ли понять его мировоззрение, если его не разделяешь? Дилемма кажется неразрешимой, а следовательно выводы неутешительны, так как пытаюсь прояснить ситуацию, вместо этого, наоборот, сгущают мрак и создают легенду.

Кроме этого, очевидно, что говорить о явлении исторически возможно лишь в том случае, когда оно уже принадлежит истории - т.е. когда оно уже не возбуждает страстей (В связи с чем критики постоянно аргументируют попытки найти в историке своего сторонника). В случае нацизма мы еще не достигли подобного положения дел. На данный момент мы имеем гораздо больше сторонников и противников национал-социализма, которые объединяются в своем противодействии всяким попыткам отбросить это явление в историю, так сказать назад, когда станет возможным говорить о нем объективно, и когда оно (в том числе и по этой причине) перестанет вызывать столь глубокий отклик в душах современных людей.

С этой точки зрения, все книги, написанные о Гитлере сегодня, способствуют исключительно укреплению "гитлеровского мифа". Лучше сказать: любая критика, сколь бы сильной она не была, предполагает актуализацию этой системы - требует сделать из "прошлого" вечное настоящее.

- На протяжении десятков или сотен страниц - сказал писатель Голо Манн (Golo Mann), можно показать, что Гитлер был самым отталкивающим и ничтожным злодеем в европейской истории. Однако, до сих пор, изучая своего героя на протяжении более чем тысяча страниц, как это сделал Фест, пытаюсь прояснить движущие им силы и его психику, скорее приходят к прямо противоположному результату. От желания обвинить до восхищения всего один шаг. Вследствие этого появляются самые противоречивые оценки.

Действия в военной области

Итальянский историк Ренцо де Феличе (**Renzo De Felice Intervista sul fascismo, Laterza, Bari, 1975 г.**) считает национал-социализм архаичным явлением, тогда как фашизм, напротив, рассматривается им как прогрессивное движение, что позволяет ему до некоторой степени приравнять его к идеям, вдохновлявшим "левых националистов".

Однако, для Роберта Арона "Гитлеризм несомненно является конечным итогом современного времени. Он не был, как претендовал на это Гитлер, реакцией против

рационализма, но был его извращением. Он стал безумным завершением великой человеческой эпопеи, технического крестового похода, проповедуемого на протяжении более чем трех веков Декартом и его последователями. На протяжении всего этого периода было затрачено невероятное количество сил и веры, разума и мужества, были предприняты славные завоевания, сенсационные blitzkriege против рутины и невежества, что изменило облик мира. И никогда до этого эксцессы, рождавшиеся из этих завоеваний, не угрожали в такой степени самим основам западной цивилизации" ("**Retuor a l'eternel**", **Albin Michel, 1946**).

В военной области, Гитлер подобно Наполеону, за короткое время сумел восстановить против себя союз трех факторов: сопротивление на оккупированных территориях, англосаксонскую мощь и русскую степь. Если верить Герту Буххайту (Gert Buchheit, "Гитлер главнокомандующий", Arthaud, 1961), величайшей слабостью Гитлера в военном плане были, с одной стороны, его глубочайшая вера в свою интуицию (понимаемой им как вера в свою миссию) и, с другой, отказ от гибкой, оборонительной войны, допускающей добровольное - но временное - отступление с завоеванных территорий. (Что привело к его столкновениям с командованием Вермахта).

В предисловии, отведенном для стенографических записей конференций, проводимых Гитлером в его главной ставке с 1942 по 1945 года ("**Гитлер и его генералы**", **Albin Michel, 1946**) Жак Бенуа-Мечин (Jacques Benoist-Mechin), автор Истории немецкой армии (Albin Michel, 6 том, 1936-61 гг.), являющийся знатоком в военной области, выражает полностью противоположное мнение. Он цитирует Гельмута Гайбера, по словам которого "несправедливо то мнение, согласно которому всегда правильные и многообещающие замыслы, разработанные генеральным штабом, были сведены на нет тупым невежеством дилетанта, который выдвигал лишь абсурдные планы и безрассудные требования". Он добавляет: "Когда властители Третьего Райха отдали своим дивизиям приказ о наступлении на Россию, ими двигало не наплевательское отношение к тому риску, который влекло за собой ведение войны на два фронта, но именно желание избежать этой опасности".

Это мнение подтверждается победителем битвы при Сталинграде, маршалом Андреем Ивановичем Еременко, который в своих воспоминаниях утверждает, что Гитлер был прав, проявляя недюжинное упорство во время битвы под Сталинградом и, что если бы немцы не отступили от своего первоначального замысла, а именно массированного наступления в Северном направлении, то сражение могло бы обернуться в их пользу.

Со своей стороны, Раймон Картье заявляет "Мое личное заключение (основанное как я осмелюсь утверждать на тщательном исследовании) состоит в том, что Гитлер был великим полководцем и, именно ему, немцы обязаны своими многочисленными победами в первый период мировой войны, включая маневры у Седана".

23 февраля 1945 г. Геббельс писал в еженедельнике "Das Reich": "Если немецкий народ сложит оружие, Советы оккупируют всю Восточную и Юго-Восточную Европу, также как и большую часть Райха. Тогда на всех этих территориях, которые вместе с Советским Союзом составят огромное пространство, немедленно опустится железный занавес (ein eiserner Vorhang)." В своих последних заметках, собранных Борманом и опубликованных в 1959 г. (**Политическое завещание Гитлера, Fayard**) Гитлер подвел итог своим действиям, согласно историку Х. Р. Тревор-Ропер (H.R. Trevor-Roper), ретроспективно осветив многие свои намерения.

Японцы и итальянцы

Он утверждал, что война была ему "навязана" и что она началась слишком рано и в то же время слишком поздно. Слишком рано, потому что требовалось двадцать лет для созревания офицеров и дипломатов, воспитанных в его школе. И слишком поздно, потому что противники Райха воспользовались временем, прошедшим после Мюнхенского

соглашения, чтобы "достичь военного превосходства" (По его мнению, войну необходимо было начать в сентябре 1938 г.)

Он заявлял, что начал войну против СССР прежде всего потому, что Сталин готовился к нападению на Германию, а также затем, чтобы вынудить Англию признать превосходство Германии на западном континенте. Он думал, что англичане пойдут на заключение "сепаратного мира" с Рейхом, если убедятся, что на континенте более не осталось ни одной великой державы, способной помешать осуществлению его политики". Однако, решение о начале войны с Россией - говорит он - было принято в тот момент, когда я убедился в том, что Англия продолжает упорствовать в своем отказе от заключения мира" (26 февраля 1945 г.). Для достижения своих целей, необходимо было опередить противника: "Идея оборонительной войны против России была неприемлема".

Гитлер сохранил огромное уважение к японцам. Он утверждал, что в будущем Германия должна искать себе друзей среди китайцев, японцев и арабов. Однако, он упрекал себя за свою англофилию и "иллюзии", питаемые им по поводу латинских народов.

Англичане, говорил он, недооценили влияние, оказываемое на них "еврейским господством". Он заявил: "Можно предсказать, что каков бы ни был исход этой войны, он станет концом британской Империи. Она идет к своей гибели. Будущее английского народа это смерть от голода и туберкулеза на своем губительном острове". Он считал, что Италия практически во всем стесняла Германию - и лучше бы она осталась в стороне от мирового конфликта. Он уточнил, что войну против СССР собирались начать весной 1941 г. и закончить осенью и, что именно вторжение итальянской армии в Грецию (о чем Германия не была заранее поставлена в известность) расстроило его планы. Греческая компания Муссолини стала поистине бедствием. Ему пришлось пойти на открытое столкновение с югославами, в результате чего развязалась война на Балканах, которой немцы пытались всячески избежать. Великобритания послала свой экспедиционный корпус и Гитлер был вынужден прийти на помощь своему союзнику. Кроме прочего, это помешало осуществлению задуманной им молниеносной войны (Blitzkrieg) против Сталина. Немецкая армия оказалась пленницей ужасной русской зимы, и это стало началом конца. Таким образом исход войны решился в течение нескольких недель.

Кроме этого, Гитлер обвинил итальянцев в том, что они помешали ему разыграть карту деколонизации Средиземноморья и реализовать на практике политический антиимпериалистический союз с Исламом.

Относительно Франции он считал, что его политика была ошибочной. "Нашей задачей - говорит он - было освобождение рабочего класса и поддержка французских рабочих в свершении их революции. Необходимо было беспощадно отвергнуть допотопную буржуазию, лишенную души и патриотизма (...) Мы пренебрегли нашим долгом и не осознали своих интересов, не освободив в 1940 г. французских рабочих".

"То же самое можно сказать о французских колониальных владениях, французский народ безусловно ждал от нас избавления от груза Империи. В этом смысле народ этой страны всегда проявлял больше здравого смысла, чем его так называемая элита. Подлинный инстинкт нации лучше, чем эта элита. Как при Людовике XV, так и при Жюле Ферри они восставали против абсурдных колониальных компаний".

Гитлер набросал картину будущего мира: "В случае поражения Рейха, в ожидании подъема азиатского, африканского и, возможно, южноамериканского национализма, в мире останутся лишь две силы, способные реально состязаться между собой: Соединенные Штаты и советская Россия. Законы истории и географии приговорили эти две силы померяться силами как в военном, так и экономическом и политическом плане. Те же законы обрекли их стать противниками Европы. Обе эти державы несомненно в более или менее короткие сроки пожелают заручиться поддержкой единственного великого народа, оставшегося после войны - немецкого народа. Я, настойчиво заявляю:

этого не должно произойти ни в коем случае. Немцы не должны играть роль пешки в партии, разыгрываемой русскими или американцами".

Он добавил: "На настоящий момент трудно сказать, что представляет для нас наибольшую опасность в идеологическом плане, прожидовленный американизм или большевизм. Действительно, русские под давлением обстоятельств могут окончательно избавиться от еврейского марксизма, однако, лишь для того, чтобы возродить вечный панславянизм в его самом жестоком и диком облике".

"Что касается американцев, то если им не удастся в ближайшее время сбросить иго нью-йоркских евреев, их гибель последует незамедлительно - они так и не достигнут возраста зрелости. Их огромная материальная мощь при столь же поразительной слабости духа навеивает образ ребенка, страдающего гигантизмом. Возникает вопрос, не является ли американская цивилизация, цивилизацией, обреченной развалиться столь же стремительно, как она и возникла".

Время тайной слезы

2 апреля 1943 г. Гитлер заявил: "Если мы окажемся побежденными в этой войне, это станет полным крахом. Наши противники разрезвонили о своих намерениях так, что мы не можем питать никаких иллюзий относительно будущего (...) Эта мысль непереносима. Я с ужасом воображаю наш Райх, разодранный в клочья этими победителями, наш народ, отданный на растерзание диких большевиков и американских гангстеров. Однако, эта перспектива не может поколебать мою твердую веру в будущее немецкого народа. Чем больше страданий выпадет на нашу долю, тем более блестящим станет возрождение вечной Германии. Особенность немецкой души впадать в летаргию, в том случае когда возникает угроза самому существованию нации, послужит еще раз. Но я лично не могу вынести даже мысли о том, чтобы жить в этой переходной Германии, которая последует за падением нашего Третьего Райха."

Спустя некоторое время, 30 апреля 1945 г., канцлер Райха, в возрасте 56 лет, накануне обвенчавшийся со своей невестой, покончил жизнь самоубийством в окружавшей его атмосфере конца мира. В своих "Военных мемуарах" (**том 3: Le salut, 1944-46. Plon, 1959**) генерал де Голль пишет: "самоубийство, не предательство, положило конец его начинаниям". "Германия - добавляет он - замороженная им до самых глубин своей души, служила своему Фюреру всеми силами. Она сохранила ему верность до самого конца, отдав ему столько сил, как ни один народ никогда не отдавал в распоряжение своего вождя..."

Он заключает: "Дело Гитлера было сверхчеловеческим и нечеловеческим. Он отстаивал его, не зная сомнений. До последних часов агонии в глубине берлинского bunker'a, он оставался нестигаемым и не знающим жалости, каким он был в дни своего торжества. Его борьба и память о нем покрыты мрачным величием сделанного им выбора; никогда не колебаться, не идти на сделки, никогда не отступать. Титан, пытавшийся удержать на себе весь мир ни сгибаясь, ни пытаясь облегчить тяжесть. Но в тот момент, когда все было кончено, у побежденного и разгромленного не было ли такого мгновения, когда глаза его заволочла потаенная слеза".

Перевод с французского Виктории Ванюшкиной

Часть III. После войны. Критика и оценки.

Дж. Моссе
ВВЕДЕНИЕ

Третий рейх оказал на нашу цивилизацию глубокое воздействие, не ослабевшее за истекшие годы. Как этому режиму удалось прийти к власти в цивилизованной стране и каким был образ жизни при нацистах — эти вопросы задаются до сих пор, в особенности теми, кому в силу возраста не пришлось сталкиваться с Национал-Социализмом и жить при нацистском режиме. Эта книга преследует цель показать характер Третьего рейха, приводя оригинальные документы и материалы того времени, которые позволят лучше понять суть этого явления. Главный вопрос, на который мы постараемся ответить: какой же была жизнь при Гитлере? Этот вопрос можно сформулировать и по-другому: каким образом национал-социализм вторгся в сознание живших тогда людей?

По этой причине мы не приводим документы, касающиеся внешней политики и внутреннего администрирования, уделяя основное внимание материалам культурной и социальной жизни. Более того, чтобы показать истинный характер режима, мы сконцентрировались на периоде с 1933-го по 1939 год. Национал-социализм, пришедший к власти, рассматривается в книге еще до начала войны, поскольку она накладывает свой отпечаток на многие его идеи и действия, придавая им порой преувеличенное значение. Во всяком случае, после 1939 года в культурной и социальной жизни немецкого народа мало что изменилось. Еще раз подчеркиваем, что приведенная здесь документация иллюстрирует нацистские взгляды на «добропорядочное общество».

Это общество не допускало различий между политикой и повседневной жизнью большинства. Ныне во многих некоммунистических странах Запада политика является лишь одним из составных элементов жизни и не внедряется в каждую нашу мысль или поступок. Гитлер же намеревался создать такое органичное общество, в котором все стороны жизни должны были согласовываться с его основными целями. И никому не позволялось стоять в стороне от целей, провозглашенных национал-социалистской партией. Политика у национал-социалистов была не одной из сторон жизни и не одной из наук среди многих других, а точным выражением их мировоззрения. От каждого германца требовалась строгая приверженность этим взглядам, охватывающая все стороны человеческой природы в проявлениях расы, крови и духовности.

Вот что имел в виду Гитлер, говоря о «нацификации масс»¹, считая волю и силу средством для овладения этими массами.

С января 1933 года такой взгляд на политику означал приобщение масс к господствующей в стране идеологии — «выравнивание и балансировку всего механизма» нации. Все люди и организации подлежали «нацификации», то есть оказывались под контролем партии, являвшейся блюстителем германского мировоззрения и создателем провозглашенного добропорядочного общества, под руководством своего вождя — фюрера.

В связи с этим были ликвидированы профсоюзы, а вместо них создан Немецкий трудовой фронт². Все образовательные институты были реорганизованы так, что партия получила полный контроль и над преподавателями, и над студентами и учениками. Была создана целая сеть различных организаций в сфере профессиональной и трудовой деятельности, естественно, под контролем партии, причем членство в них было обязательным. Кроме того, появились всевозможные группировки и организации, охватывавшие частную жизнь граждан — от «гитлеровской молодежи»³ до «немецких матерей». Границы между общественной и личной деятельностью были устранены, как и разграничительная линия между политикой и остальным жизненным комплексом.

1) Высказывания А. Гитлера цитируются по его книге «Майн кампф» и выступлениям по тем или иным вопросам. (Примеч. пер.)

2) Немецкий трудовой фронт — общенациональная организация, созданная в 1933 г. и заменившая профсоюзы. Председателем его был заведующий организационным отделом НСДАП Роберт Лей. Фронт занял все помещения профсоюзов и конфисковал не только имущество, но и членские взносы. В 1938 г. насчитывал 23 миллиона человек, в 1942 г. — 25 миллионов. Аппарат функционеров насчитывал более 40 тысяч человек, включая владельцев предприятий. На всех заводах, фабриках и в учреждениях были ликвидированы рабочие советы, отменены право на забастовки и заключение коллективных договоров.

3) Гитлерюгенд — организация гитлеровской молодежи. В 1922 г. носила название «юнгштурм Адольфа Гитлера» и объединяла юношей 14 — 18 лет. В 1929 г. в нее был включен союз девушек, а в 1931 г. — юнгфольк (мальчики и девочки в возрасте 10 — 14 лет). После прихода нацистов к власти все молодежные организации были запрещены, а их имущество передано гитлерюгенду. В 1936 г. стала молодежной организацией военизированного типа, принадлежность к которой была обязательной (возраст от 10 до 18 лет). Возглавлял ее рейхсюгендфюрер Бальдур фон Ширах, а с 1940 г. — Артур Аксман, подчинявшийся непосредственно Гитлеру. По достижении 18 лет молодежь проходила годичную рабочую повинность, а затем призывалась в армию. В 1938 г. численность организации достигла 7,7 миллиона человек.

Государство стало тоталитарным, а нацистская партия, подобно пауку опутав страну паутиной, контролировала все без исключения стороны жизни нации. Все было подчинено требованиям политики. Политическая же жизнь страны понималась нацистами по-своему: все прочие политические партии и независимые организации были запрещены. Ведь они, будучи по своей сути либеральными структурами, разрывали нацию на части, противопоставляли одних людей другим и классы — классам. В противоположность этому при нацистах каждый отдельно взятый германец испытывал чувство сопричастности и принадлежности к обществу, которое выражало его внутренние устремления. Через год после прихода Гитлера к власти в партийной печати публикуется следующее:

«Концепция «политического деятеля» отражает буржуазный менталитет. Быть политиком — значит действовать в соответствии со стандартными требованиями, предъявляемыми к поведению личности. Поэтому политическая позиция должна быть не одной из многих, а основополагающей стороной жизнедеятельности человека».

В век индустриализации и классовых конфликтов человек должен быть един со своим народом, при этом его истинное «я» и чувство отчужденности трансформируются в чувство сопричастности.

Таковой была нацистская теория, хотя на практике многим людям удавалось оставаться в стороне от этой интеграции. Важное значение в период правления нацистов имело понятие «внутренняя эмиграция» — единственное оставшееся проявление частной жизни. В стране не было ни одной группировки, свободной от влияния партии и государства, к которой можно было бы присоединиться, ни одной организации, не связанной с «новой Германией». Точности ради все же следует упомянуть довольно важные институты, сохранившие хотя бы формальную независимость, — церковь, бюрократия, отдельные экономические организации и армия. Но и в них различными косвенными методами осуществлялся контроль партии и государства. Как показывают некоторые документы, против церквей нацистам пришлось вести длительную и напряженную борьбу. Но и церкви не представляли собой единого фронта, поскольку многие видные католические и лютеранские прелаты активно сотрудничали с Третьим рейхом. Более того, церкви находились под определенным давлением собственных прихожан, стремившихся к «единению». К сожалению, приходится констатировать, что в 1933 году оппозиция нацизму проявлялась совсем незначительно и позже, сформировавшись, была малоэффективной в вопросах культурного развития национал-социалистской Германии.

На иностранные книги, периодику и газеты была введена жесткая цензура, внутренняя же литература и художественная деятельность строго контролировались. Вокруг страны и народа была возведена стена, для сооружения которой вполне хватало камней и

строительного раствора. И внутри этой стены руки нацистской культуры были развязаны даже в вопросах отношения к человеческой жизни.

Нацисты взялись за дело сразу же после назначения Гитлера канцлером рейха. Мощная пропаганда, призывы и обращения, проведение частых массовых митингов лишали народ воли. Эти мероприятия сопровождалось сожжением книг во всех городах и населенных пунктах, навязыванием единообразия во взглядах на культурные и социальные потребности, демонстрацией псевдореволюционных зрелищ. К лету 1933 года люди стали уже уставать от массовых митингов, речей и парадов, которые занимали все свободное время. (Этот процесс рассматривается более подробно в 11-м разделе книги, где идет речь о захвате нацистами власти.) Нацисты в то время развернули бурную деятельность, чтобы сломить индифферентность масс и выиграть борьбу за их отношение к вопросам культуры. К концу этого периода уже немногие люди (в особенности из числа молодежи) придерживались прежних взглядов.

В книге подробно проиллюстрирован характер нацистской культуры, внедрявшейся в народные массы. Культура эта не несла никакого прогресса и развития, «истина» воспринималась как нечто «данное», и все было пропитано расизмом и духом арийства. Вместе с тем не следует думать, что это было навязано большинству правящим меньшинством, — напротив, нацистская культура вызревала в течение десятков лет, когда находившийся в оппозиции ко всему современному немецкий менталитет утверждал собственную точку зрения на искусство, литературу и расовые проблемы. Более того, нацистская культура взывала к народным вкусам, о чем мы еще поговорим поподробнее. Нацистская оппозиция к новым веяниям в искусстве и литературе встречала массовую поддержку. Таким образом, эта культура была статичной, поэтому нет никакого смысла рассматривать ее по отдельным датам или пытаться показывать в развитии, которого в действительности не было. То, что происходило в период с 1933-го по 1939 год, было, по сути дела, принуждением и не имело никакого отношения к истинной культуре.

Представленные документы вместе с тем объясняют, почему так много людей приняли и помогли становлению и укреплению нацистского правления, ведь основу этого «добропорядочного общества» составляли эмоции и унифицированная идеология. Адольф Гитлер постоянно подчеркивал значение идеологического фактора и мировоззрения, придавая им исключительную важность. Основу новой Германии должны были составить «новые люди» — продукт «правильного» мировоззрения. Мировоззрение или идеология (термины эти взаимозаменяемы) были реальным инструментом реформ. Используя особенности человеческой природы, идеология проникала во все аспекты бытия. Мировоззрение, как считалось, проистекало из глубины человеческой души, поэтому и должно было выражаться не материально, а духовно. Один из лидеров румынских фашистов, Хорна Сима, в своей книге «Сущность национализма» сказал: «История — лишь следствие высочайшего проявления духа».

Вот почему Гитлер придавал столь большое значение артистизму и выразительности. Его выступление в Доме германского искусства в 1937 году хорошо иллюстрирует это. Лейтмотивом его речи прозвучала идея о том, что «новый человек» должен стать средоточием культуры, созидательной личностью, утверждающей «германизм». Идея эта была краеугольным камнем немецкого национализма и отражала крушение личности в безличностном обществе.

Приводимые нами документы показывают, как формировался этот «новый человек» начиная с раннего детства. Гитлер действительно верил в мировоззрение расизма, народности и духовности, четко представлял, каким образом донести его до людей. Он подчеркивал: «Любое мировоззрение, будь оно правильным и тысячу раз доказавшим свою пригодность, не будет иметь никакого значения для жизни народа, пока его основные догмы не будут написаны на знаменах воинствующего движения».

Такое движение должно быть не только высокоорганизованным, чтобы обрести силу в народе, но и обязательно основываться на мировоззрении. Поэтому исключительно

большое значение придавалось пропаганде, хотя само слово «пропаганда» и не произносилось. Гитлер никогда не считал, что идеи национал-социализма можно рекламировать, как зубную пасту или сигареты, для этого требовались более тонкие методы.

Джордж Сорель, которому фашизм многим обязан, писал в начале века, что все большие движения сопряжены с мифами. Миф внушает людям уверенность в своей правоте, почему его последователи считают себя армией, ведущей борьбу за правое дело против армии зла. За несколько лет до этого, в 1895 году, французский психолог Густав Ле Бон заявил о «консерватизме толпы». И это его определение как бы приклеилось ко всем традиционным идеям. Основные положения национализма Гитлер взял из германских традиций прежних времен, создав на их основе целое вероучение. Из высказываний же Ле Бона он уяснил, что для установления контроля над толпой необходима «магическая сила». Поэтому он писал в «Майн кампф» о «магическом влиянии» на массы, которое стало своеобразной мессой нацистского движения и самой настоящей массовой религией.

Нет никакой необходимости задаваться вопросом, прочитал ли Гитлер труды Сореля и Ле Бона, в которых затрагивались проблемы массового общества, появившегося в результате промышленной революции. Ле Бон назвал это явление «эрой толпы». В своей книге «Толпа» (изданной в Лондоне в 1922 году) он высказал мысль, которую через несколько лет подхватил Гитлер, и затем фаталистически ее придерживался: «Мы видим, что исчезновение здоровых личностей, преобладание несознательных элементов, направление чувств и идей в определенное русло под воздействием средств внушения, тенденция к немедленному превращению провозглашенных идей в действия являются основными и принципиальными характеристиками индивидуумов, формирующих толпу».

Определение иррационального поведения масс было четко сформулировано уже к концу XIX века, а характер действий толпы во время беспорядков, связанных с делом Дрейфуса во Франции, и первой антисемитской волны в Германии привел к зарождению теорий. В мире, созданном под воздействием индустриализации, личность была отчуждена не только от общества, но и от собственного природного разума. Проблема эта приняла всеобщий характер, а Сорель и Ле Бон разглядели в этой дикой иррациональности определенные закономерности, которые могли быть направлены лидером в позитивное, конструктивное русло.

Индустриализация, как им казалось, разрушила традиционные связи и взаимоотношения людей, разбудив иррациональное начало в человеческой природе. Другие же мыслители, такие, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, признавая «отчуждение» человека от общества, продолжали верить в его рациональность. Что же касалось Гитлера, то он разделял точку зрения Сореля и Ле Бона, что и позволило ему прийти к власти в стране, где народ страдал от последствий поражения в войне и кризиса. Использование иррациональных предрассудков и склонностей помогло ему внедрить в сознание народа так называемое германское мировоззрение и тем самым положить конец отчуждению человека от современного общества.

Гитлер, в частности, считал, что массовые митинги совершенно необходимы, так как они позволяют человеку выйти «из его мастерской или цеха», где он чувствует себя совсем маленьким и одиноким, и стать частью массы, состоящей из «тысяч и тысяч людей, исповедующих те же убеждения». В результате он подвергается воздействию этой массы. Но хотя фюрер и ликвидировал отчужденность, иррациональность человеческой природы оставалась основой его собственного мировоззрения. Эти сборища представляли собой настоящие литургические обряды, при проведении которых большое внимание обращалось на детали и цели. Мы воспроизвели в этой книге порядок проведения двух таких фестивалей: один из них часто устраивали в школах, а другой был приурочен к летнему солнцестоянию.

Проведение массовых митингов стало одним из наиболее значимых технических приемов нацистского движения, в особенности в годы прихода их к власти, когда сборища проводились чуть ли не ежедневно в различных регионах рейха. Однако сами по себе они бы дали немного, массовое воздействие на людей осуществлялось в самых различных областях культуры — в литературе, живописи и скульптуре, театре, кинофильмах и образовании. «Тотальная культура» должна была вдохнуть в людей националистические предрассудки, преодолеть их чувство изоляции и направить их творческую энергию в необходимое русло стремительного потока борьбы за власть. Вот почему в документах по нацистской культуре обнаруживается удивительное единство стиля — ведь все они преследовали одни и те же цели.

Частью этого стиля была «динамика» — настрой на необходимость борьбы со злом. Как бы то ни было, речь идет о своеобразной революции, поэтому книга начинается с документов, которые показывают, что же это была за революция, так сказать, какого сорта. Прежде всего, она была связана с насилием: взять хотя бы самые настоящие сражения, которые вела СА¹. «Массы не понимают рукопожатий», — любил повторять Гитлер. Важное значение придавалось и «традиционным узам» человека: народ, семья, мораль. В столкновениях с революционным порывом победа оставалась за этими узам. В своем выступлении перед штурмовиками Ханс Андерлан обращал особое внимание на это обстоятельство. Отношение нацистов к женщине и семье носило удивительно консервативный характер, даже тогда, когда они пытались выстраивать его на расовой основе.

1) СА (по начальным буквам «штурмбтайлунген» — в немецком написании в начале слова «с») — штурмовые отряды; военизированная организация, имевшая армейскую структуру от отделений до полков. Штурмовые отряды начали формироваться в 1921 г. с целью противодействия социал-демократам и коммунистам. К концу 1933 г. насчитывали около 2 миллионов человек. Нюрнбергским международным трибуналом СА признана преступной организацией.

Причина этого вполне ясна: идеология нацистской революции исходила из германских традиций. В случаях, когда речь шла о будущем, в ход пускалось мифическое прошлое. С прошлыми традициями многие люди действительно связывали надежду на преодоление воцарившегося хаоса. Национализм пытался увязать современность с моральной атрибутикой народа в прошлом. Однако это была не та мораль, которой придерживались древние германцы, обретаясь в лесах, ничего общего она не имела и с моралью современных крестьян, обрабатывавших землю. Тем не менее нацистская идеология всячески поддерживала эту версию, о которой говорила и Иозефа БеренсТотеноль в своих трудах. В действительности же мораль, которую национал-социализм представлял как типично германскую, являла собой буржуазную мораль XIX века, основанную на святости семьи, брака и предписанного скромного образа жизни. Скромность была, однако, предписана народу, но не тем, кто делал деньги, в связи с чем буржуазия была заклеяна, получив название «жидовской». Наиболее характерно выступление Ханса Наумана, профессора литературы Берлинского университета, по поводу сожжения книг в 1933 году. Он начал свое выступление с того, что подчеркнул необходимость подобной акции: настало время действовать против антигерманского духа, и если слишком много книг, а может быть, даже и слишком мало предано огню, так что из этого? Закончил же он утверждением, что только такие акции способны вновь сделать священными семейные узы, родную землю и кровь. Как мы видим, в нацистском движении доминирует смешение «героических» деяний и традиционализма.

Происходившие события Гитлер назвал «величайшей расовой революцией в мировой истории, революцией духа». По сути же дела это была культурная революция, поскольку не предусматривала никаких экономических преобразований. Фюрер взывал к старым пристрастиям и предрассудкам, не угрожая существующей экономической системе. И обращался он в основном к квалифицированным рабочим, так называемым белым

воротничкам, и к мелким предпринимателям, о чем четко говорится в представленных в этой книге документах. Это была их революция, так как нацистская идеология давала им и новый статус, устранявший изоляцию от индустриального общества, и цель в жизни. Но она не угрожала их законным интересам имущественного и иного порядка. Усиливая буржуазное почитание семьи и жизненных благ, она в то же время разрушала «старые добрые ценности», с которых современность срывала покров традиций. В таком подходе нет, однако, ничего странного, поскольку он представлен голлизмом во Франции и консерватизмом в Соединенных Штатах.

Нацистская революция была связана с определенным мировоззрением, которого придерживался Гитлер и которое присуще в большей степени центральноевропейцам, нежели западноевропейцам, Расизм обеспечивал базу национал-социализма, что ясно видно из высказываний трех ведущих теоретиков нацизма — Ханса Гюнтера, Людвиг Фердинанда Клауса и Альфреда Розенберга, Первые два были университетскими преподавателями. Идеи их, высокоабстрактные, были затем конкретизированы нацистским руководством: весьма поверхностная расистская форма перекавалифицирована в «расистский дух». Из этих же идей были взяты стереотипы — арийцы и их враги евреи. Идеология трансформировалась в «движение борьбы», в результате чего абстракция была конкретизирована и превратилась в средство целенаправленного воздействия на массы. Некоторые другие положения расистской теории были использованы при разработке новых положений в биологии (важность появления расистского мышления) и руководства для студентов высшей школы по распознаванию в людях расистского духа.

Расизм требовал героев, так как ни одна революция не обходится без примеров героизма. Нацистский герой соответствовал гитлеровскому мировоззрению и был наделен огромной силой воли. Именно воля делала человека героем; предполагалось, что сильное желание можно было превратить в реальность. В этом явно прослеживается германская интерпретация философии Ницше, идеи которого были широко распространены среди интеллигенции в начале века. Властные устремления Ницше были реализованы Гитлером в добропорядочном обществе. Альфред Баумлер, наиболее известный философ Третьего рейха, широко использовал идеи Ницше. Силу индивидуума он увязывал с войной, при которой эта сила оказывалась просто необходимой. В связи с этим представляется типичным возвышение Эрнста Рёма из простого офицера: ведь лидер СА был активным участником Первой мировой войны, а затем и действий фрайкоров¹. Рём воплощает ностальгию нацистов по войне. Сам Адольф Гитлер славил армию, в которой ему пришлось служить и, в которой он получил звание ефрейтора, — хорошего воспитателя, приучающего людей к решительности и вырабатывающего у них смелость и ответственность. Армия, утверждал он, является антиподом фондовой биржи.

1) Фрайкоры — добровольческие корпуса, полувойенные формирования, которые создавались сразу же после поражения Германии в Первой мировой войне в целях борьбы с «изменниками отечества» — социал-демократами, марксистами и евреями и возрождения «германского духа». Пополнялись они за счет фронтовых офицеров и солдат, а также безработной молодежи и различных авантюристов. Первый из них был сформирован бывшим капитаном Куртом фон Шляйхером. Подразделения фрайкоров образовали ядро рейхсвера, из них же создавались и отряды штурмовиков.

Нацисты придавали большое значение активности действий, назвав свою партию «движением». В сочетании с иррациональным обоснованием их мировоззрения это составляло оппозицию интеллектуализму. По этому поводу Гитлер в 1938 году сказал:

«Ныне нам наносит вред избыток образования. Высоко ценятся только истинные знания. Врагом же действий является самодовольный дурак. Поэтому нам требуются инстинкт и воля».

Под «инстинктом» подразумевались любовь народа и расизм, исходившие будто бы из души и эмпирических порывов. «Воля» же побуждала необходимость преобразования этой любви в реальность. В связи с этим героями нацистов были не академики, не

образованные люди, а личности, сумевшие проявить силу воли и задействовать свой здоровый инстинкт в борьбе за правое дело. Поэтому Йозеф Геббельс обратился к собирательному образу немецкого обывателя Михеля, сделав из него героя. Михель отразил интеграцию личности в единое народное целое.

К современным героям, к которым относился Фриц Тодт, строитель автострад, были добавлены герои прошлого. При этом Фридрих Великий, король Пруссии, был представлен исключительно как военный деятель, без упоминания о его дружбе с Вольтером. Прусский монарх был отмежеван от просвещения, стоявшего на позициях столь ненавистного нацистам рационализма.

Особое место в галерее нацистских героев занимал Лео Шлагетер. Один из ранних нацистов, он пал в борьбе с французскими оккупантами в 1923 году и был затем приобщен к лику героев, символизируя «нового человека», объект подражания для молодого поколения. Наиболее известный драматург Третьего рейха Ханс Йост написал о нем пьесу.

О других компонентах мифа мы уже упоминали. Церемония поднятия флага школьными ребятами наглядно показывает его воплощение: сценарий действия, постоянные репетиции, литургический смысл. Описание фестиваля, посвященного летнему солнцестоянию, дает представление об эффекте его воздействия на восприимчивую молодежь. Проводился фестиваль не столь формально, как церемония поднятия флага, более непринужденно и эмоционально.

Культура занимала в нацистской схеме действий центральное место, и задачи ее были определены четко: поддержка и распространение мировоззрения, в духе которого совершалась их революция. Оно должно было проникать в умы аудитории, что прослеживается в приведенных ниже документах. Интеллектуализм осуждался, и, поскольку народ был един, культура тоже не должна была отрываться от его корней. Это и имел Гитлер в виду, говоря, что «быть германцем означает обязательное, наличие ясности»: в 25 пунктах партийной платформы :. им была изложена вся нацистская идеология.

При всем этом не следует упускать из виду цели, которым служила культура: уяснение мировоззрения, его распространение и создание условий для его восторженного восприятия. Еще раз подчеркиваем, что она создавалась с учетом популярных вкусов и наклонностей: людей и бытовавших предрассудков. Народные массы (и не только в Германии) не любят «проблемного искусства», не увлекаются картинами экспрессионистов и не понимают творческих исканий представителей такого рода искусства. Примерно то же самое можно сказать и о литературе и других аспектах культуры. Большинству людей нравятся простые и понятные картины, а в романах и новеллах их привлекают фабула и сантименты. Необходимо отметить, что массовые вкусы XIX столетия мало чем отличались от вкусов XX, в том числе и в различных странах: стоит вспомнить «шиллинговые бульварные романы» в Англии или малеровские романы в Германии (так же сентиментально и почти без изменения стиля за период с 1864-го по 1950-е годы было написано более двухсот наименований, разошедшихся в 27 миллионах экземпляров). В Германии популярные в массах вкусы были искусно использованы при формулировании нацистского мировоззрения под предлогом «органичного» единения народа. Геббельсовская «дезинфекция искусства» преподносилась как следование «здоровым инстинктам народа». Вот этот-то консервативный инстинкт (впрочем, таков он и сегодня) был ловко использован в целях нацистской идеологии.

Так была использована историческая связь с прошлым (по Сорелю — важная составляющая часть мифа), причем упор делался на достоинства доиндустриального общества. Типичной в этом плане была грандиозная выставка германского искусства 1937 года, на которой главенствующую роль играли деревенские и семейные мотивы. Рабочему, потерявшему свои корни, противопоставлялся крестьянин, сидевший на земле и

укорененный в ней, который представлялся прототипом «нового человека». Этот имидж широко популяризировался в печати. В Третьем рейхе довольно быстро разошлись более четверти миллиона экземпляров книги Йозефы Беренс-Тотеноль «Фемхоф» (о крестьянском подворье), в которой изображался идеализированный крестьянин и его образ мыслей. И нужно сказать, что этот сентиментальный роман пользовался популярностью. Другой тип нацистских романов являла собой книга Тюделя Веллера «Рабаукен» («Дебоширы»), пропитанная расизмом и крикливостью.

Театр, радио, кино также, как говорится, ввязались в драку. Типичные театральные постановки периода становления нацистского режима и перечень названий кинофильмов дополняют общую картину. Очень большое значение придавалось радио, поскольку Гитлер весьма рассчитывал на эффективность произнесенных слов. А на митингах и фестивалях, то есть в нацистской мессе, центральную роль играли речи. Радио же несло слово в массы. На рынок поставлялись дешевые радиоприемники, а на улицах были вывешены громкоговорители.

Организовать весь этот поток воздействия на общественное мнение было, однако, не так-то просто. Ведь сентиментальность, столь любезная публике, работала против норм морали, проповедовавшейся нацистами. Обращаясь к вопросу семьи и семейных уз, национал-социалистам приходилось умерять социальный и сексуальный аспекты в угоду народу. Романтизация, включенная в идеологию, могла вести к толкованию любви в нужном им духе, к несдержанности в плотских радостях, превращаясь в социальную реальность. Популярная сентиментальность проникала даже в запрещенные области жизни, так что правящий класс стал постепенно отдаляться от установленных им же моральных требований. Сам Гитлер состоял в интимных отношениях с Евой Браун, но это, естественно, не афишировалось.

Этот иррационализм дисгармонирует с сущностью естественных наук. Как бы то ни было, в XIX веке, когда наука стала все более специализироваться, она отошла от концепции целостного взгляда на мир. Эра Ньютона давно уже прошла, и современный ученый исходит из своей специализации и определенных критериев. Поэтому лабораторный рационализм стал объединяться с иррационализмом «научного мировоззрения». И нацистская наука делает шаг в этом направлении. Сильная и доминирующая идеология проникла в лабораторию. Разрыв между наукой и остальным миром был преодолен в пользу не научного метода, а иррациональной идеологии. Взять хотя бы Иоханнеса Штарка и Филиппа Ленарда, лауреатов Нобелевской премии, сумевших использовать нацистскую идеологию в своей науке. Как это произошло, видно из документов. Главная их идея заключалась в попытке создания органического единства науки и нацистского мировоззрения, ведь и народ должен был стать органически единым. Отчуждению здесь должен был быть положен конец, как и во всем остальном.

Неудивительно, что астроном Бруно Тюринг возвратился к старым традициям Ньютона и Кеплера, которые подчеркивали наличие мирной гармонии в целом мире, чтобы продемонстрировать ошибочность теории относительности Эйнштейна. В его трудах верх взяли идеологические соображения: в качестве доказательств Тюринг использовал не научные, а расистские аргументы. Последствия такой интерпретации «нацистской науки» не замедлили сказаться. В докладной записке «Современное положение в физике» на имя Альфреда Розенберга гауляйтер Йозеф Вагнер раскритиковал Тюринга в 1944 году, в частности, за дискредитацию «новой физики», отрицательно сказавшуюся на военных успехах. Не упоминая Эйнштейна, Вагнер подчеркивал необходимость осуществления научных разработок в области теоретической физики в интересах военного дела.

Медицина следовала по стопам других наук. Лечению подвергался весь человек, включая душу. Решающим элементом и здесь выступала идеология. Ханс Шемм, первый нацистский министр культуры в Баварии, отмечал в связи с этим: «Мы не объекты, мы — германцы».

В таком же духе выступали Курт Гаугер, а также директор университетской клиники в Киле, известный психиатр Юнг. Юнг возглавил общество психотерапевтов Германии после прихода Гитлера к власти, проповедуя «развитые формы» и «созидательное начало» арийцев в противовес евреям.

Национал-социализм превратился в религию. Идеология, месса, элементы надежды на лучшее придавали движению характер новой веры. Показательно, что Геббельс во многих своих выступлениях использовал религиозную терминологию. Более того, нацизм стал тотальным мировоззрением, исключавшим все другие. Поэтому традиционное христианство превратилось в соперника, а не друга. Гитлер выступал против него — на первых порах очень осторожно, желая все же заручиться поддержкой христианских церквей (что ему, в общем-то, удалось). Поскольку, как мы уяснили, он обращался к буржуазии, ему трудно было поддерживать семейные узы и традиционную мораль при одновременном исключении религии. Но он считал, что со временем его мировоззрение ослабит, а впоследствии позволит вообще устранить христианство из общественного мнения страны. Языческие обряды уже перестали быть исключением, но еще предпринимались попытки проведения нацистских церемоний по протестантским канонам. (Основные усилия были направлены на соединение Христа с народом.) Целью же нацистского руководства было поглощение религии идеологией, подобно науке. И «германские христиане» этому постепенно подчинились. Хотя большинство населения поддерживало существующие церкви, нацисты исходили из приоритета в будущем евангелической религии.

Подобренные нами документы показывают, каким образом нацисты действовали против традиционного христианства и воздействовали на жизнь людей. Действия эти были более завуалированными и осторожными, чем в других областях культуры. О реакции церквей в связи с этим написано немало. Следует, однако, сразу же сказать, что она была медлительной и успешной лишь отчасти. Наиболее решительно выступал мюнхенский епископ Фаульхабер, который прочитал целую серию поистине сенсационных проповедей. Необходимо учитывать атмосферу, царившую в Третьем рейхе уже в начале 1933 года. Фаульхабер не только защищал Ветхий Завет, но и резко критиковал начавшиеся гонения против евреев, показывая разницу между ними во времена жизни Христа и позднее. В теологическом плане проповеди были превосходно аргументированы, но вряд ли можно отнести их к разряду сопротивления, за исключением разве что момента, когда нацисты повели тотальное наступление во всех областях культуры. В целом же церкви не проявляли большого желания четко продемонстрировать свою антинацистскую позицию.

Фаульхабер, подобно большинству церковных лидеров, был консерватором старого толка. Да и нацисты не считали, что люди преклонного возраста смогут когда-либо принять их мировоззрение, даже не будучи убежденными христианами. Их движение проводило большое различие между поколениями, настраивая молодых против стариков. Но и ко всему народу их подход был неодинаков. Когда Гитлер выступал против буржуазии, он яростно нападал на представителей старого поколения, выросшего во времена империи. Такое отношение отражено в пьесе Ханса Йоста, посвященной Шлагетеру. Сын главного персонажа Август горячо поддерживает нацистского героя и его полную приключений борьбу за отечество. Его же отец Шнайдер рекомендует осторожность. Разглагольствуя о социальных классах, он стремится лишь к тому, чтобы делать деньги. Сын настроен «не зарабатывать, а служить». Старик называет его поведение «юношеским романтизмом», тогда как этот романтизм символизирует стремление сына «принадлежать» своему народу.

Такая сила, присущая молодежи во всех революциях, и была использована национал-социализмом с самого начала. «Новые люди» геройского типа служили молодежи образцами для подражания, погибая в борьбе с такими врагами, как Шлагетер, или выполняя ответственное задание, как Тодт. Да и нацистское руководство было молодым:

Гитлер пришел к власти в сорок четыре года. Более того, нацисты понимали: если молодежь окажется в плену их мировоззрения, их будущее обеспечено. И снова мы находим пример, типичный для всех революций. Во всех странах фашизм становился фетишем молодежи. Какой контраст они составляли по сравнению с маститыми политиками, заседавшими в парламентах, или бюрократами, стоявшими у власти и управлявшими народами (и политическими партиями) в Европе. Нацисты извлекали политический капитал из неудовлетворенности молодежи, из ее стремления к бунту против родителей и школы. Даже в конце прошлого века большая часть буржуазной молодежи проявила желание отделиться от «респектабельного» общества, к которому принадлежала по рождению. Гитлер показал им путь, и многие молодые люди (но только не из числа безработных) устремились в ряды партии, привлеченные активностью нацистов, их приверженностью героическим поступкам и их четко обозначенными целями. Они могли критиковать «буржуазию», подразумевая собственных родителей и придерживаясь в то же время глубоко укоренившихся предрассудков. Многие из них вначале, ослепленные идеалами движения и возможностями приключений, не осознавали, что было правильно и что неправильно в стоявших перед ними задачах. Выдержка из мемуаров Инги Шолль отчетливо показывает это. Так, ее собственный брат, утратив первоначальный энтузиазм и потеряв прежние иллюзии (что все же не характерно для большинства молодежи), вступил в ряды антинацистского сопротивления, что привело его к смерти.

Доказательства ориентации нацизма на молодежь обнаруживаются повсеместно, так как в молодежи нацисты усматривали ключ к успеху своего движения. Поэтому мы и посвятили молодежи большой раздел книги. Решающую роль при этом играли образование и воспитание, ибо, если идеология внедрялась через образовательные учреждения, основная битва за умы была выиграна. А это нацисты понимали очень хорошо. Свидетельство Пауля Эстрайха, прогрессивного антинацистского воспитателя молодежи, дает дополнительные доказательства этого.

Энтузиазм молодежи тщательно направлялся и широко использовался, что демонстрируют приводимые нами выдержки из школьных книг для чтения, книжек для мальчишек и материалов для высшей школы. Некоторые из тем неоднократно повторяются. Так, например, рассказ об «отважном полете» Отто Дитриха взят из учебника для младших классов. Тема эта обнаруживается и в целом ряде других учебных пособий. Описывая этот полет в условиях разыгравшегося шторма, пресс-секретарь Гитлера преследовал цель, не требующую пояснений. В рассказе широко используются символы солнца и огня, применявшиеся в нацистской идеологии. Миф о солнце использовался и Бальдуrom фон Ширахом в его выступлениях перед студентами. Об идеологической направленности школьного обучения свидетельствует также список тем сочинений, которые школьники писали в конце каждого учебного года.

В книге приведены отрывки материалов для чтения, поскольку они хорошо иллюстрируют нацистскую теорию. Это, в частности, порядок изучения новой биологии и руководство для студентов по расовым проблемам. Поскольку расизм занимал центральное положение в нацистском мировоззрении, ему придавалось большое значение и в ходе обучения. Поэтому, естественно, требовались и соответствующие примеры и тексты для обоснования идеологии.

Воспитание было не только делом школы. Гитлер придавал значение не только организации в целом, но и регламентации свободного времени в частности. Членство в гитлерюгенде было обязательным. А как там все было организовано, видно лучше всего из высказываний ее лидера Бальдура фон Шираха.

Как же следовало поступать, если такая экстраординарная деятельность вступала в конфликт с семьей и школой? Ширах пытался избегать таких коллизий, но, в конечном счете, идеология брала верх над остальными соображениями. Главной задачей гитлеровской молодежи было укрепление нацистского мировоззрения. Совсем нетрудно

догадаться, что превалировало в случаях, когда семья и школа не вписывались в понятие «органичного единства народа».

Высшая школа продолжала насаждение тотальной культуры не только через курсы обучения расовой теории и народности. Как студенты, так и профессора были интегрированы в нацистскую концепцию германского народа. Даже на университетском уровне студенты должны были принимать участие в так называемой трудовой практике. Подобно геббельсовскому Михелю, они не имели права отказываться от такого дополнения к учебному плану и выполняли физическую работу наравне со всеми. Критерий приема студентов в Берлинский университет, да и во все другие университеты, тоже показывает, кому отдавалось предпочтение при поступлении. Студенческая организация в самом университете была, по сути дела, партийной структурой. Ее лидер, Герхард Крюгер, обычно употреблял слово «социализм», подразумевая служение народу, требовавшееся от студентов. А направлено это было на то, чтобы студенты не считали себя элитой нации. Партийное руководство не допускало еще одной элиты.

Национальное единство было основным требованием, предъявляемым к профессорам, которые должны были обеспечить не только единение высшей школы с народом, но и органичную связь нацистского мировоззрения с различными академическими дисциплинами. В этом состояла квинтэссенция выступления лидера ассоциации университетских профессоров, в котором он дал определение академической свободы как выполнение задачи по осуществлению указанного единения.

В попытках создания нового типа естественной науки органический идеал всегда ставился во главу угла. Интеллигенция должна была отказаться от иллюзий своего особого статуса, а рабочие — от концепции классовой борьбы.

Партия окружала народ заботой, определявшей всю его жизнь, однако при этом не предполагалось, что закон должен исходить из вечных ценностей. Концепция закона, отражавшего систему ценностей нацистского мировоззрения, преподносилась как либеральная, но на деле служила лишь определенной части нации. Карл Шмитт, один из признанных юристов Третьего рейха, пытался придать ей конституционное толкование. Дескать, поскольку новое государство обладает всей полнотой власти, его лидер может определять законы, служащие интересам народа.

Принцип фюрерства был основополагающим и для правительства, и для организационной структуры нацистской партии, распространяясь на всю нацию: общественная жизнь страны строилась вокруг центра, представленного лидером и его окружением. Деление на общественную и частную жизнь не допускалось. Третий Рейх стремился создать собственную иерархию, что послужило бы толчком для установления строгой регламентации жизни людей в индустриальном обществе.

Однако эта иерархия не была традиционной, состоявшей из аристократии, буржуазии и рабочего класса. Нацисты ненавидели аристократию, а буржуазию считали прогнившей. Независимо от происхождения, лидерство должно было принадлежать сильной и волевой личности, способной верно служить народному государству. По мнению Гитлера, прогресс человечества зависел не от активности большинства, а от деятельности отдельной конкретной личности, от ее гениальности и воли. «Новые люди» как раз и были такими лидерами, имеющими право на руководство государством, поскольку именно они привели партию к победе. Гитлер считал, что управление государством должно осуществляться иерархией вождей: начиная от местных и вплоть до него, фюрера всего народа. В действительности же Третий рейх представлял собой сеть соперничавших друг с другом лидеров, каждый из которых имел собственных приспешников и покровителей. Такое их соперничество вполне устраивало Гитлера, так как в результате он имел возможность контролировать всю структуру.

Отказ от учета мнения большинства означал, что каждый из лидеров назначался вышестоящим в иерархии вождем, а на ответственные должности — высшим лицом, то есть самим фюрером. Правление такого типа оказывалось наднародным, так как люди не

имели ни возможности, ни права определять и контролировать действия лидеров. Шмитт же подчеркивал равенство между лидерами и народом, утверждая, что нацистская система правления была якобы не диктатурой сверху, а исходила из демократических принципов правления.

Мировоззрение играло ключевую роль и в понимании демократии. Фюрер и народ равноправны, утверждали нацисты, поскольку являются представителями одной и той же расы и носителями той же крови. Идентична и их человеческая натура. Поэтому и цели их должны быть идентичными, так как призваны служить интересам германского государства. Лидер и ведомые являются частью одного органичного народа. Что выделяет лидера из массы, так это его способность внедрить в сознание людей мысль о всенародном единстве и организовать выполнение поставленных задач. К тому же он обладает всеми ранее упомянутыми атрибутами героев.

Ни одна независимая группировка не может существовать вне указанной структуры, говорил Гитлер, и никто не должен считать себя выше других людей. Даже лидеры не имеют права считать себя выше остальных, занимаясь исключительно служебными вопросами и возлагая на себя бремя ответственности. Это объясняет его отношение к интеллигенции, которая, обладая определенными знаниями, могла бы чувствовать себя выше остальных, а это неминуемо привело бы к образованию трудно контролируемой сепаратной группы. (В связи с образованием и воспитанием мы уже говорили о возможных попытках профессоров и студентов отделиться от «трудящихся слоев народа».) В новой Германии должны были быть только назначенные лидеры, а также массы, связанные воедино расой, народностью и внутренней убежденностью каждого.

Вильгельм Штуккарт и Ханс Глобке, давая официальный комментарий по закону о гражданстве, внесли ясность в трактовку нацистской концепции правительства. Они вновь и вновь повторяли, что личность может рассматривать себя только в качестве члена сообщества, германское же сообщество едино по крови и расе. Поэтому гражданство в рейхе зиждется не на территориальной, а на арийской основе. Роланд Фрайслер, ставший позднее председателем печально известного «народного суда», сделал из этих взглядов на закон логическое заключение о гражданстве, призвав к отказу от официальной «внепартийности». Вместе с тем он высказал надежду, что бюрократический формализм, а равно и законность (особенно широко применяемая в Германии) будут устранены и возобладает новый дух. По его мнению, официальное лицо, соблюдающее принципы национал-социализма, должно быть новым человеком и исходить в своих действиях не из неких параграфов закона, а из конечных целей.

В предоставленных документах теория и практика перемешиваются. Но нельзя не отметить, что теория была внедрена в практику и, это отразилось на жизни народа. Как же следовало поступать «маленькому человеку»? Рабочие не очень-то поддерживали нацистов в их стремлении прийти к власти, нацисты же идеализировали рабочих, которые, по их мнению, наслаждались работой и выполняли ее качественно, в традициях средневековых ремесленников. Более того, они пропитывались необходимой идеологией, посещая вечерние курсы, организованные партией. Если кто-нибудь из них и был марксистом, подобно Мюллеру, то скоро понимал, что его дурачили: его арийская честность и воля восставали против марксистской тактики (от которой, как признавал Гитлер в своей «Майн кампф», он многому научился). Немецкий рабочий, как и Мюллер, был, в конце концов, соотечественником — членом народного сообщества.

В реальности все было совершенно иначе: нацистам было необходимо запретить забастовки. Документы показывают, как им удавалось терроризировать рабочих, используя их положение и заработную плату.

Если рабочие не оказывали нацистам широкой поддержки, то это делала мелкая буржуазия. Ее положение в Третьем Рейхе показано в таблице налогообложения и расходов на жизнь, а также в перечне мероприятий, направленных на сокращение числа независимых предприятий. В отличие от крестьян «торговцы» всегда пользовались

плохой репутацией, являясь символом ненавистной современности: идеология поддерживала экономическую политику. Но хотя мелкая буржуазия и была недовольна складывающимся положением вещей, она этого открыто не показывала, за исключением отдельных случаев. Казалось, она не принимает никакого участия даже в небольших группах сопротивления, существовавших в то время. Скорее всего, идеология довлела над ней до конца.

Присвоение нацистами власти весной 1933 года и их влияние на народ глубоко не проанализированы. Для этого необходимо сначала понять суть нацистской революции. Из документов следует, что она осуществлялась не очень быстро, завуалировано, а порою даже комично. Не было никаких боевых схваток и штурма баррикад. Мужчины и женщины попали в руки руководства нового рейха, подобно спелому плоду с дерева. Отчет о переходе власти к нацистам в городском совете Кельна свидетельствует, насколько просто это свершилось. А ведь дело происходило в католической Рейнской области, в городе, бургомистром которого в течение шестнадцати лет до этого был Конрад Аденауэр.

Карл Шмитт отмечал (в какой-то степени оправданно), что нацистская революция проходила организованно и дисциплинированно. Причина этого заключалась в большей степени в самих нацистах, чем в отсутствии эффективной оппозиции. Нацистская идеология успокоила озабоченность миллионов людей, положила конец их отчужденности и вселила надежду на лучшее будущее. Другие миллионы пассивно наблюдали за происходившим, не помышляя о сопротивлении. «Пусть у них будет шанс», — говорили многие. И Гитлер воспользовался этим шансом, выжав из него все, что можно.

Книга начинается с анализа характера нацистской революции и заканчивается приходом нацистов к власти. Вместе с тем мы попытались осмыслить призывы Гитлера к действительному мировоззрению и показать, как это отражалось на жизни народа. При этом нам представляется почти упущенным один из важнейших аспектов Третьего Рейха — усиление террора, сопровождаемого тотальным наступлением на культуру. Хотя многие документы, представленные в книге, отражают давление, оказывавшееся на население (в особенности в области религии), специфика террора должным образом не показана. Истинный характер террора следовало бы проанализировать, не ограничиваясь уже сказанным. Мимолетного взгляда на документы по этому вопросу, как говорится, из-за чужого плеча, явно недостаточно.

В книге уделено мало внимания и реальной жертве режима, против которой в конечном итоге и была направлена «духовная» революция, — евреям. Но было бы искусственным отделять «еврейский вопрос» от остальной идеологии и культурного натиска. Поэтому в каждом разделе книги приводятся нацистские антиеврейские выпады. Евреев называли либералами, которых надо было ликвидировать, марксистами, подлежащими уничтожению, — короче говоря, главными врагами расы, проникавшими повсюду. Буржуазный пиетет по отношению к семье, морали и традиционным узам их не касался: семьи могли быть разъединены, имущество конфисковано, а корни в Германии вырваны. Нацизм был, как говорится, до мозга костей пропитан еврейским вопросом.

Еврейская проблема была преподнесена населению как составная часть «ренессанса нации». Это произвело определенное воздействие на массовое сознание и, не было чем-то изолированным или обособленным. Еврейство было выступающей вершиной идеологического айсберга — вот в чем нацисты пытались убедить людей. Если для Гитлера еврей был «первопричиной», как отмечал в своей книге «Разговоры с Гитлером» Герман Раушнинг, то для обычного немца он был просто абстракцией. Вероятно, наблюдая за арестом евреев, он испытывал к ним симпатию, так же как и во время поджога синагоги 10 ноября 1938 года, но выступать против этого не собирался. Конечно, находились личности, которые пытались помочь евреям, но это было связано с личными опасностями и самопожертвованием и требовало героизма, столь редкого в истории.

Оказание помощи «врагу» расы означало проявление истинного героизма, отличного от того, за который выступали нацисты. Ведь их герои были частью народа, который придавал им силу и обеспечивал прикрытие. Помогать же евреям вопреки «народной ярости» могли одиночки. Нас не должно поэтому удивлять, что очень незначительное число людей отважилось на это, и тем не менее таких случаев были тысячи. Однако в книге, посвященной воздействию Третьего Рейха на немцев, выделение вопроса об отношении к евреям было бы неуместным.

Книга не претендует на полноту картины. Ее цель показать, что национал-социализм намеревался создать, как он выходил из кризиса, разразившегося после Первой мировой войны, и как он воздействовал на немцев. Предлагающиеся вниманию читателей документы вместе с тем дают представление о том, каким образом нацисты создавали «массовое сознание» и манипулировали им. Гитлер и его приспешники не только сами верили в собственное мировоззрение, но и умело настраивали народ, чтобы и он разделял эту их веру. Не случайно министерство пропаганды и просвещения имело столь большое значение, а Гитлер находился в самых близких отношениях с Йозефом Геббельсом, опытным манипулятором массовым мнением.

Но все это не сыграло бы своей роли, если бы нацистское мировоззрение не включало в себя уже имевшиеся в народе пристрастия и предубеждения. Буржуазные идеи, укоренившиеся в умах людей в XIX столетии, были объединены с вездесущим национализмом и нашли свое отражение в идеологии, замешанной на расизме, крови и земле. Для тех миллионов людей, которые жаждали реставрации морали и семейного уклада, и для тех, кто хотел, чтобы Германия вновь заняла свое законное место среди народов, Гитлер приоткрывал надежду, хотя они и были не согласны со многими положениями его расовой теории. Многие говорили: «Он станет представительным и порядочным в государственном кабинете», закрывая глаза на его расизм, «в который не поверит ни один здравомыслящий человек!» — однако расизм и все, что он подразумевал, оказались не крайностью, а составной частью идеологии. Так что надежды тех, кто его не воспринимал, оказались обманутыми. Их стали относить к «старому поколению», Гитлер называл их «буржуазией, с которой покончено», хотя умело использовал их моральные ценности и национализм на своем пути к власти. К тому же они входили в его мировоззрение. Мы уже отмечали постоянное взаимодействие между теорией и ее применением. Следует добавить, что имело место такое же взаимодействие между искренней верой и манипуляцией ею в целях превращения ее в национальную религию.

В книге не уделено практически никакого внимания такому явлению нацизма, как СС¹. К слову говоря, свое основное значение она приобрела уже после 1939 года. Считая себя расовой элитой, эсэсовцы отбросили буржуазные ценности и националистические тенденции. Во время войны в ряды СС привлекались не только немцы рейха, но и арийцы из других стран. Буржуазная мораль и традиционные семейные узы не имели для них особого значения. СС рассматривала себя как новый рыцарский орден. И считались эсэсовцы только с расой и силой. Организация эта была, однако, уже поздней и не успела охватить всю жизнь страны, что, несомненно, произошло бы, если бы Германия выиграла войну.

1) СС (по начальным буквам «шутцштаffelън» — в немецком написании в обоих словах — «с») — охранные отряды; привилегированная военизированная организация в нацистской Германии. Сформирована в 1923 г. с задачей охраны фюрера и фашистских сборищ. В нее отбирались фанатично преданные Гитлеру молодчики. Со временем организация стала главной опорой нацистского режима и орудием террора. Из нее были выделены подразделения «Мертвая голова» для охраны концлагерей и «войска СС» — отборные ударные соединения и части (в 1944 г. насчитывали 38 дивизий с 950 тысячами человек личного состава). По мере развития СС слилась с государственным аппаратом. В созданное в 1939 г. главное управление имперской безопасности были включены внешняя разведка, гестапо и уголовная полиция. Нюрнбергский международный трибунал признал СС преступной организацией.

Гитлеровское миропонимание ушло навсегда. Но многие основные положения, предубеждения и предрассудки, составлявшие его, остались с нами, ожидая актуализации и внедрения в современное массовое сознание. Вполне возможно, что по прошествии тридцати лет¹ приводимые в книге документы покажутся читателю возмутительными, а некоторые даже комичными. Следует, однако, учитывать, что нацистский режим на определенном отрезке истории рассматривал упомянутые идеи на полном серьезе, а миллионы людей жили в описанных условиях. Нацизм был ликвидирован в результате мировой войны, а не внутренней революции, да и сопротивление ему стало расти, только когда стало ясно, что войну Германия проиграла. Отчасти это объясняется успехами Гитлера как во внешней, так и во внутренней политике. В годы, когда приводимые нами документы готовились и претворялись в жизнь, безработица была ликвидирована (в 1933 году число безработных достигало 6 миллионов человек), границы Германии расширены, а унизительный Версальский мирный договор аннулирован. Так что мировоззрение нацистов опиралось на значительные успехи.

1) Книга написана в 1966 г. (Примеч. ред.)

Да и само гитлеровское мировоззрение являлось частью этих успехов. А то, что, как мы упоминали, его основные положения остались, наводит на размышления. Может быть, будучи искусственной и подчас комичной, эта идеология тем не менее способна на определенном историческом отрезке обрести силу морали и стать базовой для народной стихии. Революция духа для многих людей более заманчива, нежели та, что связана с социальными и экономическими изменениями, и может привести к хаосу, вместо того чтобы стать цементирующей основой. Нацизм высветил опасности, которые могут скрываться за фасадом консерватизма (а современный консерватизм очень уязвим в отношении экстремальных взглядов, хотя и отвергает их). Говорят, что история учит, поэтому истина, сокрытая в документах прошлого, должна послужить уроком для настоящего.

Цитируется по: Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: «Центрополиграф», 2003 г. – С.3-32.

Армин Мёлер Фашистский стиль

Языковая неразбериха

Фашизм традиционно относят если не к консерватизму, то к правым силам вообще. Сами консерваторы, теснимые со всех сторон, не раз пытались "сдвинуть" влево такие понятия как фашизм и национал-социализм. Как после 1936, так и после 1945 гг., они пытались "посадить" на левые корни и поселить на политическом ландшафте левых то, что другие называют правым тоталитаризмом. Это подкреплялось логическими аргументами и тем обстоятельством, что, особенно после первой Мировой войны, политические крайности подковообразно сгибались навстречу друг другу. В силовом поле между обоими краями подковы, то есть, между крайне правыми и крайне левыми, действительно наблюдается кое-какое движение туда-сюда, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что оно охватывает лишь одиночек и разрозненные группы, а также сферу идеологии. Граница между правым и левым массовыми движениями всегда обозначалась потоками крови. Очень многие консерваторы самим фактом своей гибели или многолетнего заточения как бы дистанцировались от правого тоталитаризма. Однако, эта граница не имеет такого значения, как другая, более очевидная. Этим и следует руководствоваться в летописании.

Это служит объяснением тому, почему в данной книге специально рассматривается такое явление как фашизм. Впрочем, и данное объяснение не лишено множества "если" и

"но". В современной истории нет другого феномена, контуры которого были бы столь же расплывчатыми, как контуры фашизма. Само это слово уже не таит в себе нечто определённое. Всякий употребляет его каждый раз для обозначения чего-нибудь другого, и оно уже не действует. Ярлыки типа "фашизм", "фашист", "фашистский" пытаются прилепить к различным лицам, организациям, ситуациям, в результате чего сами эти слова утрачивают своё конкретное значение. В современном обществе, где любого, занимающегося политикой, могут обзывать фашистом, это слово уже почти ничего не значит. Это относится и к таким определениям как "постфашистский" и "профашистский", а также к особо почитаемому в Западной Германии термину "клерикальный фашизм". Все они ни в коем случае не ограничивают само явление, имеют обобщённую и потому "размытую" тенденцию, как и ключевые понятия.

К этому следует добавить, что сегодня уже никто сам себя фашистом не называет. Исключение составляют разве что отдельные статисты-фанатики. Само это слово используется для выражения недовольства, причем почти по любому поводу. Именно таким образом содержание политических понятий выветривается, и они отмирают. Совсем не случайно само занятие довольно широким сектором теорий фашизма, их классификация и исторический анализ стали самостоятельной областью современных идеологических исследований.

Взгляд с позиций физиогномики

Кто хочет вернуть понятию "фашизм" его осязаемое содержание, может пойти простым путем и отнести это понятие к итальянскому движению, которое его, собственно, и создало, и возникшему в результате этого государству. Но всякий, кто не лишён некоторого чутья в области физиогномики, не будет чувствовать себя вольготно в рамках такого ограничения. Он скоро заметит, что само собой напрашивается распространение этого понятия за пределы Италии. Сначала он примет к сведению родственные фашизму явления в районе Средиземноморья (к примеру, испанскую Фалангу). Затем ему на ум придут попадающие под это понятие имена: Хосе Антонио Примо де Ривера в Испании, Леон Дегрелль в Бельгии, Освальд Мосли в Англии. Содержательны будут и некоторые колебания. Причислить ли сюда еще и Жака Дорио во Франции, который заметно сохранил стиль массового коммунистического движения, из которого он пришёл? Считать ли фашистом румына Корнелиу Кодряну, "Железная Гвардия" которого уходит своими корнями в крестьянство и сильно привержена христианству? За этими политиками просматривается целая плеяда писателей, которые создают соответствующую литературу. Очевидно, существует такой эпохальный феномен как фашизм, который между 1919 и 1945 гг. встречается в различных странах и сильно отличается от того, что подразумевается под этим понятием после 1945 г.

Такое пристёгивание понятия "фашизм" к определённой эпохе в истории пересекается со своеобразной теорией фашизма Эрнста Нольте, хотя всё ещё не прекращаются попытки (больше в ходе полемики, а не в научных трудах) доказать существование фашизма после 1945 г. Результаты физиогномики, напротив, значительно удалены от попыток Нольте называть то, что он считает фашизмом, общим стилем эпохи между двумя мировыми войнами. Фашизм нам представляется **образом действия, стилем**, которые пересекаются с другими образами действия на данном этапе и только вкупе с ними составляет стиль времени. В отличие от Нольте (и особенно от левых фашистских теорий), мы не распространяем понятие "фашизм" на те государства и политические движения, которые в своё время насильственно отмежевались как от либерального общества, так и от левого радикализма. Фашизм является там лишь частью от целого и представлен сильнее или слабее в зависимости от страны и ситуации.

В любом случае, на провал обречены все попытки понять суть фашизма, основывающиеся на теоретических высказываниях его глашатаев, или, что не одно и то же, сводящие его к голой теории, так же, впрочем, как и попытки ограничить его

определёнными социальными слоями. В этой сфере политики отношение к понятию является инструментальным, косвенным, задним числом изменяющимся. Предшествует решение о жесте, ритме, короче: "стиле". Этот стиль может выражаться и в словах. Фашизм не безмолвен. Скорее, наоборот. Он любит слова, но они у него служат не для того, чтобы обеспечить логическую взаимосвязь. Их функция скорее заключается в том, чтобы задать определённый тон, создать нужный климат, вызвать соответствующие ассоциации. По сравнению с левыми и либералами путь к пониманию здесь ищется с оглядкой и находится с трудом. Поэтому и результаты могут быть какими угодно. Мы покажем это на примере цитат из фашистских текстов. Это кажется парадоксальным, но бьёт в десятку.

Обобщая, можно сказать, что фашисты, похоже, легко смиряются с теоретическими несоответствиями, ибо восприятия они добиваются за счёт самого стиля. Нольте попытался выявить на основании стиля логическую последовательность для таких разных явлений как "Французское действие" Шарля Морэ и Леона Доде, фашизм Муссолини и национал-социализм Гитлера. Подобное может случиться лишь с учёным-философом. Исторический такт предполагает рассмотрение тему с позиций *физиогномики*, что приносит менее наглядные результаты.

Бенн и Маринетти

Наш анализ с позиций физиогномики не охватывает сразу несколько политических явлений. Для этого необходимо более объёмное исследование. Наши усилия в рамках ограниченных возможностей данной публикации направлены на выявление особенностей фашистского чувства стиля, выраженного в словах. Ведь речь здесь идёт о том, что представлялось парадигмой уже для современников. Теоретик футуризма Филиппо Томмазо Маринетти уже в ранге высокого государственного сановника весной 1934 г. посещает гитлеровскую Германию. Он является рупором не только модного направления в искусстве, но и итальянского фашизма. Поэтому его принимают в Берлине со всеми почестями. Однако, при этом бросается в глаза некоторая отчуждённость и неуверенность по отношению к гостю с юга. Немецкий Райх ещё не совсем вырос из одежды младшего партнёра Муссолини. Похоже, лишь один человек принимает итальянского писателя и оратора на равных: Готфрид Бенн, который приветствует гостя на организованном в его честь "Союзом национальных писателей" банкете в качестве его вице-президента. Бенн замещает находящегося за границей президента Ганса Йоста, который, как и Бенн, "родом" из экспрессионизма, но лучше вписывается в культуру национал-социализма, благодаря своей нарочитости и фольклорной основе творчества. (В том же году Бенн вернётся к исполнению обязанностей военного врача.) По речи Бенна видно, что он говорит, как дышит. Это не стоит ему никаких усилий.

Любопытно, что Бенн апеллирует при этом не к объединяющему их мировоззрению или общности идей. Задачей Германии и Италии, по Бенну, скорее является "работа над холодным и лишённым театральности стилем, в который вырастает Европа". Бенну нравится в футуризме то, что тот переступил через "ограниченную психологию натурализма, прорвал прогнивший массив буржуазного романа и, благодаря сверкающей и стремительной строфике своих гимнов, вернулся к основному закону искусства: творчеству и стилю". Положительных оценок удостоивается значительная часть фашистского восприятия: холодный стиль, стремительность, блеск, великолепие.

Обращаясь к своему гостю, Бенн стремится к определённой динамике, ритму. "В эпоху притупившихся, трусливых и перегруженных инстинктов вы основали искусство, которое отражает пламя битв и порыв героя... Вы призываете "полюбить опасность" и "привыкнуть к отваге", требуете "мужества", "бесстрашия", "бунта", "точки атаки", "стремительного шага", "смертельного прыжка". Всё это вы называете "прекрасными идеями, за которые умирают"". С помощью этих ключевых слов, взятых из творений Маринетти, Бенн озвучивает то общее, что "родом" из войны. Война здесь, однако, не

истолковывается в национал-социалистическом духе как освободительная война окружённого народа. Имеется в виду борьба как таковая. Не имеет значения, что гость стоял тогда по ту сторону баррикад. Даже наоборот, такая война создаёт своего рода братство среди противоборствующих сторон, для каждой из которых противник даже ближе, чем бюргеры и обыватели в собственном лагере.

Бенн говорит также и о "трёх основополагающих ценностях фашизма". Сюда не относятся какие-либо общие идеи или этические императивы. Бенн удивляет, но верен себе, говоря о трёх формах: "чёрной рубашке, символизирующей ужас и смерть, боевом кличе "a poi" и боевой песни "Giovinazza"". То, что он имеет в виду не только итальянскую специфику, самоочевидно, поскольку уже в следующем предложении он переходит на "мы". "Мы здесь... несём в себе европейские настроения и европейские формы...". Бенн делает акцент на футуризме, на том, что устремлено в будущее, когда он, отмечая "ничего не значащие общие фразы эпигонов", указывает на "суровость творческой жизни", на "строгость, решительность, вооружённость духа, творящего свои миры, для которого искусство являет собой окончательное моральное решение, нацеленное против природы, хаоса, откатывания назад и т. п."

Против современности

Словам Бенна о "вооружённости духа, творящего свои миры" в посвящённой Маринетти речи отводится особое место. Отождествление искусства (а в широком смысле и стиля) с "моральным решением" подчиняет мораль стилю. Стиль господствует над убеждениями, форма над идеей. Это нечто такое, что должно восприниматься как вызов, даже как провокация всяким, кто "родом" из просвещения. Речь здесь идёт о чём-то более обострённом, чем конфликт между этикой убеждений и этикой ответственности, в который обычно втягиваются левые в своей полемике с правыми. Причины такого конфликта, по крайней мере, самоочевидны. Сталкиваясь же с фашистами, левые вступают в конфронтацию с чем-то совершенно непонятным, полагая, что наталкиваются "лишь на эстетические категории и более ни на что". Не следует забывать, что слово "эстетика" образовано от греческого глагола "aisthanestai", что соответствует глаголам "воспринимать", "рассматривать". Эстетическое поведение изначально предполагает отказ от подхода к действительности, руководствующегося абстракциями, некой "системой".

Неправильное толкование понятия "эстетический" - не единственное недоразумение. Описанная выше позиция возвращает к декадансу конца прошлого - начала нынешнего века (и ещё дальше к несентиментальным направлениям Первой романтики). Но к этому декадансу не следует относиться упрощённо. Он означает не только распад, нервозность, тихое загнивание, но одновременно и переход, даже поворот к более жёсткому, более грубому. Известный критик декаданса Ницше ещё в начале "Ессе homo" говорил о его "двойственном происхождении: от самой низшей и от самой высшей ступени на лестнице жизни - одновременно, и декаданс, и *начало*". Кто прослеживает духовные корни фашизма, рано или поздно натолкнётся на одну из самых заметных фигур этого "декаданса" - Мориса Барреса, писателя и депутата, который начинал свою жизнь как денди, а закончил в ипостаси некоего политического символа. В его трудах и его поведении уже присутствуют образцы фашизма. На его могучем фоне его ученики Ла Рошель и Бразилак кажутся лишь слабыми копиями.

"Эстетизм" и "декаданс" являются лишь отдельными симптомами процесса, охватившего в два последних столетия весь западный мир. Продолжая средневековый спор между универсалистами и номиналистами, его можно было бы назвать номиналистическим поворотом нового времени. Это означает, что универсальные ключи из прошлого утеряны. Распались старые системы объяснения мира, которые давали ответ на любой вопрос. Чем больше отказываются от попыток объяснить мир, тем отчётливее на передний план выдвигается то особенное и частное, что приобретает черты формы на фоне бесформенного. В этом суть "решения Бенна, нацеленного против природы, хаоса,

откатывания назад, бесформенного и т. п.". Оно всегда тесно связано с отказом от универсальной и ко всему подходящей морали. Категория "моральный" является единственной категорией, вырванной из хаоса. Проще говоря, можно сказать, что речь здесь идёт о преодолении идеализма с помощью экзистенциализма. Последний не просто представляет некоторые философские школы, а является процессом, который получил своё развитие в период между Мировыми войнами, охватывает все сферы жизни и ещё не завершился. Мы упомянули об этом для того, чтобы показать на каком духовно-историческом фоне нам видится всё вышесказанное.

Третий Райх - подозрение в фашизме

На обозначенном фоне чётко выступают лейтмотивы речи Бенна, посвящённой Маринетти. "Строгий стиль" - это форма, вырванная из хаоса бесформенного. Это стиль, который живёт напряжением футуристической юности и чёрной смерти, по необходимости включает в себя антибуржуазный аффект, делает акцент на энергии и инстинкте. Типичным является и то, что в нём почти полностью отсутствует всё то, что особо выделялось тогда, в 1934 г.: традиция, простодушие, народность, морализаторство, культ здорового образа жизни, национальное и социальное, родная почва и раса. (Когда Бенн в те годы говорит об отборе и воспитании, это "лежит" по ту сторону расовой гигиены.) Граница очерчена довольно строго.

Однако, это не та граница, что отделяет законопослушного гражданина от оппозиционера. В то время Готтфрид Бенн ещё отождествляет себя с Третьим Райхом, от имени которого он и говорит гостю из Италии: "Форма... во имя и ради неё было завоёвано всё то, что вы видите в новой Германии; форма и отбор - два символа нового Райха... отбор и стиль в государстве и искусстве как основа императивного мировоззрения, которое утверждается. Будущее, которое нас ожидает - это государство и искусство...". (То, что вместо "народа" названо "государство", отнюдь не случайно.) "Политическое как эстетическая мощь" - этой теме посвящен сборник работ учеников Бенна, вышедший спустя год после адресованной Маринетти речи в издательстве творческого союза.

Однако, отождествление Бенна с Третьим Райхом не было должным образом воспринято. Вскоре после этого он уходит (точнее, его уходят) во внутреннюю эмиграцию. Его выбор 1933/34 гг. будет позже истолкован как его приверженцами, так и большинством критиков, как несчастный случай, мимолётная слабость характера. Так как в германских пределах затягивающаяся петля чётко обозначилась лишь позднее (после 1934 г.), не все осознали внутреннюю последовательность развития Бенна (от ранних новелл и стихотворений "Место казни" и "Четвёртый период" до посвящённой Маринетти речи). Способствовала этому и аргументация, при помощи которой Бенн после 1934 г. вытеснялся на периферию. Она была взята из "словаря выродившегося искусства". Она была направлена против экспрессионистских истоков Бенна, как будто экспрессионизм сам по себе уже является "левым" или "либеральным" течением в искусстве. Ругательные слова известны: "извращённая свинья", "дерьмовая мазня" и т. п. Однако *тогда* было непозволительно называть его тексты 1933/34 гг. фашистской ересью. Нельзя было сбросить со счетов итальянского союзника, с помощью которого стремились достичь свободы во внешней политике.

Что касается внутреннего потребления, следует отметить, что слово "фашист" пользовалось особой любовью у критиков в Райхе. Именно так величали отступников ортодоксальные национал-социалисты. Для них слово имеет конкретный смысл. Существовало две формулы критики неудобных лиц, которых относили к левым, либералам или дремучим консерваторам. Более жестокая и граничащая с доносом в полицию называлась "чёрный фронт" (происходит от одноимённого движения Отто Штрассера) и предназначалась для обозначения собственно национал-большевизма, а также вообще национал-революционеров и их разрозненных групп, действовавших на

политическом ландшафте где-то между Эрнстом фон Заломоном, крестьянским вождём Клаусом Хаймом и бывшим молодёжным лидером Артуром Марауном. Слово "фашизм" (и только для внутреннего потребления) использовалось более дифференцированно. Оно предназначалось для духовной дискриминации, а не для объявления кого-либо вне закона.

Во время войны автор часто сталкивался с тем, что ссылки на Эрнста Юнгера со стороны партийцев сопровождались навешиванием ярлыка "фашист", что имело негативное звучание. Впрочем, четыре книги Юнгера, вышедшие в период между 1920-1925 гг. и посвящённые Первой мировой войне, причислялись в Райхе к национальной литературе. А все последующие произведения, в которых автор отошёл от наивных фронтовиков-националистов, или вообще не замечались критиками и историками Третьего Райха, или находили весьма сдержанный прием. Это особенно относится к первому изданию "Авантюрного сердца" (1929), книге "Рабочий" (1932), эссе "Тотальная мобилизация" (1931) и "О боли" (1934). В немецкой истории духа им предназначалась такая же функция, как и упомянутым произведением Бенна 1933/34 гг. Они настолько точно и чётко озвучивают определённую духовную позицию, определённый стиль, что национал-социализм, несмотря на внешнее сходство, инстинктивно ощущает в них нечто чуждое и упрекает автора в фашизме.

Эта отрицательная позиция в отношении и Бенна, и Юнгера нацелена против "холодности" и "выпячивания собственного "я"". Для писателей такого типа совершенство формы важнее, чем служение народу, наслаждение доминирует над долгом. Жест им кажется существеннее приверженности, решительный противник ближе, чем рядовой соотечественник. За всем этим национал-социалистам видится новый аристократизм. Юнгер, который однажды сказал, что "в приличном обществе сегодня неловко печься о судьбе Германии" (его подозревают в том, что высказанное в 1929 г. мнение он не изменил и после 1933 г.), этот Юнгер слышит денди, как, например, Габриель Д'Аннунцио или Баррес. (Национал-социалисты упрекают во всём том, что не относится к германскому.)

Магический нулевой пункт

Готтфрид Бенн и Эрнст Юнгер принадлежат к одной и той же "духовной семье", но к разным её ветвям. У Юнгера встречается кое-что такое, чего не найдёшь у Бенна, который родился почти на десять лет позже. Бывают ситуации, при которых (за исключением индивидуального) разница в десять лет означает чуть ли не другое поколение. Исхоженный "авантюрным сердцем" мир напоминает ночную сторону залитого солнцем дорического мира Бенна.

В первой редакции "Авантюрного сердца", которой и днём с огнём не сыщешь, Эрнст Юнгер написал слова, которые навсегда запечатлелись в памяти у определённого и сравнительно малочисленного слоя людей: "В мире о нас ходит молва, что мы в состоянии разрушить храмы. И это уже кое-что значит во время, когда осознание бесплодности приводит к возникновению одного музея за другим... Мы славно потрудились на ниве нигилизма. Отказавшись от фигового листа сомнений, мы сравняли с землей XIX-й век (и нас самих!). Лишь в самом конце смутно обозначились лица и вещи XX-го... Мы, немцы, не дали Европе шанса проиграть". В этих часто цитируемых и зачастую поверхностно трактуемых словах проявляется "номиналистический" аффект: защита опустевших общих мест (фиговый листок сомнений), направленность против универсализма ("Европа").

То, что такое толкование не притянута за уши, подтверждает и другое место в той же книге (стр. 189), где Юнгер говорит о "последовательных попытках гуманности скорее увидеть человека в любом бушмене, чем в нас; отсюда наш страх (поскольку и насколько мы европейцы) перед самими собою, который нет-нет да и проявится. Прекрасно! И не надо нас жалеть. Ведь это превосходная позиция для работы. Снятие мерки с тайного, хранящегося в Париже эталона метра (читай: цивилизации) означает для нас до конца проиграть проигранную войну, означает последовательное доведение нигилистического

действия до необходимого пункта. Мы уже давно маршируем по направлению к магическому нулевому пункту, переступить через который сможет лишь тот, кто обладает другими, невидимыми источниками силы". Было бы нелепо истолковывать эти слова в немецком национальном контексте. Немецкое здесь не являет собой противоположность "французскому" или, скажем, "английскому" (такой враждебности у Юнгера нигде не встретишь). Немецкое означает здесь просто отказ от признания этого эталона.

Желание сделать выводы из крушения западных ценностей можно было бы назвать экзистенциализмом. Но это довольно широкое понятие. То, как здесь описывается "фашизм", является своеобразной попыткой выбраться из краха общих мест и систем и вернуться к вопросам существования. Прежде всего, здесь не следует упускать из виду своеобразное взаимодействие разрушения и анархии, с одной стороны, и формы и стиля - с другой. В упомянутой книге (стр. 222) Юнгер всё время по-новому описывает эту полярность: "Мы возлагаем наши надежды на молодых, которые страдают от жара потому, что в их душах - зелёный гной отвращения. Мы видим, что носители этих душ, как больные, плетутся вдоль рядов кормушек. Мы возлагаем свои надежды на бунт против господства уюта, для чего требуется оружие разрушения, направленное против мира форм, чтобы жизненное пространство для новой иерархии было выметено подчистую". (В предложениях такого рода нет смысла придирается к отдельным словам, так как слово здесь не имеет того устойчивого значения, как при системном мышлении. Бенн, например, никогда бы не сказал об оружии разрушения, направленном против мира форм. Однако Юнгер, говоря о бунте и новой иерархии, пересекается с Бенном.)

Эрнст Юнгер ушёл добровольцем на Первую Мировую, и феномен, который мы здесь пытаемся описать, немислим без тех молодых людей, которые по всей Европе тогда добровольно взяли за оружие, оставив школьные парты, сдав в спешке экзамены и скрыв свой истинный возраст. Если беспристрастно взглянуть на свидетельства того похода, едва ли можно натолкнуться на испытываемую к врагу ненависть. Она была заметна в тылу. За выдвинутой на передний план необходимостью защиты отечества ощущается и нечто более неотложное: тоска по другой, неограниченной форме жизни. Конечно, она вскоре заглушается монотонностью окопной войны, вездесущей смертью. Но те, кто выжили, принесли с собой в оставшийся либеральным мир напряжение юности и смерти и уже не смогли этого забыть.

И в этой связи у Эрнста Юнгера можно встретить запечатлевающиеся в памяти формулировки. Данную проблему он чётко высветил в конце первой редакции "Авантюрного сердца". С одной стороны, он закликает "пылкие мечты, которые являются привилегией юности, гордую таинственную дичь, что перед восходом солнца выходит на просеки души". И он продолжает: "К самым опасным сомнениям человека в стадии становления, особенно в то время, когда подлость скрывается под маской высокой гуманности, относятся сомнения в реальности грёз, в существовании той области, где действуют ценности более смелой жизни...". С другой стороны, "безвестные и без вести пропавшие напоминают" ему "о тайном братстве, о более высоком круге жизни, который сохраняется благодаря духовному хлебу жертвы". И Юнгер говорит о "воздухе огня, что необходим душе для дыхания... В часы, когда шевелятся внутренние крылья юности, пока её взгляд скользит по крышам домов лавочников, юность должна смутно осознавать, что где-то в дальней дали, на границе неизведанного, на ничьей земле охраняется каждый сторожевой пост".

Текст, подобный этому, сегодня, почти полвека спустя, кажется чуждым не только из-за выбранных образов. Кое-кого он может и шокировать. Мы процитировали его, как и речь Бенна на банкете в честь Маринетти, потому, что это облегчает восприятие политических лозунгов того времени... Хотелось бы остановиться на двух ошибках, которые то и дело наблюдаются при толковании ранних политических трудов Эрнста Юнгера. Говорят, во-первых, о том, что это рассуждения одиночки высокого полета, что он пишет только для себя и нескольких других. Конечно, тогда мало кто мог так

формулировать свои мысли. Нечто подобное можно встретить разве что у Ла Рошеля, Рене Квинтона, немного цветистее у Габриеля д'Аннунцио и некоторых других. Но эти авторы формулируют то, что инстинктивно чувствуют многие. Это касается и скрытого напряжения юности, и смерти во всех упомянутых текстах. Например, во время гражданской войны в Испании 1936-39 гг., которая одновременно стала апогеем европейского фашизма (в нашем понимании), на одной из противоборствующих сторон был слышен клич: "Да здравствует смерть!". По своей парадоксальности это, сведённое к формуле, одно и то же.

"Прямое действие"

После подобных текстов обычно принято упоминать об Освенциме. Это и есть вторая ошибка в понимании Юнгера. После 1945 г. он испытал это на собственной шкуре. Однако смерть, которую подразумевает фашист, это прежде всего *его* смерть, а также смерть достойного в его глазах противника. Кроме того, это ещё и смерть как судьба, что обрушивается на каждого, и её надо перенести. Это ещё и кое-что другое. Очевидно, что здесь не имеется в виду уничтожение на промышленной основе незащитных людских масс, отобранных по абстрактным принципам. Такое предполагает веру в исключительное обладание истиной. И для этого необходима абстрактная идея общественного порядка, на основании которого по общим признакам люди делятся на хороших (подлежащих сохранению) и плохих (подлежащих уничтожению). Для этого также необходимо осознание особой миссии, что наделяет её носителей судебной функцией, то есть функцией мщения и очищения.

Такое осознание у фашиста, мыслящего в категориях состязания, отсутствует. Он, скорее, стремится к пластическому выражению своего своеобразия. И он радуется, когда это удаётся другому. Ему ненавистны дилетанты в собственном лагере, будь то "бургеры", "обыватели", "лавочки" и т. п. Мало отношения имеет фашист и к тем общим принципам, по которым делят на чёрное и белое. Форма и бесформенное лежат для него совсем в другой плоскости, нежели хорошее и плохое. Не дуализм, а единство в многообразии для фашиста - нечто само собой разумеющееся (или наоборот). Действительность он может видеть только такой. Многообразие он представляет себе только расчленённым.

Все сказанное не умаляет опасности фашизма. В этом отмеченном различными формами насилия столетии есть и особая фашистская форма насилия. Она проявляется, к примеру, в покушениях, путчах, в пресловутом марше на Рим, в карательных экспедициях против скопления врагов. Анонимная же ликвидация масс, что практиковалось большевизмом с начала гражданской войны и национал-социализмом в военной фазе, не встречается в режимах с сильным фашистским акцентом. Они не являются сторонниками нагнетания атмосферы страха, изнуряющего и заползающего во все щели, введения института комиссарства, специальных картотек, короче - анонимного террора. Так как фашизм имеет сильные корни в синдикализме, понятие "прямое действие" можно применить и в отношении его. Фашистская власть носит прямой, внезапный и демонстративный характер. Она призвана служить символом. Сюда относятся, к примеру, уже упомянутый "звёздный марш" на Рим, водружение собственного знамени над вражеской ставкой или удержание любой ценой здания, ставшего символом, хотя с военной точки зрения это бессмысленно и стоит больших жертв. (Впрочем, значение подобных жертв как раз и заключается в их бессмысленности.)

Событием, которое после марша на Рим 1922 г. представляется фашистам вторым по своему символическому значению, является защита замка Алькасар в Толедо с 21 июля по 27 сентября 1936 г. В этот день войскам Франко удалось прорвать извне кольцо "красных испанцев" вокруг крепости. Тот, кто сегодня посетит Алькасар и сохранившийся там после 1936 г. командный пункт, получит представление о том, что представляет собой фашистский миф. Об исторической сцене 23 июля 1936 г. напоминают телефонный

аппарат античного стиля, пожелтевшие фотографии на стене и висящие там же версии телефонного разговора на всевозможных языках (включая арабский, японский и древнееврейский).

В этот день (телефонная связь ещё действовала) коменданту Алькасара полковнику Москардо позвонил командир осаждающих крепость красных отрядов. Он потребовал от Москардо сдачи Алькасара, пригрозив в случае отказа расстрелять находившегося в их руках его сына. Для подтверждения своих слов он передал последнему трубку. Состоялся следующий разговор. Сын: "Папа!" - Москардо: "Да, сын, в чём дело?" - Сын: "Они говорят, что расстреляют меня, если ты не сдашь крепость" - Москардо: "Тогда вручи свою душу Господу, крикни: "Да здравствует Испания!" и умри как патриот" - Сын: "Я обнимаю тебя, папа" - Москардо: "И я обнимаю тебя, сын". Заканчивая разговор, он говорит вновь взявшему трубку командиру красных: "Ваш срок ничего не значит. Алькасар не будет сдан". После этого он бросает трубку. И внизу, в городе, расстреливают его сына. Это типично фашистская сцена. Героями действия являются две отдельные, чётко обозначенные фигуры: полковник и его юный сын (а не подвергшееся военной угрозе население провинции). Всё разыгрывается в "холодном стиле" и с приглушёнными эмоциями. Каждый стремится сыграть свой роль (а не выполнить миссию). Всё пронизано напряжением юности (сын, говорящий: папа) и смерти (угроза расстрела). И всё это происходит на фоне так мало знакомой туристам "чёрной Испании" с тусклой как дождь глиной, закрытыми лицами и, конечно же, смертью.

Впрочем, этот своеобразный стиль не всегда бывает трагичным. У него есть и гротескная, комическая сторона. Габриэль Д'Аннунцио в своей экстравагантной манере искажил фашистский стиль почти до карикатуры. В августе 1918 г. он сел в самолет, чтобы собственноручно опорожнить над зданием парламента в Вене ночной горшок... с капустой... Все это имеет своей целью символическое унижение и высмеивание врага.

О плюрализме в "правом тоталитаризме"

Против нашего описания фашизма, точнее, фашистского стиля могут быть возражения различного толка. Радикалы скажут, что такой фашизм существовал разве что в нескольких книгах того времени. Он, самое большее, является лишь гранью правого тоталитаризма и неотделим от него. Критикам благоприятствует то обстоятельство, что рамки данного исследования весьма ограничены. Чтобы кратко описать фашистский стиль, мы процитировали двух немецких авторов, которые после первой фазы существования Райха ушли во внутреннюю эмиграцию. Вместо них мы могли бы процитировать, скажем, Генри де Монтерлана, Пьера Дрё Ла Рошель или Робера Вразилака. Тогда бы, правда, такие упреки посыпались бы ещё сильнее: так как французский фашизм якобы воплотился в действительность лишь в вакууме немецкой оккупации.

Однако тот, кто согласен с тем, что литература является барометром политической погоды, может усомниться в правильности нашего определения феномена "фашизм". Эта критика имеет свои нюансы. Она не будет отрицать существования такого фашизма как самостоятельной политической структуры. Но она увидит в нём лишь раннюю, романтическую стадию "правого тоталитаризма". Как только фашистское движение приходит к власти, для него начинаются тоталитарные будни (всесилие бюрократии, анонимный террор, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ДОКТРИНА и прочие симптомы). Существует и другая разновидность этой дифференцированной критики. Признаётся лишь частичное существование самостоятельной фашистской структуры. Всё ограничивается романским пространством. И для второй половины периода с 1919 по 1945 гг. ему вообще отводится место в стороне от ветров истории, в фольклорной ипостаси. С такой позиции фашизм представляется историческим предметом небольшого, локального значения, где-то на отшибе великой битвы между красным и коричневым тоталитаризмом.

Все эти доводы, по нашему разумению, искажают действительность. Общее для них одно: фашизм рассматривается почти исключительно с позиций Третьего Райха и его крушения. Ещё раз задним числом пытаются пересмотреть историю. Это приводит к неправильным пропорциям и неверным перспективам. При этом забывают, что господство национал-социализма как в не левых, так и нелиберальных странах утвердилось довольно поздно. Если говорить о Третьем Райхе, этот процесс принял характер необратимости после оккупации Франции в 1940 г. (Тихоокеанский район в данной работе не рассматривается.)

Кроме того, в этих тезисах наблюдается монолитное представление о национал-социализме и Третьем Райхе, которое, по крайней мере, в области исследований, уже стало давать трещины. Пока ещё только в сфере властных отношений стали осознавать плюралистический характер Третьего Райха, то, что в течение непродолжительного времени существования режима (12 лет по сравнению с 56-ю годами СССР) и из-за колебаний Гитлера Третий Райх до конца оставался конгломератом противоборствующих силовых групп, ни одна из которых (в том числе и СС) не смогла окончательно взять верх. Здесь речь идёт о плюрализме, который, если с ним искусно обращаться, даёт определенную свободу действий.

Когда-нибудь признают плюралистический характер Третьего Райха и в других областях. Это относится не только к доктрине, что хотя и бросается в глаза, но из-за её чисто инструментального характера не столь существенно. Намного важнее то, что в полу-инстинктивной сфере, из которой, собственно, и исходят непосредственные политические и исторические импульсы, Третий Райх до конца оставался пугающе разномастным образованием.

Три ветви

Процесс распада и конечное состояние чрезвычайно интересны для историка. На глазах разваливается то, что казалось одним целым. До сих пор Вторую Мировую войну исследовали односторонне с военной и уголовно-исторической точек зрения. При политическом рассмотрении довольствовались определением друзей и врагов Гитлера по обе стороны фронта. Кроме того, учитывали трения между Германией и её союзниками, выступление консервативных сил, которые до этого наполовину мирились с существованием Гитлера, в их неудавшемся спектакле 20 июля 1944 г. Но до сих пор мало кто осознаёт, что после Сталинградской битвы 1943 г. сплочённый вокруг Гитлера блок стал разваливаться на различные составные части.

В год битвы при Сталинграде в лагере, активно ведущем войну на стороне немцев, чётко обозначились три основные ветви. Самая мощная из них, конечно же, национал-социалистическая. Но в связи с наметившимся поражением Гитлера национал-социалистический миф стал утрачивать свой боевой дух. В то время как зондеркоманды занимаются массовым истреблением и таким ужасным образом пытаются осуществить свои национал-социалистические идеалы, в результате нарастающего распада снова высвобождается место для других сил внутри "правого тоталитаризма", сил, которые также хотят вести войну, но уже *по-своему*. Здесь чётко прослеживаются две ветви, которые во время триумфального периода национал-социализма якобы вообще не существовали. Их скрытое присутствие стало очевидным лишь к концу войны.

Две эти ветви воплотились в двух человеческих типах, пребывающих в различных одеяниях. Первый тип - это немец как из книжки (если она изначально не проникнута ненавистью), немец, который, едва с небес перестали сыпаться бомбы, начинает очищать улицу, поправлять дорожные указатели, заниматься снабжением, снова налаживать управление. Его девиз: должен быть порядок. Фанатизм, как нечто нарушающее порядок, им отвергается. Зверских убийств в своём окружении он не допускает. Всё должно быть по правилам, которые не подвержены произволу. Он даже в хаосе стремится образовать "государство". И у этого типа встречаются крайние формы. Их следует искать там, где

принцип, согласно которому солдат должен соблюдать строжайшую дисциплину, приводит к тому, что покидающие деревню ополченцы, например, расстреливаются как мародеры за то, что они украли в одном из домов сыр, хотя деревня уже через четверть часа всё равно будет в руках русских. Эта сторона в немце кажется жуткой представителям других национальностей. Однако упрекать вышеописанный тип в несоразмерности средств и результатов не приходится, потому что для него речь здесь идёт не об этом.

Другой тип прямо противоположен "немцу из книжки". Где-то к концу войны в сражающихся на Востоке войсках появляются brave парни, весьма своеобразно экипированные. Они отдают честь начальнику только в том случае, если он им знаком или же им нравится его "морда". Они по-своему реагируют на официальную пропаганду: ухмыляются или зевают. Но они тоже воюют, хотя (или потому что) дело идёт к концу. Было бы ошибочно видеть в этом лишь влияние иностранных добровольцев (или полудобровольцев), роль которых для германского руководства на завершающем этапе возростала. Такой дух присущ и немецким юношам, оставившим школьные парты, чтобы пополнить боевые соединения. Для них это уже не крестовый поход, а нечто другое. Они не проникнуты идеологическим мессианством. На фоне воинского братства едва заметен аффект по отношению к "бюргеру", поскольку при тотальной войне таковых почти не существует. Но в результате этого их ненависть обрушивается на военных бюрократов, казначеев, интеллектуалов из Генерального штаба. Они воспринимают как образ лишь своё воюющее (и пока обозримое) подразделение во главе со всем известным командиром. Они опознают друг друга по специально для этого созданным символам и ритуалам. И у этого типа встречаются крайние формы. В одном из американских военных отчётов рассказывается о том, как два одетых в униформу подростка были взяты американцами в плен потому, что они во время битвы самозабвенно дрались друг с другом из-за фаустпатрона, чтобы подбить приближающийся к ним американский танк.

Но это, как уже было отмечено, поздние, конечные формы. Однако в них вновь проявляется разнообразный характер "правого тоталитаризма", который с 1919 г. занимает оставленные традиционно правыми позиции. В каждой европейской стране он содержит три элемента, из которых преобладает то один, то другой. Это относится не только к отдельным движениям, но и к жизни отдельных лиц.

Мы не хотим "изобретать" новые понятия. Для описания исторических явлений надо использовать уже имеющиеся, если даже содержание этих слов строго ограничено, и все широкие значения приходится урезать. Там, где и без того хилиастическое и перегруженное страстями движение, такое как социализм, спрягается с чрезмерно эмоциональным содержанием ("народ", "нация", "раса"), что наблюдается не только в Германии, но и в сталинской России, уже сам по себе, со всей своей исторической весомостью напрашивается термин "национал-социализм". Существует и более "прохладная" зона, где речь идёт о сооружении нового здания среди развалин и обломков старого порядка, причём это делается без фанатизма, при трезвой оценке и понимании человеческих слабостей, но и с явным эстетическим удовлетворением от того, что функционирует и выполнено правильно. Это область государства, которое само по себе больше, чем сумма, совокупность всех его граждан. Это значит, что оно больше, чем "общество", больше чем целевое сооружение, и за счёт этого "больше" должно неизбежно ограничивать всякий произвол. Здесь можно употребить понятие "этатизм". Однако там, где господствует выделенное в данной работе чувство стиля, мы употребляем термин "фашизм".

Три составные части довольно неоднородны. Из-за нарастания явлений распада в либеральном обществе многие "государственники" переметнулись в лагерь "правого тоталитаризма". Именно им он обязан своими самыми заметными успехами. Но в души людей глубоко запали и две другие составные части этого мира: национал-социалистическая страсть и фашистский стиль.

Задачи исследования фашизма

Обозначенная здесь схема противоречит общей линии исследования фашизма. Впрочем, это исследование переживает сегодня "количественный" расцвет. Даже специалисту трудно обозреть множество вторичной литературы по этой теме. Для большинства этих работ характерным является то, что догматические понятия фашизма, будь то неомарксистские или какие-либо другие, искажают взгляд на исторические явления. Самоочевидный принцип всякого исследования, согласно которому в начале работы её результат ещё не известен, особо здесь не соблюдается. В настоящей работе предпринята попытка сформулировать дифференцированное понятие фашизма (и близких ему явлений) на основе самих исторических феноменов. Сформулированные таким путем определения не настолько удобны в обращении, как определения, выведенные абстрактным путём. Без множества оговорок тут не обойтись.

Подводя итог, можно сказать, что исследование фашизма должно осуществляться тремя большими этапами. Первый этап - это доведение до конца "инвентаризации". Она не должна концентрироваться на прежних основных задачах, должна быть по возможности полной в библиографическом, географическом и историческом отношении. До сих пор исследования были нацелены исключительно на Германию и Италию, Францию, Бельгию, Англию и Испанию. Сейчас наметилось их расширение. Сомнительно, чтобы попытки доказать существование "фашистского интернационала" принесли уж очень большие результаты. Важно то, что аналогичные движения в юго-восточной Европе анализируются всё основательнее. Другие же области, как, например, Скандинавия или Прибалтика, разработаны ещё меньше.

Второй этап должен заключаться в чётком разграничении родственных или якобы родственных групп и движений. При этом нам кажется, что, хотя многие и придерживаются другого мнения, разграничение между традиционно правыми и "правым тоталитаризмом" не составит особого труда. Тут нет таких пересечений, которые пытался выявить ещё Нольте. Физика, психика и дух здесь настолько отличаются друг от друга, что между двумя лагерями сама собой возникает ничейная земля. И случаи перехода левых и либералов в лагерь "правого тоталитаризма" столь же немногочисленны, как и традиционно правых (в списках жертв Третьего Райха консерваторы стоят на втором месте после евреев).

Но на этой ничейной земле сталкиваешься с явлениями, которые не относятся ни к одной из сторон. Процесс разграничения подобных явлений отличается сложностью и требует исторического такта. Оставим в стороне всю идеологическую область (и весьма запутанный комплекс "консервативной революции"). Настоящее исследование нацелено на освещение подступов к идеологии, которые предопределяют идеологические и конкретные политические оптации. На ничейной полосе между традиционно правыми и предметом данного исследования остаются некоторые практические политические образования, место которых должно быть чётко определено. Это все структуры, которые обычно "бросают" в общий котел фашизма, чему способствуют отдельные их признаки, хотя по сути своей они от него отличаются. В первую очередь, следовало бы провести пять таких разграничений (хотя можно было бы назвать и больше). Сначала относительно тех режимов, которые принято называть "авторитарными". Они берут на вооружение отдельные мотивы "правого тоталитаризма", не претерпевая при этом внутренних глубинных изменений, частично в целях защиты от этого тоталитаризма. Образец: Португалия Салазара, Австрия Дольфуса. Во-вторых, необходимо выделить образовавшиеся после Первой Мировой войны объединения фронтовиков: "крещёных огнем" из Франции под руководством полковника Ла Роке, которые пытались даже создать собственную партию (Parti Social Francais - Французская Социальная Партия). Затем необходимо отметить воинствующие организации "борьбы народного духа", для которых превыше всего (в том числе и любой политической задачи) стояло

противоборство с проявлениями, враждебными народному духу. Образец: ирландский, бретонский и фламандский национализм, а также национализм басков. Следует упомянуть и такой сегодня уже почти забытый феномен как крестьянские бунты, прокатившиеся по всей Европе в 20-х и начале 30-х годов (движение Лаппо в Финляндии, народное движение в земле Шлезвиг-Гольштейн, "Крестьянский фронт" француза Доржера, "Крестьянское движение за Отчизну" в Швейцарии). Сюда же можно причислить и различные движения средних слоёв, как, например, швейцарский "фронт", возникший в конце 20-х годов. Следует отдельно выделить и движения, находящиеся за пределами европейского и североамериканского пояса, которые часто называют "фашистскими". Однако из-за своего своеобразия они не вписываются в данную схему. Образец: бразильский "интегрализм" или аргентинский "перонизм". У всех перечисленных здесь движений и явлений имеются отдельные черты, к которым можно было бы применить одно из наших понятий (национал-социалистический - этатический - фашистский), но как целое они остаются за рамками настоящего исследования.

Мы назвали предмет нашего исследования "правым тоталитаризмом". Оставим это вспомогательное слово в стороне. Если вышеописанным способом предмет закреплён и очерчен, пора приступать к третьему этапу исследований. Этот предмет, как составная часть близкой нам истории, имеет свои отличия. Его можно выявить лишь в случае понимания того, что тут уже действуют довольно различные, частично противоборствующие импульсы. Мы постарались описать важнейшие на наш взгляд три импульса. Однако возможно, что наше описание достаточно схематично и нуждается в дальнейшем уточнении.

Но всё же для первого анализа этого достаточно. Просто следует избегать шаблонного и механического применения этих трёх понятий: национал-социализм, этатизм, фашизм. Если, к примеру, считать Третий Райх чисто национал-социалистическим, а государство Муссолини - фашистским, то мы не сумеем преодолеть рамки всех предыдущих упрощений. Важно осознать, что эти три импульса в одной и той же стране, в одном и том же движении и даже в одном человеке могут пересекаться и парализовать друг друга. То вдруг стремительно прорвется один импульс, затем - медленнее, обходными путями - другой. Внезапно обозначится третий. Один импульс может быть искажен под давлением другого. Все вместе они могут вдруг иссякнуть. Потом снова заявят о себе в связи с каким-либо бурным событием.

Поясним нашу мысль на двух примерах, взятых на этот раз не из Германии. Первый пример - весьма своеобразная, просуществовавшая с сентября 1943 г. по апрель 1945 г. "Итальянская социальная республика". Речь идет о завершающей фазе режима Муссолини, наступившей после его разрыва с королём. Здесь он уже утрачивает все черты, связывающие его с итальянским эстаблишментом. На конечной стадии в загнанном в угол режиме вновь появляется оскал авантюрного фашизма, что напоминает о временах марша на Рим. Ссылки на "юность" и "смерть" уже не являются просто риторикой, так как сформированные из молодёжи подразделения ведут с партизанами борьбу не на жизнь, а на смерть. Этот фашизм, однако, "окрашен" социально-революционными программами, которые были оттеснены на задний план во время симбиоза со старыми правящими слоями. Несмотря на такую окраску, самый яркий национал-социалист из всех итальянских фашистов Роберто Фариначчи отказывается ото всех постов, предложенных ему в Итальянской социальной республике, и вовсе не потому, что у него не хватает мужества. В чём же причина такой позиции? Почему он отошёл в сторону?

Подобный вопрос можно задать не только по отношению к отдельным лицам. Возьмём Францию. Трудно разобраться в том, почему большая часть французской управленческой элиты, да и элиты вообще, пошла на сотрудничество с Гитлером, не понимая импульса этатизма. Этот импульс возник в результате катастрофического положения Франции после краха 1940 г. Он получает своё развитие потому, что в лице немецких оккупантов наталкивается на группы людей, мыслящих в том же направлении. Что может быть

общего у французов типа Бишелонна, Габольда, Бенуа-Мешина или бывшего чемпиона по теннису Боротра с их земляком, поэтом Селином? В принципе ничего. Селина повсюду называют фашистом. Но мы вполне сознательно не поставили его в один ряд с Монтерланом и Дрё, впрочем, как и с погибшим в Берген-Бельзене Жоржем Валуа. Три яростных политических памфлета Селина также не имеют ничего общего с фашизмом, ни с его традиционным итальянским прототипом, ни с фашизмом в нашем более широком понимании. И дело тут не в бьющей ключом ненависти, что выпадает из "холодного стиля". И то, что эти три памфлета являются, пожалуй, единственными национал-социалистическими произведениями, боевыми творениями высокого литературного уровня, объясняется не только плебейским "соком", который их оживляет. "Национал-социализм" проявляется здесь прежде всего в социальном возмущении. Точнее, душевное возмущение целого слоя народа ищет себе врага и находит при этом слово.

Тот, кто не видит этих различий в стиле, не поймёт, что произошло, когда Селин в Париже, во время немецкой оккупации встретился с Эрнстом Юнгером. Юнгер зафиксировал эти встречи в своих дневниках "Излучения" под разными датами и со свойственной ему остротой взгляда. Селин предстает то под своим именем, то под легко разгадываемым псевдонимом. И что же происходит? Национал-социалист надеется встретить в лице немецкого оккупационного офицера и коллеги-писателя своего единомышленника и наталкивается при этом на эстета, то есть, фашиста, что ему абсолютно чуждо. Этот фашист не хочет разделять его ненависти, она ему претит. В отрицательном отношении эта встреча столь же знаменательна, как и встреча Бенна с Маринетти - в положительном.

Социологический обзор

Настоящая работа начиналась с сопоставления двух писателей и заканчивается сопоставлением двух других. Можно было бы квалифицировать её как "историко-идеологическую" и, согласуясь с современным вкусом, отказаться от "социологического обоснования". Однако данная работа не преследует ни историко-идеологические, ни социологические цели. Она призвана вызвать инициативы, которые бы привели к формированию идеологии и образованию определённых форм общественных организаций. Такой методический принцип приблизительно соответствует методу Алойса Ригла в истории искусств, который выдвинул гипотезу о том, что "желание искусства" опережает, вернее, предшествует всем его разновидностям, чем положил конец бесплодному спору, архитектура ли обуславливает пластику (и живопись) или наоборот.

Выдвигая гипотезу о "желании политики", мы ни в коей мере не оспариваем значение общественного фактора. Она направлена против однопричинного "социологизма", который не в состоянии убедительно объяснить, каким образом якобы неизбежное детерминирование со стороны общества сочетается с фактом стремительной общественной перегруппировки именно в период с 1919 по 1945 гг. (Левацкие элитарные теории, с помощью которых пытаются разрешить противоречие - здесь можно назвать теории ренегатов из старых господствующих слоёв, которые подвизаются в качестве повивальных бабок эмансипации, - выглядят не очень убедительно.) Общественное является частью сложной действительности.

"Сложность" в данном случае заключается в том, что в действительности нет дорог с односторонним движением. Между отдельными её частями наблюдается возвратно-поступательное движение различных действий или только соответствий. Наивная схема базиса и надстройки была рабочей гипотезой социал-теоретика, который пытался бороться с идеализмом окружающего мира. Но идеализм и его коррелят давно стёрты в пыль, и теперь снова можно мыслить, исходя из неделимости существования.

Для большей конкретности скажем, что в исследовании фашизма вступают в противоборство социологический тезис и социальный диагноз, которые, строго говоря, понятия взаимоисключающие. Тезис в разных вариациях пронизывает большинство

теорий о фашизме (в том числе и немарксистских). Сам он "родом" из марксизма и уже к началу 20-х годов (во временном отношении "соседствует" с маршем на Рим) используется в полемике с итальянскими "чернорубашечниками". Согласно этому тезису, фашизм по сути своей является защитным рефлексом среднего слоя (а именно, его нижней части), который оказывается между молотом и наковальней, то есть, между поднимающимися рабочими и господствующими слоями, владеющими средствами производства. Высшие слои охотно воспользовались бы этим защитным рефлексом, превратив средний слой в дамбу против рабочих.

Социальный же диагноз свидетельствует о том, что в период с 1919 по 1945 гг. произошло такое изменение структуры общества, которое по своему значению сопоставимо с переходом от французского абсолютизма к буржуазной эпохе. В названный период старые классы утратили свои основные черты, как бы обветшали, и образовался широкий средний слой, который в "заповеднике" ещё сохраняет остатки прежнего высшего слоя, но в основном управляется небольшим числом управленцев. Возникновение этого широкого слоя отнюдь не способствовало утверждению на земле царства справедливости. По-прежнему существует неравенство, различия в благосостоянии становятся вопиющими. Появились новые группы "терпящих бедствие" (пенсионеры). Но больше не существует класса или сословия в старом смысле этого слова. Не существует той реальности, в которой человек был рождён и с которой он всегда должен был мириться. Общество стало проницаемым, хотя и методы "подъёма" не всегда отрадны.

Как соотносятся тезис и диагноз? Сначала тезис необходимо существенно модифицировать. В ходе современных единичных исследований начинают осознавать, что причисление новых форм правых к среднему слою является недопустимым упрощением. Работа Луиса Шевалье о социальных корнях бонапартизма (1950 г.) сыграла в этом революционную роль. Условиями возникновения национал-социалистической германской рабочей партии были посвящены исследования Франца Виллинга и Мазера. Что касается трёх выявленных нами ветвей, они, как нам представляется, предполагают не только различные формы, но и различную интенсивность социальной связи (и провоцируют её). Не является неожиданным и то, что национал-социалистическим импульсом в основном были охвачены низшие слои общества (не только среднее сословие и буржуазия, но и рабочие). При тенденциях этатизма социальная фиксация значительно слабее, так как эти тенденции находят поддержку прежде всего среди тех управленцев, которые представляют собой цвет наиболее одарённых представителей всех слоёв. Что же касается "фашизма", то здесь дело обстоит иначе. Носителями этого стиля являются, прежде всего, группы населения, которые находятся вне определяемых способом производства слоёв общества (ещё не вступившая в трудовую жизнь молодёжь, военные, члены воинских организаций и т. п.) В социальном плане все три ветви имеют одну общую черту: смести старые социальные границы.

Является ли это, как утверждают левые теории о фашизме, всего лишь риторическим фасадом совсем иной действительности? Вытекающая из особой ситуации XIX века вера в то, что революционерами могут быть только левые, прочно вошла в сознание людей. Однако историки и наделённые историческим тактом социологи всё больше и больше осознают, что описанные здесь явления представляют собой мощную революционную силу, которая и сделала возможным то коренное социальное преобразование, как бы к этому ни относились. Одним из первых был Ральф Дорендорф, тогда ещё молодой профессор социологии, обронивший знаменитые слова, что наряду со всем прочим Третий Райх для Германии был "прорывом в современность". Наступило время заняться и этими сторонами фашизма (вместо его анекдотичных и уголовных сторон).

Имеем ли мы достаточно оснований для того, чтобы таким образом соответствовать фашизму исторически? Нас не должны пугать слова (не Дорендорфа) о "нежелательных для народа с педагогической точки зрения истинах". История - нам не нянька, она нас не

детерминирует. Но она и не представляет нам бесконечных возможностей. Когда мы, наконец, перестанем закрывать глаза на такие явления как "фашизм", "национал-социализм" и т. д., на которые было наложено табу, и трезво спросим себя, чем они являлись в действительности, тогда мы и узнаем, какие возможности у нас ещё остались.

Перевод с немецкого А. М. Иванова

Умберто Эко Вечный фашизм

Предисловие автора. «Вечный фашизм» – доклад (англоязычная версия) на симпозиуме, проводившемся итальянским и французским отделениями Колумбийского Университета (Нью-Йорк) 25 апреля 1995 г., в юбилей освобождения Европы. Опубликовано под заглавием “Eternal Fascism” в “Нью-Йорк Ревью оф Букс” 22 июня 1995 г., затем в итальянском переводе в “Ла ривиста деи либри” за июль-август 1995-го под названием “Тоталитаризм fuzzy и ур-фашизм” (публикуемый ниже вариант отличается лишь незначительными стилистическими поправками). Но следует учитывать, что этот текст создавался для американских студентов и был прочитан на симпозиуме в дни, когда Америка была потрясена оклахомским терактом и открытием того, что в общем не являлось секретом, – что в США имеются правозэкстремистские военизированные организации. Тема антифашизма приобрела особые коннотации в этих обстоятельствах, и рассуждение исторического плана было призвано способствовать размышлениям о современной ситуации в разных точках земного шара. Выступление было переведено на многие языки и опубликовано во многих странах. Так как эссе рассчитывалось на американских студентов, понятно, почему в нём изобилуют факты и разъяснения почти школьного характера, а также к чему столько цитат из Рузвельта (Рузвельт – символ американского антифашизма) и почему я особо отмечаю встречу европейских и американских солдат в дни освобождения Европы.

В 1942 году, в возрасте 10 лет, я завоевал первое место на олимпиаде *Ludi Juveniles*, проводившейся для итальянских школьников-фашистов (то есть для всех итальянских школьников). Я изощрился с риторической виртуозностью развить тему «Должно ли нам умереть за славу Муссолини и за бессмертную славу Италии?» Я доказал, что должно умереть. Я был умный мальчик.

Потом в 1943 году мне открылся смысл слова «свобода». В конце этого очерка расскажу, как было дело. В ту минуту «свобода» ещё не означало «освобождение».

В моём отрочестве было два таких года, когда вокруг были эсэсовцы, фашисты и партизаны, все палили друг в друга, я учился уворачиваться от выстрелов. Полезный навык.

В апреле 1945 года партизаны взяли Милан. Через два дня они захватили и наш городишко. Вот была радость. На центральной площади толпились горожане, пели, размахивали знамёнами. Выкрикивалось имя Миммо, командира партизанского отряда. Миммо, в прошлом капитан карабинеров, перешёл на сторону Бадольо (1), и в одном из первых сражений ему оторвало ногу. Он выскакал на балкон муниципалитета на костылях, бледный. Рукой сделал знак толпе, чтоб замолчали. Я наряду со всеми ждал торжественной речи, всё моё детство прошло в атмосфере крупных исторических речей Муссолини, в школе мы учили наизусть самые проникновенные пассажи. Но была тишина. Миммо говорил хрипло, почти не было слышно: «Граждане, друзья. После многих испытаний... мы здесь. Вечная слава павшим». Всё. Он повернулся и ушёл. Толпа вопила, партизаны потрясали оружием, палили в воздух. Мы, мальчишки, кинулись подбирать гильзы, ценные коллекционные экспонаты. В тот день я осознал, что свобода слова означает и свободу от риторики.

(1) Пьетро Бадольо (1871–1956) – один из организаторов свержения Муссолини (1943), премьер-министр Италии в период её войны с фашистской Германией (1943–1944).

Через несколько дней появились первые американские солдаты. Это были негры. Мой первый знакомый янки, Джозеф, был чернокож. Он открыл мне чудесный мир Дика Трейси и Лила Эбнера. Его книжки комиксов были разноцветные и замечательно пахли.

Одного из офицеров (его звали не то майор Мадди, не то капитан Мадди) родители двух моих соучениц пригласили в гости к себе на виллу. В саду расположились с вязаньем наши благородные дамы, болтая на приблизительном французском. Капитан Мадди был неплохо образован и на французском тоже как-то разговаривал. Так сложилось моё первое впечатление об освободителях-американцах, после всех наших бледноликих и чернорубашечных: интеллигентный негр в жёлто-зелёном мундире, произносящий «*Où, merci beaucoup Madame, moi aussi j'aime le champagne...*». К сожалению, шампанского на самом деле не было, но от капитана Мадди происходила моя первая в жизни жвачка и жевал я её много дней. На ночь я клал её в стакан с водой.

В мае нам сказали, что война окончилась. Мир показался мне великой странностью. Меня учили, что перманентная война является нормальным условием жизни для молодого итальянца. В последующие месяцы открылось также, что Соппротивление – не наше деревенское, а общеевропейское явление. Я научился новым волнующим словам, таким как *reseau, maquis, armee secrete, Rote Kapelle*, варшавское гетто. Я увидел первые снимки геноцида евреев – того, что называется Холокост – и усвоил смысл явления раньше, чем узнал термин. Я понял, от чего именно нас освободили.

В Италии кое-кто сегодня задаётся вопросом, сыграло ли Соппротивление реальную военную роль. Моему поколению этот вопрос несуществен. Мы сразу почувствовали моральную и психологическую роль Соппротивления. Вот что давало нам гордость: знать, что мы, население Европы, не дожидались освобождения сложа руки. Думаю, что и для молодых американцев, которые платили кровью за нашу свободу, было тоже небезразлично знать, что за линией фронта среди населения Европы кто-то платит по тому же счёту.

В Италии звучат высказывания, что Соппротивление в Европе – вымысел коммунистов. Нельзя спорить, коммунисты действительно употребили Соппротивление как личную собственность, пользуясь тем, что они сыграли в Соппротивлении центральную роль. Но я помню партизан в шейных платках самых разных расцветок.

Прилипнув к радиоприемнику, я проводил ночи – ставни задривались, комендантский час, затемнение, ореол вокруг радио был единственным источником света – и слушал сообщения, которые «Радио Лондон» передавало партизанам. Послания туманные и в то же время поэтические («Солнце восходит снова», «Розы в цвету»). Большею частью это была «информация для Франки». Откуда-то я шёпотом узнал, что Франки – командир самого крупного подполья Северной Италии и человек легендарного мужества. Франки был моим героем. Этот Франки (настоящее имя – Эдгардо Соньо) был монархист, настолько антикоммунистической ориентации, что в послевоенное время примкнул к правозэкстремистской группировке и попал под суд по подозрению в подготовке реакционного антигосударственного переворота. Что это меняет? Он остаётся ориентиром моих детских лет. Освобождение – одно для людей самых разных расцветок.

Сейчас у нас принято говорить, что война за освобождение Италии привела к трагическому расколу нации и что необходимо национальное примирение. Воспоминание об ужасном времени должно быть вытеснено (*refoulee, verdrangt*).

Но вытеснение – источник неврозоз. Примириться, проявить понимание, уважить тех, кто от чистого сердца вёл свою войну. Простить – это не значит забыть. Допускаю, что Эйхман (2) был чистосердечно предан своей миссии. Но мы не говорим Эйхману: «Валяйте, продолжайте в том же духе». Мы обязаны помнить, что же это было, и торжественно заявить, что снова они этого делать не должны.

(2) Карл-Адольф Эйхман (1906–1962) – немецко-фашистский преступник, глава подотдела по уничтожению евреев Имперского управления безопасности. Предан суду в Иерусалиме в 1960 г. и казнён.

Но кто такие «они»?

Если до сегодняшних пор подразумевать под «они» тоталитарные правительства, распорядившиеся Европой перед Второй мировой войной, можно спать спокойно: они не

возродятся в прежнем своём виде среди новых исторических декораций. Итальянский фашизм (Муссолини) складывался из культа харизматического вождя, из корпоративности, из утопической идеи о судьбоносности Рима, из империалистической воли к завоеванию новых земель, из насажденного национализма, из выстраивания страны в колонну по два, одевания всех в чёрные рубашки, из отрицания парламентской демократии, из антисемитизма. Так вот, я вполне верю, что нынешний Национальный альянс, родившийся из останков Итальянского социального движения, – это партия хотя и безусловно правая, но не связанная с нашим прежним фашизмом.

И хотя я очень обеспокоен неофашистскими движениями, возникающими повсеместно по Европе и, в частности, в России, я – по той же причине – не думаю, что именно немецкий фашизм в своей первоначальной форме может снова явиться в качестве идеологии, охватывающей народы.

В то же время, хотя политические режимы свергаются, идеологии рушатся под напором критики, дезавуируются, за всеми режимами и их идеологиями всегда стоят:

мировоззрение и мирочувствование, сумма культурных привычек, туманность тёмных инстинктов, полуосознанные импульсы.

О чём это говорит? Существует ли и в наше время призрак, бродящий по Европе, не говоря об остальных частях света?

Ионеско изрёк: «Важны только слова, всё остальное – болтовня». Лингвистические привычки часто представляют собою первостепенные симптомы невыказуемых чувств.

Поэтому позвольте задать вопрос: с какой стати не только итальянское Сопротивление, но и вся Вторая мировая война во всём мире формулируется как битва против *фашизма*? Фашизм вообще-то должен ассоциироваться с Италией.

Но перечитайте Хемингуэя «По ком звонит колокол»: Роберт Джордан именуется своих врагов фашистами, хотя они испанские фалангисты. Дадим слово Ф. Д. Рузвельту: «Победа американского народа и его союзников будет победою над фашизмом и над деспотическим тупиком, который он олицетворяет» (23 сентября 1944).

Во времена маккартизма любили клеймить американцев, участвовавших в гражданской войне в Испании, «недозрелыми антифашистами» (имелось в виду, что выступить против Гитлера в сороковые годы было моральным долгом настоящего американца, а вот выступать против Франко чересчур рано, в тридцатые, – это подозрительный знак).

Американские радикалы обзывали полицейских, не разделявших их вкусов по части курева, «фашистскими свиньями». Почему не паршивыми кагулями, не гадами фалангистами, не суками усташами, не погаными квислингами, не Анте Павеличами и не нацистами?

Дело в том, что «Майн Кампф» – манифест *цельной* политической программы. Немецкий фашизм (нацизм) включал в себя расовую и арийскую теории, чёткое представление об *entartete Kunst* – коррумпированном искусстве, философию державности и культ сверхчеловека. Он имел чёткую антихристианскую и неоязыческую окраску. Так же точно сталинский диамат был чётко материалистичен и атеистичен. Режимы, подчиняющие все личностные проявления государству и государственной идеологии, мы зовём тоталитарными; немецкий фашизм и сталинизм – оба тоталитарные режимы.

Итальянский же фашизм, безусловно, представлял собой диктаторский режим, но он не был вполне тоталитарен, и не благодаря какой-то особой своей мягкости, а из-за недостаточности философской базы. В противоположность общепринятому представлению, у итальянского фашизма не имелось собственной философии. Статья о фашизме, подписанная «Муссолини» в Итальянской энциклопедии Треккани, была если не создана, то вдохновлена философом Джованни Джентиле, и отражалось в ней позднегегелианское представление об «этическом и абсолютном государстве». Однако при правлении Муссолини такое государство реализовано не было. У Муссолини не было никакой философии: у него была только риторика. Начал он с воинствующего безбожия,

затем подписал конкордат с Церковью и сдружился с епископами, освящавшими фашистские знамёна. В первые его, ещё антиклерикальные времена, если верить легенде, он предлагал Господу разразить его на месте, дабы проверить истинность Господня бытия. По всей видимости, тот чем-то отвлёкся и просьбу не удовлетворил. На следующем этапе во всех своих выступлениях Муссолини ссылался на имя Божие и смело именовал самого себя «рукой Провидения».

Итальянский фашизм, бесспорно, был первой правой диктатурой, овладевшей целой европейской страной, и последующие аналогичные движения поэтому видели для себя общий архетип в муссолиниевском режиме. Итальянский фашизм первым из всех разработал военное священнодействие, создал фольклор и установил моду на одежду, причём с гораздо большим успехом за границей, чем любые Бенеттоны, Армани и Версаче. Только следом за итальянским фашизмом – в тридцатые годы – фашистские движения появились в Англии (Мосли), Литве, Эстонии, Латвии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, Югославии, Испании, Португалии, Норвегии и даже в Южной Америке и, разумеется, в Германии. И именно итальянский фашизм создал у многих либеральных европейских лидеров убеждение, будто эта власть проводит любопытные социальные реформы и способна составить умеренно-революционную альтернативу коммунистической угрозе.

И всё же это единственное основание – исторический приоритет – не кажется мне достаточным для того, что слово «фашизм» превратилось в синекдоху, в определение типа *pars pro toto* (3) для самых разных тоталитарных движений. Никак нельзя сказать, чтобы итальянский фашизм содержал в себе все элементы последующих тоталитаризмов, некую квинтэссенцию. Наоборот, в фашизме и эссенции-то, естества ясного не содержалось, и являл он собой тоталитаризм размытый, на языке логики – *fuzzy*.

(3) Часть вместо целого (*лат.*).

Итальянский фашизм не был монолитной идеологией, а был коллажем из разносортных политических и философских идей, муравейником противоречий. Ну можно ли себе представить тоталитарный режим, в котором сосуществуют монархия и революция, Королевская гвардия и персональная милиция Муссолини, в котором Церковь занимает главенствующее положение, но школа расцерковлена и построена на пропаганде насилия, где уживаются абсолютный контроль государства со свободным рынком?

В Италии фашистская партия родилась, превознося свой новый революционный порядок, но финансировалась самыми консервативными землевладельцами, которые надеялись на контрреволюцию. Итальянский фашизм в своём зародыше был республиканским, но затем двадцать лет подряд прокламировал верность королевской фамилии, давая возможность дуче шагать по жизни под ручку с королём, которому предлагался даже титул императора. Когда же в 1943 году король уволил Муссолини с должности, партия через два месяца возродилась с помощью немцев под знаменем «социальной» республики, под уже знакомую музыку революции и с почти что якобинской аранжировкой.

Существовала только одна архитектура немецкого фашизма и только одно немецко-фашистское искусство. Если архитектором немецкого фашизма стал бы Альберт Шпеер, не осталось бы места Мису ван дер Роэ. Так же точно при Сталине: коли был бы прав Ламарк, не осталось бы места Дарвину. Напротив, в Италии архитекторы, безусловно, мыслили себя как фашисты, однако наряду с псевдоколизеями проектировали и новаторские здания, вдохновлённые модерн-рационализмом Гропиуса.

Итальянский фашизм не знал своего Жданова. В Италии существовали две важные художественные премии. Во-первых, премия Кремона – под эгидой невежественного и фанатичного фашиста Фариначчи, который ратовал за пропагандистское искусство (помню станковую живопись: «У радиоприемника. Слушая выступление Дуче» и «Ментальные состояния, навеваемые фашизмом»). Во-вторых, премия Бергамо, которую спонсировал образованный и в разумных пределах толерантный фашист Боттаи. Он

выступал сторонником искусства для искусства и за новаторские опыты авангардистского искусства, те самые, которые в Германии преследовались как упаднические и втайне коммунистические, так как они отличались от нибелунгового кича, а разрешался только он, и больше ничего.

В смысле поэзии, нашей национальной гордостью считался Д'Аннунцио, денди, которого в Германии или в России мигом поставили бы к стенке. У нас ему присвоили титул Вещего певца режима за национализм и превознесение героизма (с примесью изрядной порции французского декадентства).

Футуризм. Образец самого отъявленного «упадочного искусства», наряду с экспрессионизмом, кубизмом, сюрреализмом. Однако первые итальянские футуристы были настроены националистски, с эстетических позиций отстаивали участие Италии в Первой мировой войне, упивались быстротой, насилием и риском и, в определённых отношениях, подходили близко к фашистскому культу молодости. Когда итальянский фашизм начал равняться на Римскую империю и на новооткрытые народные корни, Маринетти (провозглашавший, что автомобиль прекраснее Ники Самофракийской, и покушавшийся «укокошить лунный свет») был проведён в члены Национальной Академии, которая вообще-то относилась к лунному свету с пиететом.

Многие партизаны, представители левой интеллигенции выжили в ячейках ГУФ (фашистской организации университетских студентов), а ведь ГУФ замышлялась как колыбель новой фашистской культуры. Но эти ячейки составили собой некий интеллектуальный котёл, где кипели идеи и никогда не было настоящего идеологического контроля; не оттого, что партийцы отличались особой толерантностью, а потому, что они, как правило, не обладали интеллектуальным уровнем, чтоб контролировать студентов.

В течение всего того двадцатилетия, поэзия «герметиков» представляла собой противовес помпезному стилю истеблишмента. Герметикам было позволено выражать литературный протест, не выходя из башни из слоновой кости. Настроение герметиков являло полную противоположность фашистскому культу оптимизма и героизма. Фашистский истеблишмент терпел это явное, хотя и социально неуловимое, противоречие, потому что не обращал достаточного внимания на столь туманные речи.

Это не означает, что итальянскому фашизму была свойственна терпимость. Грамши продержали в тюрьме до самой смерти, Маттеотти уничтожили, братьев Росселли уничтожили, свободу печати подавили, профсоюзы разогнали, политических диссидентов выслали на отдалённые острова, законодательная власть превратилась в чистую фикцию, а исполнительная (которая контролировала и судопроизводство, и массовые коммуникации) самопроизвольно издавала законы, среди которых, в частности, был закон о чистоте расы – формальная поддержка Италией геноцида евреев.

Неодноплановая картина, описанная мною, свидетельствует не о толерантности, а о великой расхлябанности, как политической, так и идеологической. Причём это была «упорядоченная расхлябанность», в беспорядке имелась своя система. Пусть фашизм не имел философского стержня, но с точки зрения эмоциональной он был прочно ориентирован на определённые архетипы.

Так мы приблизились ко второй части разговора. Немецкий нацизм был уникален. Мы не можем назвать нацизмом гиперкатолический фалангизм Франко, потому что нацизм отличался глубинным язычеством, политеизмом и антихристианством, или это был не нацизм. А вот с термином «фашизм», наоборот, можно играть на многие лады. Название не переменится. С понятием «фашизм» происходит то же, что, по Витгенштейну, произошло с понятием «игра». Игра может быть соревновательной или же наоборот; может осуществляться одним человеком или же несколькими; может требовать умения и навыков, или не требовать ничего; может вестись на деньги, а может и нет.

Игры – это серия различных видов деятельности, семейное сходство между которыми очень относительно.

abc bcd cde def

Предположим, перед нами набор политических группировок. Первая группировка обладает характеристиками *abc*, вторая – характеристиками *bcd* и так далее. 2 похоже на 1, поскольку у них имеются два общих аспекта. 3 похоже на 2, 4 похоже на 3 по той же самой причине. 3 похоже даже на 1 (у них есть общий элемент *c*). Но вот что забавно. 4 имеет нечто общее с 3 и 2, но абсолютно ничего общего с 1. Тем не менее, благодаря плавности перехода с 1 на 4, создаётся иллюзия родства между 4 и 1.

Термин «фашизм» употребляется повсеместно, потому что даже если удалить из итальянского фашистского режима один или несколько аспектов, он всё равно продолжает узнаваться как фашистский. Устранив из итальянского фашизма империализм, получаем Франко или Салазара. Устраняем колониализм – выходит балканский фашизм. Прибавляем к итальянскому фашизму радикальный антикапитализм (чем никогда не грешил Муссолини), и получается Эзра Паунд. Прибавляем помешательство на кельтской мифологии и культуре Грааля (абсолютно чуждое итальянскому фашизму), и перед нами один из наиболее уважаемых фашистских гуру – Юлиус Эвола.

Чтобы преодолеть этот разброд, по-моему, следует вычленив список типических характеристик Вечного Фашизма (ур-фашизма); вообще-то достаточно наличия даже одной из них, чтобы начинала конденсироваться фашистская туманность.

1. Первой характеристикой ур-фашизма является *культ традиции*. Традиционализм старше фашизма. Он выступает доминантой контрреволюционной католической мысли после Французской революции, но зародился он в поздний эллинистический период как реакция на рационализм классической Греции.

В средиземноморском бассейне народы разных религий (все они с равной толерантностью были допускаемы в римский Пантеон) искали откровения, явленного на заре истории человечества. Это откровение испокон веков таилось под покровом языков, чей смысл утратился. Откровение было вверено египетским иероглифам, кельтским рунам, а также священным, доселе не прояснённым памятникам азиатских религий.

Эта новая культура неизбежно оказывалась *синкретичной*. Синкретизм – это не просто, как указывают словари, сочетание разноформных верований и практик. Здесь основа сочетаемости – прежде всего *пренебрежение к противоречиям*. Исходя из подобной логики, все первородные откровения содержат зародыш истины, а если они разноречивы или вообще несовместимы, это не имеет значения, потому что аллегорически всё равно они все восходят к некоей исконной истине.

Из этого вытекает, что *нет места развитию знания*. Истина уже провозглашена раз и навсегда; остаётся только истолковывать её тёмные словеса. Достаточно посмотреть «обоймы» любых фашистских культур: в них входят только мыслители-традиционалисты. Немецко-фашистский гнозис питался из традиционалистских, синкретистских, оккультных источников. Наиважнейший теоретический источник новых итальянских правых, Юлиус Эвола, смешивает Грааль с «Протоколами Сионских мудрецов», алхимию со Священной Римской империей. Сам тот факт, что в целях обогащения кругозора часть итальянских правых сейчас расширила обойму, включив в неё Де Местра (4), Генона (5) и Грамши, является блистательной демонстрацией синкретизма.

(4) Имеется в виду франц. писатель Жозеф де Местр (1753–1821), автор сочинения «О Папе» (1819)–одного из ключевых текстов католицизма.

(5) Генон, Рене (1886–1951) – франц. литератор-мистик, автор компилятивных сочинений («Кризис современного мира», 1921 и др.).

Поройтесь в американском книжном магазине на стеллажах под табличкой «New Age». Вы увидите в куче мистической белиберды даже и св. Августина, который, насколько мне известно, фашистом не был.

Вот сам по себе принцип валить в кучу Августина и Стоунхендж – это и есть симптом ур-фашизма.

2. Традиционализм неизбежно ведёт к *неприятию модернизма*. Как итальянские фашисты, так и немецкие нацисты вроде бы обожали технику, в то время как традиционалистские мыслители обычно технику клеймили, видя в ней отрицание традиционных духовных ценностей. Но, по сути дела, нацизм наслаждался лишь внешним аспектом своей индустриализации. В глубине его идеологии главенствовала теория Blut und Boden – "Крови и почвы". Отрицание современного мира проводилось под соусом отрицания капиталистической современности. Это, по существу, отрицание духа 1789 года (а также, разумеется, 1776-го) – духа Просвещения. Век Рационализма видится как начало современного разврата. Поэтому ур-фашизм может быть определён как *иррационализм*.

3. Иррационализм крепко связан с культом *действия ради действия*. Действование прекрасно само по себе и поэтому осуществляется *вне и без* рефлексии. Думание – немужественное дело. Культура видится с подозрением, будучи потенциальной носительницей критического отношения. Тут всё: и высказывание Геббельса «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет», и милые общие места насчёт интеллектуальных размазней, яйцеголовых интеллигентов, радикал-снобизма и университетов – рассадников коммунистической заразы. *Подозрительность по отношению к интеллектуальному миру* всегда сигнализирует присутствие ур-фашизма. Официальные фашистские мыслители в основном занимались тем, что обвиняли современную им культуру и либеральную интеллигенцию в отходе от вековечных ценностей.

4. Никакая форма синкретизма не может вынести критики. Критический подход оперирует дистинкциями, дистинкции же являются атрибутом современности. В современной культуре научное сообщество уважает несогласие, как основу развития науки. В глазах ур-фашизма *несогласие есть предательство*.

5. Несогласие – это ещё и знак инакости. Ур-фашизм растёт и ищет консенсусов, эксплуатируя прирождённую боязнь инородного. Первейшие лозунги фашистоидного или пре-фашистоидного движения направлены против инородцев. Ур-фашизм, таким образом, по определению замешан на *расизме*.

6. Ур-фашизм рождается из индивидуальной или социальной фрустрации. Поэтому все исторические фашизмы опирались на *фрустрированные средние классы*, пострадавшие от какого-либо экономического либо политического кризиса и испытывающие страх перед угрозой со стороны раздражённых низов. В наше время, когда прежние «пролетарии» превращаются в мелкую буржуазию, а люмпен из политической жизни самоустраняется, фашизм найдёт в этом новом большинстве превосходную аудиторию.

7. Тем, кто вообще социально обездолен, ур-фашизм говорит, что единственным залогом их привилегий является факт рождения в определённой стране. Так выковывается *национализм*. К тому же единственное, что может сплотить нацию, – это враги. Поэтому в основе ур-фашистской психологии заложена одержимость *идеями заговора*, по возможности международного. Сочлены должны ощущать себя осаждёнными. Лучший способ сосредоточить аудиторию на заговоре – использовать пружины ксенофобии. Однако годится и заговор внутренний, для этого хорошо подходят евреи, потому что они одновременно как бы внутри и как бы вне. Последний американский образчик помешательства на заговоре – книга «Новый мировой порядок» Пэта Робертсона.

8. Сочлены должны чувствовать себя оскорблёнными из-за того, что враги выставляют напоказ богатство, бравируют силой. Когда я был маленьким, мне внушали, что англичане – «нация пятиразового питания». Англичане питаются интенсивнее, чем бедные, но честные итальянцы. Богаты ещё евреи, к тому же они помогают своим, имеют тайную сеть взаимопомощи. Это с одной стороны; в то же время сочлены убеждены, что сумеют одолеть любого врага. Так, благодаря колебанию риторических струн, *враги рисуются в одно и то же время как и чересчур сильные, и чересчур слабые*. По этой причине

фашизмы обречены всегда проигрывать войны: они не в состоянии объективно оценивать боеспособность противника.

9. Для ур-фашизма нет борьбы за жизнь, а есть жизнь ради борьбы. Раз так, *пацифизм однозначен братанию с врагом*. Пацифизм предосудителен, поскольку *жизнь есть вечная борьба*. В то же время имеется и комплекс Страшного суда. Поскольку враг должен быть – и будет – уничтожен, значит, состоится последний бой, в результате которого данное движение приобретёт полный контроль над миром. В свете подобного «тотального решения» предполагается наступление эры всеобщего мира, Золотого века.

Однако это противодействует тезису о перманентной войне, и ещё ни одному фашистскому лидеру не удалось разрешить образующееся противоречие.

10. Для всех реакционных идеологий типичен элитаризм, в силу его глубинной аристократичности. В ходе истории все аристократические и милитаристские элитаризмы держались на *презрении к слабому*.

Ур-фашизм исповедует *популистский* элитаризм. Рядовые граждане составляют собой наилучший народ на свете. Партия состоит из наилучших рядовых граждан. Рядовой гражданин может (либо обязан) сделаться членом партии.

Однако не может быть патрициев без плебеев. Вождь, который знает, что получил власть не через делегирование, а захватил силой, понимает также, что сила его основывается на *слабости* массы, и эта масса слаба настолько, чтобы нуждаться в Погонщике и заслуживать его.

Поэтому в таких обществах, организованных иерархически (по милитаристской модели), каждый отдельный вождь презирает, с одной стороны, вышестоящих, а с другой – подчинённых.

Тем самым укрепляется массовый элитаризм.

11. Всякого и каждого воспитывают, чтобы он стал героем. В мифах герой воплощает собой редкое, экстраординарное существо; однако в идеологии ур-фашизма героизм – это норма. Культ героизма непосредственно связан с *культом смерти*. Не случайно девизом фалангистов было: *Viva la muerte!* Нормальным людям говорят, что смерть огорчительна, но надо будет встретить её с достоинством. Верующим людям говорят, что смерть есть страдательный метод достижения сверхъестественного блаженства. Герой же ур-фашизма алчет смерти, предуказанной ему в качестве наилучшей компенсации за героическую жизнь. Герою ур-фашизма умереть невтерпёж. В героическом нетерпении, заметим в скобках, ему гораздо чаще случается умерщвлять других.

12. Поскольку как перманентная война, так и героизм – довольно трудные игры, ур-фашизм переносит своё стремление к власти на половую сферу. На этом основан культ мужественности (то есть пренебрежение к женщине и беспощадное преследование любых неконформистских сексуальных привычек: от целомудрия до гомосексуализма). Поскольку и пол – это довольно трудная игра, герой ур-фашизма играет с пистолетом, то есть эрзацем фаллоса. Постоянные военные игры имеют своей подоплёкой неизбывную *invidia penis*.

13. Ур-фашизм строится на качественном (квалитативном) популизме. В условиях демократии граждане пользуются правами личности; совокупность граждан осуществляет свои политические права только при наличии количественного (квантитативного) основания: исполняются решения большинства. В глазах ур-фашизма индивидуум прав личности не имеет, а Народ предстаёт как качество, как монолитное единство, выражающее совокупную волю. Поскольку никакое количество человеческих существ на самом деле не может иметь совокупную волю, Вождь претендует на то, чтобы представлять от всех. Утратив право делегировать, рядовые граждане не действуют, они только призываются – часть за целое, *pars pro toto* – играть роль Народа. Народ, таким образом, бытует как феномен исключительно театральный.

За примером *качественного популизма* необязательно обращаться к Нюрнбергскому стадиону или римской переполненной площади перед балконом Муссолини. В нашем

близком будущем перспектива качественного популизма – это телевидение или электронная сеть интернет, которые способны представить эмоциональную реакцию отобранной группы граждан как «суждение народа».

Крепко стоя на своем качественном популизме, ур-фашизм ополчается *против «прогнивших парламентских демократий»*. Первое, что заявил Муссолини на своей речи в итальянском парламенте, было: «Хотелось бы мне превратить эту глухую, серую залу в спортзал для моих ребяток». Он, конечно же, быстро нашёл гораздо лучшее пристанище для «своих ребяток», но парламент тем не менее разогнал.

Всякий раз, когда политик ставит под вопрос легитимность парламента, поскольку тот якобы уже не отражает «суждение народа», явственно унюхивается запахок Вечного Фашизма.

14. Ур-фашизм говорит на Новоязе. Новояз был изобретён Оруэллом в романе «1984» как официальный язык Ангсоца, Английского социализма, но элементы ур-фашизма свойственны самым различным диктатурам. И нацистские, и фашистские учебники отличались бедной лексикой и примитивным синтаксисом, желая максимально ограничить для школьника набор инструментов сложного критического мышления. Но мы должны уметь вычленять и другие формы Новояза, даже когда они имеют невинный вид популярного телевизионного ток-шоу.

Перечислив возможные архетипы ур-фашизма, закончу вот чем. Утром 27 июля 1943 года мне было сказано, что по радио объявили, что фашизм пал и Муссолини арестован и чтобы я пошёл купить газету. Я отправился к киоску и увидел, что там полно газет, но у них незнакомые названия. Затем я прочитал заголовки передовиц и осознал, что в разных газетах написаны разные вещи. Тогда я купил одну из них, наудачу, развернул и прочитал на первой странице декларацию, подписанную пятью или шестью политическими партиями, среди которых были Христианская демократическая, Коммунистическая партия, Социалистическая партия, Партия действия, Либеральная партия. До этой минуты я полагал, что на страну полагается иметь по одной партии, в частности в Италии партия называется Национальной Фашистской. И вот я обнаружил, что в моей стране одновременно имеют место несколько партий. И не только. Так как я был смышлённым подростком, я сказал себе, что никак невозможно, чтобы все эти партии учредились вот так, за одну ночь. Значит, подумал я, они существовали прежде на подпольном положении.

Декларация возвещала о конце фашистской диктатуры и восстановлении в стране свобод: свободы слова, печати, политических объединений. Эти слова – «диктатура», «свобода» – о Господи, впервые за всю жизнь я их прочёл. Благодаря этим словам я переродился в свободного западного человека.

Мы должны всегда иметь в виду, что смысл этих слов не должен снова забыться. Ур-фашизм до сих пор около нас, иногда он ходит в штатском. Было бы так удобно для всех нас, если бы кто-нибудь вылез на мировую арену и сказал: «Хочу снова открыть Освенцим, хочу, чтобы чёрные рубашки снова замаршировали на парадах на итальянских площадях». Увы, в жизни так хорошо не бывает! Ур-фашизм может представлять в самых невинных видах и формах. Наш долг – выявлять его сущность и указывать на новые его формы, каждый день, в любой точке земного шара. Передам опять слово Рузвельту. «Решусь сказать, что, если бы американская демократия прекратила развиваться как живая сила, которая старается днём и ночью, мирными средствами, совершенствовать условия существования граждан нашей страны, влияние фашизма у нас бы безусловно возросло» (4 ноября 1938). Свобода и Освобождение – наша работа. Она не кончается никогда. Пусть же нашим девизом будет: *так не забудем*.

Цитируется по: Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С.49-80.

Леон Дегрель
Эпопея: история Ваффен СС

Представлено на ревизионистской конференции Института по пересмотру истории в 1982 году

Дамы и господа!

Меня попросили рассказать вам о великом незнакомце Второй Мировой Войны: Ваффен СС.

Поистине удивительно, что организация, являвшаяся одновременно и политической и военной, и которая во время Второй Мировой Войны объединяла в своих рядах более миллиона сражавшихся добровольцев, по-прежнему официально игнорируется.

Почему?

Почему официальная история по-прежнему фактически игнорирует эту необычайную добровольческую армию? Армию, которая была в центре вихря самой гигантской борьбы, повлиявшей на весь мир?

Возможно, ответ заключается в том, что самой поразительной особенностью Ваффен СС было участие в нём добровольцев из тридцати различных стран.

Что собрало их всех вместе, и почему они решили добровольно пожертвовать своими жизнями? Было ли это немецким явлением?

Вначале - да.

Первоначально, Ваффен СС составлял менее двухсот человек. Его численность постоянно росла до 1940 года, когда он вступил во вторую фазу своего развития: германский Ваффен СС. Кроме немцев из Германии, в его состав вошли северо-западные европейцы и потомки немцев по всей Европе.

Затем, в 1941 году во время великой схватки с Советским Союзом, развился европейский Ваффен СС. Молодые люди из самых отдаленных стран вместе сражались на Восточном фронте.

До войны мало кто знал что-нибудь о Ваффен СС. Самим немцам потребовалось время, чтобы признать выдающееся значение Ваффен СС.

Гитлер дошёл до поста канцлера демократическим путём, победив на выборах. Он вёл избирательные кампании подобно любому другому политику. Он выступал на митингах, агитировал, используя плакаты на рекламных щитах, его речи привлекали огромные аудитории. Всё больше и больше людей соглашались с тем, что он говорил, и всё больше и больше людей голосовали за членов его партии на выборах в парламент. Гитлер не пришёл к власти насильственным путём, он был должным образом выбран народом и должен образом назначен канцлером президентом Германии генералом фон Гинденбургом. Его правительство было легитимное и демократическое. Фактически, в Кабинет были включены только два его сторонника.

Позднее он постоянно увеличивал большинство голосов, получаемых на выборах. Когда на выборах Гитлер получал 90% голосов, то каждый голос он зарабатывал лично своими заслугами.

Во время его избирательных кампаний Гитлеру противостояли могущественные враги: правящие круги, которые без малейшего зазрения совести вмешивались в избирательный процесс и подтасовывали результаты. Ему противостояли веймарский истеблишмент и хорошо финансируемые левые и либеральные партии, и высокоорганизованная шестимиллионная Коммунистическая партия. Только самая бесстрашная и неутомимая борьба, чтобы убедить людей голосовать за него, позволила Гитлеру демократически путём получить большинство.

В те дни Ваффен СС не имел существенного значения. Был, конечно, СА с его тремя миллионами человек. Были рядовые члены Национальной Социалистической Рабочей Партии, но отнюдь не армия.

Их главной задачей было защищать партийных кандидатов от коммунистического насилия. А насилие было поистине смертоносным: свыше пятисот национальных социалистов было убито коммунистами. Тысячи были тяжело ранены.

СА был добровольческой, негосударственной организацией, и когда Гитлер пришёл к власти, он уже больше не мог пользоваться его помощью.

Ему приходилось работать внутри системы, служить которой он был избран.

Он пришёл во власть в весьма неблагоприятных условиях. Ему приходилось бороться с глубоко окопавшейся бюрократией, назначенной старым режимом. Когда в 1939 году началась война, 70% немецкого государственного аппарата было назначено старым режимом, и не принадлежало к партии Гитлера. Гитлер не мог рассчитывать на поддержку церковных иерархов. И большой бизнес, и Коммунистическая партия были одинаково резко враждебны к его программам. В довершении всего, существовала вопиющая нищета, а шесть миллионов рабочих были безработными. Ни одна страна в Европе не знала такого количества безработных.

Он был совершенно изолирован. Три миллиона партийных членов СА не состоят в государственных органах. Они голосуют и помогают победить на выборах, но они не могут заменить окопавшихся на государственных постах чиновников. СА также был неспособен оказывать влияние на армию, поскольку высшие военные чины, опасаящиеся конкуренции, были настроены враждебно к СА.

Эта враждебность достигла такой степени, что Гитлер столкнулся с мучительной дилеммой. Что делать с миллионами его сторонников, которые помогли ему прийти к власти? Он не мог оставить их.

Армия была высокоорганизованной структурой власти. Хотя она насчитывала только 100.000 человек, как диктовалось Версальским договором, армия оказывала огромное влияние на государственные дела. Президентом Германии был фельдмаршал фон Гинденбург. Армия была привилегированной кастой. Почти все офицеры принадлежали к высшим классам общества.

Гитлеру было невозможно повести фронтальную атаку на могущественную армию. Гитлер был избран демократически, и он не мог сделать то, что сделал Сталин: расстрелять весь военный руководящий состав. Сталин убил тридцать тысяч старших офицеров. Это был сталинский способ освободить место для своих доверенных комиссаров.

Подобные свирепые методы не могли иметь место в Германии, и к тому же, в отличие от Сталина, Гитлер был окружён международными врагами.

Его избрание вызвало международное бешенство. Он обратился прямо к избирателям без посредничества партий истеблишмента. Его партийная платформа включала призыв к расовой чистоте в Германии, а также возврат власти народу. Эта программа действий настолько взбесила всемирное еврейство, что оно в 1933 году официально объявило войну Германии.

Вопреки распространённой молве, у Гитлера была весьма ограниченная власть, и он был одинок. Уму непостижимо, как этот человек выжил в эти первые годы. Только исключительный гений Гитлера может объяснить тот факт, что он выжил несмотря ни на что. И дома и за рубежом Гитлер беспрестанно демонстрировал свою добрую волю.

Но, несмотря на все его усилия, Гитлер постепенно был загнан в угол. Вражда между СА и армией вышла наружу. Его старый товарищ Эрнст Рем, начальник СА, хотел последовать примеру Сталина и физически уничтожить руководство армии. Раскрытие этого плана привело к самоубийству или убийству Рема, и многих его сторонников. В результате армия заняла главенствующее положение, отодвинув СА на задний план.

В то время единственным СС в Германии была личная охрана канцлера Гитлера в количестве ста восьмидесяти человек. Это были молодые люди исключительных качеств, но без всякой политической роли. Их обязанности заключались в охране резиденции канцлера и выстраивании почётного караула для приезжающих высокопоставленных лиц.

Именно из этой небольшой группы 180 человек спустя несколько лет возникла армия в миллион солдат. Армия беспримерной доблести, бросившая клич на всю Европу.

После того как Гитлеру пришлось признать превосходство армии, он понял, что высшие армейские чины никогда не поддержат его революционных социальных программ. Это была армия аристократов.

Гитлер был человеком народа, человеком, которому удалось ликвидировать безработицу, подвиг, не превзойдённый по сей день. В течение двух лет он обеспечил работой шесть миллионов немцев и положил конец широко распространённой нищете. За пять лет в отсутствие инфляции немецкий рабочий удвоил свой доход. За минимальную стоимость для рабочих были построены сотни тысяч прекрасных домов. При каждом доме был сад для выращивания цветов и овощей. Заводские цеха имели привлекательный и достойный рабочего человека вид. На всех заводах и фабриках были оборудованы спортивные площадки и плавательные бассейны.

Впервые были введены оплачиваемые отпуска. Коммунисты и капиталисты никогда не предлагали оплачиваемые отпуска; это было гитлеровское создание. Он организовал знаменитые программы "Сила через радость", означавшие, что рабочие могли отправиться в морское путешествие и посетить любой уголок земного шара по доступной цене. Все эти социальные новшества пришлись не по вкусу правящим кругам. Магнаты крупного бизнеса и международные банкиры были обеспокоены. Но Гитлер стоял на своём. Бизнес может получать прибыль, если только люди живут и работают в достойных условиях, и получают достойную зарплату. Люди, а не прибыли, должны стоять на первом месте.

Это была лишь одна из реформ Гитлера. Он положил начало сотням других. Он буквально перестроил Германию. За несколько лет было построено свыше пяти тысяч миль шоссе. Для рабочих был создан доступный "Фольксваген". Любой рабочий мог получить этот автомобиль, выплачивая пять марок в неделю. Подобного ещё не было в Европе. Благодаря этим шоссе рабочий впервые мог посетить любую часть Германии в любое по его желанию время. Такие же программы существовали для крестьян и среднего класса.

Гитлер осознавал, что для успешного осуществления его реформ и недопущения их саботажа, ему нужен был мощный рычаг, рычаг, внушающий уважение.

Не обостряя отношений с армией, Гитлер начал искусно строить СС. Он отчаянно нуждался в СС, поскольку прежде всего Гитлер был человеком политики; для него война была последним прибежищем. Его целью было убедить людей, добиться их поддержки, особенно молодого поколения. Он знал, что высшие военные чины будут противодействовать ему на каждом шагу.

И он был прав. Через высших офицеров истеблишмент составил заговор с целью свержения демократически избранного правительства Гитлера. Известный под названием Мюнхенский Заговор, он был вовремя раскрыт. Это было в 1938 году.

20 июля 1944 года Гитлер чуть не лишился жизни, когда аристократические офицеры подложили под его рабочий стол бомбу замедленного действия.

Чтобы не возбуждать подозрений у армии, Гитлер, увеличив СС, придал ему функции охраны правопорядка. Конечно, в Германии была полиция, но Гитлер не был уверен в её надёжности. 150.000 полицейских были назначены веймарским режимом. Гитлеру нуждался в СС не столько для того, чтобы обнаруживать заговоры, но главным образом, чтобы защитить свои реформы. По мере роста первоначального "Лейбштандарте" (Leibstandarte) из 180 человек, были созданы другие полки, такие как "Дойчланд" (Deutschland) и "Германия" (Germania).

Армейские чины из всех сил пытались помешать комплектованию СС. Гитлер обошёл эти препятствия, сделав ответственным за это комплектование министра внутренних дел, а не министра обороны. Армия отреагировала на это своим отрицательным отношением к вербованию мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Под

предлогом обороны страны рядовым было приказано отслужить четыре года, сержантам двенадцать лет и офицерам двадцать пять лет.

Эти приказы имели целью остановить набор в СС. Но произошло обратное. Несмотря на длительный срок службы, тысячи молодых людей подавали заявления о приёме, более чем могло быть принято.

Молодёжь чувствовала, что СС был той вооружённой силой, которая олицетворяла их идеалы. Сформированные части молодых эсэсовцев заворожили публику. Одетый в красивую чёрную форму, СС всё больше и больше привлекал внимание молодых людей.

Потребовалось два года, с 1933 по 1935 год, непрерывной борьбы нервов с армией, чтобы укомплектовать отряд СС численностью 8.000 человек.

В то время название "Ваффен СС" даже не существовало. Только после французской кампании в 1940 году СС был официально назван "Ваффен СС". В 1935 году он назывался просто СС. Однако с восьмьютысячным СС не много сделаешь в 80-миллионной стране. И Гитлеру пришлось придумать ещё один способ обойти армию. Он создал охранный корпус "Тотенкопф" (Totenkopf). Это был в действительности замаскированный СС, но его официальной обязанностью была охрана концентрационных лагерей.

Что представляли собой эти концентрационные лагеря?

Это были просто трудовые лагеря для закоренелых коммунистов, в которых они должны были работать. С ними обращались хорошо, потому что считали, что рано или поздно они обратятся к патриотизму. Всего имелось два концентрационных лагеря с общей численностью три тысячи человек. Три тысячи из шести миллионов членов Коммунистической партии. Это составляет один к двум тысячам. Вплоть до войны число заключённых оставалось менее десяти тысяч человек.

Таким образом, уловка с "Тотенкопф" дала четыре полка. В нужный момент они должны будут присоединиться к СС. "Тотенкопф" держался в тени благодаря сложной системе набора рекрутов, чтобы не привлекать к себе внимания.

В начале войны "Тотенкопф" насчитывал 40.000 человек. Они должны были направиться в 163 воинские части. Тем временем, первоначальный полк "Лейбштандарте" достиг численности 2.800 человек, и четвёртый полк был сформирован в Вене во время Аншлюса.

Молодых людей, вступивших в СС, готовили как ни одну армию в мире. Военное и общеобразовательное обучение было весьма напряжённым, но особенно суровой была физическая подготовка. Они достигали высокого уровня совершенства во многих видах спорта. Каждый из них мог с успехом выступить на Олимпийских Играх. Необычайная физическая выносливость эсэсовцев на советском фронте, столь изумившая мир, была обязана этой интенсивной подготовке.

Имела место также и идеологическая подготовка. Им объясняли, за что они сражаются, какая именно Германия возрождается у них на глазах. Им показывали, как Германия объединялась духовно, через классовое примирение, и физически - через возвращение утраченных немецких земель. Они проникались чувством родства со всеми немцами, проживающими в зарубежных странах: в Польше, России, Судетах и других частях Европы. Их учили, что все немцы представляют собой этническое единство.

Молодые эсэсовцы проходили обучение в двух военных академиях: одна в Бад Тольц (Bad Toelz), другая в Брауншвейге (Braunschweig). Эти академии были совершенно непохожи на мрачные казармы прошлого. Они располагались на сотнях акров в живописной сельской местности, где сочетались принципы эстетики с последними достижениями техники.

Гитлер выступал против любой войны, особенно в Западной Европе.

Он даже не предусматривал участия СС в такой войне. СС, прежде всего, был политической силой. Гитлер рассматривал западные страны как индивидуальные культуры, которые можно было объединить в федерацию, но, конечно, не завоевать. Он

полагал, что конфликт между западными странами стал бы войной, в которой не будет победителей.

Гитлеровская концепция Европы намного опережала концепции его соседей. Мышление 1914-1918 гг., когда одни малые страны воевали с другими малыми странами из-за клочка земли, всё ещё преобладало в Европе 1939 года. Совершенно не так обстояло дело в Советском Союзе, где интернационализм заменил национализм. Целью коммунистов никогда не было служение интересам России. Коммунизм не ограничивается приобретением кусков территории, а стремится к полному мировому господству.

Это совершенно новый фактор. Эта политика завоевания мира сегодня проводится во Вьетнаме, Афганистане, Африке и Польше. В то время это была совершенно новая концепция. Среди всех мировых лидеров Гитлер один считал, что эта концепция представляет одинаковую угрозу для всех стран мира.

Гитлер хорошо помнил, какой хаос устроили коммунисты в Германии в конце Первой Мировой Войны. В Берлине и Баварии коммунисты, следуя иностранным приказам, образовали государство внутри государства, и почти одержали верх. Всё указывало Гитлеру на Восток. Угрозой был коммунизм. Помимо своего нежелания покорять Западную Европу, Гитлер сознавал, что он не мог вести войну на двух фронтах.

В этот момент, вместо того, чтобы дать Гитлеру сражаться с коммунизмом, Союзники приняли роковое решение напасть на Гитлера.

Так называемые западные демократии объединились с Советским Союзом с целью окружить и уничтожить демократическое правительство Германии.

Версальский договор уже ампутировал Германию со всех сторон. Его предназначением было держать Германию в состоянии постоянного экономического коллапса и военной беспомощности. Союзники ратифицировали ряд договоров с Бельгией, недавно созданной Чехословакией, Югославией, Польшей и Румынией, чтобы оказывать давление на Германию со всех сторон.

Летом 1939 года правительства Британии и Франции вели секретные переговоры с Советским Союзом о всеобъемлющем военном союзе. Переговоры велись в Москве, а протоколы подписывал маршал Жуков.

Эти протоколы находятся у меня. Они поразительны. В них можно прочесть о гарантиях советского участия на стороне Британии и Франции против Германии. После ратификации соглашения Советский Союз должен был немедленно предоставить англо-французским силам 5.500 боевых самолётов плюс поддержку всех советских военно-воздушных сил. Кроме того, в распоряжении союзников предоставлялось от 9.000 до 10.000 танков. В обмен Советский Союз потребовал прибалтийские государства и свободный доступ к Польше. План предусматривал скорейшее совместное нападение.

На той стадии Германия была вооружена на самом минимальном уровне. Французы понимали, что 10.000 советских танков быстро уничтожат 2.000 немецких танков, но не сознавали того, что они вряд ли остановятся на французских границах. Британское правительство также было готово отдать Европу советам.

Столкнувшись с полным окружением, Гитлер решил ещё раз заключить мир с одной из сторон советско-британского партнёрства.

Он обратился к правительствам Британии и Франции с предложением мирных переговоров. На его мирное предложение ответили потоком оскорблений и обвинений. Международная пресса развязала беспрецедентную в истории оргию ненависти к Гитлеру. Очень поучительно перечитать эти газеты сегодня.

Когда Гитлер сделал аналогичное мирное предложение Москве, он был удивлён тем, что Советы сразу выразили готовность подписать мирный договор. На самом деле Сталин подписал мирный договор не для целей мира. Он подписал его, чтобы дать Европе истечь кровью в войне на взаимное уничтожение, а самому выиграть время, требуемое ему для увеличения своей военной мощи.

Подлинные намерения Сталина, выраженные в протоколах советского Верховного Командования, также находящиеся в моём распоряжении. Сталин констатирует своё намерение вступить в войну в тот момент, когда Гитлер и западные страны истребят друг друга. Сталин был очень заинтересован переждать и позволить сначала воевать другим. Я читал его военные планы и видел, как они осуществлялись. К 1941 году сталинские десять тысяч танков увеличились до 17.999, а в следующем году их должно было быть 32.000, в десять раз больше, чем у Германии. Военно-воздушные силы также были бы 10 к 1 в пользу Сталина.

На той же самой неделе, когда Сталин подписал мирный договор с Гитлером, он приказал построить 96 аэродромов на западной советской границе, а ещё 180 планировалось на следующий год. Его стратегия была неизменной: "Чем больше будут воевать западные страны, тем слабее они станут. Чем дольше я буду ждать, тем сильнее я буду". Именно при этих невыносимых условиях началась Вторая мировая война. Война, которая была предложена советам на блюдечке с серебряной каёмочкой.

Зная о сталинских приготовлениях, Гитлер понимал, что ему придётся столкнуться с коммунизмом рано или поздно. А чтобы сражаться с коммунизмом, он должен был опираться на абсолютно преданных людей, которые будут сражаться за идеологию против другой идеологии. Гитлеровская политика всегда противопоставляла идеологии классовой войны идеологию классового сотрудничества.

Гитлер видел, что марксистская классовая война не принесла процветания русскому народу. Русские рабочие были плохо одеты, также как и сейчас, жили в плохих жилищных условиях, плохо питались. Товаров всегда не хватает, и по сей день жилищные условия в Москве столь же кошмарные, как и до войны. Гитлер полагал, что фиаско классовой войны делало классовое сотрудничество единственно справедливой альтернативой. Чтобы она работала на деле, Гитлер следил, чтобы ни один класс не злоупотреблял другим. Именно то обстоятельство, что новые классы богачей, возникшие из промышленной революции, невиданно злоупотребляли своими привилегиями, являлось причиной того, почему Национальные Социалисты были социалистами.

Национальный Социализм был народным движением в подлинном смысле этого слова. Огромное большинство национал-социалистов были рабочими. 70% членов гитлеровской молодёжи были детьми рабочих. Гитлер побеждал на выборах, потому что огромные массы рабочих непоколебимо стояли за него. Часто удивляются, почему шесть миллионов коммунистов, голосовавших против Гитлера, отвернулись от коммунизма после избрания Гитлера в 1933 году. Этому есть только одно объяснение: они собственными глазами видели и испытывали на практике блага классового сотрудничества. Некоторые говорят, что их заставили измениться; это неправда. Подобно другим преданным немцам они четыре года храбро сражались на советском фронте.

В отличие от высших классов рабочие никогда не предавали Гитлера. Гитлер сформулировал свои принципы классового сотрудничества, как ответ коммунизму, такими словами: "Классовое сотрудничество означает, что капиталисты уже никогда не смогут обращаться с рабочими как с обычным экономическим компонентом. Деньги представляют собой лишь одну часть нашей экономической жизни; рабочие - это больше, чем машины, которым бросают еженедельную зарплату. Настоящее богатство Германии - это рабочие".

Гитлер заменил золото трудом как основанием своей экономики. Национальный социализм был полной противоположностью коммунизму. За выборами Гитлера последовали невиданные прежде достижения.

Мы постоянно слышим о Гитлере и лагерях, Гитлере и евреях, но никогда не слышим о его огромной социальной деятельности. Именно эта его социальная деятельность породила лютую к Гитлеру ненависть международных банкиров и услужливой прессы. Совершенно очевидно, что такое подлинно народное движение как национальный социализм должно было столкнуться с эгоистическими интересами денежного капитала.

Гитлер дал ясно понять, что контроль над деньгами не даёт права на хищную эксплуатацию всей страны, поскольку в ней живут люди, миллионы людей, которые имеют право на достойное и безбедное существование. То, что Гитлер говорил и осуществлял на практике, завоевало ему сердца немецкой молодёжи. Именно эту социальную революцию СС чувствовал себя обязанным распространять по всей Германии, и, в случае необходимости, защищать её своими жизнями.

Война 1939 года в Западной Европе случилась вопреки всем доводам разума. Это была гражданская война между теми, кто должен был объединиться. Это была чудовищная глупость.

Молодые эсэсовцы готовились, чтобы возглавить Национальную Социалистическую революцию. Через пять-десять лет они должны были заменить выдвиненцев прежнего режима.

Но с началом войны для этих молодых людей стало невозможным оставаться дома. Как и другие их молодые соотечественники, они должны были защищать свою страну, и защищать её лучше, чем это делают другие.

Война превратила СС из внутренней политической силы в национальную армию, а затем в сверхнациональную армию.

Мы сейчас в начале войны в Польше с её далеко идущими последствиями. Можно ли было избежать этой войны? Безусловно, да! Даже после того, как война пришла в Польшу.

Данцигский конфликт не имел существенного значения. Версальский договор отделил немецкий город Данциг от остальной Германии и отдал его Польше, вопреки желанию его граждан.

Эта акция была настолько возмутительной, что была осуждена всем миром. Значительная часть Германии была рассечена посередине. Чтобы проехать из Западной Пруссии в Восточную Пруссию, надо было пересечь польскую территорию в опечатанном вагоне поезда. Жители Данцига на 99% голосовали за возврат их города Германии. Их право на самоопределение неизменно игнорировалось. Однако война в Польше началась по другим причинам, нежели самоопределение Данцига или даже самоопределение Польши.

Всего за несколько месяцев до этого Польша напала на Чехословакию, в то же самое время, когда Гитлер вернул Судеты Германии. Поляки были готовы сотрудничать с Гитлером. Если Польша повернулась против Германии, то это поэтому, что британское правительство делало всё, что в его силах, чтобы отравить немецко-польские отношения. Почему?

В значительной степени это объясняется давним комплексом неполноценности британских правителей, который они испытывали по отношению к Европе. Этот комплекс проявлялся в навязчивом желании британского истеблишмента держать Европу слабой посредством войн и раздоров.

В то время Британская Империя контролировала 500 миллионов человек за пределами Европы, и, однако же, основное внимание уделяла своему традиционному хобби: сеянию раздоров в Европе. Эта стратегия никогда не позволять возникнуть сильной европейской стране была образом действий британского истеблишмента в течение столетий.

Были ли это Чарльз Пятый в Испании, Луи XIV или Наполеон во Франции, или Вильгельм Второй в Германии, британские правящие круги всегда относились нетерпимо к любой объединяющей силе в Европе. Германия никогда не хотела вмешиваться в британские дела. Однако британские правящие круги стремились вмешиваться в европейские дела, особенно в Центральной Европе и на Балканах.

Вступление Гитлера в Прагу вызвало лихорадочную военную деятельность англичан. Прага и Богемия являлись частью Германии в течение столетий, и всегда находились в сфере влияния Германии. Английское вмешательство в этот регион мира было абсолютно неоправданным.

Для Германии режим в Праге представлял серьёзную угрозу. Бенеш, чешский сатрап и холоп Сталина, получил приказание от своих кремлёвских хозяев открыть свои границы в нужный момент для коммунистических армий. Прага должна была стать советским трамплином в Германию.

Для Гитлера Прага была сторожевой башней Центральной Европы и передовым постом для задержания советской интервенции. Прага также имела исторические экономические связи с Германией. У Германии всегда были экономические связи с Центральной Европой. Румыния, Болгария, Венгрия и Югославия издавна имели взаимно дополняющие с Германией хозяйства, которые продолжают функционировать по сей день.

Европейская экономическая политика Гитлера основывалась на здравом смысле и реализме. Именно нарождающийся центрально-европейский Общий Рынок Гитлера, а вовсе не забота о чешской свободе, приводил в бешенство правящие круги Британии. Однако английский народ испытывал к Гитлеру чувство восхищения. Я помню, как Ллойд Джордж обратился к немецкой прессе вне дома Гитлера, куда он был приглашён в качестве гостя. Он сказал: "Вы должны быть благодарны Богу, что такой замечательный человек является вашим руководителем!". И это сказал Ллойд Джордж, враг Германии во время Первой Мировой Войны!

Английский король Эдуард Восьмой, который незадолго перед тем отрёкся и был теперь герцогом Виндзорским, также приехал, чтобы встретиться с Гитлером в его доме в Берхтесгадене, в сопровождении своей супруги, которая, кстати, использовалась, чтобы принудить его к отречению. Когда они вернулись домой, герцог послал Гитлеру телеграмму. В ней говорилось: "Какой прекрасный день мы провели с Вашим Превосходительством. Это незабываемо!". Герцог отражал то, что знали многие англичане, далее отметив: "Как хорошо обеспечены были немецкие рабочие". Герцог говорил правду. Немецкий рабочий зарабатывал в два раза больше, без инфляции, чем он зарабатывал до Гитлера, и, соответственно, его уровень жизни был высок.

Даже Черчилль, самый фанатичный ненавистник немцев, за год до войны направил Гитлеру письмо в 1938 году, в котором писал: "Если когда-нибудь Великобритания ввергнется в катастрофу, сравнимой с той, что поразила Германию в 1918 году, то я буду просить Бога, чтобы он ниспослал нам человека с силой воли и характером Вашего Превосходительства". Об этом необычном заявлении сообщила "Лондон таймс".

Друзья и враги, все признают, что Гитлер был человеком исключительной гениальности. Его достижения вызывали зависть у всего мира. Всего за пять лет он перестроил обанкротившуюся страну с грузом миллионов безработных в мощнейшую экономическую державу в Европе. Эта экономическая мощь была столь значительна, что небольшая страна, которой была Германия, смогла в течение шести лет противостоять в войне против всего мира.

Черчилль признавал, что никто в мире не был способен на такой подвиг. Незадолго перед войной он констатировал: "Нет никаких сомнений, что мы можем выработать мирное соглашение с Гитлером". Но Черчилль получил другие инструкции. Правящие круги, боящиеся, что успехи Гитлера в Германии могут распространиться и на другие страны, были полны решимости уничтожить его. Они бередили старые обиды и сеяли ненависть к Германии по всей Европе. Они также эксплуатировали зависть, которую некоторые европейцы испытывали к Германии.

Высокий уровень рождаемости сделал Германию самой густонаселённой страной Западной Европы. В науке и технике Германия была впереди Франции и Британии. Гитлер перестроил Германию в могучий экономический локомотив. В этом состояло преступление Гитлера, и британские правящие круги решили уничтожить Гитлера и Германию любыми средствами.

Англичане манипулировали польским правительством, натравливая его на Германию. Сами поляки ничего большего не желали, как жить в мире с немцами. Вместо этого,

англичане подвели и ввергли в войну несчастных поляков. Не следует забывать, что в то время в Польше жило полтора миллиона немцев, что приносило весомую пользу польской экономике. Помимо экономических связей с Германией, поляки усматривали возможность с помощью Германии вернуть свои польские территории у Советского Союза, которые они безуспешно пытались вернуть с 1919 года.

В январе 1939 года Гитлер предложил Беку, польскому руководителю, компромиссное решение данцигского вопроса: решение жителей Данцига вернуть город Германии будет уважаться, а Польша будет по-прежнему иметь свободный, гарантированный договором, доступ к порту и его сооружениям.

Превалирующая в то время точка зрения, что каждая страна должна иметь морской порт, не имеет смысла. Швейцария, Венгрия и другие страны без морских портов вполне неплохо без них обходятся. Гитлеровские предложения основывались на принципах самоопределения и взаимности. Даже Черчилль признавал, что такое решение может решить проблему Данцига. Это признание, однако, не помешало ему направить ультиматум Германии: вывод войск из Польши или война. Мир недавно видел, что случилось, когда Израиль оккупировал Ливан. Такие густонаселённые города как Тир и Сидон, а также Западный Бейрут, были разрушены. Все призывали к выводу израильских войск, но никто не объявил войну Израилю, когда он проигнорировал эти требования.

Проявив немного терпения, можно было бы найти мирное решение для Данцига. Вместо этого, международная пресса развязала массивную кампанию откровенной лжи и нападок на Гитлера. В прессе его предложения умышленно искажались и представлялись в неверном свете.

Когда говорят о преступлениях Второй Мировой Войны, то почему-то никогда не говорят о массовых убийствах, происшедших в Польше непосредственно перед войной. В моём досье есть подробные отчёты, документирующие массовую бойню беззащитных немцев в Польше.

Тысячи немецких мужчин, женщин и детей были зверски убиты толпами поляков, натравленных на них прессой. Невозможно смотреть без содрогания на фотографии этих чудовищных убийств. Гитлер решил остановить эту бойню и ринулся на помощь.

Польская кампания показала Гитлера как военного гения. История уже начала признавать наиболее выдающуюся характеристику Гитлера: его редкий военный гений. Все успешные военные операции Третьего Рейха были разработаны и осуществлены лично Гитлером, а не Генеральным штабом. Под влиянием духа Гитлера находился ряд генералов, которые в последующих кампаниях стали его наиболее способными исполнителями.

В польской кампании Генеральный штаб планировал наступление вдоль балтийского побережья, чтобы взять Данциг - план, обречённый на неудачу с точки зрения материально-технического обеспечения. Вместо этого, Гитлер изобрёл блицкриг, или молниеносную войну, и в кратчайшие сроки захватил Варшаву. На польском фронте появился Ваффен СС, чьи действия изумили мир.

Вторая кампания во Франции также была быстрой и гуманной. Англо-французские войска кинулись в Голландию и Бельгию, чтобы предупредить немецкое наступление, но были перехитрены и обойдены с фланга под Седаном. В течение нескольких дней всё было кончено. Согласно распространённой версии, Гитлер ничего не имел общего с этой операцией; что это была работа генерала фон Манштейна. Это абсолютная неправда. Эта идея действительно пришла в голову маршалу фон Манштейну, но когда он доложил своё предложение Генеральному штабу, то получил выговор, понижен в должности и отправлен в отставку в Дрезден. Генеральный штаб не довёл данный инцидент до сведения Гитлера. Независимо Гитлер провёл операцию, основанную на тех же идеях, и обратил в бегство англо-французские войска. Лишь в марте 1940 года фон Манштейн вошёл в контакт с Гитлером.

Гитлер также планировал балканскую и русскую кампании. В тех редких случаях, когда Гитлер позволял Генеральному штабу действовать самостоятельно, например, под Курском, сражение проигрывалось.

В польской кампании 1939 года Гитлер полагался не на военные учебники, написанные пятьдесят лет назад, на чём настаивал Генеральный штаб, а на собственный план захвата в клещи и быстрого окружения. За восемь дней польская война была выиграна и завершена, несмотря на то, что Польша по размеру равна Франции.

Три полка СС участвовали в боевых действиях в этой восьмидневной кампании: "Лейбштандарте", "Дойчланд" и "Германия". Имелись также мотоциклетный батальон СС, инженерная часть и часть радиосвязи. В целом это была укомплектованная, но небольшая по численности сила в 25.000 человек.

Зепп Дитрих и его "Лейбштандарте", выступив из Силезии, одни расчленили Польшу пополам за несколько дней. С менее чем 3.000 человек, он разбил польские войска численностью 15.000 человек и взял в плен 10.000 человек. Такие победы не достигались без потерь.

Трудно себе представить, что из общей численности один миллион СС, 352.000 было убито в боевых действиях, 50.000 пропало без вести. Это мрачная цифра. Четыреста тысяч лучших молодых людей Европы. Без колебаний они пожертвовали собой за свои убеждения. Они были впереди всех на передовой линии фронта, защищая свою страну и свои идеалы.

В победах и поражениях Ваффен СС всегда стремился быть олицетворением лучших представителей своего народа.

СС был демократическим выражением власти: люди, собравшиеся вместе по своей собственной воле.

Согласие избирательных бюллетеней - это ещё не все; есть ещё согласие человеческих сердец и помыслов. В боях Ваффен СС проводил всенародный референдум: будет ли немецкий народ гордиться ими, удостоит ли их своей любовью и уважением. Такая возвышенная мотивация делала добровольцев Ваффен СС лучшими бойцами в мире.

СС доказал это в боевых действиях. Они не были пустопорожними политиками, они были первыми, кто поднимался в атаку, являя образцы подлинного товарищества. Этот дух товарищества был одной из самых отличительных черт СС: командир СС был товарищем всех эсэсовцев.

Особенно заметны были результаты физической подготовки СС на передовой линии. Эсэсовский офицер проходил такую же напряжённую подготовку, как и солдаты. Все офицеры и рядовые состязались в одних и тех же спортивных соревнованиях, и побеждал только лучший, независимо от звания. Это создало настоящее братство, которое буквально заряжало энергией весь Ваффен СС. Только совместная деятельность свободных людей, объединённых высоким идеалом, могла объединить Европу. Взгляните на сегодняшний Общий Рынок. Это фиаско. Там отсутствует объединяющий идеал. В основе всего лежит купля-продажа и споры о ценах на помидоры, сталь, уголь или пиво. Плодотворные союзы основываются на нечто более высоком, чем это.

Отношения равноправия и взаимного уважения между солдатами и офицерами присутствовало всегда. Половина всех дивизионных командиров была убита в боях. Половина! Такого не было ни в одной армии мира. Эсэсовский офицер всегда возглавлял свои войска в бою. Я участвовал в семидесяти пяти рукопашных боях, потому что как эсэсовский офицер, я должен был первым встречать врага. Солдат СС не слали на бойню находящиеся в задних рядах офицеры, солдаты шли за своими офицерами с самоотверженной преданностью. Каждый эсэсовский командир знал и обучал своих солдат, и часто получал неожиданные ответы.

После прорыва Черкасского окружения, я разговаривал с каждым из моих солдат один на один, а их были тысячи. В течение двух недель каждый день от рассвета до заката я задавал им вопросы и выслушивал их ответы. Порой случается, что те из солдат, которые

склонны немного прихвастнуть, получают медали, в то время как другие - герои - молчат, и их не получают. Я беседовал со всеми из них, потому что я хотел знать из первых рук, что произошло, и что они сделали. Чтобы быть справедливым, я должен был знать правду.

Именно в то время двое из моих солдат неожиданно вынули свои удостоверения личности Бельгийского Движения Сопротивления. Их послали убить меня. На передовой очень просто застрелить кого-нибудь в спину. Но необычайный товарищеский дух СС покорила их. Эсэсовские офицеры могли ожидать преданности от своих солдат, подавая личный пример.

Средняя продолжительность жизни эсэсовского офицера на фронте была три месяца. В Эстонии я получил десять новых молодых офицеров из академии в Бад Тольце в понедельник; к четвергу в живых остался один, и тот был ранен.

В обычных армиях офицеры разговаривают с солдатами как начальники с подчинёнными, и редко, как братья по оружию и братья по идеологии.

Таким образом, к 1939 году Ваффен СС завоевал всеобщее восхищение и уважение. Это дало возможность Гитлеру потребовать увеличения их численности. Вместо полков, теперь будет три дивизии.

И снова армейское руководство выставило драконовские условия набора: срок службы в СС должен был составлять не менее четырёх лет боевых действий. Военные чины полагали, что никто не будет брать на себя такой риск. И снова они просчитались. В одном только феврале 1940 года в СС вступило 49.000 человек. От 25.000 в сентябре 1939 года, их число выросло до 150.000 в мае 1940 года.

Итак, от 180 человек до 8.000, до 25.000, до 150.000, и, наконец, до миллионной армии, вопреки всем препонам.

Гитлер не имел никакого интереса к войне с Францией, войне ему навязанной.

150.000 эсэсовцев должны были служить под армейским командованием, и им давали самые опасные и трудные задания. Несмотря на то, что им предоставили устаревшее стрелковое оружие и технику. У них не было танков. В 1940 году в распоряжение "Лейбштандарте" было предоставлено всего несколько лёгких разведывательных танков. СС предоставили колёса, и это всё. Но на грузовиках, мотоциклах, и обладая ограниченными средствами, они совершали подвиги.

Полки "Лейбштандарте" и "Дер Фюрер" были посланы в Голландию под командованием Зеппа Дитриха. Им предстояло пересечь голландские водные пути. Для захвата и удержания мостов Люфтваффе сбросило парашютистов на 120 миль в глубь голландской территории, и для СС было абсолютно необходимо достичь этих мостов на максимальной скорости.

"Лейбштандарте" совершил этот беспримерный подвиг: прошёл 120 миль за один день. В то время это было неслыханно, и мир был потрясен. С такой скоростью немецкие войска достигнут Испании за неделю. За один день эсэсовцы на лёгких резиновых плотках пересекли все голландские каналы. Здесь опять эсэсовцы понесли тяжёлые потери. Но благодаря их героизму и скорости немецкая армия достигла Роттердама за три дня. Все парашютисты рисковали быть уничтоженными, если бы СС не осуществил свой молниеносный бросок.

В Бельгии эсэсовский полк "Дер Фюрер" встретился лицом к лицу с французской армией, которая, угодив в седанскую ловушку, бросилась в направлении Бреда, Голландия. Там впервые можно были увидеть, как небольшая, вооружённая идеей армия разгромила большую армию целой страны. Потребовался один полк СС и несколько немецких воинских частей, чтобы обратить в бегство всю французскую армию от Бреда в направлении Антверпена, Бельгия, и Северной Франции.

Полки "Лейбштандарте" и "Дер Фюрер" совместно наступали на крупные Зеландские острова, между реками Эскаут и Рейн. Через несколько дней они были взяты под контроль.

"Лейбштандарте" быстро пересёк Бельгию и Северную Францию. Вторая главнейшая битва эсэсовских полков происходит совместно с армейским танковым дивизионом. СС со своими танками находятся под командованием генерала Роммеля и генерала Гудериана. Они на острие удара в направлении Северного моря.

Зепп Дитрих и его войска теперь пересекли французские каналы, но были настигнуты врагом на топкой местности и едва сумели избежать истребления. Но, несмотря на потери многих солдат, офицеров и одного батальонного командира, всех убитых в боях, немцы достигают Дюнкерка. Гитлер гордится ими.

На следующей неделе Гитлер размещает их вдоль реки Сомм, через которую они будут наступать на Францию. И там снова СС доказывает, что он является лучшей военной силой в мире. Зепп Дитрих и 2-я дивизия СС "Тотенкопф" продвигаются так далеко и так быстро, что они даже теряют связь на три дня с остальной армией. Они достигли Лиона, Франция, города, который они должны были покинуть после подписания мирного франко-немецкого договора. Зепп Дитрих и небольшая группа эсэсовцев на грузовиках совершили невозможное.

Дивизия СС "Дер Фюрер" прорвала Линию Мажино. До этого все считали, что эта линия неприступна. Война во Франции была окончена. Гитлер приказал трём дивизиям СС пройти торжественным маршем через Париж. Берлин также оказал почести героям. Но армия была настолько заражена ревностью, что не представила к награде за доблесть и храбрость ни одного эсэсовца. И только лично Гитлер перед немецким парламентом торжественно отдал дань уважения героизму СС. Как раз в связи с этим обстоятельством Гитлер официально ввёл в обращение название Ваффен СС.

Но это было больше, чем просто смена названия. Ваффен СС стал германским, так как добровольцев принимали из всех германских стран. СС сам обнаружил, что народы Западной Европы тесно связаны с ним: норвежцы, датчане, голландцы, фламандцы - все принадлежали к одной и той же германской семье. На эти германские народы большое впечатление произвёл СС, и на французов, между прочим, тоже.

Народы Западной Европы были восхищены этим совершенно необычным немецким войском, стиль и образ действий которого был столь отличен от других: если два эсэсовских разведчика на мотоциклах достигали города раньше других, то перед тем, как представиться городским властям, они, прежде всего, чистили и приводили в безукоризненный порядок свой внешний вид. На людей это производило очень большое впечатление.

Восхищение, которое молодые европейцы германской ветви народов испытывали к СС, было совершенно естественным. Тысячи молодых людей из Норвегии, Дании, Фландрии и Голландии благоговели от удивления и восхищения. Они ощущали непреодолимую тягу к СС. Не Европа, а их собственная германская раса мощно говорила в их душах. Они олицетворяли себя с победоносными немцами. Для них Гитлер был самым великим человеком. Гитлер понимал их и нашёл замечательную идею открыть для них двери СС. Это было довольно рискованно. Никто об этом не думал прежде. До Гитлера, немецкий империализм заключался лишь в продаже товаров другим странам, совершенно отсутствовала сама мысль создать идеологию, называемую "сообществом" - общего со своими соседями идеала.

Неожиданно, вместо наживы и торгашества, появился человек, предложивший великий идеал: подлинная социальная справедливость, которую они тщетно жаждали все эти годы. Широкий Новый Порядок вместо бесформенного космополитизма так называемых "демократий" довоенного периода. Призыв Гитлера получил широчайший отклик. Были сформированы легионы из добровольцев Норвегии, Дании, Голландии и Фландрии. Теперь уже тысячи молодых людей носили форму СС. Специально для них Гитлер создал знаменитую дивизию "Викинг" (Viking), которой предстояло стать одной из самых сокрушительных дивизий Ваффен СС.

Армия по-прежнему делала всё возможное, чтобы воспрепятствовать набору в СС в Германии. Учитывая этот обструкционизм дома, было вполне нормальным и понятным, что СС приветствовал добровольцев, проживавших за пределами Германии. Немцы, живущие за границей, являлись богатым источником добровольцев. Есть миллионы немцев в Америке, миллионы немцев во всех частях Европы - в Венгрии, Румынии, России. Была даже Советская республика поволжских немцев. Все они были потомками немцев, эмигрировавших более двухсот лет назад. Другие европейцы, подобно французским гугенотам, переселившимся в Пруссию, также разделяли с немцами этот тип эмиграции. Таким образом, Европа была усеяна германскими поселениями. Победы Третьего Рейха преисполнили их гордости за принадлежность к германской семье народов. Гитлер всех приветствовал. Он рассматривал их, во-первых, как источник элитных эсэсовцев, а также как важный фактор, идеологически объединяющий всех немцев.

Ответом было удивительное воодушевление. К СС присоединилось 300.000 добровольцев немецкого происхождения со всей Европы. 54.000 из одной только Румынии. Для обстановки той эпохи эти цифры примечательны. Предстояло преодолеть многочисленные проблемы. Например, большинство германских добровольцев уже не говорило по-немецки. Их семьи поселились в чужих землях 200 лет назад. В Испании, например, я вижу, как дети моих легионеров ассимилируются с испанцами - и их внуки уже не говорят по-французски. Немцы следуют тому же образцу. Когда первоначально германские добровольцы прибывали в СС, они говорили на многих языках, имели различные образы жизни и потребности.

Как найти офицеров, говорящих на всех этих языках? Как координировать такое разнообразное собрание? Успешное решение всех этих проблем было чудом ассимиляционной программы Ваффен СС. Возвращение отделившихся "племён" рассматривалось в Ваффен СС как фундамент реального европейского единства. СС приветствовал 300.000 германских добровольцев как братьев, и они отвечали взаимностью, являясь такими же верными, надёжными и героическими, как и немецкие эсэсовцы.

В течение года всё изменилось для Ваффен СС. Казармы были полны, академии были полны. Самые строгие требования и правила приёма одинаково применялись к германским волонтерам. Они должны были быть лучшими во всех отношениях, как умственном, так и физическом. Одни должны были быть лучшей частью германской расы.

Германский расиализм был умышленно искажён. Он никогда не был расиализмом против "другой расы". Это был прогерманский расиализм. Он стремился сделать германскую расу сильной и здоровой во всех отношениях. Гитлер не был заинтересован иметь миллионы дегенератов, если в его силах было не иметь их. Сегодня можно найти безудержный алкоголизм и наркоманию повсюду. Гитлер заботился, чтобы немецкие семьи были здоровыми, заботился, чтобы они воспитывали здоровых детей для возобновления здоровой нации. Германский расиализм означал новое открытие творческих ценностей их собственной расы, новое открытие их культуры. Это было стремление к совершенству, благородная идея. Национал-социалистический расиализм не был против других рас, он был за свою собственную расу. Он был направлен на защиту и усовершенствование своей расы, и желал, чтобы все другие расы делали то же самое для себя.

Это было продемонстрировано, когда увеличившийся Ваффен СС включил в свои ряды 60.000 исламских СС. Ваффен СС уважал их образ жизни, их обычаи и их религиозные верования. У каждого исламского батальона СС был имам, у каждой роты - мулла. Нашим общим желанием было, чтобы их качества нашли своё наивысшее выражение. Это был наш расиализм. Я присутствовал в то время, когда каждый из моих исламских товарищей получил личный подарок от Гитлера на новый год. Это была подвеска с томиком Корана. Гитлер показывал им своё уважение этим небольшим

символическим подарком. Он показывал им своё уважение к тому, что для них было самой важной стороной их жизни и их истории. Национал-социалистический расизм был верен германской расе и уважал другие расы. Здесь можно услышать: "Как насчёт антиеврейского расизма"? На это можно ответить: "А как насчёт еврейского расизма"?

Несчастьем еврейской расы является то, что она никогда не могла ужиться ни с какой другой расой. Это необычный исторический факт и явление. Когда изучаешь историю - и я говорю это совершенно бесстрастно - еврейского народа, его эволюцию на протяжении столетий, то замечаешь, что везде и во все времена евреев ненавидели. Их ненавидели в древнем Египте, их ненавидели в древней Греции, их ненавидели во времена Рима до такой степени, что 3.000 евреев депортировали на Сардинию. Это была первая еврейская депортация. Их ненавидели в Испании, Франции, Англии (им запрещали въезжать в Англию в течение столетий) и Германии. Добросовестный еврейский автор Лазарь написал очень интересную книгу про антисемитизм, в которой он спрашивал себя: "Мы, евреи, должны спросить себя, почему везде и всегда нас ненавидят? Дело здесь не в наших гонителях, очень разных в различные времена и в различных местах. Дело здесь в том, что в нас самих есть что-то очень неприятное". Это неприятное то, что евреи всегда и везде хотели жить в качестве привилегированного, избранного класса и быть вне критики. За это их везде не любили. Еврейская раса, следовательно, является уникальным случаем. У Гитлера не было намерения уничтожить его. Он хотел, чтобы евреи обрели свою идентичность в свойственных им окружающих условиях, но без ущерба для других. Борьба - если это можно так назвать - национал-социализма против евреев была полностью ограничена одной целью: чтобы евреи оставили Германию в покое. Планировалось дать им их собственную страну. Рассматривался Мадагаскар, но эти планы пришлось оставить, когда Соединённые Штаты вступили в войну. Тогда временно Гитлер решил позволить жить евреям в их собственных традиционных гетто. У них были свои собственные организации, они сами управляли своими делами и жили так, как им хотелось. У них была собственная полиция, собственные трамвайные пути, сообщение, собственный флаг, собственные фабрики, построенные для них, между прочим, немецким правительством. Все расы приветствовались в Германии в качестве гостей, но не в качестве привилегированных жителей.

За один год Ваффен СС собрал под свои знамена большое число германцев из стран Северной Европы и сотни тысяч немцев за пределами Германии, Фольксдойче, или германский СС. Именно тогда конфликт между коммунизмом и национал-социализмом прорвался наружу. Этот конфликт существовал всегда. В "Моей борьбе" Гитлер ясно формулирует свою цель: "уничтожить мировую угрозу коммунизма", и, кстати, требует часть земель в Восточной Европе! Эта экспансия в восточном направлении породила много возмущения: как немцы могли претендовать на земли в России! На это можно ответить: а как американцы могли претендовать на земли индейцев от Атлантики до Тихого океана? Как Франция могла требовать Южную Фландрию и Руссильон у Испании? А что можно сказать об Англии и многих других странах, которые претендовали, завоёвывали и селились на других территориях. Почему-то в разное время для всех этих стран было нормальным осваивать и селиться в чужих землях, но только не для Германии. Лично я всегда решительно защищал русских, и мне, наконец, удалось убедить Гитлера, что немцы должны жить с русскими как партнёры, а не как завоеватели. Для достижения такого партнёрства надо было, прежде всего, уничтожить коммунизм. Во время советско-немецкого пакта Гитлер пытался выиграть время, но Советы наращивали свою агрессию от Эстонии до Буковины. Я зачитаю выдержки из советских документов. Они очень откровенны. Вот высказывание маршала Ворошилова:

"У нас теперь есть время подготовиться к тому, чтобы стать могильщиком агонизирующего капиталистического мира. Мы, однако, должны проявлять осторожность. Немцы не должны подозревать, что мы готовим им удар в спину, пока они воюют с французами. В противном случае, они могут изменить свои планы и атаковать нас".

В том же документе маршал Шапошников писал: "Сосуществование между гитлеровской Германией и Советским Союзом является временным. Мы позаботимся, чтобы оно не затянулось". Маршал Тимошенко, со своей стороны, не хотел проявлять поспешности: "Не будем забывать, что боеприпасы и военная техника с сибирских заводов поступят лишь к осени". Это было написано в начале 1941 года, а техника должна была поступить к осени. Доклад комиссариата оборонной промышленности констатировал: "Полное производство может быть развёрнуто лишь в 1942 году". Маршал Жуков сделал следующее необычайное признание: "Гитлер торопится напасть на нас; у него для этого есть веские основания".

Действительно, у Гитлера были веские основания атаковать Советский Союз, потому что он осознал, что в противном случае он будет уничтожен. Жуков добавил: "Нам требуется несколько месяцев, чтобы исправить недостатки до конца 1941 года. Нам требуется 18 месяцев, чтобы завершить модернизацию наших сил".

Приказы совершенно чёткие. На четвёртой сессии Верховного Совета в 1939 году был принят закон, по которому офицеры в армии должны будут служить три года, солдаты - четыре года, а личный состав ВМФ - пять лет. Все эти решения были приняты менее чем через месяц после подписания советами мирного договора с Германией.

Таким образом, советы, заявляя о приверженности к миру, лихорадочно готовились к войне. Между 1939 и 1940 гг. было построено свыше 2.500 новых железобетонных укреплений. Было приведено к боевой готовности 160 дивизий. 60 танковых дивизий находились в полной боевой готовности. У немцев было только 10 танковых дивизий. В 1941 году у Советов было 17.000 танков, а к 1942 году их было 32.000. У них было 92.578 стволов артиллерии. А их 17.545 боевых самолётов в 1940 году превосходили немецкие военно-воздушные силы.

Легко понять, что перед лицом таких военных приготовлений, Гитлеру оставался лишь один выбор: немедленно атаковать Советский Союз или ожидать полного уничтожения.

Русская кампания Гитлера была кампанией "последней возможности". Гитлер шёл в Россию без всякого оптимизма. Позднее он говорил мне: "Когда я вошёл в Россию, я был подобен человеку, стоящему перед закрытой дверью. Я знал, что мне предстоит выбить её, не зная, что меня ожидает позади неё". Гитлер был прав. Он знал, что Советы сильны. Но он также знал, что они будут намного сильнее. 1941 год был единственным временем, когда у Гитлера была некоторая передышка. Англичанам пока ещё не удалось расширить войну. Гитлер никогда не желал войны с Англией и по-прежнему надеялся заключить мир. Он пригласил меня провести неделю у него в доме. Он хотел обсудить создавшееся положение и выслушать мои соображения. Он говорил очень просто и ясно. Атмосфера была расслабленной и неформальной. Мы чувствовали себя как дома, потому что ему нравилось быть гостеприимным. Он непринуждённо намазывал маслом гренки и передавал их, и хотя он не пил, каждый раз после обеда он доставал бутылку шампанского, потому что он знал, что я люблю выпить бокал в конце обеда. Всё было без суеты и с настоящим дружелюбием. Одной из особенностей его гения было то, что он был человеком простых манер без малейшего намёка на притворство, и очень скромным. Мы говорили об Англии. Я прямо спросил его: "Почему Вы не прикончили англичан под Дюнкерком? Все знали, что Вы могли их уничтожить". Он ответил: "Да, я остановил мои войска, чтобы дать возможность англичанам убраться назад в Англию. Унижение от поражения затруднило бы впоследствии поиски мира с ними".

Тогда же Гитлер сказал мне, что он не хотел разубеждать Советы в их вере, что он собирается нападать на Англию. Он упомянул, что он даже раздал среди своих войск в Польше небольшие англо-немецкие словари. Тамошние советские шпионы сообщили Кремлю, что присутствие Германии в Польше - блеф, и что они собираются отправиться на Британские острова.

22 июня 1941 года Германия атаковала Советский Союз, а не Англию. Первоначальные победы были быстрыми, но доставались дорого. Я прошёл через эту

эпическую борьбу на русском фронте. Это была трагическая эпопея; это было также мученичество. Бесконечные тысячи миль русских степей ошеломляли. Нам пришлось добираться до Кавказа пешим ходом, всегда в экстремальных условиях. Летом - зачастую по колено в грязи, зимой - при температурах намного ниже нуля. Однако, если бы не роковые несколько дней, Гитлер выиграл бы войну в России в 1941 году. До битвы под Москвой Гитлер сумел разгромить Советскую Армию и взять большое количество военнопленных. Танковая дивизия генерала Гудериана, одна окружившая под Киевом свыше миллиона советских войск, достигла трамвайных линий на окраинах Москвы. И именно тогда неожиданно ударили небывало сильные морозы: 40, 42, 50 градусов ниже нуля по Цельсию! Это означало, что на месте замерзали не только люди, но и техника. Ни один танк не мог сдвинуться с места. Вчерашняя грязь замёрзла, превратившись в твёрдые глыбы льда высотой полметра, покрывшие гусеницы танков.

За 24 часа все наши тактические возможности изменились на противоположные. И именно в это время крупные силы сибирских войск, прибывших с русского Дальнего Востока, были брошены против немцев. Этими несколькими роковыми ледяными днями, превратившими победу в поражение, Гитлер был обязан итальянской кампании в Греции осенью 1940 года.

Муссолини завидовал успехам Гитлера. Это была глубокая и молчаливая ревность. Я был другом Муссолини, я хорошо его знал. Это был замечательный человек, но Европа его заботила мало. Ему не нравилось оставаться наблюдателем, смотрящим как Гитлер повсюду одерживает победы. Он ощущал необходимость сделать что-нибудь самому и быстро. Под влиянием этого импульса он начал бессмысленное наступление против Греции.

Его войска были сразу же разбиты. Однако это дало англичанам предлог оккупировать Грецию, которая до сих пор стояла в стороне от войны. Из Греции англичане могли бомбить румынские нефтяные промыслы, имевшие жизненно важное значение для обороноспособности Германии. Греция могла также использоваться, чтобы отрезать немецкие войска, двигавшиеся в Россию. Гитлер был вынужден вмешаться и решительным ударом упредить эту угрозу. Ему пришлось потратить на Балканах пять недель. Его победы были невероятным достижением военного искусства, но они задержали начало русской кампании на пять критических недель.

Если бы Гитлеру удалось начать кампанию вовремя, как планировалось, то он вошёл бы в Москву на пять недель раньше, в солнечную пору ранней осени, когда земля была всё ещё сухая. Война была бы окончена, а Советский Союз стал бы достоянием прошлого. Сочетание неожиданных морозов и прибытие свежих войск из Сибири посеяло панику среди некоторых старых армейских генералов. Они хотели отступить на 200 миль от Москвы. Трудно вообразить подобную бессмысленную стратегию. Морозы поразили всю Россию, с востока на запад, и отступление на 200 миль по открытой степи только бы ухудшило положение. В это время я командовал моими войсками на Украине, и там были морозы 42 градуса ниже нуля по Цельсию.

Такое отступление означало, что надо было бросить всю тяжёлую артиллерию и танки, замерзшие во льду. Это также означало подвергнуть полмиллиона солдат сильному огню советских снайперов. Фактически, это означало обречь их на верную смерть. Стоит лишь вспомнить отступление Наполеона в октябре. Он достиг реки Березины в ноябре, а к 6 декабря все французские войска покинули Россию. Было достаточно холодно, но это была не зимняя кампания.

Только представьте себе в 1941 году полмиллиона немцев, окружённых завывающей пургой, отрезанных от путей снабжения, атакуемых со всех сторон тысячами казаков. Мне приходилось отражать атаки казаков, и я знаю, что только сильнейшая огневая мощь может остановить их. Чтобы не допустить этого безумного отступления, Гитлеру пришлось за несколько дней отправить в отставку более 30 генералов.

Именно тогда он обратился к Ваффен СС, чтобы заполнить брешь и поднять дух. И СС сдержал московский фронт. На протяжении всей войны Ваффен СС никогда не отступал. Эсэсовцы предпочитали лучше умереть, чем отступить. Нельзя забыть такие цифры. Во время зимы 1941 года Ваффен СС потерял под Москвой 43.000 человек. Полк "Дер фюрер" сражался буквально чуть ли не до последнего человека. Из всего полка в живых осталось только 35 человек. Солдаты "Дер фюрер" стояли насмерть и не пропустили советские войска. Тем пришлось обходить их по снегу. Именно так дивизия СС "Тотенкопф" захватила в плен знаменитого русского генерала Власова. Без их героизма Германия была бы уничтожена к декабрю 1941 года.

Гитлер никогда этого не забыл: он оценил силу воли, которую Ваффен СС проявил под Москвой. Они показали несгибаемый характер и отвагу. То, что Гитлер ценил превыше всего: отвагу. Для него было недостаточно иметь умных и толковых партнёров. Часто эти люди рассыпаются на части, как это случилось с генералом Паулюсом в следующую зиму в Сталинградской битве. Гитлер знал, что только энергия и отвага, отказ сдаваться, воля стоять несмотря ни на что, смогут выиграть войну.

Бураны русских степей показали, что иметь лучшую армию в мире, немецкую армию, с тысячами высоко подготовленных офицеров и миллионами дисциплинированных солдат, ещё не достаточно. Гитлер понял, что немецкая армия будет бита, что необходимо было что-то другое, и что только непоколебимая вера в высокий идеал могла переломить ситуацию. У Ваффен СС был этот идеал, и Гитлер отныне использовал их на полную мощь.

Со всех частей Европы добровольцы спешили на помощь своим немецким братьям. Именно тогда родился третий великий Ваффен СС. Первый был немецкий, второй - германский, и теперь был европейский Ваффен СС. Тогда вызвались спасти Западную культуру и цивилизацию 125 000 человек. Вступавшие добровольцы полностью сознавали, что СС нёс самые высокие потери. Свыше 250.000 из одного миллиона погибли в боях. Несмотря на постоянное присутствие смерти, Ваффен СС был для них рождением Европы. Наполеон сказал на о. Св. Елены: "Европы не будет, пока не появится вождь".

Молодые европейцы заметили две вещи: первое, что Гитлер был единственным вождём, способным построить Европу, и второе, что Гитлер и только Гитлер мог уничтожить мировую угрозу коммунизма.

Для европейского СС Европа мелкой ревности, шовинизма, приграничных конфликтов, экономического соперничества не представляла интереса. Это было слишком мелким и унижительным; для европейского СС та Европа уже утратила своё значение. В то же время, они, несмотря на своё восхищение Гитлером и немецким народом, не хотели становиться немцами. Они были сыновьями своих народов, и для них Европа была местом сбора европейских народов. Европейское единство должно было достигаться через гармонию, а не через доминирование одного над другими.

Я подробно обсуждал эти вопросы и с Гитлером, и с Гиммлером. Гитлер, подобно всем гениальным людям, перерос национальные рамки. Наполеон сначала был корсиканцем, затем французом, затем европейцем, а затем вселенским человеком. Аналогично Гитлер был австрийцем, затем немцем, затем великим немцем, затем германцем, затем он увидел и объял значение строительства Европы.

После разгрома коммунизма у Ваффен СС была священная обязанность объединить все свои силы для построения объединённой Европы, и при этом не было речи, что не-немецкая Европа будет доминироваться Германией.

До вступления в Ваффен СС мы прошли через очень сложные конфликты. Первоначально, при направлении на Восточный фронт, нас придали немецкой армии. Но во время Сталинградской битвы мы увидели, что Европе грозит смертельная опасность. Необходимы были огромные совместные усилия. Однажды ночью я провёл 8-часовую дискуссию с Гитлером и Гиммлером о статусе не-немецких европейцев в новой Европе.

В данное время мы ожидали обращения как с равными, сражающимися за общее дело. Гитлер это полностью осознал, и отныне у нас был наш собственный флаг, наши собственные офицеры, наш собственный язык, наша собственная религия. У нас был совершенно равный статус.

Я был первым, кто имел католического священника в Ваффен СС. Позднее священники всех вероисповеданий имелись для всех, кто их хотел. Исламская дивизия СС имела своих собственных мулл, а у французов был даже епископ! Мы были удовлетворены тем, что с Гитлером европейцы объединятся в федерацию на равноправных началах. Мы чувствовали, что лучший способ заслужить наше право быть равными, это защищать Европу в этот критический час на равных с нашими немецкими товарищами.

Для Гитлера важнее всего была храбрость. Он создал новое рыцарство. Те, кто заслуживали орден Риттеркройц, что означает рыцарский крест, были действительно новыми рыцарями. Они заслужили это дворянство храбрости и доблести. Каждая из наших частей, направляющаяся домой после войны, должна была стать силой для защиты прав народа в соответствующих странах. Все эсэсовцы осознали, что европейское единство подразумевает всю Европу, в том числе и Россию.

Многие немцы знали очень мало о русских. Многие считали, что все русские - коммунисты, в то время как в действительности представительство русских в коммунистической иерархии было менее чем незначительным. Они также считали, что русские диаметрально отличаются от европейцев. Однако у них аналогичный семейный уклад, у них древняя цивилизация, глубокая религиозная вера и традиции, что схоже с другими европейскими странами.

Европейский СС видел Европу в виде трёх великих составных частей: центральная Европа как индустриальный центр Европы, западная Европа как культурное сердце Европы, и восточная Европа как потенциал Европы. Таким образом, та Европа, которую предусматривал СС, была живой и реальной. Шестьсот миллионов её жителей проживали бы от Северного моря до Владивостока. На этом протяжении 8.000 миль Европа достигла бы своего предназначения. Пространство для молодых людей начать новую жизнь. Эта Европа стала бы маяком для всего мира. Замечательный расовый ансамбль. Древняя цивилизация, духовная сила и самый развитой технологический и научный комплекс. СС готовился к высокому Предназначению Европы.

Сравните эти цели, эти идеалы с "Союзниками". Рузвельты и черчилли продали Европу в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Они трусливо капитулировали перед Советами. Они отдали половину европейского континента в коммунистическое рабство. Они дали Европе распасться морально, без всякого поддерживающего идеала. Эсэсовцы знали, чего хотят: идеальная Европа была спасением для всех.

Эта вера в высшие идеалы вдохновляла четыреста тысяч немецких эсэсовцев, триста тысяч Фольксдойче, или германских эсэсовцев, и триста тысяч других европейских эсэсовцев. Все добровольцы, один миллион строителей Европы.

Ряды СС росли пропорционально с расширением войны с Советским Союзом. Чем ближе было поражение Германии, тем больше добровольцев прибывало на фронт. Это было небывалое явление: за восемь дней до окончательного поражения, я видел, как сотни молодых людей вступали в СС на фронте. Вплоть до самого конца они знали, что они должны совершить невозможное, чтобы остановить врага.

Итак, от ста восьмидесяти человек "Лейбштандарте" в 1933 году к полкам СС до 1939 года, к трём полкам в Польше, к трём дивизиям во Франции, к шести дивизиям в начале войны с Советским Союзом, к 38 дивизиям в 1944 году, Ваффен СС достиг 50 дивизий в 1945 году. Чем больше погибало одних эсэсовцев, тем больше спешило других, чтобы заменить их. У них была вера, и они негибаемо стояли до самого конца. Совершенно противоположное произошло в январе 1943 года под Сталинградом. Поражение было предрешиено одним человеком без храбрости. Он был неспособен решительно смотреть в

лицо опасности, недвусмысленно сказать: Я не сдамся, я непоколебимо буду стоять до победы. Он был морально и физически слаб и безволен, и он проиграл.

Спустя год дивизии СС "Викинг" и "Валлония" были окружены аналогичным образом под Черкассами. Сталинградская катастрофа ещё была свежа в памяти наших солдат, и они могли легко поддаться деморализации. В довершении ко всему я лежал с глубоким боковым ранением и температурой 39 градусов. Являясь командиром СС "Валлония", я знал, что всё это отнюдь не способствует высокому боевому духу. Я встал и в течение 17 дней возглавлял атаку за атакой для прорыва блокады, участвовал в многочисленных рукопашных схватках, был четыре раза ранен, но никогда не прекращал сражаться. Все мои солдаты делали то же самое, и даже больше. Кольцо было прорвано беспредельной эсэсовской отвагой и духом.

После Сталинграда, когда многие считали, что всё потеряно, когда советские войска устремились на Украину, эсэсовцы стояли насмерть, ни шагу назад и остановили советы. Они вновь взяли Харьков и нанесли Советской армии тяжёлое поражение. Это стало закономерностью; снова и снова СС превращал поражения в победы.

Та же самая неустранимая энергия присутствовала и в Нормандии. Генерал Паттон называл их "гордые дивизии СС".

СС был стеновым хребтом сопротивления в Нормандии. Эйзенхауэр отмечал, что "эсэсовцы, как всегда, сражались до последнего человека".

Если бы не было Ваффен СС, Европа была бы захвачена Советами к 1944 году. Они бы достигли Парижа задолго до американцев. Эсэсовский героизм остановил советскую колесницу под Москвой, Харьковом, Черкассами и Тернополем. Советы потеряли свыше 12 месяцев. Если бы не эсэсовское сопротивление, советы были бы в Нормандии раньше Эйзенхауэра. Народы выказывали глубокую благодарность этим молодым людям, жертвовавшим свои жизни. Подобного бескорыстного идеализма и героизма не было со времён великих религиозных орденов средневековья. В век материализма, СС стоит особняком как яркий луч духовности.

У меня нет никаких сомнений, что жертвы и беспримерные подвиги Ваффен СС найдут своих эпических поэтов подобных Шиллеру. Величие в несчастьи является отличительной чертой СС.

После войны занавес молчания опустился на Ваффен СС, но сегодня всё больше и больше молодёжи узнает о его существовании, о его достижениях. Его слава растёт, и молодые люди хотят знать о нём больше. Через сто лет почти всё забудется, но величие и героизм Ваффен СС будут помниться. И в этом награда этой эпохальной эпопеи.

Леонид Люкс

Большевизм, фашизм, национал-социализм - родственные феномены?

Заметки к одной дискуссии

В центре внимания моих заметок - три движения или режима, взорвавшие все традиционные понятия политической науки. Цели, которых они пытались достичь, были сформулированы уже некоторыми радикальными мыслителями XIX в., однако вообще по характеру своему эти цели были совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от жизни, как это представлялось вначале.

Осуществление утопических грез XIX столетия стало возможно не в последнюю очередь благодаря тому, что проводились они в жизнь действительно революционными методами. Уже первая мировая война с ее тотальной мобилизацией и высокоразвитой технологией уничтожения людей показала, на каком хрупком основании до сих пор базировалась европейская цивилизация. Не зря многими современниками эта война расценивалась как „мировая катастрофа". Все три движения, о которых мы говорим, - большевизм, итальянский фашизм, национал-социализм - обязаны своим возвышением

именно этой войне. Однако первая мировая война, несмотря на революцию в технике уничтожения, которая ей сопутствовала, не руководствовалась какими-либо революционными целями. Цели участников войны, этой „мировой катастрофы“, не взрывали рамок традиционной великодержавной политики. И только режимам, возникшим на развалинах европейского порядка 1914 г., предстояло перевернуть все прежние представления о политике.

Классический тезис: „политика - искусство возможного“ был грубо осмеян ими. Искать компромисса с внутривнутриполитическим оппонентом, как это было характерно для времен либерализма, им и в голову не приходило. Общий процесс эмансипации, развернувшийся в XIX столетии, приведший к освобождению общества из-под государственного контроля, новейшими тираниями был мгновенно свернут. Но, в отличие от авторитарных государств старого толка, деспотии XX в. не ограничились политическим подавлением своих подданных.

Они не только исключили общество из политики и атомизировали его, но и подчинили его идеологической доктрине. Прежнего, скептического человека, доставшегося им от либеральных времен, они постарались уничтожить и создать

вместо него нового человека. Этот новый человек должен был слепо повиноваться вышестоящим и верить в непогрешимость вождя и партии.

Неудивительно, что в этом отношении большевизм, фашизм и национал-социализм, одновременно возникшие на исторической арене и знаменовавшие приход новой политической эпохи, многим авторам, в том числе и некоторым коммунистам, представлялись сущностно родственными явлениями.

1. Большевистская и фашистская/нацистская тактика борьбы за власть

В ноябре 1922 г., то есть вскоре после так называемого похода на Рим, один из коммунистических авторов писал о Бенито Муссолини:

„У фашизма и большевизма общие методы борьбы. Им обоим все равно, законно или противозаконно то или иное действие, демократично или недемократично. Они идут прямо к цели, попирают ногами законы и подчиняют все своей задаче“¹.

Несколько месяцев спустя сходную мысль высказал Николай Бухарин:

„Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать с формальной точки зрения, то есть с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма: в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации, в смысле определенной системы бросания своих сил (...) и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами“².

Эти и подобные тезисы лежали в основе теории тоталитаризма, которая подчеркивала поразительные сходства между коммунистическими и фашистскими режимами и движениями.

Верно ли, что большевистская тактика служила образцом для фашистов, а впоследствии для национал-социалистов? Верно ли, что своим первоначальным успехом они были обязаны в первую очередь той бескомпромиссности и воле к власти, которой научились от большевиков? Конечно, нет. В отличие от большевиков, ни фашисты, ни национал-социалисты не были в состоянии захватить власть в одиночку. Они нуждались в мощных союзниках и вербовали их себе в рядах господствующего истеблишмента Италии (или, соответственно, Веймарской республики).

¹ Die Kommunistische Internationale 4.11.1922, S. 98.

² Двенадцатый съезд РКПб, 1923. Стенографический отчет. М. 1968. С. 273.

В своем очерке истории русской революции Лев Троцкий пишет, в частности, что одного-двух верных правительству и дисциплинированных полков было бы достаточно, чтобы предотвратить большевистский переворот. То, что таких воинских частей не

нашлось, показывает, как далеко зашел развал российского государственного аппарата в промежутке между Февральской и Октябрьской революциями. Ни в Италии, ни в Германии не было и речи о подобной деморализации в правящих верхах. Послевоенный кризис их, разумеется, ослабил, но ключевые позиции в аппарате власти они прочно удерживали в своих руках. Все революционные выступления, все попытки переворота как слева, так и справа ими успешно отражались. Из того обстоятельства, что в странах Запада практически невозможно оказалось захватить власть против воли правящей элиты, крайне правые очень скоро сделали соответствующие выводы. Они обнаружили большую гибкость, большую способность учиться, нежели Коминтерн. Если западные коммунисты продолжали свои фронтальные атаки на государство, итальянские фашисты, а несколько позднее и национал-социалисты начали борьбу за тех, в чьих руках была сосредоточена власть. Они следовали двойственной тактике: подобострастно „легалитской" по отношению к правящей верхушке и бескомпромиссно насильственной - к „марксистам". Расходясь с существующей правовой системой ничуть не менее радикально, чем коммунисты, они вместе с тем подчеркивали, что сама их борьба, ведомая нелегальными методами, служит лишь восстановлению порядка и авторитета власти. „Фашизм возник вслед за социалистическим экстремизмом как логическое, закономерное (...) средство противодействия", - утверждал Муссолини в ноябре 1920 г. Гитлер сам в ходе мюнхенского процесса 1924 г. называл себя фюрером революции против революции. Но качественное различие между применением насилия справа или слева видели не только фашисты и национал-социалисты. Сходным образом мыслили многие итальянские и немецкие консерваторы, и это стало решающим фактором успеха крайне правых.

Гитлеровская идея „легальной революции", вызывавшая насмешки многих современников, в условиях Веймарской республики была явно перспективнее программы „пролетарской революции". Сходным образом дело обстояло и в Италии 1920-х гг. Там новый режим также возник не вследствие насильственного переворота, как в октябре 1917 года в России, а на основе компромисса. Как фашисты, так и национал-социалисты пытались заглушить это обстоятельство, им тоже хотелось бы гордиться тем, что они, как и большевики, открыли новую эру в истории. Поэтому в обоих случаях свой приход к власти они старались стилизовать под ее захват, даже под революцию. Широкие массы сторонников двух этих движений воспринимали события 1922 г. в Италии и 1933 г. в Германии также как своего рода революции. Вместе с тем, путь социальной революции в обеих этих странах был закрыт из-за заключения союза фашистов и национал-социалистов с консервативной правящей элитой. Территориальная экспансия оказалась, в сущности, тем единственным клапаном, через который можно было выпустить создавшееся при этом социальное напряжение.

То, что тоталитарные режимы в России, с одной стороны, и в Италии и Германии, с другой - имели разные истоки, обусловило и различный характер этих режимов, в том числе и на более поздних стадиях их развития. До конца 1950-х гг. эти различия нередко оставались без внимания западными теоретиками тоталитаризма.

Лишь в 1960-е гг. в теории начались заметные сдвиги. Чем более детальному исследованию подвергали фашизм, национал-социализм, большевизм, тем больше обнаруживалось отличий. Поэтому некоторые авторы даже поставили под вопрос само понятие фашизма³. Исследователи большевизма, со своей стороны, начали все жестче разделять сталинский, до- и послесталинский периоды развития советского государства⁴. Интенсивное изучение особенностей отдельных тоталитарных диктатур не сопровождалось сравнительным анализом. Исследования фашизма и коммунизма развивались теперь сравнительно независимо друг от друга, и у них становилось все меньше точек соприкосновения. Мало что изменил здесь и так называемый спор немецких историков, начатый в 1986 г. Эрнстом Нольте. Пытаясь снять с Третьего рейха и Освенцима клеймо исторической исключительности, Эрнст Нольте и его единомышленники указывали на множество параллелей между советским режимом и

нацистским государством. Эти параллели давно известны, их подробно исследовали еще классические теоретики тоталитаризма. И если отвлечься от апологетических пассажей его работ, Нольте в „споре историков" не сказал ничего принципиально нового.

2. Большеви́стская вера в прогресс

В конце 1980-х гг., в пору горбачевской перестройки, теория тоталитаризма неожиданно возродилась в Советском Союзе. В течение нескольких десятилетий она представлялась догматикам сталинского толка средством идеологической борьбы в руках классового врага - капитализма. Вследствие горбачевских реформ расшатались некоторые догмы, прежде казавшиеся неколебимыми, что привело, в частности, к снятию табу с теории тоталитаризма. Многие российские авторы с этого момента также начали, вслед за некоторыми западными коллегами, продолжая дело создателей теории тоталитаризма 1920-х гг., говорить о

³ *Turner H.A.* Fascism and Modernisation // *World Politics* 24, 1974, p. 547-564; *Allardyce, G.* What Fascism is Not: Thoughts on the Deflation of a Concept // *American Historical Review* 84, 1979. p.361-388.

⁴ *Cohen S.F.* Bolshevism and Stalinism / *Tucker R.C.* , Ed. Stalinism. Essays in Historical Interpretation. NY, 1977. *Tucker R.C.* Stalin as Revolutionary 1879-1929. NY, 1973. *Hough J.F., Fainsod, M.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge / Mass 1979, p. 522 f. *Deutscher I.* Russia in Transition / Ironies of History. Essays on Contemporary Communism. L. 1967, p. 27-51.

разительном сходстве между большевизмом и фашизмом⁵. Однако современные российские представители концепции родства двух феноменов, как и их предшественники, недооценивали тот факт, что между коммунизмом и фашизмом, по крайней мере в прошлом, существовала почти непреходимая пропасть.

Эта несопоставимость связана не в последнюю очередь с тем, что большевизм в идеологическом плане был укоренен в принципиально иной традиции, нежели фашизм, а в особенности национал-социализм. Большевики были страстными приверженцами веры в прогресс и науку, унаследованной от классиков марксизма.

Маркс развивал свои идеи в эпоху, когда в Европе господствовали позитивистский оптимизм, вера в прогресс. Научная революция начала XX в., в корне перевернувшая позитивистские верования в устойчивость материального мира и законов природы, не коснулась марксизма как системы. В начале века отдельные представители марксизма испытали влияние таких мыслителей, как Бергсон, Ницше, Владимир Соловьев или Эйнштейн, попытались соединить марксизм с некоторыми новыми идеями. Ленин принадлежал к числу наиболее ожесточенных противников подобного рода экспериментов. Нельзя исправлять Маркса, повторял он снова и снова. Партия - не семинар, на котором обсуждаются разные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и с четкой иерархией идей. Вступление в такую организацию влечет за собой безусловное признание ее идей⁶. Ленин оставался верен наивному материалистическому оптимизму XIX в., не имея достаточно полного представления о новых идеях и проблемах, затронутых европейской культурой в XX в. И этой его установке предстояло стать характерной для большевизма в целом.

Но у большевиков были и иные причины верить в прогресс - причины, неразрывно связанные с особенностями развития России. К началу века Россия оставалась промышленно неразвитой страной, технологический прогресс был ей остро необходим. На Западе же, напротив, индустриализация и урбанизация достигли к этому времени такой стадии развития, что породили сомнения в осмысленности самих этих процессов. Понять, в чем состояла сущность того кризиса модернизации, в котором находился Запад, большевики не могли. Они исходили из российской ситуации и полагали, что страна тем ближе подходит к решению всех своих социальных проблем, чем больше она производит промышленной продукции. Что именно в Германии, крупнейшей индустриальной державе Европы, могло прийти к власти национал-социалистическое движение, отвергавшее модернизацию и мечтавшее об „аграрной Германии" - такого большевики по-

⁵ *Игрицкий Ю.И.* Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе //История СССР, 6, 1990. С. 172-190. *Gadshijew K.* Totalitarismus als Phänomen des 20.Jahrhunderts в: /

Jesse E., Hrsg.: Totalitarismus im 20 Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Baden Baden 1996, S. 320-339. Хорхордина Т.Ш. Архивы тоталитаризма (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история, 6, 1994. С. 145-156.

⁶ Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С. 252 слл.

нять не могли. Всякую критику в адрес научно-рационального и материалистического миропонимания они воспринимали как пережиток темных суеверий прошлого. Свою веру в науку они считали последним словом европейской культуры. Популяризация научных и технологических „чудес" должна была заменить в большевистской России веру в религиозные чудеса. И надо сказать, что в 1920-е - 30-е гг. вера в науку в России действительно приобрела почти религиозный характер.

3. Культурный пессимизм правых радикалов

У национал-социалистов коммунистическая вера в прогресс, в будущее, могла вызвать лишь насмешку. Они не собирались плыть по течению истории. Напротив, они пытались любой ценой овладеть им, обратить его вспять. Повсюду им виделись приметы разложения и упадка, за которыми мерещились тени мощного всемирного заговора. „Закат Европы", по их мнению, можно было предотвратить, обезвредив инициаторов этого заговора, - евреев, масонов, плутократов и марксистов. К числу идеологических предтеч фашизма и национал-социализма относятся европейские пессимисты, еще на рубеже XIX-XX веков распространявшие видения близящегося заката европейской культуры. Одну из величайших опасностей, грозящих европейской цивилизации, они усматривали в так называемом „восстании масс". Организованное рабочее движение они считали наиболее опасной силой такого восстания. Чтобы противостоять этой опасности, угрожающей снизу, идеологические предшественники фашистов и национал-социалистов, такие, например, как социал-дарвинисты, предлагали пересмотреть существующие понятия морали. Так, по их мнению, не слабых и угнетенных нужно защищать от сильных, а наоборот, сильных и лучших - от слабых, то есть от большинства, массы. Сострадание к слабому представлялось им совершенно отжившей идеей⁷.

Позднее эти представления подхватили национал-социалисты. Они идеализировали законы биологической природы и пытались целиком перенести право сильного, царящее в природе, на человеческое общество.

По своей хозяйственной и социальной структуре Италия занимала промежуточное положение между Россией и Германией. Большая разница между Югом и Севером в уровне индустриального развития привела к тому, что в Италии одновременно разворачивались два противоположных процесса. С одной стороны, кризис модернизации, кризис либерализма со всеми его пессимистическими выводами, - как в Германии, с другой же - тенденция к модернизации отсталой час-

⁷ Zmarzlik, H. G. Der Sozialdarwinismus in Deutschland. Ein geschichtliches Problem // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1963, S. 246-273.

ти страны, как в России. Итальянский фашизм соединял в себе обе эти тенденции.

Немецко-русский социал-демократ Александр Шифрин писал в 1931 г.: в Италии существует самый современный фашизм внутри слаборазвитого капитализма, в Германии же напротив, отсталый фашизм в сложном и высокоразвитом капиталистическом пространстве. Шифрин полагал, что попытка национал-социалистов реализовать их утопические социальные и хозяйственные проекты не выдержит жесткого отпора со стороны немецких капиталистов. Гитлер не понимает законов современного высокоиндустриализированного общества. Отсюда его ненависть к „сокрушительной мощи" крупного капитала⁸. Как считал Шифрин, большинству немецких капиталистов было ясно, что национал-социалистическое мировоззрение идет вразрез с важнейшими хозяйственными принципами тогдашнего немецкого общества. Однако он переоценивал дальновидность тогдашнего большинства немецких промышленных магнатов.

4. Большевистское и фашистское отношение к элитам

Отношение итальянских фашистов к модернизации можно обозначить как промежуточное между позициями национал-социалистов и большевиков. Оно было, с одной стороны, более оптимистичным, чем позиция национал-социалистов, но с другой стороны, в нем присутствовали пессимистические ноты, которых не было у большевиков. Либеральная парламентаристская система работала в Италии хуже, чем где-либо в Западной Европе, поэтому и критика парламентаризма в Италии была особенно остра. Здесь очень рано начались поиски альтернативы парламентско-демократической системе. Вопрос об обновлении, о возрождении правящей элиты был в Италии начала XX в. особенно насущным. Анализируя механизм образования элиты, итальянские мыслители достигли примечательных результатов.

Многие мыслители из других европейских стран работали над сходными проблемами и тоже создавали модели, по которым можно было бы заново создавать элиты. Однако в Италии критика существующей системы должна была иметь особенно весомые политические последствия, так как социально-политическая структура Италии отличалась необычайной лабильностью. Из-за этой лабильности Италии пришлось сыграть роль сейсмографа, особенно чувствительного к определенным политическим процессам в новой Европе. Возможно, поэтому Италия и стала первой европейской страной, в которой к власти пришло анти-парламентаристское, праворадикальное массовое движение, ставившее целью обновление правящей элиты.

⁸ *Schifrin A.* Wandlungen des Abwehrkampfes // *Die Gesellschaft*, 4, 1931, S. 409 f.

Для большевиков иерархически-элитарный принцип представлялся идеалом „реакционного“, отмирающего класса. Идеал равенства они считали единственно возможной и оправданной целью массовых революционных движений. Эту веру большевики унаследовали от дореволюционной русской интеллигенции.

Русская интеллигенция, сама будучи элитой нации, считала, что кризис, в котором находилась Россия на рубеже веков, можно преодолеть не путем создания новой, сильной и жизнеспособной элиты, а путем отказа от каких бы то ни было элит. Русская этика - этика эгалитаристская и коллективистская, пишет эмигрантский историк Георгий Федотов. Из всех форм справедливости равенство для русских - на первом месте⁹.

Чувство вины русской интеллигенции перед собственным народом, возмущение социальными несправедливостями достигали беспрецедентной интенсивности. Простой народ идеализировался русской интеллигенцией как воплощение добра. Все понятия, все культурные достижения, недоступные пониманию угнетенных классов, отбрасывались как излишние и безнравственные.

„Долгое время у нас считалось почти безнравственным отдаваться философскому творчеству, - пишет философ Николай Бердяев, - в этом роде занятий видели измену народу и народному делу. Человек, слишком погруженный в философские проблемы, подозревался в равнодушии к интересам крестьян и рабочих“¹⁰.

Представители интеллигенции сами себя считали лишними - коль скоро им не удавалось все силы отдавать на служение народу.

Большевики унаследовали от русской революционной интеллигенции убеждение, что „истинная“ революционная партия непременно должна бороться за свержение любой элиты, против самого иерархического принципа. Правда, у большевиков было определение партии как „авангарда рабочего класса“, но оно существенно отличалось от фашистского понятия элиты. Цель авангарда - по крайней мере, в теории - проведение в обществе эгалитарного принципа, а не нового иерархически-элитарного. Несмотря на тот факт, что общество, построенное большевиками после революции, все-таки носило иерархический характер, идея равенства в большевистской идеологии по меньшей мере до начала 1930-х гг. придавалась высочайшая ценность.

Хотя большевики установили беспрецедентный по своей жесткости деспотический режим, сами себя они продолжали считать защитниками угнетенных и обездоленных. Тем самым они остались верны некоторым традиционным европейским представлениям,

восходящим к Ветхому и Новому Завету. Правда, большевики грубо подавляли любые конфессиональные объединения. Но при этом они

⁹ Федотов Г. Народ и власть // Вестник Российского Студенческого Христианского Движения, 94, 1969. С. 89.

¹⁰ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1991. С. 12.

сами претендовали на то, что смогут честнее и эффективнее, чем церковь, отстаивать идеалы социальной справедливости и равенства. Национал-социалисты, напротив, совершенно отказались от этих идей. И их враждебность по отношению к исходному европейскому образу человека привела к тому, что их самих в конце концов стали считать врагами всего человечества. Это обстоятельство легло в основу одного из самых противоестественных во всемирной истории альянсов - союза англосаксонских демократий со сталинским режимом, режимом, гора трупов под которым была ничуть не меньше, чем под Третьим Рейхом. При этом не следует забывать, что западные державы первоначально позволяли себе заигрывание с Гитлером. Гитлер разыгрывал роль защитника Европы от большевистской угрозы, и поначалу ему вполне удалось убедить некоторых западных политиков. Однако в конце концов в Лондоне и Париже поняли, что Гитлер не способен к самоограничению, что вероломство относится к числу его основных принципов. Уже в 1936 г. - то есть во времена западной политики умиротворения - это заметил немецкий социал-демократ, биограф Гитлера Конрад Хейден. Он писал: „ Гитлер не тот человек, с которым находящийся в здравом уме станет заключать договоры, это - явление, которое можно или победить или быть поверженным им"¹¹.

К пониманию этого обстоятельства в Лондоне пришли в 1940 г., когда руководство правительством перешло к Черчиллю. Когда в июне 1941 г. началась война Германии против Советского Союза, Черчилль, с 1917 г. принадлежавший к числу самых радикальных антикоммунистов, ни минуты не сомневался, какую из двух деспотий следует поддерживать Великобритании.

Эрнст Нольте, которого никак невозможно подозревать в симпатии к большевикам, пишет по этому поводу: „Советский Союз, невзирая на ГУЛАГ, был ближе западному миру, чем национал-социализм с его Освенцимом"¹².

5. Большевизм и национал-социализм на международной арене

Поведение Гитлера на международной арене соответствовало модели, которую позднее сформулировал Генри Киссинджер, определивший внешнюю политику революционной державы. Эта держава в принципе неспособна к самоограничению. Дипломатия в традиционном смысле, сущность которой составляют компромисс и признание собственных границ, была практически отброшена революционными государствами, так как шла вразрез с их конечными целями.

¹¹ Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographic Zurich 1936. S. 347.

¹² Nolte E. Der Europäische Bürgerkrieg 1917-1945. Nationalismus und Bolschewismus. B. 1987. S.549.

Конечной целью Гитлера было: завоевание жизненного пространства на Востоке, уничтожение евреев и коммунистов. И он твердо решил добиться осуществления этих целей уже в кратчайшие сроки. Он снова и снова повторял, что не хочет оставлять исполнение этой великой задачи своим преемникам. В то же время, у него было чувство, что время работает против „нордической расы", что она постепенно разрушает саму себя. К этим характерным особенностям многие историки возводят головокружительную радикализацию национал-социалистической политики, попытки в один миг создать новый мировой порядок, то есть мир без евреев, цыган и душевнобольных. Коммунисты тоже стремились к установлению нового мирового порядка. Однако у них никогда не было точной даты, когда это „светлое будущее" должно наступить. Их время было не столь ограничено, как время Гитлера. Они действовали в убеждении, что история на их стороне, так как всемирная победа коммунизма была по их мнению исторически неотвратима. Поэтому и рискованные политические шаги в направлении скорейшего приближения этой

победы были не нужны. Поэтому внешняя политика большевиков как правило была достаточно осторожной и гибкой. Большевики не раз совершали однозначно агрессивные шаги, но как правило - в отношении изолированных, в силовом отношении безнадежно уступающих Советскому Союзу государств, так что риск сводился к минимуму. Случаи игры ва-банк - характерная черта гитлеровской модели поведения - в советской политике встречались редко.

И еще несколько слов о фашистской Италии. Следует заметить, что итальянский фашизм, несмотря на свои агрессивные жесты и вопреки своей жажде войны, не сумел придать нового измерения самому понятию войны. Поле действий Муссолини, благодаря сильной позиции итальянских консерваторов, оказалось сильно ограничено, да и военные силы Италии были весьма скромны. Консерваторам, поддерживавшим Муссолини, удалось взять под контроль процесс радикализации фашистской диктатуры и ввести режим в институциональные, прежде всего династические рамки. Поэтому многие авторы справедливо оценивают итальянский фашизм как „незаконченный тоталитаризм"¹³. Массовых убийств, ставших конститутивной чертой как национал-социализма, так и сталинизма, здесь не было. Как заметил в 1941 г. немецко-американский политолог Зигмунд Нойманн, итальянский фашизм, несмотря на свою манию величия, не начал мировой революции; это сделал лишь национал-социализм¹⁴.

Развивая новые представления о войне, НСДАП могла опереться на то, что милитаризация политической мысли в Германии имела давнюю традицию. Английский историк Льюис Нэмьер даже назвал войну одной из форм немецкой ре-

¹³ *Aquarone A. L'organizzazione dello Stato totalitario.* Turin, 1965; *Sarti R. Fascism and the Industrial Leadership. The Study in the Expansion of Private Power under Fascism.* Berkeley 1971, p.69; *Bracher K.D. Zeitgeschichtliche Kontroversen. Um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie.* München 1976. S. 23.

¹⁴ *Neumann S. Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War.* NY 1965, p.111.

волюции¹⁵. Но было бы неверно считать, что Гитлер довел до логического конца прусский милитаризм. Ведь мировоззренческая война на уничтожение, развязанная национал-социалистами, не имела ничего общего с прусской традицией. Однако новый способ ведения войны, при котором были сметены все до тех пор существовавшие нормы этики и военного права, оказался возможным потому, что он нашел поддержку у существенной части немецкого офицерского корпуса. Другой английский историк, Алан Баллок, указал на то, как мала, в сущности, была роль столь самодовольного германского генштаба во второй мировой войне¹⁶. Легко заметить также, что офицеры, принявшие гитлеровское понятие войны без какого-либо существенного сопротивления, сомневались, можно ли нарушить законы прусского кодекса чести, а таковым они считали присягу «фюреру», несмотря на то, что Гитлер был тираном и основателем стратегии уничтожения. Заметное сопротивление деспоту способны были оказать лишь немногие. Многие боялись „анархии" и „коммунистической угрозы" в случае свержения Гитлера.

Нельзя не заметить здесь параллели с поведением большевистских противников Сталина, так называемых „старых большевиков", подавляющее большинство которых отказалось от применения силы против тирана¹⁷. И здесь решающую роль сыграл страх перед анархией и распадом системы. О систематическом и последовательном противодействии сталинской деспотии со стороны старых большевиков не может быть и речи. И при этом не следует забывать, что старые большевики отнюдь не были пацифистами, чуждыми насилия. Они без какого бы то ни было сомнения применяли грубо террористические методы борьбы против так называемого „классового врага". Но поместить Сталина в категорию „классовых врагов" они были не в состоянии.

Сталин и Гитлер знали моральные колебания и табу своих оппонентов и бессовестно пользовались ими. Конрад Хейден говорил о Гитлере, что тот знает своих противников лучше, чем они сами знают себя, поскольку он внимательно следит за ними и поскольку игра на чужих слабостях составляет важную часть его политики¹⁸. Эти слова Хейдена можно применить и к Сталину. Как Сталин, так и Гитлер понимали, каких границ не смогут переступить их политические противники.

6. Культ вождя в большевизме, фашизме и в национал-социализме

¹⁵ *Namier L.* The Course of German History. / Facing East. London 1947, p. 25-40.

¹⁶ *Bullock A.* Hitler, Eine Studie über Tyrannei. Düsseldorf 1977. S. 65 1f.

¹⁷ См. *Авторханова А.* Происхождение партократии. Т. 2. Франкфурт, 1973. С. 244. К., Op. cit., S. 266.

В заключение еще некоторые соображения относительно культа вождей, представлявшего собой как при крайне правых режимах, так и в Советском Союзе при Сталине своего рода государственную доктрину.

Вождистские амбиции Муссолини и Гитлера были с такой готовностью поддержаны многочисленными группировками в Италии и Германии, поскольку оба диктатора играли на тоске многих итальянцев и немцев по сильному „государю“, „цезарю“, возникшей еще на рубеже XIX-XX веков.

Харизматический вождь, пришествие которого многие европейские мыслители предсказывали еще в XIX в. и в начале XX в. - кто с тревогой, кто с надеждой, - призван был заместить господство безличных институций господством личной воли. Непрозрачные, сложные институциональные образования, с одной стороны, подавляют человека своей анонимностью, с другой - обнаруживают бессилие, когда речь идет о преодолении кризиса. Отсюда широко распространенное желание вернуть в политику личность, тоска о харизматическом герое. Эта тоска, в сочетании с твердым убеждением как Муссолини, так и Гитлера, что они-то и есть „цезари“, которых так ждала Европа, расчистили обоим дорогу к власти. Цезаристская идея имела давнюю историю в европейской традиции. Уже Макиавелли мечтал о вожде, который своими подвигами и героическими деяниями освободит Италию от закосневших традиционных установлений и объединит страну. Примером для „князя“ Макиавелли стали итальянские кондотьеры эпохи Возрождения. Они возникали из ничего, всем бывали обязаны только самим себе и благодаря своим выдающимся личным качествам достигали славы и власти. Они смещали все династии и институции и проводили коренные преобразования в государствах, подчиненных их господству.

Наполеон также воплощал собой, разумеется, в гораздо больших масштабах, тот же самый принцип.

В русской истории, напротив, „цезаристские“ тенденции практически не имели места. На Руси бывали цари, проводившие в русском обществе не менее радикальные преобразования, чем „цезари“ на Западе. Но всякий раз речь шла при этом об этактистской революции сверху, которую инициировали и осуществляли легитимные правители России. Поддержка низших слоев русского народа, на которую иногда опирались цари, также мало похожа на европейское преклонение перед фигурами „цезаристского“ толка. Царя почитали не за его личные качества или подвиги, а скорее как носителя определенных функций. В нем видели хранителя православной веры и естественного лидера религиозно санкционированного политического порядка.

Первоначально большевизму также был чужд культ вождей. В этом он отличался от фашизма и национал-социализма, которые с самого начала фиксировались на личности фюрера. Напротив, большевизм был первоначально структурирован по идеократическому принципу. Здесь высшей инстанцией выступало учение, сначала марксистское, потом марксистско-ленинское. Но в 1930-е гг. партия

большевиков постепенно превратилась в партию с вождем во главе. Культ Сталина приобрел в СССР характер государственной доктрины. В создании этого культа принимали участие не только марионетки и выученики Сталина, но и многие большевики первого поколения, вовсе не убежденные в его непогрешимости и всеведении. Почему же они преклонялись перед Сталиным? Они делали это по вполне макиавеллистскому расчету. Культ вождя, по их мнению, должен был прежде всего придать стабильность партии, переживавшей после смерти Ленина период разброда и фракционной борьбы.

Так и в Германии в создании культа фюрера участвовали не только его преданные сторонники, но и представители старой элиты, следовавшие совсем иным традициям. С НСДАП их связывала общая ненависть к Веймарской республике. Веймар воплощал собой

разброд, декаданс, внешнеполитическое унижение, а также не в последнюю очередь - „гнилой“ компромисс с внутриполитическим противником, то есть с социал-демократией. Они идеализировали старый патриархальный порядок, но при этом хорошо сознавали, что в современном политизированном обществе их реставраторская программа не имеет шансов осуществиться. Принцип вождизма казался им в данном случае идеальным выходом из положения. С одной стороны, он связывал воедино политизированные массы и в то же время означал конец эпохи компромиссов с классовым врагом, то есть с социал-демократическим рабочим движением.

Эрнст Никиш - один из самых радикальных критиков Гитлера - характеризовал поведение правящей элиты Германии в 1936 г. такими словами:

«(Они) были сыты по горло господством безличного закона и презирали ту свободу, которую он дает; они хотели служить „человеку“, личностному авторитету, (...), фюреру. Они предпочитали перепады настроения, самодурство и произвол личного „вождя“ строгой регламентации и жестким правилам нерушимого законного порядка»¹⁹.

Расчет их, в конце концов, оказался в высшей степени опрометчивым. Так же ошиблись и большевики, на чьих плечах была выстроена новая система. Как в Германии, так и в Советском Союзе не учли, что система с вождем-фюрером во главе означает неограниченный и неконтролируемый произвол, который неизбежно обрушится однажды и на тех, кто его создавал. Ибо любая критика в адрес непогрешимого вождя рассматривалась как святотатство, и это обстоятельство надолго сковало всякое сопротивление диктаторам.

¹⁹ *Niekisch E.* Das Reich der niederen Dämonen. Hamburg, 1953, S. 87.

(Перевод с немецкого)

Цитируется по: *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* - Русское издание № 1, 2004
- <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.html>

А. Север

Предисловие к книге О. Штрассера «Гитлер и Я».

Социалистическая составляющая присутствовала в идеологии НСДАП с самого ее основания. Можно сказать, что изначально это была партия с четко выраженными левыми, рабочими тенденциями. По крайней мере центральный партийный орган НСДАП (в то время это был еще «Мюнхенер беобахтер») писал 31 мая 1919 года относительно требований текущего момента, что «они укладываются в рамки требований других левых партий».

Особенно сильны социалистические тенденции среди нацистов были в начале 20-х годов XX века на Северо-Западе Германии, в Рурской области, в Гамбурге — важных индустриальных центрах с многомиллионным рабочим классом, где образовалась фактически полусамостоятельная национал-социалистическая организация, центр которой находился в Гамбурге. О радикализме этой группы свидетельствует хотя бы такое высказывание ее лидера, гамбургского гауляйтера, Альберта Фолька: «Ввиду того что рабочие чувствуют себя носителями переворота ноября 1918 года, более того — рассматривают новый государственный строй как успех своих усилий, мы никогда не завоюем их доверия, если будем приписывать нужду и унижения только революции». А ведь на Юге, в Баварии, на проклятьях в адрес Ноябрьской революции строилась вся нацистская пропаганда.

Однако в качестве фракции, конкурирующей в борьбе за власть в НСДАП с мюнхенским руководством, левонацистское направление оформилось лишь в середине 20-х годов. Бесспорными и наиболее известными лидерами этого течения являлись братья Грегор и Отто Штрассеры. Интересно, что пришли они в НСДАП фактически, что называется, с «противоположных сторон баррикады» — Отто слева, а Грегор — справа.

Старший, Грегор (1892—1934), владелец аптеки в Ландсхуте (Бавария) и обер-лейтенант Первой мировой войны, сформировал в своем городе «фрайкор (добровольческий корпус) Ландсхут» — одно из многочисленных реакционных милитаристских формирований того времени, принял участие в «капповском путче» в Баварии. В феврале 1920 года (незадолго до путча) он влил свой «фрайкор» в СА, тем самым создавая первое формирование штурмовиков за пределами Мюнхена. Он же создает в Нижней Баварии партийную группу НСДАП и становится за это первым гауляйтером партии — ее руководителем в Нижней Баварии.

В это время младший брат, Отто (1896—1974), бывший лейтенант, а затем студент экономики в Берлине, вступает в СДПГ и становится сотрудником ее центрального органа, газеты «Форвертс», командиром трех «красных сотен» в рабочем пригороде Берлина Штеглиц, которыми он командует при подавлении все того же «капповского путча» в марте 1920 года. Вскоре, однако, он демонстративно выходит из партии в знак протеста против разоружения революционного рабочего класса и нарушения правительственного обещания о роспуске «фрайкоров».

Очень быстро Грегор Штрассер становится вторым, после Гитлера, человеком в нацистском движении, одним из самых популярных ораторов. В начале 1925 года Гитлер поручает ему создание парторганизаций на Севере и Западе Германии и наделяет полной свободой действий. Грегор Штрассер сразу же обращается за помощью к брату. Тот еще в конце 1923 года вступает в НСДАП (парт, билет № 25239) и становится его ближайшим помощником и главным пропагандистом его идей. В течение нескольких месяцев братья едва ли не с нуля повсеместно за пределами Баварии создают на Севере и Западе страны ячейки НСДАП, благодаря чему эпицентр влияния партии заметно переместился из крестьянской Баварии на индустриальный Северо-Запад.

Отто Штрассер сразу же занялся выработкой новой программы (взамен гитлеровских «25 пунктов») и превращением северных и западных организаций НСДАП в проводников своих идей. Пользуясь предоставленной ему свободой действий, Грегор Штрассер назначает гауляйтеров по собственному усмотрению, практикует демократические выборы руководителей среднего и низового звена, благодаря чему большая часть гауляйтеров, за исключением южногерманских, были сторонниками братьев. В итоге внутри НСДАП образовалось направление, представленное северогерманскими организациями и отличное от «мюнхенского руководства». Наибольшую поддержку Штрассерам оказывали гауляйтеры Аксель Рипке и Карл Кауфман (Рейнланд-Норд), Эрих Кох, Франц Пфеффер фон Саломон, Йозеф Вагнер (Вестфалия), Эрих Рознкат и Гельмут Брюкнер (Силезия), Карл. Ребер (Ольденбург), Мартин Мучман и Хельмут фон Мюкке (Саксония), Йозеф Еюркель (Рейнпфальц), Эрнст Шланге (Берлин), Хинрих Козе (Шлезвиг-Гольштейн), Теодор Вален (Померания), Фридрих Гильдеб-рандт (Мекленбург) и другие.

Ближайшим помощником и идеологом братьев является выходец из рейнской рабочей семьи, член НСДАП с 1923 года, доктор Йозеф Геббельс. Прошедший жестокую школу жизни, обладавший несомненными способностями, он явился настоящей находкой для Грегора. Показательно, что Геббельс, прежде чем окончательно примкнуть к нацистам, довольно долго колебался между ними и Компартией Германии (КПГ), в его окружении той поры было много коммунистов. Именно Геббельс стал редактором журнала «Национал-социалистише брифе», главного теоретического органа левого, социалистического крыла, и секретарем Грегора Штрассера.

Последний между тем не терял времени зря и уже 10-11 сентября 1925 года на совещании своих сторонников в Хагене провозгласил образование «Рабочего содружества северо- и западногерманских гауляйтеров НСДАП», поручив управление его делами Геббельсу. Теоретическим органом «Рабочего содружества» стали вышеупомянутые «Национал-социалистише брифе», выходившие с 1 октября 1925 года. Геббельс в своих дневниках называл их «оружием борьбы против склеротических бонз в Мюнхене» и

провозгласил Грегора Штрассера «силой, противостоящей бонзам». Задачу «Рабочего содружества» Геббельс видел в том, чтобы «усилить значение собственной позиции в национал-социалистическом движении и выработать альтернативу пагубному мюнхенскому направлению». В своем журнале он первым делом открыл дискуссию по рабочему вопросу, продолжавшуюся до 1930 года.

Таким образом, уже в конце 1925 года возникла сплоченная, организованная оппозиция по отношению к гитлеровскому руководству НСДАП. Причем оппозиция эта открыто рекламировала себя в качестве левой фракции партии и проводила свою, отличную от гитлеровского руководства в Баварии линию как по второстепенным, тактическим (поддержка КПП во время референдума о конфискации собственности князей), так и по принципиально важным, стратегическим вопросам (требование создать свой боевой «нацистский» профсоюз). Эта оппозиция собирала членские взносы от входивших в нее земель — «гау» (Саксония, Силезия, Вюртенберг, Баден в их числе), их гауляйтеры получали от руководства оппозиции руководящие циркуляры.

В чем же состояли идеологические расхождения между левой фракцией и гитлеровской группой? Штрассеровцы выступали за социализм, но не за реформистский «сотрудничающий с капиталом социализм СДПГ» и не за «антинациональный социализм КПП», а за «национальный социализм». Этот их «немецкий социализм» носил в соответствии с национальными традициями явно выраженный этатистский характер. Наиболее точную и лапидарную формулировку дал Геббельс в своей статье 1 сентября 1925 года в центральном органе НСДАП «Фёлькишер беобахтер» — «Будущее принадлежит, диктатуре социалистической идеи в государстве». В ней Геббельс, главный теоретик левой фракции, пропагандировал национально ориентированный революционный социализм, который через абсолютизацию идеи тоталитарной власти, идею мощного государства, разумеется пролетарского государства, ревизовал интернационалистский марксизм. Интересно, что и Компартия Германии (КПП) стала выдвигать внешне схожие лозунги пятью годами позднее, причем немедленно была подвергнута за них жесточайшей критике со стороны Льва Троцкого.

Именно в этом смысле (борьба за немецкий «национал-социализм») следует понимать заявление Грегора Штрассера, что идеалом для него являются Август Бебель и вообще немецкое социал-демократическое движение до Первой мировой войны. С КПП его разделяла полная финансовая и политическая зависимость компартии от Москвы и наличие в ней большого числа евреев, особенно в ее руководстве.

Основными политическими требованиями Грегора Штрассера в это время являлись:

- высокие промышленные и аграрные пошлины;
- автаркия народного хозяйства;
- самое интенсивное обложение посреднических прибылей;
- корпоративное построение хозяйства;
- борьба против «желтых» профсоюзов;
- революционная оборона (читай — наступление) в союзе с СССР против империалистов Запада.

По последнему пункту он писал в передовице «Фёлькишер беобахтер»: «Место Германии на стороне грядущей России, так как Россия тоже идет по пути борьбы против Версаля, она — союзник Германии». Свой внешнеполитический курс Грегор Штрассер навязывал всей партии, и «восточная политика» НСДАП, в отличие от курса Гитлера на союз с Италией, сохранялась вплоть до 1930 года, причем диктовалась она не просто антиверсальскими резонами, корни лежали глубже. Так, Геббельс в своей весьма характерно названной статье «Беседа с другом — коммунистом», помещенной в «Фёлькишер беобахтер», пишет: «Мне нет необходимости разъяснять своему другому коммунисту, что для меня народ и нация нечто иное, чем для красная с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке. Русская Советская система, которая отнюдь не доживает, последние дни, тоже не интернациональна, она носит чисто национальный

русский характер. Ни один царь не понял душу русского народа, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства». Интересно здесь то в первую очередь, что написано это в 1925-м, а не, допустим, в 1939 году и относится к Ленину, а не к Сталину.

Показательно также, что Штрассер решительно выступал против антибольшевизма, так как считал его «классическим примером искусной работы капитализма: ему (капитализму. — Авт.) удастся запрячь в свою борьбу против антикапиталистического большевизма и такие силы нации, которые не имеют ничего общего с капиталистической эксплуатацией».

Как более динамичная, растущая сила в НСДАП, левая фракция вполне естественно стремилась к тому, чтобы ее программа была принята всей партией. 22 ноября 1925 года на конференции «Рабочего содружества» в Ганновере, на которой были представлены одиннадцать гау, среди прочих присутствовали такие влиятельные гауляйтеры, как Эрих Кох (Рур), Йозеф Вагнер (Вестфалия), Хинрих Аозе (Шлезвиг-Гольштейн), Хельмут Брюкнер (Силезия), Фридрих Гильдебрандт (Мекленбзфг), Карл Кауфман (Рейнланд-Норд), Франц Пфэффср фон Саломон (Вестфалия), Эрнст Шланге (Берлин), БернГард Руст (Ганновер), Карл Рёвер (Ольденбург), Йозеф Тербовен, Роберт Лей (Кёльн) и ряд других.

Грегор Штрассер открывает дискуссию по вопросам партийной программы. Он представляет проект Отто Штрассера и поручает Геббельсу и Карлу Кауфману разработать еще один вариант программы. 11 декабря 1925 года проект Отто Штрассера рассылается для ознакомления во все гау, входящие в «Рабочее содружество», с просьбой обсудить и высказывать свое мнение. Он конкретизировал старую гитлеровскую программу «25 пунктов», дополнив ее в тех частях, которые касались социальных вопросов, в особенности положения рабочего класса, — предусматривалось установление новых экономических отношений, экспроприация промышленного капитала, с передачей 30% акций всех промышленных акционерных обществ в собственность рейха, а 10% — рабочим этих же предприятий, причем последним гарантировалась такая же доля при распределении доходов и места в наблюдательных советах. Еще более радикальной была программа в отношении сельскохозяйственных рабочих — предусматривалась экспроприация помещичьей земли и раздача ее им.

24 января 1926 года в Ганновере на квартире местного гауляйтера Бернхарда Руста состоялась третья конференция «Рабочего содружества» с участием гитлеровского эмиссара Готфрида Федера. На ней обсуждается штрассеровская программа, причем левые нацисты были полны решимости отстаивать свой курс. Так, Бернхард Руст заявил, что Гитлер северо-западным партийным организациям «не указ», «у нас нет папы — как решило большинство, так и будет» (интересна религиозная подоплека этой фразы. Очевидно, подсознательно «северяне»-протестанты испытывали неприязнь к католическому мюнхенскому руководству), Фридрих Гильдебрандт гауляйтер Мекленбурга, воскликнул: «Долой мюнхенских реакционеров! Долой прислужников князей!» (сам Гильдебрандт был лидером местного национал-социалистического союза сельскохозяйственных рабочих и одним из наиболее радикальных сторонников братьев Штрассеров). А доктор Геббельс договорился даже до того, что предложил «исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из НСДАП». Однако пойти на разрыв участники конференции не решились, отложив развязку на 14 февраля 1926 года, дату намеченного руководством НСДАП совещания в Бамберге.

Следует отметить, что среди гауляйтеров Северо-Запада не было полного единодушия. Всегда существовала «большая пестрота взглядов». Наряду с «ведущим социалистом» в НСДАП Грегором Штрассером здесь был поддерживающий Гитлера Роберт Лей, который «по-человечески чувствовал положение рабочих», однако его «социализм» был

«родственен классическому идеалу гуманности», и Эрих Кох — «один из решительнейших социалистов», которого от КПГ отделял лишь его антисемитизм.

В этой ситуации Гитлер, мастер закулисных партийных махинаций, хорошо подготовился к предстоящему столкновению. Назначая конференцию в Бамберге, он хорошо понимал, что в связи с отсутствием средств многие «северяне» на нее приехать не смогут — так и вышло. Денег на билет смогли набрать только для Геббельса. Сам Грегор Штрассер приехал бесплатно, как депутат рейхстага. В то же время Гитлер сумел собрать максимальное число своих сторонников, их были не десятки, как на конференции в Ганновере, а сотни. Фюрер публично разорвал программу Штрассера и объявил, что конференция в Ганновере была незаконной. Выступил также Готфрид Федер, но критиковавший «большевистские тенденции» в программе штрассеровцев. Но леворадикальный проект Отто Штрассера не обсуждался на конференции — сам же Грегор Штрассер отозвал его, чувствуя неравенство сил. Иуда Геббельс поддержал Гитлера, так как тот произвел на него неизгладимое впечатление. Отныне, особенно после того, как 26 октября 1926 года Гитлер назначил его гауляйтером Берлин-Бранденбурга, он проводил свою собственную политику, фактически расколов левое крыло на две части. Группа Штрассера никогда не смогла простить Геббельсу этой «неслыханной измены своим друзьям», как выразился гауляйтер Рура Франц Пфедфер фон Саломон.

Произошли и другие кадровые перестановки, коснувшиеся прежде всего пролетарского Рура — оплота левых нацистов. Тот же Пфедфер переехал в Мюнхен, став руководителем местных «штурмовиков» (СА). Карл Кауфман переведен гауляйтером в Гамбург, а Эрих Кох (будущий палач Украины) — в Восточную Пруссию.

Закрепляя свою победу, Гитлер разослал 1 июня 1926 года из Мюнхена директиву о роспуске «Рабочего содружества». В партии был введен принцип фюрерства, отныне гауляйтеров назначал сам Гитлер, демонстративно была провозглашена неизменность первой программы партии (так называемых «25 пунктов»), которой, кстати говоря, Гитлер не очень дорожил, считая ее устаревшей.

Однако полного разгрома штрассеровской фракции не произошло. Левые сопротивлялись. 1 марта 1926 года, сразу после бамбергского поражения, братья Штрассеры основали в Берлине издательство «Кампфферлаг» и развернули широкую пропагандистскую кампанию. Начались обмены любезностями. Весьма характерна была появившаяся в это время статья Эриха Коха, в которой ни разу не упоминался Иозеф Геббельс, но рассказывалось на исторических примерах о гнусности, коварстве и ничтожестве всякого рода калек и уродцев, занимавшихся политической деятельностью.

Гораздо более серьезным делом, нежели газетные уколы, был созыв в июле 1926 года под нажимом левых специальной конференции партии по вопросу о создании своего нацистского профсоюза. И хотя от штрассеровцев им так и не удалось добиться создания боевой рабочей организации, в следующем, 1927 году на Нюрнбергском партийном съезде они вновь выдвинули свои «пролетарские» требования, продолжая на страницах контролируемой левыми нацистами печати («Национал-социалистише брифе», «Рейхсварт») оживленную дискуссию по этому вопросу. При этом полностью игнорировалась антипрофсоюзная позиция Гитлера, изложенная в «Майн кампф». Лидер столичной парторганизации Геббельс, который хотя переметнулся в организационном плане на сторону фракции Гитлера, все же длительное время сохранял свои левые убеждения. Он решительно выступал в поддержку забастовочной борьбы. В своей статье «Стачка», помещенной в издаваемой им газете «Ангриф» 10 февраля 1930 года, он приветствовал забастовки как средство борьбы против «системы» и «плохих капиталистов».

В 1927 году под его влиянием появилась первая нацистская группа на крупном предприятии — это был «национал-социалистический союз избирателей» на заводе «Берлинер Кнорр-Брамзе А.Г.», переименованный вскоре в «Национал-социалистический Боевой Рабочий Союз». Вслед за этим одна за другой стали появляться подобные

организации на крупнейших предприятиях (заводы Сименса, Бор-зига, «АЭГ», Берлинское транспортное общество «Фауг» и т. д.). В конце 1928 года их было свыше пятидесяти. Главным их организатором являлся энергичный и талантливый 23-летний заместитель Геббельса по руководству берлинской парторганизацией Рейнгольд Мухов и его помощники Вальтер Шуман и Иоганн Энгель. Создавая свою организацию по принципу производственных ячеек, Мухов копировал опыт КПГ. Он писал: «Главной задачей... является превращение рабочих в правящий слой нового государства». В конце концов Гитлер вынужден был смириться, и на Нюрнбергском съезде 1929 года было принято решение создать свою общегерманскую рабочую организацию.

1 мая 1930 года — день официального провозглашения НСБО — Национал-социалистической организации производственных ячеек. Именно в это время НСДАП резко усиливает свое влияние среди рабочего класса. На выборах 1930 года за нее голосовали 2 миллиона рабочих, 200 тысяч рабочих состояли в СА. Среди членов НСДАП их доля достигала 28% (почти в два раза больше, чем доля рабочих, состоящих в КПГ; коммунистов недаром называли партией безработных).

Помимо борьбы по профсоюзному вопросу, штрассеровцы наращивали свою пропагандистскую работу. Во второй половине 30-х годов издательство братьев Штрассеров «Кампфферлаг» начинает выпускать массовым тиражом восемь журналов и газет, самая крупная из которых — «Берлинер арбайтер цайтунг». Вместе с ней в марте 1926 года начинает выходить «Дер Национале социалист», а вслед за ними «Саксишер беобахтер» и два журнала — «Национал-социалистише брифе» и «Фауст». Через эти газеты и журналы штрассеровцы ведут нападки на представителей крупного капитала, особенно на Шахта, что вызывает новые санкции со стороны Гитлера — 23 апреля 1927 года он лишает главный рупор левых, журнал «Национал-социалистише брифе», статуса официального органа партии, оставляя за ним право печатать лишь дискуссионные материалы и научные публикации.

Не все левые нацисты сдались после Бамбергской конференции в феврале 1926 года без боя, как братья Штрассеры. Довольно большая группа революционных нацистов во главе с «Хейнцем» (Карл Гвидо Оскар) Хауенштайном, Фрицем Канненбергом и Эрихом Тиммом выступила тогда против Гитлера и 15 сентября 1926 года была исключена из партии. После закулисных переговоров с Отто Штрассером, который в тот момент отказался последовать за ними, эта группа 24 ноября 1926 года провозгласила создание Независимой Национал-социалистической партии Германии (УНСПД) и ее боевой организации — «Союза друзей Шлагетера» (аналог СА). В ее создании приняли участие представители левых нацистов Берлина, Халле и Лейпцига. УНСПД выпускала свой орган в Дрездене — еженедельную газету «Дойче фрайхат» и насчитывала 1,5 тысячи членов. Идеологически группа базировалась на признании тезисов о народном социализме и провозглашения Великогерманской Советской республики, достижимой в результате классовой борьбы, социализации частной собственности, социальной и национальной революции.

В начале 1927 года УНСПД обратилась с призывом к «товарищам из Союза красных фронтовиков» (РФК — военизированная организация Компартии), в котором предлагала вести совместную борьбу против общих врагов — капиталистов и сторонников «буржуазного» фашизма, так как многие цели и классовые позиции обеих организаций совпадают.

Не получив широкой поддержки среди рабочих, организация в конце 1927 года распалась, большинство ее членов вернулось в НСДАП, занимая по-прежнему крайне левые позиции в ней и активно действуя в руководстве НСБО (организация национал-социалистических производственных ячеек) и штурмовиков (СА).

К этому времени в результате резкого роста НСДАП и ее электората, причем именно на Севере и Западе Германии, влияние самого Грегора Штрассера в партии и позиции его фракции резко улучшились. Этому способствовал и переход в НСДАП ряда

представителей революционного крыла долгое время конкурировавшей с ней праворадикальной «Немецко-фёлькишеской партии свободы», в частности ее депутатов в рейхстаге Эрнста Графа цу Ревентлова, Константина Хирля, Вильгельма Кубе и Франца Штёра. Ревентлов со своей газетой «Рейхсварт» становится наряду с Отто Штрассером главным пропагандистом и идеологом левых нацистов. Выступая на Нюрнбергском съезде партии в августе 1927 года, он заявил: «Мы не должны забывать, что мы национальные социалисты, и поэтому никогда не должны проводить такую внешнюю политику, которая служит или могла бы служить капиталистическим интересам». Константин Хирль по поручению Гитлера создает и возглавляет в Мюнхене 2-й организационный отдел партии. В его рамках действует «отдел экономической политики» — один из бастионов левых, возглавляемый Отто Вагнером, близким другом братьев Штрассеров. Роль этого отдела особенно возросла после того, как в июне 1932 года Грегор Штрассер был назначен Гитлером имперским оргсекретарем НСДАП.

Штрассеровцы и в конце 20-х годов, как уже указывалось, продолжали пропаганду своих левых, социалистических идей, как будто и не было поражения в Бамберге. Так, в своем очередном проекте правительственной программы, который они пытались навязать всей НСДАП в 1929 году, Отто Штрассер писал: «НСДАП является социалистической партией. Она знает, что свободная германская нация может возникнуть лишь путем освобождения трудящихся масс Германии от всяческих форм эксплуатации и угнетения. НСДАП является рабочей партией. Она стоит на точке зрения классовой борьбы трудящихся против паразитов всех рас и вероисповеданий». Далее он разъяснял, что партия выступает за «народное советское государство», и повторял известный тезис о «революционной обороне против империалистических государств в союзе с СССР».

В июне 1927 года в «Национал-социалистише брифе» была напечатана большая программная статья Дитриха Клакгеса, ставшего позднее ближайшим сподвижником Отто Вагнера по «отделу экономической политики», — «Чего хочет национал-социализм». В ней Клакгес в негативных тонах расписывал «господство либерально-капиталистического государства и экономическую монархию», давал резкую критику капитализма, который «планомерно злоупотребляет собственностью на средства производства, отдал богатство и собственность в руки хапуг», а создателей материальных ценностей «поверг в нищету и беды». «Это капитализм, подавив сознательный труд, лишил нацию мира внутри страны и сделал безоружной для отражения нападения извне». В подобном духе продолжал выступать и лидер левых Грегор Штрассер: «Мы социалисты. Мы враги, смертельные враги нынешней капиталистической системы».

В мае 1929 года пресса штрассеровского издательства «Кампфферлаг» в союзе с прессой компартии в рамках пропагандистской кампании против подписания репарационного «плана Юнга» выступила с резкой критикой традиционных союзников НСДАП из правоконсервативного и «социал-революционного» лагеря (Немецкой национальной народной партии Гугенберга, «Стального шлема» и т. п.). Брошенное им штрассеровцами обвинение в том, что они являются «подручными американского финансового капитала» и поэтому предпочитают союз «между германской и американской буржуазией своей связи с судьбой нации», полностью совпадало с аналогичными обвинениями тех же сил со стороны КПП.

Критикуя гитлеровское руководство за отказ от революции, за соглашательство с клерикалами и монархистами, за коррупцию и зависимость от капитала и правых, за принятие в партию принца Августа-Вильгельма, за участие в коалиционном правительстве Тюрингии, штрассеровское крыло партии стремилось «открыть путь для социалистических преобразований в Германии» путем «отрыва» Гитлера от его союзников из правого лагеря.

На базе борьбы против союза с крупным капиталом и правыми партиями «решительно социалистическое левое крыло НСДАП» вновь консолидируется и ведет свою пропаганду «приблизительно в стиле КПП». Показателен конфликт в руководстве саксонской

парторганизации. Когда на выборах 1929 года нацисты получили здесь достаточно мест для того, чтобы создать коалиционное правительство, лидер фракции НСДАП капитан-лейтенант в отставке Хельмут фон Мюкке направил 29 июня того же года письмо Гитлеру, в котором предлагал создать это правительство в коалиции с КПГ и СДПГ. Гитлер решительно отверг этот план, настаивая на коалиции с правыми. Он сместил фон Мюкке и назначил лидером фракции его личного врага капитан-лейтенанта в отставке Манфреда фон Киллингера. В ответ на это фон Мюкке 10 июня вышел из партии, обвинив ее в том, что она «продалась капиталистам», и устроил скандал в прессе, разоблачив роль фабриканта и гауляйтера Саксонии Мартина Мучмана.

Можно согласиться с Альфредом Розенбергом, что весной 1930 года левые нацисты, коммунисты и левые социал-демократы были малоразличимы, «представляли революционное движение в Германии».

1 августа 1929 года Отто Штрассер опубликовал в «Национал-социалистиче брифе» свои знаменитые «14 тезисов германской революции», дав старт очередному наступлению левых на старую программу партии. По крайней мере, половина этих тезисов носила ярко выраженный антикапиталистический характер и могла, с таким же успехом, принадлежать КПГ.

В апреле 1930 года верная своей антикапиталистической линии группа Штрассера, как она это делала и раньше, решительно поддержала забастовку саксонских металлистов, требуя при этом боевого сотрудничества с КПГ. Все это вызвало крайне негативную реакцию группировавшегося вокруг Германа Геринга правого крыла НСДАП. Геринг выразил протест против деятельности издательства «Кампфферлаг» и потребовал передать издательство руководству нацистской партии. Этого хотел и Гитлер. Можно согласиться с тем мнением, что в этот период он стремился убедить буржуазные силы, занимавшие командные высоты в Веймарской республике, особенно руководителей рейха и экономики, в своей лояльности. При всех обстоятельствах он должен был помешать тому, чтобы социалистическое крыло его собственной партии испортило этот «гешефт». 21 мая 1930 года состоялись переговоры Гитлера с братьями Штрассерами в берлинском отеле «Сан-Суси», во время которых Гитлер предложил Отто (владельцу издательства) выкупить его, предлагая в обмен мандат депутата рейхстага, на что тот ответил категорическим отказом. В данной ситуации Отто рассчитывал на предварительную договоренность с Ревентловом, Кохом и другими своими единомышленниками, которые обещали ему в случае конфликта выйти из партии и создать по примеру 1926 года Независимую НСДАП, в нее обещали вступить многие националистические, «социал-революционные» группы вне НСДАП, разделявшие «14 тезисов» Отто, например «национал-большевистская» группа «Революционных национальных социалистов» Карла Отто Петеля.

Однако Гитлер не дал времени на организацию, объединение и перегруппировку сил левых нацистов. По его приказу берлинский гауляйтер Иозеф Геббельс, который до сих пор, несмотря на «бамберское предательство», продолжал лавировать между обеими фракциями, дает распоряжение принять организационные меры против штрассеровских изданий и лидеров штрассеровцев.

4 июля 1930 года, спустя четыре дня после бурного собрания членов партии берлинской гау, на котором Геббельс зачитал письмо Гитлера с требованием «очистить гау от этих элементов», Отто Штрассер с группой ближайших соратников выходит из партии, опубликовав в прессе своего издательства манифест «Социалисты покидают НСДАП». Спустя несколько дней появился другой программный манифест, «Министерские кресла или революция?». Эти документы в значительной мере способствовали тому, что уже существенно позднее широко распространилась легенда о полном отказе НСДАП в 1930 году от левой ориентации, поражении левого крыла в ней. Это не совсем так. Ведь в 1930 году ни Эрнст Граф цу Ревентлов, ни Эрих Кох, ни Отто Вагнер, ни тысячи других левых нацистов из партии не вышли (не говоря уже о самом

Грегоре Штрассере), рассчитывая, как и в 1926 году, продолжить борьбу с Гитлером внутри партии. Какое-то время казалось, что они и на этот раз оказались правы — в июле 1932 года, как уже отмечалось, Грегор Штрассер, отмежевавшийся в свое время от брата, был назначен имперским оргсекретарем НСДАП. Это была, однако, как показали последующие события, пиррова победа.

После ухода революционно ориентированной группы Отто Штрассера «даже самые недоверчивые из капиталистов перестали считать НСДАП партией левых». В нее окончательно поверила и мелкая буржуазия, которая «в любой стране ничего не боится так сильно, как потери своего общественного статуса путем превращения в рабочих».

В группе Отто Штрассера, вышедшей из партии 4 июня 1930 года, было поначалу всего 25 человек, в основном из пролетарского берлинского района Нойкёльн. Вскоре к ним присоединилось несколько сот руководящих функционеров НСДАП. Среди них бывший вожак «фрайкора» и руководитель кюстринского путча «черного рейхсвера» в октябре 1923 года майор Эрнст Бруно Бухруккер, руководитель бранденбургской «школы национал-социалистских фюреров» Вильгельм Корн, сотрудник «Кампфферлаг» Герберт Бланк, силезский руководитель «Революционного крестьянского движения» Рихард Шапке, заместитель гауляйтера НСДАП Бранденбурга Рудольф Рем и гауляйтер Мекленбурга Фридрих Гильдебрандт, впрочем, последний вскоре вернулся к Гитлеру. Эта группа называла себя поначалу Революционной рабочей партией — Оппозиционной или НСДАП-Оппозиционной, по аналогии с отколовшейся годом раньше от КПП фракцией «правых», так называемой КПП/О. Это было не случайно — Отто Штрассер и его друзья были сторонниками сближения с компартией, а после принятия последней 24 августа 1930 года национально ориентированной «Программы национального и социального освобождения германского народа» полностью с ней солидаризовались. Любовь не была взаимной, Компартия Германии (КПП) с самого начала враждебно отнеслась к группе Отто Штрассера, объявив ее даже более вредной и опасной, чем сама НСДАП. Впрочем, так же она отнеслась и к лево-социалистической САП (Социалистической рабочей партии), более опасной, по мнению патентованных наследников Карла Маркса и Розы Люксембург, чем СДПГ. В списке «врагов народа» группа Отто Штрассера заняла, таким образом, лишь пятое место, после авторитарного («фашистского») правительства канцлера Генриха Брюнинга — это был «главный фашист», САП, СДПГ, консервативных националистов, опережая, однако, по вредности «антикапиталистическую» (по терминологии «Роте Фане») НСДАП. Впрочем, это не мешало коммунистам всю использовать штрассеровцев для разложения НСДАП.

Хотя для группы Отто Штрассера такое враждебное отношение со стороны КПП явилось весьма неприятным сюрпризом, было решено все же перейти к дальнейшему партстроительству с перспективой союза с КПП. Довольно долго дебатировался вопрос о названии новой партии, предлагалось: «Национальные большевики», «Революционные немецкие социалисты», «Союз борьбы немецких социалистов». В конце концов сошлись на идентификации себя как «революционных национал-социалистов». 8 июля 1930 года было провозглашено создание новой партии — «Боевого содружества революционных национал-социалистов» (КГРНС) (интересно, что венский филиал группы назывался Немецко-национальной Коммунистической партией). В руководство новой партии вошли, помимо постоянной революционной «тройки» — Штрассер, Бланк, Бухруккер, — Вильгельм Корн (агитпроп), Рудольф Рем и Гюнтер Кюблер (оргруководители), Артур Гроссе и Рихард Шапке (работа с молодежью). Эмблемой организации избрали пересекающиеся меч и молот, флаг — черный, позже добавили свастику. Было подчеркнуто, что новая партия выступает за революционный национал-социализм, против компромиссов и коалиций с партиями крупного капитала, имеет антиимпериалистический характер. Хотя почти сразу к новой организации примкнуло несколько сот функционеров НСДАП и СА, момент для образования партии был явно неудачен. Во-первых, вскоре (в сентябре) прошли выборы в рейхстаг, на которых КПП и особенно НСДАП резко

увеличили свое влияние. Во-вторых, в этих условиях левые нацисты, в большинстве своем, не решились порвать с Гитлером. И, в-третьих, КПП, приняв новую программу и сделав тем самым решительный поворот к средним слоям и опасаясь конкуренции со стороны «революционных национал-социалистов» Отто Штрассера, повела на них решительную атаку. В этой ситуации значительная часть новой партии, среди которой (4 октября 1930 года) Рудольф Рем и Вильгельм Корн — два из трех секретарей организации — по орг- и агитпропработе, в феврале 1931 года — лидер национал-социалистического рабоче-крестьянского молодежного союза Артур Гроссе, выходят из нее и вливаются в КПП.

Летом-осенью 1930 года «Боевое содружество революционных национал-социалистов» насчитывало около четырех тысяч членов. Из них — в Руре — 1,5-2 тысячи, в Берлине — несколько сотен, в Бранденбурге — менее тысячи, в Саксонии — 1-1,5 тысячи и в Мекленбурге — 200 человек.

Особенно чувствительным для Отто Штрассера было предательство мекленбургского гауляйтера, боевого и динамичного лидера местного национал-социалистического союза сельскохозяйственных рабочих Фридриха Гильдебрандта, который поначалу вышел из состава НСДАП, но вскоре, сговорившись за спиной Отто Штрассера с Гитлером и получив какие-то подачки от «мюнхенцев», вернулся в НСДАП.

Первый имперский конгресс новой партии 26 октября 1930 года в Берлине производил жалкое впечатление. Присутствовало только 17 делегатов, скромно провозгласивших себя «школой младших офицеров немецкой революции». Был избран исполком в составе Отто Штрассера, майора Эрнста Бруно Бухруккера (1878—1966) и Герберта Бланка (1899—1958). Ответственными за работу с молодежью были назначены Рихард Шапке (1897—1940) и Альфред Франке-Грикш. Работу с прессой возглавили Ойген Моссаковский и Бланк; Бюро по внешней политике возглавил доктор Карл Хеймзот. В бюро внутренней политики вошли Моссаковский, Хорст Вауер, Ульрих Ольденбург, Тешнер и Готтхард Шильд. Однако вскоре ряды партии начали расти, в основном за счет выходцев из родственных по духу национал-революционных движений, таких, как «Союз Оберланд», «Вервольф», «Союз Артаманов», «Младогерманский орден», «Революционное крестьянское движение», «Стальной шлем», и даже за счет членов КПП. Новую партию поддержали круги, группировавшиеся вокруг газеты «Ди Тат», которую возглавляли Ганс Церер и Фердинанд Фрид. Если в июле 1930 года в новой организации было около тысячи членов, а после сентябрьского раскола еще меньше, то в апреле 1931 года их стало уже 6 тысяч.

Неожиданно большое пополнение получил Отто Штрассер из рядов СА, в которых в начале 30-х годов происходило перманентное брожение. Штурмовые отряды (СА), военизированные отряды НСДАП, были созданы 3 августа 1921 года под названием «группы порядка» на базе некоторых праворадикальных «фрайкоров». Первым руководителем СА стал Эмиль Морис. 4 ноября 1921 года формирующиеся отряды официально получили название Штурмовых отрядов (СА). 28 ноября 1923 года проведен первый парад СА, во время которого были вручены штандарты первым четырем только что сформированным отрядам: «Мюнхен», «Мюнхен II», «Нюрнберг» и «Ландсхут». После «пивного путча» СА вместе с НСДАП были запрещены, но продолжали незаконно действовать под названием «фронтбан». В феврале 1925 года они вновь были легализованы.

К этому времени «Фронтбан» возглавлял капитан Эрнст Рем, выпущенный из тюрьмы сразу же после суда над нацистскими лидерами. Рем, как известно, был сторонником объединения НСДАП с многочисленными праворадикальными «фёлькишескими» группами в рамках «Национал-социалистической партии свободы» (НСПС) под руководством генерала Людендорфа (эту же идею разделял и Грегор Штрассер). Однако после освобождения Гитлера из тюрьмы (20 декабря 1924 г.) он объявил о восстановлении НСДАП. Тем самым Гитлер дезавуировал Штрассера и Рема, а заодно и развалил новую

партию. 12 февраля 1925 года Грегор Штрассер заявил о выходе из «Национал-социалистической партии свободы» и восстановлении своего членства в НСДАП, после чего НСПС вскоре распалась. Наивный и несколько туповатый капитан Эрнст Рём продолжал упорствовать. 16 апреля 1925 года он предпринял последнюю попытку переубедить Гитлера сохранить хотя бы «Фронтбан», как парамилитаризованное объединение всех праворадикалов, однако переданный им с этой целью меморандум Гитлер оставил без ответа. 1 мая 1925 года Рём объявил о своем отказе от руководства «Фронтбаном» и от возложенного на него Гитлером в качестве альтернативы командования СА, а также о выходе из «всех политических союзов и объединений». В 1928 году он уехал военным советником в Боливию и вернулся оттуда только к 1 января 1931 года, когда Гитлеру потребовался новый руководитель (формально — начальник штаба) СА.

«Фронтбан» временно возглавил руководитель его «Группы Центр» Вольф Генрих фон Гельдорф. Однако 22 сентября 1925 года и он вышел из организации.

Что касается СА, то до начала 1926 года они временно находились в подчинении местных гауляйтеров, а в январе 1926 года «комиссарские» функции в них перенял капитан в отставке Дресслер, пока в июле того же года, по указанию Гитлера, их не возглавил «штрассеровец» Франц Пфедфер фон Саломон. В 1928 году он разделил территорию Германии (плюс Австрия) на семь «групп», поставив во главе каждой оберфюрера: капитана Вальтера Стеннеса («Ост» — Берлин), майора Пауля Динклагге («Норд» — Ганновер), подполковника Курта фон Ульриха («Вест» — Кассель), капитан-лейтенанта барона Манфреда фон Киллингера («Центр» — Дрезден), майора Августа Шнейдхубера («Зюйд» — Мюнхен), обер-лейтенанта Виктора Лютце («Рур» — Эльберфельд) и капитана Германа Решни (Австрия).

Очень скоро Гитлер понял, что из боевого офицера Франца Пфедфера не удастся сделать послушную марионетку, как из колченогого уродца доктора Геббельса. Штурмовики постоянно превращались в один из главных бастионов «левого» крыла НСДАП, источник постоянной головной боли для «мюнхенских бонз».

Это брожение тайно поддерживали «верховный фюрер СА» и по совместительству Гитлерюгенда — Франц Пфедфер фон Саломон и его начальник штаба Отто Вагенер — оба сторонники Грегора Штрассера. Лидером недовольных был заместитель «верховного фюрера СА — Ост» капитан Вальтер Стеннес. В начале апреля 1931 года он организовал настоящий путч (второй по счету, первый Гитлер «простил») в Берлине, захватив резиденцию гауляйтера не на шутку перепугавшегося Геббельса и редакцию газеты «Ангриф». С большим трудом, с позорным привлечением полиции, путч удалось подавить, штурмовики, участвовавшие в нем, были исключены из партии и образовали «Национал-социалистическое боевое движение Германии» (НСКД) во главе с Вальтером Стеннесом, насчитывающее поначалу примерно 8—10 тысяч человек. Однако очень быстро число сторонников Стеннеса стало сокращаться, и спустя пару месяцев скопилось до двух тысяч человек.

Новое движение, хотя и не сразу, стало сотрудничать с группой Отто Штрассера. Оно признало политическое руководство «революционных национал-социалистов», а «14 тезисов германской революции» приняло в качестве своей программы. К этому времени в группе Отто Штрассера, помимо молодежной организации (Национал-социалистический рабоче-крестьянский молодежный союз), действовал и аналог «Союза красных фронтовиков» или СА — так называемые «Революционные бойцы», которых после выхода из тюрьмы возглавил бывший обер-лейтенант рейхсвера Ганс Вендт. Вендт был одним из трех офицеров рейхсвера, осужденных в 1930 году на Ульмском процессе по делу о национал-социалистической агитации в армии. (Второй из осужденных офицеров — лейтенант Ганс Людин — остался в НСДАП, стал одним из вождей СА и чудом не погиб во время «ремовского путча», а третий — лейтенант Рихард Шерингер — вступил в КПП.)

После присоединения к ним группы капитана Вальтера Стеннеса «Революционные национал-социалисты» распространили свою деятельность практически на всю страну. Крупные организации действовали в Берлине, Гамбурге, Ганновере, Эйзенахе, Готе, Лейпциге, Брауншвейге, Бреслау и особенно в гау Мекленбург-Любек и Бранденбург (в них на сторону Отто Штрассера перешло большинство местных членов НСДАП). К новой организации примкнули такие «старые бойцы», как бывший адъютант Гиммлера по руководству СС — Ганс Густерт и руководители восточных региональных организаций СА — Герман Титъенс, Ханс Люстиг и Курт Кремзер.

Новую партию назвали «Национал-социалистическое боевое содружество Германии» (НСКД). Она насчитывала до 10 тысяч участников. Штрассер стал ее политическим лидером, а капитан Стеннес — военным. В руководство НСКД вошли как штрассеровцы — Бухруккер, Бланк, Кюблер, так и бывшие сторонники Стеннеса — Вальтер Ян и другие. Центральным органом стала газета «Дойче революцион» (Немецкая революция) — редакторы Штрассер и Ульрих Ольденбург. Однако продолжали выходить и стеннесовские «Рабочий, крестьянин, солдат» и «Национал-социалистише монтагсблатт». Была создана новая молодежная организация — «Революционная рабоче-крестьянская молодежь». Свой профсоюз — аналог НСБО, во главе с берлинским рабочим Геккером. А также отдел помощи политзаключенным во главе с капитаном полиции Гансом Мигге. Однако стабилизировать положение новой организации не удалось. Происходит новый раскол, и на сей раз, помимо оттока части членов в КПГ и НСДАП, создаются две конкурирующие левонацистские организации.

Первой, в августе 1931 года, из движения вышла левая фракция во главе с Ульрихом Ольденбургом, которого поначалу поддержал и бывший обер-лейтенант Ганс Вендт (впрочем, Вендт вскоре ненадолго вернулся к Штрассеру, но лишь для того, чтобы спустя несколько месяцев окончательно перейти к Ольденбургу), популярный вожак нацистской, а затем штрассеровской ячейки в пролетарском пригороде Берлина «Красном Веддинге» Готтхард Шильд и бывший капитан-лейтенант, герой Первой мировой войны Хельмут фон Мюкке (в свое время Мюкке, будучи лидером фракции НСДАП в саксонском ландтаге, сделал вопреки Гитлеру попытку создать коалиционное правительство из НСДАП, СДПГ и КПГ). Ольденбург, будучи главным редактором «Дойче революцион», сделал ее органом своей группы, которая имела двойное членство — помимо нелегальной организации — «Союз борьбы немецких революционеров» (КГДР), во главе с самим Ольденбургом существовало и официальное «Немецкое социалистическое боевое движение» (Мюкке, Шильд). Как и Отто Штрассер, они выступали за Великогерманскую рабоче-крестьянскую социалистическую республику, за революционный союз с СССР, однако критиковали его за «буржуазное» понимание социализма как общественной собственности с долевым разделением: рейху — 30%, рабочим — 10%, землям — 6%, общинам 5%, остальное — частным владельцам. Пурист Ольденбург считал, что эта теория ничего общего с социализмом не имеет. Его соратник лейтенант Ганс Вендт, окончательно порвав со Штрассером, отвечал за боевую работу организации. Для этого он создал в Берлине анархотеррористическую группу (40—50 человек) и установил контакт с аналогичной организацией некоего Климашевского «Восточнопрусская боевая молодежь» (200 человек). Однако широкого резонанса эта деятельность не имела, слишком сильны были конкуренты.

В сентябре 1931 года откололась от организации Отто Штрассера и группа Вальтера Стеннеса, конституировавшись в «Независимое национал-социалистическое боевое движение Германии» (УНСКД), со своим органом «Национал-социалистише монтагсблатт».

Все это привело к тому, что ко 2-му имперскому конгрессу «революционных национал-социалистов» (2-4 октября 1931 года) в их рядах осталось всего 2,5 тысячи членов. На конгрессе было решено вернуть себе старое название — «Боевое содружество революционных национал-социалистов» (КГРНС), а в исполком помимо старых его

членов — Штрассера, Бухруккера и Бланка — были выбраны два левых радикала — Ганс Вендт и Вальтер Пагель. Однако Отто Штрассер не унывает, он выдвигает предложение объединить все праворадикальные, национал-революционные, левонационал-социалистические и национал-большевистские организации в так называемый «Черный фронт», что и происходит 20 ноября 1931 года в Берлине. В этот пестрый союз входят группа Вальтера Стеннеса — УН СКД, а также «Бунд Оберланд», «Вервольф», «Ландфолькбунд» и другие группы, они называют себя «школой офицеров и унтер-офицеров немецкой революции». Поддержку им оказывают национал-революционные и «национал-большевистские» издания типа «Ди Тат», «Видерштанд», «Комменден», «Ди юнге маншафт». Главным агитационным призывом нового объединения стал старый штрассеровский лозунг «За немецкую народную революцию!» (впрочем, позаимствованный к тому времени т. Эрнстом Тельманом). Еще с сентября 1931 года Отто Штрассер начал издание своей новой газеты «Шварце фронт» («Черный фронт»). Конкретизируя понимание лозунга «народной революции» применительно к текущему моменту, он провозглашает в своей газете: «С нами за революционное правительство Грегора Штрассера, Ревентлова, Зеверинга, Хельтермана и Шерингера!» Если расшифровать, получается коалиционное правительство левых нацистов (Грегор Штрассер, Ревентлов), «боевых» социал-демократов (Зеверинг, Хельтерман) и «национально ориентированных» коммунистов (Шерингер). Интересно, что, как широко известно, в декабре 1932 года эту же идею «рабочего правительства» с опорой на социал-демократические профсоюзы попытался осуществить тогдашний канцлер генерал Шлейхер, представитель рейхсвера, причем, как и Отто, он делал ставку на новый раскол НСДАП, рассматривая Грегора Штрассера как «рабочего политика», но отказывая в этом Гитлеру.

В это время теснее всего «революционные национал-социалисты» сотрудничают с компартией. Они совместно участвуют в забастовках, бойкотах, демонстрациях, драках со штурмовиками (в рядах «Союза борьбы против фашизма», сменившего запрещенный «Союз красных фронтовиков»), а также в различных совместных комитетах, типа Комитета за освобождение лидера крестьян-террористов Клауса Хейма, «Комитета Шерингера» (один из вышеупомянутых трех офицеров-нацистов, которому после вступления в КПГ набавили срок) и других. Постоянно проводились совместные собрания и открытые дискуссии с участием таких видных деятелей КПГ, как, Вилли Мюнценберг, Хейнц Нойман, Вернер Хирш, а от «революционных национал-социалистов» — Отто Штрассер, Ойген Моссаковский.

7-10 сентября 1932 года в Лойтенберге происходил 3-й имперский конгресс «революционных национал-социалистов». Присутствовало около двухсот делегатов, которым была презентована новая боевая организация партии, т. н. «Черная гвардия» (очевидно, на этот раз Штрассер решил скопировать не СА, а СС). Тем не менее утечка членов из организации продолжалась, они по-прежнему переходили в КПГ, а со второй половины 1932 года и в НСДАП (это было вызвано тем, что после улучшения франко-советских отношений Москва потребовала от КПГ свернуть свой так называемый «Шерингер-курс», который был направлен на привлечение националистически настроенных средних слоев и отличался крайне антифранцузской и антиверсальской направленностью).

К Гитлеру, в частности, вернулись последний из секретарей партии первого состава Гюнтер Кюблер, член второго секретариата Герберт Бланк. В компартию, к Эрнсту Тельману, ушли пять бывших фюреров Гитлерюгенда и активистов штрассеровского движения — Томас Крюгер, Фридрих Копп, Рихард Шмид, Ойген Хартман, Эдит Ноак, член второго секретариата Вальтер Пагель, руководитель мюнхенской группы Фридрих Беер. Оставшаяся небольшая группа революционных национал-социалистов во главе с Отто Штрассером тем не менее и после прихода Гитлера к власти продолжала активную деятельность (в своем списке «врагов народа» Гитлер ставил ее на почетное первое

место). Центр ее переместился в Прагу, где выходит сначала (с марта 1933 года) «Дер Шварце Зендер», а с февраля 1934 года — «Дойче революцион».

30 января 1934 года Отто Штрассер объявляет в Праге о создании «Комитета действий германской революции» в качестве контрправительства в эмиграции и центра всех оппозиционных сил. В начале 1936 года Отто Штрассер явился лидером охватившего довольно широкие круги эмиграции так называемого «Германского народно-социалистического движения», в котором приняли активное участие бывшие коммунисты (Ганс Яегер, Макс Зиверс, Эрих Волленберг, Рудольф Мёллер-Достали), социал-демократы (Карл Хельтерман, Венцель Якш, Вильгельм Зольман, Отто Бухвиц), небольшие левые группы (Ойген Брем, Курт Хил-лер) и оппозиционные нацисты (Генрих Грунов, Герман Мейнен, Герман Раушнинг). Под редакцией Рихарда Шапке и Отто Бухвица выходит орган движения «Фёлькише Социалистише блеттер». В 1937 году он создает «Германский фронт против гитлеровского фашизма», а в 1941 году «Движение за свободу Германии» и «Немецкий Национальный Совет». Вплоть до своей смерти в ФРГ, куда он вернулся в середине 50-х годов, Отто Штрассер создавал небольшие сектантские группы типа «Союза немецких социалистов» или «Независимой рабочей партии».

Однако вернемся к НСДАП. Как мы уже отмечали, борьба за левый, социалистический курс продолжалась в ней и после ухода Отто Штрассера. Изгнав его, Гитлер тем не менее длительное время проявлял «сдержанность» в отношении представителей левых и стремился использовать их в своих целях и дальше. Очередное обострение фракционной борьбы произошло в декабре 1932 года, после того как Грегор Штрассер принял участие в попытке генерала фон Шлейхера сформировать «рабочее правительство» из представителей рейхсвера, СДПГ и контролируемых ею профсоюзов, а также социалистического крыла НСДАП. Под последним подразумевались 63 депутата рейхстага, близких к Грегору, — Эрнст Граф цу Ревентлов, Франц Штёр, Карл Кауфман, Константин Хирль, Отто Вагнер и другие. Однако Гитлер пресек эту акцию Штрассера, причем большинство сторонников последнего в очередной раз предало своего лидера. 9 декабря Грегор Штрассер был отстранен от всех постов в партии. Вместе со Штрассером попал в опалу и поддержавший его Готфрид Федер. Однако «антипартийная группа Штрассера — Федер» отнюдь не сложила оружия. После неудачных в общем для НСДАП выборов в округе Липпе (январь 1933 года) здесь произошло очередное выступление социалистического крыла против центрального руководства. В результате группенфюрер СА Средней Франконии Вильгельм Штегман был отстранен Гитлером и Ремом от своих обязанностей, несмотря на то, что в его поддержку выступила вся земельная организация СА. 13 января в «Фёлькишер беобахтер» сообщили о выходе из НСДАП руководителя округа Липпе, который при этом заявил, что «партия продолжает парламентскую болтовню вместо того, чтобы уничтожить Веймарскую систему», выступил с обвинениями против «партийных бонз», против «немыслимого византизма», против «постоянной грызни, клеветы, интриг, обострений и т. д.», которые привели к отстранению Грегора Штрассера. На состоявшемся в том же месяце партийном съезде имела место бурная дискуссия со сторонниками штрассеровского направления по всем центральным вопросам.

Следующим поражением левых был разгром руководства нацистского профсоюза — НСБО. Еще летом 1933 года наиболее радикальные активисты НСБО были изгнаны из организации. Некоторые из них даже попали в концлагеря как «марксистские агенты». 5 августа 1933 года по требованию Гитлера лидер НСБО Рейнгольд Мухов вынужден был прекратить прием в организацию (которая достигла к этому времени 1 млн. 300 тысяч членов плюс 300 тысяч кандидатов, а в молодежную организацию влились Гитлерюгенд). НСБО была объявлена «школой руководящих кадров Немецкого трудового фронта» (ДАФ), созданного 10 мая 1933 года под руководством Роберта Лея. В рамках Немецкого трудового фронта все рабочие организации были объединены во Всеобщий союз немецких рабочих во главе с Вальтером Шуманом. Вскоре погиб Мухов, по официальной

версии, «в результате неосторожного обращения с оружием», а 23 августа 1934 года, уже после разгрома штурмовиков, были сняты со своих постов как «саботажники» его ближайшие сотрудники — Брукнер, Крюгер и Хауенштайн. 18 сентября был изгнан руководитель отдела прессы и пропаганды ДАФ, в прошлом главный пропагандист НСБО Карл Буш.

Как поразительно судьба Рейнгольда Мухова и судьба его любимого детища — НСБО напоминает судьбу советского коммунистического профсоюза ВЦСПС и его лидеров Юрия Луговина и Михаила Томского. Они, как известно, покончили жизнь самоубийством, первый в 1924-м, второй в 1936 году, а ВЦСПС превратилась из «школы коммунизма» в фактически государственную структуру ленинско-сталинского режима.

Другой массовой организацией, в которой левые имели сильные позиции, были «штурмовые отряды» (СА). Еще летом 1933 года в рядах штурмовиков стало проявляться недовольство «остановкой революции». Происходили «бунты» активистов СА в Берлине, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне, Дортмунде, Эссене, Дрездене, Касселе, Кенигсберге, Фрайбурге. Они привели к массовым чисткам в организации. В августе 1933 года были распущены все отряды СА во Франкфурте-на-Майне, только в Берлине исключено 3870 человек, а всего к концу 1933 года из организации было изгнано 200 тысяч штурмовиков.

О позиции руководства СА в этот период можно судить по выступлениям и статьям Эрнста Рема. В своей статье, опубликованной в теоретическом органе НСДАП «Национал-социалистическом монатсхефте» в июне 1933 года, он писал об особом положении СА и СС в новом государстве и требовал продолжения революции: «СА и СС не потерпят, чтобы германская революция заснула на пороге». В августе 1933 года, выступая перед 80 тысячами штурмовиков на Темпельгофском поле в Берлине, Рём заявил: «Тот, кто думает, что задача СА уже выполнена, должен будет привыкнуть к мысли, что мы еще существуем и намерены остаться на своих постах, чего бы это нам ни стоило». В феврале 1934 года он направил кабинету министров письмо с предложением «заменить рейхсвер Народной армией» (старое требование всех левых нацистов, коммунистов и национал-большевиков), влив в нее отряды СА и образовав специальное министерство, которое возглавляло бы как Народную армию, так и военизированные организации, союзы фронтовиков и т. д. О том, кто мог бы возглавить это министерство, Рём из скромности умолчал. Выступая 18 апреля 1934 года перед представителями дипломатического корпуса и журналистами, неделю спустя после знаменитых переговоров Гитлера с руководством рейхсвера генералами Бломбергом и Фричем и адмиралом флота Редером на борту броненосца «Дойчланд», Рём фактически дезавуировал фюрера, сделав особый упор в своей речи на социалистических требованиях СА: «Мы совершили не просто национальную революцию, а национал-социалистическую революцию, причем особый упор мы делаем на слове «социалистическую». Затем Рём обрушился на «реакционеров», примазавшихся к нацистскому движению, пообещав, что бойцы СА выведут их всех на чистую воду: «Боец в коричневой рубашке с первых дней маршировал по дороге революции, и он ни на шаг не сойдет со своего пути, пока не будет достигнута конечная цель».

Это были не просто слова. Одновременно руководство СА, якобы для охраны своих штабов, создало специальное подразделение, открыто вооруженное винтовками и пулеметами. После гибели Рема в подвалах штаб-квартиры СА в Берлине обнаружили больше пулеметов, чем было у всей прусской полиции.

В начале июня 1934 года руководство СА решило активизировать свою работу среди рабочих. Глава политического отдела СА проник на территорию завода Круппа и обратился к рабочим с подстрекательской речью, призывая прекратить работу, что они и сделали. Все это вызвало массированную атаку на Гитлера со стороны правоконсервативных кругов. Застрельщиком ее выступил вице-канцлер фон Папен. Выступая с речью в Марбургском университете 17 июня 1934 года, Папен заявил: «Руководство партии должно следить за тем, чтобы в стране не развернулась вновь под

новыми знаменами классовая борьба. Мы осуществили антимарксистскую революцию не для того, чтобы проводить в жизнь программу марксизма... Тот, кто угрожает гильотиной, сам попадет под нож». 20 июня Папен пришел к Гитлеру и угрожал ему своей отставкой и отставкой двух министров-консерваторов — фон Нейрата, министра иностранных дел, и фон Крозигка, министра финансов. На следующий день на приеме у президента Гинденбурга военный министр Бломберг угрожал Гитлеру введением чрезвычайного положения. 25 июня главнокомандующий сухопутными войсками Фрич объявляет боевую тревогу в рейхсвере, отменяет отпуска, солдатам приказывает оставаться в казармах. Вслед за этим Рема исключают из Германского союза офицеров. 30 июня в Бад-Висзее близ Мюнхена должно было состояться совещание высшего руководства СА. В ночь на 30-е руководимые Гитлером части СС начали операцию, вошедшую в историю как «ночь длинных ножей». Все руководство СА, все руководители отделов были уничтожены. Погибли: сам Эрнст Рём, Эдмунд Хейнес, Фриц Риттер фон Крауссер, Петер фон Хайдебрек, Август Шнейдхубер, Карл Эрнст и многие другие. Новым руководителем СА был назначен переметнувшийся на сторону Гитлера Виктор Лютне, не имевший никакого политического веса.

Одновременно был арестован и убит Грегор Штрассер. Но Гитлер нанес удар не только по левым. Он припугнул и правых. Были убиты: генерал Курт фон Шлейхер и его жена, ближайший помощник Шлейхера генерал Фердинанд фон Бредов, руководители католического движения Эрих Клаужнер, Адальберт Пробст, Герберт фон Бозс, идеологи папеновского «клуба господ» Вальтер Шотте и Эдгар Юлиус Юнг, автор марбургской речи фон Папена. Пытались убить (а может быть, просто запугать) крупнейших деятелей Веймарской республики — Франца фон Папена, Генриха Брюниша, Готтфрида Тревирануса, Вильгельма Тренера. Всего было уничтожено 1184 человека (по другим данным, раз в десять меньше). Среди убитых были также несколько коммунистов и эсэсовцев.

Интересно, что и после гибели Эрнста Рема в рядах СА действовала левая группа, так называемая «Колонна Шерингера», издававшая свои бюллетень «Красный штандарт». Эта группа имела тесные контакты с военно-политическим аппаратом КПГ (а может быть, и была инспирирована им), во главе которого стоял бывший офицер кайзеровской армии Ганс Киппенбергер.

Одновременно с разгромом левого руководства НСБО и СА Гитлер принял контрмеры и против излишне поспешных и радикальных действий левых в области управления экономикой. Придя к власти, многие национал-социалистические функционеры из штрассеровского крыла начали активно вмешиваться в дела крупного капитала. Это делали Отто Вагнер, Андриан фон Рентельн, Готфрид Федер, Вальтер Дарре и другие. Например, Вагнер пытался диктовать Объединению германских работодателей свои законы. Рентельн, став президентом Объединения торговых палат, начал кампанию против крупных универсальных магазинов. Гитлер решительно пресек эти попытки, что не помешало ему в будущем расширить свой контроль над экономикой, делая это более гибко. Была проведена чистка среди функционеров НСДАП. Почти 20% из вступивших в партию до 1933 года (в Берлине — свыше 50%) были сняты со своих постов. До конца года почти 80% партийных функционеров было рекрутировано из тех, кто вступил в партию после 1933 года. Была проведена чистка национал-социалистического союза студентов, особенно его организаций в Берлине и Галле.

Таким образом, мы видим, что и в первой половине 30-х годов в рядах НСДАП шла ожесточенная борьба между двумя линиями в ее руководстве, каждая из которых делала упор на первой или второй части словосочетания «национал-социализм», условно говоря, между «фашистом» Гитлером и «социалистом» Грегором Штрассером. В лице последнего мы видим сторонника национально ориентированного государственного социализма, абсолютизирующего идею пролетарского государства, идею власти. Нам могут возразить, что подобная концепция социализма не имеет ничего общего с «интернациональным

марксизмом» коммунистов, которому присущи якобы как раз антитоталитарные, антиэтатистские позиции. Однако пусть нам покажут пример осуществления коммунистами такого социализма. Да и вообще, после исключения «троцкистов» и «правых» (тоже весьма относительных плюралистов и демократов) из ряда коммунистического движения и их полного провала на политической арене говорить об «интернациональном марксизме» в коммунистическом движении следует достаточно осторожно.

Почему же Штрассеры проиграли в своей борьбе? Почему обаятельнейший гигант, оратор, высокоодаренный и многознающий Грегор спасовал перед нелепым «богемским ефрейтором»? Думается, ответ надо искать в присущих Гитлеру свойствах харизматического лидера, которые вовремя почуял своим художническим чутьем Геббельс, сделав выбор в феврале 1926 года. Этот «харизматический источник власти» обеспечил Гитлеру победу во всех фракционных конфликтах.

Что мы имеем в виду? После национальной катастрофы Первой мировой войны в Германии проходил тяжелейший структурный кризис, затянувшийся в результате событий 1923 года и после небольшого периода экономического подъема перешедший в великий экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов. В результате всех этих событий произошла утрата нормальных социальных связей, классовой определенности, осознания общности интересов и, как следствие, утрата интереса к конкретным, то есть прагматическим целям. Люди находились в состоянии фрустрации, они лишились своего «я», потеряли самоуважение. Таких людей легко мобилизовать и объединить харизматическим лидером, выдвигающим свой гигантский, утопический миф. Этот миф становится новым «я» для человека, который находит в нем положительную самооценку. Главная трудность заключается в том, чтобы найти наиболее адекватную ситуации и национальным особенностям страны форму мифа. Учитывая исторически сложившийся в Германии этатизм и связанный с ним высокий уровень патернализации общества, сделать это было несложно. Но вставал вопрос о том, какую — классово-пролетарскую или национально-шовинистическую — окраску должен носить миф. Здесь речь, главным образом, шла о привлекательности этих двух форм для тех или иных социальных групп (пусть и находящихся в аморфном состоянии вследствие кризиса, но не утративших полностью политические пристрастия). Так как Грегор Штрассер действовал на Севере и Западе Германии, где традиционно высок уровень индустриализации, и главную его опору составляли рабочие, естественно, ему был ближе первый вариант мифа. Однако Гитлер сделал ставку на средние слои. И не только потому, что они преобладали в Баварии. Он понял, что лишь средние слои могут выполнить роль гегемона, повести за собой и буржуазию, и рабочих, и крестьян, и рейхсвер, и домохозяек, и безработных и т. д., наиболее адекватно совместить интересы всех этих групп. Он верно нащупал главную точку, по которой следовало бить, — Версальский мир и, таким образом, придал мифу черты «святого дела». Кроме того, будучи художественно одаренным человеком, он идеально подходил на роль лидера — ведь тоталитарные движения всегда квазиартистичны, а его неполноценность в искусстве (провалился на экзаменах в Академию художеств) укрепила в нем фанатизм и самоуверенность.

Другим тоталитарным движением, чрезвычайно близким, родственным революционному национал-социализму Отто Штрассера и пытавшимся также играть самостоятельную роль в радикальном движении (наряду с КПГ и НСДАП), был национал-большевизм. Как известно, Первая мировая война привела к краху авторитарную кайзеровскую империю. Страны Антанты — страны западных демократий (Англия, Франция и США) — победили. Однако, по меткому замечанию Леонида Люкса, «следствием этой победы было восстание против Запада, протест против присущих Западу ценностных ориентации, заявленных с небывалым для подобных движений радикализмом».

Национал-большевизм как идеология, политическое движение и сообщество зародился в Веймарской Германии. Он являлся своеобразным синтезом германского правого национализма, уязвленного унижительной Версальской системой, французской оккупацией и еврейским «доминированием» в политике и экономике страны, с революционным пролетарским социализмом. Национал-большевизм стремился под красным флагом социальной революции и ориентации и в военном союзе с Советской Россией решить национальные проблемы Германии.

Датой рождения национал-большевизма является 1919 год. В атмосфере шока, вызванного подписанием позорного Версальского договора, кризиса всех государственных институтов, роспуска огромной армии, в стране появляются десятки милитаризованных союзов, так называемых добровольческих корпусов («фрайкоров»). Строго секретные, до зубов вооруженные «фрайкоры» считали себя «черным рейхсвером», то есть тайной армией Германии, действующей вопреки Версальскому договору. Однако связь их с рейхсвером была весьма условной, так как в значительной мере зависела от личности лидера («фюрера») — вчерашнего героя, превратившегося в озлобленного, выбитого из привычной социальной роли авантюриста, как, впрочем, и его подчиненные. Среди этих людей находились многие будущие функционеры НСДАП, СА и СС (Эрнст Рём, Герман Геринг, Генрих Гиммлер, Грегор Штрассер и т. д.), но также и будущие коммунистические лидеры (Беппо Рёмер, Людвиг Ренн, Хартмут Плаас, Бодо Узе). Помимо необходимости сохранения тайной армии, были и другие причины существования «фрайкоров» — тут и борьба против «большевистской заразы», и проведение военной подготовки молодежи, и в первую очередь наличие огромной массы бывших офицеров («200 тысяч безработных капитанов и лейтенантов»), не желавших, да и неспособных сразу же включиться в нормальную гражданскую жизнь и перебивавшихся случайными заработками, а то и криминалом до «лучших времен».

Помимо «фрайкоров» в большом количестве размножились традиционные для Германии «юношеские союзы», чаще всего с весьма реакционной, консервативной идеологией, и так называемые «фёлькишеские» партии и организации (движение «фёлькише»-народников) с националистической, антисемитской окраской. Все они послужили питательной средой для возникновения как национал-социалистического, так и национал-большевистского движения.

По своему социальному составу теоретики и лидеры национал-большевизма принадлежали к интеллектуальной элите — это прежде всего журналисты и публицисты (Эрнст Никит, Карл Отто Петель, Вернар Ласе), университетские профессора (Пауль Эльцбахер, Ганс фон Хентинг, Фридрих Ленц,) военная интеллигенция (Бодо Узе, Беппо Рёмер, Хартмут Плаас), юристы и чиновники (Карл Трёгер, Франц Крюпфганц и др.).

Национал-большевизм возник не на ровном месте. Исходным материалом для его появления на свет послужило мощное и весьма сильное течение так называемых в Германии «консервативных революционеров» (строго говоря, выделяют «младоконсерваторов» — Артур Мёллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер и др., а также «неоконсерваторов» — Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон, Фридрих Гильшер и др.) и связанное с ним «национально-революционное движение» (иногда называется и социал-революционным). Это течение появилось вследствие кризиса традиционного консервативного типа сознания, вызванного крахом кайзеровской империи и структурными реформами всей общественно-экономической жизни Германии, отразившимися на судьбе элиты. Большая часть этой элиты эволюционировала в сторону навязанного Антантой немцам либерализма, отказываясь от второстепенного в своем статус-кво во имя сохранения главного. Другая же группа (в основном, естественно, из интеллектуальной элиты), наоборот, резко ушла вправо, как принято говорить, к правому радикализму, а вернее, к тоталитарной идеологии с ярко выраженной националистической окраской. В этой своей эволюции, вступающей в противоречие с объективным ходом развития общества, эта группа превратилась из консерваторов (т. е. защитников порядка) в

его возмутителей, социальных критиков. Не имея уже поддержки экономической элиты, они меняли социальную базу, стремясь опереться на как можно более широкий спектр сил. Для этого они перехватывают у левых их популярные и броские лозунги.

В 1918-1919 годах в Германии происходит именно такой процесс, возникают первые группировки и организации, постепенно вырабатывавшие платформу «консервативной революции». Главным в идеологическом комплексе «консервативных революционеров» и порожденного ими более массового, политизированного и поэтому более радикального «национально-революционного движения» была задача перечеркнуть позор Версальского договора и навязанной Германии Веймарской республики, восстановить могущество и военный потенциал страны. Вместо неспособного к выполнению этой задачи «слабосильного» государственного аппарата буржуазно-демократической республики во главе страны должна была стать сильная военно-политическая элита. Чрезвычайно важной была также идея цезаризма и фюрерства. Свою ненависть к Веймарской республике «консервативные, национальные и социал-революционные» публицисты распространяли на всю цивилизацию Запада, которая ассоциировалась у них с гуманизмом, демократией, интеллектуализмом и либерализмом.

Так как для еще кайзеровской империи, особенно времен Первой мировой войны, и для служившей для них эталоном Пруссии времен Фридриха II были весьма характерны этатизм (форма общественного устройства, при которой государству принадлежат важнейшие функции) и вытекающий из него высокий уровень государственного патернализма, «национал-революционеры» выступали за социализацию средств производства и за принцип «народной общности» в экономике. Еще Йозеф Геббельс писал в свое время: «Наш социализм, как мы его понимаем, — это самое лучшее прусское наследие. Это наследие прусской армии, прусского чиновничества». Исходя из этих идей так называемого «прусского социализма», Освальд Шпенглер писал, что «старопрусский дух и социалистическое мировоззрение, ныне находящиеся в смертельной вражде, на деле одно и то же», хотя к марксизму, как еврейской западне для отвлечения пролетариата от его долга по отношению к нации, «национал-революционеры», как часть национал-большевиков, относились враждебно. Это не относилось к Ленину и Сталину, но относилось к «еврею-космополиту» Льву Троцкому. Известен даже случай, когда в середине 20-х годов трое студентов — «национал-революционеров» прибыли в СССР с целью покушения на него. Очень ценился среди «национал-революционеров» советский опыт первых пятилеток и централизации управления экономикой. Эрнст Юнгер, к примеру, писал в эссе «Тотальная мобилизация» (1931), что советские пятилетки «впервые показали миру возможность объединить все усилия великой державы, направив их в единое русло». Популярной была и идея экономической автаркии, особенно ярко изложенная в книге члена кружка, сложившегося вокруг национал-революционного журнала «Ди Тат», Фердинанда Фрида «Конец капитализма» (1931).

Главным средством, с помощью которого «национал-революционеры» стремились достичь своих целей, было насилие. Как писал в одной из своих статей главный редактор «Ди Тат» Адам Кукхоф, «единственное средство изменения данного социального и политического состояния — это насилие, возможное лишь как насилие масс, насилие, следовательно, путь Ленина, а не путь Социалистического Интернационала».

Всех «национал-революционеров» объединяли ненависть к Версальской системе, которая представлялась им чем-то вроде антантовского оккупационного режима, и стремление сокрушить ее при опоре на Советскую Россию. Была выдвинута идея «пролетарского национализма», согласно которой все народы делятся на угнетенные и господствующие — «молодые» и «старые», причем к «молодым» относятся Германия, Россия и другие народы «Востока». Они, по мысли «национал-революционеров», являлись «жизнеспособными» и обладающими «волей к борьбе» (не случайно «национал-революционеры» с энтузиазмом отнеслись к проведению в Берлине в 1927 году учредительной конференции Лиги против империализма, инспирированной

Коминтерном). Эта идея борьбы «пролетарских наций» против «буржуазных» была отнюдь не нова, еще в начале века ее развивали итальянские националисты. В 1923 году Артур Мёллер ван ден Брук писал: «Мы — народ в узах. Тесное пространство, в котором мы зажаты, чревато опасностью, масштабы которой непредсказуемы. Такова угроза, которую представляем мы, — и не следует ли нам претворить эту угрозу в нашу политику?»).

Смещаясь все далее влево, «национал-революционеры» выдвинули тезис о том, что добиться национального освобождения можно, лишь предварительно достигнув социального и что сделать это может только немецкий рабочий класс (центральная, главная книга Эрнста Юнгера так и называлась — «Рабочий» (1932).

Если суммировать основные идеи «национал-революционеров», то можно вычлениить, во-первых, негативное отношение к гуманизму, либерализму (по ван ден Бруку, либерализм — «моральный недуг народов» — являет собой свободу от убеждений и выдает ее за убеждение), демократии и «зараженному» ими марксизму и, наоборот, позитивное отношение к этатистскому социализму («пруссский социализм»), автаркии, иерархическому принципу; во внешней политике — «восточная ориентация» (т. е. Советский Союз против Антанты). Их героями являлись Фридрих II и Гегель, Клаузевиц и Бисмарк.

Национал-большевики, после отделения от «национал-революционного» движения, добавили к этому списку Ленина и Сталина, некоторые Маркса, к числу неприемлемых для себя течений добавили фашизм и нацизм («переродившийся» после 1930 года), а в позитив занесли классовую борьбу, диктатуру пролетариата, социальную и экономическую революцию, систему Советов, всеобщую народную армию («Красная армия вместо рейхсвера»), впрочем, к Советам и Красной армии положительно относилось и большинство «национал-революционеров». Нетрудно заметить, что «национал-революционное» движение по многим пунктам совпадало с двумя русскими эмигрантскими течениями — «сменовеховством» и особенно «евразийством». Для всех них были характерны антидемократизм, национализм, критика недавнего прошлого ради более древнего, имперские геополитические амбиции, идеократия. Совпадения были не случайны, между журналами «Евразия» и «Ди Тат» существовали самые тесные связи.

Многие участники «национал-революционного» движения впоследствии примкнули к нацистам (Август Винниг, Ганс Герд Техов, Франц Шаувеккер), левым нацистам (группе Отто Штрассера), пройдя через нацизм, встали в «аристократическую» оппозицию к нему (Герман Эрхардт, Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон), стали коммунистами (Арнольд Броннен, Адам Кукхоф). Примерно четверть от общего числа публицистов и вожakov «неоконсерваторов» стали национал-большевиками (Эрнст Никиш, Карл Отто Петель, Вернер Ласе, Хартмут Плаас, Ганс Эбелинг). В самом национал-большевистском движении это (условно и приблизительно) составило три четверти его участников, остальные национал-большевики пришли из левого, коммунистического лагеря.

Основной теоретический постулат национал-большевизма — концепция об особой всемирно-исторической роли угнетенной (она же революционная) нации в процессе борьбы за построение тоталитарного национального социализма. При этом национал-большевики абсолютизировали национальный фактор, выступали за проведение социальной революции и построение общества «национального социализма» ради грядущего национального величия Германии. Они призывали соединить основные революционные и консервативные идеи (в том числе большевизм и «пруссачество»), установить «диктатуру труда» в виде власти наиболее достойных социальных групп — рабочих и военных, провести национализацию основных средств производства, ввести плановую систему хозяйства, автаркию, создать сильное милитаристское государство, которым управляют фюрер и партийная элита.

Для понимания феномена национал-большевистского движения необходимо отметить и еще один момент — это наличие в руководстве рейхсвера сильной группы,

выступающей за советско-германское сотрудничество. Ее вдохновителем и наиболее активным сторонником был генерал Ганс фон Сект, главнокомандующий рейхсвером. Единомышленниками Секта в этом вопросе были военный министр Отто Гесслер, начальник оперативного (фактически Генерального) штаба Отто Хассе. Во время польско-советской войны (до поражения под Варшавой) Сект даже считал возможным в союзе с Красной армией ликвидировать Версальскую систему. Он установил контакт с Председателем РВС Республики Львом Троцким. Этой позиции Сект придерживался и в дальнейшем, изложив ее в своих брошюрах «Будущее германского рейха» (1929), «Мысли солдата» (1929), «Рейхсвер» (1933). Вплоть до начала войны с СССР в 1941 году идеи Секта развивали в своих работах и другие рейхсверовские генералы и теоретики — Фалькенгейн (1937), Георг Ветцель (1937), фон Метч (1938), Кабиш (1939), барон Вессель фон Фрейтаг-Лорингхофен (1939— 1940). Да и в программных выступлениях НСДАП «восточная ориентация» сохранялась вплоть до 1930 года.

Пионером немецкого национал-большевизма можно считать Пауля Эльцбахера (1868—1928), профессора, доктора права, ректора Берлинской Высшей школы коммерции, депутата от Немецкой Народной партии, члена национально-германской фракции. 2 апреля 1919 года Эльцбахер поместил в газете «Дер Таг» («День») статью «Последнее средство», которую можно считать первым изложением идей национал-большевизма. В ней и ряде других публикаций он призывал соединить большевизм и пруссачество, ввести в Германии Советскую систему, осуществить социализацию, установить тесный союз с Советской Россией и Советской Венгрией, чтобы совместно с ними дать отпор Антанте. Россия и Германия будут вместе, по его мнению, защищать от агрессии Запада Китай, Индию и весь Восток, Это будет новый мировой порядок. «Большевизм означает не смерть нашей культуры. А ее спасение», — заключил Эльцбахер. В опыте русских большевиков берлинского профессора заинтересовали идея диктатуры пролетариата, система Советов и социализация средств производства. Статья получила широкий отклик. Один из руководителей Немецкой национальной народной партии (НННП), знаменитый историк и специалист по Востоку Отто Гётч также выступил за тесное сотрудничество с Советской Россией. Член партии Центра министр почт И. Гисбертс заявил 8 мая 1919 года, что Версаль дает немцам «только один выход: немедленное заключение мира с Россией и сознательное приглашение большевистских войск в Германию». В ответ на это заявление в органе Союза сельских хозяев «Дойче Тагесцайтунг» была опубликована статья «Национальный большевизм». С этого времени в Германии вошел в оборот термин «национал-большевизм». Сам Пауль Эльцбахер в том же году издал брошюру «Большевизм и немецкое будущее». Правление его партии осудило эти публикации, и в ноябре 1919 года он вышел из НННП. Позднее он был близок к Компартии Германии (КПГ), в 1923 году вступил в инспирированную Коминтерном Международную рабочую помощь.

В том же 1919 году вышла брошюра другого профессора и национал-большевика — Ганса фон Хентига. Она называлась «Введение к германской революции». Позднее, в 1921 году, фон Хентиг издал «Немецкий манифест», который явился наиболее ярким и четким изложением национал-большевистских идей в начале 20-х годов.

Ганс фон Хентиг (1887—1970), профессор криминалистики, бывший во время войны офицером, активно участвовал в антиверсальской кампании и, живя в Баварии с мая 1919 года, сильно влиял на руководство Баварского окружка КПГ. В 1922 году фон Хентиг установил контакты с лидером коммунистов Генрихом Брандлером и вскоре стал военным советником в аппарате КПГ. Через брата-дипломата он имел связи с рейхсвером и вместе с лейтенантом Швертером готовил в Тюрингии «красные сотни» в период «Германского Октября».

Вообще же в этот период близкие к национал-большевизму идеи буквально носились в воздухе. Так, Октябрьский переворот и политический гений Ленина приветствовал Максимилиан Гарден, издатель популярнейшего еженедельника «Ди Цукунфт», в своем

двухтомном труде о современной истории «Война и мир» (1918). Крупнейший политик и промышленник Германии начала XX века Вальтер Ратенау в эссе «Кайзер. Размышления» (1919) с воодушевлением писал о «перспективах социализма». Современность он сравнивал с великим переселением народов, констатируя выход на политическую арену народных масс. Будущее Европы, по мнению Вальтера Ратенау, определяется «практической идеей», идущей с Востока, идеей социалистического переустройства общества.

В организационном плане национал-большевистские идеи первой попыталась воплотить в жизнь группа бывших левых радикалов, а позднее коммунистов, во главе с Генрихом Лауфенбергом и Фрицом Вольфгеймом (интересно, что происходило это в Гамбурге, этой «левой столице» Германии). В годы Первой мировой войны старый историк рабочего движения Генрих Лауфенберг и его молодой помощник, успевший побывать в США и пройти школу борьбы в анархо-синдикалистской организации «Индустриальные Рабочие Мира», Фриц Вольфгейм возглавляли левое крыло гамбургской организации СДПГ, так называемую группу «левых радикалов».

После ноябрьской революции 1918 года Генрих Лауфенберг некоторое время возглавлял местный гамбургский Совет рабочих, солдат и матросов. Вместе с Вольфгеймом он принимал активное участие в образовании КПП, а после ее раскола перешел в Коммунистическую рабочую партию Германии (КАПД), в которую перешло до 40% состава КПП. Лауфенберг и Вольфгейм призывали немецких рабочих к национальной защите Германии революционными средствами против империализма Запада. Призывали к немедленной народной войне в союзе со всеми патриотическими силами. Целью войны провозглашалось создание Германской Коммунистической Советской Республики. При этом в понятие «патриотические силы» включались все националистические элементы буржуазии, вплоть до самых реакционных.

Хотя в том же 1919 году и некоторые лидеры КПП (в первую очередь Иоганн Книф, Карл Радек, Генрих Брандлер) также были не прочь поиграть на антиантантовских настроениях, так далеко никто из них не заходил. В апреле 1920 года по требованию Коминтерна Лауфенберг и Вольфгейм были исключены на этот раз уже из Коммунистической рабочей партии (КАПД). После чего в июле 1920 года, вместе с примкнувшим к ним бывшим редактором «Ди Роте Фане» Фридрихом Венделем (из Берлина), создали «Союз коммунистов». В сентябре этого же года новая организация приняла экономическую программу в духе «обобществленного хозяйства» Сильвио Гайзелля, проводившуюся в Баварской Советской Республике. Просуществовал «Союз коммунистов» до 1931 года, постепенно растворившись в созданном им же «Рабочем содружестве по истории и политике» (действовало с июня 1929 года при участии левых нацистов, вроде Рихарда Шапке, и национал-большевиков из правого лагеря, вроде Карла Отто Петеля). В том же 1920 году под влиянием и при непосредственном участии Лауфенберга и Вольфгейма среди офицеров прибывших в июле 1919 года в Гамбург колониальных частей генерала Пауля фон Леттов-Форбека создается «Свободная ассоциация по исследованию германского коммунизма», во главе которой стоят известные публицисты националистического толка, братья Альбрехт Эрх и Герхард Гюнтеры. «Большое число бывших немецких офицеров, большей частью молодого поколения, придерживалось этого направления, к нему примкнул и целый ряд людей с академической подготовкой, которые по законам логики и по аналогиям с точностью знали и утверждали, что этот путь безусловно ведет к исцелению», — писал о национал-большевизме Эрнст Граф цу Ревентлов, один из главных протагонистов «социал-революционного» и левонацистского движения в Веймарской республике, в своей брошюре «Фёлькише коммунистическое единство?» (1924).

Другой свидетель событий, Герман Грефе, писал в книге «Исследования Советов» (1934), что национал-большевики принадлежали к тем людям, «которые в первую очередь ценили военный порядок и централизованное хозяйство».

Среди сторонников «Свободной ассоциации по исследованию германского коммунизма» были такие крупные фигуры, как Артур Мёллер ван ден Брук, правительственный советник Севин, Вильгельм Стапель и тот же Ревентлов. Член «ассоциации», советник юстиции Ф. Крюпфганс в августе 1920 года под влиянием впечатления от наступления Красной армии на Варшаву выпустил имевшую широкий резонанс брошюру «Коммунизм как немецкая национальная необходимость. Открытое письмо генерал-майору фон Леттов-Форбеку» (1920). Позднее, в 1924 году, братья Гюнтеры вместе с Вильгельмом Стапелем (издатель «Дойче Фолькштурм») и Вильгельмом Гревсом создали в Гамбурге «Националистический клуб» (журнал «Немецкий фронт»), а с конца 20-х годов издавали журнал с характерным названием «Молодая команда», близкий по направлению к национал-большевизму.

Пиком деятельности самого «Союза коммунистов» был март 1921 года — неудачная попытка путча со стороны КПГ, поддержанная КАПД, когда «Союз коммунистов» предложил создать единое военное и политическое руководство, включив в него группу своих «военспецов» (майора Анкера, майора Клингера, Зеегера, Линдемана и других). В гамбургском восстании октября 1923 года «Союз коммунистов» не участвовал, так как большинство его членов, во главе с Вольфгейном, еще в августе было подвергнуто превентивному аресту.

В 1920-1921 годах национал-большевизм распространился и среди баварских коммунистов, где под влиянием Ганса фон Хентинга секретарь парторганизации Отто Томас и депутат ландтага Отто Граф пропагандируют его идеи в местной партийной «Новой газете». Они вступают в сотрудничество с одним из самых реакционных и националистических «фрайкоров» — «Оберланд» и его лидером, капитаном «Беппо» (Йозеф Николаус) Ремером. Однако в 1921 году Отто Томас и Отто Граф были исключены «Централе» КПГ из партии как «оппортунисты». Несмотря на это, контакты коммунистов и «фрайкоровцев» продолжаются, например во время боев в Верхней Силезии в том же 1921 году.

Первый пик влияния национал-большевистских идей приходится на 1923 год. Это время острого кризиса, вызванного оккупацией Рура франко-бельгийскими войсками. Марка упала настолько, что практически вышла из обращения, все торговые операции совершались в золоте или в валюте, заработная плата рабочих была на четверть ниже довоенной, в городах безработица, голод, анархия. Обнищавшие армия и полиция также находились в полном упадке. Коммунисты занимают важнейшие посты в фабзавкоммах и комитетах контроля, формируют «пролетарские сотни» (их насчитывалось около 900, примерно 10—20 тысяч участников только в Саксонии). В это время они принимают на вооружение так называемый «курс Шлагетера» (названный так по имени Альберта Лео Шлагетера, бывшего офицера, героя войны, расстрелянного французами за организацию диверсий, в прошлом «балтикумовца» и «капповца»), курс на сотрудничество с германскими националистами. Он был провозглашен Карлом Радеком на заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна (ИККИ) в речи, посвященной памяти Шлагетера. «Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, — заявил Радек, — имя его много говорит немецкому народу... Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его... Если круги германских фашистов, которые захотят честно служить немецкому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром... Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?.. Если патриотические группы Германии не решатся сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в никуда».

Речь Карла Радека вызвала сенсацию среди немецких правых. Эрнст Граф цу Ревентлов и другие вожаки «национал-революционного» движения стали обсуждать возможность сотрудничества с КПП, а «Ди Роте Фане» предоставляла им место для выступлений. Коммунисты выступали на собраниях НСДАП, а нацисты на собраниях КПП. Так, на одном из них бывший второй председатель НСДАП Оскар Кернер заявил, что национал-социалисты хотят объединить всех немцев, настроенных против капитализма, что даже в принципиальных областях у них много общего с КПП, например, в том, что надо положить конец «хищничеству матерых волков биржи». Одновременно по приглашению Штутгартской организации НСДАП на ее собрании выступил депутат от КПП Герман Реммеле. Речь Карла Радека с восторгом приветствовала Клара Цеткин. Рут Фишер, лидер левой фракции компартии, призывала к борьбе против еврейского капитала, а нацисты и «фёлькише» к борьбе против евреев в КПП, обещая взамен свою поддержку (интересно, что Карл Радек и Фриц Вольфгейм были евреями). Появились такие брошюры, как «Свастика и советская звезда. Боевой путь коммунистов и фашистов» (1923), на обложке которой красовались два вынесенных в заглавие предмета, или «Шлагетер. Дискуссия между Карлом Радеком, Паулем Фрейлихом, Эрнстом Графом цу Ревентловом и Мёллером ван ден Бруком» (1923) — двое первых лидеры КПП, а вторых — «национал-революционного» движения.

Коммунисты и националисты всех мастей рука об руку боролись против французов в Руре (лидер военно-политической организации КПП здесь Анри Робинсон («Гарри»), в 1942 году арестованный в Париже и казненный гестапо как резидент ГРУ), активно сотрудничали в Восточной Пруссии, где бывший офицер, один из руководителей военно-политического отдела КПП Эрих Волленберг, наладил сотрудничество с «фрайкором» «Оргеш».

Однако в конце того же 1923 года в руководстве КПП начала преобладать линия на свертывание сотрудничества с националистами. Они были объявлены «слугами крупного капитала», а не «бунтующими против капитала мелкими буржуа», как считали Пауль Фрелих, Герман Реммеле и другие сторонники сотрудничества. Тут не в последнюю очередь сыграл свою роль непреодолимый для нацистов и «национал-революционеров» патологический антисемитизм; надо учитывать, что, несмотря на пятикратную (!) смену руководства КПП в Веймарской Германии, в каждом из них евреи составляли огромный процент, фактически доминируя, но оставаясь на втором плане (еврейка Роза Люксембург при немце Карле Либкнехте, затем единолично еврей Пауль Леви, еврей Альберт Тальгеймер при немце Генрихе Брандлере, еврей Аркадий Маслов при Рут Фишер, еврей Хейнц Нойман, а затем Вернер Хриш при Эрнсте Тельмане), это же относилось и к инструкторам, представителям и советникам Коминтерна в Германии (Карл Радек, Яков Рейх — «товарищ Томас», Август Гуральский — «Кляйне», Бела Кун, Михаил Грольман, Борис Идельсон и др.).

Однако идеи национал-большевизма продолжали распространяться среди националистических организаций. В начале 20-х годов число последних резко увеличилось, так как многие «фрайкоры» преобразовались в гражданские «союзы». Некоторые из них при этом быстро левели, радикализировались, приобретая ярко выраженный национал-большевистский характер.

Наиболее известный своим радикализмом из подобных союзов — «Бунд Оберланд». Он берет свое начало из так называемого «Боевого союза», образованного в Мюнхене в 1918 году членами пресловутого оккультно-реакционного «общества Туле» для борьбы против левых сил в Баварии. В апреле 1919 года, накануне свержения Баварской Советской республики, нелегально-террористический «Боевой союз» был преобразован во «фрайкор» и принял самое активное участие в кровавом подавлении революции. В следующем году отряды «Оберланда» (в это время несколько десятков тысяч) сражаются против «Красной армии Рура» после «капповского путча» 20 марта, в мае 1921 года они дерутся с поляками в Верхней Силезии, а в ноябре 1923 года активно участвуют в

гитлеровском «пивном путче», входя вместе с геринговскими СА и ремеровским «Союзом имперского военного флага» в «Рабочее содружество отечественных боевых союзов». В этот период на счету «оберландовцев» обвинения в многочисленных финансовых аферах, грабежах, убийствах политических противников.

Основателями «союза» были трое братьев, бывших офицеров. Ремеров, один из которых — («Беппо») Йозеф Ремер (1892-944) является военным лидером «фрайкора». Формальным лидером (председателем) был крупный правительственный чиновник Кнауф, однако в августе 1922 года Ремер выгнал его из «фрайкора» «за сотрудничество с буржуазией», а новым председателем организации стал доктор Фридрих Вебер, широко известный тем, что во время «мюнхенского путча» шел рядом с Гитлером, а потом сидел в соседней камере с ним. Однако Ремер разругался и с ним, в результате чего в начале 1923 года фактически существовало два союза «Оберланд». После путча деятельность «Оберланда» была запрещена, а после снятия запрета в начале 1925 года уже официально были образованы две организации — «Бунд Оберланд» Фридриха Вебера и «Старый союз Оберланд» во главе с капитаном Беппо Ремером и «Лулу» (Людвиг) Острайхером. Однако деятельность второго союза продолжалась недолго, так как летом 1926 года Ремер был арестован полицией во время встречи с коммунистом Отто Брауном, руководящим сотрудником нелегального военно-политического аппарата КПГ и советским разведчиком. Это вызвало кризис в организации, и часть ее членов во главе с «Лулу» Острайхером примкнула к НСДАП, а другая группа, верная Беппо Ремеру (лейтенант Карл Дибич и другие), спустя некоторое время перешла в КПГ.

«Бунд Оберланд» во главе с Фридрихом Вебером в 1926 году принял революционно-националистическую программу Мёллера ван ден Брука и создал параллельный союз, так называемое «Товарищество III рейх», председателем которого стал видный национал-большевик Эрнст Никиш. В 1929 году, как и ремеровская организация, примерно три четверти союза во главе с Вебером вступило в НСДАП, а оставшиеся приблизительно 500 человек в сентябре 1930 года, накануне выборов в рейхстаг, призвали голосовать за КПГ, опубликовав незадолго до этого «Программу национального и социального освобождения германского народа» (то же сделали и многие другие националистические объединения). В 1931 году «Бунд Оберланд» организованно слился с кружком национал-большевика Эрнста Никиша и принял название «Товарищество Сопротивления». Организация имела отделения в Берлине, Мюнхене, Дрездене, Бреслау, Лейпциге, Гамбурге, Нюрнберге.

Беппо Ремер и его люди в 1931 году уже открыто объявили о своей приверженности коммунизму и поддержке КПГ. После разгрома СА во время «ночи длинных ножей» в 1934 году Ремер был арестован, а после выхода на свободу создал из бывших «оберландцев» нелегальную организацию «Революционных рабочих и солдат» (РАС). Используя свои личные контакты с такими людьми, как генералы Эдуард Дитель, Роберт Риттер фон Грейм, Курт фон Хаммерштейн-Экворд, генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист, он продолжал заниматься шпионажем в пользу СССР. В конце концов, Ремера вновь арестовали и вместе с такими весьма экзотическими персонажами, как судебный советник из МИДа Норберт Мумм фон Шварценштейн и промышленник Николаус фон Халем, казнили по обвинению в покушении на Гитлера.

История «Бунда Оберланд» не очень типична для других парамилитаристских националистических союзов 20-х годов, порой гораздо более многочисленных. Так, «Младо-германский орден» в 1928 году насчитывал по разным оценкам 30-70 тысяч членов, «Вервольф» — 14-15 тысяч, «Бунд Танненберг» — 7-8 тысяч, «Викинг» — 6-8 тысяч, не говоря уже о таком гиганте, как «Стальной шлем» — несколько сот тысяч членов (для сравнения, реальная численность военизированной организации КПГ — Союза Красных фронтовиков (Рот Фронт Кампфбунд — РФК) — 76 тысяч). Некоторые из этих союзов были также, как «Оберланд», подвержены национал-большевистской ориентации. Прежде всего это относится к «Викингам» и «Вервольфам».

Большое распространение идеи национал-большевизма получили в весьма активном в Веймарской республике крестьянском движении, сопровождаемом актами насилия и террора. Многие его лидеры, такие, как Бодо Узе, Бруно фон Саломон, Хартмут Плаас, в начале 30-х годов примкнули к КПП, все они были в прошлом офицерами, «фрайкоровцами», прошли через национальные союзы или членство в НСДАП.

Начало 30-х годов было пиком немецкого национал-большевизма. Это было связано с началом нового мирового социально-экономического кризиса, который имел для Германии гораздо более тяжелые последствия, чем для других стран.

Центрами национал-большевизма становятся небольшие кружки и организации вокруг издающихся ими же газет и журналов. Если в 20-е годы национал-большевистские авторы сотрудничали в близких им по духу «национал-революционных изданиях, таких, как «Ди Тат», «Коменден» («Грядущее»), «Формарш» («Наступление»), теперь они издают свои периодические издания — наиболее известные среди них: «Видерштанд» («Сопrotивление»), руководитель — Эрнст Никиш (1889—1967), «Умштюрц» («Ниспровержение») — Вернер Ласе (р. 1902), «Гегнер» («Противник») — Харро Шульце-Бойзен (1909—1942), «Социалистише Натион» — Карл Отто Петель (1906—1975) и «Форкемпфер» («Передовой боец») — Ганс Эбелинг (1897—1968), Фридрих Ленц (1885—1968), общий тираж которых в начале 30-х годов достигал 25-40 тысяч экземпляров. Совокупное число активистов этих организаций — около пяти (максимум десять) тысяч человек. Кроме того, к национал-большевистским организациям примыкали «Немецкое социалистическое боевое движение» Готтхарда Шильда, «Немецкий социалистический рабоче-крестьянский союз» Карла Бааде и «Младопрусский союз» Юппа Ховена, отколовшиеся от нацистского и «фёлькишеского» движения.

Все эти национал-большевистские организации имели свои особенности. Так, «Видерштанд» Эрнста Никита выступал в основном по внешнеполитическим вопросам, ратуя за «германо-славянский блок от Владивостока до Флессингена», «Форкемпфер» делал упор на преимущества плановой экономики, «Умштюрц» ратовал за «аристократический социализм» (большой популярностью здесь пользовалась работа В.И. Ленина «Что делать?»). «Социалистише Натион» пытался соединить идеи классовой борьбы, диктатуры пролетариата, системы Советов с национализмом. «Гегнер» пропагандировал ненависть к Западу и призывал германскую молодежь объединяться с пролетариатом для революции.

Огромную роль в идеологии и деятельности этих групп играли личности их вожаков. Кроме самого известного из них — Эрнста Никиша, который начинал политическую деятельность в рядах правой социал-демократии, все они были выходцами из ультра националистического, крайне правого лагеря.

Помимо этих пяти, чисто национал-большевистских групп, была и одна, так сказать, псевдонационал-большевистская. Она называлась «Рабочий кружок «Ауфбрух», по названию журнала, вышедшего с июля 1931 года. Во главе журнала и кружка стояли бывшие лидеры «Оберланда» капитан Беппо Рёмер и лейтенант Карл Дибич, а также капитаны Герхард Гизеке и Эгон Мюллер, бывший «балтикумовец» Александр граф Стейнбок-Фермор, писатели Людвиг Ренн и Бодо Узе, бывшие функционеры НСДАП, а затем руководители штрассеровских «революционных национал-социалистов» — Рудольф Рем и Вильгельм Корн. В эту группу входило до 300 активистов, которые действовали в Берлине и 15 германских землях. Эта организация бывших офицеров-фрайкоровцев и нацистов была полностью контролируема КПП и служила ей средством переманивания командных кадров для своих боевиков с целью создания ударного кулака в борьбе за власть. Появление этой группы было связано с так называемым «курсом Шерингера», проводимым КПП с августа 1930-го по октябрь 1932 года, курсом на привлечение в КПП средних слоев, сопровождавшимся выдвиганием резких антиверсальских лозунгов.

В своей новой «Программе национального и социального освобождения немецкого народа» КПП провозглашала: «Мы, коммунисты, заявляем, что после свержения власти капиталистов и помещиков, после установления диктатуры пролетариата в Германии... будем проводить следующую программу, которую мы противопоставляем национал-социалистической демагогии: мы расторгаем грабительский Версальский «мирный договор» и план Юнга и аннулируем международные долги и репарационные платежи. Придя к власти, мы безжалостно покончим с банковскими магнатами, проведем пролетарскую национализацию банков и аннулируем задолженности немецким, и зарубежным, капиталистам... Лишь молотом пролетарской диктатуры можно разбить цепи плана Юнга и национального угнетения... Поэтому мы призываем всех трудящихся, которые все еще находятся во власти фашистских обманщиков, вступить в ряды армии пролетарской классовой борьбы...». В соответствии с этой программой коммунисты попытались переманить на свою сторону «революционно-пролетарские» элементы из лагеря нацистов.

19 марта 1931 года депутат рейхстага от коммунистов и одновременно руководитель военного аппарата Ганс Киппенберг зачитал рейхстагу мирное послание лейтенанта в отставке Рихарда Шерингера. В нем осужденный за нацистскую пропаганду в армии офицер заявил о резком изменении своих взглядов. «Когда мы, ульмские офицеры, содействовали распространению в армии идей национального и социального освобождения, — говорилось в написанном в тюрьме Гольнов заявлении, — по доносу был издан приказ о нашем аресте. После семимесячного предварительного заключения в Лейпциге мы были приговорены к полутора годам заключения в тюрьме... Мы... считали НСДАП олицетворением наших идей. Кто сравнивает сегодня практическую политику национал-социалистических руководителей с их радикальными идеями, тот видит, что их действия сильно противоречат тому, что они говорят и пишут, и что мы от них ожидаем». Затем следовали 9 пунктов, в которых Шерингер доказывал, что руководители НСДАП в последние месяцы отказались от социализма. Эти доказательства были явно написаны под диктовку его коммунистических товарищей по заключению и заканчивались утверждением, что нацистское руководство явно доказало свой реакционный характер. И совсем в коммунистическом духе Шерингер продолжал: «Капиталистические западные державы вновь сплотились для подавления и эксплуатации трудящейся Германии и для агрессии против русской Советской республики... Лишь в союзе с Советским Союзом, после разрушения капиталистической системы в Германии, мы можем быть свободными. Поэтому я отказываюсь окончательно от Гитлера и фашизма и как солдат вступаю в ряды истинного пролетариата!» Исходя из вышеизложенного, Шерингер делал логический вывод: «Ближайшая задача — подготовка народной революции в Германии, отмена договоров о контрибуциях и революционная война против возможной интервенции капиталистических западных держав».

Под влиянием этого нового курса в КПП перешло большое количество национал-большевиков, бывших фрайковцев и нацистов, руководителей националистического молодежного (Эберхард («Туск») Кёбель, Герберт Бохов, Ганс Кенц и др.) и крестьянского движения (т.н. «Ландфолькбевегунг»). КПП резко увеличила как свою численность, так и количество получаемых на выборах голосов.

Однако надо отметить, что все же несравнимо большее количество бывших «фрайковцев» и членов националистических «союзов» перешло в НСДАП и СА, особенно во второй половине 1932 года. Это было связано не в последнюю очередь с тем, что к тому времени «курс Шерингера» КПП фактически был снят с вооружения. В Москве после прихода к власти правительства «западника» Франца фон Папена приняли решение переориентироваться на союз с Францией, в связи с франко-советским сближением руководство КПП получило приказ из Москвы сворачивать свою кампанию против Версаля.

После прихода Гитлера к власти национал-большевистское движение было ликвидировано. В том виде, как оно существовало в Веймарской республике — в виде пропагандистских групп, оно существовать дальше не могло. Участники его эмигрировали (Карл Отто Петель, Ганс Эбелинг) или подверглись репрессиям (Эрнст Никиш). Журнал «Видерштанд» («Спротивление»), издававшийся Никишем, был закрыт в декабре 1934 года. В 1937 году гестапо арестовало около сотни сторонников Никиша. Сам он в 1939 году был приговорен народным судом к длительному сроку тюремного заключения. Однако неожиданный успех национал-большевистское движение имело на другом поприще — а именно в шпионаже в пользу СССР. Знаменитую берлинскую «Красную капеллу» возглавляли три человека — все бывшие национал-большевики: Харро Шульце-Бойзен (бывший редактор «Гегнер»), Арвид Харнак (1901—1942) (секретарь «Арбплана» — «Сообщества по изучению советского планового хозяйства» — одной из национал-большевистских организаций, которую вдохновляли идеи профессора Фридриха Ленца) и Адам Кукхов (1887—1943) — бывший редактор «Ди Тат». Шпионажем в пользу СССР занимались также Беппо Рёмер со своими бывшими «оберландовцами», Герберт Бохов и другие, на разведаппарат КПГ работали Ганс Эбелинг и доктор Карл Хеймзот, имевший, кстати говоря, в советской разведке забавный псевдоним «доктор Хитлер».

Кроме того, идеи национал-большевизма оказали определенное влияние на группу полковника Клауса Штауфенберга, что неудивительно, ибо сами братья Штауфенберги в юности находились под большим влиянием идеологии «консервативной революции».

Почему же идеи национал-большевизма не получили большего размаха в Веймарской республике и движение это не перешагнуло рамок относительно немногочисленных кружков и групп (хотя в начале 1933 года в Берлине Эрнст Никиш, Карл Отто Петель и др. сделали попытку выставить единый национал-большевистский избирательный список во главе с лидером крестьян-террористов Клаусом Хеймом, Карл Отто Петель одновременно опубликовал «Национал-большевистский манифест», но было уже слишком поздно).

По нашему мнению, причин здесь несколько. Во-первых, большую часть потенциальных сторонников национал-большевизма все время привлекала к себе НСДАП, особенно в своем штрассеровском варианте, кроме того, после раскола 1930 года многие из них прямо вступили в организацию «революционных национал-социалистов» Отто Штрассера. Во-вторых, принятие КПГ в августе 1930 года «Программы национального и социального освобождения германского народа» (т.н. «Шерингер-курс») и тезиса о «народной революции» увело от национал-большевизма в ряды компартии значительную часть вожаков и активистов (Беппо Рёмер, Бруно фон Саломон, Бодо Узе, Карл Дибич и многие другие), а также возможных избирателей. В-третьих, отсутствие в рядах национал-большевистского движения такого «харизматического» лидера, как Адольф Гитлер, или даже таких ярких, значительных политиков, как нацисты Грегор Штрассер, Герман Геринг, Иозеф Геббельс, или коммунисты Хейнц Нойман, Вилли Мюнценберг, Герман Реммеле, привело к раздроблению движения, отсутствию четкой организации на деле (на словах подобных призывов хватало). Думается, даже в случае объединения всех национал-большевистских групп с «революционными национал-социалистами» Отто Штрассера, а также другими левонацистскими группами типа Хельмута фон Мюкке, Ульриха Ольденбурга, Вальтера Стеннеса и т.д. у них в силу вышеизложенных причин не было никаких шансов стать массовым движением в конкретной ситуации того времени. Для достижения стадии объединенного движения, как было показано ранее, нужна более высокая зрелость объективных и субъективных причин, его определяющих.

Этого никак не скажешь о КПГ. Эта партия в качестве конкурирующего с НСДАП тоталитарного движения реально могла претендовать на власть в Германии. Для читателя отнесение партии Розы Люксембург к конкурирующему с нацистами тоталитарному движению может показаться несколько странным, поэтому вот лишь несколько общеизвестных фактов из истории Веймарской республики, показывающих, насколько

идиотскими выглядят убеждения некоторых «историков» в том, что предотвратить приход Гитлера к власти мог союз КПП и СДПГ — «единый фронт» против нацизма. В 1925 году на президентских выборах КПП выставляет своего кандидата (Эрнста Тельмана) и во многом способствует этим победе Гинденбурга (его поддерживала НСДАП и крайне правые партии) над кандидатом Народного блока (куда входили СДПГ и либералы). В конце 20-х — начале 30-х годов в Германии не было ни одного серьезного случая сотрудничества на руководящем уровне КПП с СДПГ, при том, что совместные акции коммунистов с НСДАП, не говоря уже о «левых» нацистах и национал-большевиках, имели место, и довольно часто. Например, совместный митинг в Берлине 20 октября 1930 года, где выступали коммунист Хейнц Нойман и нацист Йозеф Геббельс (присутствовало 300 членов КПП и 1200 членов НСДАП), отнюдь не был единственным явлением, подобные митинги, дискуссии в Берлине проводились неоднократно. Имели они место и в других городах — например, в Бремене и Биефеле в начале 1931 года. Особенно известна борьба обеих партий против Прусского правительства, возглавлявшегося СДПГ. В августе 1931 г. КПП и НСДАП вместе голосовали за референдум по вопросу о его роспуске; в апреле 1932 года в «Роте Фане» был выдвинут провокационно звучащий лозунг «Красный натиск на «Красную Пруссию», после чего в июне 1932 года при помощи КПП нацист был избран председателем прусского ландтага, а в июле того же года канцлер фон Папен, опираясь на парламентское большинство из НСДАП, КПП и правых, ликвидировал социал-демократическое правительство Пруссии. Широко известна и забастовка транспортников Берлина 3-7 ноября 1932 года, совместно проведенная КПП и НСДАП.

Параллели между КПП и НСДАП достаточно очевидны. Необходимо, однако, от выявления лежащих на поверхности параллелей перейти к анализу исторических и особенно социальных корней тоталитарных движений во всех его вариантах.

КПП отнюдь не была в начале 30-х годов «партией рабочего класса», как это долгое время пытались представить. Другое дело, что она стремилась стать ею, но ведь это же можно сказать и о национал-большевиках, штрассеровцах и даже НСДАП.

Даже в относительно благополучном 1927 году только 53,2% членов КПП имели работу (в 1928 — 63,3%, в 1929 — 51,9%). Затем и без того огромный процент безработных членов партии катастрофически возрос, таким образом можно согласиться с мнением немецкого историка Г. А. Винклера о том, что КПП «была партией безработных».

В феврале 1932 года в КПП из 360 тысяч членов (в 1929 году их было 116 тыс.) лишь 11% являлись рабочими. Весной 1932 года из 6,8 млн. немецких рабочих лишь 55 тысяч были членами КПП. Причем в 1929—1932 годах новых ячеек на предприятиях не появлялось, и «на крупных предприятиях организованной работы КПП не велось». Левая профсоюзная организация, фактически руководимая КПП, — так называемая «Ревпрофоппозиция» (РПО) — насчитывала в 1932 году только 35 тысяч членов, меньше, чем НСБО (профсоюз НСДАП).

Таким образом, мы видим, что на рубеже 1929-1930 годов в Германии в результате кризиса сложились два мощных тоталитарных движения. Они включали в себя НСДАП и некоторых ее союзников из правого лагеря, а также КПП, национал-большевистские группы. Два основных мифа питали эти движения: расово-националистический — преимущественно гитлеровское крыло НСДАП и отчасти ее союзники из правых партий, — и социалистический, пролетарский — КПП, национал-большевики, штрассеровское крыло НСДАП.

Почему же победил первый? Во-первых, левый миф был ориентирован только на «народные массы», а расово-националистический — помимо «массы» и на группы экономической и военной элиты, которые он стремился если не поставить себе на службу, то хотя бы заставить занять нейтральные позиции; не последнюю роль здесь играл и внешнеполитический аспект — ориентация левого мифа на союз с СССР вела к подрыву национальной независимости и была неприемлема.

Кроме того, только НСДАП имела тоталитарного харизматического лидера — Гитлера. Дальнейшее, как говорится, история. Недаром книга главного национал-большевистского идеолога Германии Эрнста Никиша, вышедшая в 1932 году и выдержавшая пять изданий, называлась «Гитлер. Злой немецкий рок».

Национал-большевизм в Германии представлял собой уникальное явление. Однако и в других странах существовали группы подобной ориентации. Вот лишь несколько примеров.

1. **Швеция.** Шведская секция Коминтерна (т.е. Компартия Швеции) в 1929 году на X пленуме Исполкома Коминтерна была исключена из III Интернационала за «правый уклон». Ее руководство, во главе которого стояли два члена самого ИККИ — Нильс Флюг и Карл Чильбум, выступило против нового курса «класс против класса» и против неограниченного диктата Сталина. В начале 30-х годов эта исключенная организация объединилась с маленькой левой социал-демократической группой и приняла название Социалистическая партия Швеции. На всех выборах в 30-е годы она получала больше голосов, чем воссозданная сталинистами компартия.

Однако во 2-й половине 30-х годов эта группа, которая и после выхода из Коминтерна называла себя марксистско-ленинской организацией, проделала стремительную эволюцию к нацизму. Причем не только идеологически, но и чисто практически. Ее руководители поддерживали связи с германским посольством и получали от него деньги на издание своей газеты.

Недовольные этим Чильбум и другие лидеры партии вернулись в Социал-демократическую партию Швеции, в то время как Флюг (кстати, один из основателей Коммунистического интернационала молодежи) стал ярким нацистом, и в 40-е годы Социалистическая партия выступала как крупнейшая нацистская организация Швеции, пытаясь объединить все другие мелкие нацистские группы под своим руководством. В годы Второй мировой войны она подвергалась преследованиям со стороны шведского правительства за активную прогерманскую деятельность.

2. **Италия.** Широко известен тот факт, что Бенито Муссолини и подавляющее большинство главарей итальянского фашизма были выходцами из Социалистической партии Италии, причем из ее революционно-левого крыла. Того самого крыла, на базе которого в Италии, как и в других странах, образовалась коммунистическая партия. Но гораздо менее известен тот факт, что многие коммунисты перешли в фашистское движение. Наиболее яркий пример — Николо Бомбаччи, один из основателей и фактических лидеров Компартии Италии начала 20-х годов. Он входил в Исполком Коминтерна, приезжал на все его конгрессы в Москву (кроме 1-го), встречался с Лениным. Вплоть до недавнего времени его тщательно вырезали со всех фотографий, где он был запечатлен рядом с Лениным. Как и Флюг, только ранее, он вступил в конфликт с руководством Коминтерна и, в конце 20-х годов, вернулся в Италию из эмиграции. В Италии он редактировал небольшой левофашистский журнал «Прометео» (левая фракция фашистской партии во главе с Джузеппе Боттаи, мало отличавшаяся по своей идеологии от компартии, активно действовала в Италии на протяжении 20—40-х годов). В 40-е годы Бомбаччи стал секретарем фашистской партии и, вместе с Муссолини, автором второго и последнего фашистского манифеста. Вместе с дуче он был и казнен.

Интересен и такой факт. Тайная террористическая группа в рядах фашистской партии, инспирированная Муссолини для расправ со своими политическими оппонентами и известная советским кинозрителям по фильму «Убийство Маттеоти», называлась, ни много ни мало, «ЧК из Виминале». Что такое ЧК — советскому читателю объяснять не надо. А Виминале — это ставшее нарицательным название министерства внутренних дел Италии.

В середине 30-х годов среди молодых левых фашистов сложилась группа так называемых «диссидентов», или «универсальных фашистов», которая группировалась вокруг сына Муссолини Витторио и очень восхищалась социалистическим

строительством в СССР, особенно Сталиным. Папа Муссолини был очень недоволен, он разогнал эту группу, однако часть ее членов сразу перешла в компартию, а другие создали так называемую «Революционную Социалистическую партию» и перешли в ИКП после войны. Многие из этих фашистов-диссидентов входили затем в ее высшее руководство.

3. **Франция.** Французский случай национал-большевизма особенно известен. Его основателем был Жак Дорио, рабочий-металлург, основатель и руководитель французского комсомола, а затем член Политбюро и секретарь ЦК французской компартии (ФКП), мэр «красного пригорода» Парижа Сен-Дени, часто попадавший в тюрьму за участие в разного рода беспорядках и поэтому весьма популярный в СССР. В начале 30-х годов он был конкурентом туповатого Мориса Тореза в борьбе за лидерство в партии, однако совершил непростительную ошибку. За полгода до того, как пришел приказ из Москвы, выступил инициатором политики Народного фронта, чем Торез и воспользовался, с позором выставив Дорио из партии. После чего тот создал так называемую «Народную партию Франции», которая своей структурой полностью копировала ФКП, только слово «коммунистическая» везде было заменено на «народная». Эта партия была одной из крупнейших фашистских партий в мире, сам Дорио активно сотрудничал с гитлеровскими оккупантами. Он приезжал на Восточный фронт подбодрить французских добровольцев, да и погиб во время бомбежки, одетый в форму офицера германской армии. А ведь в свое время дружил с Лениным, Сталиным, Мао Цзэдуном.

В его организацию входили очень многие бывшие коммунисты, в том числе члены ЦК и Политбюро. Были во Франции и другие фашистские группы, созданные коммунистами. Тоже рабочий, как и Дорио, тоже член Политбюро и секретарь ЦК ФКП, третий человек в партийной иерархии, Марсель Життон, после подписания советско-германского пакта порвал с ФКП и создал Нацистскую рабоче-крестьянскую партию. Ему, однако, тоже не повезло. Он попал в список бывших депутатов-коммунистов, подлежащих уничтожению за протест против «пакта Молотова — Риббентропа». В сентябре 1941 года члены военной организации ФКП застрелили его в Париже. Сама французская компартия после начала Второй мировой войны выступила как предательская организация, выдвинув лозунг братания с германскими солдатами, свержения французского правительства и создания новой «Парижской Коммуны» из «патриотических элементов». Очевидно, подразумевались французские фашисты и сама ФКП. Торез и другие вожаки дезертировали из армии и сбежали в Москву, причем рядовым членам партии было разъяснено, что они руководят нелегальной борьбой во Франции. Неудивительно, что компартия подверглась заслуженным репрессиям. Многие ее активисты были интернированы, однако после прихода немцев выпущены на свободу.

ФПК пыталась сотрудничать с новыми властями и даже наладить легальный выпуск своей газеты «Юманите», постоянно пропагандируя идею «национального правительства». Только после 22 июня 1941 года, получив приказ из Москвы, она начала активную борьбу с оккупантами.

Можно сделать некоторые выводы.

Так как в идеологии национал-большевистского течения переплелись идеи левого (коммунизм) и националистического фашистского тоталитаризма, национал-большевизм позволяет найти несколько типологических особенностей обоих движений. Безусловно, это не политические партии, а именно тоталитарные движения, и для понимания причин их возникновения необходимо обращаться не только к социально-экономическим, но и вытекающим из них психологическим причинам.

Главное условие их возникновения — это тотальный кризис всех форм общественного уклада, осложненный переходом от одного типа государственного управления к другому (от авторитаризма к демократии, например). Второе условие — это резкое обострение национального чувства, вызванного унижением от катастрофического, тоталитарного поражения в войне. Третье — это наличие в данном обществе традиций этатизма и

патернализма (т.е. победить тоталитарные движения могут отнюдь не в любой стране). Кроме того, необходимо наличие большой аморфной составляющей социальной структуры (граничащей с бесклассовостью). Человек в этом обществе находится в состоянии фрустрации, утрачивает положительную самооценку, лишается своего «я». Ему необходимо вновь обрести систему ценностей, так называемый «смысл жизни», и достаточно легко его обрести в каком-нибудь мифе. Миф может быть пролетарско-коммунистический, национальный и т.д., в том числе в качестве разновидности, например, национал-большевистский, что показывает, как легко переходить из одного мифа в другой.

Основная задача тоталитарного мифа — направить негативистскую энергию, собравшуюся в обществе, на создание некоего идеального мира в будущем («новый порядок» — любимый термин как фашистов, так и коммунистов). Черни этот миф дает иллюзию участия в истории, а интеллектуалам видимость слияния с народом, нацией.

Этот миф должен быть:

- утопическим;
- его должен провозглашать некий вождь;
- необходимы некие мученики, погибшие за миф, некие образцы и примеры из истории (Парижская Коммуна, Фридрих II и т. п.), а также всевозможная атрибутика.

Для руководства этим движением, охваченным мифом, необходимы люди, обладающие художественными способностями, так как это безусловно квазиартистические движения. Причем основатели их должны быть людьми очень одаренными (типа Рериха или Толкиена), чтобы силой своего гениального воображения очаровать, привлечь к себе массы или, по крайней мере, большие группы людей (Карл Маркс, к примеру), а «фюреры» должны быть из не реализовавших себя в искусстве людей (Муссолини, Гитлер, Сталин, Троцкий, все без исключения лидеры национал-большевизма) — чувствуя свою творческую неполноценность, они лишь укрепляются в своей «вере». Кроме того, большую роль играет социальная и национальная неполноценность (Гитлер, Сталин, Жириновский и т. п.). Таким образом, это своеобразная «антиэлита» общества, которая существует везде и всегда, но лишь в период структурного кризиса, в обществе, отягощенном этатистским наследием, может быть социально опасна.

Что дает человеку участие в тоталитарном движении? Вопрос, как говорится, интересный. Купленные с потрохами правящими классами так называемые академические «ученые»-историки-культурологи-социологи и прочие, по меткому определению Руслана Имрановича, «дурачки, называющие себя политологами», обычно внушают населению, что участие в тоталитарном движении дегуманизирует человека, так как его фанатичная «вера» дает ему право на любое преступление, уводит его от реальной жизни, обманывает его, и поэтому, в результате, обрекает на гибель.

Независимые (от грантов и других форм подкупа) исследователи считают, что участие человека в тоталитарном движении придает его жизни подлинный смысл, возможность реализовать свои скрытые способности, обрести истинных друзей и реальные авторитеты, превратиться из жертвы закулисных манипуляций в творца истории.

Реализация тоталитарного мифа приводит к установлению тоталитарных режимов с общими чертами как для левого, так и для национального мифа:

1. Официальная, всеобъемлющая идеология, нацеленная на создание идеального порядка и нового типа личности.
2. Контроль за личной жизнью индивидов, подмена индивидуальных (зачастую интимных) интересов общественными.
3. Постоянное подавление любой оппозиции, особенно инспирируемой извне.
4. Иерархическая однопартийная система, требующая безусловного послушания, которое является проекцией послушания и иерархии в движении до прихода к власти.
5. Контроль за средствами массовой информации и образованием с целью постоянной мобилизации граждан.

6. Ликвидация традиционного буржуазного парламентаризма, при котором успех на выборах зависит от количества денег, а не способностей у кандидатов.
7. Автаркия и отказ в свободе выезда за границу.
8. Централизованная и плановая экономика с контролируемым потреблением.
9. Личная диктатура вождя.

И, по нашему мнению, допустимо предположить, что все эти качества, присущие гитлеровскому режиму, были бы с той же жестокостью осуществлены в Германии и руководством КПГ или революционными национал-социалистами и национал-большевиками, в случае их прихода к власти, для чего первые должны были быть менее зависимы от Москвы, а вторые более оригинальны, бесстрашны и активны.

Роджер Гриффин

Отрицание марксистами и либералами революционных регалий фашизма

«Нацизм начал свой разрушительный путь. Небывалый белый террор против людей и социализма проходит под маской социализма. Для этого, его пропаганде пришлось возвести революционный фасад с отделкой Парижской Коммуны». Эти слова¹ марксистского философа Эрнста Блоха из 1933-го (года, когда Гитлер пришел к власти) даже сегодня для многих откровение. Молчаливо предполагается, что «настоящие» революции не просто заменяют одну социально-политическую, экономическую или технологическую систему другой, но позволяют человечеству (или его части) перейти при этом на более высокую ступень развития. Правых же, даже наиболее радикальных из них, многие воспринимают стремящимися остановить прогресс, создающими новое состояние, истинной целью которого является сохранение традиционной классовой системы и ее ценностей, или даже стремящимися перевести часы истории назад, выставляя древние качества расы как основу для современного общества.

Предположения такого рода приводили к тому, что оппонентам фашизма приходилось отрицать его собственные претензии на революционность. Марксисты, например, считают, что капиталистический мировой порядок, в конце концов, будет свергнут и сменится другим, где систематическим бесчеловечности и эксплуатации не будет места. То есть, они предрасположены считать, что все, отдаляющееся наступление социализма — «консервативно», а уж стремление радикально преобразовать общество в анти-социалистическом направлении делает фашизм, с их точки зрения — «ретроградным». Исходя из этого, фашистские разговоры о возрожденном национальном сообществе, в котором классовые конфликты как бы сами собой «растворятся», автоматически воспринимаются марксистами как коварная ложь, использующая признанные идеи и ценности способом, скрывающим истинные намерения. Фашизм между Первой и Второй Мировыми войнами (далее «межвоенный фашизм») был продуктом кризиса капитализма, которому изнутри угрожал распад финансовых, социальных и политических структур поддержки, а снаружи — революционный социализм.

Такой охват в клещи, как считают марксисты, заставил фашизм сбросить свою либеральную маску, в которой он выглядел рациональным и гуманным, перейдя к открыто авторитарной форме государственного правления путем террора. Фашизм, по мнению марксистов, непосредственно создан буржуазными элементами (либо цинично манипулируем ими) для защиты капиталистической системы, часто при прямом содействии остаточных феодальных сил, таких как церковь и аристократия. Его главной уловкой было притвориться будто он борется за уничтожение Системы, чтобы отвлечь разрушительную энергию масс на службу агрессивно националистическому государству. Государству, которое, несмотря на то, что его заявленной целью является восстановление достоинства работающих людей, в перспективе только увеличивает их эксплуатацию и страдания. Короче говоря, фашизм симулирует революцию для достижения ретроградных целей. Придерживаясь этой позиции, британский активист Раджани (Роберт) Палм Датт

писал (в том же году, что и Эрнст Блох) своим марксистским единомышленникам, что для сохранения капитализма идеологам «фашистской контрреволюции» пришлось притвориться врагами капитализма: «Для предотвращения революции рабочего класса, им пришлось провести свою революцию-маскарад, и даже назвать ее «социалистической».²

Многие «либеральные» авторы демонстрируют другое заблуждение (даже, быть может, более предательское, поскольку его сложнее обнаружить). У этих авторов нет проблем с использованием таких терминов как «Американская Революция», «Французская Революция», или даже «Революции 1848 г.» (все из которых провалились в достижении своих целей в установленный срок). Они даже признают, что Русская Революция была революционной, поскольку, как бы не заблуждался Ленин в своем видении идеального общества, ему, по крайней мере, удалось заменить «отсталую» царскую Россию заметно более «современным» индустриальным государством. Несмотря на это, многие либералы не способны признать фашизм революционным, поскольку они не признают существование фашистской идеологии как таковой, считая ее не более чем смесью культа личности, оголтелого национализма и организованной жестокости. Таким образом, для Роджера Скратона, автора «Политического Словаря» 1982-го, фашизм перед Второй Мировой был «амальгамой несовместимых понятий, часто недопонятых, часто деформированных до неузнаваемости»: он имел «форму идеологии без содержания». Другая реакция — считать его возвратом во времена варварства, как, например, Хью Тревор-Ропер описал идеологию нацистов как «животный нордический нонсенс». Даже когда не-марксистские историки и признавали обновляющий, революционный аспект фашизма, они иногда чувствовали потребность обозначить его парадоксальной фразой, как например: «революция нигилизма»³, «модернистский анти-модернизм»⁴, или «консервативный модернизм»⁵.

В этой главе, перед лицом упомянутых «очевидностей», будет утверждаться, что даже если ультра-правые, в общем, и представляют из себя консервативные (ретроградные) силы, то, по крайней мере в своих фашистских проявлениях, эта идеология в действительности функционирует как революционная. Или, цитируя вдумчивое эссе американского мыслителя Евгена Вебера: «фашизм, слишком легко определяемый как контр-революция, на самом деле не контр-революция, а революция, конкурирующая [коммунистической], утверждающей что только она и достойна этого звания... Для фашистов, коммунизм — не разрушительная атака на установленный порядок, а конкурент в борьбе за источник силы.»⁶ Но, перед тем как продолжить, необходимо прояснить — что конкретно мы обозначаем двумя ключевыми словами: «революция» и «фашизм», смысл которых до сих пор оспаривается «экспертами».

«Революция» и «фашизм» как идеальные типы

Если термины «революция» и «фашизм» оставить концептуально нечеткими и многозначными, то любая дискуссия их взаимосвязи будет субъективна настолько, что станет бессмысленной. Решение подобных проблем, типичных в гуманитарных науках, заключается в создании искусственно очищенных определений, известных как «идеальные типы». Идеальный тип имеет такое же отношение к определяемой эмпирической реальности, как стилизованный план метро к реальной сети путей и станций в трехмерном пространстве.⁷ Он не говорит о детальных характеристиках ни одного из явлений, но вычленяет моменты, общие для различных проявлений одного и того-же явления.

Пусть идеальный тип «революция» обозначает «фундаментальное (структурное) изменение, которое, проявляя себя в определенной сфере человеческой деятельности, имеет радикально инновационные последствия для широкого сплетения связанных социальных и психологических реальностей». Это значит, что события, развивающиеся (достаточно большим) скачком можно считать революционными без привлечения марксистской или либеральной схем исторического прогресса. Что касается рабочего

определения «фашизма» — разумно без самодеятельности принять готовый идеальный тип. На протяжении 90-х годов вне марксистского лагеря рос консенсус, что фашизм — есть форма (или род, тип, genus) обновления, массовая политика, черпающая идеологическое сцепление и мобилизующую силу из грёз о приближении неминуемого национального возрождения. Другими словами, для фашистов период, воспринимаемый как национальный упадок и декаданс, сменяется эрой обновления в новом пост-либеральном миропорядке.⁸

Рассмотренный под этим углом, фашизм является по-сути *революционной* формой ультра-национализма (т.е. в высшей степени шовинистическим, анти-либеральным национализмом). Он характеризуется популизмом, включающим в себя мобилизацию масс на искреннюю (а не просто срежиссированную или манипулируемую) поддержку *снизу* на резкие действия, предпринимаемые самопровозглашенной новой элитой *сверху* для спасения нации от того, что воспринимается как смертельный упадок. Это говорит о необходимости воспринимать серьезно (а не отметать как пустую риторику или «безумный латинский нонсенс») речь Муссолини перед Походом на Рим, приведшим его к власти:

Мы создали наш миф. Миф — это вера, сильное чувство. Он не обязательно должен быть реальностью. Он реальность в том смысле, что он является стимулом, надеждой, верой, что он придает смелости. Наш миф есть нация, наш миф есть величие нации! И этому мифу, этому величию, которые мы хотим воплотить в самую реальную реальность, мы подчиняем все.

Для нас, нация — это не просто территория, но что-то духовное. Были государства, имевшие бескрайние территории, но не оставившие и следа в человеческой истории. Дело не только в размере, поскольку были и совсем маленькие, микроскопические государства, оставившие в наследие бессмертные образцы искусства и философии. Величие нации в совокупности всех этих качеств. Нация является великой, когда она переносит в реальность силу своего духа.⁹

Симптоматичным (не только для итальянского фашизма, но и для «фашизма вообще») это высказывание делает его непосредственная связь с тем фактом, что фашистское государство попыталось мобилизовать весь народ, при помощи массовых организаций, постоянного потока пропаганды, тщательно продуманных политических ритуалов, с целью эмоционально привязать людей к эпической трансформации страны в динамическую, современную, производительную военную машину. Более того, если и приходилось сотрудничать с традиционными правящими элитами (чиновниками, монархией, вооруженными силами и Католической Церковью), это делалось в духе, далеком от консервативной реакции, в истинно *революционном* духе. Выставка Фашистской Революции, открывшаяся в Милане в 1932-м, которую увидели около четырех миллионов посетителей, была создана не как рекламная наживка, но для того, чтобы создать у проходящего по комнатам посетителя волнующее чувство того, что, с приходом к власти фашизма, Италия, и все ее население, буквально, вошло в новую историческую эру.¹⁰

Дальнейшие следствия из идеальных типов

Другое следствие из приведенных типов в том, что для определения — какие из межвоенных движений или режимов были фашистскими, мы должны смотреть не на внешние проявления (такие как культ личности, анти-коммунизм, агрессивную внешнюю политику или милитаризм), которые присущи многим ультра-правым формациям. Вместо этого, центральным критерием являются основополагающая идеология движения и политика ее воплощения в реальность, толкало ли оно назад, пытаясь вернуть социальные структуры и ценности прошлого, соперничая при этом по степени новаторства и революционности с коммунизмом в своем желании общества нового типа. Межвоенный фашизм не желал постепенной модернизации традиционной социальной структуры, не говоря уже о том,

чтобы буквально вернуться в доисторическую идиллию. И не говорил пустых слов о массовой мобилизации. Напротив, даже если фашизму и приходилось идти на тактический сговор с существующими консервативными силами для облегчения перехода от старого общества, он стремился создать новый тип государства — государство, основывающееся на энергии, берущей свои истоки в возрожденной нации, сплоченной страстными патриотическими чувствами.

Если и были другие межвоенные движения (такие как Нацизм, Фалангизм, Британский Союз Фашистов, Румынская Железная Гвардия, и бразильское Integral Action), которые можно классифицировать как фашистские — это только потому, что, несмотря на разнообразие и уникальность исторических обстоятельств развития каждого из них, все они разделяли структурно идентичный миф о национальном возрождении путем массовой мобилизации и необходимых для его достижения радикальных преобразований. Однако, некоторые другие движения (например ирландские сине-рубашечники и Рексисты межвоенной Бельгии), которых часто связывают с фашизмом, при ближайшем рассмотрении не содержат *новаторского* радикализма и неприятия существующих реалий, неявно кодированных в мифе о возрождении, необходимом для классификации их как фашистских.

Более того, многие авторитарные режимы, фактически слившиеся с Фашистской Италией, несмотря на наличие фашистского фасада (культ лидера, массовые шествия и демонстрации, молодежные движения со знаками принадлежности в одежде), не следовали радикальному плану создания новой правящей элиты, но пользовались властью в интересах консервативных сил. К этим «пара-фашистским» режимам относятся Испания Франко (1939-1975), Австрия Дольфуса и Шушнига (1933-8), Румыния Антонеску (1940-44), и Вишистская Франция Петэна (1940-2), в сущности своей они были «контрреволюционными», пытаясь вобрать в себя, маргинализировать или уничтожить не только коммунизм, но и «настоящий» фашизм, как революционную угрозу их собственной преемственности.¹¹ В Испании, например, Франко (беспокоящийся в основном о том — как сокрушить Республиканские силы и восстановить власть феодальной элиты, монархии и церкви) был достаточно предусмотрителен для того, чтобы вобрать в себя подлинно фашистскую Фалангу с целью придания своему режиму недостающей ауры динамизма и привлекательности для молодежи. В Румынии король Карл II сначала было попытался сокрушить помешанное на насилии фашистское движение своей страны — Железную Гвардию, но их популярность заставила его изменить тактику и взять некоторых лидеров этого движения в правительство. Генерал Антонеску, сместивший с трона Карла II-го, на словах был готов разделить власть с Железной Гвардией, но потом при первой-же возможности ликвидировал ее силой. Эти эпизоды раскрывают фундаментальный антагонизм между консерватизмом и фашизмом, какие-бы практические соображения не принуждали их к сотрудничеству.

Третье следствие из идеальных типов в том, что среди правящих межвоенных режимов на самом деле только два были революционными, а значит фашистскими: Фашистская Италия и Нацистская Германия.¹² Важно подчеркнуть, что, несмотря на идентичный базовый миф о национальном возрождении, существуют коренные отличия в обстоятельствах, приведших эти движения (фашизм и нацизм) к власти, и в способах, которыми проявился базовый миф. Италия, со своей стороны, была плохо интегрированным обществом, слабо развитым экономически. Более того, она была в состоянии социально-политического хаоса послевоенных лет, что и позволило Муссолини, угрожая путем своих Чернорубашечников в октябре 1922-го (т.н. Поход на Рим), убедить короля Эммануэля III-го сделать его лидером коалиционного правительства. С реализацией фашистской революции ему пришлось подождать до тех пор пока в январе 1925-го другой государственный кризис (связанный с убийством фашистами социалистического парламентария Маттеотти) не дал ему шанс установить авторитарный режим. Попытка авторитарного переворота, предпринятая Гитлером в

ноябре 1923-го, позорно провалилась, и только разрушительный удар мирового экономического кризиса по экономической, политической и общественной жизни Германии дали вклад в паралич государственной власти, позволивший его партии выиграть народную поддержку на выборах. Тот же глубокий кризис подвинул некоторых ведущих политиков того времени к использованию нацизма для укрепления своих собственных позиций, что и привело к назначению Гитлера канцлером в январе 1933-го.

Однако, в обстоятельствах успешного входа обоих фашизмов в цитадель государственной власти заметны и некоторые параллели. Как и в случае любой существенной политической революции в истории Запада, непосредственным контекстом для их успеха был системный кризис в «старом» порядке. В обоих случаях лидеры были достаточно находчивы для того, чтобы воспользоваться структурными недостатками парламентской системы, имевшей некоторые корни в национальной традиции, и бывшей широко дискредитированной в общественном сознании; традиционные «консервативные» правые были слишком слабы и разделены для того, чтобы предоставить эффективную альтернативу; революционный социализм был достаточно силен для того, чтобы вызывать тревогу в общественном сознании, будучи при этом слабым как общественная сила. Более того, в обоих странах элементы либерального и консервативного истеблишмента решили пойти на существенные поблажки фашизму, в ошибочном предположении, что они смогут «приручить» его, и распылить, как только стабильность вернется в политическую и экономическую жизнь.

В терминах мировоззрения и конкретных практик между фашизмом и нацизмом лежат гигантские различия, так же и личности Муссолини и Гитлера были во многих аспектах полярно противоположными. Но этот контраст всего лишь подчеркивает — насколько разнообразными поверхностными проявлениями может иметь один и тот же миф национального возрождения. Более того, слишком много общего было в институциональных изменениях, сделанных двумя режимами в госаппарате, и в социальной инженерии, предпринятой ими для возрождения «национального сообщества».¹³

Мифологическое ядро фашистской революции

Если сказанное до сих пор верно, и к фашизму нужно подходить как к революционной форме национализма — почему тогда термин «фашистский» для большинства людей имеет чисто негативный подтекст, напоминая о тоталитаризме, разрушении, нигилизме и бесчеловечности? Для начала нужно заметить, что так было не всегда. До тех пор, пока итальянский фашизм не начал строить тесных взаимоотношений с нацистской Германией, признанной точкой зрения в Европе и США было, что Муссолини делает чудеса для своей страны. В популярной американской песенке 1930-х пелось: «Ты крут, Ты великий Гудини. Ты крут, Ты как Муссолини!»

Создание "оси" между фашистской Италией и нацистской Германией в 1936-м, кровавое участие обеих стран на стороне Франко в Испанской Гражданской Войне, то, что Италия была союзником Германии к началу Второй Мировой (и, таким образом, оказалась втянутой в масштабные, не поддающиеся осмыслению, преступления Третьего Рейха), навсегда изменил образ не только итальянского фашизма, но фашизма вообще.

Но факт, что фашистская революция в конце концов стала для многих синонимом войны и циничной бесчеловечности — не случайность. Напротив, он изначально заложен в фашистском видении национального возрождения, состоящего не из одного, а из двух мифов, способных, в сочетании, высвободить гигантскую деструктивную энергию. Первый — это концепция нации, как организма, очеловеченного, будто это герой эпической истории, проходящий через моменты славы и позора, силы и слабости. Пример подобного мифа можно подсмотреть у Итальянской Ассоциации Националистов, присоединившейся к фашизму в 1923-м:

Фундаментальным тезисом Национализма, ставящим националистскую доктрину в один ряд с другими политическими доктринами, является то, что различные общества,

существующие на Земле, являются настоящими организмами, которым дарована жизнь, гораздо более долгая по сравнению с жизнью индивидов, продолжающаяся столетиями и тысячелетиями. Таким образом, Итальянская Нация состоит не только из 36-ти миллионов живущих сейчас итальянцев, но и всех сотен тысяч миллионов итальянцев, которые будут жить в будущих столетиях, и которых тоже нужно рассматривать как компоненты единого целого. В этой концепции, каждое поколение и каждый индивид из поколения — бесконечно малая часть нации, клетка национального организма. Точно также как клетки рождаются, живут и умирают, в то время как организм остается неизменным, так и индивиды рождаются, живут и умирают, в то время как нация продолжает свое тысячелетнее существование.¹⁴

Отсюда видно, что центральные метафоры ультра-национализма являются по сути виталистическими. То есть они часто объединяют физическую реальность биологии, пространства и материи с метафизической «реальностью» духа, героизма и воли: стандартные фашистские образы «крови» и «расы», например, объединяют в себе оба этих измерения. Фашистский национализм — мифический воображаемый мир, в котором требования Истории, Судьбы и Провидения, воплощенные в нации, довлеют над индивидом, где сочувствие ко всем человеческим существам, независимо от их расы и ценности для общества, рассматривается как признак духовного упадка, который необходимо преодолеть. Это мир, в котором утопическая жажда обновления вращается вокруг двоичных, полярных противоположностей: болезнь/здоровье, наша нация/враг, мужчина/женщина.

Если ультра-национализм проявляет мужской шовинизм в своих представлениях о мужчине: мужчина воин, мужчина герой, мужчина создатель; то его же он проявляет и в своих фантазиях о женщине: заботливая женщина, женщина, которая всегда рядом, женщина, дарующая жизнь. Сострадание и сомнение — слабости, которые необходимо преодолеть. Твердость и уверенность — добродетели, которые необходимо лелеять. При Нацистах слова «жестокий» и «фанатичный» приобрели даже позитивный подтекст. Нация, как сумма всех ее фашистских индивидов, должна вести себя как мужчина-воин. Она должна быть дисциплинированной, гордой, смелой, хорошо оснащенной и подготовленной, готовой к борьбе, наступательно агрессивной, и обеспеченной для всего этого человеческими средствами через функции воспроизводства и заботы, присущие женщине.¹⁵

А как насчет второго компонента фашистского мифа: возрождения? Миф возрождения, или «палинггенеза» принадлежит к гораздо более старой вселенной метафор, чем «нация». Он обращается к распаду и смерти, как к предвестникам новой жизни, нового творения. Внутри палинггенетического воображения разрушение — прелюдия к регенерации, смерть сама по себе трансформируется в осмысленное принесение в жертву, становясь частью разворачивающейся эпической фазы истории. Как только теория генетической или расовой чистоты появляется на горизонте этого видения будущего величия, становится логичным провеять зерно и избавиться от шелухи, чтобы осталась только чистая пшеница. Или, как говорил один нацистский идеолог еще в 1925-м:

Нельзя выказывать никакого сожаления к низшим и к слабейшим: калекам, эпилептикам, слепым, безумным, глухим и слабоумным, детям алкоголиков, сиротам, преступникам, проституткам, сексуальным меньшинствам, и т.д. Все, что мы делаем для них — не только отвлекает ресурсы от более благородных целей, но противодействует процессу естественного отбора... Эта низшая категория заслуживает уничтожения и смерти. Осмотрены и определены как непригодные. Деревья, которые не плодоносят, должны быть срублены и преданы огню.¹⁶

Тоталитарная природа фашистской революции

Фашизм появляется, когда ультра-национализм сливается с мифом возрождения, в ответ на кризис в обществе, производя идеологию, центральным видением которой

является очистка старого общества от его упадка и омоложение (возрождение) нации с новым порядком, населенной фашистским «новым человеком». Некоторое представление о масштабах этого утопического видения можно получить из следующей декларации Роберта Лея, предводителя нацистской организации, Фронт Немецких Рабочих (взято из его речи, произнесенной в 1938-м):

Есть одна вещь, которую нужно понять для осознания величия этого исторического момента: речь не идет о создании новой государственной системы, или новой экономической системы. Мы не говорим о внешних проявлениях, таких как наращивание армии или полный переворот в экономике. Речь идет об обновлении человека, личности. Это люди меняются.

Верите ли Вы, что идея могла сделать что-то подобное ранее? Обновление личности проявляется в том, что идея способна преобразовать все аспекты человеческой жизни. Национал-социализм имеет силу для того, чтобы освободить немецкий народ, каждого немца, от вреда, который ему нанесли, от того, что мешало ему выполнять свои функции. Это является конечной, величайшей целью.¹⁷

Для проведения «обновления человека» националистический дух подразумевал на практике координацию всех аспектов социальной, экономической, политической, культурной и интеллектуальной жизни в рамках авторитарного государства. Уничтожение либеральных свобод и социалистического интернационализма было, таким образом, для фашистов частью процесса исцеления. Вот почему фашисты гордились тем, что они преобразовали Италию в «тоталитарное» («полное») общество¹⁸ («тотальное государство» было таким же позитивным термином для нацистов¹⁹). Негативный подтекст, приобретенный этими терминами в политологии после рассмотрения фашистских (и коммунистических) попыток переустройства общества, является следствием ужасных человеческих жертв этих «тотализирующих» (наполняющих) усилий. Любой революционный миф, ведущий к попытке уничтожить плюрализм современного общества в стремлении достигнуть утопии через «тотальный» контроль над обществом неизбежно приводит к искаженной карикатуре этой утопии. Он ведет к дистопии (или «плохой» утопии), в которой разрушение и бесчеловечность, благословленные государством, оправдываются ссылками на конечные цели: создание нового типа государства, населенного людьми нового типа.

Однако, тоталитарные следствия фашистских попыток реализовать свою утопию зависят от многих факторов. Фашистская Италия, например, была значительно менее авторитарным государством чем Нацистская Германия. Перед приходом к власти фашизм (который, в отличие от партии нацистов, никогда не имел за собой существенной доли электората) был настолько хрупкой силой, что Муссолини пришлось идти на существенные компромиссы со своим радикализмом. Он не стеснялся этого, и был готов отказываться и менять некоторые из декларированных им взглядов в угоду требованиям момента, до тех пор, пока он был способен следовать своей главной цели — возглавлять и направлять процесс преобразования Италии.

Более того, недоверие к государству и слабая социализация большинства итальянцев означали, что фашистские идеалы героизма и слепой веры в лидера, не могли быть легко привиты существующей политической культуре. Это означало, что приходилось идти на значительные уступки консервативным силам, а слишком радикальное переустройство итальянской общественной жизни было исключено. Более того, технологические и материальные ресурсы Италии были несоизмеримо меньше в сравнении со странами к северу от Альп, таким образом, наращивание военной силы было медленным и территориальные амбиции приходилось сдерживать: основной отдушиной для имперских амбиций Италии перед Второй Мировой была Эфиопия — феодальное африканское государство без современной армии. Нельзя сказать, что фашизм был более разрушительным или бесчеловечным в подчинении себе Эфиопии, по сравнению с

некоторыми «либеральными» государствами 19-го века (такими как Бельгия, например) в постановке на колени их собственных колоний.

Было бы также неверно предполагать, что фашизм развил аппарат насилия, сравнимый по масштабам с Нацистским. Перед принятием антисемитских законов 1938-го, основными, определенными идеологией режима, врагами были резко анти-фашистски настроенные либералы и коммунисты, которых (за редкими исключениями) либо ссылали в сельские районы юга, либо сажали в тюрьмы, не прибегая к особым пыткам или казням. На самом деле, до тех пор, пока фашизм не принял схемы Гитлера для Нового Европейского Порядка, он правил страной с меньшим социальным насилием, чем в условиях фактической гражданской войны с 1919-го по 1921-й, позволивших Муссолини и его чернорубашечникам стать существенной политической силой. В культурной сфере тоже. Фашизм почти ничего не предпринимал для цензуры художественного творчества, не навязывал определенного стиля (хоть и строго контролировал содержимое новостей, передаваемых через прессу, радио и кино). Напротив, он старался предстать патроном всей художественной продукции, любой формы и содержания, используя пропаганду для ассоциации себя со всеми технологическими, научными и спортивными достижениями Италии, безотносительно к действительным политическим взглядам ученых или спортсменов.²⁰

В Третьем Рейхе многое было по-другому. Его лидеры жестко следовали своей интерпретации нацистских идеалов. Его спецназ насчитывал сотни тысяч «фанатичных» последователей, готовых быть «жестокими» на благо нации. В его распоряжение попала современная страна с гигантскими индустриальными и технологическими ресурсами, и, по сравнению с Италией, хорошо образованным социализированным населением. Эта версия ультра-национализма избрала себе целью расовое здоровье и гигиену. Основой для этого стала лже-наука «евгеника», определившая врагами чистоты нации целые категории человеческих существ от евреев (4-6 миллиона убито) и цыган (более 750000 убито) до гомосексуалистов, а так же физически и умственно неполноценных, большинство которых стало жертвами программы систематического уничтожения: более 320000 этнических немцев было стерилизовано, и около 150000 убито для улучшения «здоровья нации». Это не считая многих миллионов славянских военнопленных и гастарбайтеров, которые попали в рабство или были убиты как воплощения расовой неполноценности.

Крестовый поход Нацизма против духовного упадка пошел дальше преследования идеологических врагов, таких как коммунисты, масоны и радикальные христиане, (напр. Свидетели Иеговы) — к попытке уничтожения всех форм искусства, попирающих «немецкие ценности» и обозначенных как «культурный большевизм». К таковым были отнесены все формы литературы и изобразительного искусства, не вызывающие непосредственно к нацистской идеологии. В результате, Германия увидела полное уничтожение того, что историки искусства называют «модернизм», а также экспериментальной музыки, включая продукты «расово низших» культур. Это привело к запрету на все искусство, литературу и музыку евреев, к признанию вне закона джаза (поскольку он связан с неграми). Но все же свинг был настолько популярен, что нацистской пропаганде пришлось заказывать версии американских хитов со словами, специально составленными для разжигания расовой ненависти и высмеивающими врага.

Внешняя политика нацистов тоже была гораздо более амбициозна и разрушительна по сравнению с итальянской. Она включала в себя соединение огромных территорий Европы в империю, основывающуюся на расовых принципах, для полной эксплуатации их человеческих, материальных и культурных ресурсов на пользу Великой Германии. Не удивительно, что нацистские попытки реализовать свои фантазии относительно Нового Мирового Порядка привели к войне, бесчеловечности, массовому порабощению, массовым убийствам и попыткам геноцида невиданных масштабов, с использованием всех материальных и технических ресурсов современного государства.²¹

Фашистская «постоянная революция»

Заложенная в нацистской утопии радикальная деструктивность рождается из неотъемлемых элементов фашистской идеологии. Все революции по определению деструктивны, и готовы (по крайней мере на время «переходного периода») предпочесть один сегмент человечества всем другим, сдерживающим «прогресс». Либеральная революция подразумевает уничтожение феодального или коммунистического «старого режима». Коммунистическая революция в теории требует уничтожение буржуазного капитализма, а на практике привела к массовым убийствам и террору во многих из своих национальных вариантов (напр. в России при Сталине, в Китае при Мао Цзе Дуне, в Камбоджии при Пол-Поте). Даже Бархатные Революции 1989 г. в Польше и Чехословакии, уничтожили Советскую колониальную систему, дававшую многим обычным людям определенную стабильность, материальную обеспеченность и социальный мир, многое из чего быстро исчезло в рамках наступившего дикого капитализма.

Основное отличие фашистской революции от либеральной и коммунистической в том, что последние, несмотря на их локальность, нацелены на установление форпостов в некоторой глобальной битве против «старого порядка», процессе, должном однажды принести плоды (например глобальный мир) для человечества в целом. Да, в период между мировыми войнами ходили разговоры об «универсальном» фашизме, было установлено немало международных связей между похожими движениями, которые продолжали культивироваться фашизмом и после 1945-го, став по-настоящему глобальными с появлением сети Internet. Более того, и фашисты и нацисты видели себя спасающими не только их нацию от упадка, но «цивилизацию» в целом. При этом, однако, основным фокусом фашизма всегда была «своя» нация, не «человечество», и, в этом смысле, фашистская революция в высшей степени избирательна. Фашисты пытались возродить итальянцев, разбудив в них героические качества Древних Римлян. В свою очередь, Нацисты предприняли все возможное для сплочения всех здоровых этнических немцев в объединенную национальную общность, *Volksgemeinschaft*.

Другой важный момент заключается в том, что, в отличие от либералов или марксистов, фашисты не могут себе представить «стационарного состояния» общества, достигшего социального равновесия и покоя. Для фашиста остановка (стасис) означает не долгожданную стабильность, но стагнацию, энтропию и смерть. Фашизм, таким образом, толкает себя на повторение динамизма революционного момента, приведшего его к власти, на создание условий «постоянной революции». Радикальный, ушедший в евгенику, фашистский режим, такой как установили нацисты (а другие, такие как румынская Железная Гвардия или современные американские нео-нацисты, только мечтали установить), движим своей собственной логикой к вовлечению в постоянный процесс создания и уничтожения: установление «нового состояния» должно сопровождаться уничтожением или подчинением себе устаревшего.

Для фашистского революционера, таким образом, уничтожение врагов это не нигилизм, и не бесчеловечность, но интегральная часть постоянной революции. Принципа, который логически следует из мифических основ его мировоззрения, принципа уничтожения ради созидания, или, как сформулировал один фашистский мыслитель, «созидательного нигилизма».²² Фашизм преобразует или (в случае нацизма) хирургически вырезает «нездоровые» элементы нации, таким образом, что они могут регенерировать, очищает национальное дерево от сухих веток и излишней листвы, для того, чтобы оно росло лучше, в попытке сохранить, по крайней мере, свой сегмент человечества от угрозы быть «затопленным» «низшими» культурами и расами, для того, чтобы спасти цивилизацию.

Фашизм как мирская революция

Палингенетическая логика смерти и возрождения, служащая основой фашистской революции не является рациональной. Это ритуал. Не важно — насколько современны бюрократическое, техническое и технологическое измерения Холокоста, стоящий за ним психологический стимул восходит к ритуалу очищения и жертвоприношения: грязное необходимо уничтожить для возрождения нации, чистое должно быть готово умереть ради жизни Германии. Ритуальное измерение фашизма наиболее явно проявляется в центральной роли политической литургии, «религиозного» стиля политики фашистского и нацистского режимов.

На практике, либеральные и коммунистические режимы тоже периодически обращались к политической литургии (например, американские предварительные выборы, с их разноцветными шариками, или гигантские советские первомайские демонстрации на Красной Площади), но межвоенный фашизм сознательно делал подобные ритуалы центральными в своей концепции революции. «Людские моря», подготовленные фашизмом к публичным выступлениям Муссолини, факельные шествия и марши, проводимые во время конгрессов нацистской партии, наводнение публичного пространства символами режима (веник, свастика), ключевая роль культа лидера, потребность в создании монументальных строений, постоянное обращение к риторике и спектаклю, в обоих режимах все это было слишком заметно, чтобы быть упущенным очевидцами тех времен. Так, например, французский посол в Германии, наблюдая эффект толпы при Нюренбергском шествии 1937-го, комментировал:

Атмосфера всеобщего энтузиазма, вошедшая в этот старый город — поражает и не поддается описанию: необычайный ажиотаж и восторг, охватившие сотни тысяч мужчин и женщин, романтическое возбуждение и мистический экстаз. Этому эффекту невозможно сопротивляться. Многие вернулись домой с чувством причастности, готовые сделать свой вклад в достижение цели, но не имея не малейшей идеи об опасной реальности, скрытой обманчивой торжественностью гигантских процессов и парадов.²³

В то время как современное общество, возможно, уже потеряло общую веру и объединяющие ритуалы, существует немало свидетельств того, что люди все еще не стали абсолютно светскими, и нуждаются в них. В частности, когда ломаются знакомые социальные системы, люди чувствуют глубокую угрозу не только из-за материальной неопределенности и стоящих перед ними объективных трудностей. В такие моменты, они могут быть охвачены тем, что один ведущий эксперт в сравнительной религии называет «ужас перед историей» (terror of history).²⁴ В такие моменты, новая идеология, новое политическое, общественное или религиозное движение имеет возможность предложить основу для их жизней, ставящую диагноз для причин хаоса, которая вернула бы чувство эффективности, принадлежности и будущего.

В соответствии с этим анализом, годы серьезной общественной нестабильности в Италии после Первой Мировой (и коллапс Веймарской Республики после 1929-го, для нацизма) создали условия того, чтобы ритуальный стиль политики фашизма (и нацизма) внушил чувство энтузиазма, которое не способна была создать ни одна обычная партия, дав ощущение коллективной эйфории, принадлежности и единства. Фашизм сработал как религия-заменитель. Миллионы были завербованы этой религией вовсе не в силу каких-то определенных логических причин, но в силу созданного в них субъективного ощущения приподнятости из хаотического, пугающего периода истории в новую эру, благодаря вдохновленности чувством гармонии и цели.

Иррациональная, мифическая компонента является центральной в фашизме, но ее не нужно путать с анти-модернизмом. Очевидная одержимость прошлым, которую имели оба режима (Римской Империей в случае фашизма, и арийским, Германским прошлым в случае нацизма) происходит не из желания вернуться в прошлое, но из желания найти и оживить вечные качества расы. Фашизм, таким образом, был не анти-модернистским, но

пытался создать *альтернативную* современность. Не был он и анти-капиталистическим в смысле принципиального неприятия частной собственности и частного предпринимательства. Однако, в противоположность предположениям марксистов, фашисты были радикально против индивидуалистского и материалистического духа, *этого* капитализма, особенно международного капитализма. Им хотелось заменить его всеобъемлющим чувством лояльности к нации, придав жизням людей духовность, которой, как они считали, не хватало в обществе потребления.

Объективная революция фашизма

Акцент, который я поставил на субъективном измерении фашистской революции, не должен, однако, отвлекать внимание от изменений, которые оба режима пытались произвести во внешней реальности. Например, в то время, как ни фашистское, ни нацистское государства не желало отмены капиталистической экономики и частной собственности, у них не было предрассудков о невовлечении себя в экономику. Наоборот, они делали это (в масштабах, несравнимых с таковыми для любого либерального государства, кроме как в военное время) через корпоративную систему, как в Италии, или через картелизацию и гигантские государственные предприятия как в Германии. Во время подготовки ко Второй Мировой, оба режима преследовали цели самодостаточности (автаркии). Нацистам, при этом, удалось создать гигантскую Европейскую Империю, материальные и человеческие ресурсы которой (т.е. иностранные рабочие и миллионы узников концентрационных лагерей) безжалостно эксплуатировались для нужд Третьего Рейха. Когда огромные заводы, такие как заводы Круппа, Даймлер Бенц, или IG Farben производили высокотехнологичную продукцию с использованием рабского труда — это все было очень и очень далеко от стандартной практики капитализма.

Оба режима занимались массивной программой социальной инженерии, включающей в себя создание организаций для всех социальных объединений, реформу системы образования, символически присвоение себе всех аспекты отдыха, спорта, культуры и технологии, либо связывая их с гением нового Государства (как в Италии), либо через обязательное координирование и социальный контроль (как в Германии). Общей для обоих режимов целью было создание тщательно фашистизированной культурной среды, в которой спонтанно родился бы новый тип человеческого существа — фашистский «новый человек», инстинктивно готовый посвятить все свои таланты, идеализм и энергию делу нации. Гигантские государственные стройки, такие как постройка автомобильных дорог и (в Италии) осушение болот, нацистские планы перестроить центр Берлина в монументальном масштабе и переименовать город в «Germania», радикальную перестройку образования для массового производства фашистских и нацистских ценностей: все это вряд ли могло бы быть симптомами чисто «субъективной» революции. Но все же, наверное, даже просто масштаб мобилизации человеческих и материальных ресурсов, которые эти режимы были готовы бросить на добычу новых территорий в Европе, и ужасающая степень, до которой нацистам удалось выполнить их схему создания расово чистого и здорового Третьего Рейха, уже могут служить красноречивым доказательством революционности динамики фашизма.

Фашизм не был всего-лишь революцией ценностей, попыткой оторваться от либеральных, гуманистских и, в конце концов, Христианских традиций, но был продуманной попыткой использования беспрецедентной мощи современного государства для социальной инженерии, для проведения фундаментального преобразования способа построения и целей общества, вплоть до мельчайших деталей жизни каждого отдельного человека. Потребовалось гигантское напряжение сил англичанами, американцами и русскими для создания военной машины, способной помешать претворению в зловещую реальность еще большего количества утопических нацистских фантазий.

Вывод

Из построенной схемы видно, что фашизм является радикальной формой «революции справа», с присущей особой социальной динамикой. Два основанных на ней межвоенных режима не только попытались создать продуманную альтернативную реальность с использованием силы ультра-национализма, но и сознательно проводили в жизнь ритуальную политику, нацеленную на создание нового чувства коллективной принадлежности и целей для народов, дезориентированных глубоким социальным кризисом. Они попытались произвести новый тип человека, новый тип государства, новую эру.

Эта интерпретация фашизма может противоречить обычному пониманию предмета, но она полностью соответствует выводам Джорджа Л. Моссе, одного из ведущих специалистов по нацизму в мире, к которым он пришел после (более чем) сорокалетнего изучения динамики фашизма. В своем обзоре современного понимания фашизма 1997-го он пишет, что идея: «фашизма как революции была одной из наиболее сложных для принятия из всех, так называемых, ревизионистских тезисов, поскольку фашизм всегда до этого характеризовали как ретроградный, толкающий общество назад. Принимаем ли мы его корни во Французской Революции, или отрицаем их — фашизм действительно пытался создать нового человека. Это задумывалось как культурная и общественная, но не экономическая революция».²⁵ Далее Моссе объясняет эту мертвую зону «поражительной» степенью, в которой марксистские и либеральные модели революции доминируют над сегодняшним мышлением в академии. Если мы преодолеем эти предрассудки — становится ясно, что, несмотря на то, что следующая цитата из речи Геббельса является пропагандой по своей природе, она, в то же время, выражает глубокое убеждение: убеждение, что при Гитлере немцы (те, кого можно считать «способными к участию в национальном сообществе») жили в революционно новую эпоху.

Проведенная нами революция является тотальной. Она проникла во все области общественной жизни и преобразовала их снизу. Она полностью изменила отношение людей друг к другу, к государству и к жизни. Революция была прорывом свежего мировоззрения, четырнадцать лет боровшегося за власть в оппозиции, ради создания основы новых взаимоотношений немцев с государством. То, что происходило с 30-го января²⁶ — всего лишь видимое выражение этого революционного процесса. Революция не началась здесь. Здесь она только была доведена до своего логического завершения. В основе ее борьба за жизнь людей внизу, которая, в старых культурных формах и со старыми ценностями была на грани коллапса. [...]

Немцы, однажды самый разобщенный народ в мире, атомизированный на части и, такими образом, приговоренный к импотенции как мировая сила, оказавшийся с 1918-го без средств, и, что еще хуже, без воли, для защиты своих прав перед другими нациями, поднялся в уникальной демонстрации своего чувства национальной силы.²⁷

¹ Ernst Bloch, «Inventory of a Revolutionary Façade», The Heritage of our Time (Polity, Cambridge, 1991), p. 64.

² R. Palme Dutt, Fascism and Social Revolution, (Martin Lawrence, London, 1933), p. 225.

³ Hermann Rauschning, Germany's Revolution of Destruction, (Heinemann, London, 1939): в США издавалось под названием: The Revolution of Nihilism (Alliance Books, 1939).

⁴ Robert Soucy, «Drieu la Rochelle and the Modernist Anti-modernism in French Fascism», Modern Language Notes, Vols. 95, No. 4, 1980.

⁵ Jeffrey Herf, Reactionary Modernism (Cambridge University Press, London, 1984).

⁶ Eugen Weber, «Revolution? Counter-revolution? What revolution», в Walter Laqueur (ed.), Fascism: A Reader's Guide, (Penguin, Harmondsworth, 1976), p. 509. Эссе Вебера — яркая критика псевдо-научных предположений, стоящих за марксистскими концепциями революции и контр-революции.

⁷ Для более полного обоснования концепции идеального типа см. Roger Griffin, The Nature of Fascism, (Routledge, 1993), pp.8-12.

⁸ Для более полного обоснования этого определения см. Griffin, International Fascism, (Arnold, London, 1998), p. 14. Для независимого свидетельства, что такой консенсус существует см. Stanley Payne, «Review Article. Historical Fascism and the Radical Right», Journal of Contemporary History, Vol. 35, No. 1 (2000), pp. 109-11.

⁹ Benito Mussolini, Il discorso di Napoli, [The Naples speech], 24 October 1922, Il Popolo d'Italia, No. 255, 25

October, 1922 *Omnia Opera di Benito Mussolini* (op.cit.), XVIII, 453-58, в Roger Griffin, *Fascism*, (Oxford University Press, 1995), pp. 43-4.

¹⁰ Для углубленного анализа психологического эффекта, который, по задумке дизайнеров, должна была производить на посетителя эта выставка, см. Jeffrey Schnapp, «Epic demonstrations: Fascist Modernity and the 1932 Exhibition of the Fascist Revolution» in Richard Golsan (ed.), *Fascism, Aesthetics, and Culture*, (University Press of New Hampshire, 1992). Такие мероприятия были частью продуманной политики по «освящению» государства, чтобы весь фашистский режим и его лидер стали объектами замещающей религии: см. Emilio Gentile, *The Sacralization of the State in Fascist Italy*, (Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1996).

Нацисты тоже предпринимали усилия по созданию культа Третьего Рейха и его лидера, используя ритуалы и театральный стиль политики, причем с еще большей интенсивностью и с большим успехом.

¹¹ см. Griffin, *The Nature of Fascism*, op.cit., гл. 5 для обзора меж-военного Европейского авторитаризма в свете этих различий.

¹² Нужно отметить, что некоторые ученые используют идеальные типы фашизма, исключая возможность рассматривать Нацизм как частный случай фашизма. К ним относятся Zeev Sternhell, Renzo de Felice, James Gregor.

¹³ Убедительное описание этих общих знаменателей было дано Александром де Грандом (Alexander de Grand) в его *Fascist Italy and Nazi Germany. The «Fascist» Style of Rule*, (Routledge, London, 1995).

¹⁴ Associazione Nazionalista Italiana, *Il nazionalismo* (ANI, Rome, 1920), 6-9, 14-5. Цитировано в Griffin, *Fascism*, op.cit., pp. 37-8.

¹⁵ Для анализа женоненавистнического измерения фашизма см. Klaus Theweleit, *Male Fantasies*, (Polity Press, Cambridge, 1989: 2 vols).

¹⁶ Ernst von Salomon, «Zucht». Eine Forderung zum Programm [Разведение. Потребности в связи с программой партии], служебная партийная записка, Christmas 1925, NSDAP Hauptarchiv, (Hoover Institution Microfilm Collection), Reel, 44, Folder 896, 1-11. Цитировано в Griffin, *Fascism*, op.cit., pp.

¹⁷ Robert Ley, *Wiedergeburt aus der Freude* [Возрождающая радость], *Soldaten der Arbeit* [Солдаты труда], (Zentralverlag der NSDAP/Franz Eher, Munich, 1942: 1st ed. 1938), 89-96. цитировано в Griffin, *Fascism*, op.cit., pp. 142-3.

¹⁸ See Griffin, *Fascism*, op.cit., pp. 52-3.

¹⁹ See *ibid.*, pp. 138-9.

²⁰ см. Marla Stone, «The State as Patron» («Заботливое государство»), in Matthew Affron and Mark Antliff, *Fascist Visions* (Princeton University Press, New Jersey, 1997), pp. 205-238.

²¹ Хотя, возможно, сталинизм виноват в большем количестве смертей в сравнении с нацизмом, нужно отметить, что машина уничтожения, слезки и порабощения создавалась нацизмом в рамках непосредственного выполнения его обещаний, в то время как сталинизм был изменой идеалам Марксизма-Ленинизма. О «современном характере» машины насилия Третьего Рейха см. Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust*, (Polity, Cambridge, 1989)

²² см. Griffin, *Fascism*, op.cit., pp. 351-4.

²³ цитировано в Guido Knopp, *Hitler. Eine Bilanz*, (Siedler, Berlin, 1995), pp. 82-3.

²⁴ Mircea Eliade, *The Myth of Eternal Return*, (Princeton University Press, Princeton, 1971; first ed. 1949).

²⁵ G. L. Mosse, «Renzo de Felice e il revisionismo storico», *Nuova Antologia*, (April-June, 1998), Vol. 133, p. 182.

²⁶ например 30-го января 1933, когда Гитлер стал Канцлером.

²⁷ *Die deutsche Kultur vor neuen Aufgaben* [Новые задачи немецкой культуры], *Signale der neuen Zeit* [Знаки нового времени] (Zentralverlag der NSDAP/Franz Eher, Munich, 1939), 323-36. Воспроизведено в Griffin, *Fascism*, op.cit., p. 134.

Прим пер:

Слово "reactionary", для которого словарь Merriam-Webster дает значение "ultra-conservative" переводилось как "консервативно" либо как "ретроградно", либо как "реакционно" в зависимости от контекста. В русском языке, слово реакционный более специфично, и обозначает, скорее, насильственный консерватизм. Больше насильственный, чем просто консерватизм (стремление сохранить существующий *status quo*). В английском языке reactionary — просто очень сильный (ultra-) консерватизм, возможно насильственный.

Слово "фашизм" местами обозначает идеологию, а местами конкретно итальянское фашистское государство. В исходном тексте различие делалось за счет заглавной буквы ("fascism" и "Fascism"), но, мне кажется в русском тексте не должно быть путаницы от того, что я опустил это отличие.

Ален де Бенуа

Второй лик социализма

"Гитлер одержал бы настоящий реванш a posteriori, если бы мы из-за ужасов, связанных с

национал-социализмом, запретили себе исследовать пути, ведущие к национальному социализму".

Жан-Франсуа Кан "Нувель литтерэр".

Определение социализма

Не существует ни одного четкого определения социализма, в отношении которого имелось бы всеобщее согласие. По **Прудону**, "социализм — это всякое стремление к улучшению общества". Такое определение, однако, нас далеко не уведет — в этом случае социалистом можно назвать почти всякого человека. Противопоставление социализма индивидуализму тоже недостаточно: социалистическое общество у **Маркса** описывается как весьма индивидуалистическое во многих аспектах. С другой стороны, такого автора, как **Фурье**, можно одновременно причислить и к социалистам, и к индивидуалистам. Любопытно отметить здесь достаточную близость между социализмом и анархизмом: **Прудона**, к примеру, считают своим мэтром как социалисты, так и анархисты. Более того, исторически расхождения между социалистами и анархистами сводились чаще всего лишь к вопросам *тактики*.

Некоторые видят в социализме сугубо современный феномен, неразрывно связанный с появлением индустриального общества и рабочего движения. **Сорель**, в 1906 году говорил о "метафизике нравов", а **Вернер Зомбарт** считал социализм "интеллектуальным отражением" стремления пролетариата к освобождению. Для других авторов социализм несводим ни к рабочему движению, ни к идеологии промышленного пролетариата. Многие рассматривают его как *тенденцию* (к "равенству", к "справедливости", к "революции"), которая присутствует и проявляется в человеческой истории постоянно — от **Платона**, израильских пророков и ранних христиан вплоть до иранской секты Бабидов (изучению которой посвятил свое исследование **Гобино** — "Религии и философии Центральной Азии"), через великих утопистов 16-17 веков, **Томаса Мора**, **Мюнцера** и **Кампанеллу**. (1)

В своей книге "Конструктивный социализм" (1933) **Генри де Ман** определил социализм как "современную форму вечного восстания против всякой эксплуатации, против всякого угнетения, против всякой несправедливости". Социализм, таким образом, предшествовал появлению буржуазии, как сама буржуазия предшествовала возникновению капитализма. Таким образом, социализм логично рассматривать "не как учение пролетариата, но как учение *для* пролетариата".

Попытки определить социализм через те *средства*, которые он использует (ограничение прав собственности, огосударствление, национализация предприятий и т.д.) тоже не дает нам полноты картины. С одной стороны, одинаковые средства могут служить противоположным целям: юридическая структура сама по себе не позволяет досконально определить социальную *функцию*. С другой стороны, ни одно из этих средств не является обязательным для различных типов социализма.

Во Франции социалистическое движение всегда разделялось на "государственников" (**Луи Блан**) и анти-государственников (**Фурье**, **Виктор Консидеран**, **Прудон**). Один из классических трудов бельгийского социализма называется "Социализм против государства" (**Эмиль Вандервельде**). Ярый противник государственного и правового вмешательства в частную жизнь, **Прудон** предлагал идею "мутуализма", которая не предполагала отмены частной собственности на средства производства. **Аристотель** же, напротив, в отношении **Левкада** утверждал, что в основании олигархической системы лежит принцип неотчуждаемости владений, и что переход к частной собственности означал декаданс режима и наступление эры демократии. (Точно так же в прусском государстве ограничения частной собственности были введены не ради "социализма", но

для укрепления положения земельной аристократии, рассматриваемой как костяк общества).

Связь между социализмом и демократией тоже неочевидна. Не только демократии не обязательно быть социалистической, но и социализм отнюдь не всегда бывает демократическим. Социализм **Платона**, в котором только *правлящие касты* не имеют права обладать частной собственностью, основывается на идее фундаментального неравенства людей. Стремление к справедливости в этом случае отнюдь не подразумевает отмены этого неравенства. Социалистическое государство иезуитов в Парагвае в 17 веке было вместе с тем абсолютной теократией. Уже в наше время **Прудон**, теоретик "организационного плюрализма", постоянно противопоставляет федерализм, гарант свободы, демократии, являющейся централизаторской и диктаторской по своей природе. "Демократия в той же мере является свободой, — писал он, — в какой Иуда является Христом". **Сорель**, которого **Лукач** в эссе о "деструкции рассудка" относит к числу величайших представителей *иррационального* в политике, критикует демократию еще более жестоко.

Антонио Грамши, не колеблясь, писал следующие слова: "Никакое государство не может существовать без правительства, состоящего из очень небольшого числа людей, обладающих при этом наилучшими способностями и максимальной дальновидностью. Пока государство исторически необходимо, пока сохраняется необходимость править людьми, — каким бы ни был правящий класс, — всегда будет стоять проблема вождей, проблема *вождя*. Есть социалисты, считающие себя марксистами и революционерами, а значит, признающие необходимость диктатуры пролетариата, но при этом отрицающие диктатуру вождей, отрицающие индивидуализацию, персонификацию власти. При этом они хотят диктатуры, но отрицают единственно исторически возможную ее форму. Все это разоблачает не только этих мыслителей, но и всю политическую линию, которой они следуют..." ("Ordine Nuovo" 1 марта 1924)

Видимо, ближе всего к истине стоит **Вернер Зомбарт**, противопоставляющий социализм как *принцип* системы или особого общественного строя социализму как стилю определенной ментальности, с одной стороны, и социализму как синониму "прогресса" и "теории классовой борьбы", с другой стороны. В конечном счете, он определяет социализм как "общественный нормативизм" или "такое состояние общественной жизни, при котором поведение индивидуума определяется в принципе обязательными нормами, проистекающими из интересов политической общины и воплощающимися в "номосе" (качественном традиционном порядке)". ("Немецкий социализм")

Социализм и нация

Итак, совершенно очевидно, что единого социализма не существует. Есть разные "социализмы". В системе идей, как и в других областях, не существует замкнутых систем. Даже если некоторые философские, религиозные или политические учения претендуют на "универсальность" — т.е. тщатся оправдать свою особость апелляциями к якобы "всеобщей" природе, — они всегда несут на себе отпечаток тех народов, в лоне которых они рождаются и развиваются. **Лютер** говорил: "Нужно, чтобы в каждой стране был свой собственный демон". Нужно также, чтобы в каждой стране были свои собственные боги — своя собственная манера восприятия и понимания идеологии. Так же, как христианство исторически разделяется на латинский католицизм, северный протестантизм и православно-византийский культ, социализм меняется от народа к народу, приобретая различные качества.

Уже в 1835 году один из первых социалистов **Виктор Консидеран** выдвинул проблему исторического выяснения того, "связаны ли между собой физиологические различия разных народов и различия социальных систем, соответствующих каждому из

них", а также вопрос изучения "исторических корреляций между расовыми особенностями и разнообразием социальных систем".

Термин "раса" употреблялся им в переносном смысле. Им в то время обозначали этнические особенности народа, коренящиеся в его *специфической истории*. Речь, таким образом, шла не о расовом делении на биологическом, изначальном уровне, но о "расах предназначения", о "расах, созданных историей" (**Густав Ле Бон**), совпадающих с понятием "народа", т.е. совокупности людей, которые благодаря общности исторического и культурного опыта приобрели общие и относительно стабильные психологические характеристики. **Монтескье** называл это "общим духом" каждой нации. **Эдмон Ласкин**, знаменитый французский социалист, писал: "Есть столько же "социализмов", сколько народов. Социализм не может передаваться от народа к народу без того, чтобы полностью не поменять свое содержание". И далее: "социализм от страны к стране, от народа к народу облекается в самые неожиданные, самые разнообразные и подчас противоположные формы. У одних он космополитичен, у других — националистичен. У одних — либерален, у других — авторитарен. У одних — демократичен, у других — автократичен. У одних — религиозен, у других — атеистичен. Все зависит от детерминизма среды, расы и национальной традиции".

Та же идея высказана **Сорелем**: "Есть столько же "социализмов", сколько великих наций". Одна из книг **Артура Мюллера ван ден Брука** так и называется: "Каждый народ имеет свой собственный социализм" ("Jedes Volk hat seinen eigenen Sozialismus").

В своих книгах "Социализм у разных народов" и "национальный социализм" **Ласкин** различает британский социализм фабианского типа, — традиционный и реформистский, эгалитарный и "революционный", подчас "путчистский", французский социализм; легалистский и парламентский социализм немцев; прагматистский американский социализм, стремящийся быть как можно менее доктринальным; ирландский социализм, отмеченный "лихорадочным кельтским энтузиазмом", и т.д.

Объективно совершенно очевидно, что интернационального социализма просто не может быть. Но на теоретическом уровне, однако, существует фундаментальная оппозиция между *национальным социализмом* (сам факт существования которого исторически не подлежит никакому сомнению, и который учитывает национальный фактор подчас настолько, что его обратному влиянию подвергается и сама социалистическая доктрина) и *интернационалистским социализмом* (который отказывается от учета национального фактора и тем самым пытается обойти или сознательно замолчать законы реальности). **Карл Маркс** — один из классических представителей этого второго течения. Первая тенденция ярче всего выражена у **Платона**, **Мора**, **Кампанеллы**, **Фихте** (который в 1800 году, развивая идеи **Фридриха Листа**, выступал за экономику автаркийного социалистического государства), **Шлеймахера**, **Лоренца фон Шталя**, **Иохана Родбертуса**, **Альберта Шефле**, **Фердинанда Лассалья**, **Карла Марло**, **Адольфа Хельда**, **Генри де Мана**, **Сореля**, **Прудона** и т.д.

Учет национального фактора имеет для социалистического учения очень важные последствия. В первую очередь, это влечет за собой отказ от абсолютизации классовой борьбы и, соответственно, новое определение "народа", понимаемого отныне не как *социо-экономический конгломерат*, объединяющий в себе *часть* граждан, но как всю совокупность людей прошлого, настоящего и будущего, каждый из которых принадлежит данной конкретной общине.

Марксистский социализм основывается на классовой борьбе (отождествленной с двигателем исторического прогресса), на доктрине ненависти, результатом которой должны стать, с одной стороны, разрушение коллективной идентичности и стирание национальных границ, а с другой — создание в рамках каждой нации условий для перманентной гражданской войны. В национальном социализме также речь идет о классовых противоречиях, но рабочий класс, тем не менее, сохраняет здесь определенное единство интересов с другими классами. Национальный социализм не отрицает классовой

борьбы, он лишь отказывается от возведения ее в абсолют. "Этот социализм, — пишет **Эдмон Ласкин**, — утверждает, что вопреки всем внутренним противоречиям и проблемам все классы нации солидарны в общей борьбе за ее интересы, и эти противоречия не выходят за рамки самой этой нации".

Вернер Зомбарт определял "немецкий социализм" как "социализм релятивистский, адаптированный в интересах всей нации, волевой, светский, языческий, — одним словом, такой, что его можно назвать "национальным социализмом". И далее: "под общим термином "национальный социализм" следует понимать такой социализм, который строится в рамках национального единства, который отталкивается от идеи, что социализм и национализм могут и должны прекрасно сочетаться между собой. На самом деле, не существует никаких универсально приемлемых режимов. Каждый тип режима должен соответствовать тому или иному конкретному народу".

Таким образом, социализм определяется как сфера *обязательств* индивидуума в отношении той общины, той нации, к которой он принадлежит. (**Шпенглер** говорил: "Старый прусский дух и социалистическая ментальность — это одно и то же"). Социалистическим является всякое общество, где индивидуум находится на службе общины, народа, а не наоборот. Защита же народа и защита нации — это одно и то же. Социальный вопрос и национальный вопрос — это *один и тот же вопрос*, рассмотренный под разными углами зрения. Обездоленные подлежат защите не только тогда, когда они принадлежат к самым неимущим экономическим слоям общества, но и тогда, когда они представляют собой угнетенный народ. Таким образом, с капитализмом надо вести отчаянную борьбу не потому лишь, что он "эксплуатирует" трудящихся, но и потому, что он по своей природе является интернациональным и космополитическим.

Социализм и героизм

Так как построение социализма зависит от энергии и темперамента каждого народа, никакой исторической неизбежности в этом вопросе просто не существует. История отнюдь не сводится к борьбе классов. У нее нет ни заданной цели, ни конца. Мессианизм **Маркса** следует полностью отбросить. Разоблачая иллюзии прогресса, **Сорель** в то же время опровергал идею о "фатальности рабочего движения".

Интернациональные социалисты ставят чаще всего во главу угла экономику. **Артуро Лабриола** утверждает, что "социализм есть факт чисто экономической природы". Даже для **Маркса** подобное утверждение было бы спорным. **Фон Шеель** видел в социализме "политическую экономию класса трудящихся". **Сен-Симон** хотел "заменить в пределе управление людьми на администрирование предметов", т.е. полностью подменить политику экономикой. **Каутский** понимал социализм как "демократическую организацию экономической жизни" и т.д. Национальный же социализм, со своей стороны, напротив, утверждает в качестве точки отсчета идею того, что чисто экономические параметры являются в общественной жизни не столько основополагающими, сколько одними из важнейших.

Отсюда проистекает идея о примате не экономики, но именно политики в качестве высшей инстанции постоянного преобразования общества. Зомбарт утверждал, что "нация определяется не общим понятием "мы", но высшей *Идеей*, политическим объединением во имя реализации высокой цели". Он считал, что исторической задачей национального социализма является "исход из пустыни экономического века" и создание общинного "историко-реалистичного" строя, позволяющего всему народу выйти на особый "благодатный" *уровень культуры*.

Проклиная деперсонализацию и отрыв от корней, которые явились прямыми следствиями "экономического века", **Зомбарт** обрушивался также на "комфортизм", т.е. на форму практического материализма, который "является извращением человеческой морали в сторону ценности удовольствия и с необходимостью влечет за собой разложение

всего социального тела". "Комфортизм", — поясняет он, — это не просто внешняя форма существования, это особый подход к оценке самой жизни. Этот феномен относится не к миру вещей, но к миру духа, именно поэтому ему подвержены не только богатые, но и бедные".

В своей книге "Торгаши и Герои" ("Haendler und Helden") **Зомбарт** противопоставляет "торгашескую ментальность" "ментальности героической". "Торгашеская ментальность" неразрывно связана с понятием "интереса", "выгоды": она основывается на принципах "благополучия" и прибыли. "Героическая ментальность" связана с "идеей": ее фундаментом являются представление о жизни как *задании*, которое необходимо исполнить, императиве служения и самоотверженности. "Сущность торгашеского" в том, чтобы требовать и стяжать, сущность "героического" в том, чтобы жертвовать". Иными словами, "торгашеская ментальность" ставит перед жизнью следующий вопрос: "Что ты, жизнь, можешь мне дать?" Ее идеал — наибольшее количество материального благосостояния для максимального числа индивидуумов. "Ее добродетелями являются все те, которые гарантируют коммерсантам мирное сосуществование. Это — чисто отрицательные ценности, так как они настаивают на том, чтобы мы *не делали* того, что сама наша природа заставляет нас делать. Добродетели торгашей — это умеренность, сдержанность, приспособленчество, лояльность, смиренность, терпение и т.д." Героическая ментальность во всем прямо противоположна торгашеской. Ее ценности, напротив, положительные, созидательные, "дающие": самоотреченность, верность, честность, чувство почитания, смелость, уважение, подчинение, доброта".

"Торгаш и герой — вот два полюса великого противостояния, два экстремума ориентаций человечества", — заключает **Зомбарт**. Можно сказать при этом, что существует два типа социализма: социализм меркантильный, торгашеский и социализм героический. Во имя этого героического социализма **Зомбарт** проклинаят всякую "суггестивную конкуренцию" (рекламу) и возведение в абсолют принципа рентабельности. Он выступает также за плановую и иерархизированную экономику, основанную на принципе удовлетворения потребностей вопреки принципу наживы.

Уже **Сорель** в его критике "панургизма" предвосхищает анализ "комфортизма" **Зомбарта**. Постоянно сравнивая революционера с наполеоновским солдатом, **Сорель** воспекает героические ценности, которые он считает наиболее редкими и высокими. Миф "всеобщей стачки" в его системе является источником конкретного героизма. Выше всего он ставит "благородное": "благородство" умерло в буржуазии, она обречена на то, чтобы не иметь морали".

В национальном социализме мы сталкиваемся также с особой концепцией *труда*, понятого не как сущностная "эксплуатация", не как сфера недостойного и проклятого, но как способ самооблагораживания, как возможность полной реализации той привилегии, которой является само пребывание в мире (Dasein als Dienst). Для **Сореля** наилучший работник — это одновременно и наилучший революционер: только хороший труженик способен быть истинным борцом. Вкус к прекрасно выполненной работе не противоречит социалистическим требованиям, но напротив, полностью им соответствует. "Чтобы обеспечить победу в грядущей битве, — пишет **Сорель**, — необходимо научить молодежь любить свою работу, научить их расценивать все то, что они делают, как произведение искусства, всегда требующее максимального совершенства".

Национальный социализм стремится не пролетаризировать нацию, но депролетаризировать труд. *Генри де Ман* уточняет, что это означает "снятие классовых противоречий между капиталистами и наемными рабочими путем наделения государства полномочиями фиксировать социальные условия производства по мере общественной потребности". **Прудон**, критикуя в марксизме "религию нищеты", высказывал сходную идею: "человечество должно найти третий путь, равно удаленный как от частнособственнического капитализма, так и от коммунистического социализма".

Такой тип социализма не хочет освободить человека от всякого бремени существования, он хочет, напротив, *увеличить число заданий*, для того, чтобы *увеличить силы*. "Постарайся исполнить свой долг, и ты сразу же поймешь, на что ты годен", — писал Гете. Шопенгауэр утверждал: "Жизнь это не подарок, которым надо наслаждаться, это задание, это долг, который надо исполнить". И наконец, Ницше: "Что вообще значит счастье? Разве я мечтаю о счастье? Я мечтаю о моем деле".

Перспективы

Борьба между национальным социализмом и социализмом интернационалистическим является исторической константой, которую мы обнаруживаем практически во всех рабочих движениях всех стран. Ярче всего она отразилась в идеологической полемике Маркса и Лассалля. Но и после них она продолжалась с той же силой и продолжается до сих пор. Если, с одной стороны, национальный социализм во многих аспектах вообще сливается с национализмом — показательно, что Жан Жорес в качестве предшественников социализма упоминает Лютера, Канта, Фихте и Гегеля, т.е. тех людей, которых не без основания считают основополагающими теоретиками современного национализма, — то социализм интернационалистский все дальше отдалается от рабочего класса, сливаясь с чистым космополитизмом, "циммервальдизмом", сдвигаясь "вправо", конвергируя с буржуазным миром. Артур Мюллер ван ден Брук определил этот феномен следующей максимой: "Там, где кончается марксизм, начинается социализм". И сегодня во Франции существует то же глубинное противоречие между космополитическим "либерализмом" Миттерана и национальной ориентации социалистов линии Жана-Пьера Шевенмана, который утверждает, что "задачей социализма является реализация национальной независимости и историческое возрождение Европы".

С течением времени крах и неснимаемая противоречивость интернационалистского социализма становится все более очевидной. Повсюду сегодня сторонники социализма стараются максимально учитывать национальный фактор. Даже в рамках современного марксизма есть попытки интегрировать "национальную теорию" в рамки ортодоксальной догматики.

Полемика все же не закончена. Многие аспекты этого идеологического спора остаются все еще неопределенными. Но как бы то ни было, сегодня история ясно показывает, что, если социализм как учение имеет какое-то будущее, — а социальная база для этого все еще наличествует, поскольку капиталистический мир не способен снять сам по себе глубиннейших противоречий, заложенных в нем, не способен дать адекватного ответа на вызов "социальной несправедливости", нищеты, эксплуатации и т.д., — то это будущее лежит в зоне национального социализма, предлагающего реалистичную и радикальную альтернативу "торгашеской логике" торжествующего, но исторически обреченного буржуа.

Закончим словами Вернера Зомбарта: "Всякий, кто отказывается от химеры единой мировой республики, не может и не должен игнорировать императивы социальной эволюции, ограниченной пределами нации".

Часть IV. Современные попытки переосмысления исторического опыта идей национал-социализма.

Современная эпоха ощутила разочарование фактически во всех идеях прошлого. Практически все они оказались незавершенными и весьма далекими от провозглашенных ими идеалов. В России «кризис смысла» в идеях достиг своего апогея — рухнул коммунистический миф, не оправдала себя и западная модель демократии, новый

глобализм также бросает суровые вызовы отечественной культуре. Особенно остро ощущается кризис последней доминирующей на сегодня идеологии – либерализма. Либералы уже наверняка пожалели, что столь долго и скупулесно занимались мифом тоталитаризма на примерах «империй зла», к которым сегодня уже невозможно предъявить претензии, тогда как в свою очередь либеральный идеал глобализма обретает все черты, институты и социальные отношения, описанного либералами тоталитаризма: отсутствие плюрализма, массовый конформизм, нетерпимость к чужим мнениям и жизненным устоям, агрессивная внешняя политика, попытка навязать свою гегемонию – мировое господство и т.д. На вопрос тележурналиста: «Были ли оправданы санкции против Ирака, которые привели к гибели от голода и болезней до 500 тыс. иракских детей?» Мадлен Олбрайт ответила: «Да, это было оправдано». Как писал поэт Е. Евтушенко «На головеночках детей покоится Земля»... Очевидно, что либеральный гуманизм подошел к своему закономерному и логичному развитию – для утверждения и торжества своих ценностей во всем мире ему как завоевательной политике понадобилось массовое убийство. В России либеральные идеалы исказились максимально и трансформировались в собственную противоположность, вернее раскрылась подлинная сущность, которая таилась за их утверждением. Всевозможные мировые правительственные организации прогнозируют сокращение населения России к 2050 г. практически вдвое. Судя по стремительному подтверждению этих прогнозов – за 17 лет с развала Союза от сверхсмертности вымерло уже 11,5 млн. по официальным данным, можно заподозрить, что это не прогнозы, а программа, чей-то план действия. Ведь сверхсмертность процесс неестественный особенно для мощной техногенной цивилизации, соответственно и факторы к ней приводящие неестественные, а искусственные, чья-то злая воля. А Чубайс прямо озвучил ее: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут». Вот что сулят райские кущи рыночной экономики. Либералы готовы жертвовать 30 млн. ради своих идейных химер. Но готовы ли граждане согласиться с ролью безропотных жертв? В этом и состоит главный вызов 21 века для России.

В условиях, когда перед обществом встал вопрос вопросов о его жизни и смерти, самая прогрессивная его часть начинает задумываться, как преодолеть «кризис смысла». Ищется и национальная идея, и инновационные пути развития. Впервые за всю историю человечества идет тотальное переосмысление всего идейного наследия человечества за последние 500 лет! Будущее неясно, поэтому взгляды людей дня сегодняшнего обратились в прошлое. Там они непрестанно ищут ответы на злободневные вопросы современности. В чем причина их нынешней нестабильности, в чем причина утраты духовных оснований жизни? «Каждый культурный подъем в истории, так или иначе связан с обращением к прошлому... Обращения к старому, возрождение старого, сохранение его – это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, это ощущение себя в истории» - так писал академик Д.С. Лихачев. Общество пытается преодолеть «кризис смысла» - оно проводит ревизию всех идей. Не минула чаша сия и национал-социализм. Каким же предстает образ этой идеи и вообще околонационал-социалистических идей, вдохновленных богатейшим философско-политическим наследием 20-30 гг. прошлого века, в умах наших современников, как зарубежных, так и отечественных? Как они оценивают его перспективы, какие оценки дают, что отмечается из прошлого, что нового привнесено? Об этом и пойдет речь в представленных в данном разделе хрестоматии материалах.

Николай Мальчевский

Каждому - своё.

О немецкой философии в период национал-социализма.

Для современной рыночной демократии характерно повышенное внимание к феномену фашизма. Его ищут и находят в прошлом, настоящем и будущем; известный писатель (и убежденный антифашист) Умберто Эко даже уверяет, что существует “вечный фашизм” [1], перецегиоляв тем самым создателей концепции “тысячелетнего Рейха”. Естественно, что и в нынешней России, по мере ее приобщения к мировой цивилизации, интерес к фашизму не убывает, а нарастает. На книжных прилавках появляется все новая и новая литература по данной теме - причём литература, выходящая в основном из недр сугубо демократических издательств. Апофеозом этой эстетической тенденции стало появление на свет роскошно изданной “Энциклопедии Третьего Рейха” (Локид-Миф, Москва, 1996), с каждой страницы которой на нас смотрят выразительные лица героев и героинь Великой Германии, вплоть до трогательной фотографии А. Гитлера в младенческом возрасте. “Энциклопедия” знакомит читателя с текстами “последнего завещания” и “последней воли” фюрера, приводит программу “Национал - социалистической рабочей партии Германии”, учит правильно исполнять известный салют “хайль Гитлер!” и т.д. и т.п. Короче, после появления этого литературного памятника вопрос о том, кто именно занимается в нашем Отечестве “популяризацией фашизма”, можно считать исчерпанным.

Несомненно, что подобное внимание к теме фашизма было бы оправдано, если бы оно вело к пониманию, к верной и глубокой оценке феномена, который сыграл столь заметную роль в истории XX века и сохранил определенное идейное влияние до наших дней. Но как раз с пониманием дело обстоит куда хуже, чем с вниманием. Исследования и публикации, претендующие на некое “философское осмысление” фашизма, оставляют, как правило, весьма жалкое впечатление. Собственно, сегодня преобладают два направления подобного “осмысления”. Во-первых, это выполненные в духе самого вульгарного фрейдизма (с редкими поправками на более утонченное юнгианство) изыскания по “психопатологии фашизма”. Задача таких изысканий - показать, что корни фашизма и его идеологии лежат в неких “низших слоях” человеческой природы, уходят в “подполье” человеческой души и т.д. Но беда в том, что методология этих изысканий такова, что она редуцирует к “подполью”, по сути дела, любую идеологию, сводит к низинам человеческой психики все явления духовной жизни, будь то религиозное подвижничество, художественное творчество и т.д. А потому приговор, выносимый в данном случае фашизму, ровно ничего не доказывает - вынести другой приговор фрейдизм и его аналоги просто не способны. Во-вторых, широкое распространение получили работы, авторы которых “на полном серьёзе” исследуют оккультные, мистические, “эзотерические” и т.п. аспекты фашизма. Но и там, где работы подобного рода не сводятся к поиску той же “психопатологии”, их ценность весьма невелика. И потому, что явно маргинальные моменты фашизма очень часто выдаются здесь за его “духовное ядро”; и потому, что простор для произвольных толкований здесь не менее, если не более широк, чем в изысканиях первого рода; наконец, потому, что отношение самих авторов к “трансцендентному фактору” в истории выражается при этом, как правило, весьма туманно - апеллируя к суевериям читателя, к его интересу к “чертовщине”, они несколько не озабочены тем, в каких богов он действительно верит.

В общем и целом, создается впечатление (вряд ли целиком ошибочное), что рыночная демократия сознательно пропускает идеологию фашизма через свой специфический фильтр - фильтр, оставляющий от любых духовных содержаний лишь сексуально-оккультный осадок. И делает она это, думаю, потому, что органически неспособна к подлинной духовной борьбе.

Духовная борьба требует мужества особого рода - мужества признать, что противник достоин того, чтобы вести с ним такую борьбу. Более того, она требует, прежде всего, опознания тех духовных содержаний во враждебной идеологии, которые сообщают последней настоящую силу - силу, которую даёт именно причастность к истине. Вот это самое трудное и самое необходимое для победы в духовной борьбе.

Приведу пример, на мой взгляд, глубоко поучительный. Раннее христианство испытывало глубокое отвращение к язычеству, к его культам и преданиям, к его мифологии и философии, к языческому образу жизни и к языческому складу ума. Более того, христиане первых веков испытали со стороны языческого общества и государства самые жестокие и кровавые гонения. Но духовная победа христианства над язычеством стала возможна лишь тогда, когда лучшие христианские мыслители перестали смотреть на язычество, как на голую “бесовщину”, опознали и признали заключенные в нем духовно ценные содержания, показали, что христианство способно сохранить, очистить и углубить эти содержания.

И вот, при сколько-нибудь честном взгляде на фашизм, становится совершенно ясно, что и он обладал своим подлинно ценным духовным содержанием. Именно оно привлекало к фашизму многих выдающихся представителей европейской (и не только европейской) культуры, таких, как Кнут Гамсун, Эзра Паунд или Дмитрий Мережковский. Да, их можно упрекать (или, если угодно, обвинять) в том, что они замечали лишь духовный “позитив” фашизма, закрывали глаза на его опасности, на его духовный “негатив”. Но задача не в том, чтобы занять позицию диаметрально противоположную. Духовно преодолеть фашизм - значит понять ту часть “вечной истины”, которую он сумел усвоить и выразить; а поняв, показать, что эта частица находит свое настоящее место в мировоззрении иного порядка.

Чтобы выполнить эту задачу - отнюдь не надуманную, хотя бы в силу той несомненной духовной притягательности, которую сохраняет фашизм после своей военно-политической катастрофы и десятилетий интенсивной “антифашистской” пропаганды - необходимо рассмотреть его идеологию, а еще точнее, его философию, не используя при этом всяческие, по своей сути антифилософские фильтры. Я не случайно подчеркиваю слово “философия”; в первую очередь, необходимо признать, что и в Италии, и в Германии периода господства фашистской и, соответственно, национал-социалистической идеологии, существовала интенсивная и, что еще важнее, относительно независимая от идеологии философская жизнь.

Этот тезис может вызвать бурный протест со стороны тех, кто постоянно отождествляет фашизм и коммунизм. Но именно на примере философии яснее всего обнаруживается условность подобного отождествления, а заодно и то немаловажное преимущество, которым обладал “тоталитаризм” итальянского и даже более жёсткого немецкого образца. Действительно, в Советской России философская жизнь фактически замерла уже через несколько лет после утверждения господства ВКП(б) - замерла именно потому, что любое философское произведение, не влекущее за собой травли, ссылки и еще больших неприятностей, должно было точно соответствовать определённому идеологическому стереотипу; более того, отчётливо декларировать, от первой до последней страницы, приверженность этому стереотипу, свою служебную роль по отношению к учению известных “вождей” и “классиков”. Мне приходилось, однако, читать или просматривать многие десятки книг философского характера, изданных в Германии в период 1933-1944 годов, где нет никаких заверений в преданности идеям национал-социализма, никаких упоминаний о соответствующих “вождях” и т.п. Назову, в качестве примера, книгу, и тематика, и время издания которой, казалось бы, обязывали к однозначным идеологическим декларациям - коллективный труд крупнейших немецких философов того времени под названием “Немецкое в немецкой философии” (Берлин, 1942), где, как сказано в предисловии, должно было “выразиться именно самосознание (немецкого) народа, то есть ясное осмысление господствующих над ним и действующих в нем идей и ценностей” [2]. И вот, здесь можно найти весьма интересные статьи об Альберте Великом и Мейстере Экхарте, Лейбнице и Фихте, Шопенгауэре и Ницше - но нет даже упоминания о национал-социализме и его ведущих партийных теоретиках. Кстати, именно по этой причине я получал подобные книги в наших библиотеках, никогда не имея никаких “допусков” к “спецхрану” - ведь кроме места и времени издания эти

книги не содержали никаких явных признаков “фашистской” или “нацистской литературы”. Короче, контраст с продукцией “советской философии” (причем не только в 30-ые, но и в относительно либеральные 60 - 70-ые годы) был весьма разительным.

Суть сказанного, однако, не в том, что какая-то часть немецких философов имела возможность “игнорировать” официальную идеологию. Было и это - но важнее другое: немецкая философия 30 - 40-х годов (по крайней мере, весьма заметная часть этой философии) оставалась философией и тогда, когда была существенно созвучна идеологии национал - социализма; лояльность и даже приверженность к этой идеологии не означала для большинства немецких философов утраты своего философского лица, понижения уровня своего философского творчества - всего того, что было неизбежно для русских философов в период господства коммунистической идеологии. Эта последняя неслучайно создавала свои собственные “философские кадры” в лице абсолютно невежественной “красной” профессуры; для людей, причастных к настоящей философской культуре, требовалась органически невозможная для них “перемена ума”, чтобы принимать за вершину философии лепет “вождей мирового пролетариата”. Напротив, для многих немецких философов идеология национал-социализма выражала в упрощенной, рассчитанной на нефилософское сознание форме (о чем они говорили достаточно откровенно) те же идеи и интуиции, которые они связывали (основательно или нет - другой вопрос) с глубочайшими традициями германской и, шире, индоевропейской метафизики: с религиозно-философским творчеством Мейстера Экхарта (Герман Шварцц1) и Платона (Георг Вайперт в книге “Принцип иерархии”), с германским идеализмом (Юлиус Биндер, Теодор Херинг, Макс Вундт и многие другие), с идеей “империи как всеединства” (Ганс Гейзе в книге “Идея и существование”) и т. д. и т.п. Имена этих немецких философов сегодня, конечно, обходятся молчанием, хотя некоторые работы М.Вундта (“Греческое мировоззрение” и другие) переводились на русский язык ещё до революции, а Т. Херинг уже в 20-ые годы считался одним из крупнейших специалистов по философии Гегеля. Но при этом, что весьма показательное, их тенденция увязывать идеологию фашизма и национал-социализма с вершинами европейской философии была усвоена... множеством завзятых антифашистов, типа К.Поппера и Г. Лукача. Тем самым косвенно признавалось: фашизм сумел востребовать религиозно-философские идеи самого высокого порядка, идеи, по сути “лишние” и для марксизма и для либерализма, с их апелляцией к материализму и позитивизму, то есть к самым убогим философским доктринам. И настоящий источник духовной притягательности фашизма заключался именно в этом, а не в его идеологии как таковой; неслучайно в книгах немецких философов и богословов того времени труд главного партийного теоретика А. Розенберга если изредка и упоминается, то почти всегда в критическом контексте².

Не стоит и говорить, что “идеальный фашизм” немецких философов 20 - 30-х годов был далёк от своего реального воплощения; это приводило многих из них к жестокому разочарованию в политике, но крайне редко - к отречению от своих идей, даже тогда, когда “отречение” стало условием элементарного самосохранения. И современные антифашисты глубоко ошибаются, связывая духовное влияние фашизма напрямую с его идеологией, изложенной на уровне “Моей борьбы” и “Мифа XX века”. Только пристальный и объективный анализ “идеального фашизма” немецких и итальянских мыслителей того времени позволит понять, какая религиозно-философская логика побуждала их говорить “да” там, где, казалось бы, надо было твердо сказать “нет”. Не поняв существа той ошибки, которая заставляла отнюдь не заурядные (и уж тем более не продажные) умы утверждать: “Если правы Платон, Мейстер Экхарт и Гегель, то правы - по крайней мере, в принципе - Гитлер и Муссолини” - мы будем, действительно, жить в постоянном страхе перед “возрождением фашизма”, причем в среде, ставящей на первое место свои духовные, а не свои материальные интересы. Дух фашизма - это сбившийся с пути дух самых серьезных религиозно-философских исканий; и мы обязаны, отвергая сам

“сбой”, само заблуждение, уважать дух подобных исканий как таковой. Или по крайней мере - знать и понимать его трагическую диалектику.

Одним из крупнейших мыслителей XX века, проделавшим свой путь к “идеальному фашизму”, был Отмар Шпанн (1878-1950), австрийский социолог, экономист и, по основному качеству своих трудов, философ-метафизик “большого стиля”. Уже в 70-ые годы, спустя четверть века после смерти Шпанна, вышло в свет 21-томное собрание его работ, заключающее в себе целостное, всестороннее мировоззрение, которое сам философ вполне последовательно называл универсализмом.

В этой заметке мы не преследуем цели дать сколь-нибудь полную характеристику этого мировоззрения и его критическую оценку. Отметим лишь самое необходимое для лучшего понимания статьи О. Шпанна, перевод которой помещается ниже. Но сначала - несколько слов о его творческой биографии, охватывающей всю первую половину XX века.

Получив образование в университетах Цюриха, Берна и Тюбингена, Отмар Шпанн начал работать как социолог-практик, занимаясь проблемами социального обеспечения. Именно тогда, в начале века, столкнувшись с положением беднейших слоев населения, он пришел к выводу о невозможности разрешить социальный вопрос в рамках либерально-капиталистической системы, идеологический корень которой он видел в индивидуализме. Последний означал для Шпанна социальный, экономический, нравственный, а в конечном счете - онтологический атомизм, с точки зрения которого все связи между людьми являются, по сути дела, внешними, а любое общественное целое - результатом процессов по существу механических, продуктом сцепления и столкновения отдельных человеческих “атомов”, с их сугубо частными потребностями, интересами и т.д. Ничего не изменяет в таком взгляде на характер общества и марксизм; он только выдвигает на первый план некие совокупности однородных “атомов”, так называемые “классы”, а заодно окончательно отвергает существование духовной основы общества в пользу материализма.

Мировоззрению индивидуализма, как и учению его мнимого противника, марксистского коллективизма, О.Шпанн счел необходимым противопоставить мировоззрение универсализма, или учение о целом (Ganzheitslehre) как основной онтологической реальности. Вступив в 1919 году в должность профессора Венского Университета, он развивал концепцию последовательного универсализма и в своих лекциях, и в многочисленных работах. Среди них следует выделить блестяще написанную книгу “Истинное государство. Лекции о разрушении общества и его воссоздании” [3]. Важно подчеркнуть, что для О. Шпанна подлинный универсализм означал не отрицание индивидуального бытия, но осознание его внутренней, духовной укоренённости в целом. “Духовное в человеке существует только в общении, а не в духовной изоляции”, отмечал он, напоминая читателям о том, что “один духовный огонь всегда воспламеняется от другого духовного огня”, а не возгорается “самопроизвольно”. Именно поэтому “отношение индивида к обществу и к другим индивидам является по своей сути нравственным отношением”, и основная задача социальной философии состоит в том, чтобы опознать тот фундаментальный принцип, который одновременно является и субъективным законом личной нравственности, и объективным законом целостной жизни общества.

Эрзацем или подменой такого принципа в либерализме и марксизме является в корне фальшивая идея равенства, идея, которая одинаково губительна и для общества, и для отдельного индивида, ибо лишает последнего всякого своеобразия, своего особенного лица-отличия (раз все равны, то все одинаковы). Но любое живое общественное целое, как и всякий живой индивид, являет для непредубежденного взора нечто совсем другое - раскрывает органическое неравенство как существенную черту всего сущего.

Недостаточно, однако, просто зафиксировать эту черту, ограничиться одной констатацией и апологией неравенства (как это делали Ф. Ницше, К. Леонтьев и ряд

других мыслителей). В основе любого подлинного органического неравенства лежит, по убеждению О. Шпанна, именно духовно-нравственный принцип, а конкретно - принцип справедливости как подлинная альтернатива несостоятельной идее “равенства”. В чем же заключается принцип справедливости? По мнению О.Шпанна, абсолютно точное выражение этого принципа нашла еще античность: в формуле “каждому - своё” (*suum cuique* древних римлян). Право и обязанность индивида - занимать своё место в целом, особое место для каждого особенного индивидуального существа. И не просто занимать, но при этом “делать своё дело” (*ta auta pratein*, по выражению древних греков). Именно через реализацию идеи справедливости может быть достигнуто возрождение общества, достигнут возможный для него “максимум жизни”.

В “Истинном государстве”, как и в ряде других работ, О. Шпанн развивает то понимание задач экономики, политики, культуры и т.д., которое вытекает из принципа справедливости, а точнее, из представления об обществе как духовно-нравственном целом. Он создает ряд курсов по истории экономических и социально-политических учений, где прослеживает борьбу универсализма и индивидуализма от античности до Нового времени, одновременно устанавливая свою собственную идейную родословную: от “Государства” и “Законов” Платона через обоснование иерархической (сословно-цеховой) организации социума в Средние века до идеологии немецких романтиков; переизданию их наследия (и в частности, работ Адама Мюллера, создателя концепции народного (национального) хозяйства, противоположной космополитизму “рыночного капитализма”) он также уделяет много труда, основав для этого издательскую серию “*Herdflamme*” (буквально: “Огонь очага”).

И одновременно Отмар Шпанн все яснее сознает потребность в разработке чисто философского, метафизического фундамента универсализма. В итоге появляется “Учение о категориях” (*Kategorienslehre*, 1924), где развивается специальный понятийный аппарат “философии цельности” и “целостной логики”; затем - книга “Творческий путь духа” [4], пожалуй, самое яркое произведение О. Шпанна, где рассматриваются ключевые проблемы онтологии, пневматологии и антропологии, происходит выход к религиозной проблематике.

В 30-е годы он издает работы по философии истории и натурфилософии; особо выделим замечательную по глубине и ясности изложения историю борьбы и развития основных философских идей “*Philosophenspiegel*” (можно перевести как “Зерцало философии”), где для нынешних любителей оккультной тематики особенно поучительна глава “о подлинной и ложной мистике”. Буквально каждая строка всех этих книг дышит глубоким и мощным духом настоящей метафизики, повсюду продуманная и ясная аргументация переходит в чеканные формулировки ключевых тезисов, например, таких:

“Каждая вещь творит только в силу того, что она сама творится и сохраняется в том, что выше её, в конечном счете - в Творце”.

“Созерцание предшествует творчеству”.

“Части целого никогда не связаны между собою непосредственно, но только через отношение к Целому”.

“Бытие всегда остается юным” (потому что постоянно обновляется из Целого, “которое никогда не истощается в своих членах”).

“В конечном счете есть только две основных духовных позиции - со Сверхчувственным или без него”.

“Космос первее хаоса”.

Несомненно, что именно метафизические, религиозно-философские взгляды О. Шпанна заслуживают самого серьезного обсуждения; в частности, было бы в высшей степени поучительно сопоставить их с той установкой на примат Целого, которая достаточно сильна и в русской философии. Но здесь мы ограничимся темой иного порядка.

То обстоятельство, что О. Шпанн увидел в немецком национал-социализме политическое движение, потенциально способное развиваться в некую альтернативу капитализму и коммунизму, в общем и целом, неудивительно. Такие задатки находили здесь очень многие крупные мыслители: К. Юнг, М. Хайдеггер. Э.Шпрангер, наш соотечественник И.А. Ильин (долгое время издававший свои работы в Германии, в частности, под псевдонимом Альфред Норман). Но в отличие от них, О. Шпанн не счёл возможным наблюдать за развитием национал-социализма со стороны, корректируя свою позицию с учетом реального положения вещей; уже в конце 20-х годов он стал членом NSDAP и в течение десяти лет не оставлял попыток “воплотить” свою философию в практику национал-социализма. Для столь роковой ангажированности существовала и своя особая причина. Как ряд других представителей австрийской интеллигенции (назовём хотя бы выдающегося поэта Йозефа Вайнхебера), О. Шпанн считал свой народ неразрывно связанным с Германией, видел в нём составную часть немецкой нации (о чём говорил ещё в 1920 году в работе “О сущности немецкого”). И в своей верности этому убеждению он пошёл так далеко, что заслужил от своих оппонентов прозвище “генерал-квартирмейстера свастики в Венском Университете”... Но характерным образом знаменитый “аншлюс”, то есть присоединение Австрии к Германии, стал концом его преподавательской деятельности - в том же 1938 году он был лишен кафедры и права на публичные выступления. Хотя отдельные элементы его социальной философии были так или иначе использованы национал-социалистами (характерна в этом отношении программная работа Э. Крика “Общество духовной свободы и социальной справедливости”), в целом Отмар Шпанн испытал судьбу большинства теоретиков “идеального общества” - увидеть отражение своих идей в кривом зеркале социально-политической реальности, не получив даже символического права как-то на эту реальность воздействовать.

Почему же О. Шпанн оказался “чужим среди своих” в Третьем Рейхе? Можно отметить, что общий характер его “универсализма” в значительно большей степени соответствовал стилю итальянского фашизма, чем немецкого национал-социализма. Особенно бросается в глаза почти полное отсутствие в его работах упоминаний о “расовой проблеме”. И это, к слову сказать, не плюс, а скорее минус его системы. В те же годы немецкий философ Б. Баух, один из патриархов неокантианской школы, справедливо отмечал (в “Журнале немецкой культурфилософии”, как стал называться после 1933 года знаменитый “Логос”): “Акцент на расовую идею вовсе не обязательно ведет к натурализму и материализму. Конечно, и эта идея может быть истолкована натуралистически и материалистически, то есть неверно. Но так можно истолковать любую идею” [5]. И как мыслитель ярко выраженного религиозно-метафизического склада, как философ-спиритуалист, утверждавший примат духовного начала, О. Шпанн был обязан дать верное истолкование понятия “расы”. Другой вопрос, насколько благосклонно было бы воспринято такое истолкование официальной идеологией - в качестве руководства к действию.

Ведь нетрудно заметить то общее правило, которого придерживались национал-социалисты в отношении немецкой философии: они не только терпели, но даже поощряли мыслителей, которые претендовали в своих трудах на углубление, религиозно-метафизическое обоснование, даже философское “переосмысление” официальной идеологии. Но они жестко пресекали все попытки тех же мыслителей вмешаться в государственно-политическую практику как таковую. В этом отношении стиль национал-социалистов резко отличался от стиля коммунистов (которые требовали и полного духовного конформизма) и в каком-то смысле совпадал со стилем либеральной демократии: философствуй как знаешь (или почти как знаешь), но не пытайся заставить “практиков” действовать согласно твоей философии. В случае О.Шпанна совершенно ясно, что основной причиной его опалы стали постоянные и настойчивые (если не сказать - ультимативные, что особенно заметно по статье, помещенной ниже) “рекомендации”

философа по радикальному переустройству всей хозяйственной жизни; прагматичным политикам Третьего Рейха было вполне достаточно лишь модифицировать эту жизнь в “государственно-капиталистическом” направлении. Нетрудно заметить также, что универсализм О. Шпанна был слишком “широк” для идеологии, ориентированной на господство Германии в “новой Европе”, а не на её роль в качестве одного из “членов” в сверхнациональном целом (как понимал О. Шпанн идею “рейха”, или империи). Но и здесь нельзя однозначно осуждать “узколобий национализм” оппонентов Отмара Шпанна. Совершенно ясно, что его универсализм прямо противоречил тому искажению национализма, которое называется “шовинизмом”. Но не противоречил ли он и подлинному национализму, который стремится не к гегемонии, мировому господству и т.д., но к защите законных прав своего народа?

А если посмотреть на проблему глубже, то становится ясно: конфликт универсализма и национализма имеет своим корнем более фундаментальный конфликт - конфликт универсализма и персонализма. О. Шпанн был совершенно прав, утверждая, в качестве верховного принципа, идею справедливости: “каждому - своё”. Но весь вопрос в том, кто именно должен решать, что является и что не является “своим” для “каждого”. Ответ: решает целое - по сути нельзя считать удовлетворительным. Ведь сам Шпанн постоянно подчёркивал, что “целое как таковое не имеет наличного бытия”, пребывает в “пред-бытии” или “сверхбытии”. Голос целого звучит только в человеке и через человека. И тогда надо ясно сказать: или сам человек решает, что является для него “своим”, а что - нет, или это за него решают другие люди. В своей социальной философии О. Шпанн роковым образом склонялся именно ко второму ответу, к идее воспитания особого “сословия вождей”, понимающих интересы целого, воспитания тех, кто решает и за себя, и за других. Но он чувствовал и альтернативу, когда каждый человек получает возможность достигнуть духовной зрелости, дающей право на самоопределение. Для этого ведь не надо становиться вождем - достаточно стать личностью. И характерно, что в религиозной метафизике Шпанна ясно проступают контуры именно такого взгляда на ключевую проблему справедливости. Здесь предельным и подлинным целым оказывается Бог, а каждый человек понимается как образ Божий (Ebenbild). Тот образ Божий, который дерзает повторить слова немецкого поэта-мистика Ангелуса Силезия:

Я знаю: без меня Бог не захочет жить
Ни одного кратчайшего мгновенья.
И если бы я стал добычей тленья -
Он жизнь Свою не смог бы сохранить.³

Отмар Шпанн получил печальную возможность убедиться, до каких уродливых искажений принципа справедливости может довести отход от его настоящего смысла. Он не стал, однако, отречься от своих фундаментальных философских убеждений - впрочем, настоящий философ этого никогда и не делает; он только углубляет свои взгляды, стремясь достичь их подлинной самосущности. Сложнее оценивать нежелание Шпанна отречься и от своего политического кредо; но и здесь весь вопрос в том, перед кем он не захотел встать в позу “раскаявшегося грешника”? В итоге он был “наказан” дважды: запрет на преподавание и общественную деятельность, наложенный национал-социалистами, подтвердили в 1945 году и их противники. Последние годы жизни австрийский мыслитель посвятил дальнейшей разработке проблем религиозной философии и “целостной логики”.

Ниже мы предлагаем вниманию читателей работу О. Шпанна, созданную в период, когда он еще твердо верил в близкое воплощение своих идей. Работа эта, скорее публицистическая, чем чисто философская, интересна не только тем ярким образом “идеального общества”, который в ней намечен. Социально-политические и экономические рецепты О. Шпанна не так уж далеки от проблем сегодняшнего дня, когда мы воочию убеждаемся в несостоятельности еще одной переделки России по либерально-

капиталистическим трафаретам. Но тогда тем более важно избежать “альтернатив”, которые на деле могут оказаться ещё одной разновидностью слишком знакомого нам пути “от плохого к худшему”.

Что касается того подхода к теме фашизма, который не оглуляет читателя, не ставит целью заменить понимание этого феномена тем или иным “условным рефлексом”, то суть такого подхода ясно выразил И.А. Ильин в статье, написанной через несколько лет после окончания Второй мировой войны: “Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нём есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Но опасности его необходимо продумать до конца” [6]

Примечания.

1. У.Эко “Вечный фашизм” - Литературная газета, 4.X.95, № 40, с.14.
2. ”Das Deutsche in der deutsche Philosophie” herausgeb. von Th. Haering, Stuttgart-Berlin, 1942, s.V.
3. O. Spann “Der Wahre Staat. Vorlesungen ueber Abbruch und Neubau der Gesellschaft”, Leipzig, 1923.
4. O. Spann “Der Schoepfungsgang des Geistes. Die Wiederherstellung des Idealismus auf allen Gebieten der Philosophie”, Jena, 1928.
5. Zeitschrift fuer deutsche Kulturphilosophie, Bd. 2 (1935) s.206.
6. И.А.Ильин Собрание сочинений. - М.,1993, Т.2, кн.1, с.86.

1. О творчестве этого мыслителя, автора книг “Неданное”, “Бог - по ту сторону теизма и пантеизма”, “Национал-социалистическое мировоззрение” и др., см. сборник “Герман Шварц как философ немецкого обновления” (Hermann Schwarz als Philosoph der deutschen Erneuerung, Berlin,1935).

2. О той полемике, которую вели с антихристианскими взглядами А.Розенберга многие “пронацистски” настроенные немецкие богословы, можно прочесть в сугубо антифашистской статье С. Лезова - “Октябрь” № 10 (1990), с.159.

3. В оригинале:

Ich weiss, dass ohne mich Gott nicht ein Nu kann leben.

Werd' ich zunicht, er muss von Not den Geist aufzugeben.

“Знание соединяет – Воля побеждает!”

Разговор с доктором Пьером Кребсом, руководителем ассоциации “Thule-Seminar”
(специально для сайта “Thule-Sarmatia-Aztlan”)

Вопрос: Уважаемый г-н Кребс, Вы руководитель «Туле-Семинара». Что это за организация? Её название звучит как-то таинственно...

Пьер Кребс: Я очень рад, что этот разговор начинается с хорошего юмора..... Бывает время, когда, к сожалению, смех все более и более давит из-за того, что каждый день видишь, что вещи, которые надо понимать как саморазумеющиеся, бывают угнетены так сильно, что их упоминание воспринимается лишь как выбалтывание о больших тайнах! Это не удивительно для государства, где масс-медия через любую абсолютизацию Добра и Зла приводят к всеобщему мазохизму. Добро и Зло измеряется в этом государстве только так — отвергаешь или принимаешь и сохраняешь свои родовые корни. Если подразумевать под «тайным» то, что понимается под этим сегодня — отверженные или цензурированные достижения естественных наук, или, например, новоустановленные факты современной истории, то в сегодняшней Европе несомненно, что «Туле-Семинар» является одним из больших тайных союзов. Но это не заговорщики или «созаклятники», а молодые интеллектуалы, которые 14-го июля 1980 года учредили в Касселе «Туле-Семинар» как этнологическую и просветительную общность касательно индоевропейской культуры. В названии слово «Туле» чётко отвергает уже давно признанную сумасшедшей теорию об «Ориенте люкс» («Свет с Востока»), а слово «Семинар» указывает на чисто научно-исследовательскую сущность этой общности.

В.: То есть “европейский вектор” в самом начале имел особую мощную роль для Вас?

П.К.: Конечно, “Европейское Кредо” нашей общности, сразу же было поставлено очень конкретно. В то же время политическое бытие наших сотрудников было разнородным и в разной степени и на разных плоскостях — рядом с легендарным писателем Jean Giono (Жан Жене?) был Marc Augier de Saint-Loup, вначале социалист и пацифист, а затем преданный француз-эсесовец из Хильдесхайма (Hildesheim); рядом с бывшим бойцом Французского Сопротивления и популярным политологом Жулиеном Фройндом был живущий в изгнании немец и ведущий психолог Ганс Юрген Айзенк и ректор университета Буэнос-Айреса (Аргентина), социолог, антрополог и беженец из Франции профессор Jacques de Mahieu; итальянский философ Giorgio Locchi и виднейшие исследователи-индоевропеисты Жорж Дюмезиль (Georges Dumézil) и итальянский профессор Жан Удри из Университета во французском Лионе; в “Туле-Семинар” принимала участие также и арабистка и религиовед Зигфрида Хунке. Это те люди, которые дали общий обет перед собой и Богом в греческих Дельфах, тем самым, соединив Дух эллинского Олимпа с Духом древнегерманской Вальхалы в едином Духе, который непрестанно возводит мосты и соединяет! Вместе с тогдашней Группой исследования и изучения европейской цивилизации (G.R.E.C.E.) наш «Туле-Семинар» поддерживал тесные связи со всеми представителями «Новой Культуры» в Европе — от Женевы до Мадрида, от Лиссабона до Брюсселя, от Рима, Милана и Турина до Лондона и Вены. Контакты во Франции также были актуальными и мы установили тесные связи с организациями - “Земля и люди” (Terre et Peuple), которой руководил Пьер Виаль, бельгийской “Thule-Soladidas”, с Ralf van der Haute — это был наш представитель во Фландрии, также были живые контакты с “Европейскими Синергиями” смелого англичанина Michael Walker, нашим сотрудником стал бывший главный редактор журнала G.R.E.C.E. французский философ Гийом Фай... Да, европейский Интернационал Новой Культуры стал воистину без границ — сегодня от Загреба и Софии он достигает уже Москвы!

В.: Вы часто говорите о “Новой Культуре” и не кажется “другом консерватизма”. Тогда что из наследия Новых Правых остается у Вас?

П.К.: Из Новых Правых уже ничего нет, потому что использование этого понятия с первого момента было обманом! Французские масс-медиа в самом начале поставили этикетку “Новые Правые” на G.R.E.C.E. еще 1979-ом году, но это объединение никогда не имело левую или правую ориентацию, потому что на первое место они ставили лишь одну Новую Культуру с метаполитическим призванием. Абсурдно, но так Движение апострофировано. Оно всегда было вне системы, вне поляризации “левый-правый”, потому что позиция G.R.E.C.E., его мировоззрение было направлено против мировоззрения Новых Правых! Я придерживаюсь единственного взгляда на консерватизм, а именно взгляда Мёллера ван ден Брука (Moeller van den Bruck). Иного, кроме как вкусовой ассоциации, у меня слово «консервирование», не провоцирует, именно как ассоциацию с консервными банками. Буду откровенен с Вами: консерватизм — это реакционное и малодушное жизненное мировоззрение, напичкано иудео-христианским космополитизмом и локальным патриотизмом типа Франца-Йозефа Штрауса.

Кроме того, в использовании понятия “консерватизм” есть противоречия. Например, я не могу сохранять то, что я хочу отвергнуть! Мне надо быть честным: вообще, что нам сегодня надо сохранить? Ценности и мыслительные подпорки этой общественной системы? Если “да!”, то это значит, что мы поддерживаем и храним то, против чего мы боремся! Это глупо! Как можно совместить дискурс, требующий радикального выхода из Системы, с таким дискурсом, который жаждет сохранить квинтэссенцию этой Системы? Мы были бы воистину консервативны только в государстве наших идеальных представлений, потому, как известно, что человек может сохранить только то, что он держит в руках. Этнические и духовные ценности языческой метафизики Индо-Европы, которую мы пропагандируем, политические альтернативы, на которые мы работаем (органическая демократия и стопанство, холистическое созидание общества, новое

определение идентичности и т.д.), формируют цели, которых нужно, прежде всего, достигнуть, потому что они сейчас не реализованы. Мы не имеем намерений реформировать нынешнее общество! Это значит его “лютеризировать”, в то время как мы стремимся его “ницшеанизировать”!

Новая Культура – это интеллектуальное, этническое, духовное движение, работающие в направлении с лучом вектора истории. Её люди – это мыслители, искусствоведы, хозяйственные руководители и эксперты, политологи и ученые, которые никоим образом не консервативны из-за оппозиции против ценностей и норм этой системы... Это необычайные люди, которые готовы возглавить самое современное из всех будущих поколений к всеобщему Восходу!

В.: - Ну хорошо, Вы известны как человек, который сделал “метapolитику” популярной в Германии, а первым, кто взял на вооружение эту идею был итальянский коммунист Антонио Грамши? Какие же Ваши цели?

П.К.: - “Туле-Семинар” непрерывно стремился выяснить и снова определить фундаментальные вопросы и ключевые понятия культуры, этим начинает всякая метapolитика, и совсем естественно – к раскрытию новых альтернатив по отношению к узловым проблемам нашей современности, то есть “Туле-Семинар” надо понимать как кузницу духовно-исторических идей для определенного будущего нового общественного строя всех европейских народов при особом соблюдении их биокультурных и языческо-религиозных наследий; это – партия Духа, если хотите так, из которой надо исходить в политических целях – и в этом метapolитика кончается. Я могу только поддержать то, что совсем недавно написал Армин Ханке в журнале “МЕТАПО”: *“Нам парламент не интересен; мы не в конкуренции с какими-либо партиями; партия Духа не знает никаких классов и политических ориентаций; мы стремимся только к пробуждению индоевропейского сознания, которое является условием для рождения общества с индоевропейскими характеристиками”*.

В.: Ну-что ж, хорошо! Вы используете понятие “европейская культурная борьба”, а не есть ли это предпосылка к единой европейской унифицированной культуре, которой никогда не будет, и которая никогда не существовала?

П.К.: Именно идентичное сознание – это то, что перешагивает политические границы и взрывает шовинизмы любого рода! Почему? Потому что этнокультурное сознание “порядочных европейцев” а ля Ницше, а ля Дрю или а ля Эвола является шире, чем одна узкая национальная связь. Каждый, кто определяется и чувствует, что принадлежит к индоевропейской Европе – из самого далекого уголка Северной Ирландии до самой далекой части Урала - может считаться уютно укоренённым и акклиматизированным. Это мое видение на единый европейский Рейх (нет никакого сомнения, что это самый современный из всех проектов). Конечно, подразумевается, что это не только единение в различиях в рамках одного политического проекта, но этот взгляд одновременно гарантирует сохранение различий и культурной автономности европейских меньшинств! Этот взгляд говорит об одном объединении Европы на конфедеративных началах (напр., Швейцария) во всех областях геополитики, сельского хозяйства, исследований, обороны и в тоже время позволяет во всех региональных и национальных различиях проснуться и взаимно обогащаться и дополняться. Европа, а это надо нам напомнить, — одна крона, которую все мы носим и куда вливаются все наши антропологические, языковые и культурные корни, которые, с другой стороны, имеют разные лики – германские, кельтские, романские, фракийские или славянские, которые заслуживают своего сохранения, потому что отражают в разных аспектах одну и ту же созидательную силу во всех её возможностях выражения – например, давайте увидим готическое искусство – непретенциозное и простое в Швеции, темпераментное в Испании и все же готическое в любой точке Европы. Все это бывает возможно, потому что главным элементом связи здесь, преодолевающим политическую разобщённость, является наше общее антропологическое происхождение. Само собой разумеется, что Европейский Союз

воплощает самый сенсационный оборотный пример того, о чём я говорю, он никакой европейской институцией не является, а только насильственной протекция Запада или, если хотите, длинной костлявой рукой американоморфного Запада, который сам по себе ни народ, ни культура, а только психо- и географическая оккупация Земли, выражение и собирательный суд под общим покровом иудео-христианства и всех дочерних идеологий, которые составляют сегодняшний универсализм и эгалитаризм.

В.: Ну хорошо, давайте будем честны! Не утопично ли получается, что в один хороший день, например, немецкие и польские националисты будут бороться плечом-к-плечу с американской глобализацией; ведь знаем, что национальная вражда существует между соседними народами?

П.К.: Между алеманом из Эльзаса или Пфальца и баском из Франции или Испании нет никакой древнеисторической или современной вражды! А что касается Польши, я могу Вам с радостью заявить, что «Туле-Семинар» поддерживает отличные связи с индоевропейским польским движением «ЗАДРУГА». Одно это подтверждает, что вечные культурные вещи совсем безопасно могут преодолевать конъюнктурные политические абсурды! Следовательно, будущее единой Европы начинается еще раз с общей борьбы в сфере культуры!

В.: Что Вы думаете о тезисе, что «этно-плюрализм» «Новых правых» является понятийным синонимом относительно к «мультикультурному обществу» «Новых Левых»?

П.К.: Я уже обстоятельно объяснил абсурдность понятия «Новые Правые». Этно-плюрализм сегодня заброшен, потому что в Европе сейчас господствует этно-мазохизм. Биология, как такова, никогда не может обобщиться в рамках какого-то «-изма» и поэтому мы просто говорим в защиту европейского самосознания.

В.: Тактически грамотно ли делить наших собственных европейских сподвижников на язычников, христиан и атеистов?

П.К.: Позвольте мне корригировать и дополнить Вашу дефиницию. Мы в полемику с христианством не вступаем! Мы аргументируем против него и стремимся его преодолеть. Ну, давайте обратимся снова к Вашему вопросу о метаполитике. Если мы шли только в плоскости политики, то это бы было не очень разумно! По определению политика — это искусство приспособленчества и согласований. Но в плоскости метаполитики искусство жонглёра не господствует, там власть имеет доказуемость аргументов теурга идеи. Отвержение или опровержение эгалитаризма было бы бессмысленным предприятием, если мы не сумеем обличить духовные корни этого Зла. А эти корни находятся в так называемом «большевизме античности», как любил напоминать Освальд Шпенглер, то есть в иудео-христианстве. С другой стороны, иудео-христианство как таковое образует матрицу Запада! Следовательно, без опровержения иудео-христианства единое глубокое опровержение Запада как такового было бы бесполезным делом.

В.: Благодарю Вас за этот разговор. Что можете сказать напоследок?

П.К.: Я тоже хочу Вас поблагодарить за интересные вопросы и хочу закончить девизом «Туле-Семинара»: «Виссен аинт – Вилле зигт! « («Знание соединяет – Воля побеждает!»)

Осень 2005 Пирна – Кассель

Разговаривал Пьер В., главный редактор восточноевропейского журнала «STAHLHELM». <http://www.stahlhelm-wse.narod.ru> (stahlhelm-wse@web.de)

Перевод с немецкого — Ради Панайотов и Антон Рачев

Литературная редакция — Олег Гуцуляк

Юрген Ригер

Германия и Россия - взгляд немецкого националиста

Вторая мировая война, тяготы и лишения немецкого народа на оккупированных советскими войсками территориях, последовавшая затем «холодная война», и опасения, что и западная часть Германии может оказаться под пятой коммунистов - все это привело к отчуждению между немцами и русскими. Поэтому мне кажется правильным, если мы начнем с исторического экскурса, и посмотрим, как складывались отношения между нашими странами на протяжении последних столетий.

Россия подключилась к центрально-европейским событиям в ходе так называемых разделов Польши, которые были проведены в 1772, 1793 и 1795 годах соседними с ней государствами: Россией, Австрией и Пруссией. Я намеренно употребляю словосочетание «так называемых», ведь Польша - вплоть до третьего раздела - теряла в результате те земли, которые изначально достались ей путем завоевания и порабощения других народов. В ходе этих разделов Россия получила почти вдвое больше земель, чем Пруссии и Австрии вместе взятые, но их исконное население составили по преимуществу украинцы, белорусы и литовцы, причем последние всегда охотно меняли русский суверенитет на польский. В ходе первого и второго разделов в состав Пруссии вошли территории, населенные в подавляющем большинстве немцами, и лишь раздел 1795 года можно рассматривать как, собственно, раздел Польши. Стремясь восстановить образ Речи Посполитой, польская пропаганда представляет все эти «территориальные сдвиги» как «раздел» страны, более того: даже в немецкой исторической литературе, когда речь заходит о передаче Пруссии земель, населенных немцами, подобная интерпретация событий не редкость.

А вот Пруссии, Австрии и России согласованные действия всегда шли только на пользу. Не секрет, что отпрыски родовитых немецких и обрусевших остзейских семейств часто занимали высокие должности в русской армии, немецкие мастера принимали активное участие в строительстве Петербурга, а царская семья крепко породнилась с немецким дворянством.

Скорее злой язык Фридриха Великого - но не структурные различия между нашими странами - стал причиной участия России в семилетней войне против Пруссии. Впрочем, сразу же после смерти императрицы Россия выходит из анти-прусской коалиции, спасая тем самым Фридриха от бесславного поражения.

Военные столкновения имели место и позже, но не по воле немецкой стороны: так немецкие войска под давлением Наполеона, который до этого покорил Германию, принимали участие во взятии Москвы, при этом большинство из них сгинуло без следа. Поворот произошел в декабре 1812 году, когда прусский генерал Ганс фон Йорк на свой страх и риск и без ведома короля заключил Таурогенскую конвенцию с русским генералом Иваном Дибичем. Согласно этим договоренностям Прусский вспомогательный корпус вышел из состава Великой армии Наполеона, и был объявлен нейтральным. Два месяца спустя Пруссия заключает военный союз с Россией против Франции, создавая тем самым необходимые условия для поражения Наполеона в Битве народов (Лейпцигское сражение 1 января 1813 года), а затем и в битве при Ватерлоо двумя годами позже. Россия не принимает участия во франко-прусской войне 1870 – 1871 годов, которая велась между Францией, с одной стороны, и Пруссией, а также другими государствами Северо-Германского союза и Южной Германии (Баварией, Вюртембергом, Баденом, Гессен-Дармштадтом) – с другой. Тем самым Россия фактически способствует объединению Германии: с разгромом Франции были устранены внешние причины, затруднявшие объединение нашей страны. В ноябре 1870 года между Северо-Германским союзом и южно-германскими государствами были подписаны союзные соглашения, а 18 января 1871 года в Версале была провозглашена Германская империя. Анти-германским устремлениям Франции, направленным в течении последних 900 лет на разобщение германских земель, был положен конец. Бисмарк, воспользовавшись просчетами французской внешней политики, обеспечил выгодный Пруссии нейтралитет европейских держав – России, Великобритании, Австро-Венгрии и Италии. Война началась в

невыгодной для Франции обстановке, связанной с дипломатической изоляцией и отсутствием союзников. Великобритания, поначалу приветствовавшая процесс объединения Германии, к началу нового столетия изменила свою позицию: напуганная невиданным подъемом немецкой экономики и ростом конкуренции со стороны немецкого государства, она начинает прилагать максимальные усилия, направляя их на изоляцию Германии. Имперскую политику Великобритании всегда отличала одна особенность: умение найти и поддержать вторую по величине силу в ее борьбе с первой. Так англичане поддержали в свое время Фридриха Великого в его столкновениях с Австро-Венгрией и Францией, по этой же причине они приветствовали вступление Пруссии в войну 1870 года: на тот момент Франция действительно была самым мощным государством Европы, но к середине 90-х годов положение изменилось, и вот Англия уже союзник Франции. Договориться против Германии им оказалось просто, гораздо сложнее оказалось найти общий язык с Россией, которая имела свои интересы не только в Индии (и уже поэтому представляла собой потенциальную опасность для англичан), но и в северо-восточном Средиземноморье, через которое проходили основные транспортные артерии, связавшие английскую метрополию с колониями. Предпосылки для создания военно-политических блоков между Россией и Англией были, как видим, не особенно благоприятны.

С другой стороны, распространение идей панславизма среди славянских народов привело к тому, что первый Славянский Конгресс, который состоялся в Праге в 1848 году под руководством Яна Палаки, выдвинул требование о вытеснении немцев, проживавших восточнее линии Штеттин - Триест, на их исконные территории в течение ближайших ста лет. Панслависты требовали отчистить русскую армию от немецкого влияния, камнем преткновения стала и многонациональная Австро-Венгрия: австрийский кайзер, который исповедовал в национальной политике идеи всеобщей свободы, воздерживался от германизации, что иногда принимало гротескные формы: так немцы на территории Венгрии, подвергшиеся венгризации, уже не рассматривали себя как «оплот германства», зато сербские сербы всегда стремились к объединению с сербами Черногории и Герцеговины - совершенно естественное и понятное желание. Межнациональные различия в империи Габсбургов обострялись, а сама страна все больше уподоблялась бочке с порохом. И все-таки Бисмарк считал необходимым сохранять верность этому единственному надежному союзнику Германии в любых обстоятельствах: в состав Тройственного союза, который сложился в 1879 - 1882 годах, помимо Германии и Австро-Венгрии входила и Италия, но тот факт, что часть населения Австро-Венгрии была италияязычной, делал конфликт между этими странами неизбежным - это со всей ясностью итальянцы и продемонстрировала, вступив в 1916 году в мировую войну на стороне противников Тройственного союза. Что касается позиции германской стороны на случай возможного конфликта между Россией и Австро-Венгрией, то ни для одной из сторон она не была секретом: сохранять нейтралитет Бисмарк не собирался. Мольтке в этом вопросе придерживался диаметрально противоположной точки зрения: Германии необходимо оставаться нейтральной - это ускорит падение и раздел Австро-Венгрии, но Россия в результате получит доступ к славянским землям Средиземноморья (автоматически становясь противовесом британскому влиянию в этом регионе); немецкие части Австрии вернуться наконец в состав Германской империи (так, как они желали того в 1919 году), а процесс формирования Рейха будет наконец завершен. Изоляция Германии, как это случилось позже, боевые действия на два фронта в ходе Первой мировой войны против России и Франции, да и сама война - всего этого можно было избежать.

К сожалению, позиция Мольтке не возобладала и война все-таки началась. Россия ввязалась в нее, следуя идеалам панславизма: движимая этими идеями она стремилась вырвать славян Австро-Венгрии из объятий монархии Габсбургов. Франция - как и всю последнюю тысячу лет - следовала в русле своих германо-ненавистнических воззрений, при этом вопрос об Эльзасе и Лотарингии - исконно немецких землях - послужил лишь поводом, который развязал французам руки. Великобритания, напуганная нарастающей

экономической мощью Германии, руководствовалась исключительно своим хозяйственным интересом. Поводом для начала военных действий послужило убийство сербскими масонами австрийского престолонаследника, причем Сербия взяла убийцу эрцгерцога под свою защиту. Сербия, ощущая за собой поддержку русских, на уступки не шла, Франция и Россия начали мобилизацию, а Англия объявила войну Германии и Австро-Венгрии - так карательная операция против сербов переросла в мировую войну. Главным итогом этой войны стала потеря русскими и немцами своих империй, а Германия при этом потеряла еще и Австрию. В 1916 году при содействии Германии и Австро-Венгрии было вновь образовано польское государство - необходимое мероприятие по созданию нового союзника - впрочем, акция эта успехом не увенчалась: поляки воспользовались поражением Германии и заняли немецкие провинции Гренцмарк Позен-Вестприсен и Верхнюю Силезию. Нарушая право немецкого народа на самоопределение, они либо уничтожали коренное немецкое население, либо сгоняли немцев со своих исконных земель. Похожая ситуация сложилась и на Востоке: там поляки, пользуясь поддержкой Франции, оккупировали украинские и белорусские земли. Сопrotивление, которое им при этом оказывала Россия, оказалось недостаточным, и эти земли в конечном итоге отошли под контроль Польши. Говоря иными словами, Польша попросту воспользовалась слабостью России, которая была вызвана революцией и гражданской войной. Ситуация изменилась после подписания бессрочных Рапалльских соглашений (16 апреля 1922 года), в соответствии с которыми Россия и Германия взаимно отказывались от претензий на возмещение военных расходов и невоенных убытков, и договаривались о порядке урегулирования разногласий между собой... Результаты не заставили себя ждать: несмотря на различия в идеологии наших стран, Рейхсвер смог вскоре не только испытывать свою новую технику на русских полигонах, но и проводить обучение личного состава силами русских военспецов. По условиям Версальского мирного договора от 28 июня 1919 года - в границах своей собственной страны - немцы на это права не имели.

После прихода к власти НСДАП в 1933 году это сотрудничество было прекращено. В то же время, мало кто знает, что и в самой Германии имели место различные взгляды на вопрос о сотрудничестве с большевистской Россией.

Наиболее видным представителем одного из них был Розенберг, для которого СССР всегда оставался «советской Иудеей». Вместе с тем, его отношение к России и к русским, с многими из которых он был знаком лично, всегда было отмечено теплотой: хорошо известны его усилия на посту министра по делам восточных территорий по налаживанию конструктивных и добрососедских отношений между немцами, русскими и украинцами. Кто знает, как сложились бы отношения между нашими народами, если бы не такие деятели, как гауляйтер Кох, который придерживался совсем иных взглядов в этом вопросе... Что касается взглядов Розенберга на советскую составляющую русской истории, то они были недалеко от истины: советское руководство (включая Сталина) имело к русским, по его мнению, весьма малое отношение - ведь оно находилось преимущественно в еврейских руках. Понятно, что сотрудничество между Россией и Германией, учитывая, с одной стороны, идеологию НСДАП (а антисемитская направленность этой партии нам известна), и, с другой, наличие семитского элемента в высших эшелонах власти Советского Союза, вряд ли было возможным, даже если бы русские и высказали пожелание о таком сотрудничестве.

Собственно, достаточно ознакомится со скрупулезным исследованием Иоханнеса Рогаллы фон Биберштайн «Иудейский большевизм - миф и реальность» (Antaios, 2002), чтобы убедиться: понятие «иудео-большевизм» - это не фикция, но данность, истинность которой подтверждена руководящей и направляющей ролью еврейства в большевистских делах.

Но еще в 20-х годах прошлого века отношение к этому вопросу среди немецких национал-социалистов было иным. Так граф Ревентлов высказывался в пользу союза Германии и советской России. В выпуске журнала «Национал-социалистические письма»

от 1 января 1929 года, в статье «Национал-социализм и окружающий мир. Размышления о внешней политике национал-социалистов» он писал следующее: «Большевизм не должен пугать, а что касается евреев, то на текущий момент, за исключением, пожалуй, Италии, нет другой силы в Европе, где бы евреи имели меньшее право голоса, чем в России». В этой же статье он указывает на то, что если свобода Германии потребует от Гитлера заключить пакт пусть даже с самим дьяволом, тот пойдет на это. Россия - это противовес силам Запада, она - противник Польши, которая тяготеет к Западу, и, следовательно, Россия - противник Запада. Обе мировые державы направляют свои усилия на то, чтобы вырвать Украину из поля притяжения России и, тем самым, лишить Россию не только ее естественной житницы, но и морских ворот на Юге. Вскоре после этого Отто Штрассер в статье «Интервенция в Россию и интерес Германии» («Национал-социалистические письма» от 15 апреля 1929 года) указывал на то, что союз с мировыми державами, цель которого анти-большевистский крестовый поход - что бы ни говорил по этому поводу канцлер Штреземанн - не в интересах Германии. Единственная цель немецкой внешней политики на ближайшие годы - это отмена версальских ограничений и исправление того ущерба, который эти ограничения нанесли немецкой экономике. Вот почему противодействие должно быть направлено в первую очередь против Великобритании и Франции, вот почему для Германии жизненно важной является поддержка России в ее оборонительной войне против сил Запада - независимо от форм политического правления, которые в этой стране утвердились. Ведь интервенция Антанты - это в равной степени и война против свободы Германии, и против будущего Германии. «Национал-социалистические письма» давали положительную оценку прежде всего тем шагам СССР на международной арене, которые были направлены против Запада. Доктор Геббельс, впоследствии министр пропаганды Третьего Рейха, в выпуске журнала от 15 ноября 1915 года писал: «Мы смотрим в сторону России потому, что она скорее других вступит вместе с нами на путь социалистического строительства. Россия - это наш естественный союзник, данный нам самой природой, союзник в деле борьбы с дьявольскими искушениями и разложением, которые несет Запад». В 1932 году Геббельс, следуя этим словам, принимал участие (вместе с немецкими коммунистами) в организации забастовки берлинских транспортников, а позже националисты и коммунисты совместно вынесли вотум недоверия правительству Германии - и это несмотря на то, что сотни немецких национал-социалистов были физически уничтожены приверженцами коммунистической идеи.

Анти-западные настроения в немецком обществе возникли не на пустом месте. Еще до начала Первой мировой войны Артур Мёллер ван ден Брук, видный немецкий анти-западник и категорический противник марксизма-большевизма, выдвинул тезис о «молодых» народах, бросающих вызов одряхлевшей, неповоротливой Европе - к их числу он относил немцев и русских [прим. пер.: эту мысль впервые высказал Достоевский, с произведениями которого ван дер Брук, пользуясь поддержкой супругов Мережковских, знакомил в свое время немецких читателей. Благодаря их совместным усилиям, имя этого русского писателя стало в Германии поистине культовым] – Так в статье «Третий Рейх и молодые народы» (см. «Вечный Рейх и молодые народы», том 1, 1933, стр. 327 - 328) ван ден Брук указывал на то, что «и у русского народа есть эта сила: она таится в его дремлющей массе, в ее неясных движениях, смысл которых - великая и добровольная уступка собственного «я» чистой и светлой жизни, к которой стремиться русская душа». В своем программном произведении «Третий Рейх» (1931) автор подверг резкой критике те реакционные силы в Германии, которые заявляли о своей готовности «стать наемниками Антанты, чтобы бороться - всеми доступными способами - с большевистской Россией. Но противостояние с русскими означало тогда гражданскую войну в самой Германии. А ведь никакое освобождение народа невозможно, если в тылу идет гражданская война! Реакционер слишком далек от реальных проблем, он не в состоянии понять, что наш путь - это великое противостояние народов Востока в их борьбе с Западом, народов, ставших на путь социализма, в их

борьбе с теми, кто исповедует либеральные ценности, всех тех, кто в едином порыве смог объединится против Франции, несущей нам лишь помутнение рассудка» (стр. 240). И далее: «Мы не должны идти тем путем, который нам предлагает либеральный Запад: индивидууму мы обязаны противопоставить общность нации, распаду и атомизации народа - его единение» (стр. 115).

Что касается внешнеполитического курса, который Гитлер избрал после 1933 года, то он тоже выглядел иначе, чем принято считать. Речь не шла о завоевании «жизненного пространства в Украине» - у Германии не было и нет общей границы с Украиной, да и с Россией тоже нет. Утвердиться в относительно малонаселенных восточных областях немцы могли исключительно за счет Польши и Чехии. В «Моей борьбе» Гитлер справедливо указывал на то, что наибольшую опасность для нас представляет война на два фронта: такого развития событий следует избегать всеми силами. Веймарская республика никогда бы не признала аннексию Польшей немецких провинций Гренцмарк Позен-Вестприсен и Верхней Силезии, на территории которых под польским владычеством оказалось до 2 млн. немцев. Вот почему в 1934 году Гитлер пошел на союз с маршалом Пилсудским - угроза Германии, по мнению Гитлера, исходила в первую очередь от СССР, который оказался в руках международного еврейства, а союз с Польшей был необходимым шагом на пути создания анти-большевистской коалиции. Коммунисты представляли собой - наряду с 500000 немецких евреев - самую крупную и наиболее международно интегрированную часть населения страны: вспомним события 1919 года, Баварскую советскую республику, вооруженные восстания коммунистов в Саксонии, Тюрингии и Рурской области. В ходе последних выборов, в которых коммунистам удалось принять участие, свои голоса им отдали миллионы немцев. Понятно, что эта - в потенциале - пятая колонна Сталина могла при необходимости легко встать под его знамена. Понятна и готовность Гитлера идти на уступки полякам - со времен Первой мировой войны ни одно немецкое правительство не проявляло такой мягкотелости: референдум по Западной Пруссии - как и ожидалось - открыл бы полякам экстерриториальный выход к Гдыне, которая оставалась в руках Польши, и к морю; если бы референдум завершился в пользу Польши, то Германия получала экстерриториальный коридор, который связал бы ее с Восточной Пруссией, а Данциг (доля немцев в населении этого города составляла 98 %) вернулся бы в состав Рейха. Дружественный настрой официального Берлина к Польше хорошо демонстрируют учебные материалы доктора Лея (№ 4, 1939), которые появились в печати в марте 1939 года под заголовком «Раса как судьба народа»: рядом с портретами генерала Франко и Бенито Муссолини мы видим фотографию маршала Пилсудского и министра иностранных дел Польши Бека; ниже автор дает необходимый комментарий: «Освободители Польши от большевизма Ленина-Троцкого» [прим. пер.: Лей, Роберт - в те годы рейхслайтер, заведующий **Организационным отделом НСДАП и одновременно руководитель Германского трудового фронта**]. Но полякам вновь изменило чувство реальности: так по заказу маршала Рудзь-Смиглы летом 1939 года был изготовлен его портрет, на котором он изображен победителем Германии, который, задрав нос, ведет польских солдат победным маршем сквозь Бранденбургские ворота... Находясь в плену великопольских мечтаний, переоценивая свои собственные силы и, без всяких на то оснований, рассчитывая на поддержку Великобритании и Франции, поляки отклоняли возможность любого компромисса, оценивая даже возвращение Данцига в границы Рейха как акт агрессии и повод к началу военных действий против нашей страны. После того, как Сталин совершил в Кремле необходимые кадровые перестановки, Гитлер согласился на переговоры и на заключение (23 августа 1939 года) пакта о ненападении и взаимопомощи, чего раньше делать не собирался [прим. пер.: 3 мая 1939 года Литвинов был снят с поста наркома СССР по иностранным делам и заменен русским Вячеславом Молотовым; в том же 1939 году был отстранен от должности секретаря ЦК ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович]. После этого Россия смогла получить обратно свои украинские и белорусские

земли по эту сторону линии Керзона - до этого они находились под контролем Польши [прим. пер.: линия Керзона, условное название демаркационной линии, определившей в период между двумя мировыми войнами восточную границу Польши]. Германия же смогла не только прийти на помощь немцам, которые, находясь за ее пределами, систематически подвергались гонениям и истреблению, но и вернуть исконные немецкие земли в состав Рейха.

Заклячая пакт с Россией, Гитлер играл по-честному. В обмен на поставки сырья Советы получали новейшее немецкое вооружение, как-то: тяжелый крейсер «Зейдлиц», подводные лодки, которые нам самим были нужны (в Бремене судостроительная верфь «Дешимаг» перешла на выполнение заказов из СССР). Специалисты из России совершали ознакомительные экскурсии на немецкие военные предприятия. Впрочем, продукция танкостроительных заводов их не заинтересовала, от закупок они воздержались. Причина этого нам стала ясна позже: бронетехника русских в целом и, в частности, танки КВ 1, КВ 2 и Т 34, которые немцам не показывали, по своим тактико-техническим характеристикам значительно превосходила наши аналоги. Иначе обстояли дела с люфтваффе: русские инженеры проявили живейший интерес к серийным и опытным образцам наших боевых машин. По их просьбе им были продемонстрированы изделия авиастроительных предприятий Мессершмитта, Дорнье, Юнкерса, Хенкеля - ME 108, ME 109 E, ME 110 C, ME 209, DO 215, JU 88, HE 111 - и многие другие перспективные модели, частью еще даже или не сошедшие с чертежных досок, или находящиеся в стадии экспериментальных разработок. Более того: русские могли не только покупать эти машины (разных моделей, по два, три образца, а иногда и больше), наши разработчики предоставили в их распоряжение всю необходимую техническую документацию, образцы двигателей и отдельных частей, стрелкового вооружения и навигационного оборудования, и даже образцы противотанковых орудий и зенитной артиллерии. Понятно, что страна, которая готовится к нападению на Советский Союз, вряд ли стала вести себя так открыто по отношению к своему потенциальному противнику. Здесь следует учитывать и демографический фактор - уровень рождаемости в Германии был недостаточно высок. Иными словами: к чему нам «жизненное пространство» в Белоруссии и Украине, если вновь присоединенные части Рейха, которые до 1914 года были нашими, мы не можем заполнить немцами, а для германизации Польши нам потребуется как минимум лет 200? Разумеется, Советы немцам свою новейшую технику не показывали, не говоря уже о продажах... Думается, что Сталин уже тогда был готов сыграть свою роль на Востоке - после того, как Германия ввяжется в войну на Западе. И только осенью 1940 года, когда на наших восточных границах сосредоточилось до 140 советских дивизий, которым противостояло 10 немецких, Гитлер стал проявлять недоверие.

Имея за спиной такой железный кулак, Молотов выдвигал требования, которые иначе как шантажом назвать трудно: аннексия Финляндии и, в перспективе, выход СССР к сырьевым запасам Швеции, которые имели для военно-промышленного комплекса Германии стратегически важное значение, захват нефтяных месторождений в Румынии, которые, если не считать поставок из России, были для нас единственным источником этого сырья и проч. В Сербии, которая заключила с Германией договор о сотрудничестве, Советы инсценировали антиправительственный путч, да и в целом проводили достаточно анти-германскую политику. Гитлер не без оснований опасался удара в спину: после начала боевых действий против Великобритании, Сталин вполне мог развязать войну на Восточном фронте. Для того, чтобы нейтрализовать эту угрозу, Гитлер планировал начать войну с Россией в 1941 году - как мы знаем сегодня, его опасения были вполне обоснованы. Сталин серьезно готовился к первому удару, нанести который он собирался 6 июля 1941 года - мы знаем об этом не только из книг Виктора Суворова. Серьезные немецкие историографы тоже уделяют этой теме большое внимание - достаточно вспомнить исследования Гофмана или книгу Герда Шульце-Ронхофа «У войны много отцов». Образно выражаясь, немецкая военная инициатива оборвала речь Сталина на

полуслове: вот откуда такое количество советских военнопленных в первые дни войны, вот откуда горы трофейного оружия и боеприпасов - к превентивным мерам с нашей стороны кремлевский вождь готов не был. По словам Гитлера, решение о начале боевых действий на Востоке было самым непростым в его жизни: ведь война на два фронта, которую теперь придется вести немцам, была именно тем, от чего Гитлер всегда стремился уберечь Германию; с другой стороны, он со всей ясностью понимал, что стоит русским запустить паровой каток своей военной машины, и их уже ничем не остановишь. Немецких военнопленных красноармейцы, как правило, убивали на месте - никто их не винит, ведь они выполняли приказ своих комиссаров. В качестве ответной меры, немецким бойцам было дано указание в плен комиссаров не брать. Благодаря отваге и стойкости русского солдата, благодаря переводу экономики СССР на военные рельсы (еще до начала войны), благодаря помощи, которую Советам оказывали Соединенные Штаты в плане обеспечения тыла и поддержки военно-воздушных сил (да и одних только грузовиков подарили больше 300000 единиц), благодаря распылению сил, на которое Германия, ведущая войну на несколько фронтов, была обречена - благодаря всему этому Красная армия дошла до Берлина и оккупировала значительную часть нашей страны. Что касается немецкой оборонной промышленности, то в ее уничтожении, как мы хорошо знаем, основную роль сыграли бомбардировки союзников. Собственно, победителями в этой войне стали США и Советская Россия; Англия утратила свой имперский статус, а ее колонии перешли в руки американцев. И США, и СССР поставили в зависимость от себя многочисленные народы, при этом модель советского империализма была, если сравнивать ее с американским образцом, менее изощренной: США предпочитают тактику не прямых действий, используя подкуп должностных лиц и идеологические диверсии, они действуют изнутри, разлагая и деморализуя противника. Советы, если что не так, сразу пускают в ход танки: вспомним берлинские события 1953 года, Венгрию в 1956 году и т.д. Но любая форма империализма уже изначально несет в себе семена своего упадка: поработанные народы в своем стремлении к независимости оказывают сопротивление повсеместно, а силы, призванные сплотить имперский конгломерат, неизбежно приобретают центробежный характер. Именно эти силы, исходящие от народов, которые еще до 1945 года были независимыми, привели Советский Союз к распаду: на сегодняшний день Россия - за счет отхода от нее пограничных земель - занимает меньшую территорию, чем царская Россия в свое время. В случае возникновения оси Берлин-Москва, подобная эрозия была бы невозможной: безопасность русских границ оставалась бы незыблемой, войска НАТО просто не смогли бы к ним приблизиться. Необходимой предпосылкой такого союза должна стать сильная Германия, которая сама, а не по указке из Вашингтона, заботится о своей безопасности.

В геополитическом плане подобная ось представляет интерес, если Россия хочет иметь надежный редут на западном направлении, а Германия стремиться - при поддержке России - вернуть себе исконно немецкие земли, которые Советы в 1945 году отдали во владение Польши и Чехии.

Экономическое сотрудничество между нашими странами также может иметь хорошие перспективы. Германия бедна полезными ископаемыми, а вот что касается промышленного производства, то в некоторых областях (например, машиностроение) наша страна занимает ведущее место в мире. Россия, напротив, имеет большой запас природных ресурсов. Учитывая конкуренцию на мировом рынке и, в первую очередь, конкуренцию с американскими товарами, такое положение вещей создает необходимые предпосылки для плодотворного и долгосрочного сотрудничества между Россией и Германией: в отличие от США, которые всячески препятствуют ввозу, например, немецкой стали на свой внутренний рынок, немцам и русским здесь делить нечего, наоборот - мы отлично дополняем друг друга.

У России и Германии есть точки соприкосновения и в военной сфере: русские занимают передовые позиции в области ракетостроения, немцы создают отличную

бронетехнику. Вместо того, чтоб выбрасывать миллиарды евро на создание собственной тяжелой транспортной авиации, нам следовало бы покупать самолеты в России. Русским, если они хотят что-то противопоставить американскому господству на море, давно пора привести в порядок свой подводный флот. И здесь сотрудничество могло бы пойти нашим странам на пользу: не секрет, что и подводные лодки в Германии строить умеют.

Давно известно, что прочность межнациональных отношений определяется общностью интересов тех или иных народов. Это правило распространяется и на сферу внешнеполитической деятельности. На своих восточных рубежах Россия испытывает нарастающее давление Китая - нелегальная миграция из этой страны грозит в недалеком будущем превратить Сибирь в китайскую провинцию. На Юге России - страны ислама, которые всеми силами поддерживают Чечню и другие народы Кавказа. Для того, чтобы нейтрализовать их влияние и завоевать расположение арабских государств, России следует стать на сторону палестинцев в их борьбе с Израилем и теснее сотрудничать с Сирией и Ираном в их противостоянии с США. Именно в этом основной вектор политики Путина в этом регионе - политики, которую я оцениваю как разумную и взвешенную. На кого после этого сможет опираться Чечня? На Центральное разведывательное управление... Что касается политики США, то она направлена на изоляцию России, на отторжение от нее и дробление южных и западных регионов. Для этого американцам необходим плацдарм, роль такого плацдарма сегодня играет Германия. Понятно, что в случае образования русско-германского альянса - и выхода Германии из НАТО - баланс сил изменится кардинально. Польша - американский вассал в Европе - не сможет больше выполнять возложенную на нее миссию: для этого Германии достаточно просто закрыть свое воздушное пространство для авиации США.

На кого еще стоит обратить внимание? Турция имеет в Европе определенный политический вес, поддерживая тюркские народы, она всегда тяготела к США и проводила анти-русскую политику. С точки зрения русских - Турция неподходящий союзник. Политический вес Италии исчезающе мал, Великобритания - довесок США, который, растеряв свой собственный авторитет, всеми силами стремится оставаться в кильватере американской внешней политики: ведь только так англичане могут сохранять свои великодержавные иллюзии. Блер не просто «шестерка» американского президента: Великобритания последовательно проводит анти-европейскую политику, это заставляет англичан вновь и вновь обращаться за поддержкой к США. Такую поддержку Англия получает, и вряд ли она променяет ее на более тесные отношения с Россией. Франция - это особый случай, в разные периоды своей истории она выступала то союзником России, то ее противником. Франция, как и Польша - католическая страна, их сближает единая вера. В то же время, мы не должны забывать, что Польша - с точки зрения Франции - удобный инструмент в ее борьбе с Германией: так было, так есть и вряд ли здесь что-то изменится. Достаточно вспомнить события 1919 - 1920 годов или работу совместной франко-британской военной комиссии, которая в июне - августе 1939 года пыталась создать анти-германский блок: Россия была готова пойти на это при условии предоставления ей права свободного прохода через польские территории - это предложение французская сторона категорически отвергла. В свою очередь Польша рассматривает США как своего наиболее мощного союзника. И это понятно: влиятельные американцы польского происхождения (не забывая о своем происхождении) всеми силами стремятся наладить конструктивное сотрудничество на российско-американском направлении.

До тех пор, пока США остаются единственной мировой державой, Россия может рассчитывать на партнерские отношения с Китаем. В то же время остается открытым целый ряд вопросов, в частности, вопрос о форме такой коалиции: Китай имеет значительный человеческий ресурс, но не обладает достаточным запасом природных ископаемых, с другой стороны, никогда в своей истории Китай не проводил имперскую политику, такого опыта у китайцев попросту нет. Отношения Китая и Индии никогда не

были простыми, поэтому еще во времена Советского Союза Индия всегда стремилась к партнерским отношениям с СССР. По-видимому, такая тенденция будет сохраняться и в будущем, но, учитывая относительно низкий интеллектуальный уровень индийцев, слабо развитую инфраструктуру страны и государственных институтов в целом, легко можно предположить, что в политическом смысле Индия никогда не сможет играть первую скрипку в регионе. Здесь следует учитывать еще и вот что: этническая пестрота индийцев - еще один немаловажный фактор, который дестабилизирует ситуацию внутри страны.

Таким образом, в числе возможных союзников России оказываются лишь Германия и Япония: эти страны обладают необходимым экономическим и, при необходимости, военным, потенциалом. Камнем преткновения в отношениях России и Японии стали Курильские острова: врожденная гордость не позволяет японцам смириться с этой географической потерей. Возможно, в интересах России первой распрощаться с Курилами: ни в стратегическом, ни в хозяйственном отношении они особого значения не имеют. В то же время - и учитывая те территориальные потери, которые Россия понесла в последние 15 лет - возможность успешного проведения такого непопулярного решения в жизнь представляется с внутривнутриполитической точки зрения весьма сомнительной.

Остается Германия. Русские понимают, что блок умеренных консерваторов ХДС/ХСС и немецкие либералы в лице СвДП не склонны с ними сотрудничать. О ценностях, которые защищает ориентированная на Запад СвДП, находящаяся к тому же в руках «вольных каменщиков», мы знаем - это ничем не ограниченный рынок, глобализация, космополитизм. Если говорить о ХДС, то в рядах этой партии уже как бы и не осталось немцев... Условно говоря, мы имеем здесь дело с атлантистами и франкофилами: первые действуют по указке своего заокеанского хозяина, вторые - в интересах нашего южного соседа. Но и те и другие, подчиняя интересы Германии интересам западного сообщества, последовательно пренебрегают интересами своей собственной страны. За примерами далеко ходить не надо - достаточно вспомнить первые шаги госпожи Меркель на международной арене. Что касается сотрудничества с Россией, то СДПГ, Зеленые и другие партии левого толка куда больше склонны к нему: обоюдную пользу, которую наши страны могут извлечь из такого сотрудничества, наглядно продемонстрировали годы правления канцлера Шредера. Национальные партии Германии последовательно следуют анти-американским курсом, и это понятно: в двух мировых войнах США были противником нашей страны, участие Америки решило исход этих войн не в нашу пользу. Исключение здесь, пожалуй, лишь республиканцы, которые, в угоду христианским демократам, позиционируют себя как общегерманский аналог ХСС. Более того: на мировой арене США делают ставку на агрессивную, империалистическую политику, которая никоим образом не учитывает интересы других народов - в том числе и немецкого. Партнерские отношения с кем бы то ни было после 1945 года никогда не были приоритетом американской внешней политики, вассальная зависимость Германии, диалог с позиций силы, бряцанье оружием - это те атрибуты политики Вашингтона в отношении нашей страны, которые нам всем слишком хорошо знакомы. Понятно, что в таких союзниках мы не нуждаемся. Наше сотрудничество с США в условиях противостояния Запада и коммунистического блока, который сам стремился к мировому господству, было необходимым условием сохранения равновесия в мире. Сегодня это уже история. Даже потому, что влияние сионизма внутри самой Америки сильно как нигде в мире (а ведь сионисты к Германии симпатий не испытывают), эта страна всегда будет мешать немцам проводить свою собственную политику - политику, направленную на защиту наших национальных интересов. Вот почему, когда речь заходит о сотрудничестве с Германией, русским стоит обратить пристальное внимание на то, что условно можно назвать «национальной картой». Сильная, знающая себе цену и национально ориентированная Германия - это идеальный союзник России.

А как видится ситуация, если смотреть на нее из Германии? Президент Польши в 1990 году заявил, что Германия, если она попытается поднять голову, будет уничтожена - для

этого у ее противников есть и желание, и силы. Франция, Великобритания и Италия всеми доступными способами препятствовали объединению нашей страны. Для того, чтобы уломать Францию, нам пришлось отказаться от собственной валюты, согласие американцев было куплено нашим отказом от немецких земель, которые ныне занимают поляки. Первый генеральный секретарь НАТО формулировал задачи своей организации с солдатской прямоотой: «не выпускать американцев наружу, русских не пускать внутрь, а немцам не дать подняться». Германии надо опуститься на колени, чтобы Вашингтон обратил на нее внимание. Единственная сила в Европе, которая имеет вес, и на которую мы можем рассчитывать - это Россия. Нам нечего делить с русскими - об этом уже говорилось выше. То, что разделяет наши народы - это ничто по сравнению с тем, что нас объединяет. Имея за спиной Россию, мы наконец сможем идти собственным курсом, курсом, направленным на защиту наших собственных, национальных интересов. Будь у нас такой союзник, и все те соглашения, которые связывают нас сегодня по рукам и ногам, мы бы просто выбросили на свалку истории: Евросоюз, Договор об экономическом сотрудничестве в Европе, Маастрихтские соглашения, евровалюта, дотации из Берлина, на которые живет вся Европа, оккупационные войска США...

Этническая и расовая близость - это то, о чем нам, не в последнюю очередь, тоже следует помнить. Как правило, народ состоит из представителей нескольких рас. Для определения их совместимости расовое сродство необходимо исследовать следующим образом: определить процентный состав той или иной расы в рамках одного народа, после чего сравнить его с аналогичным показателем в другом. Меньшая величина из двух полученных также учитывается при определении общей картины. Таким образом - суммируя меньшие величины - мы можем составить представление о наличии той или иной расовой доминанты в составе того или иного народа.

Исследования в области типологии рас после 1945 года не проводятся - расология как наука на Западе либо замалчивается, либо подвергается систематической травле. Один из результатов Второй мировой войны - это значительная утрата нордической составляющей немецким и русским народом. И в то же время, не подлежит сомнению тот факт, что в расовом смысле и Россия, и Германия практически идентичны: исключение здесь составляет Рейнская область, в которой сильны влияния средиземноморской крови (в России таких влияний нет), в то же время в России можно отметить незначительные, но все же имеющие место следы монгольского влияния (так сложилось исторически, что русским приходилось делить свое жизненное пространство не только с гуннами, но и с представителями тюркских народов - по понятным причинам, подобных прецедентов Германия не знала).

Что касается остальных расовых элементов, то для наших народов они общие, при том, что в обеих странах доминирующей является нордическая и фальская составляющие. Восточно-балтийская раса представлена в России более полно, чем в Германии. В то же время, в Германии в процентном отношении преобладает альпийская, или восточная, кровь; следы динарской и средиземноморской крови также прослеживаются в Германии четче, чем в России. Мои исследования в области расологии позволяют утверждать, что коэффициент родства русских и немцев составляет как минимум 75 % - это очень высокий показатель, если мы говорим о совпадении различных расовых элементов в рамках того или иного народа. Многие факты, как-то: музыкальность наших людей, душевность и проч., косвенно подтверждают эти выкладки.

Данный показатель значительно превосходит те результаты, которые мы получаем при сравнении немцев с другими нациями Запада. Объяснение здесь может быть только одно: колониальное наследие и те последствия, которые этот груз имел для расовой чистоты метрополий. Миграция цветных и их смешивание с автохтонами привело к драматическим потерям среди последних, к утрате ими своей расовой чистоты. Русские на сегодняшний день - один из самых белых народов планеты. Тому есть несколько причин, но главная, пожалуй, это замедление миграций в самой стране, при том, что основным

центром притяжения для чуждых русским в расовом отношении меньшинств стала столица России. Понятно, что открытие немецких границ в сторону России и усиление контактов Германии и России не имело бы для нас в расовом отношении никаких негативных последствий. Этого нельзя сказать, когда речь заходит о границах с Италией, Францией или Великобританией, расовое тождество которых на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

В силу этого - не в последнюю очередь - союз между Россией и Германией представляется мне идеальным. И все же я остановлюсь на тех моментах, пусть даже и незначительных, которые в состоянии омрачить эту идиллию.

Авторитету России наносит значительный ущерб политика немецких СМИ, которые, в большинстве своем, находятся в руках чуждых Германии сил. Нам нередко приходится слышать о «русской мафии», «спекулянтах» и проч. А расхожее словосочетание «организованная русская преступность» стало в последние годы просто притчей во языцех. Стоит, однако, внимательней взглянуть на лица (и имена) тех, о ком идет речь в сообщениях газет, радио и телевидения, и становится ясным, что мы имеем здесь дело - по преимуществу - с лицами нерусской национальности, которые оказались в Германии после 1990 года. Забавная деталь: их статус на немецкой земле - это статус «контингентных беженцев», и это несмотря на то, что преследованиям их никто не подвергал, а боевых действий (со всеми сопутствующими им тяготами и лишениями) в тех местах, откуда эти переселенцы к нам прибыли, не велось. Количество таких «беженцев» на сегодняшний день составляет в Германии до 230000 голов, а тенденция к росту их числа, увы, сохраняется. Далее: до 80 % этих переселенцев существует на социальные выплаты и пособия, которые им предоставляет немецкое государство; для создания комфортных условий им предоставляется жилплощадь, строятся молельные дома, школы, создаются прочие элементы чуждой немцам инфраструктуры. Понятно, что эти расходы тяжелым бременем ложатся на плечи именно немецких налогоплательщиков. Понятно также, что мы должны выработать решение, которое оградит нас от этого потока. Ведь такое положение дел формирует у немцев крайне отрицательный образ России и русских.

Россия и Германия обязаны найти взаимоприемлемое решение по вопросу Восточной Пруссии и Калининграда. Восточная Пруссия - на протяжении последних 700-а лет - неотъемлемая часть Германии. В университете Кенигсберга преподавал немецкий философ Эммануил Кант, а позже - выдающийся этолог Конрад Лоренц, который внес неоценимый вклад в науку о поведенческих матрицах разных народов. Это наша, немецкая история, от которой мы не можем отказаться.

С другой стороны, русские, волею судеб оказавшиеся в этих краях, ни в коем случае не должны подвергаться гонениям. Думается, размеры этого региона дают нам все основания с оптимизмом смотреть в будущее: места, как говорится, хватит всем.

В декабре 1924 года декретом ВЦИК СССР была создана Автономная ССР немцев Поволжья. Война, начавшаяся в июне 1941 года, отразилась и на судьбе этих людей - эта судьба оказалась непростой: возвращаясь из сталинских лагерей, этнические немцы не всегда могли вернуться на уже обустроенные земли. Возникает вопрос: почему тем немцам, которые не стремятся перебраться на жительство в Германию, мы не можем предоставить под заселения земли Восточной Пруссии? Северная часть этой провинции вполне может стать автономной немецкой областью с узаконенным двуязычным управлением и со статусом свободной экономической зоны. Без всяких сомнений, введение такого статуса имело бы для России в экономическом плане большие преимущества. Есть немалое число немецких переселенцев из России, которых отношение моих соотечественников, не обладающих достаточно развитым расовым чувством, шокирует: в России они были «немцами», в Германии они превратились в «русских». Многие размышляют в этой связи о необходимости возвращения обратно в Россию. Есть и такие, которые вообще не собираются покидать Россию - так, например, верующие

менониты не желают подвергать своих детей испытаниям, с которыми те столкнутся на уроках семейной жизни или, как их обычно у нас называют, уроках полового воспитания; да и другие предметы, включенные в школьные программы ФРГ, не находят у них понимания. Для этих людей Северо-восточная Пруссия могла бы стать новой Родиной. Почему бы русскому правительству не заняться этим вопросом? Ведь дело реальное и с дальним прицелом: установление совместного русско-германского правления на этой территории - как это было предусмотрено в Сааре в середине 50-х. Такая автономия могла бы стать не только связующим звеном между нашими странами, но и гарантией взаимной ответственности, и залогом добрососедских отношений на долгие годы - а ведь именно таких отношений я и желаю нашим народам!

Вопрос о произведениях искусства, захваченных в качестве трофеев. Немецкая сторона требует их возвращения. Как правовед сразу замечу: здесь необходимо различать государственную и частную форму собственности. Государственная собственность - это законная добыча победителя, он может захватывать ее ни перед кем не извиняясь, для того и войны. Что касается частной собственности, то отношение к ней победившей стороны регулирует Гагская конвенция 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны». Германия всегда действовала в соответствии с этими договоренностями, остальные участники войны нет. Советы вообще никогда не соблюдали этой конвенции, потому что к ней Советский Союз так и не присоединился **[прим. пер.: На 1-й и 2-й мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 годах приняты международные конвенции о законах и обычаях войны. Всего было принято 16-ать конвенций и выработано 4-и декларации. 1-я Гагская конференция 1899 года, в которой участвовало 27 государств, была создана по инициативе царской России]**. Английские солдаты «освобождали» немцев по мелочам: от ювелирных изделий, часов, столового серебра - так же поступали и красноармейцы. Американцы сосредоточили свое внимание в первую очередь на произведениях искусства, промышленной и интеллектуальной собственности (патентный фонд и авторские права) и на зарубежных активах Германии, которые сначала были взяты под арест, а затем присвоены Америкой. Когда мы сегодня отправляемся в Лувр, то большая часть экспонатов, которые мы там видим - это трофеи Наполеона, собранные им по всей Европе. Несколько лет назад в Гейдельберге проходила экспозиция «Гейдельбергской библиотеки». В этой связи необходимо вспомнить предысторию, а она такова: в 17-ом веке французские короли из династии Бурбонов-Наваррских совершали регулярные набеги на Юго-Запад Германии **[прим. пер.: имеются ввиду Людовик XIII (1610-1643) и Людовик XIV (1643-1715), известный еще как «король-солнце»]**. Во время одного из таких набегов и была захвачена Библиотека замка Гейдельберг. Позже она была передана в дар католической церкви, а сегодня мы должны радоваться, совершая обход выставки, которую Папа Римский изволил привезти в Германию.

Короче: русские могут оставить себе то, что они хотят себе оставить. Законотворчество думцев, которые объявили трофейные произведения искусства собственностью государства, здесь ничего изменить не в силах.

У нас в этом плане нет претензий, мы не рассчитываем что-либо вернуть обратно. Ну а если рассматривать эту ситуацию с позиций улучшения именно русско-германских отношений, то, наверное, русскому правительству стоит вернуть Германии хотя бы часть трофеев. Схема передачи может быть неформальной: никаких контрактов и предварительных условий, напротив, консул России поэтапно возвращает утраченные предметы искусства в те города и веси, откуда они были извлечены победителями в ходе боевых действий - с соблюдением праздничного церемониала, с подробным освещением в СМИ. Нет сомнений, что такая акция найдет самый живой отклик в немецких сердцах. Я уже не говорю о том, что все эти произведения искусства, книги, рукописи, картины и проч. хранятся из рук вон плохо. Несоблюдение элементарных норм хранения приведет в

конечном итоге к тому, что это достояние будет безвозвратно потеряно и для нас, и для русских.

Возвращать имеет смысл те предметы, которые были созданы немцами или их предшественниками: книги, рукописи или картины, например, Каспара Давида Фридриха [прим. пер.: **Каспар Давид Фридрих (1774-1840) - немецкий художник-романтик, один из крупнейших представителей этого направления в живописи Германии**]. Наверняка, в каком-нибудь русском спецхране мы найдем Золотое сокровище Эберсвальда и другие золотые изделия периода истории первобытного общества на территории Германии, которые оказались в России после войны. Все, что так или иначе связано с историей Германии должно быть по возможности возвращено.

С другой стороны, те предметы, которые не имеют для немцев исторической ценности, могут быть оставлены в России - как символ ее победы. Наиболее значительными археологическими находками, перемещенными, как принято говорить, в связи с войной, можно считать сокровища, которые открыл Генрих Шлиман. Собственно, Шлиман, открыв Трою, совершил настоящий переворот в археологии: сообщения античных авторов о Троянской войне он принял всерьез, сделав тем самым неоценимый вклад в развитие современной науки о древности. Вот почему для немцев историческая ценность этих сокровищ неоценима. Но именно по этой причине мы можем позволить себе оставить их в Москве.

Что меня тревожит? Те конфликтные вопросы, которые существуют между нашими народами, необходимо решать!

И в заключении несколько слов о себе: будучи 18-им подростком, я стал активным участником организации «Акция Одер-Нейсе», которая выступает за ревизию послевоенных границ Германии на Востоке. Мои предки родом из Западной Германии, но для меня этот вопрос имел и моральный оттенок: мне было стыдно смотреть в глаза своим соотечественникам, которых немецкая государственная машина просто бросила на произвол судьбы. Двумя годами позже я возглавил нашу организацию на федеральном уровне, став заместителем председателя и руководителем трех земельных союзов. Но и низовой работы я по-прежнему не чурался - собственноручно изготавливал и распространял листовки АкОН. Я уверен, что в архивах тех организаций на Востоке, которые профессионально заняты охраной государственной безопасности, найдутся документы, которые подтверждают эти факты. В те годы меня согревала надежда, что опираясь на поддержку Соединенных Штатов (где так любят говорить о «свободе» и «праве на самоопределение»), нам удастся достичь поставленных целей. Ознакомление с внутренним механизмом тех уступок, которые были сделаны нашей страной, заставило меня изменить мое отношение к этому вопросу. Бисмарк как-то заметил, что «политика - это политика возможного». Восточная Пруссия не сможет стать немецкой землей вопреки воли России. Вот почему нам необходимо наконец приходить к взаимному согласию.

В истории так было всегда: когда народы Германии и России работали вместе, это шло им только на пользу. Давайте продолжим эту добрую традицию, давайте работать во имя нашего общего будущего!

Гамбург, февраль 2006 г., Юрген Ригер
Перевод с немецкого: Петр Кузьмичев

Андрей Борцов.
Социализм без ярлыков. Избранное. Социализм

Социализм сейчас "не в моде". Логика (то, что за неё выдается) приблизительно такова: социализм был в СССР, а государство развалилось - значит, социализм не жизнеспособен. Самые образованные вспоминают про национал-социализм в Рейхе и

радуются: тоже проиграли! Однако при этом тщательно не вспоминают растущую мощь Китая (или же пытаются заявить, что там-де не социализм).

А если говорить о прошлом - также стыдливо замалчивается, что Рейх победил de facto всю Европу, вел войну даже в Африке - и был побеждён только Советским Союзом, другим социалистическим государством. После чего СССР в течение практически полувека противостоял всему "цивилизованному миру" и сейчас РФ живёт за счет "задела" советской власти...

Так почему же социализм старательно "выводят из дискурса"? Чем является социализм на самом деле?

Для начала надо чётко уяснить одну простую, но очень важную вещь. Социализм НЕ является "переходной стадией к коммунизму"! Социализм - вполне самостоятельная концепция, НЕ основывающаяся на марксизме. Понимание социализма именно как "переходного этапа к коммунизму" - и только так, - по меньшей мере, странно. Про "переходный этап" заявляла именно что большевистская пропаганда и почему именно эта точка зрения декларируется как эталонная?

Давайте вспомним утопический социализм Кампанеллы, Мора, Фурье, Сен Симона, Оуэна и т.д. - они описаны задолго до Маркса, если заявлять о первичности трактовок. Основой социализма является именно забота о народе, а не социал-дарвинизм в разных формах, а также государственное управление стратегическими ресурсами и производствами. Марксисты лишь попытались монополизировать термин и подогнать трактовку под свои коммунистические нужды.

Одно из стандартных определений:

"Социализм - экономическая, социально-политическая система, характеризующаяся тем, что процесс производства и распределения доходов находится под контролем общества. Важнейшей категорией, объединяющей различные направления социалистической мысли, является общественная собственность на средства производства, которая заменяет собой частную собственность".

Первый тезис правилен: именно "под контролем общества", а вовсе не "отобрать всю частную собственность", как во втором тезисе.

Всё просто: при социализме государство должно работать на народ. При этом понятно, - нельзя раздавать в частные руки стратегические производства, давать право собственности на природные ресурсы и т.д. Но при этом не стоит и лишать права построить частное придорожное кафе, к примеру.

Социализм необходим, но не в марксистском варианте, а с разрешением свободы предпринимательства на мелком и среднем уровне, что решит проблему как с глобальными задачами (наука, образование, армия, промышленность и т.д.), так и позволит решать насущно-бытовые проблемы населения.

Попытка свести социализм к "переходной стадии" коммунизма - это стремление навязать выбор из двух зол, которые "оба хуже".

Карась, как тебя жарить - на масле или в сметане? Выбирай!

Человек, выбирай - либерализм/капитализм или же коммунизм!

Обратите внимание: оба выбора зациклены на деньги. При либерализме (экономически - капитализме) деньги открыто заявляются сверхценностью, на которой завязано всё. При коммунизме, казалось бы, деньги вообще отрицаются - но теория-то завязана именно на деньги!

Нет, господа и товарищи, это не идеология должна обслуживать экономику, а наоборот - исходя из принятой идеологии, надо строить работоспособную экономическую модель. "Экономические законы" - это выдумка шарлатанов, которые выступают как "эксперты".

Здесь нет возможности подробно расписывать всю систему (посмотрите хотя бы фильм "Деньги как долг"), но приведу лишь один нагляднейший пример: либералы заявляют, что-де "рука рынка" всё расставит по своим местам, не так ли? И будет всем

счастье в немеряных количествах. А теперь вспоминаем, что ни один экономический кризис нигде не был преодолен рыночными средствами, а лишь государственным управлением - т.е. социалистическим инструментом. Причем в кризис-то загоняет как раз либерализация рынка!

Небольшой, но очень наглядный пример. Свежий - сентябрь 2009 года. Бельгийские фермеры вылили три миллиона литров молока на землю. "Ценители великой Невидимой Руки и Священного Экономикса, как вы знаете, обожают рассуждать о том, что при социализме творится жуткий дефицит. А вот, мол, свободный рынок - тот сам собой производит небывалое изобилие.

Хотя хорошо видно, что именно свободный рынок - это главный производитель дефицита. Потому что много платят только за то, чего мало. А за то, чего много - не платят. Из этого следует один простой и очевидный вывод.

Если социализм найдет способ накормить всех людей на планете - этот способ будет реализован.

Если капитализм найдет способ накормить всех людей на планете - этот способ будет уничтожен.

И так со всем остальным.

Вся экономика направлена на то, чтобы люди жили плохо. Не может в принципе существовать экономики, в которой люди живут хорошо. Это противоречит самой сути рынка. В самом Священном Экономиксе так и написано: "Экономика бла-бла-бла как чо делать при ограниченных ресурсах". Поэтому при появлении неограниченных ресурсов адепты Экономикса уничтожают их.

Запомните и запишите: любой сторонник Экономикса - это сторонник вашего голода, вашей нищеты, ваших болезней, ваших мучений и вашей смерти от нехватки ресурсов. Всеми своими действиями он добивается именно этого". ЖЖ-юзер asocio.

А фермеры, знаете ли, протестовали против либерализации закупочных цен на их продукцию. Есть производитель, есть продукт, есть потребитель. Но производитель сидит с убытками, потребитель пухнет с голоду, а продукт уничтожается.

Свободный рынок, все довольны, все счастливы.

При социализме вы себе такое представляете?

Социалистический способ производства не подвержен кризисам по внутренним причинам и действительно обеспечивает более высокую производительность труда: в СССР с середины 30-х и до 60-х осуществлялся социалистический способ производства и темпы роста были фантастическими. Социализм - это не просто другая форма собственности на средства производства, но - главное! - и другой способ производства, исключая понятие прибыли! После реформы Косыгина в СССР был экономически не социализм, а некий госкапитализм (потом поговорим подробнее).

Так вот, если капитализм (и, соответственно, либерализм) и коммунизм - это экономические идеологии, то социализм, не отрицая деньги как средство, не завязан на них идеологически. Нельзя оценивать человека только через призму экономики!

Я прекрасно понимаю сложность и относительность трактовки термина "справедливость", но я сейчас пишу публицистическую статью, а не философскую монографию по этике, поэтому можно принять для простоты остенсивное определение: будем рассматривать справедливость как понимание этого понятия русским народом, на уровне "неписаного закона", точнее - отношения. Вполне справедливая трактовка на территории России, не так ли? И тогда становится всё просто.

Кто не работает, тот не ест - справедливо. Под работой понимается именно работа, физическая или умственная, а не спекуляция и ростовщичество - справедливо. Гости должны вести себя с уважением к хозяевам - справедливо. Начальник может быть суров, но справедлив. Государственный муж может иметь привилегии, но не жалеть за Русь живота своего. И так далее.

Социализм - это, прежде всего, социальная справедливость. Справедливо, чтобы базовые потребности были легко реализуемы. Жильё, бесплатное образование, медицина и т.д. При этом несправедливо, если будут жировать спекулянты и тунеядцы.

Справедливо, чтобы каждый, независимо от происхождения и материального состояния, имел возможность получить какое угодно образование, если он его честно "тянет", и затем мог достойно служить народу и стране.

Патернализм по отношению к народу в целом - справедливо. Не менее справедливо применение мер социальной защиты, включая высшую меру, по отношению к антисоциальным элементам, предателям и врагам народа (да, я не опасюсь этого штампа: деятельность многих чиновников в РФ сейчас попадает именно под эту категорию).

Экономика же должна служить целям развития нации и быть адекватна производственным силам, а не служить отправной точкой идеологии.

Справедливо платить столько, чтобы не стояла проблема выживания. Справедливо позволять иметь в частной собственности предприятия, если собственник действует на пользу народу и государству. Если же имеет место паразитизм, - собственность целесообразнее национализировать в общественную, оставив возможность для выкупа другим предпринимателям или рабочим артелям.

Справедливо, что природные ресурсы, включая землю, не должны находиться в частной собственности (возможно, кроме небольших участков под личные дома). Большевики победили в своё время не потому, что идеи Маркса понравились рабочим и крестьянам, а именно потому, что они призывали к справедливости: фабрики - рабочим, землю - крестьянам. Конечно, потом всё "несколько" исказилось, но неожиданный приход к власти был осуществлён благодаря именно такой синхронности лозунгов с чаяниями народа.

В качестве примера отличия социализма от либерального общества: один из моих любимых отрывков из С.Г. Кара-Мурзы ("Советская цивилизация". Том 1.): "Помню, когда разбуженные перестройкой лирики побежали из ГДР за призраком сыра в ФРГ, в испанской газете поместили интересный диалог одной женщины с чиновником, который обустроивал беженцев из тоталитарной ГДР. Женщина была довольна и помещением, и пособием; она пришла только спросить, куда её сыну ходить на тренировки. Он учился в спортивной спецшколе, уже был мастером спорта по плаванию и нуждался в тренере высокого класса. Так вот, она беспокоилась, чтобы его не записали абы куда. И чиновник пришёл в бешенство: "Всё, фрау, социализм кончился. Ваш мальчик должен сам зарабатывать деньги на тренера. Сколько заплатит, такой и будет тренер".

Почему же вспылал чиновник? Об этом была огромная статья в "Вашингтон пост" в мае 1992 г. под заголовком "Стена проходит у нас в голове" - о той духовной пропасти, которая обнаружилась между весси и осси. Полезно и нам послушать, в чем упрекают весси своих восточных братьев: осси за сорок лет привыкли жить в роскоши. Мы, мол, бьемся как рыба об лед, довольны пиву с сосиской (домику, "опелю", "мерседесу" - согласно доходам), а у них каждая сопля мечтает о смысле жизни, хочет быть чемпионом мира или, хотя бы, учёным. А чем же недовольны осси? Тем, что их благополучные братья оказались ужасно вульгарны - довольны пиву с сосиской (домику, "опелю" и т.д.). Да после таких признаний немцы должны памятник Хонеккеру поставить".

При этом важно понимать, что социализм без национальной ориентации - бессмысленен и превращается в оправдание дегенерации, расового смешения и паразитизма худших.

Интернационализм мы уже проходили. Вытягивания нерусских на цивилизованный уровень за счёт русского народа больше быть не должно, должно быть именно взаимовыгодное сотрудничество. История чётко показала, что дело даже не в "имперстве наизнаку", когда сателлиты живут за счёт метрополии, а в том, что некоторые нации в принципе не понимают доброжелательного отношения.

Социализм - это не теория всеобщего равенства, это практика организации социума для своих, в соответствии с естественными законами.

Но и национализм без социализма - фикция! Если нет социальных гарантий, то нет заботы обо всей нации, а лишь о части таковой (скажем, так называемый "национал-либерализм" постулирует преференции для некоего "среднего класса"). Но раз нет патернализма по отношению ко всей нации, то какой же это национализм? (Вопрос о том, что к нации, очевидно, не относятся те, кто сам не желает себя к ней относить, а также олигофрены и проч., здесь не раскрываю за очевидностью).

Забота о нации реализуется во всей полноте именно в варианте "семейной" организации общества, где даже труд умелого сантехника считается вполне достойным (и оплачивается выше прожиточного минимума). А не при традиционно противопоставляемом социализму капитализме, где в условиях т.н. свободного рынка выше прочих ценится искусство впарить покупателю побольше некачественного (и ненужного) товара.

Так вот, если есть пресловутая уверенность в завтрашнем дне; если в социуме не трудиться, а спекулировать считается неприличным; если благо народа и благо государства понимается как одно и то же (а иначе какая же это справедливость?) - то развитие неизбежно. Когда каждый может реализовать свой потенциал на общую пользу, когда за вред народу и государству "реформатор" ответит головой - развитие неизбежно!

Гарольд Ковингтон Наш Социализм

Перевод Романа Фролова

На этой неделе я буду говорить о том, что, очевидно, вызывает значительную тревогу и изрядное любопытство. Я расскажу о том, почему мы используем термин «социализм» в имени нашей Партии и в обозначении нашего мировоззрения, Национального Социализма. По правде говоря, сегодня нас это беспокоит в гораздо меньшей степени, чем много лет назад, когда в рядах нашего Движения было намного больше консервативных элементов; но, тем не менее, это происходит и в настоящее время. До сих пор встречаются люди, у кого слово «социализм» сразу вызывает образ Кремля, и они просто не могут избавиться от этого впечатления, несмотря на то, что оно совершенно неверно. В результате, они подпрыгивают от слова «социализм» и обзывают нас коммунистами. Однако есть очень четко определенные причины, почему мы используем это слово как вторую часть нашего имени.

Самое первое, что я хочу вам объяснить, это то, что существует множество различных видов социализма. Вероятно, вы лучше всего знакомы с разновидностью, известной под названием Коммунизм, чья концепция была впервые сформулирована в середине 19-го века евреем Карлом Марксом, но также есть и несколько других форм. Существует мягкий социально-демократический вариант, который мы здесь, в Америке, называем либерализмом. Принципы либерализма те же самые; по сути, либералы – это марксисты, которым не хватает внутренней силы собственных убеждений. Можно сказать, что либералы – это декофеинированные марксисты.

Кроме того, нам известны все эти различные странные ультра-левые версии марксизма, практикуемые или практиковавшиеся в Северной Корее, коммунистическом Китае, Перу и т.д. Большинство так называемых социалистических философий фактически являются той или иной разновидностью марксизма. И это является тем исходным аспектом, в котором Национальный Социализм отличается от всех остальных, потому что наш социализм не основывается на писаниях еврея Маркса, но на характере нашей Арийской расы.

Марксистский социализм или коммунизм являются, по своей сути, обратной стороной монеты капитализма, который я обсуждал раньше в этой серии бесед. Как и капитализм, марксизм рассматривает человека экономической единицей производства и потребления, малой частью великой машины, ее шестеренкой, которая должна быть накормлена, смазана и технически обслужена, а затем, по прошествии времени, когда она станет больше не в состоянии выполнять назначенную ей роль, должна быть выброшена прочь.

Да, я знаю, я уже говорил это раньше, и возможно кое-кому из вас это надоело, но я намереваюсь повторять это снова и снова, потому что нет более важного урока о причинах столь печального состояния дел в нашей цивилизации на сегодняшний день. Наша борьба в большей своей части является борьбой духовности и идеализма против материализма, и те две силы, что определили историю и форму двадцатого века, и в значительной мере продолжают контролировать нашу судьбу и сегодня, коммунизм и капитализм, обе являются глубоко материалистическими философиями. Именно в этом Национальный Социализм принципиально отличается от последних; Национальный Социализм основывается на Человеке, тогда как коммунизм и капитализм основаны на Материи.

В любом случае, возвращаясь к центральной теме, наш социализм не о материализме и не об экономике. Он основан на почти забытой сегодня концепции социального долга, на идее, что ни один человек не является островом, и что вместе с правами и привилегиями, каждый из нас имеет обязанности перед нашими обществами и перед культурой и народом, в котором мы появились на свет. Эта идея раньше была настолько общепринятой, что никто не пытался ее оспорить, теперь же она фактически исчезла из нашей национальной жизни. Наш социализм учит, что в жизни есть более важные вещи, чем неистовая погоня за маленькими зелеными бумажками и временными гарантиями и удовольствиями, которые они могут принести. Наш социализм - это социализм человека, который не просто сидит, наблюдая как горит дом соседа, но помогает потушить пожар.

Мы сегодня находимся в столь ужасной ситуации в значительной мере от того, что мы решили, что каждый из нас способен жить сам по себе, по отдельности, без оглядки на всех остальных. Белые люди добровольно решили отбросить свою расовую и культурную суть, потому что это мешало делать деньги. В результате мы стали в точности теми, чем капиталистическая система желает нас видеть, экономическими единицами производства и потребления, и ничем более того. Но мы не родились в этот мир безликими, безрасовыми, бескультурными существами, годными лишь для работы и шоппинга в супермаркетах. Раса и духовность находятся в наших генах, и эти качества сами по себе являются формой социализма, потому что они формируют связь между всеми людьми Арийской расы. Наш социализм – это прежде всего чувство сообщества, которым всегда были так сильны люди в здоровых арийских обществах.

Во-вторых, существует важное различие между большим правительством (государством) по определению либералов и красных социалистов, т. е. тем, что мы сегодня имеем в этой стране, и ответственным правительством. Хотя Национальные Социалисты не верят в государство-няньку от колыбели до гроба и поддерживают свободное предпринимательство, мы понимаем необходимость в большом правительстве и верим в то, что государство имеет определенные моральные и экономические обязательства перед его гражданами.

Никогда не попадайтесь на удочку так называемого либертарианизма, который представляет из себя моральное прикрытие для наихудшего сорта *laissez-faire*, ничем не ограниченного, разбойничьего монополистического капитализма в стиле 19-го века. Либертарианцы считают, что государство должно быть как можно слабым, почти несуществующим, и из-за этого некоторые называют их анархистами, что далеко не так. Они – капиталисты. Я думаю, что большинство либертарианцев имеют очень ясное понимание того, что случится, если государство внезапно сильно ослабеет или исчезнет. В таком случае мы не получим свободы, мы получим большие мультинациональные корпорации, которые мгновенно заполнят вакуум власти. Поэтому либертарианские идеи

о том, что государство – это всегда плохо, должны быть отправлены на свалку. Благодать государства целиком и полностью зависит от тех, кто его контролирует и для каких целей используется его административный аппарат.

В Арийском обществе государство имеет обязанности перед Арийским народом, которые значительно важнее, чем просто поддержка армии и почтовой службы. Государство обязано гарантировать, что каждый имеет право на труд, право человека зарабатывать на жизнь и обеспечивать достаток, безопасность и покой для своей семьи. Более того, государство должно обеспечить существование рабочих мест; должно достаточно хорошо и компетентно управлять общей экономикой, для того чтобы та была в состоянии производить занятость и достаток. Государство должно гарантировать, что каждый гражданин получает необходимое медицинское обслуживание, невзирая на возможное отсутствие денег. Государство обязано обеспечить достойное и доступное жилье для каждого из своих граждан. Государство обязано гарантировать, что Арийские дети живут и растут в чистой и безопасной окружающей среде. Государство обязано обеспечить, что ни один Ариец в старости не страдает от холода, голода или всяческих лишений.

Нет ничего неправильного с этими обязанностями государства или с использованием на эти цели средств, полученных от сбора налогов до тех пор, пока все это делается для белых людей. Вы должны понять, что, как и все остальное на континенте Северной Америки, так называемая материальная зависимость от государственных пособий и социалистические программы являются расовыми проблемами. Вы должны всегда помнить, что в Америке все сводится к Расе. Зависимость населения от государственных пособий в Америке сегодня является проблемой, потому что получателями всех этих выплат в подавляющем большинстве случаев являются черные, или, в последнее время все больше и больше, цветные иммигранты из стран Третьего мира.

Злоупотребления, связанные с проживанием за счет государства, почти во всех случаях осуществляются черными и выходцами из Третьего мира. В сфере социального обеспечения, как и в любом другом аспекте американской жизни, огромные улучшения, которые могли бы быть достигнуты устранением черных и не-белых из нашего общества, просто потрясают рассудок, стоит только присесть и задуматься об этом. Что же касается ментальной зависимости от пособий среди белых, особенно в Европе, то она исчезнет, как только люди, проживающие за счет общества, поймут, что у них снова появилась ставка в государстве и обществе, что от них многое зависит, и что их государство управляется белыми людьми, для блага белых людей, для благополучия нации и расы, а не просто является бездонным карманом с ценностями, открытым для злоупотреблений каждым черным или цветным проходивцем.

Конечно, некоторые белые выработали неправильное настроение в отношении государственных пособий и талонов на еду. Они смотрят вокруг и видят черных, мексиканцев, камбоджийцев, филиппинцев и бог знает еще кого, беспрепятственно наживающихся на государстве и они говорят себе: «Эй, почему бы и мне не взять немного?» Это далеко не лучший подход, но его можно понять.

В национал-социалистической Германии, после революции 1933 года, ни один Арийский ребенок не страдал от голода, ни одна Арийская семья не осталась без крыши над головой, и ни один германский рабочий не испытывал страх безработицы спустя один год после прихода к власти Фюрера и НСДАП. Вся нация была наводнена такими программами, как «зимняя помощь» и полноценными обедами для бедных дважды в неделю, и так до тех пор, пока экономика не была отремонтирована и вся Германия не была обеспечена работой. Марксистские профсоюзы были упразднены и вместо них был организован подлинный Трудовой Фронт, представлявший интересы всех германских рабочих, причем настолько успешно, что вплоть до 1945 года немецкая промышленность была на полном ходу и производила аммуницию. Вторгнувшиеся союзные войска

захватывали фабрики, которые вплоть до последней минуты выпускали снаряжение для фронта.

Подобные трудовые подвиги не совершаются недовольными или притесняемыми рабочими. Целая система социальных служб была воздвигнута с целью поддержки немецкой семьи и, вплоть до 1945 года, она работала. Был создан Трудовой Сервис Рейха, который построил могучие автобаны, использующиеся до сих пор; и выполнил осушение миллионов акров болот и прибрежных земель, превратив их в плодородные поля для обеспечения немцев продуктами питания. Медицинское обслуживание и государственные детские учреждения были лучшими в мире для того времени. Социальные проблемы, такие как разводы, алкоголизм, и гомосексуальность практически исчезли. Это был подлинный социализм в действии.

1994 год

Богдан Заднепровский
Национальная сущность социализма.

*Ничто не способно разрушить то, что
возведено на фундаменте истины.*

Савитри Дэви

Зрелый и динамичный социализм 19 века – то есть уже идеология – изначально базировался на тезисе классовой борьбы. Наиболее основательным и достаточным условием его построения было свержение правящей верхушки, самой влиятельной реакционной силы общества. То есть для его построения и осуществления социалистических принципов необходима государственная власть и ее социалистическая политика. Таков был постулат социализма со времен Великой французской революции. Социализм метафизически, таким образом, представляется, как идея развития из самого общества, из общественной структуры, без учета ее культурно-исторического своеобразия. В нем общество рассматривается как универсальная открытая система. Но возможно ли полностью оторваться от специфики конкретного общества, в котором происходят социальные процессы, их становление, эволюция? Можно ли не считаться со своеобразием, самобытностью – исторической, культурной, геополитической того или иного общественного образования? Что до сих пор представляло собой само общество, в котором происходило социалистическое строительство? По здравому размышлению придется признать, что то или иное общество – общность развивались не только в экономическом или социальном плане – как взаимоотношение классов, но одновременно и как культура, как опосредованное ландшафтом и этничностью объединение людей, как, в конце концов, политическая государственная система. Помимо классовой структуры на протяжении истории формировалась система взаимоотношений государства, его подданных, его соседей, сдобренная всевозможными особенностями этнического, культурного, ландшафтного характера. В рамках истории происходит не только социально-экономическое развитие общества, но в то же время и этногенез – трансформации этноса от примитивных форм до нации. Нет ли пересечений и переплетений, закономерностей в социалистическом развитии общества и в становлении его национального самосознания?

Чтобы установить генетическую связь идей социализма с идеей нации, следует обратиться к культурно-историческому процессу становления социалистических идей. Взглянем на появление и становление социалистических идей с точки зрения тенденций всеобщей истории Европы. А они показывают, что идеи социализма возникли в эпоху становления европейских наций, их национального самосознания, в то же время, когда Европа постепенно начала отказываться от средневекового религиозного универсализма.

Перевод Писания на национальные языки и отделение от единой церкви вызвал первое мощнейшее массовое национально-освободительное движение в Западной Европе – Реформацию: в Германии, Швейцарии, Чехии. Одновременно с этим взрывом национального самосознания и самоопределения в эту эпоху европейского Ренессанса возник и проект социального преобразования общества. Он развивался двояко. С одной стороны – это естественное право и «общественный договор» Гоббса, Локка и Спинозы на основе эмпиризма, что послужило, в конце концов, основой становления буржуазного общества. Эмпиризм никак не противоречил идее нации, в некоторых тезисах он ее утверждал, как приоритет. С другой стороны – дерзкая мысль о построении Царствия Божьего на Земле, начиная с «Утопии» Томаса Мора. И далее в русле философии рационализма идеалы социальной идеи расходятся с нацией в силу именно искусственных рациональных построений социума, намеренной оторванности от исторической реальности. В духе своеобразной протофутурологии. Все построения – и эмпирические и рациональные брали за основу дух Платона и Аристотеля. Через утопические построения прошло все Просвещение: Дидро, Руссо, Лейбниц попытались себя в утопиях. Свифт и Вольтер довели своими опусами идеи рационалистов, эмпириков и просветителей до глумления и гротеска, схожих с нынешним «постмодернити». Последнее гипертрофированное детище средневековья – светский абсолютизм, который избавил в какой-то мере нацию от чрезмерного давления религиозного универсализма пришел к коллапсу социально-экономических противоречий. Буржуазный строй должен был установиться окончательно. Великая французская революция совершила свой переворот. В ней все идеи Нового времени – рационализм, нация, либерализм, социализм – объединились ради достижения общей задачи европейской цивилизации, ее прогресса. Сословное общество было разрушено. Новое буржуазное классовое общество полностью приняло идеи рационализма, отчасти либерализма. Что касается нации и социалистических идей, то буржуазия оказалась к ним не слишком благосклонной. Идеи нации она научилась эксплуатировать ради своих корыстных интересов, для становления буржуазной формации, а вот социалистические идеи оказались лишними. Конечной целью буржуазной формации стал новый универсализм – экономический. Империализм. Он показал ясно и наглядно, что для новых властителей мира – и нации, и социум всего лишь «пущечное мясо». Однако социализм вещь диалектическая, то есть способная к развитию и борьбе, к синтезу. Он искал своей новой опоры в теории, в действительности, своего способа экспансии. Социализм примерял на себя самые разные институты и идеи – государство, демократию, религию, экономику, гегемонию и т.д. Не минула чаша сия и нацию. Идеи нации и социализма, родившись в одно время, начали неизбежно сближаться¹.

И вот снова возвращаемся в 19 век, когда после Великой французской революции социализм начал обретать теоретические «научные» идейные формы и практическую реализацию в виде рабочего движения.

Отметим сразу тот факт, что мысль о построении социализма в отдельно взятой стране прозвучала уже в «ортодоксальном марксизме» (ревизионизм, реформизм)², который описывал в данной версии построение социализма эволюционным путем в наиболее развитых капиталистических странах, в соответствии со схожими историческими закономерностями возникновения предыдущих экономических формаций. Реалии жизни подводили этот тезис естественно под национальное государство. Государственная власть базируется на основе национального суверенитета. И поэтому социализм с непреодолимостью исторической закономерности всегда становился в первую очередь национальным. Такое свойство он обнаруживал в своем становлении и развитии до сих пор, как бы не искажался революционным теоретическим и пропагандистским пафосом.

Даже материалистический исторический детерминизм напрямую позволяет сделать вывод о том, что социалистические идеи прогрессируют лишь в эпоху становления нации – как высшей формы развития народа, до этого все мечты о «светлом будущем»

признаются иллюзорными и идейно незрелыми³. Нелишним будет вспомнить, что распространение социалистических идей в России зародилось в движении «народничества», когда о политической дееспособности и сознательности рабочего класса в Российской империи не могло быть и речи.

Но подобные собственные же естественные выводы никак не удовлетворяли революционным амбициям вождей пролетариата. Они считали, что их знание исторических законов развития позволяет им отважиться на дерзость, на переделку мира, на перескок через этапы: «скачок человечества из царства необходимости, в царство свободы»⁴, то есть на мировую революцию. Рационально-материалистическому духу 19 века было свойственно это дерзновение человека, как ниспровергателя богов, как хозяина и покорителя природы и ее законов, зловещего Экспериментатора-Франкенштейна, как, собственно говоря, творца. И с социальным организмом и институтами передовые умы решили поступить как подлинным новаторы. Смоделировать общество на основе научной теории. Сконструировать механизмы и методы прорыва, передела, революции. «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁵ Титаны марксизма – эти социальные Франкенштейны – в теории пошли дальше. Они записали и сам социализм в низшую стадию построения своей главной грезы – коммунизма. То есть в явление вторичное, временное, подчиненное, обесцененное⁶. Для их «продвинутой» коммунистической идеи основными концепциями стали диктатура пролетариата, интернационализм, перманентная мировая социалистическая революции. С появлением коммунистического Интернационала, с его безграничной верой в солидарность рабочего класса – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и мировую революцию происходит перекося в развитии социалистической идеи. Идея мировой революции отвергла постепенный «эволюционизм», самонадеянно полагаясь на универсализм классовый борьбы и солидарность пролетариата, против универсализма империалистического. И, конечно же, принципиально противоречила логике предыдущих буржуазных революций, которые происходили «в отдельно взятой стране». Мировая социалистическая революция провалилась из-за ее же антагонизма со своими организаторами, потому что социализм абсолютно не сочетался с моделью империалистической гегемонии, по лекалам которой задумывалась эта революция, со всеми ее буржуазными предрассудками, биржевым и финансовым капиталом, стоящим за ней⁷. Она диссонировала социализму и капитализму одновременно, но интернационализм пытался поднять знамя социализма, ради чуждой тому гегемонии. И мировая революция, как калька с империалистической гегемонии, и сам империалистический капитал в основании своем были антисоциалистическими – мондиалистскими. Уже поэтому идея социализма не могла выйти за рамки национального государства. Интернационализм и космополитизм оказались лишь корыстными попутчиками – средством разрушения консервативных устоев старого порядка и стереотипов народных масс: в ту пору империалистический буржуазный национализм (шовинизм) был серьезным сдерживающим фактором для построения социализма⁸. Но в дальнейшем и сам социализм нуждался в первую очередь в суверенитете, хотя бы имперском, близком к национальному, ради защиты своей государственной целостности и строительства, от чужого буржуазного национализма и империализма извне и буржуазных пережитков изнутри. История показала, что и социалистические революции также произошли «в отдельно взятой стране». Мировой солидарности не получилось. Интернационализм стал лишь методом распространения социалистической идеи, но не способом построения социализма. Строительство социализма, его бремя, легло целиком и полностью на национальный организм во всех вариантах построения социализма⁹. И здесь интернациональная идея стала рабством, тюрьмой народов, разрушением высоких национальных культур. Именно по этой причине социализм подспудно борется в дальнейшем с интернациональными факторами внешней угрозы: советская империя упраздняет Коминтерн (несмотря даже на его активную антифашистскую деятельность)¹⁰,

выдавливает основную массу яростных революционеров и интернационалистов из своего организма – особенно разного рода мелкобуржуазную мразь. А китайский социализм сразу же становится на национальную основу – ему пришлось обеспечивать государственный суверенитет, также как до этого Советской России воевать с интервенцией враждебных буржуазных национализмов, объединившихся в своеобразный имперский интернационал для уничтожения на российских территориях какой бы то ни было государственности.

Марксистский интернационализм – это социальная форма универсализма, порожденная по образу и подобию рационального материалистического метода философии и науки. Из диалектики природы по Энгельсу: интернационализм есть стремление к единству, но единству совокупному, логически-рациональному. Он искусственно конструируется, не учитывая органичности социума, естественности его роста и развития, «лепит» единство из не сочетаемых элементов, не считаясь с целостностью, как необходимым принципом любого единства¹¹.

Что касается создания на Западе частичного социализма – института социального государства и «государства благосостояния», то необходимость социализации этих стран также состояла в противодействии интернациональному капиталу и одновременно Интернационалу мировой революции. Здесь социализм был еще средством, а не целью. Он был необходим для борьбы именно за национальную целостность против безумия международного биржевого капитала, мировой революции и их смертельного противостояния – с двумя попытками мировой гегемонии: «железной пяты» и «диктатуры пролетариата». Против их универсализма, как внешнего, так и внутреннего стояла нация. И так как основой этого противостояния была универсалистская «классовая борьба» непримиримая с обеих сторон, которые в свою очередь порождали и поддерживали друг друга в соответствии с догмами материалистической диалектики, то само собой напрашивалось единственное разрешение этой бури – национальное. Необходимость социалистического общества стала исторической закономерностью, но в тотальном ключе борьбы «интернационала пролетариата» и мировой империалистической реакции капитала ее разрешить не удалось: «Ангсоц» Оруэлла, также как и «Железная пята» Лондона – модели гегемонии диктатуры пролетариата и олигархии остались неосуществленными.

В западных странах, как и положено в буржуазном обществе с его частным принципом жизни, социализм стали строить как частичный, национальный и социальный институт через либеральную демократию, создание среднего класса, систему социальных гарантий и страхования, создание социальных фондов. При этом буржуазия сегодня утверждает, что социализм как уклад жизни невозможен, хотя для них это естественно – ведь такой задачи буржуазное общество и его частный принцип себе не ставили и неспособны осуществить по определению. Однако именно благодаря идее социализма сформировался развитый капитализм. Это – факт, и он очень неприятен для буржуазии. Но фактом остается и то, что социализм не был построен до конца, речь уже не идет об эфемерности коммунизма, который своей принципиальной практической непоследовательностью всему этому поспособствовал. В связи с этим у либеральных идеологов появились основания называть систему наиболее социально-развитых государств «социал-капитализмом»¹²: переходная половинчатая форма. Но без «социал» уже не обойтись. Причем данную «почти» социалистическую модель удалось реализовать в рамках только национальных государств. Сегодня эта система рушится вновь из-за усиления универсалистских тенденций буржуазной реакции, последнего проекта империализма – экономической глобализации. Система западного социализма – социал-демократия – разваливается из-за неспособности в должной мере обеспечить своими стандартами насильственно космополитизирующееся новыми «архитекторами» разума общество и государство. Западная социал-демократия и христианская демократия перешли к реформизму на базе национальных государств, хотя по-прежнему отрицают национальную природу

социальных достижений во имя универсализма либеральных идей, что сегодня приводит к всплеску правого ультранационального радикализма – нации не хотят делиться своими достижениями с другими, с «мировым пролетариатом». К примеру, социал-демократическая партия Швеции требует, как и ранее «развития всех и каждого» на волне экономической глобализации, но на деле Швеция в силах обеспечить этим развитием только шведов, граждан Швеции, а не остальные 6 млрд. населения планеты. То есть «шведская модель» - национальная: лозунг ее построения был двойным «Швеция – для всех шведов». В известный всем шовинистический тезис добавили идею социальной справедливости и равенства. Она не может удовлетворить через свои гуманные социальные принципы нахлынувшие орды мигрантов. Глобализирующиеся правящие элиты государства в рамках своего гегемонического интернационального проекта вообще не заинтересованы в стабильности, которую ранее обеспечивали национальные институты. Международные правительственные организации намерено требуют у государств соблюдать их системам социального обеспечения универсалистские принципы, чтобы надорвать, перегрузить их непомерным давлением социальной ответственности, а затем лживо показать, что социализм невозможен и вновь, повернуть вспять исторический прогресс ради империалистической прослойки господ. Таким образом, западная модель социализма рушится вне пределов общности, которая ее создавала, и которую этот социализм поддерживал, иными словами теряется равновесие, ставшее возможным лишь в рамках нации, но не способное быть «всемирным», «всеобщим», «общечеловеческим». Что лишний раз убеждает в том, что социализм способен развиваться только в отдельно взятой стране, для отдельно взятой нации и лишь со временем распространяться, как образец, а не экспансия на другие сообщества. По преимуществу так было со всеми предыдущими историческими формациями.

В связи с этим приведем еще интересный факт, относящийся к становлению «государства благосостояния» - частичного западного социализма. Столь ярко провозглашающей себя как социал-демократия «шведской модели» для достижения подлинной солидарности в рабочем движении и профсоюзах в 20-х гг. прошлого столетия пришлось ввести объединительную концепцию «государства как народного дома», заимствованную у националиста Рудольфа Челлена, который ввел в мировой обиход понятие «геополитика». Челлен видел в «народном доме» автаркию, а социал-демократы, взяв само понятие, сделали упор на социальную справедливость и гармоничное развитие¹³. Именно эта идея стала основой одной из самых успешных форм общественно-экономического устройства XX в. Использование понятия «народный» красноречиво говорит о необходимости учета идеи нации и ее традиций и менталитета в социальном строительстве. Однако выверты нынешнего извращенного сознания представляют «национальное», как культурно-историческое дополнение (комплиментарность) к социальной системе. Хотя очевидно, что культура и история самый что ни на есть детерминизм любой социальной системы. Она вырастает из исторического культурно-расового своеобразия, обретает свою форму, свое содержание и направление развития. Поэтому-то *современная геополитика является на деле ничем иным, как конечной формой национализма*, определяющей поведение всех участников международного сообщества. И никто не отказывается от участия в этой игре.

Но посмотрим, что творилось с социалистической идеей там, где она пробивалась революционным путем.

В государствах, где социализм как идея победил полностью в силу крушения национального империализма и монархий, не удалось создать демократии, по причине острой необходимости отстаивать новые завоевания и становление нового уклада в упорной беспощадной борьбе с империализмом и его гегемонией. На империю, тотальный социализм смог ответить лишь империей. В разных случаях мировая революция довольно быстро сходила на нет, так как остро стояла задача суверенитета нового строя (Советский союз).

Или же мировая революция была отвергнута вовсе, в связи с необходимостью национального возрождения, которое было невозможным без решения социальных проблем в небуржуазном ключе. Однако и в противовес мировой революции, и в противовес внешнему империалистическому давлению, как национальному, так и интернациональному (что естественно мешало национальному возрождению) пришлось опираться на национальную буржуазию как на врагов Версаля и мировой революции, которые взаимно выступали против национального возрождения. Но национальная буржуазия также не была врагом своему капиталистическому укладу и по-прежнему лелеяла национальную имперскую гегемонию. Случилось это так, потому что буржуазию чрезмерная социалистическая перспектива пугала больше, нежели привычная национальная империалистическая. В конце концов, имперский – буржуазный национализм перевесил социализм, который больше эксплуатировался для усиления нации, но для буржуазных целей. Таков был «третий путь», вариант построения социализма в Германии. Его неудача лишней раз показала, что на компромиссах с буржуазией никакого социализма не построишь. Светлые идеи были втоптаны в грязь старого мира¹⁴.

В СССР социализм также стал подчиненным имперской идее гегемонии мировой революции, что и привело его к крушению – социализм строился ради гегемонии социализма, от своих реальных целей: работы на социальную защиту, обеспечения общества он отошел. Но в обоих случаях, в общем и целом он строился в рамках одного государства, в значительной степени опираясь на национальную сущность, на становой хребет основной нации¹⁵. А разрушен был повсюду извне – идеями гегемоний, как идеей единой империи под эгидой одной нации, так и гегемонией интернационального капитала, впрочем, как и гегемонией интернационала рабов этого капитала, которые в борьбе своих элит пытались разрушить устои друг друга.

За социально-политический прорыв и интенсивное антагонистическое противостояние социалистической и буржуазной систем культурно-историческими сообществами была заплачена огромная кровавая цена. В итоге интернационалы капиталистов и коммунистов (блоки) разрушали нацию и социализм ради всеобщего пролетарского стада, другие просто свергали правящий класс, чтобы перехватить пролетаризацию у своих противников, обещая массам «все» и социализм, ради их энтузиазма.

Таким образом, можно сделать вывод, что социализм – не гегемония и неосуществим вне нации. Он является таким же антиуниверсальным феноменом как и нация¹⁶. Социализм – уклад на основе внутренне единой общины, каковой в максимуме может быть только нация. Социализм базируется на нации и потом распространяется на периферию социума и на государственный организм в целом. В рамках универсальных проектов – гегемоний и империй, социализм оказался нежизнеспособен и существовал исключительно за счет эксплуатации национального базиса – культурного и исторического. Исходя из этого, можно смело утверждать, что социализм может быть только национальным.

Однако новое злокачественное перерождение империализма, усвоившее принципы экспансии интернационала – глобализм и нетократия: транснациональные корпорации, международные правительственные организации, международные финансовые организации – *не хотят* никакого социализма. Коммунисты-интернационалисты *не могут*, не в состоянии его полностью построить, особенно в мировом масштабе. Получается, социализм невозможен, а нация и теми и другими вообще сегодня отрицается. Интернационализм в политике показал, что он есть разрушительное начало. Его еще в какой-то мере можно признать для культурного диалога в творчестве, в науке, в международной интеграции, но не в политике¹⁷. Интернационализм в политике, как показывает история, это союз, направленный на разрушение чего-либо цельного, национального, государственного. Иными словами он представляет собой на практике метод разрушения: он объединяет лишь для разрушения, для победы над чем-либо

суверенным и сильным, единым (цельным), ради власти и доминирования. И в первую очередь он против национального суверенитета. Подлинный же национализм в своей основе от альфы до омеги подчинен нации, ее единству и суверенитету. Он, как народничество, направлен на внутреннее созидание, как патриотизм – на сдерживание внешней экспансии, и лишь как буржуазное, т.е. реакционное явление на внешнюю экспансию. Интернационализм разрушает целостность ради частных целей элит или диаспор. Универсализм разрушает различия, характерные признаки своеобразия разных сообществ, также ради господства агрессивных элит, диктатур, олигархий¹⁸. Это универсализм «золотого тельца» - потребление и деньги, то, чем он измеряет мир, то, что объединяет нынешних господ. Таким образом, и пролетарский и буржуазный интернационал и потребительский универсализм являются политикой разрушения нации, ее суверенитета, ради власти над народом¹⁹.

Но вместе *нация и социализм* – изгой интернационалов имеют много общего. Нация – это община, социализм был изначальным общинным укладом, как примитивный социализм – родовой строй. Сейчас ему предстоит стать вновь таковым на более высоком (национальном) уровне через тысячелетия жесткой социально-экономической стратификации, которая пришла к своему кризису развития, и вынуждена возвращаться к глубоким традициям – либо к реакционным, либо к народным и общинным. Социализм станет сначала социальным и государственным институтом, затем государственным строем, и, наконец, он станет социальным укладом, способом жизни всего общества и нации. Будет ли он исторической формацией жизни всего человечества загадывать преждевременно. Но, в первую очередь, социализм станет *национальным идеалом* – не либеральным или интернациональным, а высшей ценностью народного духа.

Идейная борьба политической дихотомии «правое» vs. «левое» за последние 100-150 лет исчерпала себя. Для нынешнего политического поколения итогом стал постмодернизм, который не сделал практически никаких позитивных выводов из право-левой борьбы. Но если очистить от шлаков, коррозии истории и философии это поле битвы, то мы получим следующий довольно бескомпромиссный результат: *есть безусловно верные левые идеи, и есть безусловно верные правые идеи, которые необходимо воплотить в обществе органично в единое целое*. Поэтому естественным образом и возникает учение, идея, которая называется национальный социализм.

Идея национального социализма не есть изобретение. Она объективно детерминирована условиями исторического развития социалистической идеи. Ее появление закономерно и логично, так как национальные отношения социально значимы и приоритетны для любой политической системы до сего дня. Подобно тому, как социал-демократия отделилась от идей марксизма, отказом от насильственного метода построения социализма: диктатуры пролетариата и мировой революции, также и национальный социализм должен был появиться внутри бурного моря социалистических идей, как вариант, как антиномия и Альтер-эго интернационализму – универсальной части социалистической идеи.

Сущностью нового социализма может стать народническое государство. Недаром азиатские коммунисты дали своим государствам определение «народная республика», хотя там пока что «диктатура пролетариата». Социализм не может быть диктатурой или демократией, как не может быть и чем-то средним. Его задачей является: дать форму правления и структуру государства, которой не было еще до сих пор в истории, которую предстоит изобрести, а скорее выстрадать, органично вырастить. Есть и опыт «вождизма», «культы личности», и «диктатуры пролетариата», «однопартийной системы», которым не хватает демократии. Есть и опыт «демократизации общества», «социального государства», которым не хватает в свою очередь авторитета, народной соборности, единоволия и порядка. Истории и новым поколениям предстоит разрубить «гордиев узел» этих социальных противоречий.

Национальный социализм – очевидно более естественная и закономерная эволюционная модель построения социализма и развития культурных наций.

Комментарии.

¹ Так, например, национальная сущность социализма проявляется в принятой в 1875 г. программе Социалистической рабочей партии Германии, известной, как «Готская программа»: *«Рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего в рамках современного национального государства, сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов»*. Конечно, интернационал никуда не делся, но Маркс в своей критике этой программы фактически обвиняет ее создателей в отказе от интернационализма. Хотя делает это тоже с весьма красноречивыми оговорками (см. ниже). А вот, что пишет его друг Энгельс: *«Так называемое «социалистическое общество» не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям. Решающее его отличие от нынешнего строя состоит, конечно, в организации производства на основе общей собственности сначала отдельной нации на все средства производства»*. Sapientis sat, как говорится.

² Подробнее об эволюционной концепции и вообще о развитии социалистической идеи см. Вебер М. Социализм// Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Том II. – Выпуск 3. (Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене(1918 г.)). Идею о том, что социализм возможен в результате эволюции вначале в самых развитых странах, подхватили правые социал-демократы (Второй Интернационал), несогласные с методом насилия – революцией. Они считали достаточным такие методы борьбы, как стачка, забастовка, партийная и парламентская борьба, просвещение. Они прямо пошли на оппортунизм с буржуазией – вместо классовой борьбы, сотрудничество классов. Притчей во языцех стало предложение известного шведского социал-демократа П.А. Ханссона «не забивать «корову капитализма», а доить ее на благо всего народа». Зато куда менее известна оборотная сторона самого значимого триумфа социал-демократии - «шведской модели». 60 тысяч граждан этой страны, не являющихся этнически чистыми шведами, были принудительно стерилизованы в период с середины 30-х до середины 50-х годов. В городе Упсала был создан институт по расовой биологии. Именно здесь с 1922 по 1946 гг. велись активные исследования в области евгеники - науки об улучшении расы. Шведский исследователь Мацей Заремба напрямую сравнивает идеологию правящей тогда и сейчас социал-демократической партии Швеции с идеологией национал-социалистов Германии. Шведским социал-демократам принадлежит идея создания социальной модели всеобщего равенства (получившей название «Народного дома»), где основополагающую роль играла солидарность работодателей и рабочих. Однако в проекте «Народного дома» был заложен один существенный нюанс: солидарность предполагалась хотя и между людьми разных классов, но одного расового, читай нордического, происхождения. Стерилизации подверглись в основном шведы с примесью цыганской, еврейской и славянской крови. Демографы А.и Г. Мюрдали, осуществлявшие прогрессивную семейную политику в Швеции в те же годы, также придерживались точки зрения о сохранении расовой и этнической гомогенности в интересах национальной защиты. (см. напр. Панкратова С. Самый стерильный социализм// <http://www.bmw2.ru/inter-skandal.html>).

Очень кстати будет упомянуть настойчивые утверждения Леона Дегрелля в «Эпопея: история Ваффен СС» о достижении фюрером классового сотрудничества в Третьем рейхе. Дегрелль в своем пафосном героическом жизнеописании той исторической эпохи выписывает социальное развитие Германии 30-х прямо-таки в социал-демократическом ключе вплоть до идеи Евросоюза.

³ *«Само собой разумеется, что рабочий класс, для того, чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организовать как класс и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в «Коммунистическом Манифесте», «по форме» национальна»* (Маркс К. Критика готской программы//Избранные произведения. Том II. – М., 1948. – С.17).

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – С.288.

⁵ Маркс К. Капитал. Т.1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – С.754.

⁶ Практически во всех словарях советской поры социализм считается в соответствии с догмами марксизма какой-то очень временной, переходной, транзитной стадией на пути к коммунизму. Причем он всего лишь часть внутри коммунистического строительства, весьма несовершенная. Для примера: *«Социализм и коммунизм – две стадии коммунистической общественно-экономической формации: социализм – ее первая, или низшая, фаза, коммунизм – высшая фаза. В основе их различия лежит степень экономической зрелости»* (Философский словарь. – М.: Издательство политической литературы, 1963. – С.420.).

Хотя именно наше поколение стало очевидцем, что даже эта «переходная» стадия оказалась недостижимой для коммунистов. А все потому, что нельзя идти против логики собственного историзма и законов истории вообще – революционный рывок возможен, причем с неоднократными реставрациями старых, традиционных, консервативных, а порой и реакционных устоев (о чем сами же вожди марксизма-

ленинизма не раз писали), что мы сегодня и наблюдаем на примере нового империализма – глобализма. Но перескок через стадии, либо очень быстрое их прохождение – это утопия. За презрение к истории, к становлению поплатились все формы социализма. Практически все архитекторы социализма сделали заключение, что им не хватило времени его построить. Скорее им не хватило терпения – внешнее давление врага – буржуазии – было очень сильным, и они бросились в самые непредсказуемые исторические авантюры.

⁷ «Подтверждением служит знаменитое решение времен войны **[Первой мировой – Б.З.]** — создание Второго интернационала. Он собрался за день до начала войны в Европе. Там была принята резолюция о том, что никто не будет голосовать в поддержку войны, потому что это буржуазная война и рабочие в ней не заинтересованы. Двумя днями позже они все проголосовали за военные действия — в Англии, Германии, Австрии, Италии, везде. Они все поставили национальный интерес перед классовым чувством. То же самое произошло и в России после революции: лозунг о построении социализма в отдельно взятой стране и восстановлении империи вытеснили цели и лозунги мировой пролетарской революции». (см. Валлерстайн И. Система переживает коллапс//© РУССКИЙ АРХИПЕЛАГ - TraditionalLib.narod.ru)

⁸ Вожди мирового пролетариата очень даже понимали угрозу национальной сущности социализма для их интернациональной борьбы. Разбирая политическую ситуацию после роспуска Думы в газете «Наше слово» №10 от 13 января 1916 (!), Л.Д. Троцкий с присущим ему ехидством замечает однако, что «в сущности между черносотенством, с одной стороны, национальным либерализмом и национальным социализмом, с другой, нет никакой пропасти» (Троцкий Л.Д. События идут своим чередом. Европа в войне (1914 - 1918 гг.). С еще большим беспокойством и негодованием к «социал-национализму» отнесся В.И. Ленин в своей небольшой статье «К вопросу о национальностях и об «автономизации» (Ленин В.И. Избранные произведения. Том 3. – М, 1969. – С.700-705). Причем он оправдывал его для национальных меньшинств, перекидывая вину за него в форме подспудного «великорусского шовинизма» прямо на русский народ (а заодно на Сталина и Дзержинского, как на «обрусевших инородцев»). В данном документе интернационализм предстает во всем своем цинизме. Главный принцип коммунистического интернационализма – это унижение и самоунижение «великой» нации перед инородцами во имя упрочнения пролетарской классовой солидарности: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия...Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактической...Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством великодержавной нации...потому что ничто так не задерживает развития и упрочненности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». Вот такая большевистская логика: всеобщее равенство за счет неравенства – унижения национального большинства. На деле политика интернационализма – это вывернутый наизнанку империализм.

⁹ Даже Сталин признал основополагающую роль титульной нации в жизни Советского государства. На приеме в Кремле в мае 1945 года Сталин провозгласил свой знаменитый тост во славу русского народа: «Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

Левый социалист Отто Рюле в 1939 году прямо обвиняет большевизм за его скрытую национальную сущность: «Большевизм является националистической доктриной. Призванный изначально и по существу решать национальную проблему, он был позднее превращен в теорию и практику на международном уровне». Хотя большевизм эксплуатировал нацию, а не возвышал ее, особенно в Советском союзе, через интернационалистическую уравниловку. (Подробнее об этом различии см. концепцию об «анагогическом» и «катагогическом» тоталитаризме у Ю. Эволи «Фашизм с точки зрения правых»).

¹⁰ Сам Коминтерн (III Интернационал) создавался как замена, потерпевшего крах Второго Интернационала, и был, таким образом, свидетельством очень серьезных противоречий внутри Мировой революции. «В партиях Германии, Англии, Италии и других появилась болезнь «левизны», сектантства» - т.е. политическое дробление усугубилось право-левой моделью, где советские коммунисты были правыми, считали свою точку зрения единственно правильной, а левые коммунисты и центристы – были либо сектантами, либо оппортунистами буржуазии. К началу сороковых пламя мировой революции потухло.

«Дальнейшее руководство компартиями из единого центра могло лишь тормозить рост коммунистического движения. Еще VII конгресс Коминтерна в своей резолюции по докладу Исполкома подчеркнул все возрастающую роль и ответственность каждой секции и необходимость сосредоточения оперативного руководства в самих секциях. Конгресс предложил тогда Исполкому избегать непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела компартий. Учитывая новую обстановку, Президиум ИККИ с одобрения подавляющего большинства коммунистических партий в мае 1943 принял решение о роспуске Коммунистического Интернационала» (см. Политический словарь. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – С.275-278). Налицо «феодалная раздробленность». Все разбежались по своим национальным нормам.

¹¹ Резко против марксистского интернационализма и его попытки мировой революции и одновременно буржуазной «социальной» политики в защиту национальной сущности социализма выступил один из виднейших лидеров немецкого «национально-революционного» движения 20-х, идеолог «консервативной революции» Меллер ван дер Брук: «Революция прежде всего исказила социализм. Лишь из нее вырастает в пролетариате в качестве “движения снизу” то, что мы называем его участием в жизни нации. И это участие должно быть безусловно осуществлено в Третьем Рейхе, если ему суждено иметь в людях прочность: но не только как материальное участие, как того и поныне требует коммунизм, путающий класс с нацией. Социализм не дает осуществлять себя снизу, как предполагает марксизм. Социализм не дает осуществлять себя и сверху, как допускала бисмарковская и вильгельмовская социальная политика. Социализм даст осуществить себя лишь путем сотрудничества низов и верхов, а не путем социализации прибылей, как полагал Маркс, не делавший различий между предприятием и гешефтом. Он осуществится лишь как социализм самого предприятия, основанный на взаимодействии хозяйственного руководства и трудовой отдачи и устанавливающий равновесие между доходами и запросами». (см. Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931 (3. Aufl.). S. 300-322.: Последняя глава этой книги имеется в И-нете на русском языке и практически полностью посвящена данной теме в русле германской исторической ситуации). Далее можно уже перейти к понятию *органичности* – как важнейшему свойству нации и социализма. Как нельзя лучше это понятие раскрывается у Х. Ст. Чемберлена в «Арийском мирозерцании»...

¹² см. напр. Зубко М. Шведская модель справедливости// <http://www.pnp.ru/archive/12090734.html>

¹³ Лукьянов Ф. Шведская модель и геополитика.// <http://www.globalaffairs.ru/articles/0/4478.html>

¹⁴ «Например, в программе национал-социалистической партии был и такой: «Уничтожение процентной кабалы». Но роль процентов осталась прежней, если не большей, капиталы по-прежнему размещались и приумножались, превращались в замки и бриллианты, а если что и уничтожалось, то отнюдь не проценты...» (Бенн Г. Двойная жизнь// <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/2/gbenn.html>)

¹⁵ «Мне нет необходимости разъяснять своему другу-коммунисту, что для меня народ и нация нечто иное, чем для красная с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке. Русская Советская система, которая отнюдь не доживает, последние дни, тоже не интернациональна, она носит чисто национальный русский характер. Ни один царь не понял душу русского народа, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства», - так писал Й. Геббельс в 1925 г. (цит. по Север А. Предисловие к книге О. Штрассера «Гитлер и Я»). В те годы в Германии была весьма популярна теория о «молодых народах» в «национально-революционной» среде, в «консервативной революции», которая рассматривала немцев и русских, как народы, бросившие вызов старой системе мира, вообще западной цивилизации. Революции в России и Германии расценивались практически, как новое великое переселение народов (см. А. Север, С.Г. Алленов, Ю. Ригер). Вообще же исследователи находят много сходств между двумя противоборствующими политическими течениями 20 в. Одни ангажировано очерняют их посредством структурных сходств, взаимосвязей, общностей (Х. Арндт, В. Райх), другие находят сходства, но также искренне отмечают и частные различия, делая выводы о разнице между этими течениями (Л. Люкс, Р. Гриффин). Но они пользуются в основном терминами и методологией, не учитывающей подходы самих этих течений. В частности, различия между коммунизмом и НС становятся закономерными и абсолютными при введении такой категории НС-мышления, как «полярность». Особенно наглядно обстоит дело именно с социализмом. Для коммунизма, социализм явление скоротечное, несовершенное. Для НС – конечная цель. Далее абсолютно полярными, антагонистическими концепциями в рамках социалистического строительства стали материалистическое у коммунистов и идеалистическое у НС-мировоззрения, интернационализм vs. расизм и т.д. Марксизм и НС – «полярны», но не «противны». Их общая ось – социализм. Но и тому и другому течению «противна» буржуазная формация, и подлинны силы, ею управляющие. И здесь снова возникает «полярность», много споров о природе и необходимости «классовой борьбы». Но это тема уже для специальной дискуссии. Все же спекулятивные тождества коммунизма и НС относительно такого понятия как «тоталитаризм» легко обнаружить в любой из форм империализма, даже в его «демократических» ипостасях.

¹⁶ Исчерпывающее изложение антиуниверсальной природы нации дано в «Мифе XX века».

¹⁷ Тезисы данного абзаца хорошо иллюстрирует статья «Сущность власти» А. Боймлера.

¹⁸ В настоящее время в рамках экономической глобализации реализуется концепция «либерального интернационализма» - многосторонности (мультилатерализма). Подробно см. Моро-Дефарж Ф. Многосторонность и конец истории: *«Концепция многосторонности лежит в основе многих западных принципов универсальной направленности. Равенство участников, продвижение письменных норм, мирное урегулирование конфликтов – все это задумано для универсального применения. В то же время многие многосторонние организации оказываются инструментами в руках давно устоявшегося распределения сил. Генеральная Ассамблея ООН, в которой все государства-участники равны между собой, лишь дает рекомендации. Юридическая власть, которая предполагается в главе VII Устава ООН, остается в руках олигархического органа – Совета Безопасности. Международный валютный фонд (МВФ), объявляющий свои принципы универсальными, является выразителем финансовой ортодоксальности: взять хоть небезызвестный «консенсус Вашингтона». ВТО вынуждает все страны-участницы соглашения подчиняться либеральным торговым правилам и ничего не хочет знать о фактическом неравенстве положений, так как все страны - и развитые, и развивающиеся - подразумеваются равными. Равенство - всего лишь фрак, надеваемый, чтобы узаконить превосходство западных стран. К тому же, все эти многосторонние структуры развивают бюрократию, которая видит себя выразителем общих интересов человечества, а на деле навязывает всему миру собственные нормы».*

¹⁹ *«Сегодня ориентированные на космополитизм государства Запада располагают всеми козырями и возможностями, чтобы в полной мере использовать новый властный ресурс под названием «права человека»: темы глобального гражданского общества предоставляют сообществу западных государств, действующему по всему миру, идеологическое оружие для всемирно-экономических и военных «крестовых походов» (Бек У. Космополитическая глобализация. <http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>). См. также Бек У. Трансформация политики и государства//Свободная мысль XXI. – 2004. - №7. – чудовищный антинациональный манифест либерального интернационализма.*